

Луи
Жакомо

ПОКОРИТЕЛЬ
ДЖУНГЛЕЙ

НОВАЯ
Библиотека
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

The Blue
The Blue

Scan Kreyder - 28.07.2015
STERLITAMAK

НОВАЯ
Библиотека
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Луи Жакомо

ПОКОРИТЕЛЬ ДЖУНГЛЕЙ

ЯРОСЛАВЛЬ
НЮАНС
1992

Часть первая

ОЗЕРО ПАНТЕР

Глава I

Адамов пик. — Прибытие парохода. — Озеро Пантер. — Восстание сипаев.

Первые солнечные лучи начинали разгонять неясные тени с бескрайней глади Индийского океана, его спокойные и безмятежные воды едва морщило дуновение свежего утреннего ветерка. Древний Тапробан, Цейлон, волшебный остров, Земля наслаждений — Тео-Тенассерим, как называют его бирманцы, постепенно пробуждался, и свет заливал его остроконечные горные вершины, покрытые вечной зеленью, его тенистые долины, служившие убежищем для крупных хищников, его берега, изрезанные чудесными бухтами, где кокосовые пальмы, раскинув веером широкие листья, подступали к самой воде.

По всем тропинкам, стекавшимся к городу Пуант-де-Галль, легкой поступью сбегали сингальцы, неся на голове корзины с фруктами и овощами, циновки, глиняную посуду, шкуры тигров и пантер, а также местные сувениры, которые они собирались предложить многочисленным путешественникам, ожидавшимся в этот день пароходами из Европы.

Было начало мая 1858 года, самый разгар восстания Индии против английского владычества, и три корабля с

солдатами и офицерами, чиновниками гражданских служб и иностранными добровольцами, а также французский почтовый корабль «Эриманта», о прибытии которых сообщалось накануне, ждали рассвета, чтобы по единственному и узкому проходу войти в гавань.

За несколько лье отсюда, на одном из высокогорных плато Соманта-Кунты, покрытом почти непроходимыми девственными лесами, на берегу маленького озера с прохладной, прозрачной водой, которое местные жители называли озером Пантер, двое мужчин, опершись на карабины, с морскими биноклями в руках, казалось, с неослабным вниманием и интересом наблюдали за прибытием кораблей. В нескольких шагах от них крепкого сложения индус-маратх с пышными усами, густыми и жесткими бровями разжигал валежник, чтобы приготовить на костре завтрак, ему помогал юноша-метис, малабарец лет двадцати.

Маратх был мужчина в расцвете сил, лет тридцати пяти, высокий, хорошо сложенный, с лицом умным и энергичным. Он сохранил все черты расы победителей и воинов, которая в течение 75 лет отчаянно сопротивлялась Ост-Индской компании. Унаследовав ненависть предков к угнетателям своего народа, он слышать не мог об англичанах, и всякий раз, как о них заходила речь, улыбка ненависти и бессильного гнева придавала его физиономии выражение особой жестокости.

Поэтому он был просто опьянен известием о восстании, которое ставило господство англичан на волосок от гибели. Восстанию этому он всячески содействовал с того самого дня, когда Нана-Сахиб призвал к мятежу полки сипаев в Дели и восстановил в королевских правах старого набоба, потомка Ауранг-Зеба.

При первых вестях о восстании он попросил у хозяина разрешения присоединиться к армии Наны, которая вела осаду Лакхнау, но тот ответил ему: «Нет, Нариндра! (Так звали маратха). Ты мне нужен. Кроме того, у тебя не раз еще будет возможность утолить свою ненависть к англичанам. Очень скоро мы будем у стен Лакхнау». Нариндра остался, и ему не пришлось раскаяться в своем повиновении.

Имя юного малабарца, который помогал Нариндре в его кулинарных хлопотах, было Ковинда-Сами, но по-дружески его называли обычно Сами. Он исполнял при хозяине обязанности его личного слуги, мы бы сказали — камердинера, если бы это слово не звучало слишком претенциозно в глуши индостанских джунглей.

Что касается двух особ, которые у подножия последнего отрога Адамова пика, возвышавшегося более чем на 2000 метров, наблюдали за прибытием в Пуант-де-Галль французского и английских кораблей, казавшихся им, учитывая расстояние, всего лишь черными точками на лазурной ска-терти, то они заслуживают более подробного разговора, так как именно в них и состоит главный интерес нашего повествования.

Несмотря на бронзовый загар, которым долгая и бурная жизнь, полная приключений и проведенная под тропическим солнцем, словно патиной, покрыла их лица, с первого взгляда было ясно, что принадлежат они к белой расе. Старший, лет сорока, роста значительно выше среднего, был стройный, могучий, подвижный человек без малейшего намека на полноту. С непринужденностью и лихо-стью, свойственной военным, он носил типичный костюм всех настоящих охотников и путешественников, исследу-ющих бесконечные леса Азии и обеих Америк или аф-риканские пустыни: на нем были брюки с гетрами, доходившими до колен, охотничья куртка, подпоясанная широким ремнем, на котором висели револьверы, охот-ничий нож, служивший при необходимости штыком, и патронташ. Голову защищал шлем, сделанный из сердце-вины алоэ и обвитый переплетенной кисеей, которая дол-жна была уменьшать палящий жар солнца.

Внешность этого искателя приключений отличалась ари-стократическим изяществом, лицо его украшали тонкие, шелковистые усы, закрученные на кончиках кверху; тем-но-голубые глаза и хорошо очерченный насмешливый рот привлекали к себе внимание. Все черты его волевого лица невольно заставляли вспомнить о типе французского офи-цера кавалерии, сделавшемся известным благодаря рисун-кам Детайя.

Наш герой действительно принадлежал к этой нацио-нальности и какое-то время служил в армии. Благородство его манер, тщательность, с которой он заботился о своей персоне, несмотря на беспокойную жизнь, которую ему приходилось вести, изысканные выражения, которыми он пересыпал речь, — все указывало на то, что он не при-надлежал к породе обычных авантюристов, выброшенных на чужеземные берега из-за прискорбных недоразумений с правосудием собственной страны. Но каково было его про-шлое? Чем он занимался до приезда в Индию? Семейно, друзей, родину не покидают без серьезных на то причин и без надежды на возвращение. Когда прибыл он на Землю

лотоса? Никто не мог ответить на эти вопросы, даже его спутник, с которым мы вскоре познакомимся ближе.

В течение уже многих лет он странствовал по Индостанскому полуострову — от Цейлона и мыса Кумари до вершин Гималаев и истоков Инда, до границ с Тибетом и Китаем. Его сопровождал верный Нариндра, к которому присоединился юный Сами. Произошло это в ту пору, когда его нынешний спутник стал делить с ним тяготы жизни в джунглях, полной таинственных приключений. Но никогда, даже в минуты грусти и одиночества, когда человек ищет дружеское сердце, чтобы излить перед ним воспоминания о прошлом, не вырвалось у него ни единого слова, ни малейшего признания, которые имели бы хоть какое-то отношение к его прежней жизни и причинам, заставившим его покинуть родину.

Неизвестно было даже его имя — ни подлинное, ни вымышленное. Индусы звали его Белатти-Срадхана, что буквально означает «чужеземец, покоритель джунглей», для слуг он был просто сахиб или Сердар, что означает повелитель или командир.

Своему спутнику, которого француз встретил случайно у крепостных стен Бомбея, где расстреливали сипаев, их жен и детей, и с которым его сблизила их общая жажда мести по отношению к англичанам, он кратко представился так:

— В детстве меня звали Фредерик. В память о тех счастливых временах зовите меня Фред.

— All right!* Отлично, мастер Фред, — ответил его собеседник.

Это было все, что его новому товарищу удалось узнать. Сам же он, напротив, рассказал свою историю во всех подробностях.

Боб Барнетт — так его звали — родился в Балтиморе и происходил из старинной американской семьи. Как истый янки, он испробовал все профессии, которые допускались приличиями. В нежной юности он пас индюков и коров, затем был зубным врачом и школьным учителем, журналистом, адвокатом и политиком. Кончил он тем, что записался добровольцем в армию генерала Скотта во время мексиканской кампании 1846 года и заслужил эполеты полковника федеральной армии.

Уволенный со службы после подписания мирного договора, он отправился в Индию и предложил свои услуги

* Все в порядке! — (англ.)

радже Ауда, армия которого была обучена французскими генералами Алларом, Мартеном и Вентурой и который с благосклонностью принимал всех иностранных офицеров. Его назначили на должность командующего артиллерией в чине генерала, он получил в свое владение дворец, земли, рабов. Перед ним открывалось прекрасное будущее, его ждали богатство и почести, когда лорд Дальхузи, вице-король Индии, поправ все договоры и высшие законы права и справедливости, отнял владения у раджи Ауда под следующим лживым предлогом: несчастный монарх не умел управлять государством, и царящий в нем беспорядок служил дурным примером для соседних владений английской Ост-Индской компании.

В таких именно дерзких и попирающих всякую мораль выражениях и был составлен декрет, закрепивший этот возмутительный грабеж.

Раджа, не желая напрасно проливать кровь, благородно покинул престол, протестуя против этого пиратского акта, и отправился в Калькутту, где вместе со всей семьей был заточен во дворец на берегу Ганга. Ему угрожали лишением пенсии при малейшей попытке протеста.

Генерал Боб Барнетт получил приказ в двадцать четыре часа покинуть не только дворец раджи, но и столицу, и территорию Ауда. В случае неповиновения, по словам офицера, доставившего приказ, ему грозил расстрел как мятежнику.

С этого дня янки жил только надеждой отомстить, и восстание сипаев, в котором, как мы увидим, он сыграл важную роль, произошло весьма кстати, позволив ему утолить жажду мести.

И физически, и духовно Боб был полной противоположностью своему спутнику. Плотный, коренастый, широкоплечий, небольшого роста, коротконогий, с мощной грудью и непропорциональной телу головой, он был совершенным воплощением того англосаксонского типа, благодаря которому вся нация получила прозвище Джона Булля, типа вульгарного и плебейского, еще часто встречающегося среди лондонских мясников, но который после полуторавекового отбора почти исчез у американских потомков первых пенсильванских поселенцев. Тем не менее в силу редкостного атавизма он проявился в Бобе во всем своем блеске.

Насколько товарищ его был хладнокровен, спокоен, рассудителен даже в минуты самой серьезной опасности, настолько бывший генерал короля Ауда был вспыльчив, необуздан и неосмотрителен. Не раз в течение девяти месяцев, когда в качестве посланцев старого императора Дели они

вместе участвовали в партизанской войне против англичан, поведение Боба приводило к тому, что они оказывались на краю гибели, и маленький отряд бывал обязан своим спасением только выдержке и мужеству Покорителя джунглей.

Боб был по преимуществу человеком действия и шел навстречу опасности, не отступая ни на шаг. В своей безрассудной отваге он всегда был сторонником самых дерзких планов, и надо сказать, что порой их невероятное сумасбродство как раз и приводило к удаче, ибо сами враги не могли поверить, что кто-то осмелится их осуществить.

Так, однажды ночью Фред, Нариндра и Боб, переодевшись в слуг, предназначенных для самой отвратительной работы, похитили из английской казармы в Чинсуре около полутора миллионов в золотых монетах по 20 шиллингов с изображением Ее Величества.

Для этого, поделив между собой работу, они должны были сделать около двенадцати ходок, минуя всякий раз часовых, которые, несомненно, приняли их за лагерную службу.

Эта дерзкая вылазка и сотни других, еще более удивительных, снискали им во всей Индии легендарную славу как среди англичан, так и среди местного населения.

Губернаторы Калькутты, Бомбея и Мадраса, единственных городов, которые благодаря приморскому положению еще признавали власть англичан, оценили их головы в огромную сумму, целую гору рупий, то есть в двести пятьдесят тысяч франков. Четыре пятых этой суммы предназначались за поимку Белатти-Срадханы, или Покорителя джунглей, тогда как Боб и Нариндра вдвоем были оценены всего в пятьдесят тысяч франков.

Подобный метод борьбы, позаимствованный из варварских времен, но весьма привычный для английских властей, готовых затем отречься от агентов, чьей низостью они воспользовались, привел к тому, что по следам наших героев пустилась целая банда висельников, которым, однако, пока не удалось обмануть их бдительность. Местные грабители и воры, единственные существа, которые достаточно гнусны, чтобы взяться за подобное отвратительное дело, в целом не отличаются храбростью, и никто из них не был способен встретиться с ужасным карабином Покорителя джунглей: Фред поражал на лету ласточку и никогда не промахивался, на каком бы расстоянии ни находилась цель.

Тем не менее Фреда и его товарищей ожидали вскоре встречи с противниками более опасными, которые брали если не отвагой, то по крайней мере числом и ловкостью.

Среди местного населения у наших друзей были свои шпионы, которые и предупредили их, что полковник Лоуренс, начальник полиции Бомбея, выпустил из исправительной тюрьмы сотню заключенных, принадлежавших к касте тугов, или душителей, членов секты богини Кали, пообещав им не только окончательную свободу, но и объявленную сумму награды, если они доставят живыми или мертвыми Покорителя джунглей и его спутников.

Нависшая над ними угроза, куда более серьезная по сравнению с тем, с чем они сталкивались прежде, казалось, не слишком испугала наших отважных друзей, так как на стоянке, известной только им одним, в Гатах Малабара они оставили маленький отряд из двадцати пяти отборных смельчаков, выбранных Нариндрой среди прежних собратьев по оружию. Обычно Покоритель джунглей расставался с ними только тогда, когда отправлялся на совершение подвигов, восхищавших индусов и внушавших мистический ужас англичанам. Удары наносились почти всегда неожиданно и в тот момент, когда страшного врага ждали совсем в другом месте. Фреду и его приятелю понадобилось редкое мужество, чтобы пересечь почти в одиночку всю восточную оконечность Индостана и рискнуть проникнуть на территорию Цейлона, не поддержавшего восстание сипаев и где рано или поздно об их присутствии стало бы известно властям Канди.

Подобного рода отчаянные вылазки на индийской земле удавались нашим героям довольно легко, ибо Срадхана всегда мог рассчитывать на помощь местного населения даже тех немногих областей, которые оставались верны англичанам. В этой гигантской революции, носившей не только национальный, но в еще большей степени религиозный характер, каждый индус более или менее открыто желал победы Нана-Сахибу и старому императору Дели. Иной была ситуация на Цейлоне, где местные жители были буддистами, между ними и их индийскими братьями стояли религиозные предрассудки. Поэтому Покоритель джунглей не только не должен был надеяться на помощь, но, напротив, мог быть уверен, что его станут травить и преследовать как дикого зверя, как только губернатор предложит корыстолюбивым сингальцам легкую и выгодную добычу.

Все заставляло предполагать, что маленькому отряду с трудом удастся ускользнуть от преследований, объектом которых он неминуемо станет, и уже одно это обстоятельство позволяло судить о важности миссии, взятой на себя По-

корителем джунглей, поскольку ради нее он готов был пожертвовать жизнью своей и своих друзей.

Они находились у стен Лакхнау, последнего оплота англичан в Бенгалии, осаду которого вел Нана-Сахиб, когда однажды вечером в палатку Срадханы явился сиркар. Чтобы заставить француза последовать за собой, он вручил ему высушенный лист лотоса, на котором были начертаны какие-то знаки. Покоритель джунглей их, несомненно, понял, ибо молча поднялся и ушел вместе с посланцем.

Вернулся он через два часа, встревоженный и задумчивый, и заперся вместе с верным Нариндрой, чтобы подготовиться к отъезду. На рассвете он послал за Бобом, командовавшим артиллерийским взводом, и хотел проститься с ним, но тот стал горячо возражать: разве не поклялись они никогда не расставаться, делить друг с другом тяготы, горести, опасности, радости и удовольствия? А теперь Фред, нарушая слово, отделяет свою судьбу от судьбы товарища. Но Боб и слышать об этом не хочет, он последует за другом даже против его воли, если это необходимо. К тому же в его присутствии у стен Лакхнау больше не было толку, так как Нана решил одолеть крепость с помощью голода. Кроме того, у него нет недостатка в офицерах-европейцах, которые жаждут заменить Боба.

Натура грубая и неотесанная, янки был в то же время способен на преданность вплоть до полного самоотречения, он был связан с Фредом узами дружбы, способной вынести любые испытания, и страдал, если ему не платили взаимностью.

Он привел свои доводы, покрасневшись и запинаясь. Искренне растроганный, Фред протянул товарищу руку и произнес:

— Милый Боб, я ставлю мою жизнь на карту из-за двух чрезвычайной важности вещей: во-первых, мне предстоит выполнить один священный долг и, во-вторых, отомстить — благоприятного момента для мести я ждал более десяти лет. Но распорядиться твоей жизнью я не имею права.

— Я дарю ее тебе, — пылко прервал его янки. — Я привык сражаться рядом с тобой, жить с тобой одной жизнью. Что мне делать без тебя?

— Хорошо, будь по-твоему, отправимся в путь вместе и, как и прежде, станем делить радости и невзгоды. Но поклянись, что бы ни случилось, не задавать мне вопросов до тех пор, пока я не смогу раскрыть тебе тайну, которая является не только моей, и объяснить причину моих поступков.

Бобу разрешили сопровождать товарища, это все, чего он хотел, и ему дела не было до причин, побуждавших того действовать. Поэтому, сияя от радости, он дал Фреду требуемое слово и тоже поспешил собираться в дорогу.

Тогда-то они покинули лагерь в сопровождении небольшой группы маратхов и спешно направились к малабарским Гатам, чтобы сбить со следа шпионов полковника Лоуренса и обмануть англичан относительно своих истинных намерений.

Маратхи под командованием Будра-Веллайи, назначенного субедаром Декана Великим Моголом Дели, укрылись в пещерах Карли, неподалеку от знаменитых подземелий Эллары, ожидая своего часа, а маленький отряд, который мы встретили у озера Пантер, на вершине Соманта-Кунты, под предводительством Покорителя джунглей направился к Цейлону через дремучие леса Траванкура и Малаялама.

Экспедиция была столь удачной, что четверо мужчин без помех прибыли в самое сердце Цейлона, оставшегося верным англичанам и превращенного ими в центр снабжения и сопротивления индийскому восстанию. При этом англичане ни секунды не подозревали о прибытии своих самых заклятых и ловких врагов.

План Покорителя джунглей — наша привилегия историков позволяет нам частично раскрыть его перед вами — был велик и принадлежал истинному патриоту. Этот гениальный искатель приключений мечтал отомстить англичанам за все их предательства, отомстить за Дюплекса и Францию и восстановить французское господство в Индии, изгнав оттуда ее нынешних угнетателей. К настоящему моменту против англичан поднялась только Бенгалия, но если бы все южные провинции, входившие некогда в Декан, последовали примеру северных братьев, с британским владычеством было бы покончено. Достичь этого было проще простого, ибо воспоминания, оставленные французами в сердцах индусов, были таковы, что по сигналу из Пондишери все поднялись бы как один на борьбу с красными мундирами. Все раджи и потомки старинных правящих фамилий, с которыми предварительно велись секретные переговоры, пообещали встать во главе восстания, лишь бы им дали трехцветное знамя и несколько французских офицеров для командования войсками.

Разумеется, учитывая официально-дружеские отношения между Англией и Францией, добиться от губернатора Пондишери сигнала, которого требовали раджи, чтобы начать драку, было невозможно. Но это обстоятельство не смущало Сердара, как мы будем впредь чаще всего называть

Покорителя джунглей, чтобы не загромождать наше повествование его многочисленными прозвищами.

Человек действительно необыкновенный, он — не выдумка забавы ради, мы знавали его в Индии. Ему едва не удалось осуществить намеченное и вернуть нам дивную Страну лотоса. Он задумал отчаянный план, по которому власть в Пондишери должна была оказаться в его руках на сорок восемь часов, и этого времени ему было бы достаточно, чтобы вызвать такой взрыв, который навсегда бы покончил с процветанием Альбиона в Индии.

Измученная Крымской войной, не располагая войсками в Европе, имея всего четыре тысячи человек в Калькутте для подавления мятежа в Бенгалии, семь месяцев спустя после начала восстания Англия все еще не изыскала способ, как послать подкрепление горстке солдат, в большинстве своем ирландцев, которые сражались скорее за честь знамени, нежели надеясь победить двести тысяч сипаев, поднявшихся по призыву Нана-Сахиба. Союз с севером должен был привести англичан к непоправимой катастрофе. Для всех было очевидно, что, как только они будут изгнаны из Калькутты, Бомбея и Мадраса, которые были их единственным оплотом, им неизбежно придется оставить идею о возвращении себе Индии, на сей раз потерянной для них навсегда.

На трех кораблях, которые зашли в то утро в Пуант-де-Галль только на сутки, чтобы пополнить запасы угля и продовольствия, было всего 1800 солдат. Но одновременно англичане послали своего лучшего офицера, генерала Хейвлока, героя Крымской войны, который поставил себе целью снять блокаду Лакхнау и оказать сопротивление мятежникам до подхода более крупных подкреплений.

Прекрасно осведомленные обо всех этих обстоятельствах, Нана-Сахиб и Сердар вели между собой долгие тайные переговоры: они отдавали себе отчет в том, что английский генерал, известный своей храбростью и умением, может, собрав гарнизоны Мадраса и Калькутты, поставить под ружье около семи тысяч испытанных солдат и что сипаи, несмотря на свою численность, в открытом бою не устоят перед мужеством и дисциплиной солдат-европейцев.

Тогда Нана понял допущенную ошибку: сразу после начала восстания ему следовало идти на Калькутту и Мадрас, как советовал ему Сердар. Но время было упущено, города эти подготовились к длительной осаде и могли продержаться несколько месяцев. Тогда-то Покоритель джунглей и замыслил дерзкий план — похитить

генерала Хейблока, который один только мог успешно завершить задуманную операцию.

Полнейшая тайна была непременным условием успеха этого двойного плана. Понятно, что, несмотря на дружбу с Бобом, которого в минуты хорошего настроения Фред дружески называл «генерал», он не мог доверить ему столь важный секрет, так как славный малый был воплощенной болтливостью.

У Боба тоже были враги, но о своей ненависти он рассказывал первому встречному, кстати и некстати, так что если его соперник не был предупрежден о чувствах Боба, то, конечно же, не по вине американца.

Всякий раз, когда с ним случалась какая-нибудь неприятность, он угрожающе потрясал в воздухе кулаком и восклицал с комичным гневом:

— Чертов Максвелл, ты мне за это заплатишь!

Максвелл был офицер, который по приказу свыше явился во дворец генерала Боба Барнетта и приказал ему под страхом расстрела очистить вышеупомянутый дворец, не позволив унести с собой ни одной рупии.

И Боб, который катался как сыр в масле и, словно паша в гареме, предавался сладкому безделью — лишь изредка, как верховный правитель артиллерии, он осматривал на крепостных стенах с десятков пушек времен Людовика XIV, — воспылал к капитану Максвеллу ненавистью, которую поклялся утолить рано или поздно.

В память о многочисленных занятиях — а в своей бурной жизни ему пришлось заниматься и коммерцией, без этого он не был бы настоящим янки — он держал в голове своеобразную книгу бухгалтерского учета, где все злоключения записывал в дебет капитана Максвелла, дав себе слово подвести баланс, как только пути их вновь пересекутся.

Солнце меж тем постепенно поднялось над горизонтом, озарив бескрайнюю гладь Индийского океана и остров с роскошной растительностью, похожий на букет, томно плавающий в золотистой лазури. С высот Адамова пика взору открывался один из самых живописных и очаровательных видов, которые можно себе вообразить, — чреда плато, причудливая волнистая линия горизонта, долины, поросшие деревьями — тамариндовыми, тюльпанными — с желтыми цветами, манговыми, яблонями, баньянами. В зелени пламенели ярко-красные цветы. Но у наших героев не было времени, чтобы освежить душу, соприкоснувшись с величественными картинами природы, все их внимание было

поглощено кораблями, горделиво входившими в гавань. Они миновали многочисленные песчаные отмели, держась как можно ближе к Королевскому форту, и наконец бросили якорь в порту, в двух-трех кабельтовых от берега.

После нескольких минут молчаливого наблюдения Сердар убрал бинокль в футляр и повернулся к другу.

— Наконец-то корабли на рейде, — сказал он, — часов через пять нам доставят почту. Время от времени приятно получать новости из Европы.

— Говори только за себя, — ответил Боб. — Это ты ведешь переписку, словно настоящий министр. Что касается меня, то с тех пор, как я нахожусь в этой стране, черт бы меня побрал, если я получил хоть одно письмецо от моих старых товарищей! Когда я стал генералом раджи Ауда, то написал папаше Барнетту, чтобы сообщить ему о моем повышении, и старик, который всегда предсказывал, что из меня не выйдет ничего путного, ответил мне сухо, всего двумя строчками, написав, что не любит розыгрышей... Это была единственная весть, которую я получил от моего уважаемого семейства.

— Лишь бы Ауджали нашел Рама-Модели, — задумчиво проговорил Сердар, не обратив внимания на шутку друга.

— Ты был не прав, послав его одного, — ответил Боб, — я тебя предупреждал.

— Я не мог послать ни Нариндру, ни Сами. Они не знают Пуант-де-Галль и, не владея ни хинди, ни тамильским языком, на которых говорят на Цейлоне, не смогли бы расспросить, где находится дом Рама, с которым я состою в переписке.

— А Ауджали? — смеясь, перебил его Боб.

— Ауджали прожил со мной у Рама-Модели два года перед началом войны, он сумеет разыскать его. Доверься его смекалке. Кроме того, я вручил ему достаточно толковое письмо на тот случай, если Рама не поймет, насколько важна почта, которую он получит и которая предназначена не ему. В пакете будет целая пачка писем, адресованных офицерам-европейцам из армии Наны. Не то в продолжение всей войны с Англией они не смогли бы получить вести из дома. Ведь все порты в руках англичан, поэтому восставшие не могут снестись с внешним миром.

— При малейшем подозрении твоего друга Раму вздернут без лишних слов на насыпи у крепостных стен.

— Рама не боится ни англичан, ни смерти.

— Послушай, — ворчливо сказал Боб, — ты не станешь уверять меня, что только для того, чтобы ты мог сыграть

роль сельского почтальона, ты заставил нас пересечь марш-броском всю Индию и что мы забрались на вершину Адамова пика, чтобы устроить здесь наблюдательный пункт!

— Вот ты снова нарушаешь данную тобой клятву, — с грустью возразил Сердар. — К чему всякий раз задавать мне вопросы, если ты знаешь, что я не могу и не хочу тебе отвечать!

— Ладно, не сердись, — ответил Боб, протягивая ему руку. — Я больше ни о чем не буду тебя спрашивать и последую за тобой с закрытыми глазами, только не забудь позвать меня, когда завяжется драка.

— Я знаю, что могу рассчитывать на твою преданность, — произнес Покоритель джунглей с неподдельным волнением. — Не бойся, возможно, ты понадобишься мне раньше, чем мне того бы хотелось.

И снова взяв в руки морской бинокль, он погрузился в созерцание далей.

Именно так всегда заканчивались их беседы.

Тем временем Нариндра и Сами приготовили кофе и рисовые галеты, простую и скромную пищу, составлявшую обычно их первый завтрак.

— Чертова еда! — пробормотал Боб Барнетт, поглощая галеты, именуемые на Цейлоне аррес. Они были столь же легки, как маленькие булочки в форме раковин, которые в Париже можно купить у продавцов сладостей. — God bless me! — это было любимое ругательство генерала, — Нужно триста семьдесят семь таких штук раковин, я сосчитал, чтобы насытить порядочного человека! И нет даже капли виски, чтобы согреть себе внутренности! Как подумаешь, что в моем дворце в Ауде у меня был замечательный погреб — отборные вина, старое виски, двадцатилетний джин — и что все это выпили за мое здоровье красные мундиры, даже не пригласив меня!.. Если бы вместо того, чтобы торчать на этой сахарной голове, мы могли остаться на равнине, то в деревнях мы раздобыли бы птицу и рисовую водку!.. Так, еще один день пришлось есть галеты, запивая их водой, потому что кофе — это просто подкрашенная водичка, — все это я записываю на дебет г-на Максвелла... Не бойтесь, друзья, они нам за все заплатят разом, мы сразу подведем баланс под нашими счетами...

Бранясь и раздраженно бурча, милейший янки поглощал пирамиды, горы галет к великому изумлению Нариндры и Сами, которые не торопились их ему подкладывать. Но все в этом мире имеет свои пределы, даже аппетит янки, и Боб Барнетт в конце концов наелся. Затем он проглотил

литра четыре кофе, подслащенного тростниковым сиропом, раза три звучно прочистил горло и с явным удовлетворением заявил, что чувствует себя гораздо лучше.

Странная порода эти англосаксы! Разумеется, прием пищи — это необходимость, уклониться от которой не может ни одно живое существо, но что поразительно: в то время как южным нациям — французам, итальянцам, испанцам — нужна воздержанность в еде, чтобы в полной мере проявить свои интеллектуальные способности, северные народы — немцы, саксы, англосаксы — могут заставить работать свои мозги, только наевшись досыта. Интеллект пробуждается у них лишь тогда, когда желудок их набит до отказа съестными припасами. Поскольку прославленный Боб Барнетт был типичным представителем своей расы, натошак он бывал неповоротлив и сонлив. Человек действия пробуждался в нем, как только он удовлетворял животные потребности.

Закончив завтрак, он взял карабин и повернулся к другу.

— Я пойду немного поохочусь, Фред, — сказал Боб.

При этих словах, вызвавших у него явное неудовольствие, Сердар нахмурился.

— Мы окружены врагами, быть может, шпионами, тебе лучше остаться здесь.

— Ты занят своими планами, а мне что прикажешь делать?

— По крайней мере тебе известно, что за твою голову обещана награда...

— Да, двадцать пять тысяч франков, столько же, сколько за Нариндру, ни больше ни меньше.

— Цена не имеет значения, и ты должен беречь свою голову так же, как если бы англичане оценили ее в миллион. Тебе, кроме того, прекрасно известно, что мы взяли на себя серьезные обязательства, от успеха нашего дела может зависеть судьба восстания и, следовательно, судьба миллионов человеческих жизней... Неужели ты не можешь пожертвовать ради этого минутным развлечением? Я обещаю тебе, что уже сегодня ночью мы отправимся на Большую землю и у тебя будет немало возможностей, чтобы израсходовать свою энергию.

— Что же, ты, как всегда, прав, — смирившись, ответил Боб, — я остаюсь. Если б у меня были хотя бы крючок и кусок бечевки, я бы половил в озере рыбу.

Генерал произнес последние слова с такой комичной серьезностью, что Фред не мог сдержать улыбки. Он пожалел, что нарушил планы старого товарища, и, несколько поколебавшись, добавил:

— Если ты обещаешь мне не удаляться от маленькой долины, что простирается за нами, и не углубляться в пустынную часть горного массива, то, быть может, и не будет большой опасности, если ты поохотишься пару часов. Но я боюсь, что твоя страсть к развлечениям подобного рода...

— Клянусь не переступать очерченные тобой границы, — прервал его Барнетт с плохо скрываемой радостью.

— Ну что ж, иди, раз тебе этого так хочется, — сказал Сердар, уже сожалея о проявленной слабости, — но не забывай о данном тобой обещании, будь осторожен и возвращайся не позже чем часа через два-три. Ты будешь мне нужен, как только вернется Ауджали.

Фред еще не успел договорить, как Барнетт, вне себя от радости, уже исчез за стеной тамариндовых деревьев и кустарников, чьи могучие побеги густыми зарослями спускались к долине, указанной Фредом.

Было около одиннадцати часов утра. Палящее солнце бросало огненные лучи на верхушки высоких деревьев, расположившихся причудливыми ярусами на отрогах Соманта-Кунты. Озеро Пантер, чьи прозрачные воды не колебал даже слабый ветерок, сверкало, словно огромное зеркало. Гигантские цветы тюльпанных деревьев медленно клонились на мощных стеблях.

Не боясь кобр и гремучих змей, Нариндра и Сами, растянувшись под карликовыми пальмами, предавались радостям сиесты, и тишина нарушалась только чистым, серебристым звуком выстрелов из карабина Барнетта, ствол которого был сделан из литой стали.

Всякий раз, когда этот шум, приглушенный буйной и роскошной растительностью, достигал ушей Сердара, он не мог сдержать легкого нетерпеливого жеста: один укрывшись в тени баньяна, он продолжал наблюдать за горами с напряженностью, выдававшей его озабоченность и тревогу.

Время от времени он складывал руки на манер слухового рожка и внимательно прислушивался ко всем звукам, поднимавшимся из нижних долин со стороны Пуант-де-Галль. Можно было подумать, что он ждет условленного сигнала, которого все не было, ибо, прождав так какое-то время, он лихорадочно брался за бинокль, обследуя все складки местности, все лесные массивы, и в конце концов у него вырывался жест глубокого уныния.

Тогда, оставив на несколько минут наблюдательный пост, он мысленно строил обширные планы, воодушевляясь двумя

поглощавшими его чувствами — любовью к родине и ненавистью к вековым врагам Франции.

Сердар был на редкость цельной и сильной натурой, его пример лучше всяких рассуждений показывает, что страсть к великим делам и способность к героическому самопожертвованию — не пустая абстракция. Не зная его прошлого, можно было утверждать, что, несмотря на горькие испытания, которым его подвергла жизнь, в нем не было ничего низкого и бесчестного.

За десять лет он исколесил Индию вдоль и поперек. Его возмущала алчность британцев, нещадно эксплуатировавших эту прекрасную страну и душивших ее всеми мыслимыми поборами, которые только могли изобрести купцы из Сити. Несчастных индусов облагали непомерными налогами, с помощью деспотических указов уничтожали ремесла, связанные с производством ситца и шелка, — к выгоде ткацких фабрик Манчестера и Ливерпуля, чрезмерным экспортом риса с холодной жестокостью обрекали на смерть сорок миллионов париев, сохранившихся еще в Индии, — рис был их единственной пищей. Возникавший таким образом периодически голод уносил миллионы жизней. В областях, где находили приют эти несчастные, англичане отказывались ремонтировать ирригационные сооружения, без которых в сухой сезон все чахнет и гибнет... Тот, кого в Декане бедняки называли Сердаром, повелителем, а в Бенгалии — Сахибом, встал на их защиту. И вот после десяти лет терпеливых усилий он вступал в переговоры со всеми кастами, завоевывал доверие тех и других, играл на религиозных предрассудках, манил раджей надеждой вернуть потерянные троны — ему удалось вместе с Нана-Сахибом организовать обширный заговор, где среди миллионов заговорщиков не нашлось ни одного предателя, ни одного доносчика. В назначенный день двести тысяч сипаев восстали, и английское правительство оказалось захваченным врасплох и не имело средств для отпора. Вызывающий восхищение, единственный в своем роде пример в истории народа, когда за долгие месяцы, за годы вперед был известен час восстания и ни один человек не выдал доверенную ему тайну.

Поэтому не без законной гордости Сердар бросил мысленный взгляд на прошлое. Дели, Агра, Бенарес, Лахор, Хайдарабад были в руках восставших, Лакхнау должен был пасть через несколько дней. Последние силы англичан были заперты в Калькутте и не осмеливались выходить из города. Но Сердару надо было завершить начатое и поднять все народы восточной части Индостана прежде, чем Англия

пришлет достаточное подкрепление для ведения войны. Именно ради этой важнейшей операции, которая должна была обеспечить окончательную победу революции, он и пересек Индию и остров Цейлон, избегая многолюдных дорог, исхоженных троп, каждодневно вступая в единоборство с дикими слонами и хищниками.

Невозможно представить, какие стойкость, энергия и отвага понадобились этим четверем людям, чтобы преодолеть малабарские Гаты, болотистые леса Тринкомали и девственные чащи Соманта-Кунты, буквально кишачие слонами, носорогами, леопардами, черными пантерами, не говоря об ужасных ящерицах, гавиалах и других крокодилах, которыми изобилуют озера и пруды сингальских долин.

Прибыв накануне на стоянку, Сердар и его друзья были вынуждены всю ночь поддерживать огонь в костре, чтобы избежать нападения хищников, которые, рыча, постоянно бродили вокруг и покинули лагерь лишь на рассвете.

Наши герои решили, что окончательно сбили со следа английские власти, которые, зная, какое участие принял Сердар в восстании, прекрасно понимали, как важно им избавиться от подобного противника, и пустили бы в ход все, чтобы достичь этой цели.

Глава II

Слон Ауджали. — Неприятные новости. — Боб Барнетт. — Рама-Модели — заклинатель. — Долина Трупов.

День клонился к вечеру, солнце начинало спускаться к горизонту, а Боб, отсутствовавший уже часов пять, все не возвращался. Он не подавал никаких признаков жизни, так как уже довольно давно не слышно было его карабина. Раз двадцать Сердар возвращался к наблюдательному посту, но безуспешно. Он горько упрекал себя за то, что позволил Бобу уйти. Тот, нарушив слово, ушел, должно быть, гораздо дальше, чем позволяло благоразумие. Вдруг далекий крик, похожий на звук охотничьего рога и донесшийся из нижних долин, отвлек Сердара от размышлений.

У него невольно вырвался жест радости, он ждал, затаив дыхание, ибо услышанный им звук был настолько слаб, что долетел до него, словно шепот поднимающегося морского ветерка.

Минуту спустя тот же шум повторился снова.

— Нариндра! — позвал Сердар, не помня себя от радости.

— Что случилось, сахиб? — прибежав, спросил маратх.

— Послушай, — только и произнес Покоритель джунглей.

Нариндра прислушался в свою очередь. Крики повторялись примерно через равные промежутки времени, но они были по-прежнему слабы, так как кричавший находился на большом расстоянии.

— Ну? — спросил Сердар с ноткой нетерпения в голосе.

— Это Ауджали, сахиб, — ответил индус. — Я прекрасно узнал его голос, хотя он еще очень далеко от нас.

— Ответь ему, пусть он знает, что мы его слышим.

Маратх вынул из-за пояса огромный серебряный свисток и издал подряд три таких пронзительных и долгих звука, что их должно было быть слышно на много миль вокруг.

— Ветер дует в нашу сторону, — заметил Нариндра, — не знаю, донесся ли до него сигнал, но было бы удивительно, если бы он нас не услышал, ведь у Ауджали слух гораздо тоньше нашего.

В ту же минуту, как бы в подтверждение слов индуса, тот же зов прозвучал трижды, причем сила его указывала на то, что кричавший был твердо намерен сообщить друзьям о своем присутствии. Он, видимо, мчался с бешеной скоростью, так как сила звука свидетельствовала о том, что расстояние, отделявшее его от озера Пантер, быстро сокращается.

— Что за умница, — прошептал Сердар, словно обращаясь к самому себе. — Этот Ауджали поистине удивительное создание.

Оба внимательно следили за той частью долины, откуда легче всего было подняться на пик, но густая листва деревьев, увитых лианами и прочими растениями-паразитами, мешала им разглядеть бегущего. Сердар сиял от радости. Он больше не проявлял признаков нетерпения, зная, что скоро получит ответ на все волновавшие его вопросы.

— А вдруг он ничего не принесет! — рискнул тем не менее предположить Нариндра. Индус волновался так же, как его хозяин, ибо был посвящен почти во все его тайны.

— Быть этого не может, — возразил Сердар. — Сразу видно, что ты не знаешь Ауджали, если можешь так клеветать на него. Он не вернется, не найдя Рама-Модели, даже если ему пришлось бы разыскивать того целую неделю.

Вскоре оба наблюдателя заметили, что в двухстах — трехстах метрах ниже места, где они находились, сильно за-

шевелились ветки и листья. Это указывало на то, что кто-то силой прокладывает себе кратчайший путь в густом сплетении кустарников. И несколько мгновений спустя великолепный черный слон колоссальных размеров выскочил из зарослей бамбука, обрамлявших край плато.

Это был тот, кого они ждали.

— Ауджали! — воскликнул Сердар.

Благородное животное подняло хобот и ответило легким ласковым криком, сопроводив его движением ушей, которое означало у него высшее удовольствие. Радостно он подбежал к хозяину и поставил к его ногам грубо сплетенную корзину из кокосовых листьев, в которых индусы обычно носят на базар фрукты и овощи. Та, что принес Ауджали, была полна плодов манго и свежих бананов.

Не отвечая на ласки своего умного посланца, Сердар, поняв, в чем состояла хитрость, выбросил фрукты на траву и не смог сдержать крик радости, увидев на дне корзины объемистый пакет, тщательно перевязанный кокосовым волокном. Развязать пакет было минутным делом, в нем оказались письма, адресованные иностранцам, находившимся на службе у Нана-Сахиба. Их немедленно отложили в сторону. Там был, кроме того, большой правительственный конверт с красными восковыми печатями и еще один, меньшего размера, на котором не было никаких пометок, кроме простой надписи на тамильском языке «Salam Sradhana» — «Привет Покорителю джунглей», сделанной карандашом.

Это последнее послание было, несомненно, ответом Рама-Модели на письмо Сердара, которое доставил сообразительный Ауджали. Но Сердар прежде всего лихорадочно пробежал содержание большого конверта, печати которого легко снимались, и торжествующе воскликнул:

— Нариндра! Теперь мы можем отправиться в Пондичери. В успехе моих планов больше не приходится сомневаться: через две недели юг Индостана сбросит ненавистное иго английского леопарда, и на всем полуострове не останется ни одного красного мундира.

— Вы говорите правду, сахиб? — спросил дрожащим от волнения голосом маратх. — Да услышит вас Шива! Да будет благословен день мести! Эти трусливые чужеземцы сожгли наши дома, убивали женщин и детей, не оставили ни одного не оскверненного надгробья на могилах наших предков. Чтобы покорить Землю лотоса, они превратили ее в пустыню. Но в тот день, когда клич «Смерть англичанам!» прогремит от мыса Кумари до священных берегов Ганга, из праха мертвых возродятся герои.

Глаза его горели, дрожали ноздри; сжав кулаки, угрожающе напрягшись, Нариндра, произнося эти слова, преобразился. На несколько мгновений лицо его обрело то выражение мстительной жестокости, которое индийские скульпторы придают угрюмому духу войны, чьи изображения стоят в старинных пагодах, посвященных культу Шивы.

После этого всплеска чувств, объединявших и воодушевлявших их обоих, Сердар вскрыл письмо Рама-Модели.

Прочтя первые же строчки, он вздрогнул. Вот содержание этого интересного послания:

«Срадхане-сахибу

Рама-Модели, сын Чандра-Модели, сообщает следующее.

С большого огненного корабля франгизов (французов) высадился молодой человек твоей расы, он говорит, что у него есть к тебе некое дело.

— Прибыв на Землю цветов, — сказал ему тот, кто послал его, — ты отправишься в жилище почтенного и благородного Рама-Модели, только он один сможет указать тебе, где найти Покорителя джунглей.

Сегодня вечером, до восхода луны, дабы не возбуждать подозрений, Рама-Модели сам отведет молодого франгиза к Срадхане-сахибу.

Да будет Покоритель осторожен! Леопарды учуяли добычу. Они рыскают по равнине, а от равнины недалеко до гор.

Привет Срадхане-сахибу.

Рама-Модели,

Сын Чандра-Модели, сказал все, что нужно».

Письмо это погрузило Сердара в недоумение и растерянность. Кто был этот молодой человек, специально приехавший из Европы, чтобы повидаться с ним, и какова была его миссия? Только один человек в Париже знал о его отношениях с Рама-Модели. Он активно действовал в Европе, чтобы помочь индийскому восстанию, с ним переписывались и Нана-Сахиб, и Сердар. Это был г-н де Роберваль, бывший консул Франции в Калькутте, где он и познакомился с Покорителем джунглей. Сердар с самого начала посвятил консула в свои планы. Восторженный патриот, де Роберваль не останавливался ни перед чем, лишь бы замыслы эти осуществились, и мы скоро увидим, какую роль он играл в деле, вошедшем в историю как «Заговор в Пондишери».

По всей вероятности, неизвестный был послан им, но с какой целью? Сердар терялся в догадках, но особенно его удивляло то, что в полученном им сопроводительном письме от консула не было и намека на этот неожиданный визит.

В конце концов через несколько часов все разъяснится, поэтому не стоило ломать себе голову, тем более что истина могла оказаться весьма далекой от его предположений.

К величайшему удовлетворению от того, что сбывались его планы — он полагал, что успех их теперь обеспечен, — примешивалась досада, которая постепенно, по мере того, как летело время, превратилась в мучительную тревогу. Что случилось с Бобом Барнеттом? Он ушел, когда еще не было одиннадцати часов утра, и не только не вернулся, но уже давно не подавал никаких признаков жизни. Его карабин внезапно замолчал, и для тех, кто хорошо знал генерала, это обстоятельство было чрезвычайно тревожным. Страстный охотник, неутомимый ходок, он ни за что не соблазнился бы отдыхом, в этой местности весьма опасным, ибо в каждом пучке травы могла скрываться змея, за каждым кустом могли притаиться тигр или пантера.

С другой стороны, отсутствие дичи не могло объяснить его молчание: животные всех видов — зайцы, фазаны, дикие индюки, олени, кабаны, буйволы, не считая хищников, — в изобилии водились в этих высокогорных долинах, где ничто и никогда не нарушало их покоя. Ни индусы, ни сингальцы не занимаются охотой, лишь немногие из них ставят западни и капканы у ручьев, куда ходят на водопой черные пантеры, столь многочисленные на Цейлоне, что правительство вынуждено было давать награду за их поимку. Так что Бобу было чем заняться, и если ружье его замолчало, это значило, что с ним либо случилась беда, либо, подгоняемый свойственной ему горячностью, он напрочь забыл о времени. Теперь же, увидев, что солнце стало клониться к горизонту, он пустился в обратный путь, уже не отвлекаясь на охоту. В любом случае он должен был понимать, какой смертельной тревогой охвачен его друг.

Нервничая и волнуясь, отмахиваясь от немых просьб славного Ауджали, который грустно ходил за ним, выпрашивая благодарность за то, как ловко он справился со своей миссией, Сердар расхаживал вдоль озера, внимательно прислушивался, всматривался во все неровности местности, задавая себе один и тот же вопрос: куда же запропастился Боб?

Новое действующее лицо нашей истории, которое играет в ней почти такую же важную роль, как и его хозяин, слон Ауджали уже не впервые выполнял столь ответственные поручения. Неоднократно в сложных обстоятельствах Покоритель джунглей бывал обязан своим спасением хладнокровию и уму благородного животного.

Редкие качества, которыми природа одарила этого колосса, настоящего царя животных не только по величине и силе, но и по умственным способностям, всем хорошо известны, и мы не станем на них останавливаться. Каждый знает, что слонов используют в Индии на тех работах, к которым другие спутники человека не способны и которые требуют определенной сметки и личной ответственности. Они поливают поля и умеют вовремя остановиться, чтобы не залить посевы. Они валят вдвоем или в одиночку крупный строевой лес, очищают его от веток, переносят бревна по непроходимым тропам и сами складывают их в идеальном порядке. Каждый путешественник видел на пристани в Коломбо, как они выстраивают аккуратные штабеля из огромных стволов тикового дерева, идущего на постройку кораблей. Они помогают грузить и разгружать стоящие в порту суда, с лихвой заменяя подъемные краны и поражая легкостью, с которой поднимают и опускают самый тяжелый груз. Они оказывают огромные услуги обжигальщикам кирпича, гончарам, кузнецам и другим ремесленникам, заменяя недостающую силу паровых двигателей. Прежде раджи создавали из них полки, во главе которых стоял слон-командир, они участвовали в войнах. Англичане использовали их в артиллерии, и одно из наиболее любопытных зрелищ — это то, с какой точностью и ловкостью действуют слоны.

Они бывают также почтальонами, преодолевая огромные расстояния и защищая погонщика от всевозможных нападений. Никакая сила в мире не сможет заставить их расстаться с вверенным им кожаным мешком.

Однажды слон, развозя почту между Тришнаполи и Хайдарабадом, расстояние между которыми составляет более двухсот лье, на полпути теряет погонщика — тот умирает от холеры. Не позволив никому дотронуться до него, слон забирает труп и мешок с почтой и около полутора суток спустя вручает почтмейстеру доверенные ему письма, а затем доставляет тело погонщика домой, допустив к нему только вдову покойного, которая смогла, таким образом, похоронить мужа по обряду своей касты.

Этот и сотни других фактов стали в Индии легендой, они известны во всем мире. Ласковый, привязчивый и добродушный, одновременно обладающий силой и мощью, на плантациях слон становится любимым другом детей, он играет с ними, сопровождает на прогулки, трогательно о них заботясь.

Особенно поражает в этом удивительном животном его разум, который сближает его с человеком больше, чем любое другое существо. Слон не просто механически вы-

полняет порученную ему работу, не понимая, что он делает, нет, он прекрасно отдает себе отчет в случайных трудностях, которые могут встретиться на его пути, и в определенной степени способен с ними справиться.

Его привязанность к хозяину превосходит всякое воображение. Она столь велика, что слон, не терпящий обычно никаких принуждений, готов, не жалуясь, выносить самое варварское обращение, терпеть самые жестокие и незаслуженные наказания. В индийской литературе есть целые поэмы, посвященные достоинствам и подвигам слонов. Наконец, одно из воплощений Вишну, Пулеар, защитник земледельцев и хранитель полей, — бог с головой слона.

Ауджали был подарен Сердару раджой Берода в благодарность за оказанные услуги. Он был великолепно выдрессирован начальником королевских слонов и в течение пяти лет принимал участие во всех событиях, которыми была отмечена бурная жизнь его хозяина.

Солнце тем временем быстро клонилось к западу и через полчаса должно было скрыться, неся свет и тепло в другое полушарие. С противоположной стороны тени все больше сгущались, и постепенно леса и долины погружались в полумрак, который предшествует наступлению ночи в тех краях, где почти не бывает сумерек...

Боб Барнетт все не возвращался. Раз двадцать уже Сердар готов был броситься на его розыски, но Нариндра почтительно замечал, что важность взятого им на себя дела не позволяет ему рисковать жизнью, к тому же подобное случилось не впервые. В малабарских Гатах и Траванкуре Боб однажды исчез на двое суток. Он вернулся как ни в чем не бывало, с улыбкой на устах, когда все уже думали, что его сожрали хищники или задушили туги.

— По моему мнению, — продолжал маратх, и его последние слова несколько успокоили Сердара, — генерал просто не смог больше обходиться без виски. Обогнув гору, чтобы мы не могли его видеть, он отправился в Пуант-де-Галль, откуда и вернется на рассвете живой и невредимый.

— Я бы охотно согласился с твоими рассуждениями, — возразил Покоритель джунглей, — тем более что эта отлучка вполне в духе бедного Боба, если бы он не знал совершенно определенно, что сегодня ночью мы должны тронуться в путь.

— Он забыл об этом, сахиб!

— Да услышит тебя небо, Нариндра! Неужели он забыл и о том, что пребывание в Пуант-де-Галль опасно для нас?

Я чувствую, что там о нас уже предупреждены благодаря английским властям Мадраса или Бомбея.

— Возможно, сахиб, но вы же знаете, что подобные соображения едва ли способны подействовать на генерала.

— Вот, посмотри, не только нас одолевают дурные предчувствия. Взгляни на Ауджали, в течение уже некоторого времени он выказывает признаки глубокой тревоги: глухо фырчит, шевелит ушами и раскачивает хобот так, словно пытается схватить какого-то невидимого врага. Заметь, что он не спускает глаз с нижних долин, куда отправился на охоту Боб.

— Приближается ночь, сахиб. В это время хищники выходят из своих логовищ, не думаете ли вы, что Ауджали просто чует их и поэтому нервничает и раздражается?

— Возможно... Но разве ты не замечаешь его попыток устремиться вперед, причем в одном и том же направлении? Решительно в долине что-то происходит.

— Может быть еще одна причина, сахиб.

— Какая?

— Вы знаете, что английские шпионы, которые преследовали нас в Бунделькханде и Меваре и потеряли наши следы только после того, как мы укрылись в подземельях Эллары, принадлежат к касте, поклоняющейся богине Кали.

— Мне это известно... Договаривай.

— Так вот, я припоминаю, что в тот вечер, когда они бродили вокруг нашей стоянки, Ауджали точно так же, как и сегодня, реагировал на их присутствие.

— Неужели! Ты думаешь, что душители напали на наш след?

— Не знаю, сахиб. Вам известно не хуже меня, что они никогда не обнаруживают своего присутствия и действуют обычно по ночам.

— Особенно в безлунные ночи.

— Нападают они всегда неожиданно. Если бы все обстояло именно так, нам не пришлось бы искать причин беспокойства Ауджали, и мы бы знали, с кем нам придется иметь дело.

— Возможно, ты прав, ибо я слишком хорошо изучил привычки Ауджали и знаю, когда его волнует запах человека, а когда — хищников. Так вот, мне начинает казаться — и чем больше я наблюдаю за слоном, тем сильнее моя уверенность, — что в данный момент его беспокоят не дикие звери, а люди.

— В таком случае да сохранит Шива сахиба Барнетта! Они способны заманить его в ловушку.

— Если это так, Нариндра, чего мы ждем? Нам надо спешить к нему на помощь! Никогда я не прощу себе подобной трусости.

— Интересы миллионов индусов, которые ждут, когда Сердар бросит клич свободы, и слепо верят в него, выше интересов друга, — мрачно ответил маратх. — Когда Сердар встретится с Рама-Модели и узнает, почему молодой франгиз приехал из Европы, не испугавшись моря и англичан, тогда Нариндра первый скажет Сердару: отправимся на помощь генералу.

— Скоро взойдет луна, и Рама-Модели, должно быть, недалеко.

— Духи, охраняющие человека, внушили мне одну идею, можно попробовать осуществить ее.

— Говори, Нариндра, ты же знаешь, я люблю следовать твоим советам.

— Ауджали уже столько раз доказывал свою сообразительность. Не мог бы Сердар послать его на поиски генерала?

— Как же я не подумал об этом раньше? — радостно воскликнул Покоритель. — Это задание будет ему вполне по силам, он совершал дела куда более удивительные.

Подозвав слона, он показал на долину, почти утонувшую в ночной мгле, и сказал ему на тамильском языке:

— Ауджали, ступай и приведи господина Барнетта.

Слон издал довольный крик, словно желая показать, что он все понял, и, несмотря на темноту, ринулся вперед с такой скоростью, что лошадь, даже пущенная в галоп, не сумела бы догнать его.

Какое-то время шум сминаемого кустарника и треск молодых пальм, которые колосс крушил на пути, позволяли следить за его передвижением по лощине. Вдали раздались завывания леопардов и пантер, потревоженных великаном. Постепенно все стихло, и в черной ночи воцарились тишина и покой.

Едва ли есть зрелище более величественное, чем наступление ночи в джунглях и лесах Цейлона. Это момент, когда крупные кошки, мирно проспавшие весь день в зарослях кустарника, покидают свои убежища в поисках пищи для себя и своих детей. Затаив дыхание, чтобы не спугнуть добычу, они подползают к логовам кабанов, к местам отдыха оленей, которые, набегавшись за день по лесу, отдыхают как раз по ночам. Они легко попадали бы в лапы хищникам, если бы не тысячи шакалов, которые всегда идут следом за страшными охотниками, чтобы поживиться их объедками, и оглашают воздух визгом, предупреждая тем самым об опасности людей и животных.

После ухода Ауджали едва прошло минут десять, как эти гнусные твари начали скулить и метаться в высокой траве, держась, однако, на почтительном расстоянии от стоянки.

Нариндра разжег костер, хворост для которого днем собрал Сами, и этого оказалось достаточно, чтобы помешать бродившим вокруг хищникам подняться на плато.

Погруженный в тяжелые мысли, Сердар бодрствовал вместе с товарищами, держа карабин в руках, как вдруг на поляне возникла чья-то тень.

— Кто идет? — спросил Сердар, вскинув ружье на плечо.

— Это я, Рама-Модели, — просто ответил вновь прибывший.

— Добро пожаловать!

Двое мужчин крепко обнялись.

— Ты один?

— Нет, но я оставил молодого спутника внизу, возле башни Раджей. Было бы слишком опрометчиво привести его сюда: поднимаясь, я испугнул пять или шесть черных пантер, которые скользнули в заросли при моем появлении, а с этими зверями лучше не встречаться, когда они голодны.

— А за себя ты, выходит, не боялся?

— Сердар забывает, что я заклинатель пантер, — ответил Рама-Модели, гордо выпятив грудь.

— Верно, — заметил Покоритель с улыбкой, свидетельствующей, что он не слишком ему верит.

— И потом, разве я не должен был разыскать тебя?

— Ты мог бы указать место встречи в письме. Под покровом ночи я бы спустился на равнину.

— Сразу видно, ты не знаешь, что происходит.

— Что ты имеешь в виду?

— Английские власти Большой земли сообщили о тебе правительству Цейлона, и туги напали на твой след. Они пока еще не знают точно, где именно ты находишься, но им известно, что ты скрываешься в лощинах Соманта-Кунты.

— Вполне возможно.

— Поэтому я не мог сразу прийти к тебе с молодым франгизом, я должен был предупредить тебя..

— Спасибо, Рама-Модели.

— Ты ведь надежда наших братьев, надежда старого Индостана... Но какая неосторожность! Погасите костер!

— Он скрыт за пригорком, из Пуант-де-Галль его не видно.

— В горах полно шпионов. Вы что, хотите сообщить им о своем присутствии?

— Хорошо, Нариндра его погасит.

— Кстати, огонь вам больше будет не нужен, вы спуститесь со мной к башне Раджей. Вы хорошо и плохо выбрали место стоянки. Хорошо, потому что оно так и кишит черными пантерами, — отсюда и его название, ни один сингалец не осмелится сунуться сюда. Плохо, потому что завтра гора будет окружена тремя батальонами сингальских сипаев, и мы не сможем от них ускользнуть. Склоны здесь так круты, что достаточно выставить караул у двух выходов из долины, чтобы отнять у нас всякую надежду на бегство.

— Откуда ты это знаешь?

— Сегодня вечером ко мне явился сиркар самого губернатора, который нам предан, он мне все и рассказал.

— Спустившись к башне Раджей, мы сможем по крайней мере дорого продать нашу жизнь.

— Не стоит и помышлять о борьбе. Этой ночью вы двинетесь в леса Анудхарапура, где никто не осмелится вас преследовать, ибо там такие ущелья, что два смельчака могут остановить целую армию. Оттуда вы отправитесь к болотам Тринкомали.

— Этим путем мы и пришли.

— Значит, вы знаете дорогу, и вам легко будет добраться до мыса Кумари на Большой земле. Только там, среди своих, вы будете в безопасности. Когда же наступит решающий день?

— Как только мы доберемся до Пондишери. Я получил все необходимое от нашего человека в Европе.

— Стало быть, мое присутствие на Цейлоне становится ненужным. Я последую за вами, чтобы сражаться рядом с вашими друзьями.

— Значит, тебе ничего не удалось добиться от бывших принцев?

— Ничего! Они получают пенсию от англичан и мечтают только о бесполезной и праздной жизни, оплаченной иностранным золотом. Что я говорю, оплаченной жалкими крохами украденных у них богатств, которые им бросают угнетатели их страны.

— Не может быть! Неужели даже раджа Синга, чья семейная история так тесно связана с легендарными традициями острова, что он до сих пор носит имя предков раджи — Сингала, неужели даже он, сражавшийся до последней минуты, тоже отказался?

— Он так же пал духом, как и остальные. Ты знаешь старое буддийское поверье, согласно которому Земля цветов сохранит свою независимость до тех пор, пока самую высокую гору на острове, Курунегалу, не пересечет огненная колесница. Так вот, англичане, проводя железную дорогу от Коломбо до Канди, воспользовались этим и прорыли сквозь гору туннель. Так исполнилось предсказание священных книг. Поэтому последний представитель старинной династии пришел сдать на милость английского губернатора. Ты видишь, нет никакой надежды на то, что этот народ будет сражаться вместе с нами за общее дело. Чтобы это произошло, мы должны вернуться сюда как освободители. А теперь я отведу вас к башне Раджей, где нас ждет молодой путешественник вместе с моим младшим братом Сива-Томби-Модели.

— Тебе известно, что этому чужеземцу нужно от меня?

— Мы ни словом не обмолвились по этому поводу.

— Хорошо, мы пойдем за тобой... А! Еще одно: Боб Барнетт, который сегодня утром отправился на охоту в восточные долины, до сих пор не вернулся. Боюсь, как бы с ним не случилось несчастья. Или же он, не устояв перед искушением, отправился в Пуант-де-Галль и попал в руки англичан.

— Могу уверить тебя, что сахиб не спускался в Пуант-де-Галль. Ты знаешь город, в нем только пристань и две параллельные улицы. Посторонний человек не останется там незамеченным.

— В обычное время — да, но с притоком пассажиров, прибывших сегодня...

— Ты ошибаешься. С трех английских кораблей на берег не сошел ни один солдат. Что касается французского пакетбота, то, не считая десятка пассажиров, на нем находились только офицеры индийской армии, которым не хватило места на кораблях, доставивших солдат. Я уверен, что Барнетт не покидал гору, а скверная репутация долины, куда он отправился на охоту, вполне объясняет его исчезновение.

— Что ты хочешь этим сказать? — пробормотал Сердар голосом, сдавленным внезапным волнением.

— Ее называют Сава Телам, долиной Трупов, из-за многочисленных человеческих и буйволиных скелетов, которые там находят. Очень немногие охотники могут похвастаться тем, что вернулись оттуда живыми и невредимыми.

— Значит, у нас не остается никакой надежды?

— Не знаю, в этом месте обычно собираются все черные

пантеры округи. Они не допускают туда ни тигров, ни леопардов. Те, кто не знает пантер, обычно говорят об их жестокости. Но пантера нападает на человека только тогда, когда ее ранят или она умирает с голоду. Нариндра и Сами должны остаться здесь, чтобы предупредить твоего друга, где мы, — на случай, если он вернется. После твоей встречи с юным чужеземцем мы сами отправимся на его поиски, ибо до рассвета нам надо быть далеко отсюда. Едва забрезжит утро, ты увидишь, что оба склона Соманта-Кунты будут оцеплены кордоном солдат.

— Так поспешим же! Мне не терпится узнать мотивы этого странного визита... Но не случится ли беды с Нариндрой и Сами за время нашего отсутствия?

— Ты видишь, луна только что взошла, она сияет так ярко, что ни одна пантера не осмелится пересечь плато при таком свете.

Глава III

Башня Раджей. — Таинственный незнакомец. — Эдуард Кемпбелл. — Резня в Хардвар-Сикри. — Просьба о спасении. — Сын Дианы де Монморен.

Посоветовав слугам тем не менее соблюдать осторожность, Сердар последовал за Рама-Модели, который ушел вперед и спускался в лощину легким, размеренным шагом индусов, которые не оставляют за собой следов.

Меньше чем через час они были у башни Раджей.

На Цейлоне, как и в Индии, бывшие правители строили во всех пустынных местах, где было полно хищников, на определенном расстоянии друг от друга толстые четырехугольные башни из кирпича, которые могли служить убежищем путникам, заблудившимся или застигнутым ночью в этих опасных краях. Отсюда и произошло их название — башня Раджей. Когда-то в них можно было найти запасы риса, постоянно пополнявшиеся за счет монарших щедрот, кухонную посуду, необходимую для его приготовления, а также циновки для спанья. Но англичане быстро положили конец этим филантропическим безобразиям, и от своеобразного караван-сарая, где бедняки могли не только передохнуть, но и восстановить силы с помощью скромной пищи, остались только стены. Так исчезло большинство прежних благотворительных заведений, основанных на законе гостеприимства, свято чтимого на Востоке... Забрать все, ничего

не давая взамен, — это и называлось у англичан принести народу блага цивилизации.

Первый этаж башни был освещен факелом, сделанным из дерева бурао. Оно так смолисто, что даже маленькая ветка может гореть часами, не затухая и давая при этом достаточно света. В центре единственной комнаты стоял молодой человек лет восемнадцати, в котором по его внешности легко было угадать англичанина. Вместе с братом Рама-Модели он дождался прибытия Сердара. Сердар сразу определил национальность незнакомца, и у него возникло тайное предчувствие, что разговор их будет столь важным и серьезным, что сопровождавшие его индусы не должны узнать о его содержании. Поэтому, не дав молодому человеку представиться, он поспешил спросить, говорит ли тот по-французски.

— Почти так же хорошо, как на моем родном языке, сударь, — ответил по-французски молодой человек.

— Мой вопрос, возможно, удивил вас, — продолжал Сердар, — но в данный момент Индия ведет против вашей страны войну не на жизнь, а на смерть. С обеих сторон воюющие прибегают к жестокостям, несовместимым с гуманностью. К сожалению, я должен признать, что первыми начали ваши соотечественники, расстреляв в Калькутте женщин, стариков, грудных младенцев, целые семьи сипаев, перешедших на сторону революции. Наконец, недавно майор Кемпбелл, который командует в Верхней Бенгалии небольшой крепостью Хардвар-Сикри, хладнокровно приказал уничтожить всех пленных, захваченных им среди мирного населения соседних деревень. Произошло это перед тем, как крепость окружили войска Наны. Поэтому вы должны понять, сударь, что я весьма заинтересован в том, чтобы мои друзья-индусы не узнали, какой вы национальности. Дело в том, что они как раз потеряли отца во время этой страшной резни... Но что с вами? Вы побледнели!

Сердар больше ничего не успел сказать, он бросился вперед, чтобы поддержать молодого человека, который, казалось, был готов упасть в обморок.

Но то была минутная слабость. Усилием воли англичанин выпрямился и поблагодарил собеседника.

— Ничего страшного, — сказал он, — длинный переход через горы, жара, к которой я не привык... Все это меня так утомило, что я чуть было не потерял сознание.

Рама-Модели поспешно отправился к ближайшему источнику за свежей водой, и молодой человек с жадностью сделал несколько глотков. Хотя он и уверял, что полностью

оправился, но и его взгляд, и цвет лица — все свидетельствовало о том, что он еще не пришел в себя от испытанного потрясения.

Сердара вовсе не обманули объяснения юноши по поводу его внезапной усталости, и он вежливо попросил извинения за свои слова, которые, вероятно, ранили национальное самолюбие англичанина, но были произнесены из добрых побуждений.

— Факты, о которых я вам рассказал, известны всем, — добавил он. — Теперь они принадлежат истории, и я был обязан упомянуть о них, чтобы вы поняли, насколько для вас важно хранить в тайне вашу национальность.

— Меня уже предупредили об этом, сударь, — ответил англичанин таким скорбным голосом, что он тронул сердце Покорителя джунглей. — И даже не зная о несчастье, происшедшем с отцом Рама-Модели, которое, я думаю, уничтожает все мои надежды, я представился ему как француз. К тому же мать моя была француженка.

— Объяснитесь, прошу вас, — сказал Сердар, в высшей степени заинтригованный.

— Увы, сударь, боюсь, что проделал две тысячи лье только для того, чтобы услышать, что вы ничем не можете мне помочь. — Он на мгновение замолчал, словно задыхаясь от нахлынувших эмоций, но тут же заговорил снова, понимая, что ситуация была весьма необычна.

— Одно слово, и вы все поймете. Меня зовут Эдуард Кемпбелл, я сын коменданта форта Хардвар.

Если бы земля разверзлась под ногами Покорителя джунглей, и то он был бы поражен меньше, чем услышав это удивительное признание. Выражение доброжелательного интереса, которое можно было прочесть на его лице, тут же исчезло.

— И что угодно от меня сыну майора Кемпбелла? — медленно отчеканил он.

— Англия отказывается защищать Верхнюю Бенгалию, — проговорил Эдуард так тихо, что Сердар едва слышал его. — Скоро форт Хардвар вынужден будет капитулировать. Я знаю, какая ужасная судьба ждет гарнизон, и я пришел умолять, как просят милости у Бога, единственного человека в Индии, обладающего сейчас властью, спасти моего несчастного отца!

Произнеся эти слова, словно страстную молитву, сын майора упал на колени перед Покорителем джунглей.

В наступившей тишине душераздирающие рыдания вырвались из его груди. Несчастный юноша чувствовал, что

отец его обречен. В ответ на просьбу спасти человека, который запятнал себя невинной кровью, вина которого была столь очевидна, что даже самые рьяные газеты Лондона не пытались защитить его, у Сердара едва не вырвался крик негодования. Две тысячи людей, словно стадо, были согнаны на площадь Хардвара и расстреляны двумя артиллерийскими батареями, которые прекратили огонь только тогда, когда смолк последний стон. В эту минуту перед Сердаром возникли их окровавленные тени, вопия о мщении или хотя бы о справедливости, и, вспомнив о палаче, он едва не обрушил гнев на его невиновного сына.

В Хардвар-Сикри была устроена страшная бойня, и, несмотря на безумие, охватившее английский народ, который в эти роковые дни с невероятной жестокостью требовал организации массовой резни, многие члены парламента, надо отдать им должное, потребовали наказания виновных. Две деревни, где жили главным образом отцы, матери и семьи сипаев, виновных в том, что с оружием в руках поддержали восстановление власти их бывшего монарха в Дели, были окружены гарнизоном Хардвара, и стариков, женщин, молодых людей, детей привели на плац, где проходили артиллерийские учения, и расстреляли всех до единого, наказав их за то, что их сыновья, отцы и мужья перешли на сторону революции. очевидцы рассказывали, что, пока капитан по имени Максвелл командовал расстрелом, в установившейся тишине слышны были крики новорожденных, сосавших материнскую грудь.

Можно себе представить, что подобное преступление вызвало небывалую ярость и жажду мести во всей Индии, и каждый, у кого в этой чудовищной мясорубке погиб близкий, поклялся убить любого англичанина, который попадется ему под руку.

Если бы только Рама-Модели заподозрил, что перед ним сын коменданта Хардвара, ни присутствие Сердара, ни возраст юноши не спасли бы последнего от расправы.

После случившегося в Хардваре Нана-Сахиб немедленно послал крупный отряд, чтобы осадить крепость. С минуты на минуту ждали, что она сдастся, ибо внутри свирепствовал голод.

Тронутый молодостью и глубоким горем собеседника, Сердар счел ненужным усугублять его отчаяние жестокими словами.

— Будьте уверены, — сказал он, подумав, — что если бы даже я захотел помочь вам, коменданту Хардвара не

удастся избежать правосудия индусов, сам Нана-Сахиб потерял бы на этом свое влияние и авторитет.

— Ах, сударь, — пролепетал юный Эдуард, заливаясь слезами, — если бы вы знали моего отца, если бы вы знали, как он мягок и добр, вы никогда не обвинили бы его в подобной низости.

— Не я, а вся Индия обвиняет его, все те, кто присутствовал при этой ужасной трагедии. К тому же отец ваш — старший по чину, ничто не могло свершиться без его приказа. Говорить больше не о чем.

— Сударь, я отказываюсь от намерения убедить и умолить вас.

Затем, воздев руки к небу, несчастный воскликнул:

— Ах, моя бедная Мэри, моя любимая сестра, что ты скажешь, когда узнаешь, что наш бедный отец погиб безвозвратно?

Слова эти были произнесены с такой глубокой болью и отчаянием, что Покоритель джунглей был растроган до слез, но он не хотел и не мог ничего сделать, поэтому лишь бессильно развел руками.

Рама-Модели не понимал ни слова по-французски, но слово «Хардвар», часто повторявшееся в разговоре, крайне возбуждало его любопытство. Он наблюдал за обоими собеседниками со жгучим вниманием, словно желая прочесть на их лицах тайну, о которой шла речь. Индус, однако, и не подозревал, свидетелем какой захватывающей и необыкновенной истории он был, хотя по отчаянию молодого человека он догадался о важности происходящего. Лишь много позже он узнал всю правду. Сердар рассказал ему все только тогда, когда это уже не представляло ни для кого опасности.

Оборот, который с самого начала принял разговор, не позволил Сердару сразу получить ответ на мучившую его загадку. Юный англичанин пока не объяснил Сердару, каким образом и с чьей помощью он добрался до него. Прежде чем проститься с Покорителем джунглей, он, естественно, заговорил об этом.

— Мне осталось, сударь, — сказал он, — вручить вам одну вещицу, которую мне доверил наш общий друг и которая должна была помочь мне встретиться с вами в случае, если бы вы отказались меня принять.

— Вы, разумеется, имеете в виду г-на де Роберваля, — перебил его Сердар. — В самом деле, ничья рекомендация не могла быть весомее. Но вы, конечно же, не сообщили ему о цели вашей поездки, в противном случае он сам понял бы всю ее бесполезность.

— Я незнаком с господином, о котором вы говорите. Друг, посоветовавший мне обратиться к вам как к единственному человеку, который может спасти моего отца, — это сэр Джон Ингрэхем, член английского парламента.

Теперь настал черед молодого человека удивиться тому, какое действие произвели его слова. Едва он произнес это имя, как Сердар побледнел и на какое-то время словно лишился дара речи. Было видно, что он взволнован. Но, привыкнув сдерживать свои чувства, он быстро обрел свойственное ему хладнокровие.

— Сэр Джон Ингрэхем! — несколько раз повторил он. — Да, это имя слишком глубоко запечатлено в моем сердце, чтобы я мог забыть его.

На несколько мгновений он, казалось, забыл обо всем, что его окружало, перенесясь мыслями в далекое прошлое, которое, несомненно, было полно тягостными воспоминаниями, ибо время от времени руки его лихорадочно вздрагивали и он вытирал пот со лба.

Озадаченный и смущенный переменой, происшедшей в его собеседнике, юный англичанин не осмеливался больше произнести ни слова и ждал, когда Сердар сам возобновит разговор.

Вскоре, однако, тот поднял голову, склонившуюся под грузом размышлений.

— Извините меня, — произнес он, — вы еще слишком молоды, чтобы понять, что значит вновь пережить прошлое, полное страданий и испытаний... Но все кончено, и мы можем продолжить наш разговор. Вы сказали, что вам поручено передать мне...

— Вот этот предмет, — ответил Эдуард Кемпбелл, протягивая ему маленькую сафьяновую коробочку.

Сердар поспешно открыл ее и, изучив с большим вниманием содержимое, пробормотал, словно обращаясь к самому себе:

— Я так и думал!

В коробке лежала половинка двойного кольца с датой, а под ним маленькая пергаментная ленточка, на которой знакомой ему рукой было написано: «Memento!» («Помни!»)

— Эдуард Кемпбелл, — сказал Покоритель джунглей серьезно и торжественно, — благодарите сэра Джона Ингрэхема за то, что ему пришла в голову мысль прибегнуть к этому святому для меня воспоминанию, во имя него я готов на все. Клянусь вам честью сделать все, что в человеческих силах, чтобы спасти вашего отца.

Безумный крик нежданной радости был ответом на эти слова, и молодой англичанин бросился к ногам Сердара, смеясь, плача, жестикулируя, словно безумный, целуя его колени.

— Довольно, успокойтесь, — сказал Покоритель джунглей, поднимая его, — и оставьте вашу благодарность для сэра Джона. Только ему вы будете обязаны жизнью вашего отца, если мне удастся спасти его. За мной есть один долг, и от вас мне не надо никакой признательности. Напротив, это я должен благодарить вас за то, что вы предоставили мне возможность расплатиться. Позже вы поймете мои слова, пока же я не могу сказать вам ничего больше. Итак, слушайте меня. Вы пойдете со мной, так как мой выкуп, то есть жизнь вашего отца, я вручу вам.

— Но я не один. Моя сестра Мэри, у которой хватило мужества сопровождать меня, ждет на французском пакет-боте.

— Очень хорошо. Чем многочисленнее будет наш караван, тем лучшим прикрытием это будет для наших планов. Вам придется строго следовать моим указаниям. Возвращайтесь на «Эриманту», которая завтра отправится в Пондишери. В этом городе вы и будете ждать меня, я прибуду туда самое позднее через две недели. И поскольку никто не должен подозревать о вашем родстве с комендантом Хардвара, вам следует изменить имя и взять фамилию матери, которая, как вы мне сказали, француженка.

— Это уже сделано, так как сэр Джон, наш покровитель, понял, что мы не сможем попасть в Индию, охваченную революцией, ни как англичане, ни как дети майора Кемпбелла, которому последние события создали ложную репутацию, я в этом уверен. Поэтому в списке пассажиров «Эриманты» мы записаны под именем нашей матери.

— Как ее зовут?

— Де Монмор де Монморен.

— Вы сын Дианы де Монмор де Монморен! — воскликнул Сердар, поднеся и прижав руку к груди, словно он боялся, что у него разобьется сердце.

— Да, нашу мать действительно зовут Дианой. Откуда вам это известно?

— Умоляю, не задавайте мне вопросов, я не смогу вам ответить.

Затем, подняв руки к небу в восторженном порыве, он воскликнул:

— О божественное провидение, те, кто не верит в тебя, ни разу не испытали на себе мудрость и неисповедимость

твоего промысла. — Снова обернувшись к юноше, он долго смотрел на него, говоря с самим собой.

— Как он похож на нее... Да, это ее черты, ее прелестный рот, ее большие ясные глаза, ее честный и чистый лоб, который ни разу не замутила дурная мысль... А я ничего не знал! Но уже более двадцати лет, как я покинул Францию, проклинаемый всеми, изгнанный, словно чумной. Ах! Я уверен, что она-то никогда меня не обвиняла... И у нее уже такие большие дети! Сколько тебе лет, Эдуард?

— Восемнадцать.

— А твоей сестре? — продолжал Сердар, не заметив, что обращается к юноше на «ты». Но теперь в его голосе звучали нотки такой нежности, что тот не обиделся.

— Мэри еще нет четырнадцати.

— Да-да... Ты говорил мне, что твой отец не мог отдать приказ о расстреле? Теперь я тебе верю, я слишком хорошо знаю Диану, ее высокие понятия о чести, она никогда бы не вышла замуж за человека, способного на подобные зверства. Я не только спасу, но и защищу твоего отца. Я объявлю всем, что он невиновен, и когда заговорит Срадхана, когда Покоритель джунглей скажет: «Это так!», кто посмеет опровергнуть его слова? О, благодарю тебя, Господи, благодарю! Отпущенные тобой добро и справедливость с лихвой возмещают все испытания.

Волнение, пережитое Сердаром, было слишком велико. Ему надо было успокоиться, прогуляться. Он вышел и, несмотря на злое таяканье шакалов и вой леопардов, которые время от времени слышались неподалеку, принялся расхаживать по небольшой площадке, устроенной перед башней. В голове его бродили мысли и воспоминания, которые заставили его совершенно забыть о нынешних опасностях.

От размышлений его отвлек Рама-Модели, который подошел к нему и, взяв за руку, сказал уважительно, но твердо:

— Сахиб, часы идут, время не ждет. Бобу Барнетту, возможно, нужна помощь. Мы должны до рассвета покинуть горы, иначе нас окружат. Надо быстро принять решение. Мы не можем больше терять ни минуты.

— Ты прав, Рама, — ответил Сердар, — нужно исполнить свой долг. Но какой необыкновенный день! Позже ты все узнаешь, ибо мне нечего скрывать от лучшего и самого верного друга.

Вдвоем они вернулись в башню. Сердар дал последние указания юному англичанину. Но как изменился его тон!

Можно было подумать, что это говорит самый нежный и любящий родственник.

Было условлено, что младший брат Рамы, Сива-Томби, будет находиться при Эдуарде в качестве спутника и проводника и не расстанется с ним. После бесконечных наставлений и просьб оберегать брата и сестру во время их путешествия в Пондишери Сердар вновь вернулся к заботам и грандиозным планам, которым он посвятил свою жизнь. Поэтому он объявил тому, кто для окружающих должен был стать теперь графом Эдуардом де Монмор де Монмореном, что пришло время расставания.

Вместо того чтобы просто протянуть ему руку как джентльмену, с которым он только что познакомился, Покоритель джунглей раскрыл ему объятия, в которые молодой человек бросился с неподдельной горячностью.

— Прощай, дитя мое, — сказал ему Сердар, и голос его прозвучал растроганно, — прощай, и до встречи в Пондишери...

Двое мужчин проводили Эдуарда и Сива-Томби до первых возделанных полей, чтобы защитить их от неприятных встреч. Доведя их до дороги между Пуант-де-Галль и Канди, где они уже не рисковали встретиться с хищниками, Сердар и Рама расстались с ними и изо всех сил поспешили к Нариндре и Сами, ожидавшим их возле озера Пантер, чтобы вместе отправиться на поиски генерала.

Глава IV

Что случилось с Барнеттом. — Охота в джунглях. — Грот. — Атака носорога. — Бесполезные призывы на помощь. — Битва Ауджали в джунглях. — Спасен!

Пока Сердар и Рама-Модели, ничуть не остерегаясь опасных гостей, которые могли им встретиться, карабкаются по крутым склонам Соманта-Кунты, вернемся немного назад и выясним, какие же причины так надолго задержали Боба Барнетта вдали от его друзей.

Несмотря на всю свою беззаботность, генерал все же не стал бы умышленно причинять им такое смертельное беспокойство, и мы увидим, что в одиночку он не мог выбраться из того ужасного положения, в которое попал, сам того не желая.

Когда он получил от Сердара разрешение поохотиться, доставившее ему, как мы видели, столько радости, у него

было твердое намерение ни в коем случае не увлекаться преследованием крупных животных — буйволов, кабанов, оленей, которые могли бы завлечь его слишком далеко. Он решил убить одного-двух зайцев и парочку индюшат, преследуя цель сугубо практическую — несколько разнообразить неизменное меню Нариндры и Сами, которое, как нам известно, состояло из рисовых галет и кофе, подслащенного сахарным сиропом. Подобная пища, говорил генерал, годится разве что для птиц и привыкших к ней индусов.

Будучи опытным охотником, которому достаточно только бросить взгляд, чтобы по рельефу местности и характеру растительности определить, с какой дичью ему придется иметь дело, Боб Барнетт сразу заметил в низовьях долины ковер из водяного мха и тростника, который всегда указывает на наличие болота. Со свойственной ему остротой мышления он пришел к выводу, что там, где есть болото, должна водиться и всякая водяная дичь. В восторге от такого умозаключения он уже представлял себе с полдюжины уток, нанизанных вместе с жирными болотными куликами на вертел и предназначенных на сегодняшней ужин.

Осуществить эту сладкую гастрономическую мечту было легко, так как перепончатопалая братия спокойно живет и кормится в болотах Цейлона; местные жители на нее не охотятся и не употребляют ее в пищу. Она водится там в таком изобилии, что достаточно нескольких выстрелов, чтобы раздобыть ее в нужном количестве.

По дороге великолепный заяц имел неосторожность выскочить на поляну в тридцати шагах от Боба, который уложил его с быстротой молнии и, сунув зайца в ягдташ, продолжил путь к тому месту, где он предполагал найти дичь и которое находилось в глубине долины. Поначалу ему встретился ряд небольших плато, облегчивших ему дорогу. Но постепенно спуск усложнился, и ему пришлось, закинув карабин за плечо, хвататься за ветки деревьев и стволы бамбука, чтобы не оказаться внизу раньше времени. Насколько хватало глаз, перед ним простирались бесконечные леса, чья волнистая линия отмечала все извивы рельефа. Они тянулись до самого прохода в Анудхарапур, который с восточной стороны оканчивался своеобразным цирком, окруженным недоступными обрывами. Выйти оттуда можно было либо через этот проход, либо взобравшись по тому откосу, по которому спускался Барнетт.

Этот участок местности, имеющий форму сильно вытянутого параллелограмма, насчитывает всего от четырех до

пяти лье в ширину, но тянется от Соманта-Кунты до развалин древнего Анудхарapura, построенного при выходе из огромной котловины, заполненной зеленью, окруженной почти вертикальными горами, тянущимися примерно на 16 лье. Чтобы спуститься в котловину или выйти из нее, надо воспользоваться тем единственным проходом, о котором мы только что упомянули, так как подъем по склону, избранному Барнеттом для спуска, требовал такой осторожности и такой физической силы, что его едва ли можно было считать дорогой.

Казалось, природе угодно было создать здесь заповедник для хищников, чтобы они могли спокойно жить и размножаться, не потревоженные человеком. Для тысяч тигров, леопардов, черных пантер это было излюбленное место обитания: отсюда, с крутых склонов, они устремлялись ночью вниз и вжимали дань со стад местных жителей, когда охота на оленей, кабанов, пекари и мелкую дичь — зайцев, диких коз и т. п. — бывала неудачной. Здесь жили также большие стада диких слонов, чьи владения простирались до озера Кенделле в провинции Тринкомали. Там водилось несколько пар больших индийских носорогов, которые в изобилии населяли Азию в конце третичной эпохи, а ныне почти совсем исчезли. И виной тому, быть может, не столько изменившиеся условия жизни на земном шаре, сколько война, объявленная носорогу человеком, ибо ничто не могло бы помешать его размножению в джунглях и бескрайней глуши Индии и Цейлона.

Именно в этом месте, которое невозможно было пересечь, оставшись невредимым, месте, откуда, по словам Рама-Модели, не вернулся ни один охотник, именно здесь Барнетт решил предаться любимому развлечению. Через два часа, после усилий и упражнений, достойных гимнаста, генерал наконец спустился в низину.

— God bless me! — воскликнул он, подняв голову и озирая проделанный им путь. — Как же я теперь поднимусь наверх?

Но эта мысль не остановила его, и он поставил себе целью дойти до болота, которое он увидел с плато. Болото было окружено высоким тростником и бамбуком, поэтому Боб смог добраться до его берегов, не потревожив укрывшихся там многочисленных гостей.

Едва бросив взгляд сквозь густую листву, он был очарован. Тучи уток-мандаринок, золотистых ржанок, куликов резвились, щипали короткую болотную траву, не подозревая о его присутствии. И вот несказанная радость

для гурмана: в уголке безмятежно, с довольным, сытым видом отдыхала целая стая гигантских уток, которые превосходят своими размерами обычного гуся, из-за своего сочного, вкусного мяса они получили в Индии прозвище уток-браминов.

Дрожа, словно охотник-новичок, Боб Барнетт загнал в ствол карабина патроны № 3. Он посчитал их достаточными, учитывая малую дистанцию, на которой находились его жертвы, — не более 30—40 метров, и, растянувшись на земле, чтобы ружье располагалось горизонтально, тщательно прицелился в самую гущу стаи. Из воды высывались только головы и шеи уток, они были столь неподвижны, что походили на кегли, воткнутые в тину.

Он выстрелил, и свершилось чудо, объясняемое, несомненно, тем, что эти птицы никогда не слышали выстрелов. Вместо того чтобы тут же взлететь и укрыться где-нибудь подальше, стая, спутав шум выстрела с шумом грома, столь частого на Цейлоне, где и дня не проходит без грозы, ограничилась тем, что оторвалась от своих занятий, поглядывая по сторонам, но не проявляя, впрочем, чрезмерного беспокойства.

Но когда Барнетт, раздвинув листья, показался на краю болота, чтобы посмотреть, насколько удачен был его выстрел, началось невообразимое: раздался оглушительный крик, хлопанье крыльев, и все птицы, большие и малые, разом поднялись и опустились в сотне метров от прежнего места.

Боба ожидал триумф: семь убитых уток-браминов покачивались на поверхности болота, а три другие, тяжело раненные, бились в траве, куда они сумели уползти, тщетно пытаясь спастись бегством. Прикончить их и подобрать остальных было минутным делом, так как в этом месте болото было неглубоким.

Имея в ягдташе зайца и десять гигантских уток, Барнетт был нагружен до отказа. Поскольку ему не приходилось рассчитывать на то, что он сможет подняться на Соманта-Кунту со всей этой добычей, Боб не мог не пожалеть о том, что придется расстаться с некоторыми из этих великолепных экземпляров. Внезапно ему пришла в голову замечательная идея: солнце стояло еще высоко над горизонтом, а упражнения, которыми он вынужден был заняться в дороге, пробудили у него зверский аппетит. Его желудок уже давно позабыл об утренних галетах. Если бы он зажарил двух чудесных уток, у него вполне хватило бы

сил с ними расправиться. К тому же тогда не пришлось бы выбрасывать их или тащить на себе.

Решение было быстро принято, и Барнетт счел долгом найти подходящее местечко, дабы предаться деликатному гастрономическому действию. Связав добычу высохшей лианой, он пошел вдоль подошвы горы и скоро набрел на естественный грот, уходивший под землю между двумя остроконечными скалами, которые, казалось, выточила рука человека.

Барнетт вошел внутрь с карабином наготове, чтобы удостовериться, что пещера не служила дном убежищем какой-нибудь пантере. Дно грота метров через двадцать резко уходило вниз, превращаясь в узкий проход высотой примерно в метр, глубиной метров в пять, который обрывался тупиком. Глаза Боба постепенно привыкли к темноте, и он убедился, что в гроте никто не скрывается. Хищники, кстати, естественным убежищам, встречающимся в скалах, предпочитают густые лесные кустарники.

Барнетт вернулся к входу в пещеру, сложил костер из хвороста, разжег его, затем ошипал, выпотрошил и опалил по всем правилам кулинарного искусства двух самых нежных и молодых уток, нанизал их на деревянный вертел, который подвесил над огнем на двух рогульках.

Птицы, прошедшие свои дни в довольстве, были покрыты замечательным слоем жира, по цвету напоминавшего свежее сливочное масло, смотреть на него было одно удовольствие. Утки начали медленно зарумяниваться под бдительным оком Барнетта, который следил за ними, облизываясь с невероятной серьезностью.

Впервые с тех пор, как нога его ступила на землю Цейлона, прославленному генералу предстоял наконец обед, достойный христианина, который позволил бы ему забыть безвкусные галеты Нариндры.

Минута, когда опытный повар должен с быстротой молнии извлечь из огня свое творение, приближалась, и Барнетт, который собрал по дороге несколько лимонов с очевидным намерением усовершенствовать свой шедевр, любовно выжимал лимонный сок, поливая им уток. Их кожа постепенно покрывалась пузырьками, без которых, как считает Брейя-Саварен, жаркое не может считаться удавшимся. Вдруг послышался необычный шум, отвлекший генерала от его занятия. Казалось, что валежник и кусты трещат под чьей-то тяжелой поступью.

Но прежде чем Барнетт успел сообразить, что происходит, шум стал нарастать с тревожной быстротой, и вдруг

огромный носорог появился между двух скал у входа в пещеру, где генерал расположился, чтобы ветер не слишком раздувал огонь и не мешал правильному приготовлению жаркого.

Эта предосторожность, свидетельствовавшая о немалом кулинарном опыте, оказалась роковой. Когда Барнетт увидел страшного гостя, он понял, что ему некуда бежать.

Боб был храбрым человеком и не раз доказал это. Несмотря на дрожь ужаса, охватившую его при этом внезапном появлении, он не потерял головы. Но именно благодаря своему хладнокровию он сразу понял, что погиб безвозвратно.

Тем не менее он тут же схватил лежавший рядом карабин, с молниеносной быстротой заменил вставленный туда охотничий патрон другим, с конической пулей со стальным наконечником, и в два прыжка оказался внутри грота.

Носорог был удивлен не меньше, увидев странное существо, преградившее ему путь в жилище. Он слегка поколебался, не зная, что предпринять, затем, издав ужасающий рев, бросился вперед, наклонив голову. Но Барнетт, предвидя эту атаку, быстро забрался в узкий проход, которым заканчивался грот и куда не мог проникнуть его огромный противник. К несчастью, чтобы залезть туда, ему пришлось встать на колени, при этом он уронил карабин и не сумел поднять его, так как носорог был уже рядом. Когда Боб, добравшись до конца туннеля, обернулся, то задрожал от страха: носорог засунул в туннель голову, и она находилась в пятидесяти сантиметрах от Барнетта. У Боба не осталось другого оружия, кроме револьвера, но он быстро понял, что воспользоваться им не придется.

Носорог — одно из глупейших созданий на свете. Просунув в туннель голову, он никак не мог понять, что тело его туда не пройдет. В течение долгого времени он оставался на месте, неистовствуя и упорно пытаясь завладеть добычей, которая была так близка.

Боб хотел было избавить носорога от этого наваждения, выстрелив в него из револьвера. Револьвер был большого калибра и смог бы оказать на животное определенное воздействие. Но в ту минуту, когда Боб решил выстрелить, внезапная мысль пришла в голову. Пуля, будучи безобидной для тела гиганта, могла сразить его наповал, попади она через глаз в мозг. В каком ужасном положении оказался бы тогда Барнетт! Его завалило бы в узком проходе, где

едва можно было повернуться, огромной тушей в пять-шесть тонн, сдвинуть которую было нельзя. Его ожидала бы мучительная смерть от голода рядом со зловонным, разлагающимся телом.

Все взвесив, Боб пришел к выводу, что в сложившейся ситуации он с уверенностью мог рассчитывать на то, что рано или поздно носорог устанет и что, во всяком случае, голод, укрощающий самых свирепых зверей, заставит его отправиться на поиски пищи.

Надо признать, Боб находился в положении, когда любой смельчак растерялся бы. Согнувшись вдвое в каменном чулане, оглохнув от криков бессильной ярости огромного чудовища, он к тому же почти задохнулся от отвратительного, тошнотворного дыхания носорога, заполнявшего узкий туннель.

Мы должны сказать, что энергичный янки переносил выпавшее ему испытание с редким мужеством. Как только он убедился, что стены его тюрьмы достаточно прочны, чтобы противостоять любым атакам нападающего, он полностью овладел собой, и в конце концов у него появилась надежда. Он хорошо знал Покорителя джунглей и его спутников и был уверен, что они не замедлят прийти ему на помощь.

Если бы это происшествие случилось с ним на час позже, когда, основательно заправившись, он собирался бы вернуться к друзьям, ему удалось бы по крайней мере насладиться чудесным обедом, который он состряпал. Так нет же! Злой судьбе было угодно лишить его этого гастрономического утешения. Он никак не мог смириться с мыслью о двух утках, так прекрасно приготовленных и ускользнувших от него в самый последний момент.

— Ах, капитан Максвелл! Капитан Максвелл! — бормотал время от времени, сидя в своей дыре, генерал. — Придется добавить еще одну статью в графу «дебет». Боюсь, что, когда мы встретимся, вы не сможете расплатиться по счету, так вы мне задолжали!

И мысленно он добавлял в свою книгу:

— Да... две превосходно зажаренные утки и вся охотничья добыча потеряны по вине господина Максвелла. *Idem** длительное заточение в дыре нос к носу с носорогом... также по вине вышеупомянутого.

— И я, разумеется, нисколько не преувеличиваю, —

* А также — (лат.)

говорил себе Боб Барнетт, погружившись в размышления. Времени для этого у него было теперь предостаточно. — Если бы этот подлец Максвелл не арестовал раджу Ауда и тем самым не выгнал бы меня из моего дворца, совершенно очевидно, что не было бы революции, чтобы восстановить раджу на престоле. А если бы не было революции, я не поступил бы на службу к Нана-Сахибу и Покорителю джунглей, а не поступи я на службу...

Дальше можно не продолжать, и без того ясно, какая цепочка рассуждений и ассоциаций приводила начальника артиллерии раджи к тому, чтобы взвалить на ненавистного английского капитана ответственность за все неприятности, приключившиеся с ним.

Когда он узнал, что имя офицера, командовавшего расстрелом в Хардвар-Сикри, было Максвелл, хотя Максвеллов в Англии так же много, как во Франции Дюранов и Бернаров, Боб убежденно воскликнул:

— Это мой молодец, только он способен на подобные гнусности.

И, не моргнув глазом, хотя это дело его не касалось, Барнетт приплюсовал его на счет англичанина.

Тем временем носорог, утомившись неудобной позицией, отступил на середину грота, не переставая, однако, наблюдать за своим пленником, растянувшись во всю длину и положив морду на передние ноги. Он настолько при этом успокоился, что заснул.

У этого существа со скудным умишком, с почти полным отсутствием памяти перепады настроения таковы, что часто за несколько мгновений оно переходит от слепой ярости к полнейшей апатии. И не было бы ничего удивительного, если бы носорог просто поднялся и отправился в джунгли, совершенно позабыв о противнике, которого час назад преследовал с невероятным ожесточением.

Но развязка драмы оказалась отнюдь не столь мирной и безмятежной. Наступившая ночь не внесла никакого изменения в положение обоих противников. В гроте стоял полный мрак, и хотя Боб Барнетт слышал мерный храп колосса, он не решался воспользоваться его сном, чтобы попытаться бежать, ибо неудача означала верную смерть. Разумеется, Боб все поставил бы на карту, если бы не был уверен, что до рассвета к нему подоспеет помощь и что, во всяком случае, с наступлением утра его враг, отличающийся отменным аппетитом, как все представители его породы, будет вынужден отправиться на поиски пищи.

Взошла луна, освещающая слабым светом только вход в

пещеру. Вдруг носорог поднялся, проявляя очевидные признаки беспокойства. Он начал в волнении прохаживаться взад и вперед по гроту, подавляя мощные зевки, которые у этого животного всегда служат предвестником неистовых приступов ярости. Барнетт недоумевал по поводу такой резкой перемены в настроении животного, как вдруг недалеко от грота раздался раскатистый, величественный крик, на который носорог ответил свирепым рычанием, не покидая, однако, своего укрытия.

Кто же был этот новый противник, которого носорог боялся так, что не решался сразиться с ним снаружи?

Новый крик, на сей раз полный гнева, раздался почти у входа в грот, и в белом свете луны, падавшем между двух скал, появился посланец Покорителя джунглей.

Барнетт, продвинувшись к самому выходу из туннеля, служившего ему убежищем, узнал его.

— Ко мне, Ауджали! Ко мне! — сразу же крикнул он.

Услышав звуки хорошо знакомого ему голоса, слон бросился в грот, задрал хобот, издавая боевой клич. Он шел прямо на носорога, который поджидал его, съезжившись в углу, не напрашиваясь на бой, но и не избегая его.

Взору генерала предстало ужасное зрелище борьбы двух охваченных яростью и неистовством животных.

Когда Ауджали набросился на носорога, тот, наклонив голову, сжавшись, метнулся в сторону, чтобы избежать объятий грозного противника, и тут же атаковал его с невероятной ловкостью, пытаясь всадить ему в брюхо свой страшный рог. Слон-новичок, несомненно, попался бы на эту уловку, но Ауджали был старый боец, воспитанный начальником королевских слонов из Майсура и обученный всем приемам. Уже много раз во время больших празднеств, устраивавшихся раджой, он мерялся силами с соплеменниками нынешнего врага и знал ту единственную хитрость, которой инстинктивно пользуются носороги. Поэтому он развернулся с тем же проворством, подставив противнику свою неуязвимую грудь. В этом первом столкновении Ауджали попытался хоботом схватить рог врага, но тот умело отпрянул и, быстро повернувшись вправо, постарался вновь нанести удар, который у него не получился в первый раз. Это его и погубило, ибо слон, повернувшись, не пытался больше схватить его за рог, что было нелегко в полутьме пещеры, а лягнул задними ногами с такой чудовищной силой, что носорог был отброшен к самому выходу. Не дав ему возможности подняться, Ауджали пригвоздил его к земле бивнями, а затем, набросившись на носорога, стал в

ярости топтать и давить его, пока тот не превратился в неподвижную кровавую массу.

Боб Барнетт, выйдя наконец из своей тюрьмы, пытался успокоить слона ласковыми словами, но ему удалось это только после долгих усилий, настолько это животное, обычно доброе и ласковое, возбуждается во время битвы. К длинному списку услуг, оказанных благородным Ауджали своим хозяевам, прибавился новый подвиг. Точнее было бы сказать, не хозяевам, а друзьям, и мы не погрешим против истины, так как в целом мире человеку не найти существа, более ему преданного и верного, чем слон.

Глава V

Ночное привидение. — Страх Сами. — Западня. — Английский шпион. — Пленники. — Военный трибунал. — Таинственное предупреждение. — Приговорены к повешению. — Последние часы Барнетта. — Общество Духов вод. — Завещание янки.

Боб Барнетт взобрался на шею Ауджали, который с легкостью преодолевал самые крутые склоны, и не прошло и часа, как они уже были у озера Пантер, оказавшись там почти одновременно с Покорителем джунглей и Рама-Модели.

После того как Сердар выслушал рассказ о происшедшем, у него не хватило духу упрекать товарища, тем более что он был счастлив вдвойне: и от того, что Боб, которого он считал погибшим, оказался жив, и от того, что Ауджали в этом приключении вновь показал свою сообразительность.

— Теперь, когда мы собрались вместе, — обратился он к спутникам, — нас здесь больше ничто не задерживает. Наша задача — не попасть в ловушку, расставленную нам англичанами. К счастью, Рама был предупрежден о ней вовремя.

— В чем дело? — спросил Барнетт.

— Этого следовало ожидать, — ответил Сердар. — Английские власти Калькутты сообщили о нас губернатору Цейлона, который на рассвете собирается окружить нас батальонами туземцев. Но он сильно заблуждается, полагая, что ему удастся так легко захватить нас.

В этот момент юный Сами испустил крик ужаса. С растерянным, блуждающим взором он протягивал руку в направлении кустарников, нависших над балкой. Юноша буквально остолбенел и не в состоянии был произнести ни слова, а меж тем он не был трусом, иначе Покоритель джунглей не приблизил бы его к себе.

— Что случилось? — спросил Сердар скорее удивленно, чем обеспокоенно.

— Ну! Говори же! — сказал Нариндра, тряся его.

— Там... там... ракшаса! — наконец едва выговорил бедняга.

В Индии, где вера в привидения часто лишает сна людей низших каст, чрезмерно суеверных, ракшаса играет примерно ту же роль, что в средние века оборотень во французских деревнях. Но поскольку воображение у индусов куда более пылкое, ужасный ракшаса не идет ни в какое сравнение с западным собратом. Он не только бродит каждую ночь и тревожит сон людей, может принимать обличья самых фантастических чудовищ и зверей, не только похищает трупы и питается ими. Он к тому же обладает способностью меняться телом с тем человеком, которого хочет извести, заставляя жертву бегать по лесам и джунглям в виде шакала, волка или змеи, в то время как сам он, чтобы отдохнуть от бродячей жизни, принимает обличье этого человека и занимает место в его доме, рядом с его женой и детьми.

Эти верования разделяются всеми индусами, так как очень немногие, даже среди высших классов, находят в себе силы, чтобы противостоять подобным суевериям.

— Ракшаса существует только в твоем воображении, — ответил Нариндра, направившись к кустам, на которые указывал Сами.

Маратх был настоящим вольнодумцем, а под влиянием Покорителя джунглей он окончательно распрощался с абсурдными верованиями своей страны. Он вернулся через несколько минут, обшарив кустарники и тщательно обследовав все вокруг.

— Там никого нет, — сказал он. — Тебе хочется спать, мой бедный Сами, и ты принял сон за реальность.

— Я не спал, Нариндра, — решительно ответил юноша. — Сахиб рассказывал мастеру Барнетту, что губернатор Цейлона хочет окружить гору сипаями, как вдруг ветки куста раздвинулись, и появилась чудовищная голова, вся раскрашенная белыми полосами, я видел ее так же ясно,

как вижу вас, Нариндра. Я не смог сдержать крик, и голова исчезла так же быстро, как появилась.

Сердар был задумчив и не проронил ни слова во время этого происшествия.

— Разве последователи Кали, богини крови, в некоторых случаях не расписывают лица белой краской? — спросил он у Рама-Модели, внимательно выслушав объяснения Сами.

— Совершенно верно, — ответил заклинатель пантер дрожащим голосом, ибо, как и все его соотечественники, слепо верил в привидения.

— Что же, — продолжал Покоритель, казалось, не замечая волнения Рамы, — если Сами действительно видел в кустах похожую физиономию, это может быть только кто-нибудь из этих негодяев, они одни из всех индусов предали своих братьев и согласились стать английскими шпионами.

— Сахиб ошибается. Никто из них не осмелился бы подойти так близко к грозному Срадхане, в особенности когда луна освещает плато почти как днем. Сами увидел ракшасу... Вот! Вот! — голос Рамы прервался от страха. — Смотрите, вот он, вон там!

Все посмотрели в направлении, указанном заклинателем, и действительно, в середине острова карликовых пальм, находившихся метрах в пятидесяти, на отлогости плато, увидели странную, гримасничающую физиономию, всю расписанную белой краской, которая, казалось, смотрела на наших героев с вызовом.

Сердар молниеносно вскинул ружье, прицелился и выстрелил. Поскольку привидение было точно взято на прицел, он опустил карабин и холодно заметил:

— Кто бы то ни был, человек или дьявол, он получил свое.

Хотя Рама был пригвожден ужасом к месту, у него вырвался недоверчивый жест, и он пробормотал на ухо прижавшемуся к нему Сами:

— Это ракшаса, пули против него бессильны.

В это время Нариндра, поспешивший вперед, крикнул с яростью и разочарованием:

— Опять никого!

— Этого не может быть, — ответил Сердар, переставая что-либо понимать.

Вместе с Бобом Барнеттом он бросился к Нариндре, который, забыв о всякой осмотрительности, обследовал соседнюю рощицу.

Полная луна сияла вовсю, заливая ярким светом вершину Соманта-Кунты. Друзья находились на склоне, обращенном в сторону Пуант-де-Галль, не приняв никаких мер предосторожности. Их могли заметить с Королевского форта и с помощью подзорной трубы точно определить местонахождение беглецов.

— Все это плохо кончится, — вздохнул Рама, который вместе с юным Сами предусмотрительно держался рядом с Ауджали. — Стрелять в ракету... Нет такой силы в мире, которая может не опасаться мести злых духов.

В тот момент, когда двое белых и Нариндра уже решили прекратить поиски, они вдруг заметили слева, шагах в двадцати, совершенно голого туземца, внезапно выскочившего из зарослей бамбука и пустившегося наутек. Нариндра увидел его первым и, не тратя времени на советы с товарищами, пустился за ним в погоню. Сердар и Барнетт вынуждены были броситься Нариндре на подмогу.

Разумеется, это был шпион, вероятно, следовало взять его в плен, чтобы получить от него сведения о планах англичан. С другой стороны, не было ли это потерей драгоценного времени? Возможно, шпион только подтвердил бы то, что уже сообщил Рама-Модели... Все эти мысли промелькнули у Сердара, но события разворачивались с такой быстротой, что, несмотря на присущую ему осторожность, у него не было времени поразмыслить и принять наиболее мудрое решение — дать шпиону возможность скрыться, а самим скорее добраться до джунглей Анудхарапура.

Сердар слишком поздно понял, какую ошибку допустил Нариндра. Индус пытался перерезать беглецу путь, чтобы тот повернул назад и попал в руки Сердара и Барнетта. Внимательный и беспристрастный наблюдатель сразу бы заметил, что преследуемый вел себя так, словно хотел, чтобы этот план удался. Вместо того чтобы спускаться напрямик, что было для него легче всего, беглец описал дугу и оказался среди многочисленных кустарников и густых зарослей бамбука и карликовых пальм, которые, безусловно, затрудняли его продвижение.

Добравшись до середины плато, он вдруг споткнулся и тяжело рухнул на землю.

Нариндра, бежавший за ним следом, не смог сдержать победного возгласа и бросился на туземца, удерживая его до появления спутников. Едва они приблизились, как декорации переменялись: из-за каждого дерева по сигналу, сильному свисту, поднялись сингальские сипаи с примкну-

тыми штыками, и наши безоружные герои — свои карабины они оставили на верхнем плато — моментально были окружены отрядом примерно в триста человек.

— Сдавайтесь, господа, — произнес английский офицер, который, отделившись от своих людей, подошел к железному кругу, образованному скрещенными штыками. — Вы видите, что сопротивление бесполезно.

Онемев от изумления, сгорая от стыда, что они попали в такую ловушку, Сердар и его товарищи вынуждены были сознаться в полной беспомощности.

— Кого из вас двоих именуют Покорителем джунглей? — продолжал офицер, обращаясь к белым.

Сердару предстояло сыграть подобающую ему роль: в несчастье он должен был держаться с невозмутимым достоинством и проявить перед заклятыми врагами мужество, оказавшись на высоте своей репутации.

Он сделал несколько шагов по направлению к офицеру и сказал просто:

— Обычно этим именем, сударь, индусы называют меня.

Англичанин посмотрел на него с любопытством, полным восхищения, ибо подвиги Сердара сделали его легендарным даже среди врагов.

— Вы — мой пленник, сударь, — сказал он Сердару. — Дайте мне слово, что вы не попытаетесь бежать, пока находитесь под моей охраной, и я постараюсь смягчить строгость вашего заключения.

— А если я откажусь?

— Я буду вынужден связать вам руки за спиной.

— Хорошо, я даю вам слово.

— Я прошу вас о том же, сударь, — продолжал офицер, обращаясь к Бобу Барнетту, — хотя и не имею чести знать вас.

— Полковник американской армии Боб Барнетт, — ответил тот с гордостью, — бывший генерал раджи Ауда. Я тоже даю вам слово.

— Хорошо, сударь, — произнес офицер, склонив голову. — Как и ваш товарищ, вы свободны среди моих сипаев.

Что касается Нариндры, то по сигналу командира отряда его связали, точно колбасу, и, пропустив вдоль тела длинную бамбуковую палку, двое сипаев взвалили беднягу себе на плечи.

Офицер дал сигнал к отправлению, и отряд двинулся в сторону Пуант-де-Галль, куда и прибыл незадолго до рассвета.

Пленников заключили под стражу в Королевском форте,

где им объявили, что через некоторое время соберется военный трибунал, чтобы судить их. Преступление их было очевидно — помощь мятежникам и государственная измена, направленная на подрыв власти королевы. По закону военного времени, принятому после начала восстания в Индии и на Цейлоне, они должны были предстать перед чрезвычайным трибуналом. В целях устрашения и быстрого подавления сопротивления закон требовал, чтобы всякий мятежник был судим, а приговор, каким бы он ни был, приведен в исполнение через два часа после ареста.

Этот несправедливый закон, годный лишь на то, чтобы возбуждать в человеке самые низменные инстинкты, которые часто — увы! — в нем только дремлют, кроме того, гласил, что в случае необходимости военный трибунал мог состоять из трех простых солдат под председательством самого опытного из них и мог распоряжаться жизнью и смертью любого индуса, будь то мятежник или сообщник.

Англия с помощью жестокой игры, а точнее, жалкого подобия правосудия смогла утверждать, что ни один восставший не был казнен без суда.

Когда позже англичане взяли верх, солдаты, устав от резни, делали передышку, чтобы подсчитать трупы, затем организовывали военный трибунал и задним числом выносили приговор, чтобы узаконить совершенные ими расправы, приговаривая к смерти двести — триста несчастных, которых уже не было в живых.

Дальше зайти в «любви к законности» невозможно. Не следует думать, что мы преувеличиваем: эти и многие другие факты подтверждаются неопровержимыми свидетельствами. В течение двух лет, удушив революцию, англичане топили Индию в крови, убивая стариков, женщин и детей с рассчитанной целью — оставить такие страшные воспоминания, чтобы никогда впредь у индусов не возникало желания вернуть себе независимость. Каким жестоким зверем делается англосакс, особенно когда ему страшно, что он потеряет Индию!

Подумать только, что именно эти люди в газетах обвиняют наших солдат в жестокости в Тонкине и других местах... Никогда бы французская армия после восстановления порядка не согласилась — даже в течение суток — выполнять функции палача, которые английская армия отправляла в течение двух лет.

Но прах сотен тысяч павших за свободу индусов может мирно покоиться в родной земле. От далеких границ прибли-

жаются быстрые кони казаков Дона и Урала. Киргизские всадники и бывшие туркестанские кочевники проходят выучку под знаменами белого царя, и не пройдет и четверти века, как правосудие Божие придет на землю Индии вместе с русскими полками, и будут отомщены мертвые и наказаны убийцы.

Однако Покорителю джунглей не нанесли оскорбления, его судили не трое солдат, накачавшихся виски. Военный трибунал, перед которым он предстал с друзьями через четверть часа после их прибытия в Пуант-де-Галль, возглавлял генерал в присутствии высших офицеров. Приговор был вынесен заранее, и допрос носил формальный характер. Боб Барнетт, как истый американец, запротестовал против чрезвычайной процедуры и потребовал, чтобы его выпустили на свободу под залог. Ему рассмеялись в лицо, объяснив, что означают слова «военный трибунал». Боб не был обескуражен, он обвинил суд в неправомочности и потребовал отсрочки в две недели, чтобы...

— Чтобы вы могли бежать, — шутя перебил его председатель.

— Не премину! — дерзко бросил Барнетт, вызвав хохот у присутствующих.

Короче, он потребовал адвоката, в этом ему было отказано. Тогда он стал настаивать, чтобы ему предъявили обвинительный акт, суд не счел необходимым его составлять. Попросив свидания со своим консулом, Боб исчерпал все процедурные уловки, знакомые ему по прежней его профессии судебного ходатая. В конце концов он воззвал к потомкам и истории, судьи давились от смеха. И все это ради того, чтобы через четверть часа Боба вместе с товарищами без лишних слов приговорили к смерти через повешение. Казнь должна была состояться на рассвете.

Чтобы не расстреливать их, с ними обошлись как с простыми гражданскими лицами, замышлявшими против безопасности государства.

После вынесения приговора им объявили, что до восхода солнца остается ровно десять минут и, как только солнце взойдет, они предстанут перед высшим судьей.

Покоритель джунглей выслушал все это молча и улыбаясь, словно все происходящее его не касалось.

Когда их отвели в тюрьму, Боб Барнетт продолжал удивлять окружающих: он потребовал завтрак, который ему тут же принесли. Поглощая последнюю в жизни еду с завидным аппетитом, он одновременно написал пять или шесть писем. Одно — папаше Барнетту, где сообщил ему,

что в перипетиях революции потерял чин генерала и что его повесят через семь с половиной минут. Другое — капитану Максвеллу, которого уведомлял с великим сожалением, что им удастся свести счеты друг с другом только в долине Иосафата в день Страшного суда. Он срезал у себя пять или шесть прядей волос, разложил их по конвертам, вручив все одному из стражников, который отнес пакет на почту.

Покоритель джунглей спокойно прохаживался по камере, как вдруг маленькая записка, брошенная через зарешеченное окно, упала к его ногам. Он поднял ее и быстро прочел. В ней были вот эти простые слова: «Не бойтесь, мы здесь». И подпись — Духи вод.

Радостная улыбка озарила его лицо, но он сдержался, ничем не выдав охвативших его чувств.

«Духи вод» — так называлось широко разветвленное тайное общество, имевшее в Индии и на Цейлоне многочисленных последователей. Целью его было освободить древнюю страну браминов от чужеземного владычества. Именно благодаря Духам вод двести тысяч сипаев поднялись все как один в назначенный день и час.

Покоритель джунглей до начала восстания был душой и руководителем этого общества. Он продолжал оставаться его главой, хотя после успеха заговора связи между членами общества, разумеется, ослабли, поскольку тайна перестала быть необходимым условием успеха.

Следует признать, что среди коренного сингальского населения у них не было приверженцев, так как со времен буддистской реформы сингальцев раздирали религиозные распри. Однако на Цейлоне насчитывается немало поселенцев-малабарцев, составляющих почти третью часть всего населения. Живут они в городах, среди них есть коммерсанты, банкиры, судовладельцы, ювелиры, кузнецы, ремесленники, скульпторы, работающие по дереву, гончары. Из этого следует, что города, и главным образом Пуант-де-Галь, Коломбо, Джафнапатнама, населены в основном индусами из Малабара и Короманделя. Все они без исключения были членами общества «Духи вод», и вот что произошло после ареста Сердара и двух его товарищей, за которым Сами и Рама-Модели наблюдали с верхнего плато, предусмотрительно спрятавшись в густой листве. Они готовы были в любую минуту броситься вместе с Ауджали в долину Анудхарапура, если бы сингальские сипаи вздумали забраться на вершину горы.

Но либо об их присутствии было неизвестно, либо они не представляли ценности в качестве пленников. Как мы видели, офицер, командовавший отрядом, довольствовался крупной добычей, попавшей ему в руки благодаря хитрости одного из шпионов.

Едва отряд скрылся из глаз, как Рама-Модели вместе с Сами взобрался на спину Ауджали и, пустив слона во всю прыть, двинулся по направлению к Пуант-де-Галль через ложину, которая не огибала гору, а шла напрямик. Путь этот, известный только Рама-Модели, был вдвое короче обычного.

Прибыв в город и значительно обогнав отряд, Рама тут же собрал у себя дома группу друзей. Он рассказал им о случившемся и о той опасности, которой подвергается Покоритель джунглей, оказавший огромную помощь их делу. Состоялся совет, на котором был выработан совместный план для того, чтобы спасти Сердара и двух его товарищей.

В Пуант-де-Галль было около восьмисот членов общества, решено было известить их как можно быстрее. При условии, что каждый вновь оповещенный предупредит тех, кого он знает, новость распространялась меньше чем за полчаса.

План, предложенный Рама-Модели, был принят с энтузиазмом, и все немедленно рассыпались по городу, чтобы предупредить членов общества и выполнить таким образом первую часть задуманного. Что касается второй его части, то мы увидим на деле, можно ли было осуществить ее легко и быстро. Самое главное — быстро, потому что в 25 шагах от площади Королевского форта, где должна была состояться казнь, пушки широко разевали свои глотки. С момента восстания индийских сипаев они были заряжены смертоносным чугуном.

Что касается записки, полученной Сердаром, ее передал один из друзей Рама-Модели, который сам вызвался бросить ее в камеру.

Как только Сердар ознакомился с содержанием записки, его первой мыслью было рассказать о ней генералу, но тот был настолько занят выполнением положенных в последний час формальностей — письмами к родным и друзьям, завещанием, раздачей прядей волос и прочих мелких сувениров, то есть всеми священными для каждого приговоренного к смерти обязанностями, что Покоритель джунглей побоялся отвлечь Боба от этих увлекательных занятий и вызвать с его стороны реакцию, которая навела бы тюремщиков на подозрение о готовящемся побеге.

Славный Барнетт писал с таким спокойствием, что на стороннего наблюдателя его мужество произвело бы самое сильное впечатление. Вообще в этой странной сцене комическое было неразрывно сплетено с драматическим.

Барнетт уже распрощался с жизнью и хотел умереть как настоящий джентльмен, выполнив все положенные в данном случае формальности.

Завещание его было совершенно замечательно, оставлять ему было абсолютно нечего, но, с другой стороны, разве можно умереть достойно, не оставив завещания!

Поэтому он взял последний листок бумаги и написал:
«Это мое завещание.

«Находясь в здравом уме и твердой памяти, умирая не по своей воле, а по вине этого негодяя Максвелла, будь он проклят, завещаю моей семье...»

Тут завещатель смутился.

— Что бы такое я мог завещать моей семье, Фред?

— Твои последние мысли, — ответил Сердар, улыбнувшись.

— Ах, верно, мне это и в голову не пришло.

Он стал писать дальше.

«Завещаю моей семье мои последние мысли и четыре пряди волос, приложенные к настоящему. Передаю моему младшему брату, Вилли Барнетту, все права на дворцы, рабов и огромные богатства, конфискованные у меня англичанами в королевстве Ауд, с тем, чтобы он мог воспользоваться ими по своему усмотрению.

Умирая, я остаюсь американским гражданином, каковым и родился, и прощаю всем, кого я ненавидел в этом мире, кроме этого мерзавца Максвелла, так как, не будь его, я, несомненно, дожил бы до глубокой старости».

Он перечитал написанное вслух.

— Я ничего не упустил, Фред?

— Все прекрасно, — ответил Сердар, который, несмотря на серьезность их положения, едва удерживался от смеха.

Боб Барнетт, довольный тем, что его одобрили, подписал завещание, запечатал, затем позвал одного из стражников и вручил ему пакет.

В это время офицер, командовавший отрядом, который должен был сопровождать приговоренных к месту казни, вошел в камеру и предупредил Сердара и Барнетта, что роковая минута наступила.

— Вы забыли о стаканчике водки и последней сигаре, сударь, — с достоинством заметил Боб Барнетт. — Вам что же, неизвестны традиции?

Офицер поспешил отдать приказ, чтобы принесли все необходимое.

Боб залпом опрокинул стакан и закурил сигару.

— Пошли, — сказал он, — я готов!

Своеобразное мужество Боба, причем совершенно в американском духе, восхитило всех свидетелей этой сцены.

Славный Барнетт просто-напросто воображал, что он позирует для истории, и этого ему было достаточно.

Глава VI

Планы побега. — Последняя сигара. — Дорога к месту казни. — Сожаления Барнетта. — Спасенные Ауджали.

Надо сказать, что Сердар совсем не с таким хладнокровием ждал развязки этой трагедии, которую Боб обратил в комедию. Еще накануне, несмотря на сожаления, что погибло дело, которому он посвятил жизнь, он встретил бы смерть с холодной решимостью. Разве голова его не была ставкой в игре, которую он проиграл? Но после свидания с юным Эдуардом Кемпбеллом он уже не был прежним Сердаром. Какие же воспоминания — приятные или мучительные, радостные или печальные — возбудила в нем эта встреча, что теперь он цеплялся за жизнь с неведомой ему прежде силой чувств и желаний?.. Какие таинственные узы — любви или родства — могли связывать его с матерью юного англичанина, чтобы за несколько мгновений при одном воспоминании о ней прочная броня ненависти, заковывавшая его сердце, расплавилась под жаром самых нежных чувств?

Действительно, имя Дианы де Монмор должно было быть чудодейственным талисманом, чтобы другое имя, ненавистное имя Кемпбелла, которое Сердар произносил с презрением, в один миг снискало такое расположение Покорителя джунглей, что он более не сомневался в его невиновности. «Диана не могла бы соединить судьбу с человеком, способным на подобные злодеяния» — этого аргумента ему оказалось достаточно, чтобы разрушить грубую очевидность того факта, что в момент резни этот человек был комендантом крепости Хардвар-Сикри.

И теперь у него была одна цель, одно желание — бежать с помощью друзей, чтобы спасти того, кого еще вчера он расстрелял бы без всякого сожаления.

Дверь тюрьмы открылась, трое осужденных вышли, высоко подняв головы, не проявляя ни малейших признаков волнения.

Барнетт с наслаждением курил и бормотал себе под нос: — Это потрясающе! Последняя сигара всегда кажется самой вкусной!

Сердар бросил быстрый взгляд на толпу, и лицо его осветилось беглой, почти неуловимой улыбкой. Редкие сингалы, жившие в Пуант-де-Галль, были буквально растворены в море малабарцев, пришедших со своими семьями. Событие свершилось слишком быстро, чтобы настоящие туземцы, живущие в окрестностях, смогли прибыть в город. Площадь, на которой был воздвигнут эшафот с тремя виселицами, находилась всего в ста метрах от тюрьмы, и два батальона сипаев, составлявшие гарнизон города, образовав круг, с трудом сдерживали напор собравшихся.

Три английских корабля, прибывшие накануне, были битком набиты зрителями, и с рей люди свисали гроздьями. Все разместились так, чтобы не упустить ничего из происходящего, так как корабли стояли на якоре всего в двух кабельтовых от берега. Только французский пакетбот был пуст и приспустил флаг.

— God bless me! — воскликнул Барнетт, увидев, как близко от них находится эшафот. — Так у меня не хватит времени докурить сигару.

Пленники не были связаны: да и разве могли они бежать, будучи окружены со всех сторон сингальскими сипаями.

В тот момент, когда они выходили из тюрьмы, чей-то голос прошептал на ухо Сердару:

— Идите как можно медленнее, мы готовы.

Он попытался понять, от кого исходило это предупреждение. Вокруг него были только сипаи, невозмутимые, с оружием в руках.

Идя вперед, Покоритель джунглей с тайным удовлетворением заметил, что женщин и детей почти не было и что вокруг эшафота стояли только мужчины.

Еще не догадываясь, каков был план, разработанный его друзьями, он понял, что подобная ситуация значительно облегчала его осуществление.

На террасе губернаторского дворца удобно расположились, несмотря на ранний час, офицеры, чиновники и дамы в нарядных туалетах, чтобы посмотреть, как умрет знаменитый Покоритель джунглей, о подвигах которого говорила вся Индия.

Знаменитый генерал Хейвлок, похищение которого замыслил Сердар, стоял рядом с губернатором, с биноклем в руках, чтобы получше рассмотреть противника, с которым он собирался сражаться и который должен был кончить жизнь на виселице как обычный злоумышленник.

Несколько англичан, приехавших в открытых двухместных колясках, подогнали экипажи как можно ближе к линии ограждения, образованной сипаями, чтобы ничего не упустить из предстоящего приятного зрелища. Великолепный белый слон, покрытый богатой попоной, с хаудахом, обитым железом, и погонщиком на спине, стоял рядом. Он был готов отправиться вместе с хозяевами на охоту за какой-нибудь черной пантерой, как только закончится казнь, отвлекшая их от других развлечений. Во всяком случае, присутствие животного наводило именно на такое предположение.

Сердар ловил в толпе понимающие взгляды, но никто не двигался с места, и он начал бояться, как бы военные силы, развернутые губернатором, не помешали замыслам его друзей. Преодолевая расстояние, отделявшее его от эшафота, он напрасно пытался понять, почему его спасители медлят и ждут, пока узники не придут на площадь, где были сосредоточены батальоны сипаев.

По мере того как расстояние до виселицы сокращалось, тоска, сжимавшая сердце Сердара, росла, на лице его выступил холодный пот, нервы были напряжены до предела, он с трудом владел собой. Разумеется, никто не подвергал сомнению его мужество, но он не хотел умирать сейчас. Если бы он погиб в одной из многочисленных стычек с англичанами, это была бы случайность войны. К тому же в течение двадцати лет он запрещал себе вспоминать. Но теперь ему предстояло выполнить высокий долг. Разве Диана переживет смерть отца своих детей? Разве он не должен спасти Кемпбелла, виновен тот или нет? Разве прошлое не приказывало ему поступить так? И этот железный человек, который в другое время шел бы на смерть как на последний подвиг, теперь чувствовал, что у него дрожат ноги и наливааются слезами глаза. В это время Барнетт окутывал сипаев, изумленных его удалью, ароматным сигарным дымом.

Нариндра был фаталистом — «то, что должно случиться, случится». Он даже не упрекал себя за то, что именно его неосторожность привела их всех к гибели: так было записано в Книге судеб, и его судьба свершалась, поэтому он никого и ни в чем не упрекал и не рисовался перед смертью, как Барнетт.

Еще несколько шагов, и железный круг, образованный штыками сипаев, должен был сомкнуться вокруг пленников, как вдруг тот же голос снова прошептал на ухо Сердару:

— Пусть Покоритель джунглей предупредит своих друзей, вскакивайте на слона и бегите в горы.

Сердар снова бросил вокруг быстрый взгляд, но малабарец находился от него довольно далеко и не мог говорить с ним. Должно быть, заговорщикам удалось привлечь на свою сторону одного из сипаев конвоя. Но он отбросил эту мысль и немедленно повторил Бобу по-французски то, что ему сказали, будучи уверен, что никто вокруг не понимает этого языка.

Услышанное произвело на янки потрясающее впечатление, лицо его побагровело от внезапного прилива крови, и его едва не хватил удар.

— Спокойствие! Спокойствие! — быстро шепнул ему Сердар.

Они были всего в нескольких шагах от слона, мимо которого им предстояло пройти, как вдруг животное, словно охваченное внезапной прихотью, пятясь, встало на дыбы, а затем, приблизившись к пленникам, неожиданно опустилось на колени. Одно движение — и наши друзья оказались бы в хаудахе. Чтобы помочь им, вся толпа малабарцев, скопившихся в этом месте, хлынула влево с притворными криками ужаса из-за выходки слона и увлекла за собой сипаев, охранявших заключенных.

— Вперед, Индия и Франция! Ко мне, Нариндра! — крикнул Сердар громовым голосом, и крик его прозвучал как боевой клич на поле битвы. Одним прыжком он вскочил в хаудах, где почти одновременно с ним очутились Барнетт и Нариндра.

— Ложитесь! Ложитесь! — крикнул им погонщик, чей голос они сразу узнали.

Это был Рама-Модели, неузнаваемо переодетый, и слон был не кто иной, как славный Ауджали, которого сначала натерли плодом манго, чтобы лучше держалась краска, а затем выкрасили раствором извести.

Трое мужчин немедленно бросились на дно хаудаха. Ауджали, которого не было нужды подгонять, во весь опор пустился по направлению к горам. И странное дело: толпа, словно ее предупредили, немедленно расступалась на всем пути слона, чтобы не мешать ему.

Все это случилось так естественно и с такой быстротой, что сипаи, застигнутые врасплох воплями присутствующих, пытаясь сами защититься от накрывающей их человеческой

лавины, не заметили исчезновения заключенных. Пленники распластались на дне хаудаха еще до того, как слон встал, поэтому снаружи их не было видно.

Всем непосвященным, тем, кто не был непосредственным участником сцены, казалось, что слон убежал один вместе с погонщиком. Поэтому малабарцы, народ по природе жизнерадостный и насмешливый, не могли удержаться от хохота, когда услышали, как английский офицер приказал сипаям привести пленников на площадь.

Однако губернатор следил за всеми перипетиями происходящего с террасы, и можно догадаться, как он был разгневан и в каком смятении находились окружавшие его чиновники.

Первым побуждением губернатора было послать в Королевский форт приказ открыть огонь по толпе, которая, несомненно, была сообщницей дерзкого побега, но он понял, что подобные развлечения могут позволить себе только некоторые монархи. Поэтому он бросился в кабинет, где находился телеграфный аппарат, связывавший дворец с фортом, и приказал непрерывно стрелять по слону. Расположение горы, куда направилось животное, было таково, что в течение получаса он служил прекрасной мишенью для артиллерийского огня.

Мы уже видели, что взобраться на почти отвесный склон Соманта-Кунты можно было, только пройдя через единственную лощину, перерезанную небольшим плато. Зная, что об их присутствии на Цейлоне будет теперь известно в каждом округе, а по всем направлениям будут посланы вооруженные отряды, беглецы могли избрать единственный путь к спасению: джунгли Анудхарапура, где Боб Барнетт едва не погиб во время встречи с носорогом.

Через несколько минут после того, как был отдан приказ губернатора, пушки неистово загрохотали, усыпая ядрами склоны гор.

За первыми залпами толпа следила со страстным любопытством: слон, взбиравшийся по откосам с головокружительной быстротой, был хорошо виден, он преодолевал самые крутые склоны с поразительной силой и ловкостью. Каждый спешил оценить шансы обоих противников в этой необычной дуэли. Но английским артиллеристам, чтобы победить, требовалась такая точность стрельбы, которой они не могли добиться, несмотря на все их умение. Они пользовались старыми пушками, уже повоевавшими в Индии во времена Дюплекса и мирно дремавшими вот уже три четверти века на крепостных стенах форта, возвышавшегося над Пуант-де-Галль.

Выстрелы достигали горы, но ядра ложились в 150—200 метрах от цели. Это не могло не радовать малабарцев, которые были счастливы, что их легендарному герою удалось бежать. Когда пушка не может попасть в цель, стрельба из нее только смешит. Поэтому уже через четверть часа губернатор приказал прекратить огонь.

Так закончился дерзкий побег Покорителя джунглей. То был исторический эпизод великого восстания 1857 года, который в течение двух месяцев занимал страницы всех газет стран Индийского океана — от Пондишери до Маврикия и от Калькутты до Сингапура. Старожилы, вспоминая прошлое, непременно рассказывают вновь прибывшим поселенцам о смешном губернаторе, который не нашел ничего лучше, как стрелять из пушки по пленникам, спасенным слоном и убежавшим почти с самой виселицы.

Два часа спустя беглецы на какое-то время оказались в безопасности. Они находились среди непроходимых девственных лесов, торфяников и болот, в джунглях Анудхарапура. Они могли быть уверены, что англичане не станут их там преследовать, так как в запутанных лабиринтах, наводненных хищниками, четверо решительных мужчин могли бы легко уничтожить все отряды, посланные на их розыски.

Но хотя они и были спасены, следует признать, что положение их было далеко не блестящим. Они не могли оставаться в джунглях вечно, а в тот день, когда попытались бы выйти оттуда, они оказались бы в руках врагов. Англичанам, кстати, надо было только надежно охранять два единственных выхода из котловины, чтобы либо заставить беглецов остаться там навсегда, либо принудить их прорваться силой и столкнуться с противником, в сотни раз превосходящим их по численности.

Именно такое решение и принял губернатор Цейлона, побуждаемый к этому генералом Хейвлоком и вице-королем Индии, которые потребовали от него выполнить патриотический долг и не позволить скраться человеку, который был душой и опорой восстания и который, несомненно, прибыл на Цейлон только для того, чтобы причинить им новые неприятности.

Лишившись поддержки Сердара, Нана-Сахиб непременно допустит какую-нибудь серьезную ошибку, это приведет к тому, что восстание провалится, а сам он попадет в руки англичан.

Можно смело сказать, что никогда еще Покоритель джунглей не находился в столь безнадежном положении.

Глава VII

Сэр Уильям Браун и Кишнаья-душитель. — Зловещий союз. — Цена крови. — Таинственное предупреждение. — Два старых врага. — Отъезд Эдуарда и Мэри в Пондишери.

После побега Сердара сэр Уильям Браун, губернатор Цейлона, принадлежавшего английской короне, — остров не входил во владения Ост-Индской компании — находился в состоянии сильнейшего раздражения. Он уже телеграфировал во все концы, что знаменитый Сердар у него в руках, теперь же вынужден был признать, что позволил преступнику скрыться. Губернатор расхаживал взад и вперед по кабинету в самом мрачном расположении духа, когда слуга доложил ему, что некий индус просит аудиенции.

Губернатор хотел было прогнать сиркара, но тот сказал: — Это тот самый шпион, который сегодня ночью заманил пленников в ловушку.

Сообщение слуги заставило губернатора изменить свое решение, и он приказал ввести туземца.

Войдя, тот рухнул перед губернатором на колени, оказав губернатору честь, которой удостоиваются только раджи или брамины самого высокого ранга.

— Что тебе надо? — спросил индуса сэр Уильям, когда тот поднялся.

— Кишнаья, сын Анандрайи, один раз уже помог поймать Покорителя джунглей, — ответил индус, — и не его вина, если сипаи позволили ему бежать.

— Я полагаю, ты попросил встречи со мной не для того, чтобы сообщить мне об этом?

— Нет, сахиб. Но тот, кто помог один раз, может помочь снова. Но на сей раз дело будет гораздо труднее, поэтому все зависит от...

— От того, сколько тебе заплатят за твои услуги, — перебил губернатор с ноткой нетерпения в голосе.

— Сахиб угадал мои мысли.

— Ты наглый плут. У меня нет времени на разговоры. Когда ты сможешь выдать нам Сердара?

— Вместе с его спутниками?

— Все равно, мне нужен только он. И заметь, я веду с тобой переговоры только потому, что хочу покончить с этим делом быстро, так как при определенном терпении он рано или поздно окажется в наших руках.

Индус недоверчиво улыбнулся, и губернатор заметил это.

— Ты мне не веришь? — сказал он туземцу.

— Сердара так просто не поймать, — ответил индус.

— Выходы из котловины охраняются так тщательно, что ему не выбраться из джунглей. Поэтому он столь же бессилен, как если бы был нашим пленником. Главное, чтобы он не смог поднять мятеж на юге Индии раньше, чем генерал Хейвлок подавит восстание. Но я напрасно говорю с тобой о вещах, которые тебя не касаются. Поэтому либо четко отвечай на мои вопросы, не вдаваясь в их обсуждение, либо убирайся вон.

— Я к вашим услугам, сахиб.

— Когда сможешь доставить Сердара в Пуант-де-Галль?

— Живым или мертвым?

— О, я вовсе не стремлюсь еще раз присутствовать на сегодняшнем представлении. К тому же, поскольку в соответствии с законом он осужден военным трибуналом, ты только исполнишь приговор.

— Я понял. Что ж, мне потребуется неделя, чтобы выполнить это опасное задание.

— Хорошо, это разумный срок, и мне недолго придется ждать расплаты. Остается договориться о вознаграждении, которое ты потребуешь за свои труды, учитывая ожидающую тебя опасность.

— О! Опасность! — произнес несчастный пренебрежительно.

— Уж не считаешь ли ты себя способным померяться силами с этим человеком? Это было бы весьма дерзко с твоей стороны. Если хочешь знать, я имею с тобой дело потому, что ты окажешь нам серьезную услугу, добившись успеха. Но на самом деле я так мало верю, что у тебя что-нибудь получится, что и пенни бы не дал за твою шкуру. Не будь моих сипаев, ты не дожил бы до рассвета. Итак, сколько ты просишь?

— Сахиб знает, сколько пообещали за поимку Сердара английские власти?

— Да, восемьдесят тысяч рупий — двести тысяч франков, но мы не так богаты, как в Индии, и эта награда...

— Пусть сахиб успокоится, я не прошу денег, я хочу только, чтобы вы даровали мне и моим потомкам право носить трость с золотым набалдашником.

— Ты честолюбив, Кишнайя.

В Индии трость с золотым набалдашником имеет такое же значение, как во Франции орден Почетного легиона. Она вручается за важные заслуги; владеющие ею обычно

всячески этим кичатся и не расстаются с тростью ни при каких обстоятельствах. Подобно тому, как разнятся цветом ленточки ордена Почетного легиона, так и трости отличаются по длине. Во Франции есть кавалеры, офицеры, командоры ордена, тогда как в Индии существует малая, средняя и большая трость с золотым набалдашником.

Дело это совсем нешуточное: в Индии, где социальные различия имеют колоссальное значение, любой индус отдал бы половину состояния за право прогуливаться со знаменитой тростью. В сущности, я не вижу никакой разницы между тростью с золотым набалдашником и ленточкой в петлице. И то, и другое — безделушки, которыми тешит себя человеческое тщеславие, над ними все смеются, и каждый мечтает их иметь. Смеясь над страстью одних, вы непременно заденете и других.

Некогда правители Габона в Африке награждали отличившихся офицеров орденами, сделанными из банок из-под сардин. Когда об этом рассказывали в Европе, все умирали со смеху, не замечая, что единственная разница между габонскими орденами и бриллиантовыми звездами европейских государей в том, что звезды можно заложить в ломбарде, а за габонские украшения едва ли удалось бы хоть что-нибудь выручить. Если случайно вы обнаружите некую глубинную разницу между этими двумя предметами, я буду счастлив, когда вы сможете мне ее объяснить. А пока король мыса Лопес может так же гордиться своей жестянкой, как король Македонии — бриллиантовым орденом.

Не было ничего удивительного в том, что Кишнаия предпочел деньгам трость с золотым набалдашником — самую высокую награду в его стране. Я, наверное, удивлю многих, если скажу, что французские правители Пондишери, унаследовав от раджей право давать эту награду, так на нее скупы, что на население в полмиллиона едва ли найдется два-три индуса, которые ею обладают. В то же время во Франции число награжденных орденом Почетного легиона на то же количество жителей составит более двухсот человек.

Кишнаия потребовал высокой награды, столь высокой, что сэр Уильям на какой-то момент даже заколебался. Однако поимка Сердара того стоила, и позорная сделка была заключена.

Через неделю шпион должен был доставить Покорителя джунглей живым или мертвым.

— Сколько сипаев тебе потребуется? — спросил губернатор.

— Мне никто не нужен, — ответил шпион с гордо-

стью. — Я даже отослал людей моей касты, которые сопровождали меня. Я добьюсь успеха, только если буду один, совершенно один.

— Это твое дело. Если ты достигнешь цели, могу заверить тебя, что правительство королевы сумеет оценить твои услуги.

Произнеся эти слова, сэр Уильям Браун поднялся, давая понять, что аудиенция, которую он соизволил дать, окончена.

Туземец снова повторил шадангу, «поклон шести точек», как его называют в Индии, потому что при этом пальцы ног, колени и локти должны коснуться земли.

— Еще одно слово, сахиб, — сказал Кишнайма, вставая. — Мой план удастся при одном условии — выходы из долины Трупов должны охраняться вашими солдатами так, чтобы Сердар и его друзья ни в коем случае не могли оттуда выбраться.

— Я уже сказал тебе, что ни один из них не сможет бежать.

Туземец удалился, опьянев от радости и гордости. Он возглавлял касту душителей в Бунделькханде и Меваре. Однажды в окрестностях Бомбея их застали в момент кровавого жертвоприношения богине Кали и приговорили к пожизненным каторжным работам. Когда вспыхнул мятеж в Бенгалии, вылившийся в настоящее национальное восстание, Кишнайма предложил услуги губернатору Бомбея. Тот вначале от них отказался, опасаясь, как бы осужденные не воспользовались свободой, чтобы заставить присоединиться к революции юг Индостана, бывший Декан, принадлежавший при Дюплексе Франции. Но скоро подвиги Сердара и его быстрое продвижение на юг подтолкнули губернатора к крайним мерам. Он вступил в сговор с Кишнаимой и освободил его и всех его последователей. Душители бросились в погоню за Покорителем джунглей. Кишнайма шел за ним следом, он сообщил англичанам об отряде маратхов, оставшемся в пещерах Эллары, и, наконец, последовав за Сердаром на Цейлон, устроил ему западню. Если бы не энергия Рама-Модели и, самое главное, не быстрота, с которой он организовал побег, англичане навсегда избавились бы от своего самого ловкого и непримиримого врага.

Кишнайма не был обычным грабителем, которого можно было бы не опасаться: он был способен на самые отчаянные поступки, как и большинство членов его касты. Кроме того, он отличался редкой отвагой в соединении с несомненной ловкостью. Ему были ведомы все хитрости и уловки, с

помощью которых в течение веков душители заманивали свои жертвы в ловушки. Поэтому, несмотря на презрительное отношение Рамы и Нариндры к его тайным козням, Кишнайя был одним из опаснейших противников, который мог встретиться Сердару, в особенности теперь, когда у него появилась надежда вернуться в родную деревню с самой высокой наградой, какая только доступна туземцу.

Расставшись с губернатором, Кишнайя медленно направился на базар, где в этот час было полно солдат и офицеров, прибывших накануне на кораблях. Проходя мимо одного сингальца, предлагавшего покупателям шкуры черной пантеры, высоко ценившейся, так как она водилась только на Цейлоне, он сделал ему едва заметный знак и продолжил путь.

Продавец поручил товар находившемуся рядом мальчику, поспешно догнал Кишнайю, и оба исчезли в извилистых улочках туземной части города.

Веллаен, продавец шкур, лучше всех сингальцев, если не считать Рама-Модели, знал опасную долину, где вынужден был укрыться Сердар с товарищами. Дальнейшее покажет, какие темные интересы связывали этих двух людей.

Около шести часов вечера, незадолго до наступления темноты, сэр Уильям Браун возвращался с обычной прогулки по живописной дороге, ведущей в Коломбо, в окружении адъютантов и отряда гвардейцев-уланов. Вдруг полуголый туземец возник перед его коляской, потрясая запечатанным конвертом.

Губернатор подал знак одному из офицеров принести ему бумагу, которую принял за прошение. Он сорвал печать и быстро пробежал содержание письма.

Внезапно он поднялся, побелев от гнева, и закричал:

— Догоните этого человека... Арестуйте его... Не дайте ему скрыться!

Тут же организовали погоню, которая рассыпалась в зарослях кустарников в поисках негодяя, который мгновенно исчез, хотя у него не было времени укрыться в безопасном месте. Напрасно офицеры, солдаты, слуги из свиты прочесывали местность. Они возвращались один за другим, не найдя и следов таинственного гонца.

Вот какое послание, так взволновавшее губернатора, содержалось в конверте: *«Сэру Уильяму Брауну, губернатору Цейлона, от членов общества Духов вод — привет! Когда солнце восемь раз сядет на западе, душа сахиба губернатора предстанет перед грозным судьей мертвых, а тело его будет брошено на растерзание вонючим шакалам.*

Пундит-Саеб, судья Духов вод».

Год тому назад помощник губернатора Бенгалии получил такое же письмо и в указанный день, в разгар праздника, пал от кинжального удара фанатика.

Еще не было случая, чтобы приговор, вынесенный знаменитым тайным обществом английскому чиновнику, не был приведен в исполнение. Никакие меры предосторожности не могли спасти жертвы от ожидавшей их участи. И что удивительно, почти всегда и общественное мнение, и даже сами европейцы одобряли приговор. Надо сказать, что таинственное общество для выполнения своих решений имело в распоряжении фанатиков, не останавливавшихся ни перед чем и не боявшихся никаких пыток. Но общество применяло свою страшную власть с крайней осторожностью. Оно было создано прежде всего для защиты несчастных индусов от гнусной тирании некоторых местных чиновников, которые пользовались тем, что огромное расстояние в пятьсот — шестьсот лье отделяло их от центральных властей, и эксплуатировали свой округ самым бесстыдным образом, не останавливаясь ни перед какими преступлениями и подлостями.

Поэтому, когда Духи вод направляли удар против какого-нибудь чиновника, можно было с уверенностью сказать, что он не только взяточник и злоупотребляет своим положением, но что на его совести такие отвратительные преступления, как похищения людей и их убийства, и что в Европе ему не избежать эшафота.

Наконец, роль, которую играло общество почти в течение века, была такова, что честный судья Колбрук из верховного суда Калькутты мог сказать, что «правосудие нашло в этом обществе спасительную помощь и смогло заставить некоторых чиновников не забывать, что они имеют честь представлять в Индии цивилизованную нацию».

Действительно, Духи вод карали лишь в крайнем случае и только тогда, когда длинная череда преступлений переполняла чашу терпения.

До сегодняшнего дня общество никогда не занималось политикой, оно могло с легкостью поднять на восстание весь Декан, но оставалось верным роли защитника справедливости. Правда, однажды Духи вод отступили от традиций, казнив помощника губернатора Бенгалии, который подтолкнул лорда Дальхузи к тому, чтобы свергнуть власть раджи в Ауде. Теперь они пошли по тому же пути, приговорив к смерти сэра Уильяма за его гнусную сделку с Кишнаей.

В тот миг, когда жизни героя, посвятившего себя борьбе

за независимость Индии, угрожала опасность, общество встало на его защиту. Сэр Уильям Браун вернулся во дворец в состоянии неопишуемого волнения. Он немедленно вызвал главного начальника полиции и, изложив ему факты, спросил, каково его мнение.

— Ваша честь желает, чтобы я говорил откровенно? — спросил полицейский после долгого раздумья.

— Я этого требую.

— Так вот, я глубоко убежден, что вам осталось жить всего неделю.

— Значит, у вас нет никакой возможности защитить меня от этих фанатиков?

— Никакой. Они проникли во все классы общества, и, быть может, удар нанесет слуга, верно служивший вам в течение долгих лет. Тем не менее у вас два выхода, они, по моему мнению, стоят всех мер предосторожности, которые вам можно было бы посоветовать.

— Что вы имеете в виду?

— Первый состоит в том, чтобы сложить чемоданы и покинуть Индию навсегда, как это делают все чиновники, которым выносят подобный приговор. Таким образом, смертная казнь превратится для вас в высылку. Могу вас заверить, что центральные власти *in petto** не раз одобряли подобные чистки.

— Все это хорошо для подчиненных, на поведение которых не оказывают влияние ни имя, ни состояние, ни положение в обществе, ни семья. Но губернатор Цейлона, один из самых высокопоставленных сановников королевства, член Тайного королевского совета, не может бежать, как заурядный чиновник. Я стану посмешищем для всей Англии, если поступлю так.

— Можно сказатьсь больным...

— Довольно. Каков другой выход?

— Он проще. Достаточно расторгнуть ваш договор с Кишнаей.

— Чтобы эти люди могли похвастаться тем, что сэр Уильям Браун испугался их угроз? Никогда, сударь. Есть ситуации, когда человек не может вести себя как трус и должен уметь умереть на своем посту. Я больше не задерживаю вас.

— Ваша честь, вы можете быть уверены, что я приму все меры, чтобы обеспечить вашу безопасность.

— Исполняйте свой долг, сударь. Я исполню свой.

* втайне — (ит.)

Несколько часов спустя губернатор получил еще один таинственный конверт, в письме была одна фраза: «Нет ничего бесчестного в том, чтобы отменить приказ, который сам является бесчестным».

Это второе послание довело изумление и волнение сэра Уильяма до предела. Значит, загадочным заговорщикам уже было известно содержание его разговора с начальником полиции. Было ясно, что они против вероломных методов ведения войны, что они против ловушек, хитростей, предательства. Они были против низкого сговора губернатора Цейлона с презренным каторжником, который всего месяц назад тянул лямку в исправительной тюрьме в Бомбее.

Но сэр Уильям Браун был настоящим англичанином. По его разумению, самые постыдные действия не могли обесчестить человека, когда речь шла о служении родине. И поскольку сохранение колоний в Индии было для Англии вопросом жизни или смерти, он поклялся себе не уступить. Да и потом, разве у него не было способов защитить себя? Он обладал безграничной властью. В Индии наемные убийцы всегда пользуются кинжалом; что мешало ему носить кольчугу? Он мог также, учитывая серьезность положения, мобилизовать сотню английских солдат из тех, что направлялись в Калькутту, и поручить им охрану губернаторского дворца.

Генерал Хейвлок энергично взялся за дело и сам отобрал роту для охраны из числа прибывших на кораблях. В тот же вечер все слуги-индусы были заменены солдатами из полка шотландских горцев.

Таким образом, положение резко обострилось, для каждого ставкой в этой дуэли была его собственная жизнь. Кто же выйдет победителем, Сердар или сэр Уильям Браун?

Но борьба между ними была бы куда яростней, если бы они встретились и узнали друг друга. В их прошлом была одна темная история, из-за которой они питали друг к другу такую ненависть, что утолить ее могла только смерть одного из них. Прошло уже двадцать лет, но жажда мести была столь же жгучей, столь же безумной, как в тот незабываемый день, когда они расстались. И хотя с тех пор судьба все время разводила их, хотя почти на четверть века они потеряли друг друга из виду, они знали, что жизни их сплетены навсегда. Случай, бывает, играет роковую роль. Они снова находились под одним небом, они сражались друг против друга, не зная об этом... Тем страшнее должен был стать миг их встречи.

Тем временем «Эриманта», тридцать шесть часов простоявшая в Пуант-де-Галль в ожидании почты из Китая, собиралась покинуть Цейлон и продолжить свой путь в Бенгальский залив. Собравшись на корме, пассажиры бросали последний взгляд на окружавший их дивный пейзаж, равного которому нет в мире.

Немного в стороне трое пассажиров тихо беседовали между собой, время от времени глядя с тревогой на крутые склоны, покрытые роскошной растительностью, по которым пробирался слон Ауджали, обстреливаемый пушками форта.

Это были Эдуард Кемпбелл, его юная очаровательная сестра Мэри и Сива-Томби-Модели, брат Рамы, который, следуя данным ему указаниям, сопровождал молодых людей в Пондишери.

Естественно, они говорили об утреннем происшествии, о том, какой мучительный страх испытали Эдуард и Мэри, увидев, как Сердар направляется к месту казни. Напрасно Сива-Томби пытался их успокоить, сказав, что его брат подготовил узникам побег. Они вытерли слезы и пришли в себя только после того, как Ауджали исчез по другую сторону пика Соманта-Кунты.

— Теперь вы можете не бояться, — сказал им молодой индус, — поймать их будет не так-то просто. Мой брат провел в джунглях долгие годы в поисках логовищ пантер. Он брал зверенышей, дрессировал их и продавал фокусникам. Он знает там все уголки, все ходы и выходы. Все будут думать, что Сердар и его друзья все еще заперты в долине, а они в это время пересекут пролив и поспешат нам навстречу.

Эти слова смягчили страдания молодых людей, и они уже видели отца, освобожденного Сердаром, в своих объятиях.

Тем временем матросы уже крутили кабестан, и всем посторонним, находившимся на борту корабля, был отдан приказ перейти в шлюпки. В этот момент какой-то макуа, причаливший к кораблю на пироге, в три прыжка очутился на палубе и вручил Сива-Томби пальмовый лист, называемый по-тамильски olles, которым туземцы пользуются как бумагой, царапая буквы шилом на его тонкой наружной коже.

— От твоего брата, — сказал макуа.

И так как корабль был уже в пути, он вскарабкался на планшир и прыгнул в море, чтобы вплавь добраться до уносимой волнами пироги.

На листе Рама-Модели в спешке написал несколько слов: «Через две недели мы будем в Пондишери».

Выраженная в письме твердая уверенность обрадовала и успокоила юных путешественников, которые не могли оторвать взгляд от вершин, где они в последний раз заметили того, кого уже называли не иначе, как освободителем их отца.

Выйдя в море, корабль стал огибать восточную оконечность острова с тем, чтобы проходящие здесь течения отнесли его к индийскому берегу, и скоро восточный склон Соманта-Кунты, по которому Барнетт спускался в долину, предстал перед путешественниками. Корабль шел так близко от берега, что невооруженным глазом можно было различить все неровности скал, а также увидеть прямые, изящные стволы бурао, покрывавших гору одним из самых великолепных ковров, какие только существуют в тропиках.

То там, то здесь склоны перерезали небольшие плато, росли *figus indica* с перекрученными ветвями, покрытыми темной листвой, пылали ярко-красные цветы, тамариндовые деревья, опутанные разноцветными лианами, и вьющиеся розы выставляли себя напоказ, сплетая цветы и стебли в неопишемом беспорядке. Затем лощина вдруг обрывалась, перерезанная прибрежными скалами, крепостными стенами окружавшими долину, где скрывался Сердар и его товарищи.

— Они там, за этой цепью высоких скал, — сказал Сива-Томби, обращаясь к юным друзьям.

Он протянул руку, чтобы указать им место, и замер пораженный, задыхаясь от волнения.

На последнем плато, ниже которого лощина переходила в долину Трупов, на самом краю, ясно вырисовывались четыре фигурки. Сняв со шлемов белую вуаль, они махали ею уходящему кораблю.

Позади них был виден огромный Ауджали — его присутствие указывало, что это был именно Сердар со спутниками. Слоны, подражая хозяевам, размахивал огромной веткой, сплошь покрытой пунцовыми цветами.

— Вот они, — наконец выговорил Сива-Томби-Модели, которому удалось справиться с волнением. — Они хотят проститься с нами...

Сцена была величественна и трогательно-поэтична. Пассажиры «Эриманты», собравшись на борту, с интересом и любопытством наблюдали за этой странной группой, словно отлитой из бронзы на краю скалы, на фоне дикой и прекрасной природы.

Тем временем корабль набирал скорость, пейзажи сменяли друг друга, и четверо участников этой сцены должны были скоро исчезнуть за изгибом горы. Они выстрелили из карабинов, и их дружное «ура», скользя по волнам, донеслось ослабленным эхом до трех юных путешественников.

Сменив направление, «Эриманта» устремилась на всех парах в Бенгальский залив, и Земля цветов мало-помалу растаяла в дымке заходящего солнца.

Часть вторая

ДЖУНГЛИ АНУДХАРАПУРА ДОЛИНА ТРУПОВ

Глава I

В дороге. — Ночь в джунглях. — Грот носорога. — Видение Сами. — Совет. — В поисках выхода.

Когда корабль исчез из виду, наши герои поспешили спуститься в джунгли, ибо, находясь на плато, они легко могли стать мишенью для отряда сипаев, которым губернатор поручил охранять верхний проход в горах и которые уже несколько часов тому назад заняли позиции.

Оказавшись в безопасности, друзья первым делом решили позаботиться о пропитании. События разворачивались с такой быстротой, что они не сумели пополнить запасы пищи и найти пристанище на ночь, где можно было бы не опасаться хищников и спокойно выработать план действий, от которых зависела их жизнь. На сей раз им предстояло вступить в неравную борьбу. Они были одни против целого гарнизона Цейлона и тысяч туземцев, для которых обещанное вознаграждение служило верной приманкой. Исправить завтра ошибку, допущенную вчера, было невозможно, им оставалось победить или умереть.

Единственным их преимуществом было то, что начало боевых действий зависело от них самих. Они могли не бояться, что их застигнут врасплох и окружат, ибо даже

самый маленький отряд не мог развернуться в долине, не рискуя завязнуть в торфяниках, стать добычей крокодилов в болотах, леопардов и пантер — в лесах. Поэтому в джунглях с ним справилась бы даже горстка смелых и решительных людей.

Обозревая опасности и препятствия, которые им предстояло преодолеть, наши друзья не учитывали, быть может, самого страшного — сделку Кишнаи с сэром Уильямом Брауном, но об этом важном событии им ничего не было известно. Агенты Рама-Модели, правда, предупредили его, что в горах есть шпионы, о чем сам Рама сообщил Сердару. Западня, устроенная на Соманта-Кунте, неопровержимо свидетельствовала об их участии в преследовании. Однако Сердар и его спутники были уверены, что шпионы не рискнут встретиться с ними в открытом бою.

Их первую заботу, заботу о еде, разрешить было легко: как мы видели, дичь в долине водилась в таком изобилии, что опасаться голода не приходилось. Кроме того, в болотах было много иньяма, который прекрасно заменял хлеб или рисовые галеты — нельзя сказать, чтобы Барнетт страдал от их отсутствия. Всевозможных тропических фруктов, особенно бананов, здесь было столько, что ими можно было прокормить целую армию, окажись она запертой в долине. На каждом шагу встречались также плоды манго.

Что касается жилища, безопасность которого чрезвычайно важна в этих опасных краях, Рама-Модели выбрал бы грот, ставший свидетелем подвигов Ауджали и генерала, но присутствие зловонного трупа носорога делало его непригодным для жилья. Правда, он знал и другие пещеры, они, хотя и были менее просторны, вполне могли послужить временным пристанищем.

Друзьям следовало вначале восстановить силы, подорванные переживаниями и бессонными ночами, а затем спокойно и взвешенно наметить дальнейшую линию поведения.

Маленький отряд шел вдоль подножия горы тем же путем, который накануне проделал Барнетт, и храбрый янки принялся рассказывать друзьям о всех перипетиях встречи с носорогом. Боб почти ничего не ел со вчерашнего дня и потому не мог без вздохов вспоминать о двух жирных, упитанных и в меру прожаренных утках, которых его заставил покинуть злосчастный визит носорога. Но болото, где укрывались бесценные перепончатопалые, было недалеко, и Барнетт жаждал реванша.

— Не знаю, найдем ли мы их на прежнем месте, —

заметил Рама, с которым Боб делился впечатлениями, ибо Сердар, погруженный в свои мысли, быстро шагал впереди как человек, знающий цену времени.

— Неужели вы думаете, я так перепугал их, что они сменили привычное место? — спросил Боб.

— Нет, но вам известно, что шакалов в джунглях почти так же много, как стволов бамбука. Так вот, носорог, убитый Ауджали, должен был привлечь их в огромном количестве. Весь следующий день они кормились его мясом, оно великолепно на вкус, так как он питается только травой. Постоянное хождение гнусных тварей взад и вперед могло потревожить водоплавающих, и в этом случае они перелетели на другое место. Но не волнуйтесь, чего-чего, а дичи здесь хватает. Завтра у озера Калоо, а его протяженность несколько миль, мы сможем застаться и мандаринками, и утками-браминами, разумеется, если Сердар даст нам такую возможность.

— Что значит ваша оговорка?

— Вы знаете сахиба так же хорошо, как и я, посмотрите, он так спешит, что мы едва ли станем терять время на охоту.

По дороге Покоритель джунглей время от времени срывал банан, попадавший ему под руку, и съедал его, не замедляя шага. Нариндра и Сами следовали его примеру и молча бежали за Сердаром.

— Они ужинают, — заметил Рама, — надо и нам подкрепиться. Я начинаю думать, что никакой другой еды у нас сегодня не будет.

— Не знаю, как устроены вы, индусы. Вам достаточно горсти зерна, двух-трех фруктов, и вы можете шагать целыми днями под палящим солнцем. Мне же необходима пища более существенная.

В этот момент совсем молоденький олененок, у которого еще не было рогов, встревоженный шумом, принялся удирать, прорываясь сквозь заросли.

Барнетт вскинул карабин, выстрелил, животное упало замертво. Боб подбежал к нему, связал его ноги сухой лианой и протянул добычу Ауджали, который охотно принял этот легкий груз.

— Вот мой ужин, — воскликнул генерал, потирая руки, — к черту бананы!

Сердар даже не обернулся.

Путники приближались к болотистому пруду, где накануне Боб так славно поохотился. Насколько хватало глаз,

ни на водной глади, ни в прибрежных кустах не было видно ни одной птицы.

Предположение Рама оказалось верным. Но маленький отряд ожидал и другой, куда более важный сюрприз: за пятьсот метров до грота, где должно было находиться тело носорога, земля была так вытоптана, словно в течение нескольких месяцев здесь находился загон для стада овец.

— Вам повезет, если вы найдете хотя бы рог вашего противника, — сказал Рама-Модели Бобу. — Видите, здесь прошли шакалы.

— Вы думаете, что за столь короткое время они смогли сожрать такого великана?

— День и ночь! Они съели бы в десять раз больше, и то всем бы не хватило, уверяю вас. Когда вы узнаете, что каждую ночь, от захода до восхода солнца, две-три тысячи шакалов прогуливаются по улицам Пуант-де-Галль, вы поймете, сколько их здесь.

— Вы правы. Я помню, как в Бенгалии, на одной из улиц Шандернагора, эти гнусные твари за три часа обглодали лошадь — она сломала ногу, и хозяин вынужден был бросить ее. Однако и вы думали, что жертва Ауджали еще находится в гроте, когда сетовали, что из-за этого мы не сможем остановиться там на ночлег.

— Дело в том, что шакалы, сколько бы их ни было, всегда следуют друг за другом, и по чистой случайности они могли бы сегодня отправиться в противоположную сторону джунглей. Я знаю их повадки, поэтому и говорил так. Мы могли найти тело носорога нетронутым, с другой стороны — от него могло не остаться и следа. Теперь я вижу, что оправдалось последнее предположение. Кроме того, носорог мог жить в паре, тогда выживший, самец или самка, стал бы защищать тело своего спутника. Вы понимаете, что в данной ситуации, несмотря на присутствие Ауджали, нам было бы опасно раскинуть лагерь вблизи.

— По-моему, вы великолепно знаете законы джунглей, господин Рама.

— Все мое детство прошло в этих местах. Мой отец, как и я, был из касты заклинателей пантер. Привлеченный славой долины Трупов, он поселился на Цейлоне, и мы охотились на тигров, леопардов, пантер, получая вознаграждение, назначенное правительством. Кроме того, мы похищали детенышей у хищников и продавали их факирам и фокусникам. В свое время мы взяли более двухсот пометов, но до сих пор в этих местах есть такие уголки, вернуться

откуда нет никакой надежды, настолько они кишат хищниками даже днем.

— Какая опасная жизнь! Как это вы остались живы?

— Мы похищали малышей только в отсутствие матери. Иначе это было бы невозможно. Я помню, как однажды только мы положили в мешок трех детенышей черной пантеры — им едва было недели две, — как вдруг мать сообщает о своем возвращении ворчанием, полным материнской нежности. Малыши из мешка отвечают ей... Нельзя было терять ни минуты, иначе мы бы погибли. Рядом с нами находился баньян, отец подал мне знак, и мы очутились на дереве. Добычу мы не бросили, но детеныши, почуяв мать, хныкали и бесновались, как чертенята. Ориентируясь на их крики, пантера быстро заметила нас, хотя мы делали все возможное, чтобы спрятаться в листве. Она прыгнула на дерево, мы взобрались на верхние ветки, пантера — за нами. Я бы пропал, если бы отец каким-то чудом не исхитрился отсечь ей переднюю лапу ударом топора. Она скатилась с дерева, но у нее хватило сил взобраться на него вновь. Теперь она продвигалась медленно, и отец отрубил ей вторую лапу. На сей раз она не могла повторить восхождение, но, угрюмо рыча, все еще бросалась на дерево, где были спрятаны ее дети. Мы были вынуждены прождать несколько часов, пока из-за потери крови она не стала сравнительно безобидной, но и тогда она упорно сидела у подножия дерева, и мы осмелились спуститься, только соскользнув с нижней ветки.

Когда она увидела, что мы убегаем от нее, то нашла в себе достаточно сил, чтобы броситься за нами в погоню на изуродованных конечностях. Но на полдороге, обессилев, все же упала, и мой отец избавил ее от страданий, раскроив ей голову топором.

— У вас что же, не было ружья?

— В то время туземцам на Цейлоне запрещено было иметь огнестрельное оружие.

— А как же вы охотились на взрослых хищников?

— Мы рыли ямы и прикрывали их ветками, такие ловушки мы устраивали повсюду, где появлялись звери. Когда они попадались в западню, мы убивали их ударом копья. В этих джунглях можно найти более двух тысяч ям, вырытых мною и моим отцом за последние двадцать лет.

— Значит, вы были единственными на Цейлоне, кто занимался этим делом? — перебил его Барнетт, в высшей степени заинтересованный их разговором.

— Да, в насмешку нас прозвали раджами джунглей.

Почти все сингалыцы владеют землей, на которой они живут и которую обрабатывают. Земля плодородна, и они счастливы, живя в относительном изобилии. Благополучие не развивает мужества, и ни один из них не осмелится провести ночь в этих джунглях, которые они сами окрестили долиной Трупов, хотя никто из них не рисковал здесь жизнью и человеческих останков тут не так уж много... Сегодня отца нет в живых, он оставил небольшое состояние, которое мы накопили вместе. Я забросил это ремесло, для одного оно слишком опасно, а мой младший брат не приучен к его тяготам и опасностям.

— Ваш отец погиб во время резни в Хардвар-Сикри?

— Да, — ответил индус, и страшная ненависть сверкнула в его взоре. — Он хотел окончить свои дни в родном городе, а умер самой подлой смертью, ибо что может быть гнуснее, чем убийство семидесятилетнего старика? Никто из его родственников не принимал участия в восстании, я присоединился к нему только после того, как было совершено это преступление, которому нет оправдания. Есть два человека, которых я поклялся убить и которых буду преследовать даже на их родине, если здесь им удастся ускользнуть от меня: это майор Кемпбелл, главный комендант Хардвара, и капитан Максвелл, руководивший чудовищной казнью. Если бы не прибытие на Цейлон Сердара, которому потребовалась моя помощь, я бы сейчас уже был вместе с братом среди войск, осаждающих крепость, чтобы выполнить свою клятву. Но как только мы вернемся на Большую землю, я немедленно поспешу туда. Сердар обещал мне написать пару слов Нана-Сахибу, чтобы эти двое не ушли от меня.

— Вхожу к вам в долю, — живо сказал Барнетт, — по крайней мере в том, что касается Максвелла. У меня есть с ним старые счеты, и я хочу предложить ему дуэль по-американски — на карабинах, в запасе — револьверы и охотничьи ножи. Ну и задам я ему трепку!

— Нет, никаких дуэлей с подобными субъектами, — сурово отрезал Рама, — только медленная смерть в самых ужасных мучениях может искупить совершенное ими преступление.

— Позвольте! Позвольте, Рама! — возразил славный Боб, который не мог так просто расстаться со своей мечтой. — У меня к Максвеллу старый счет, он открыт за два года до начала восстания, когда этот мерзавец выгнал меня из моего дворца в Ауде. Видите, вы должны пропустить меня вперед. К тому же не беспокойтесь, от меня ему пощады не будет, и если случайно, хоть этого не может

быть, он меня убьет, для меня будет утешением знать, что вы отомстите ему за мою смерть. Договорились? Вы уступаете мне Максвелла?

В эту минуту послышался голос Сердара, зовущего Раму, что избавило последнего от необходимости отвечать на этот неудобный вопрос генерала.

Ауджали поспешил вперед и исчез за скалой.

— Мы на месте, не так ли? — спросил Сердар у охотника на пантер. — Это та самая пещера, о которой ты говорил нам и где едва не погиб наш друг Боб?

— Это она, я ее узнаю, — воскликнул генерал.

— Я думаю, сахиб, — ответил Рама, — что мы можем расположиться в ней на то время, которое вы сочтете необходимым. Ибо, если я не ошибаюсь, шакалы хорошенько почистили нашу квартиру.

Все предсказания охотника полностью оправдались. В гроте не было ни малейших следов носорога. Нечистые твари утащили в заросли все до последней кости, даже рог животного. Только следы вчерашней битвы, оставленные ногами двух великанов, отпечатались на земляном полу.

Ауджали, казалось, был сильно удивлен исчезновением своего врага и глухо рокотал, вглядываясь в джунгли, словно воображая, что противник вернется и их бой возобновится.

Сердар решил, что они отдохнут в гроте до завтрашнего утра, и на рассвете состоится совет, на котором они решат, что делать дальше. Он попросил каждого хорошенько подумать и предложить свое решение, чтобы завтра не терять времени на споры.

Храброму Ауджали велели лечь поперек входа в пещеру и охранять сон его спутников. Теперь не было необходимости нести караул по очереди, что пришлось очень кстати, так как все нуждались в отдыхе. Одного только присутствия слона было достаточно, чтобы хищники держались на расстоянии.

Отдав эти распоряжения, Сердар набрал охапку сухих листьев, расстелил их в углу и улегся спать. Всю неделю, то есть с того момента, как он оказался на острове, этот энергичный человек не сомкнул глаз и после побега держался на ногах только колоссальным усилием воли.

Нариндра и Сами тут же последовали его примеру, ибо brave индусы разделяли с Сердаром все его тяготы, и несколько мгновений спустя послышалось их спокойное и ровное дыхание — они спали.

У Барнетта были совсем иные представления о правильном образе жизни. Он считал, что хорошо выспаться на пустой желудок невозможно. Поэтому он развел огонь и начал с помощью Рамы, которого убедили его аргументы, прерванную вчера операцию. Вся разница была в том, что олененок заменил двух уток на вертеле. Для обоих гурманов в этом было несомненное преимущество.

— Утки иногда отдают болотом, что не всем нравится, — добавил Боб в качестве утешения.

Едва село солнце, как со всех сторон мрачной долины полились звуки дикого и необычного концерта: тьявканье шакалов, рык леопардов и пантер, пронзительное завывание крокодилов, мощные крики диких слонов сливались воедино, раздаваясь порой в нескольких шагах от спящих, поэтому во сне они сражались не только с сипаями и шпионами, но и со всеми известными им хищниками.

Всякий раз, когда крики раздавались слишком близко, слон глухо ворчал, но не покидал поста, доверенного ему хозяином. Однако незадолго до восхода луны он стал проявлять признаки сильного гнева. Юный Сами, проснувшись, осторожно поднялся и подошел к Ауджали, чтобы успокоить его. Ему показалось, что между скал, находившихся перед гротом, проскользнуло, удаляясь ползком, некое подобие человеческой фигуры. Он хотел было позвать Нариндру, но видение было столь мимолетно, что он решил, что ошибся, и не стал будить маратха, опасаясь, как бы его не подняли на смех. Однако еще в течение часа Сами вглядывался в густую темноту, окутывавшую все предметы непроницаемой вуалью, и чутко вслушивался в звуки, доносившиеся снаружи. Но он не увидел и не услышал ничего, что подтвердило бы его опасения; успокоившись, он вернулся на свое место рядом с маратхом. На рассвете Сердар был на ногах и будил товарищей. На это время был назначен совет, и Покоритель приступил к обсуждению без лишних разговоров.

— Вы все знаете, — начал он просто, — что нам надо решить единственный вопрос: как выбраться из долины, если оба выхода из нее охраняются настолько превосходящими силами, что мы не можем встретиться с ними в открытом бою, а выйти отсюда все-таки надо?

Вчера я долго размышлял над этим, и у меня родился замысел, который кажется мне осуществимым. После того как вы выскажете свое мнение, мы решим, чей план лучше. По обычаю в подобных случаях первым слово дается самому молодому. Начинай, Сами.

— Я всего лишь бедный слуга, сахиб, какой совет я могу вам дать в моем возрасте? Но если мне надо было бы выйти из долины, я взобрался бы на Ауджали и под защитой хаудаха попытался бы прорваться через северный выход, который ближе к индостанскому берегу. Причем сделал бы это в одну из ближайших ночей до восхода луны.

— Это было бы неплохо, если бы оттуда было близко до Манарского залива, где нас поджидает Шейх-Тоффель со своей шхуной, чтобы отправиться в Индию. Однако после выхода из долины нам предстоит пройти еще шестьдесят лье, прежде чем мы достигнем конечности острова, причем пройти по враждебной стране. Не следует забывать, что обитатели деревень — сингальцы, то есть наши заклятые враги. Англичане сумели убедить их, что если революция увенчается успехом, индусы немедленно завоюют Цейлон, чтобы силой обратить их в браминизм... И все же, если мы не придумаем ничего лучшего, придется попробовать. Твоя очередь, Нариндра.

— Я думаю, сахиб, что нам следует расстаться и сегодня же вечером попробовать поодиночке выйти через южный проход, мы его хорошо знаем, ибо сюда пришли именно этим путем. В темноте мы сумеем пробраться ползком мимо постов — там есть лесистые участки местности, наблюдать за которыми просто невозможно. Сипаи не будут настороже, они ждут, что мы будем пробиваться через север. Мы спустимся поодиночке в Пуант-де-Галль, где сможем найти приют у малабарцев, наших сторонников, а они затем помогут нам перебраться на Большую землю. Сами в городе никто не знает, он останется в джунглях на пару дней с Рама-Модели. Благодаря его маскировке в нем тоже не заподозрят нашего сообщника. Они вдвоем проведут Ауджали. Раз он снова стал черным, то сипаи, охраняющие выходы из долины, никак не подумают, что это тот белый слон, который помог нам бежать. Сами и Рама спокойно пройдут через посты как люди, возвращающиеся из джунглей с охоты. Учитывая прежнее занятие заклинателя пантер, никто не удивится, что они провели в долине несколько дней. Я все сказал.

— Отличный план, — сказал Сердар, — и мы, вероятно, его примем с небольшими изменениями, о которых я скажу позже, если не остановимся на каком-нибудь другом проекте. Теперь ты, Рама.

— Я, признаться, присоединяюсь к Нариндре. Я всего лишь заклинатель пантер, и если мне известны все уловки

и хитрости животных в джунглях, то в искусстве всяческих комбинаций я ничего не смыслю.

— В таком случае остаешься только ты, мой дорогой Боб, — произнес Сердар с лукавой улыбкой, так как не очень-то верил в тонкость рассуждений старого товарища.

— А! Так я и думал, — ответил Барнетт с видом глубоко задумавшегося человека, — вот и моя очередь подошла. Хм! Самое главное... хм... это выйти отсюда... И как можно быстрее... Да-да! Ясно как день, что если нам не удастся бежать... хм... то несомненно, что... что... в общем, вы меня понимаете, и *god bless me!* Мое мнение таково: не этим босякам там, наверху, черт возьми, помешать нам... Вот мое мнение!

— Ты тысячу раз прав, мой дорогой генерал, — с невозмутимой серьезностью заметил Сердар. — Нам надо выйти, и мы выйдем, тысяча чертей! Посмотрим, смогут ли нам помешать.

И он отвернулся, чтобы не расхохотаться другу в лицо. Барнетт с важностью выпятил грудь, будучи уверен, что его план лучше всех. Впоследствии всякий раз, как ему приходилось рассказывать эту историю, он всегда заканчивал ее так: «В конце концов благодаря одной хитроумной комбинации, которую я подсказал моим товарищам, нам удалось выпутаться из этого скверного положения».

Покоритель джунглей, обретя наконец серьезность, снова взял слово:

— Лучший план — не тот, который избавит нас от опасностей, а тот, который позволит нам как можно быстрее отправиться в Пондишери.

— Bravo! — воскликнул Барнетт. — Совершенно согласен!

Сердар продолжал:

— Я бы целиком принял план Нариндры с одной небольшой оговоркой. Вместо того чтобы возвращаться в Пуант-де-Галль порознь и ночью, нам следовало бы спуститься туда всем вместе и среди бела дня, пройдя под самым носом у сипаев. Сами и Рама ни у кого не вызовут подозрений, поэтому Нариндра, Боб и я спрятались бы на дне хаудаха, а Сами и Рама спокойно устроились бы на своих привычных местах, как погонщики слона. Маловероятно, чтобы страже захотелось заглянуть в хаудах, и, как верно сказал Нариндра, мы без труда нашли бы приют у наших друзей-малабарцев. Но когда и как же мы сможем покинуть Пуант-де-Галль? Ведь это не торговый город, и заходят туда только почтовые суда. Воспользоваться пакетботом,

обслуживающим индостанский берег, учитывая слезку, было бы опасно. Все же мы могли бы попытаться, но корабль отплыл только вчера и вернется теперь через месяц. Но через месяц юг Индии должен быть охвачен восстанием, а нам надо спешить к Лакхнау и Хардвар-Сикри, куда нас зовут важные дела.

При последних словах голос Сердара слегка дрогнул, и он не смог полностью подавить волнение, овладевшее им при мысли о том, что между ним и Рама-Модели может вспыхнуть вражда из-за майора Кемпбелла, которого индус считал убийцей отца. Он знал, к отцу в Индии относятся с таким почитанием, что заклинатель пантер никогда не откажется от мести, в противном случае он обесчестил бы свою семью до третьего колена.

Но Сердар быстро взял себя в руки и продолжал:

— Этот план был бы лучшим, если бы мы могли как-нибудь предупредить Шейх-Тоффеля, капитана «Дианы», который поджидает нашего возвращения в Манарском заливе. Однако мы будем вынуждены последовать предложению Нариндры, и я остановился именно на нем, если только попытка, которую я хочу предпринять, не увенчается успехом. В данном случае помочь нам может только Рама, поэтому я обращаюсь к нему.

— Я слушаю вас, сахиб.

— По общему мнению, из долины есть только два выхода, причем достаточно широких и доступных. Тем не менее мне кажется невероятным, чтобы со стороны моря не было ни одного места, где смелый и решительный человек, цепляясь за выступы в скалах, деревья, кустарники, не смог бы взобраться на вершину, которая с другой стороны обрывается отвесными скалами, уходящими в море.

— Я сам об этом думал много раз, сахиб, — ответил заклинатель. — Я помню, как в детстве я часто добирался до середины подъема в самых разных местах в поисках гнезд горлиц, но никогда мне не удавалось достичь вершины.

— Ты считаешь, что это совершенно невозможно?

— Думаю, что нет, хотя не стану утверждать наверняка. Никто никогда не пытался этого сделать, подобная попытка просто не имела смысла: сторона, обращенная к морю, состоит из обрывистых, необитаемых скал, если взобраться на них со стороны долины, восхождение будет опасным, но в нем не будет толку.

— Да, но для нас это было бы спасением. Если миновать долину, горы в сторону моря становятся ниже, они покрыты кокосовыми пальмовыми рощами, там никто не подозревал

бы о нашем присутствии. Мы могли бы, все время держась берега, дней за пять-шесть добраться до Манарского залива, где нас ждет шхуна. Мы бы уже плыли к Пондишери, а наши враги все еще считали бы, что мы в долине Трупов.

— Замечательная идея, сахиб, — заметил Рама после нескольких секунд размышления. — Я считаю, что нам надо как можно быстрее начать поиски места, пригодного для восхождения.

— God bless me! Здорово сказано! Отправимся сейчас же. Будем взбираться, карабкаться, черт побери! Быстрота решения — быстрота исполнения, таково мое мнение, прислушайтесь к нему, и не пожалее!

— Чтобы действовать быстро, как советует генерал, — продолжал Рама, — нам надо встать цепочкой на определенном расстоянии друг от друга. Мы назначим место встречи и после проведенных поисков соберемся вместе и поделимся полученными результатами. Опасаться того, что кто-то из нас потеряется, не следует, потому что мы будем идти вдоль подножия горы.

— Разумное решение, Рама. Нам остается только отправиться в путь, но вначале следовало бы, как ты верно заметил, назначить место встречи, где мы должны собраться сегодня вечером за час до захода солнца. Отдохнув еще одну ночь, завтра утром мы тронемся в путь.

— Расстояние, отделяющее нас от склонов, обращенных к океану, не так уж велико, поэтому мы можем сохранить этот грот как место стоянки и отдыха. Таким образом, мы могли бы оставить здесь Ауджали, в наших поисках он будет только помехой.

Это предложение зачинателя было единодушно принято всеми. Сердар, чтобы избавить Боба от тягот утомительной и бесполезной — учитывая тучность янки — прогулки, высказал предположение, что Ауджали, оставшись один, может набедокурить или заблудиться в джунглях, увлекшись преследованием какого-нибудь хищника, поэтому кому-то придется пожертвовать собой и остаться с ним.

Все согласились и решили положиться на волю жребия. Поскольку в подобных случаях всегда возможны сделки, услужливый жребий пал на Барнетта, который благородно согласился в общих интересах взвалить на себя это ярмо.

В глубине души он ликовал: целый день безделья, столько свободного времени, можно вволю заняться стряпней... Болото недалеко, и было бы чудно, если б туда вернулись эти великолепные утки, которых ему безумно хотелось попробовать. Желание это превратилось в навязчивую идею,

стало настоящей болезнью. Не зря же он целый час вдыхал восхитительный аромат! Он, разумеется, не был гурманом, тонким ценителем пищи, эти качества свойственны нациям утонченным, у настоящего янки их нет. Но как и все его соотечественники, Боб был человеком страстным в своих желаниях и отличался редким упорством, чего бы ни касалось дело — малого или большого. Шла ли речь об утке или рискованной для жизни экспедиции, он отдавался удовлетворению своих желаний все с той же неистовой, дикой страстью, вслед за тем забывая, что же вызвало ее к жизни. И теперь, после рискованных приключений, отчаянной усталости, героических и безрассудных поступков, ему захотелось принадлежать себе хотя бы сутки, захотелось посибаритствовать, ничего не делать, погреться на солнышке и, самое главное, отведать утки-брамина... Что вы хотите? И у великих людей есть свои слабости.

Глава II

В долине Трупов. — Разведка. — Покоритель джунглей. — Воспоминания о прошлом. — Быть начеку. — Таинственный шум. — Тревога. — Попавший в западню. — Напрасные призывы на помощь. — Кобры. — Неописуемая сцена. — Размышления Барнетта. — Снова Ауджали. — Удивительное спасение.

Обсуждение длилось не более десяти минут, и джунгли едва начали просыпаться, когда четверо мужчин с Сердаром во главе вновь пустились в путь, который они начали накануне. За час они добрались до южного края долины, ширина которой не превышала здесь трех километров. Быстро преодолев это расстояние, друзья очутились у подножия горы, которая с противоположной стороны обрывалась нависшими над морем скалами.

Как мы уже говорили, протяженность долины с юга на север была примерно пятнадцать-шестнадцать лье. Но, по мнению Рамы, прекрасно знавшего местность, надеяться найти проход было можно лишь в одной трети этого пространства, так как две другие состояли из отвесных скал, почти лишенных растительности.

Следовательно, предстояло исследовать около пяти лье, то есть на каждого приходилось такое же количество километров. Сердар выбрал пять последних, ибо по всей Индии

он славился умением совершать длинные пешие переходы. Спутники его расположились в таком порядке: Рама, Нариндра и, наконец, юный Сами.

Они тронулись в путь, и через несколько километров Сами остановился, чтобы исследовать свой участок, вернувшись назад. Таким образом, продвигаясь в поисках, он одновременно приближался к гроту, где все они должны были собраться вечером. На десятом километре остановился Нариндра, на пятнадцатом — Рама, и Сердар продолжил путь один.

Достоинство этого остроумного способа распределения участков состояло в том, что он позволял четверем друзьям поддерживать постоянную связь.

Прежде чем расстаться, они решили, что тот, кто первым доберется до вершины, выстрелит из карабина, и услышанный выстрел тут же повторят его ближайшие соседи. Поскольку эхо от выстрела легко распространяется на расстояние в пять километров, о достигнутом результате узнают все и немедленно соберутся вместе.

В случае, если кому-то будет угрожать опасность, он должен выстрелить дважды. Выстрелы, повторенные тем же способом, сразу предупредят остальных, и они поспешат товарищу на помощь.

Мы скоро увидим, сколь важные последствия имела эта мудрая мера предосторожности.

Расставшись с Рамой, Сердар двинулся дальше легким, быстрым шагом, который свойствен людям, привыкшим преодолевать большие расстояния. Правда, идя вдоль подножия горы, он вынужден был обходить то большие массивы колючих кустов, пройти сквозь которые было невозможно, то зыбкие топи, отмеченные низкой, редкой травой. В лесу царили покой и тишина, располагавшие к размышлению. Через несколько минут, совсем забыв о том, где он находится, Сердар перенесся в счастливые дни детства. Они протекали в старом феодальном замке в Бургундии, принадлежавшем его семье со времен Карла Смелого. Перед его мысленным взором предстали старые башни, стоявшие во рву, заполненном водой. Там было полно лягушек, и он любил по вечерам слушать их монотонное кваканье. Он увидел и подъемный мост, цепи которого служили ему трапедией, и двор, вымощенный каменными плитами, винтовые лестницы, залы с высокими потолками, украшенные портретами предков-рыцарей, закованных в латы. Одни из них пали в битве при Азенкуре, другие — при Грансоне или под стенами Иерусалима. С каким благоговейным вни-

манием слушал он рассказы деда об их подвигах! В более близкие времена они были полковниками королевской армии, мушкетерами, маршалами, служили во французской гвардии. В салоне, обставленном на современный манер, висел портрет деда, который был дивизионным генералом и при Ватерлоо лишился руки. Сердар вспоминал, что слушал рассказы деда не один, он увидел очаровательную светловолосую головку, услышал детский голосок, который требовал, когда дед замолкал:

— Еще! Дедушка, еще!

Как далеко было то время!.. Глаза Сердара заволокло слезами, горькими и сладкими одновременно. Жизнь открывалась перед ним, она была беззаботна и прекрасна. Перебирая ее эпизоды, он вспомнил, какую радость испытал, впервые надев эполеты. Он видел себя, пылкого, горящего отвагой, перед отъездом в Крым, и в то же мгновение лицо его стало мертвенно-бледным — ему вспомнилось страшное событие, разбившее его жизнь. Он готов был разрыдаться, как случалось с ним всякий раз, когда его посещало это кошмарное воспоминание... Вдруг он поскользнулся и оказался по грудь в тине, чувствуя, что увязает все глубже. Падая, он машинально не выпустил из рук карабин, и это его спасло. Опершись на него, Сердар почувствовал, что приклад и конец ствола упираются в твердую землю. Тогда он с силой подтянулся на руках, пользуясь ружьем как опорой и действуя медленно, осторожно, чтобы не сломать карабин. После множества предосторожностей ему удалось наконец поставить на кочку одно колено, затем другое... Он был спасен, но жизнью был обязан чистой случайности, тому, что торфяник начинался узким каналом и что, по счастью, карабин не пошел ко дну, а упал горизонтально, как бы перегородив канал. Он понял, что в подобном месте, где смерть под разными обличьями подстерегает на каждом шагу, нельзя позволять себе отвлекаться на воспоминания, нужно все время быть начеку, смотреть в оба и держать ухо востро.

Сердар выстирал в соседнем ручье одежду, через полчаса экваториальное солнце ее высушило, и он продолжил путь, прерванный злополучным происшествием.

Вдруг справа, у подножия горы, в густой рощице псидиумов, ему почудился легкий шум. Он взвел курок и несколько секунд стоял неподвижно, ожидая, что из чащи выскочит тигр, ибо пантеры и другие крупные кошки днем не выходят из логовищ. Но никто не появился, и он перешел на бег, чтобы наверстать упущенное время. Тем не менее

необъяснимый шум заставил его насторожиться. Он знал, что, будучи голоден, леопард часто нападает на человека неожиданно, поэтому, пройдя шагов пятьдесят, Сердар резко обернулся. В этот момент он находился на небольшой прогалине, залитой светом, но чуть дальше листва была так густа, что солнце не могло пробиться сквозь образованные ею своды. На расстоянии менее ста метров все сливалось в полутьме, придававшей предметам из-за отсутствия четких контуров самый фантастический вид. Так, ему показалось, что в том месте, которое он только что миновал, он видит нечто похожее на человека, стоявшего неподвижно у куста и смотревшего на него...

Кто бы осмелился в одиночку подвергнуть себя опасности и проникнуть в долину? Привидевшееся ему было не чем иным, как обманом зрения. Сердар закрыл глаза, как делают обычно, чтобы проверить себя. Когда он снова открыл их, странное видение исчезло.

— Обычный световой мираж! — пробормотал он. — Это частое явление. Когда из сильно освещенного места вы смотрите в темноту, перед вашими глазами проплывает облако, которое искажает внешний вид самых простых предметов. Но все-таки я хотел бы выяснить все до конца, излишняя предосторожность никогда не помешает.

Он повернул назад, чтобы удостовериться, что за кустом, рядом с которым ему померещилась человеческая фигура, не скрывается ничего подозрительного. Но едва он сделал несколько шагов, как из зарослей выскочил загорелый, как и все жители Короманделя, туземец и бросился в глубь джунглей. Сердар немедленно пустился за ним в погоню, дважды он вскидывал карабин, и дважды ствол дерева преграждал ему путь, спасая жизнь беглецу.

Сердар понял, что если дело так пойдет и дальше, он неминуемо упустит врага. Поэтому он отказался от мысли воспользоваться оружием и со всех ног пустился за убегающим вдогонку. В интересах собственной безопасности он должен был во что бы то ни стало поймать туземца, вполне возможно, что следом за шпионом шел многочисленный отряд.

Он быстро заметил, что настигает беглеца, еще две-три минуты — и тот окажется у него в руках. В какой-то момент туземец сделал небольшой крюк, словно хотел изменить направление бега, но затем вновь помчался к большим болотам, питаемым озером Калоо, — преследовать его там, не зная досконально местности, было невозможно. Сердар сделал нечеловеческое усилие — он не бежал, он

летел стрелой над кустами и кактусами, словно тигр, настигающий добычу. В мгновение ока расстояние между ними резко сократилось, противник терял силы. Сердар должен был вот-вот его настигнуть, как вдруг, добежав до места, где преследуемый свернул в сторону, он почувствовал, что земля уходит у него из-под ног, и он рухнул в яму глубиной шесть-семь метров, предназначенную для пантер.

Удар был настолько силен, что он потерял сознание. Кишнаья, глава душителей, сдержал свое слово: жизнь Сердара была в его руках, во всяком случае, грозный Покоритель джунглей, одно имя которого приводило англичан в трепет, был его пленником.

Опьянев от радости, шпион трижды пал ниц, чтобы возблагодарить богиню Кали за помощь. Затем он медленно направился к яме, сдерживая дыхание и стараясь не шуметь. Время от времени он останавливался, прислушиваясь, не донесется ли до него крик или стон, затем с той же осторожностью двигался дальше.

Когда он подошел к яме, в ней царило глубокое молчание. Если бы ветки, листья и трава, покрывавшие ее, не были сдвинуты — а это свидетельствовало о том, что добыча в ловушке, — Кишнаья, суеверный, как все индусы, подумал бы, что воображение сыграло с ним злую шутку. Покрытие ямы, состоявшее из веток и кустарников, почти не пострадало, и это обстоятельство благоприятствовало пленнику, так как снаружи не было видно, что происходит внутри. Яма представляла собой колодец с конусообразными стенками, чтобы хищники не могли выбраться из нее.

Обморок Сердара длился недолго. Он мгновенно понял, что его провели с дьявольской ловкостью. Ему стало ясно, что если против хитрости не применить хитрость, он пропал.

Читатель уже, конечно, понял, что Кишнаья только покрыл свежими ветками одну из ям, вырытых некогда Рама-Модели и его отцом. На это у него ушел час, который он выиграл, пройдя через джунгли напрямик вместе с заклинателем змей Веллаеном, служившим ему проводником.

Оба со вчерашнего дня, прячась в густых зарослях, бродили вокруг грота, где остановились на ночлег Сердар и его спутники. Они присутствовали на состоявшемся совете и были, таким образом, полностью посвящены в планы врагов.

Веллаен, отличавшийся редкой трусостью, побоялся получить пулю в лоб и не хотел рисковать своей шкурой. В течение всей предыдущей сцены он отсиживался в кустах. Когда же он убедился, что бояться нечего, то покинул убежище и счел своим долгом присоединиться к Кишнаье.

Но тот сделал знак не приближаться, ибо Веллаен мог только помешать его наблюдениям.

К великому счастью, падая, Сердар не потерял ни карабин, ни револьвер. Патронташ и охотничий нож также остались при нем. Как только он пришел в себя после удара, вызванного падением, он тут же переместился в угол ямы, защищенный ветками, на какое-то время оказавшись вне поля зрения противника.

Первым делом, держа карабин в вытянутой руке и направив дуло вверх, он нажал на курок. Раздался выстрел, и по всему лесу раскатилось эхо. Сердар с удовлетворением услышал, как в долине словно загрохотал гром, отражаясь от скал. Это был явный признак того, что друзья его услышат и немедля придут к нему на выручку. За первым выстрелом тут же последовал второй. Если вы помните, именно двойной выстрел означал, что подавший сигнал находится в опасности.

Первый выстрел настолько удивил Кишнаю, что он не сдержал крика и отскочил в сторону. Не подумав о том, что пленник не может его видеть, он решил, что Сердар целился именно в него. После того как раздался второй выстрел, Кишняя все понял — плут был умен.

— Это сигнал, — сказал он себе, — не пройдет и часа, как все трое свалятся мне на голову. Надо подумать, как быть.

Будучи уверен, что пленник не сумеет освободиться сам, он побежал к Веллаену, который ни жив ни мертв, едва слышав выстрелы, пал в кустах наземь, думая, что пришел его последний час.

— Ну-ка, господин трус, — сказал ему Кишняя, — вставай. Не бойся, из этой дыры пули не долетят до тебя даже рикошетом. Иди сюда, ты мне нужен. Отойдем в сторону, не надо, чтобы Срадхана услышал наш разговор.

Сообщники отошли шагов на пятьдесят, и Кишняя продолжал:

— Два выстрела, которые мы слышали, должны предупредить товарищей Сердара, что он нуждается в помощи. Пройдет немного времени, они явятся сюда, и если мы не найдем выхода из положения, нам останется только с позором вернуться в Пуант-де-Галль и объявить губернатору, что предприятие наше провалилось. Надо, чтобы наш пленник умер до того, как подоспеют его друзья. Поскольку мы не отважимся спуститься в яму и сразиться с ним врукопашную, следует найти такой способ, при котором мы сами не подвергались бы опасности и не стали жертвой его ответных действий.

— Мы не можем пустить в ход копья?

— Будь на месте Сердара кто-нибудь другой, который, вроде тебя, полумертвый от страха валялся бы на дне ямы, можно было бы попробовать. Но с ним надо придумать что-то другое.

— Есть! — воскликнул Веллаен с радостной улыбкой, в которой сквозила кровожадность. — Посмотри, вокруг полно муравейников...

— Полагаю, ты не собираешься отдать нашего пленника на съедение муравьям?

— Нет, но тебе известно, что в жилищах красных муравьев обычно скрываются кобры, которые обожают запутанные ходы муравейников. Что ты скажешь, если мы подбросим с полдюжины этих очаровательных зверюшек арестанту?

— Я скажу, что тебе в голову пришла замечательная мысль. Это лучшее из всего, что можно придумать в подобных обстоятельствах. Не волнуйся, за нее тебе заплатят чудесными золотыми монетами с изображением чужеземной королевы. И поскольку ты — заклинатель змей, то исполнить задуманное для тебя пара пустяков. Все, что требуется, у тебя с собой?

— С вогу и мешком я не расстаюсь никогда.

— Начинай же, ибо оставшееся время поистине драгоценно.

Веллаен взял в руки вогу, небольшую тростниковую дудочку, которой пользуются заклинатели, и, приблизившись к муравейнику, опустился на колени возле самого большого отверстия, служившего ходом для змей. Предварительно он снял с себя одежду, чтобы ничто не стесняло его. В таком виде, устремив взор на дыру, он затянул странную, монотонную песню, своего рода заклинание, которое должно было привлечь на помощь духов лесов.

— Короче! Не тяни! — воскликнул Кишнаья, который умирал от страха.

Но Веллаен, весь во власти своего искусства, был настолько равнодушен к окружающему, что английский шпион вынужден был выслушать обращение к духам-защитникам до конца.

Затем заклинатель взял дудочку и извлек из нее меланхоличный звук, похожий на щебетание птичек. Безусловно, именно дару имитации заклинатели обязаны успехам, которых они достигают в своей необычной профессии.

Рассказы путешественников на эту тему частенько под-

вергались сомнению, некоторые просто-напросто считают профессиональных заклинателей обманщиками, заявляя, что у них ручные змеи, которые являются на зов хозяина, и что заклинатели пользуются их выучкой всякий раз, когда им требуется показать свое мастерство. Нападки эти несправедливы, в данном случае смешиваются две совершенно разные категории людей: в Индии существуют факеры и фокусники (часто это одно и то же), которые зарабатывают на жизнь всякого рода фокусами, в частности и с ручными змеями. Наряду с ними есть настоящие заклинатели, обладающие способностью, легко объяснимой, привлечь к себе змей, подражая пению птиц, до которых змеи большие охотники. Мы не очень верим в силу музыки, но безусловно верим в силу желудка. Поэтому нет ничего удивительного в том, что змея приползает на щебет птиц, являющихся ее излюбленным лакомством.

В своем ремесле Веллаен был весьма искусен: не прошло и десяти минут, как в мешке у него было уже пять великолепных кобр, и до полудюжины не хватало самой малости.

Прошло примерно полчаса с того времени, как Покоритель джунглей попался в ловушку, расставленную ему Кишнаей. На душе у него было скверно. Не двигаясь, он считал минуты, с нетерпением поджидая помощи и одновременно удивляясь царившей вокруг мертвой тишине. Он не верил, что враги покинули его, не попытавшись с ним разделаться. Оценив всю опасность своего положения, Сердар решил, что мерзавец, заманивший его в западню, должен в случае успеха предупредить южный пост сипаев, а те, явившись, расстреляют пленника в упор, не дав ему возможности защищаться. Эта ужасная перспектива вызвала у него приступ бессильной ярости, окончившийся нервным припадком. Благодаря такой острой, но естественной реакции Сердар в конце концов вновь обрел свойственные ему спокойствие и мужество. Через каждые пять минут он стрелял из карабина, чтобы указать друзьям направление их поисков. Ничто так не угнетало несчастного, как окружающая его ужасная тишина, в которой таилась угроза. В особенности его беспокоило одно: вдруг его враги воспользуются огнем, чтобы расправиться с ним. Достаточно было нескольких охапок хвороста, чтобы он умер в страшных, диких мучениях. Он не знал, что Кишнаей уже подумывал об этом, но вынужден был отказаться от дьявольской затеи, ибо ни ему, ни Веллаену нечем было развести огонь. Они тронулись в путь так поспешно, что забыли запастись всем необходимым. Что до старого испытанного способа раздобыть огонь

путем трения друг о друга двух сухих кусков дерева, они не могли им воспользоваться — в низине, перерезанной болотами, все куски дерева, которые им попадались, источали влагу и никуда не годились.

Время летело быстро, не внося никаких изменений в положение Сердара, как вдруг до него донесся звук шагов, приближавшихся к его темнице. На мгновение чья-то тень заслонила свет, падавший через отверстие в крыше из листьев, проделанное при падении. Что случилось? Это были не его друзья, они бы крикнули, они бы позвали его! Ничего! Ничего, кроме молчаливой, угрожающей тени. Неужели его неприятели наконец-то решились заявить о себе?

Сердар недолго терялся в догадках. Вновь появился свет, и в тот же момент бесформенная масса, похожая на пучок сплетенных между собой лиан, упала к его ногам.

Тотчас же волосы дыбом встали у него на голове и кровь застыла в жилах. Взгляд его был дик. Онемев от ужаса, в клубке лиан он узнал десяток свернувшихся кобр, уже издававших злобный свист.

Сердар отличался исключительной энергией. Разумеется, он не мог подавить в себе свойственные всякому человеку естественные импульсы. Но, дав проявиться первой, произвольной реакции, Покоритель джунглей умел справиться с ней, как никто другой. Его проницательный ум всегда склонялся к решению самому целесообразному и логичному. Так, большинство, оказавшись в положении Сердара, не устояли бы перед искушением выстрелить в шевелящуюся кучу — такая мысль пришла и ему, но он тут же отогнал ее прочь. Пуля, выпущенная из карабина, возможно, разнесла бы на части одну из опасных рептилий, но все остальные, возбужденные выстрелом, немедленно бы набросились на него, и поскольку даже один укус кобры убивает человека за десять минут, Сердар мгновенно погиб бы, сраженный ими.

Решение, которое он немедленно принял, было единственно верным в данной ситуации: ему следовало сохранять полнейшую неподвижность. Змея отличается тем, что никогда не нападает ни на людей, ни на животных, если ее не раздражить.

Происшедшая далее сцена была неопишима, от подобных переживаний поседел бы и самый отъявленный смельчак. Сев в углу ямы на корточки, так как наклон стен был таков, что позволял стоять только посередине, Сердар увидел, как кобры расплелись со свистом, а затем поползли в разные стороны в поисках выхода. Некоторые направились

прямо к нему, и несчастный призвал на помощь все свое хладнокровие. Одно движение, которое показало бы отвратительным тварям, что перед ними живое существо, и он погиб. Но на этом не закончились муки, которые ему суждено было пережить. Кобра, если она не спит в какой-нибудь норе или на подстилке из мха или сухих листьев, любит обвиться кольцами вокруг ствола дерева, медленно покачивая при этом в воздухе верхней частью туловища, зловеще позевывая и посвистывая, раздувая шаром липкие щеки и, подобно воздуходувным мехам, выбрасывая толчками отвратительный, зловонный воздух.

Первая подползшая к Сердару змея, казалось, обследовала странный предмет, находившийся перед ней. Она обвилась вокруг его ног, добралась до колен, скользнула вдоль тела, зловеще шурша, затем медленно поднялась к лицу, к шее, чье влажное тепло ее привлекло. Змея обвилась вокруг шеи несчастного, свесив голову ему на грудь, и застыла в таком положении. За первой змеей последовала вторая, затем третья и, наконец, все остальные. Змеям не по вкусу пришлась сырая яма, и они были довольны, что нашли подходящее местечко, где можно было порезвиться вволю. На ногах, руках, теле Сердара отвратительные браслеты и пояса порой сталкивались и, поднимая головы, раздраженно и угрожающе шипели, словно хотели пожрать друг друга; вонючая слюна по каплям стекала из их зловонных глоток, падая на лицо, шею, руки их жертвы. Одна из кобр, рыская головой, похожей на острие пики, в одежде несчастного, сумела заползти к нему на грудь, привлеченная теплом, и свернулась там клубком, чтобы отдохнуть. Это было слишком, силы покинули Сердара. Он потерял сознание, но, к счастью, не упал, а остался в прежнем положении, и кобры, еще более довольные, продолжали двигаться, играть на неподвижном теле Покорителя джунглей...

Что же в это время делали остальные участники драмы, неужели Сердар был обречен на смерть и ему не суждено было дожидаться помощи друзей?

Кишнайя и его приятель, спрятавшись в зарослях, никак не могли понять, почему в яме продолжала царить тишина, они ждали борьбы с криками, вздохами, проклятьями, но там все было так же спокойно, как и до визита кобр. Веллаен в конце концов убедил себя, что Сердар, должно быть, призвал на помощь своих духов-защитников, и те освободили его так, что они с Кишнайей ничего не заметили.

Кишнайя, менее суеверный и более умный, поначалу

только пожимал плечами да посмеивался над приятелем, но постепенно он стал склоняться к тому же мнению, и оба решили, не снять ли с ямы ветки, чтобы убедиться в исчезновении Сердара. Но страх перед карабином был сильнее суеверия, и они сошлись на том, что надо терпеливо ждать, когда кончится дело.

Они предусмотрительно спрятались в непроходимых зарослях и ничем не рисковали, даже если бы товарищи Сердара подоспели ему на выручку: их куда больше занимало бы спасение друга, нежели поиски тех, кто подстроил ему ловушку.

В молчании спутников Сердара не было ничего удивительного: события развернулись таким образом, что меры предосторожности, принятые в интересах безопасности, привели к противоположному результату. Едва прибыв в конечный пункт участка, который они должны были обследовать, Сами, Нариндра и Рама немедленно приступили к делу, и первый из них почти закончил работу, когда Сердар еще не добрался до отведенной ему территории.

Случай распорядился так, что Сами удалось найти проход примерно на середине пути, причем в том именно месте, где на первый взгляд ничего не было. За совершенно отвесными скалами находился ряд полуразрушенных утесов, напоминавших ступени гигантской лестницы и позволявших без особых усилий добраться до вершины. Когда юный индус, взобравшись на самый гребень горы, увидел расстилающуюся перед ним гладь Индийского океана, он не смог сдержать победного возгласа: это было не только их спасение, это был успех великих планов Сердара... Не теряя времени, он подал условный сигнал, и эхо выстрела, перебегая от скалы к скале, подняло в воздух мириады морских птиц, гнездившихся в расщелинах скал. Почти сразу же Сами услышал ответный выстрел. Это Нариндра, верный уговору, предупредил Раму о сигнале, полученном от Сами.

Заклинатель пантер в точности повторил тот же маневр, но в этот момент Сердар уже попал в подстроенную яму-ловушку, и поскольку, преследуя Кишнаю, он пробежал более мили, углубляясь в долину, густая листва настолько ослабила движение звуковых волн, что выстрела он не услышал. То же самое произошло и с сигналами бедствия, которые бедняга подавал со дна ямы. У его спутников к тому же почти не было шансов их услышать, ибо, согласно уговору, они все направились к тому месту, где их поджидал Сами.

Примерно через час после описанного события трое ин-

дусов собрались вместе, не очень беспокоясь поначалу из-за отсутствия Сердара, ибо он находился от них на расстоянии доброго часа ходьбы. К тому же он мог услышать сигнал, находясь в горах, поэтому следовало учесть, что ему понадобится время на спуск.

Однако часы летели, а Покоритель джунглей не появлялся. Беспокойство его друзей переросло в страх. Когда же солнце начало клониться к горизонту, они поняли, что их предводитель стал жертвой какого-то несчастного случая. Но какого? Сделался ли он добычей хищников? Утонул ли в болоте, которое никогда не отпускает свои жертвы? Они терялись в догадках, задавая друг другу вопросы, на которые не было ответа. Наконец Нариндра предложил Рама отправиться вдвоем на розыски Сердара, а Сами оставить у найденного им прохода на случай, если Покоритель джунглей появится во время их отсутствия.

Друзья спешно отправились в путь, идя той же дорогой, что и утром. Они добрались до участка Сердара, не найдя там ничего, что могло бы помочь их поискам.

Напрасно кричали они до полного изнеможения, напрасно стреляли каждые пять минут, им отвечало только горное эхо. Наступила ночь, черная, глубокая, какими обычно бывают ночи на экваторе до восхода луны, а они в отчаянии продолжали свои поиски, отказываясь верить постигшему их несчастью.

Наконец они решили, что Сердар тоже мог найти проход в горах и, возможно, на обратном пути воспользовался этой горной дорогой. Предположение было вздорно и совершенно нелепо, но как бы тонка ни была соломинка, утопающий все же хватается за нее. Торопясь изо всех сил, они вернулись к поджидавшему их Сами, но у него тоже не было никаких новостей. Все трое в глубоком отчаянии направились к гроту, который они с такой надеждой покинули утром.

Сомнений больше не было: либо Сердар пал от пули шпиона и предателя, купленного англичанами, либо его растерзала одна из черных пантер, которыми кишела местность.

Только юный Сами, непоколебимо веривший в звезду хозяина, качал головой и неизменно говорил потерявшим надежду товарищам:

— Сахиба Срадхану так просто не убить!

Напрасно Рама убеждал его, что в такой час Сердар не может блуждать в джунглях.

— Но мы-то сами в джунглях! — отвечал метис с несокрушимой уверенностью.

— Мы здесь только потому, что ищем его.

— Ладно! — отвечал тогда Сами, которого ничто не могло убедить. — Но тому, кто этого не знает, мастеру Барнетту например, разве легко объяснить наше отсутствие? Нет, не правда ли? Так вот, пока нам неизвестны мотивы поведения сахиба, мы ничего не можем сказать. — И для пущей убедительности он произнес свою любимую фразу: — Сахиба Срадхану так просто не убить.

Поразмыслив, он добавил:

— Я даже уверен — и мне говорят об этом знакомые духи, — что Сердар вернется раньше нас.

Сами был сыном служителя пагод, поэтому он знал назубок иерархию девов и младших духов, которым боги поручили руководить людьми и направлять их. Он безоговорочно верил их внушениям и подсказкам.

Что же делал Боб в то время, как в джунглях происходили эти драматические события? Оставшись один, он начал с того, что плотно позавтракал остатками убитого накануне олененка. Несколько собранных на кустах перцев придали остроту нежному, вкусному мясу, большой корень иньяма прекрасно заменил хлеб, которого Бобу не хватало, а с помощью пары калембасс, наполненных забродившим пальмовым соком, он неплохо спрыснул пиршество, закончив его фруктами, причем выбор их был таков, что Поталь и Шабо отдали бы все, лишь бы выставить их у себя в витрине. Затем Барнетт закурил трубку и, растянувшись в тени большого мандаринового дерева, защищавшего его от палящего солнца, спокойно предался прелести сиесты, погружившись в мечты и отложив на вечер визит к уткам, о которых он, конечно, не забыл.

Небеса снизошли к Барнетту, пребывавшему в состоянии сладостного блаженства, и для полноты счастья послали ему дивные сны. Расквитавшись с Максвеллом в дуэли по-американски, о которой написала вся мировая пресса, он с помощью революции восстановил себя в правах, титулах, привилегиях и званиях, которые у него отняли англичане. Он вернулся к себе во дворец, чтобы отпраздновать реставрацию, ступая, как по ковру, по телам факиров, распластавшихся перед ним ниц. Из рук самого набоба Дели он получил орден Зонта и чин субедара Декана, что было равноценно званию маршала Франции. Короче говоря, усыпанный почестями, он выписал из Америки младшего брата, Вилли Барнетта, которого обожал, ибо никогда не видел, и передал ему многочисленные титулы. Наконец, вместе с главой черных евнухов он замыслил удушить

старого набоба, идя навстречу пожеланию народа, который во что бы то ни стало хотел сделать султаном Барнетта, но в этот момент он проснулся и довольно вздохнул.

— К счастью, это был только сон! — заметил он покаянно. — Ведь я собирался сделать большую подлость. Впрочем, это было бы вполне на восточный манер, в духе местного колорита. Потом я бы, конечно, посадил на кол этого мерзавца черного евнуха, чтобы он знал, как строить пакости своим повелителям, это помешало бы ему проделать то же самое со мной... Все же нет! Хорошенько подумав, — тут он потянулся и зевнул так, что едва не вывихнул себе челюсть, — я решительно прихожу к выводу, что не стал бы душить старого набоба, несмотря на местный колорит и традиции, ибо я как раз уважаю традиции предков, а они... Но вообще-то жаль: среди Барнеттов еще не было монархов, в Америке это придало бы нашему семейству определенный блеск. Кто был бы удивлен, так это папаша Барнетт, он всегда предсказывал, что из меня не выйдет толку и что я кончу на виселице! Два дня назад я чуть было не угодил на нее, на эту знаменитую виселицу! Если бы я мог отрезать от нее маленький кусочек, говорят, это приносит счастье, а я уже известил семью о моей смерти... К счастью, для них это не будет сильным ударом, у Барнеттов сердца суровые, можно не опасаться, что кто-то из них помрет от радости, ознакомившись с нечаянной «уткой», которую я им запустил. Ведь в самом деле все было так серьезно, и если бы не слон Сердара... Кстати, раз уж речь зашла об утке, не убить ли мне одну-другую? Думаю, на сей раз я смогу их съесть спокойно. Два раза подряд носорог на нас не нападет, да и Ауджали со мной.

Продолжая монолог, он взял карабин и направился к озеру Калоо, на которое ему указал утром Рама-Модели. Озеро находилось в глубине джунглей, почти напротив грота. Подгоняемый навязчивой идеей, Боб смело углубился в чащу. Он прошагал примерно полчаса среди сплетенных лиан, карликовых пальм и кустов, где ему, конечно, было бы не пройти, если бы не помощь Ауджали, который хоботом вырывал кустарники с такой легкостью, словно это были пучки травы. Вдруг он услышал, как вдалеке прозвучал сначала один выстрел и следом за ним — второй.

— Надо же! — сказал Барнетт. — Похоже на карабин Сердара. Только у нас с ним стволы из литой стали. Я слишком хорошо знаю их чистый, серебристый звук, чтобы ошибиться. Что это он там делает? Впрочем, если продолжить линию, по которой я иду и которая как бы делит

долину пополам, то она как раз приведет к тому участку горы, где находятся сейчас мои друзья. Наверное, долина в этом месте совсем неглубока, если звук выстрела донесся до меня так ясно...

Услышав выстрелы, Ауджали внезапно остановился, начал втягивать воздух хоботом и загудел, словно кузнечные мехи. Уши его, как два веера, ходили туда-сюда, мерно ударяя его по лбу, а умные глазки вопросительно уставились в пространство.

— Можно подумать, что он тоже узнал карабин хозяина, — промолвил Барнетт, заинтригованный поведением животного. — Вообще-то меня бы это не удивило. Нет ничего особенного в том, что, привыкнув к звуку, который так непохож на все остальные, слон стал различать его. Он способен на вещи куда более поразительные.

Через несколько минут, не слыша больше выстрелов, они снова тронулись в путь. Будучи опытным охотником и военным, Боб определил, что выстрелы были произведены на расстоянии двух—двух с половиной миль, то есть примерно трех-четыре километров.

Он уже увидел болота, со всех сторон окружавшие озеро, когда вновь прозвучали выстрелы, пять-шесть раз подряд, с интервалом в одну минуту. Теперь Барнетт находился к стрелявшему ближе, и сомнений больше не было — то был карабин Сердара. Любопытство Боба было живейшим образом возбуждено.

— Так-так! По-моему, дело пахнет дракой, во время охоты выстрелы не сыплются так часто. Неужто хотели обойтись без Боба Барнетта? О нет, этого я не допущу! Или я уже никуда не гожусь? Вам нужен землемер, чтобы искать проход в горах, — это дело не мое, и Барнетт готов остаться на кухне, но не предупредить меня, когда готовится заваруха, это значит пренебречь всеми приличиями, и мы посмотрим... А ну, мой храбрый Ауджали, вперед!

По-прежнему раздававшиеся выстрелы какое-то время служили им ориентиром, потом вдруг все смолкло, и Барнетт вынужден был идти наугад. Дорога, которая и без того была трудна, вскоре из-за болот стала непроходима. Это уже были не просто грязные лужи, преграждавшие путь и заставлявшие идти в обход, но длинная, непрерывная вереница лагун, сообщавшихся с озером, в которых воды было по пояс. Подобные переходы были изнурительны, так как Боб нес на вытянутых руках патроны и карабин. Он уже подумывал, не забраться ли ему на шею Ауджали, несмотря на непреодолимое отвращение, которое он испытывал к

этому способу передвижения, как раздался последний выстрел, прозвучавший совсем близко. И прежде чем Барнетт успел осуществить свое намерение, слон издал крик, в котором смешались тревога и радость, и ринулся вперед, позабыв о Бобе, который, увязнув по пояс в грязи, не знал, что ему делать — идти вперед или податься назад.

— Ауджали! Ауджали! Вернись! — кричал бедняга. — Ах, мерзавец, ну смотри у меня...

Но Ауджали, не внемля его мольбам, мчался вперед, вздымая вокруг фонтаны воды. Слон очень любил Барнетта, всегда припасавшего для него всевозможные лакомства, но раз уж благодарность не смогла удержать его, то еще меньше значили для Ауджали угрозы.

Какие не слышные для других звуки сумел уловить слон, отличающийся самым тонким слухом среди всех животных? Какие неуловимые токи взволновали его настолько, что он сделался глух к призывам Боба и бросил его в ситуации столь же опасной, сколь и комической? Ибо метрах в пятистах огромный крокодил, спокойно плавающий на поверхности озера, тут же нырнул, завидев Ауджали, но вскоре появился вновь неподалеку от янки... Барнетт должен был добраться до земли раньше, чем его заметит хищник, иначе Бобу было несдобровать.

Дело в том, что Ауджали благодаря совершенству своего слуха, о котором мы и понятия не имеем, прекрасно знал, куда он идет. Он шел туда, куда его звал долг, благородное животное спешило на помощь хозяину, попавшему в беду, и ничто на свете не могло остановить его порыв.

Казалось, что рукав Калоо помешает слону двигаться дальше. В два счета он пересек его вплавь и оказался на суше. Он бросился вперед и через пять минут был уже в той части джунглей, которая не так сильно поросла кустарником. Он заметил двух индусов, которые бросились бежать при его появлении, выказывая при этом отчаянный страх.

Это были Кишнаья и Веллаен, которые продолжали наблюдать за агонией своей жертвы и, приняв Ауджали за дикого слона, поспешили спастись бегством от его ярости.

Почти мгновенно слон остановился, на негоплыли волны запахов. Он понял, что хозяин недалеко, и, ведомый своим безупречным обонянием, направился прямо к яме. Два эти чувства — обоняние и слух — так развиты у этого животного, что в Индии проводились поразительные опыты, которым можно поверить с трудом, если бы их истинность не удостоверяли самые серьезные авторитеты.

Находясь в двух-трех лье от того места, где прячется его хозяин, о присутствии которого ему, разумеется, неизвестно, слон, при условии, что ветер дует в его сторону, направляется прямо к нему. На большом расстоянии он слышит малейший шум и может различить, откуда он исходит. Добравшись до места, где Сердар находился уже пять или шесть часов, испытывая неслыханные муки, Ауджали сразу понял, что хозяин здесь. Приблизившись к яме, он разразился всеми криками, которые имелись у него в запасе, выражая различную степень нежности, удивления и гнева.

Но к чувству удовлетворения, которое он хотел выразить, примешивался гнев. В то время как обоняние указывало ему на присутствие хозяина, запах кобр приводил его в состояние сильного раздражения.

Давно придя в себя после обморока, Сердар, который начал терять всякую надежду, услышав голос слона, не смог сдержать ликующий крик, хотя и рисковал при этом раздражить кобр. То был крик безумной, неистовой, сумасшедшей радости. Он крикнул во все горло, как могут кричать люди, которые, увидев смерть так близко, что уже распрощались с жизнью, вдруг вновь обретают надежду, потерянную, казалось бы, безвозвратно.

— Ауджали! Ауджали! Мой милый Ауджали! — призывал несчастный.

И слон продолжал глухо ворчать, одновременно выражая радость от свидания с хозяином.

— Кто с тобой, мой храбрый Ауджали? — спросил Сердар и позвал по очереди Барнетта, Нариндру и двух других индусов.

В этот момент слон резко схватил крышку из веток, покрывавшую ловушку, и отбросил ее назад. Поток света мгновенно залил яму, и Сердар, увидев одного Ауджали, догадался, почему на его призывы никто не отозвался. Сердце его сжалось, он понял, что спасение, которое было бы просто и в присутствии кого-то из его друзей, становилось невозможным, если в нем принимал участие один только слон.

Самое главное было не позволить слону допустить какую-нибудь оплошность, так как вид змей привел Ауджали в состояние сильнейшего гнева. Слону нечего бояться укусов кобры, толщина кожи надежно защищает его от яда, но даже самая маленькая рептилия приводит его в ярость.

Однако то, чего Сердар боялся больше всего, как раз избавило его от опасных и непрошенных гостей. Увидев, как Ауджали кружит туда-сюда на краю ямы, ударяя в землю

ногой, кобры тоже заволновались и начали потихоньку сползать с насиженных мест, освободив таким образом свою жертву от страшных пыток, которые он претерпевал уже много часов. Кобры тут же принялись свистеть, вызываяще раздувать шею и, скручиваясь спиралью, пытались выбраться наружу. Но даже вытянувшись стрелой, они преодолевали лишь половину расстояния, отделявшего их от ненавистного врага.

Змея — одно из самых низкоорганизованных созданий на свете, она поразительно глупа и совершенно не может справиться с препятствиями, встретившимися ей на пути, или соразмерить свои усилия с трудностями, которые ей надо преодолеть. Она будет часами биться о скалу, которую можно обойти, или пытаться залезть в ход муравейника, слишком для нее узкий.

Случай на сей раз как будто сжалился над долгими страданиями Покорителя джунглей и взял в союзники Ауджали, чтобы вызволить его из беды. Бегая вокруг ямы, где находился его хозяин, слон нечаянно столкнул туда длинный ствол бамбука, служивший опорой для крыши из травы и листьев. Бамбуковый шест упал так удачно, что образовался своего рода мостик, ведущий со дна ямы на поверхность.

Едва бамбук коснулся земли, как одна из кобр с молниеносной быстротой обвилась вокруг ствола и кинулась вверх с такой скоростью, что Ауджали, несмотря на свое проворство и сноровку, не успел схватить ее. Остальных ожидала иная участь: у половины этих гнусных тварей Ауджали ударом хобота перебил позвоночник, и они падали, корчась, на землю, теперь уже не представляя опасности.

Увидев, что бежал последний из его врагов, Сердар издал победный клич. Он был спасен.

— Спасен! Спасен! — повторял он почти в экстазе. — Спасен! Благодарю тебя, Господи! Ты не захотел, чтобы я умер прежде, чем выполню свой долг. Теперь дело за мной, сэр Уильям Браун. Клянусь, я воздам вам сторицей за невыносимые муки, которым вы меня подвергли. Что до орудий вашей мести, живыми из джунглей им не выйти.

Тот же самый бамбук, по которому вверх вылезли кобры, должен был послужить Сердару. Он, однако, подождал несколько минут, прежде чем начать подъем, так как физическая реакция была столь сильна, что ноги его дрожали, а непроизвольная нервная судорога сводила все тело. Но слабости подобного рода у него всегда проходили быстро, и нетерпеливое желание выбраться скорее на свободу придало ему силы.

Схватившись за бамбуковый ствол, прислоненный к стенке ямы, он взобрался наверх с легкостью профессионального гимнаста.

Увидев хозяина целым и невредимым, Ауджали не знал, как выразить свою радость. Он старался, чтобы голос его звучал как можно нежнее, встряхивал своими большими ушами, резвился и прыгал, что резко контрастировало с его обычной серьезностью.

— Тише! Успокойся, Ауджали! Быстрее в путь, сегодня ночью нам предстоит одно трудное дело.

Глава III

Возвращение Сердара в грот. — Планы мести. — В погоне за шпионом. — Ночной дозор в горах. — Ожидание. Кишнайя и Веллаен. — Месть.

На долину стали наползать предзакатные тени, солнце давно скрылось за зубцами высоких гор, окружавших джунгли. В это время Рама и Нариндра в отчаянии искали друга выше, в горах, тогда как описанные события произошли в низине. Расстояние, а также густота растительного покрова помешали Сердару услышать их зов и выстрелы.

— Вперед, Ауджали! — сказал Покоритель, устраиваясь на шее слона. — Скорее к выходу, дитя мое, лети стрелой!

Он направил слона по той дороге, которой он сам прошел утром. У подножия горы растительность была не так густа, это облегчало путь и не замедляло скорость движения.

Трудно описать, какая радость переполняла сердце Сердара в этот момент. Он был полон веры в будущее, хотя, как и всем, кто долго жил на Востоке, ему был свойствен некоторый фатализм. Свое спасение столь чудесным образом из подстроенной ему западни он воспринимал как знак того, что и во всех прочих предприятиях его ждет удача. Прежде всего он собирался вынести приговор и отомстить человеку, ставшему агентом губернатора Пуант-де-Галль и подстроившему столь подлую ловушку. Негодяй еще не успел выйти из долины, и Сердар должен был его настигнуть, это был вопрос времени. Потом он намеревался сразу отправиться к друзьям, которые, должно быть, находились в смертельной тревоге.

Как мы видим, Сердар не знал, что у преследуемого им туземца есть сообщник. Но и знай он об этом, решимость его не поколебалась бы. Он твердо решил дока-

зять губернатору Цейлона, что схватить Покорителя джунглей не так-то просто. И сколь бы дерзкими и безрассудными ни были его планы, Сердар всегда осуществлял задуманное.

Если бы Сердар не избрал другой путь, он неизбежно встретился бы с Сами, который остался на посту у подножия горы. Но место, куда он направлялся, находилось несколько в стороне, и он выиграл около трех километров, срезав дорогу через джунгли и свернув еще до того, как мог увидеться с Сами. К выходу из долины Сердар прибыл незадолго до захода солнца.

Увидев, что лучи солнца еще освещают вершины гор, он точно определил, что до наступления темноты осталось примерно двадцать минут, этого было вполне достаточно, чтобы добраться до середины горы. И он отдал приказ Ауджали, который с легкостью, невероятной для его массы, стал взбираться по склонам, ошестинившимся остророгими скалами.

Сердар предвидел, что после того, как подосланный губернатором шпион потерпел неудачу, он не станет задерживаться в долине Трупов. Без сомнения, дабы не попасть в руки Покорителя (если тому удастся выбраться из ямы) или его друзей, он должен был до темноты скрываться в самой чаще джунглей и только после этого попытаться добраться до выхода из долины и вернуться в Пуант-де-Галль. Поэтому задача состояла в том, чтобы оказаться на месте раньше туземца. Эта часть плана полностью удалась, ибо Сердар удобно расположился на маленьком плато, откуда он вместе с друзьями посылал прощальный привет «Эриманте», уносившей Эдуарда Кемпбелла в Пондишери. Скрытый тенью большого баньяна, Ауджали расположился как раз поперек прохода, так что проскользнуть мимо, не столкнувшись с гигантом, было невозможно. Приняв все меры предосторожности, Покоритель джунглей уселся на обломок скалы рядом со слоном, чтобы спрятаться в тени того же дерева. Он знал, что глаз постепенно привыкает к темноте, и шпион мог заметить его раньше, чем Сердар успел бы что-либо предпринять. Индус бросился бы наутек, и Сердар не был уверен, что сумеет догнать его. Но под покровом ночи, да к тому же в тени *ficus indica*, опасаться было нечего.

Довольный тем, что на утреннюю ловушку он отвечает вечерней западней, наслаждаясь предстоящей мстью, хозяин Ауджали в ожидании врага погрузился в размышления,

Два негодяя, испугавшись внезапного появления Ауджали, поспешно удрали, решив, что это был дикий слон. Поэтому прежде всего они позаботились о том, чтобы укрыться от его нападения. Они взобрались на низкие ветки дерева, предоставившего им надежное убежище от опасного зверя. Спрятавшись в густой листве, они стали свидетелями всех перипетий спасения их жертвы, и каково же было их изумление, когда они увидели, как слон, которого они приняли за хозяина джунглей, помогает побегу пленника. После того как слон и Сердар удалились с триумфом, они решили покинуть наблюдательный пост и обсудить увиденное.

— Ну, — первым начал Кишнаья, — нас, кажется, надули.

— Вот именно, — ответил Веллаен, — а тысяча рупий вознаграждения, которую пообещали мне сегодня утром, ускользнула на спине проклятого слона.

— А я? Ты что думаешь, я ничего не теряю? Не говоря уже о моей репутации, которой нанесен смертельный удар! Моя трость с золотым набалдашником помчалась галопом вдогонку за твоей тысячей рупий.

— Но разве мы не можем начать все сначала? Неделя, которую тебе дал сэр Уильям Браун на поимку Сердара, еще не истекла, и, может, в следующий раз нам больше повезет.

— Оставь эту надежду, мой бедный Веллаен. Ты ведь знаешь, как говорят в наших деревнях на Малабарском берегу: «Одну и ту же ворону не приманишь дважды одним и тем же куском мяса». Так вот, мой дорогой, эта поговорка вполне применима в нашем случае.

— Поговорку-то я знаю, Кишнаья, но это вовсе не значит, что ту же самую ворону нельзя приманить второй раз другим куском мяса.

— О, я тебя прекрасно понимаю. Но признаюсь, мой бедный Веллаен, голова моя абсолютно пуста. Я использовал все лучшее, что было у меня в запасе, и надо заметить, что с помощью случая сумел добиться успеха. Теперь у меня остались самые примитивные хитрости, годные разве что для такого несчастного, как ты, который не заподозрит в них злого умысла, но Сердар на них не попадет, к тому же теперь он начеку.

— Сегодня утром, когда я придумал дело с кобрами, ты отнесся к моей помощи не с таким презрением.

— Не спорю, каждому один раз в жизни может прийти блестящая идея, — засмеялся Кишнаья, — но думаю, больше с тобой этого не случится.

— Издевайся надо мной, как тебе угодно, и все же, если бы я договаривался с губернатором, я бы не признался так легко в своем поражении.

— Ну что ж, поступай так, словно ты на моем месте: придумай что-нибудь стоящее, что-нибудь выполнимое, и я обещаю не только всячески помогать тебе, но и удвоить обещанную награду.

Веллаен задумался, потом лицо его вдруг просияло.

— Вчера вечером мы же добрались ползком к гроту, где спали Сердар и его товарищи, так ведь? Кто нам мешает сделать то же самое сегодня? Потом мы проскользнем, точнее, ты проскользнешь внутрь грота и, пока он спит, заколешь его кинжалом.

— Видишь, мой милый Веллаен, ты вовремя спохватился: вместо того, чтобы развить свою верную мысль и предложить мне рискнуть вместе с тобой, ты поспешил увильнуть в сторону, переложив на мои плечи всю опасность данного предприятия...

— Но я не принадлежу к касте душителей, которые славятся своей отвагой. Ты же знаешь, я всего-навсего простой заклинатель змей, а в свободное время — продавец тигровых шкур, храбрость в моей профессии ни к чему.

— Мы душим, а не убиваем кинжалом, — заметил Кишнайма, который любил пошутить.

— Ну и что! Не закалывай его кинжалом, удуши, — нахально заявил Веллаен, приперев приятеля к стенке.

Негодяй не мог так легко расстаться с надеждой заполучить тысячу рупий — для него это было целое состояние.

— Оставим эти шутки, — сухо оборвал его Кишнайма, — и подумаем лучше о нашей безопасности. Будь уверен, что Сердар и его товарищи прочешут джунгли во всех направлениях, и если, на беду, мы не покинем их сегодня вечером, завтра будет слишком поздно.

— Будь по-твоему! Раз ты не хочешь попытать счастья, нам в самом деле остается только вернуться в Пуант-де-Галль.

В этот миг Рама и Нариндра после бесплодных поисков спускались в долину, оглашая ее криками и выстрелами из карабина.

— Слышишь? — спросил Кишнайма приятеля. — Через час они соберутся вместе, и всей нашей ловкости не хватит, чтобы ускользнуть от них. Они, конечно, отправятся к гроту, где Сердар назначил общий сбор. Однако, прежде чем они что-то предпримут против нас, им надо встретиться и не только узнать о нашем существовании, но и выяснить,

что Сердар подвергся опасности именно из-за нас. Это дает нам часа два передышки, которыми следует воспользоваться без промедления.

Чтобы не попасть в руки спутников Сердара, которые обходили южную оконечность долины, оба хитреца медленно двинулись к выходу, рассчитывая оказаться там с наступлением ночи. Когда они подошли к первым горным отрогам, Покоритель джунглей уже более часа поджидал их. Они начали подъем, стараясь не шуметь, чтобы не привлечь внимания своих врагов в случае, если те задержатся в джунглях.

Веллаен потребовал, чтобы его пропустили вперед, так как почти на всем пути идти рядом было невозможно.

— Давай, трус! — бросил ему Кишна́йя. — Ты боишься, что за нами пустятся в погоню, и в этом случае тебе будет приятно, если первые удары достанутся мне.

Веллаен ничего не ответил на это саркастическое замечание своего достойного друга и поспешил воспользоваться данным ему разрешением.

Им потребовалось полчаса, чтобы добраться до места, где Сердар поджидал того, кого он называл про себя не иначе как английским шпионом.

Ночь была тихой и спокойной. Ни малейшее дуновение ветерка не колебало листву деревьев, и если бы сообщники не были босиком, шум шагов по голым камням давно предупредил бы Покорителя джунглей об их появлении. В какой-то момент из соседней рощицы раздался крик совы, жалобный и заунывный. Индусы всегда внимают ему с таинственным ужасом, ибо эта зловещая птица, по преданию, предвещает близкую смерть тем, кто ее слышит, если она находится от них слева. Лес, откуда донесся крик, находился как раз по левую руку от ночных путешественников.

Веллаен тут же остановился.

— Что случилось? — шепотом спросил Кишна́йя. — Почему ты не идешь дальше?

— Разве ты не слышал?

— Что?

— Крик совы.

— Ты что, собираешься ночевать в горах только потому, что этой предвестнице несчастья вздумалось тревожить ночную тишину мерзкой песней? В таком случае пропусти меня, мне вовсе не улыбается перспектива застрять здесь.

Возвращенный к реальности этими словами, Веллаен, который ни в какую не желал идти сзади, будучи убежден,

что именно оттуда следует ждать нападения, с рвением пустился в дорогу. Казалось, от страха у него выросли крылья, ибо вскоре он обогнал приятеля шагов на тридцать. Кишная поднимался мерным шагом, не снижая и не прибавляя скорости.

Ничего не подозревая, они приблизились к роковому месту. Еще несколько шагов, и зловещее предсказание совы сбудется. Сердар уже заметил появившуюся тень... Она растет... удлиняется... Зажав в руке охотничий нож, готовый к прыжку, он ждал в лихорадочном возбуждении. Время от времени эту честную, благородную душу посещали сомнения: имеет ли он право убить человека, заманив его в настоящую ловушку? Конечно, человек этот желал его смерти, и сегодня утром, защищая себя, он был бы тысячу раз прав. Но теперь мог ли он сам вершить правосудие?

Правосудие! Горькая насмешка! В чьи руки он должен был бы отдать убийцу, чтобы тот понес наказание?

Правосудие! Сколько в нем случайного, преходящего, относительного! Разве не оно, преследуя самого Сердара, направило руку негодяя, избравшего для него самую страшную смерть, которую только можно себе представить? Это же самое правосудие воздало бы похвалу тому, кто из тщеславия предал своих соотечественников и пообещал доставить живым или мертвым борца за независимость своей страны, правую руку вождя индийской революции. А разве истинное правосудие не на стороне Сердара? Речь идет не об английском правосудии, а о том безличном правосудии, на которое имеет право каждый человек, защищая себя, когда он может руководствоваться законом «око за око, зуб за зуб», когда он может прибегнуть к суду Линча, если находится в такой социальной среде, где обычное правосудие не в состоянии защитить его...

Если сегодня он пощадит этого человека, не падет ли он завтра от его руки или руки его сообщников? Все! Довольно нелепой чувствительности, довольно ложного великодушия. Разве истинный защитник правосудия не тот, кого едва не погубил гнусный шпион, крадущийся теперь в ночи? Медлить больше нельзя, туземец всего в пяти шагах, вдруг он отпрянет назад, вдруг убежит...

Сердар бросился вперед. Раздался ужасный крик, и все смолкло. Охотничий нож вошел по самую рукоятку в тело негодяя, который рухнул на землю, как зарезанный бык... и больше ничего. Он был мертв! Покоритель джунглей был потрясен и взволнован. Впервые он убивал человека в подобной ситуации. Но этого требовала их безопасность, по-

этому пережитое им волнение быстро улеглось. Приказав Ауджали нести тело в хоботе, он взобрался слону на спину и направил его к выходу из долины, заставив мчаться во всю прыть.

Между тем отряд сипаев по-прежнему был на посту. Что же задумал Сердар? Это было одно из тех героических безумств, которые прославили его имя на всем Индостанском полуострове. Он решил бросить к ногам сэра Уильяма Брауна труп того, кого он считал шпионом, подосланным губернатором.

Не зная в лицо Кишнаю, которого он видел мельком ночью у озера Пантер, Сердар не подозревал, что принял заклинателя змей за предводителя душителей, принял тень за добычу, не подозревал, что бедняга, которого он убил, был только жалким орудием в чужих руках.

Меж тем Веллаен всего лишь навсегда получил давно заслуженное наказание за многочисленные преступления. Будучи связан с бандой Кишнайи, которая продавала ему шкуры тигров и пантер, убитых в лесах на Малабарском берегу, именно он поставлял душителям девочек и мальчиков, не достигших еще половой зрелости, которых туги в определенное время года приносили в жертву ужасной Кали, богине крови и убийства.

Этот злодей похищал детей у родителей, тайком прятал их в своей повозке под шкурами леопарда или тигра и отправлялся в джунгли, где обменивал детей у тугов на гончарные изделия, сандал, корицу, пушнину, которыми торговали душители, постоянно живущие в лесах.

Сердар избавил землю от чудовища, столь же опасного и виновного, как и Кишная, ибо, не принадлежа к касте душителей, Веллаен не мог даже оправдаться их ужасными кастовыми предрассудками и занимался гнусным ремеслом из одной только корысти.

Таким образом, Сердар, не ведая об ошибке, собирался бросить к ногам губернатора труп совершенно неизвестного ему человека. Кишная же, забившись в густую чащу, благословлял небо за ошибку, спасшую ему жизнь.

Добравшись до выхода, находившегося у озера Пантер, где раскинул лагерь отряд сипаев, Сердар пустил слона в галоп. Луна еще не взошла, ночь была так темна, что в двух шагах ничего не было видно. Весь отряд, кроме часовых, спал глубоким сном. По зову караульных солдаты, однако, схватили оружие и в мгновение ока развернулись цепью. Но Ауджали был наготове. Не отвечая на предупреждение офицера, который даже не видел, к кому обра-

щается, Сердар прорвал ограждение, крикнул на тамильском языке, которым владел как настоящий туземец:

— Сердар убит! Приказ губернатора! Мне надо доставить труп.

И он благополучно миновал пост, потому что среди всеобщего удивления, которое вызвали эти слова, никто не подумал его остановить.

Глава IV

Пуант-де-Галль. — Вечер у губернатора. — Дерзкий визит. — Таинственная записка. — Сэр Уильям Браун. — Труп. — Это он. — Наконец-то! — Двадцатилетнее ожидание. — Дуэль без свидетелей. — Смертельное ранение.

Через час Сердар был в Пуант-де-Галль.

У губернатора был праздничный вечер. Дворец был освещен словно во времена народных торжеств, и все английское общество Канди, Коломбо и других городов, где жили колонисты, явилось по зову сэра Уильяма Брауна, дававшего большой обед и бал в честь генерала Хейвлока, который должен был встать во главе индийской армии.

Обед только что закончился, и приглашенные, собравшись в гостиных, присутствовали при приеме раджей и предводителей туземцев. Площадь перед дворцом была заполнена туземцами, привлеченными любопытным зрелищем, которое представляли собой красные мундиры английских офицеров, расшитые золотом, а также богатые костюмы раджей. Оркестр уланского полка, охранявшего губернатора, играл то «God save the Queen», то «Rule Britannia»*, то, к большому удовольствию толпы, аранжировки сингальских песен, сделанные руководителем оркестра.

Со стороны садов, выходящих к крепостным стенам, — никого! Службы и та часть великолепного особняка, что была обращена к саду, были совершенно пустынно. Там находились личные покои, а на первом этаже — рабочий кабинет губернатора.

Сердар подошел к дворцу именно с этой стороны. Прибыв в Пуант-де-Галль, он легко стреножил Ауджали, привязав его к одной из многочисленных кокосовых пальм, которые растут тут повсюду. Увидев кули, который спал на пороге соломенной хижины, завернувшись в кусок полотна, он направился к нему и разбудил его.

* «Боже, спаси королеву», «Правь, Британия» — (англ.)

— Хочешь заработать рупию? — спросил Сердар.

Туземец одним прыжком вскочил на ноги.

— Сколько ты хочешь за свое полотно?

— Две рупии! Во столько оно мне обошлось.

— Возьми. А теперь заверни в него тело вот этого человека, взвали его на плечи и следуй за мной.

Туземец, дрожа, повиновался. Неизвестный говорил так властно, что он не осмелился отказать ему. Оба направились дальними улицами к дворцу.

Подойдя со стороны сада, Сердар легко проник внутрь и поднялся по ступенькам, которые вели на первый этаж. Никого не встретив, он попал в просторную комнату, служившую, как он понял по мебелировке, кабинетом сэру Уильяму. Никого из слуг не было, они обслуживали гостей, разнося прохладительные напитки. Он велел положить труп в угол, замаскировать его двумя креслами, потом, вырвав из записной книжки листок, поспешно написал несколько слов.

«Сэра Уильяма Брауна просят одного тотчас же пройти в кабинет по делу чрезвычайной государственной важности».

Подписи он не поставил.

— Вот! — протянул он записку туземцу. — Поднимись на верхний этаж, отдай первому попавшемуся слуге и попроси немедленно отнести губернатору. Когда все исполнишь, возвращайся сюда за рупией, и ты будешь свободен.

Не прошло и пяти минут, как туземец вернулся, получил плату и исчез, словно ему пришлось иметь дело со злым духом. К тому же он не был уверен, что не повстречался с привидением, ибо, едва попав на освещенную площадь, без конца крутил и вертел полученные им три рупии, словно боясь, что они не настоящие.

Сердару недолго пришлось ждать сэра Уильяма Брауна. Представление высоких должностных лиц и важных сингальских особ закончилось, и начался бал, когда один из дворцовых сиркаров подошел к хозяину и протянул ему маленькую записку, полученную от туземца. Заинтригованный лаконичностью послания и, главное, отсутствием подписи, губернатор принялся расспрашивать слугу, кто передал ему записку, но не смог добиться от него толкового ответа. Предупредив одного из своих адъютантов, что ему надо отлучиться на некоторое время и что беспокоиться о нем не стоит, губернатор поспешно спустился в кабинет и оказался в присутствии поджидавшего его Сердара, небрежно облокотившегося на карабин.

Сэр Уильям Браун не был на заседании военного три-

бунала, приговорившего Покорителя джунглей к смерти. Он видел его только с высоты террасы дворца, когда тот вместе с товарищами направлялся к месту казни. Этого было недостаточно, чтобы он мог, учитывая разделявшее их расстояние, запомнить лицо Сердара.

В губернаторе поднялось глухое раздражение, когда он увидел бесцеремонность незнакомца, который не только повел себя развязно, заставив его прийти в кабинет, но и осмелился явиться в столь простом и небрежном платье.

На Сердаре был его обычный охотничий костюм.

— С кем имею честь говорить, сударь? — спросил губернатор тоном, ясно указывающим на его дурное настроение. — И что означает эта шутка?

— Я вовсе не собираюсь шутить с вами, сэр Уильям Браун, — холодно ответил Сердар, — и когда вы узнаете, кто я, так как вижу, что пока вы не достаиваете меня этой чести, то поймете, что шутки — не в моем вкусе.

Сердар имел весьма внушительный вид. Несмотря на простую одежду, в нем чувствовалась порода. Врожденное благородство всегда производит впечатление на англичан, они умеют оценить достоинство человека, который держится подобающим образом, даже если манеры его несколько высокомерны. Поэтому решительная осанка и тон Сердара произвели на сэра Уильяма иной эффект, чем можно было бы ожидать, и он ответил ему совсем иначе:

— Простите, сударь, вырвавшиеся у меня слова, но я представляю здесь Ее Величество королеву, нашу милостивую государыню, и вправе требовать от каждого уважения к тем функциям, которые я исполняю. Согласитесь же, что способ, которым вы добились аудиенции у губернатора Цейлона и представились ему, не вполне согласуется с принятыми в данном случае обычаями.

— Я отдаю себе отчет в том, господин губернатор, что мои манеры могут показаться странными, — ответил Сердар, который смотрел на собеседника пристальным, пугающим взором, — но поверьте, я прибег по необходимости к самому верному и, как видите, успешному способу, чтобы добраться до вас. Если бы я последовал общепринятому порядку, боюсь, что не достиг бы желаемых результатов. Одно слово скажет вам больше, чем все объяснения: я тот, кого местные жители прозвали Срадханой, а англичане, ваши соотечественники...

— Покоритель джунглей! — воскликнул в изумлении сэр Уильям. — Покоритель джунглей здесь, у меня! На сей раз подобная дерзость вам будет дорого стоить.

И он бросился к звонку, шнур от которого висел над его письменным столом.

— Он перерезан в приемной, — холодно заметил Сердар. — Я развлекался этим, поджидая вас. К тому же, — добавил он, наведя на сэра Уильяма дуло револьвера, — эта игрушка поможет вам сохранить спокойствие. В том случае, если вам вздумается злоупотребить данной вам властью, мне, в свою очередь, придется злоупотребить силой, которую мне дает это оружие. И вы видите, что по крайней мере в данный момент мы находимся в разном положении.

— Ловушка!

— Нет, сударь, простое объяснение. В качестве доказательства я позволю вам открыть тот ящик письменного стола, к которому вы было потянулись, чтобы взять находящийся там револьвер. Таким образом, мы окажемся в равном положении, и вы, быть может, соблаговолите побеседовать со мной спокойно и не спеша, как и подобает двум джентльменам. Тем более что чем больше я смотрю на вас, тем больше мне кажется, что вы, ваше лицо мне знакомы. Сдается мне, что некогда мы уже встречались. О! Это было давно, очень давно, у меня прекрасная память на лица, хотя я и не могу вспомнить, где же мы с вами могли видеться.

— Какой вы удивительный человек! — воскликнул сэр Уильям, отойдя от стола и не взяв оружия. Он действительно хотел схватить пистолет, но, увидев, что его намерения разгаданы, не захотел показать, что боится странного посетителя.

— Вы, разумеется, имеете в виду мои действия? — продолжал Сердар. — Ибо я такой же, как и все, и поведение мое, поверьте, самое что ни на есть обычное. Посмотрите, вместо того, чтобы вести со мной честную войну, дважды вы подстраиваете мне ловушки, из которых я выбрался только благодаря не зависящим от вас обстоятельствам. Что ж, я открыто пришел к вам, чтобы предупредить, что ваша жизнь в моих руках, мне достаточно подать один знак, произнести одно слово, и через сутки вы будете мертвы. Так вот, если вы будете по-прежнему назначать награды за мою голову, если вы будете натравливать на меня наемных убийц, даю вам слово дворянина, что я подам этот знак и произнесу это слово...

— Как, вы дворянин? — воскликнул сэр Уильям, необычайно этим пораженный.

— Да, сударь, — с вызовом ответил Сердар, — и такого же хорошего происхождения, как и вы, хотя я и не знаю, кто ваши предки.

— Сударь, — вновь заговорил губернатор, крайне удивленный этим признанием и достоинством, с которым держался его собеседник, — мы полагали, что имеем дело с вульгарным искателем приключений, и соответственно к вам относились. Но я могу вас заверить, что с сегодняшнего дня приказ, где за вашу голову назначена цена, будет отменен, по крайней мере на Цейлоне, так как на Большую землю моя власть не простирается. А Кишнайма, глава душителей, будет предупрежден, что наш договор больше не имеет силы.

Поступая таким образом, губернатор, возможно, поддавался тому благоприятному впечатлению, которое Сердар обычно производил на всех, с кем сталкивался. Вместе с тем он помнил и о приговоре, вынесенном ему членами страшного общества Духов вод. Он полагал, что его великодушное поведение отведет нависшую над ним опасность.

— Человека, о котором вы говорите, нельзя будет предупредить, что ваши намерения изменились.

— У меня есть способ снестись с ним в любое время, и сегодня же вечером...

Губернатор не успел закончить фразу. Сердар отодвинул кресла, за которыми был спрятан труп того, кого он по-прежнему принимал за предводителя тугов, и, показав на него, промолвил:

— Прекрасно! Вы можете сами передать ему поручение, он перед вами.

Сэр Уильям испустил крик ужаса, увидев труп туземца.

— Вот как Покоритель джунглей поступает с предателями и презренными трусами, которых натравливают на него.

— Вы осмелились принести тело вашей жертвы сюда, в мой дом! Ну нет, это уж слишком, сударь!

— Не моей жертвы, а вашего компаньона, хотите вы сказать, вашей правой руки, почти вашего друга, — бросил Сердар, в котором при воспоминании о пытках, перенесенных им в яме, стал подниматься гнев.

— Это поведение не джентльмена, хотя вы и хвастались, что принадлежите к их числу, — ответил губернатор, побледнев от гнева и забыв о всякой осторожности. — Выйдите немедленно, сударь, и благодарите небеса за то, что я так мягок с вами. Из-за уважения к моим гостям, к правитель-

ственному дворцу я не хочу устраивать скандал. Но повторяю вам, уходите... Уходите немедленно и избавьте меня от этого отвратительного зрелища. Иначе я за себя не отвечаю.

— О, не разыгрывайте комедию благородного негодования, — с презрением бросил Сердар. — Неужели вы думаете, что мне неизвестны позорные условия заключенной вами сделки! Я решил, сударь, принести вам труп вашего сообщника только потому, что вы потребовали, чтобы мой был доставлен вам в течение недели. Тогда вы, разумеется, считали, что «труп врага всегда хорошо пахнет», как сказал один римский император. И если этот внушает вам отвращение, я вправе сказать вам, что лишил вас друга.

— Эй! Кто-нибудь! — крикнул сэр Уильям прерывающимся от бешенства голосом.

— Ни слова более, — приблизившись к нему, приказал Сердар, — или, клянусь честью, вы получите пулю в лоб.

Наступая на губернатора, Сердар приблизился к камину, на котором стоял элегантный портрет молодого офицера королевской кавалерийской гвардии в полный рост. Заметив его, он внезапно остановился, и его взгляд, перебежавший с портрета на губернатора, сделался страшен. Лицо Сердара покрылось смертельной бледностью, руки судорожно сжимали карабин. Во всем его облике выражалось такое волнение, что сэр Уильям, несмотря на то, что разговор их шел на повышенных тонах, был этим удивлен и почти успокоен.

Несчастный, казалось, был близок к обмороку, на лбу его выступил холодный пот, и голосом, дрожащим то ли от ненависти, то ли от бешенства, то ли от глубокой нежности — понять было трудно, он спросил у губернатора:

— Это портрет одного из ваших родственников, сударь, не так ли? Вы удивительно похожи на лицо, изображенное на портрете, разница только в возрасте.

— Нет, сударь, это я сам... Но что вам за дело, в конце концов?

— Это вы? Вы?..

— Да, двадцать лет тому назад, когда я был капитаном королевской кавалерийской гвардии... Но я слишком добр, отвечая на подобные вопросы. Я не хочу, чтобы повторилась нелепая сцена, в которой мы только что приняли участие, поэтому прошу вас последний раз, сударь, не испытывайте моего терпения и не заставляйте меня вспомнить о том, что я обязан арестовать того, кто законно приговорен к смерти нашим трибуналом. Ступайте!

— Он! Это он! — бормотал Сердар, словно говоря сам с собой. — И его я встречаю здесь! — Потом с выражением столь неистовой и столь неожиданной ярости, что губернатор испуганно отпрянул, он воскликнул:

— Чарльз Уильям Пирс, ты узнаешь меня?

Губернатор, пораженный, отскочил в сторону.

— Откуда вы знаете, как меня звали в юности? — живо спросил он.

— Откуда я знаю? — процедил Сердар сквозь стиснутые зубы. Глаза его налились кровью, он напоминал тигра, готового броситься на добычу. — Откуда я знаю?.. Чарльз Уильям Пирс, неужели ты забыл Фредерика де Монмор де Монморена?

— Фредерик де Монморен!.. — закричал сэр Уильям. И не произнеся более ни слова, он бросился к письменному столу, открыл один из ящичков, выхватил револьвер большого калибра и, повернувшись к противнику, бросил ему с пугающим спокойствием:

— Вот уже двадцать лет, как я к вашим услугам, господин де Монморен.

— Наконец-то! — выдохнул Сердар, и в этот возглас, казалось, он вложил все страдания, испытанные им за двадцать лет. — Наконец-то!

Холодно, не сказав больше ни одного вызывающего слова, двое мужчин разошлись по разным углам длинного, просторного кабинета.

— На двадцать шагов! — сказал губернатор.

— Прекрасно! — ответил Сердар.

— Начинает, кто хочет.

— Пусть будет так! Обмен двенадцатью выстрелами.

— У меня другое предложение — до смерти одного из нас.

— В самом деле, это предпочтительнее... А сигнал?

— Считаем вместе до трех и начинаем.

— Лучше не придумай.

Оба начали считать:

— Раз! Два! Три!

Едва было произнесено последнее слово, как раздался выстрел. Это стрелял сэр Уильям. Пуля пробила шлем Сердара, скользнув рядом с черепом. Пройди она чуть ниже, и голова его была бы разбита вдребезги. Сердар, стоя неподвижно и держа оружие наготове, ограничился тем, что прицелился в противника, магнетизируя его своим взглядом.

Сэр Уильям выстрелил второй раз, и пуля, просвистев у виска, задела прядь волос на виске его противника.

Сердар не шевельнулся.

Сэр Уильям прекрасно владел боевым пистолетом, выбивая восемь из десяти, но стрельба из револьвера требует большей деликатности.

На сей раз Покоритель джунглей решил, что был достаточно великодушен.

— Это суд божий, сэр Уильям! — сказал он. — Я уступил вам две пули, чтобы уравнять наши шансы. Теперь берегитесь!

Вместе с этими словами он нажал на курок, прозвучал выстрел, и губернатор безмолвно опустился на пол. Сердар бросился к нему, пуля поразила его в левую сторону груди, и кровь обильно текла из раны. Он взял его руку, безжизненно упавшую на ковер, и сказал грустно, без всякого гнева:

— Он мертв! Правосудие свершилось! Я прощаю ему все зло, которое он мне причинил, прощаю мою разбитую молодость, потерянную честь, все, я прощаю ему все!

Пока на первом, пустынном этаже дворца разворачивалась эта необычная сцена, на втором звучала чудесная музыка, а жена и дочь губернатора весело танцевали...

Сердар вспомнил наконец о грозящей ему опасности. Взяв поставленный в угол карабин, он выпрыгнул в сад и поспешно направился к тому месту, где его терпеливо поджидал Ауджали. Часа через два, с легкостью миновав посты, ибо приказ о задержании относился только к тем, кто хотел выйти из долины, они прибыли к гроту носорога, где их встретили товарищи с такой восторженной радостью, что она не поддается описанию. После столь долгого и необъяснимого отсутствия Сердара уже не надеялись увидеть живым. Только юный Сами торжествовал победу и, приплясывая от радости, повторял всем свою любимую фразу:

— Сахиба Срадхану так просто не убить!

Глава V

Возвращение Сердара. — Исчезновение Барнетта. — Поиски генерала. — Болота Калоо. — Повсюду вода. — Крокодилы. — Преследование. — Прошлое Барнетта. — Необычное убежище. — Ночь на вершине кокосовой пальмы. — Снова Кишнайя. — «Диана».

По возвращении Сердар с нескрываемым огорчением узнал, что в гроте не оказалось Боба Барнетта. Нариндра и его друзья не испытывали особого беспокойства: на месте

не было и Ауджали, поэтому они решили, что brave генерал отлучился куда-то, что было вполне в его духе. Но когда вместе с Сердаром вернулся Ауджали, после радостных приветствий они первым делом подумали о генерале. Все любили эту своеобразную, взбалмошную личность, этого чудака с сердцем ребенка.

Несмотря на усталость и волнения, пережитые им за день, Сердар объявил, что не отдохнет ни минуты до тех пор, пока не разыщет старого товарища. Покинуть джунгли он не мог, долина же была полна неожиданностей. Во время охоты в болотах или в лесу его могла застигнуть ночь, и он не рискнул возвращаться, боясь заблудиться еще больше или угодить в какой-нибудь торфяник. Но четверем друзьям, да еще в сопровождении Ауджали, те же самые опасности были не страшны. Луна должна была скоро взойти, она позволила бы им ориентироваться как среди бела дня.

Скромно и наскоро перекусив, ибо Сердар начал испытывать отчаянный голод — после завтрака у него во рту и маковой росинки не было, — маленький отряд пустился в дорогу по направлению к болотам озера Калоо.

— Если он еще жив, можно не сомневаться, что мы найдем его там, — сказал Рама, — перед нашим уходом он подробно расспросил меня, как добраться до болот. Я подтвердил, что там он встретит большое количество водной дичи, и прежде всего великолепных уток-браминов, к которым он испытывает настоящую страсть и с которыми он еще не успел познакомиться так близко, как ему хотелось бы.

Пока друзья спешат ему на помощь, опередим их и посмотрим, в силу каких обстоятельств Барнетт, который, надо признать, не был олицетворением точности, отправившись на небольшую прогулку в два часа пополудни, к часу ночи все еще не вернулся.

Когда Ауджали оставил его, бросившись на выручку к хозяину, Боб, которому вода доходила уже до подмышек, испытывал при этом большие неудобства и решил отказаться от попыток переправиться на другой берег. То, что было возможно с помощью Ауджали, в одиночку казалось рискованным предприятием, и Боб захотел вернуться назад. Но вода не сохраняет следов, к тому же болота Калоо вовсе не походили на обычные болота. Это был скорее затопленный лес, где, казалось, собрались все виды тропических деревьев, любящих воду. Место, где находился Барнетт, поросло прямыми и стройными кокосовыми пальмами, возвышавшимися на 25—30 метров, верхушки их были украшены огромными плюмажами из листьев и связками плодов.

Но если этот вид растительности с удовольствием купается в двухметровой толще воды и придает пейзажу несомненную живописность, он ограничивает видимость и не позволяет выбрать вдали какие-либо заметные ориентиры. Поскольку ничто так не похоже на кокосовую пальму, как другая кокосовая пальма, дело кончилось тем, что несчастный Барнетт стал кружиться на месте, не решаясь ни продвинуться вперед, ни отойти назад, боясь провалиться с головой в какую-нибудь яму. Несмотря на все свои старания, он никак не мог определить, с какой стороны пришел.

Ко всем трудностям его положения добавлялась еще одна, о которой он пока не догадывался. Как вы помните, в тот момент, когда Барнетт расстался с Ауджали, вдалеке в поисках пищи блуждали три крокодила. Они просто не увидели столь легкую добычу, в противном случае храбрый генерал мог бы навсегда распрощаться с гастрономическими мечтами. Однако если зрение крокодила не отличается особой остротой, то обоняние у него поистине замечательное, он может учуять добычу за много километров. Таким образом, в то самое время, как Барнетт изыскивал возможность как-то добраться до твердой земли, три длинномордых приятеля, со своей стороны, прилагали все усилия, чтобы помешать ему в этом. У крокодилов дело тоже шло не слишком гладко: так как ветерок, доносивший до них аппетитный запах, дул с перерывами, поэтому они продвигались к цели неуверенно, с остановками, давая Барнетту передышку, о которой он и не подозревал.

Наконец проклятый ветер начал дуть не переставая, и крокодилы двинулись прямо к намеченной жертве. К великому счастью, Боб заметил их раньше, чем они добрались до него, и у него было время поразмыслить о грозящей ему опасности. Медлить было нельзя. Единственным надежным убежищем от опасных гостей, уже видевших в нем основу для ужина, могли послужить деревья. Именно тогда генерал понял, до какой степени полезны многочисленные профессии, которыми он овладел до того, как избрал военную карьеру.

Прежде чем его привлекла благородная профессия адвоката, которая в наше время позволяет стать кем угодно, Боб был бродячим акробатом, что открывает не менее широкие возможности. Мы можем привести пример, не выходящий за рамки повествования, так как он имеет прямое отношение к нашему герою и поможет вам лучше понять, какой необычной и бурной была его жизнь. Так вот, именно профессия бродячего акробата была залогом всех успехов Барнетта при дворе раджи Ауда.

Он прибыл туда, гордясь чином полковника американской армии, но при этом находился в резерве, так как не имел ни должности, ни жалованья. Это был почетный титул, который в Америке достается легче, чем пара сапог. В то утро старый раджа пребывал в состоянии отчаянной скуки, подобно негру, который томится от того, что он все время черный. Раджа, зевая так, что едва не вывихнул себе челюсть, спросил у Боба:

— Что ты умеешь делать?

— Ваше Величество, я командовал артиллерийским полком во время последней мексиканской войны.

— И вы победили англичан?

— Ваше Величество, Мексика находится не в Англии, и я...

— Если ты не можешь победить англичан, зачем ты явился сюда?

Для несчастного раджи в мире существовали только англичане. Его добрые соседи из Калькутты фактически заставили его распустить прекрасную армию, сформированную французскими генералами Алларом, Лафоном, Вентурой и Мартеном, оставив ему только пятьсот человек охраны. Они навязали ему резидента, который кричал, как безумный, всякий раз, когда несчастный раджа собирался приказать своим людям вычистить ружья или сменить пуговицы на гетрах.

— Ваше Величество, — гордо ответил Боб, — если вы так этого хотите, мы победим англичан, да и всех остальных. Вам только следует назначить меня генералиссимусом ваших армий, разрешить мне поставить под ружье двести тысяч человек в ваших штатах и, самое главное, открыть мне неограниченный кредит в вашей казне для закупки боеприпасов, пушек...

— Замолчи! Если бы резидент услышал тебя, то меня на две недели посадили бы под арест, и мне стоило бы миллион рупий, чтобы успокоить его... Послушай, может, ты умеешь делать еще что-нибудь, более забавное? Ты видишь, мне скучно. Мой великий визирь зачах от того, что должен играть со мной в шахматы. Этим, кстати, ограничиваются обязанности премьер-министра. Мой великий черный евнух скучает, дела у него идут худо. Наконец, весь мой двор скучает. Развесели нас, и мы будем рады тебе...

Для Барнетта это был луч света, он вспомнил о прежнем ремесле и пробормотал сквозь зубы:

— погоди, образина! Сейчас я тебя развлеку, тебя и всю твою свиту... Внимание!

У одного из присутствующих он одолжил старый тюрбан, разложил его, словно ковер, и после небольшого приветствия, приложив руку к сердцу, начал:

— Дамы и господа, имею честь...

Свою болтовню он закончил тремя сальто-мортале, которые немедленно снискали ему одобрение публики, а затем продемонстрировал весь свой репертуар.

Закинув голову, вытянув шею, он подражал самым невероятным звукам: крикам животных и звуку кларнета, пению птиц и мелодичному звуку охотничьего рожка, петушиному крику и хрюканью домашнего кабана. Первую часть представления он закончил соло на цугтромбоне. При первых нотах, сыгранных пиццикато, присутствующие посмотрели друг на друга с некоторым изумлением. Успокоившись и поняв происхождение этих странных звуков, они постепенно стали совершенно недвусмысленно выражать неподдельную радость. Уже лет двадцать как при дворе не смеялись. Толстый раджа чувствовал себя неловко. Но когда Барнетт вдруг с размаху шлепнулся на пол, скрестив на груди руки и ноги и втянув в плечи свою большую голову, чтобы походить на лягушку, и принялся скакать на месте, передвигаясь маленькими резкими прыжками и квакая при этом: квак! квак! квак! — сдержаться больше никто не смог. Сам раджа, подавая пример, катался по земле от радости и чуть не задохнулся в приступе безумного смеха.

Спектакль Боб закончил номерами эквилибристики и фокусами, которые окончательно закрепили его успех и положили начало его процветанию: взяв у присутствующих кольца с бриллиантами для фокусов, он позабыл их вернуть, и поскольку сам раджа не потребовал обратно бриллиант, стоивший двадцать тысяч экю, никто не осмелился поступить иначе. В этот день Боб сделал сбор примерно на полмиллиона. Правда, в дальнейшем во время его представлений больше уже никто не надевал колец...

В тот же вечер он был произведен в генералы, назначен командующим артиллерией и т. д. Остальное вам известно. Но никто не знает, а я хотел бы сохранить это для истории, что именно Барнетт стал причиной падения раджи, своего благодетеля... Приняв всерьез назначение, он каждый день инспектировал полдюжины старых, разобранных пушек, которые мирно дремали на крепостных стенах, а если и представляли опасность, то только для тех несчастных, которые решились бы выстрелить из них. Тем не менее этого оказалось достаточно, чтобы резидент написал лорду Дальхузи в Калькутту, что раджа замышляет заговор, что

он приводит в порядок крепостные стены, увеличивает артиллерию и принял на службу американского генерала. Предлог был хорош, и раджа лишился всех владений. Бедный Боб даже не подозревал, что стал невольной причиной этого события, разрушившего его собственные надежды.

Понятно, что, имея за плечами подобное прошлое, Барнетт с необычайной легкостью взобрался на первую же кокосовую пальму, находившуюся рядом. В тот момент, когда крокодилы, уверенные в своей поживе, злобно взирали друг на друга, прикидывая, какая жалкая часть добычи достанется каждому после дележа, Барнетт примирил их, лишив приятелей ужина. Неудачники яростно сцепились между собой, к удовольствию Барнетта, наблюдавшего за ними из безопасного места — с верхушки кокосовой пальмы.

Удобно расположившись среди листьев и плодов на самом верху, имея стол и кров, он мог с философским спокойствием дожидаться, пока товарищи подспеют ему на выручку. Ночь застала его в этом положении, но так как он крепко привязался к веткам с помощью охотничьего пояса, то мог не бояться, что, уснув, свалится вниз. Он вполне прилично устроился на воздушном ложе, и мысли его, поблуждав по грешной и изменной земле, воспарили в страну снов, где по обыкновению его ожидали самые невероятные приключения... Встав на сторону турок, чтобы защитить Босфор от китайцев, вторгшихся в Европу, он, как водится, достиг высших почестей, что было естественным следствием его нынешнего местонахождения, но, разумеется, завистливые враги сумели подкопаться под него. Короче говоря, ему снилось, что его должны посадить на кол; конечно, и тут сказало влияние кокосовой пальмы, поэтому когда он внезапно проснулся, то непременно свалился бы с тридцатиметровой высоты, не будь привязан поясом.

Вдруг раздались выстрелы из карабинов, слышались крики:

— Боб!.. Барнетт! Генерал! О! Эй! Где вы?

— Здесь, мои друзья, я здесь! — немедленно отозвался добряк.

— Где же? — донесся голос Сердара.

Полная луна заливала весь пейзаж ярким светом.

— Здесь! Наверху! — крикнул Барнетт. — Третья пальма справа от Ауджали.

Этот своеобразный способ, которым янки указал свое местонахождение, вызвал всеобщий взрыв смеха. Сердца друзей наполнились радостью, теперь они снова были вместе.

Славный Барнетт спустился с пальмы куда быстрее, чем

поднялся на нее, и сразу попал на спину Ауджали, где его приятели устроились с тех пор, как попали на болото.

Когда умное животное поняло, что нужно найти Барнетта, оно само привело Сердара и его спутников прямо к тому месту, где оставался Боб.

Все вместе они направились к гроту, рассказывая друг другу о своих приключениях.

Только Сердар хранил молчание. Ему, правда, пришлось как-то объяснить свое появление в Пуант-де-Галль. Чтобы рассказать всю правду о дуэли с губернатором, он был бы вынужден поведать товарищам о главных событиях своей молодости, а меж тем в его жизни был секрет, который он хотел унести с собой в могилу. Никто не должен был знать, как Фредерик де Монмор де Монморен, принадлежавший к одной из самых знатных бургундских фамилий, стал искателем приключений, известным под именем Покорителя джунглей. Единственного человека в Индии, знавшего, кроме него, этот секрет, он убил собственными руками. По крайней мере он был в этом убежден. С пулей в сердце не выживают, а он целил именно в сердце.

Друзья спокойно провели в гроте остаток ночи, ни о чем не беспокоясь, ничего не опасаясь: Ауджали стоял на страже, и одного его присутствия было достаточно, чтобы отпугнуть любого врага, будь то зверь или человек.

На рассвете Сердар разбудил спутников и дал сигнал немедленно тронуться в путь. Ему не терпелось ознакомиться с открытием Сами: это был способ покинуть долину Трупов, не ввязываясь в новые стычки, это было спасение, это была возможность вовремя оказаться в Пондишери, где Сердара ждали новые дела. Ему надо было спешить на помощь майору Кемпбеллу, который держался еще в крепости Хардвар-Сикри, но сопротивляться больше двух недель не мог. Надо было во что бы то ни стало прибыть в лагерь индусов до сдачи крепости, ибо в последний момент никакая сила не смогла бы вырвать хоть одного осажденного из рук фанатиков. Ни популярность Сердара, ни даже авторитет Нана-Сахиба не смогли бы отстоять тех, кто запятнал себя убийством стариков, женщин и детей. Гнусная резня в Хардваре до такой степени возбудила ненависть солдат и местных жителей, что они посчитали бы предателем любого из предводителей, если бы тот только захотел уберечь этих негодяев от справедливой кары.

Разве мог Сердар, еще вчера с такой непримиримостью относившийся к человеку, на которого он возлагал ответственность за этот чудовищный варварский акт, разве мог

он сегодня просить своих друзей помиловать того, кого сам недавно называл не иначе как хардварским мясником? Нет, это было невозможно. Он мог только помочь майору бежать, рассчитывая при этом лишь на слепое повиновение двух людей, Нариндры и Сами, преданность которых была безгранична и от которых он мог потребовать любой жертвы, они подчинились бы не рассуждая. Хозяин сказал — этого было достаточно, чтобы они склонились перед его решением.

У них не было иных желаний и привязанностей, кроме его собственных, и его враги были их врагами. Они были преданы ему, подобно Ауджали, и Сердар рассчитывал на них троих.

Что касается Рамы, то, как мы уже говорили, Сердар и помыслить не мог о каком-то беспристрастном отношении с его стороны. Речь шла об убийстве его отца, а по индусским законам и обычаям, тот, кто не отомстит за отца, должен быть изгнан из общества порядочных людей, и душа его после смерти тысячи и тысячи раз воплотится в теле самых гнусных животных.

Как мы видим, это противоположно христианскому милосердию, хотя и там, и здесь на первое место среди всех добродетелей ставится прощение. На Востоке этот принцип носит сугубо формальный характер, ибо добро здесь забывают, но зло никогда. И разве только на Востоке дело обстоит подобным образом?

Как бы там ни было, в борьбе, которая ему предстояла, Сердар был почти одинок. Недостаток силы он должен был восполнить хитростью. Но ему требовалось время, чтобы все подготовить, завязать нужные знакомства и найти для майора надежное убежище.

Поэтому можно понять, с каким лихорадочным нетерпением он принялся за приготовления к отъезду. Каждый прошедший день уменьшал шансы на спасение несчастного, за которого в данную минуту Сердар с радостью отдал бы жизнь, лишь бы оставить воспоминания в сердце единственного существа, которое еще напоминало ему счастливые, беззаботные, сладостные дни навсегда ушедшего детства.

В тот момент, когда маленький отряд покидал грот, в который ему не суждено было больше вернуться, направляясь к найденному Сами выходу из долины, кустарники, росшие над пещерой, слегка раздвинулись, появилась кривляющаяся, отталкивающая в своем уродстве голова и долго провожала глазами удаляющийся караван, словно хотела удостовериться, по какой именно он пойдет дороге.

Когда скрылись из виду Барнетт и Рама, по привычке

замыкавшие шествие, ибо их сблизила общая ненависть к капитану Максвеллу, ветки кустарника вернулись в прежнее положение, и со скалы поспешно спустился совершенно нагой индус, чье тело сливалось с окружающей растительностью, и, бросившись в джунгли, побежал по дороге, параллельной той, по которой шагали наши друзья.

Это был Кишнайя, предводитель душителей, который накануне чудом избежал мести Сердара, а теперь снова шел по следам Покорителя джунглей. Каковы же были его планы? Собирался ли он продолжить гнусное дело в надежде получить от губернатора Цейлона обещанную награду или же им двигали какие-то более серьезные мотивы? Скоро мы об этом узнаем, ибо смерть его приспешника Веллаена заставила его принять решение перебраться на Большую землю, чтобы соединиться с членами своей касты, поджидавшими его в лесах Тривандерама. Возможно, прежде чем отправиться туда, он хотел удостовериться, что Сердар тоже покидает Цейлон и отправляется на Коромандельский берег.

Первый час пути прошел в полном молчании, как бывает обычно всякий раз, когда какая-нибудь группа путешественников отправляется в дорогу на рассвете: дух и тело живут в согласии с окружающей природой. Птицы еще спят в листве, куда едва проникает слабый свет зари. Трава и листья источают влажную свежесть. Легкие испарения ночной росы окутывают пейзаж и придают предметам неясные очертания, словно на них наброшена легкая газовая вуаль. В течение какого-то времени вы идёте, погружившись в мечтательную дремоту, которую вместе с утренним туманом рассеют первые лучи солнца.

Постепенно просыпается все вокруг и окрашивается теплыми дневными красками. Стаи маленьких попугайчиков, крикливо приветствующих появление солнца, взмывают вверх с оглушительным «тири-тири», чтобы потом сесть среди полей дикого сахарного тростника на ветки больших тамариндовых деревьев. С ветки на ветку прыгают гиббоны, играя, они гоняются друг за другом, без всякого труда совершая самые невероятные гимнастические фортели. А в это время какаду и огромные белые ара тяжело и неуклюже пролетают над фикусами и тамариндами, начинают свой день безобидные и прелестные обитатели джунглей — колибри, воробьи, разноцветные попугаи, белки и ловкие обезьяны, тогда как хищники, утомленные ночными драками и охотой, насытившись и напившись крови, удаляются в самые укромные места, откуда они выйдут только с наступлением сумерек.

Очарование природы, освещенной золотыми лучами солнца и сверкающей под лазурным небом, зелень, цветы, ароматы и радостные крики — все это в конце концов изменило течение мыслей Сердара. Хотя он и привык к красотам джунглей, его возвышенная душа никогда не оставалась к ним равнодушной, и, несмотря на мучившие его тревоги, он почувствовал, как успокаивается его сердце.

— Итак, дитя мое, — ласково и дружески обратился он к Сами, понаблюдав за пробуждением всего живого и послушав утренний концерт хозяев леса, — тебе, стало быть, удалось найти легкий путь среди этих неприступных скал?

— Да, сахиб, — ответил юный индус, который бывал необычайно счастлив, когда хозяин говорил с ним таким сердечным тоном, — я добрался до вершины без особого труда. Группа утесов не позволяет увидеть эту тропу снизу, от подножия горы.

— Не заметил ли ты, поднявшись наверх, легко ли пройти по гребням гор в северном направлении?

— Легко, сахиб, вершины почти все на одном уровне, по крайней мере насколько хватает глаз.

— Вот это замечательно, дитя мое, ты оказал нам важную услугу, я сумею тебя вознаградить за нее. Ну-ка, есть у тебя ко мне какие-нибудь просьбы? Не хочешь ли ты чего-нибудь? Обещаю тебе заранее выполнить все, лишь бы это было в моей власти.

— О, сахиб! Если бы я смел...

— Ну же, говори.

— Я попросил бы у сахиба позволения никогда не расставаться с ним, как Нариндра.

— Милый Сами! Но ведь твоя просьба выгодна главным образом мне. Не бойся, я слишком хорошо знаю, чего стоит такая преданность, чтобы никогда не расставаться с вами.

— Вот проход, сахиб, вот, перед вами, — тут же сказал Сами, счастливый от того, что первым указал его хозяину.

Все остановились.

Чуть отставшие Барнетт и Рама догнали остальных. Они завели между собой обычный разговор об этом предателе, об этом мерзавце Максвелле, и поскольку Бобу, несмотря на все его красноречие, так и не удавалось убедить Раму, что приоритет должен остаться за ним, их вечному спору не виделось конца.

— Ну, Барнетт, вперед, мой старый друг! — воскликнул Сердар. — Ты должен быть счастлив, что покидаешь эту долину, дважды она едва не стала тебе могилой.

— Пф! — нравоучительно произнес генерал. — Жизнь и смерть — всего лишь два члена сравнения...

Фраза эта застряла в памяти у Боба с тех времен, когда он был странствующим проповедником в Армии спасения.

Через полчаса они были на вершине горы и смогли полюбоваться великолепным зрелищем, которое представлял собой Индийский океан в тот момент, когда восходящее солнце играло в его волнах золотисто-пурпурными лучами.

Вдруг Сами удивленно вскрикнул.

— Сахиб, — закричал он, — сахиб! Посмотрите, неужели это шхуна Шейх-Тоффеля?

Сердар, бледный от волнения, повернулся в сторону, противоположную той, куда устремились все взгляды, привлеченные чудесной игрой солнечного света на морской глади. Стройная шхуна, находившаяся примерно в двух милях от берега, распустив паруса, летела вдоль острова.

Сердар тут же взял морской бинокль и направил его на маленький корабль.

— Барнетт! Друзья мои! — воскликнул он. — Какое неожиданное счастье! Это «Диана», которая поджидает нас.

— Ты в этом уверен? — спросил Боб, в свою очередь с пристальным вниманием вглядываясь в шхуну. — Мне кажется, что рангоут «Дианы» стройнее и изящнее.

— Тебе так кажется потому, что шхуна находится слишком близко от нас, к тому же мы смотрим на нее с очень высокой точки, таким образом, мачты видны нам не на фоне неба, а на фоне моря. В этом положении любой корабль, как бы изящен он ни был, кажется приземистым и теряет стройность. Но это «Диана», могу побиться об заклад. Вы забываете, что это я построил ее и мне знакомы малейшие ее детали. Вот, взгляните, например, на ее бушприт, заканчивающийся грифом лиры, или на рубку. Смотрите, ветер мешает ей подойти к берегу, и она будет вынуждена лавировать. Когда она повернется другим бортом, нам станет видна ее корма, и на борту вы прочтете золотые буквы ее имени, таким образом, у нас не останется больше ни малейшего сомнения.

Предсказание Сердара не замедлило сбыться. Шхуна мчалась, подгоняемая ветром, в трех милях от берега. Оказавшись почти на уровне скал, где находился маленький отряд, шхуна развернулась с грацией, легкостью и, самое главное, с точностью и быстротой, свидетельствовавшими об умении ее капитана и слаженности экипажа. В течение десяти секунд, пока она совершала этот маневр, наблюдав-

шие за ней со скалы увидели ее корму, а на ней написанное золотым готическим шрифтом имя «Диана».

Пятеро друзей, возбужденные увиденным, огласили воздух троекратным неистовым «ура» и стали махать шляпами в направлении корабля. Но на борту не произошло никакого движения, как видно, их не заметили, и шхуна ушла на запад, удаляясь с той же скоростью, с какой она легла на другой галс.

— Подождем ее возвращения, — сказал Сердар. — Теперь она должна подойти к нам гораздо ближе, и на сей раз с помощью карабинов нам надо привлечь ее внимание. Пока же, если судить по описанному ею углу, у нас в запасе полчаса с лишним, и это время нам надо использовать для того, чтобы найти удобный спуск на берег.

Эта часть горы, хотя и изрезанная скалами, не представляла такой трудности, как ее внутренние склоны, и наши герои нашли спуск задолго до появления шхуны.

За это время Сердар срезал длинную ветку дерева, к концу которой в качестве флага прикрепили вуали шлемов и тюрбан Нариндры, чтобы привлечь внимание капитана шхуны.

Вновь подхваченная ветром, шхуна проделала тот же маневр, за которым чуть раньше Сердар и его друзья следили с законным любопытством. Она шла к острову со скоростью, все возрастающей благодаря поднявшемуся ветру. Задолго до того, как «Диана» поравнялась с тем местом, где находился маленький отряд, Нариндра по приказу Сердара занял место на высокой скале и начал размахивать импровизированным флагом. Через несколько минут стало заметно, что на борту началось невероятное оживление: люди бегали, суетились. Вскоре Сердар, разбиравшийся в морских сигналах, увидел, как на верхушке большой мачты взвился длинный голубой вымпел с перпендикулярными черными полосками и следом за ним — другой, совершенно белый, с красными полумесяцами.

Это значило: «Если вы те, кого я жду, выстрелите три раза и спустите ваш флаг».

В ту же секунду прозвучали выстрелы из карабина, и Нариндра положил на землю ветку, которой размахивал. Быстрота, с которой капитану «Дианы» были посланы требуемые сигналы, убедила его в том, что он не стал жертвой мистификации, что ему не подстроили ловушку. Последнее было чрезвычайно важно, так как «Диана» представляла собой весь флот восставших. Владельцем ее был не кто иной, как Сердар. Шхуна уже много месяцев подряд до-

ставляла боеприпасы из голландских колоний на Яве. Все английские торговые суда, встречавшие ее в Батавии, сообщали о том, что на «Диане» перевозится военная контрабанда. Поэтому фрегат и три авизо постоянно охотились за ней у берегов Короманделя и Малабара.

Но эта чудесная шхуна, построенная в Америке одним корабелом, которому Сердар открыл, для чего предназначена «Диана», могла совершенно не бояться самых крупных кораблей английского флота. Она не только развивала скорость до двадцати двух узлов — задумавший ее и руководивший постройкой американский инженер дал ей возможность успешно отражать любые атаки самого грозного противника. Неизвестный изобретатель нашел способ сделать столь уязвимыми самые мощные броненосцы, что маленькие корабли могли потопить их за десять секунд. Не имея никаких средств, он не мог построить опытный образец, чтобы проверить свое изобретение и победить равнодушие, нежелание и зависть исследовательских бюро, куда он посылал свой проект. Получив отказ во всех морских европейских державах, он в отчаянии и без гроша в кармане вернулся домой. Случай свел его с Сердаром, который приехал в Нью-Йорк для постройки «Дианы»; американец предложил ему взять дело в свои руки и оснастить шхуну таинственным оружием, которое он изобрел.

Сердар согласился, но с единственным условием: «Диана» должна была передвигаться как с помощью парусов, так и парового двигателя, а в случае необходимости могла бы выглядеть как обычное каботажное судно.

Построив шхуну, инженер объяснил ее владельцу секрет оружия разрушения, которое он установил на ней, и научил Сердара им пользоваться.

Сердар был повергнут в ужас. Действительно, за десять секунд можно было уничтожить самый крупный броненосец со всем экипажем — ни одно живое существо не могло надеяться спасти свою жизнь. Поэтому до нынешнего дня Сердар отказывался использовать это страшное оружие и предпочитал скрываться от крейсеров, уповая на скорость, — двадцать два узла всегда давали ему преимущество.

Чтобы у Шейх-Тоффеля, командовавшего шхуной в отсутствие Сердара, не возникло соблазна вступить в бой с первым же английским кораблем, он не открыл ему секрет «Дианы».

В носовой части шхуны находилась длинная кабина, бронированная изнутри и снаружи, ключ от которой был только у Сердара. Ни один человек никогда не входил туда

вместе с ним. Именно там находилась неизвестная машина с необходимым для управления ею механизмом.

Когда корабль был закончен, однажды утром инженер вместе с Сердаром отправился на несколько часов в пробное плавание. Он вывел шхуну в открытое море и привел ее к рифу, в течение многих веков подтачиваемому океаном. По размеру он был примерно раза в два больше самого крупного корабля. Инженер выпустил снаряд по этой скалистой глыбе. Через некоторое время раздался чудовищный взрыв. Когда облако дыма рассеялось, на поверхности океана от рифа не осталось и следа.

Вот почему Сердар поклялся себе, что никогда не воспользуется страшной машиной, даже против англичан, если только его не принудят к этому интересы собственной безопасности. Ему претила мысль о том, что можно обречь на неизбежную смерть более тысячи человек, многие из которых были отцами семейств.

Сердар так надежно хранил секрет, что Шейх-Тоффель верил, что командует самым обычным маленьким кораблем, у которого отличный ход, но который никому не может причинить зла.

Глава VI

Адмирал флота имама Маската. — Мариус Барбассон из Марселя, по прозвищу Шейх-Тоффель. — Скитания провансальца. — На пути к Пондишери.

Весьма своеобразный тип этот Шейх-Тоффель, которого вы, несомненно, принимаете за доброго индийского мусульманина, на что указывает его имя арабского происхождения. Пора познакомиться с ним. Мы будем меньше удивлены, когда, поднявшись на борт корабля, услышим, как он отдает команды.

Арабским его имя, безусловно, было. Был он и мусульманином. Но вся загвоздка состояла в том, что, нося арабское имя и будучи правоверным мусульманином, он не был ни арабом, ни индусом, ни турком, родившись от ныне покойного Цезаря-Гектора Барбассона, торговавшего шкивами и корабельными канатами на набережной Жолиетт в Марселе, и супруги его Онорины-Амабль Данеан, как сказано о том в соответствующих документах.

При рождении ему дали имя Проспер-Мариус Барбассон-Данеан, дабы отличить его от отпрысков ветви Барбас-

сонов-Тука, которые, пренебрегая коммерцией, подвизались на поприще профессий либеральных — в таможене и морской жандармерии.

Юный Мариус Барбассон с самого нежного возраста выказывал полнейшее равнодушие к мудрым советам отца и школьных учителей. Благодаря ветви Барбассонов-Тука, изобиловавшей чиновниками, для него добились стипендии в марсельском лицее, где он в течение десяти лет переваривал фасоль и дополнительные занятия и с гордостью носил титул короля лентяев, единодушно присужденный ему товарищами. Учение его кончилось тем, что на факультете Экса, где никогда не заваливали на экзамене на степень бакалавра местных уроженцев, чтобы не позорить Прованс, заявили, что вынуждены подтвердить правило исключением. Исключением оказался Барбассон Мариус. Вследствие этого Барбассон-отец с увесистой связкой своего товара в руке поставил сына перед выбором между морской жандармерией, прибежищем Барбассонов-Тука, и торговлей канатами. Поскольку Барбассон Мариус ответил, что, с одной стороны, желает сохранить свободу, а с другой — не чувствует никакого влечения к профессии предков, вышеупомянутый пук веревок со всего размаха опустился на задницу Барбассона Мариуса, который немедленно ретировался и больше в лавке не появлялся.

Он отправился в плавание сперва поваренком и одолел все ступени кулинарной иерархии, одновременно будучи учеником матроса, а затем служа матросом как военнообязанный. За девять лет он дослужился до старшего рулевого матроса, что в пехоте соответствует чину капрала. Потом в один прекрасный день он очутился в Маскате в тот момент, когда султан страдал от страшной зубной боли, но не было никого, кто мог бы вырвать ему зуб. Барбассон Мариус предстал перед ним и удачно удалил моляр: это был его дебют, прежде ему доводилось только вытаскивать клещами гвозди, он и действовал в том же духе. К тому же он верил в свою звезду... Если вы найдете мне провансальца, который не сумел бы с одного раза вырвать зуб, орудуя щипчиками или саблей, я готов раструбить об этом по всему белому свету. Зуб этот положил начало удачной карьере Мариуса. «Прими мусульманство, — сказал ему султан Маската, — и я назначу тебя адмиралом моего флота...» И Барбассон сделался мусульманином. Мулла дал ему имя Шейх-Тоффель, которое и закрепилось за провансальцем.

После того как султан Маската умер, Шейх-Тоффель

вынужден был убраться прочь, ибо не пришелся по душе его преемнику. Он направился в Бомбей, где Сердар, повстречав его, доверил ему командование «Дианой»; это был хороший моряк, умеющий прекрасно обращаться с судном, до тонкостей изучивший свое дело на военных и торговых кораблях. Он командовал шхуной год, и Сердар не мог нахвалиться на его сообразительность и толковость. Он вновь показал себя с лучшей стороны, покинув Манарский залив, где ему было приказано дрейфовать, и прибыв к восточному побережью острова. Некоторая схожесть судеб сблизила его с Барнеттом, и между ними установилась прочная дружба. Барбассон-Шейх-Тоффель частенько говорил своему другу Бобу с неподражаемым марсельским акцентом, от которого так и не сумел избавиться:

— Эх, Барнетт! Как бы я хотел иметь сына, чтобы женить его на твоей дочери, если б она у тебя была! Я бы мечтал породниться с тобой.

Оба были холостяками, что не мешало Бобу отвечать: — *God bless me*, отличная мысль! Почему бы и нет?

Сразу видно, что это были за молодцы, поэтому, собравшись вдвоем на шхуне, они легко могли бы разве-селить любого, если б не одолевавшие Сердара заботы и тревоги.

Когда «Диана» второй раз подошла к острову, она за-стопорила машины и спустила шлюпку. Пятеро мужчин были уже на берегу, они поспешили сесть в лодку, а Луджали последовал за ними вплавь. Как только шлюпка пристала к шхуне, великан сам встал под лебедками, ко-торые подняли его на палубу на крепких ремнях.

Когда эта операция была закончена, Сердар после обы-чных приветствий попросил Шейх-Тоффеля объяснить, как здесь оказалась «Диана».

— Как случилось, что вместо того, чтобы быть у север-ной оконечности острова, вы оказались у южной, и в тот самый момент, когда мы туда прибыли?

— Очень просто, мой капитан, — так Шейх-Тоффель обычно обращался к Сердару, — все очень просто. Вы, должно быть, помните, что я всегда считал ваше путеше-ствие на Цейлон актом безрассудным и не одобрял его, простите мою откровенность. Я сказал себе: ясно как дважды два — четыре, что их обнаружат и будут гравить, как диких зверей.

— Действительно, так оно и случилось.

— Ну! Я был прав! Поскольку я хорошо знаю топогра-фию острова, я сказал себе: Шейх-Тоффель, смотри в оба,

быть того не может, чтобы они добрались до Манарского залива, их единственный путь к спасению — горы и джунгли юга, где никто не осмелится их преследовать. Тогда я и решил направиться к югу в надежде подобрать вас по дороге.

— Что и произошло.

— Это доказывает, что я всегда прав, не так ли, Барнетт?

— Вы нас просто спасли, мой дорогой капитан, — сказал Сердар, — ибо я не без опасений думал о нашем переходе через северные деревни, где живут одни сингальцы, наши заклятые враги.

— Самое главное, что вы живы-здоровы. Теперь, когда мы собрались все вместе, куда направится «Диана»?

— Вы знаете куда, к Коромандельскому берегу, мы поплывем в Пондишери.

Зажгли топки, чтобы перейти на паровой двигатель, так как ветер был встречный.

— Вперед! Полный вперед! — закричал Шейх-Тоффель.

«Диана», развернувшись, сменила курс и полным ходом направилась к индо-французскому городу.

Сердар начинал партию, которая, если бы удалась, окончательно изгнала бы англичан из Индии и вернула Франции ее былое величие в этой стране. Ставкой в затаенной игре была его голова. Но Сердар не думал об опасности ни минуты, уже давно жизнь потеряла для него прелесть и имела цену лишь постольку, поскольку он исполнял свой долг.

Из всех его спутников только Нариндра и Рама были посвящены в его тайну. Он боялся невольной несдержанности Барнетта и решил предупредить его в последнюю минуту, так как Бобу в задуманном деле отводилась определенная роль. Что касается Шейх-Тоффеля-Барбасона, то Сердар не так давно был знаком с южанином, чтобы верно судить о его характере. Возможно, искушение английским золотом было бы слишком велико, чтобы тот мог устоять против него. Во всяком случае, поскольку его участие в деле сводилось к тому, чтобы держать «Диану» на рейде у Пондишери в ожидании приказов Сердара, то Покоритель решил не подвергать марсельца испытанию. Без серьезных причин никогда не следует заставлять человека выбирать между совестью и сказочной суммой в золоте. Слишком часто выбор оказывается не в пользу совести...

Погода стояла великолепная, море было спокойное и гладкое, словно зеркало, шхуна должна была прибыть в Пондишери на следующий день к вечеру, на закате солнца.

Глава VII

Франция в Индии и восстание сипаев. — План Сердара. — Распределение ролей. — На рейде Пондишери. — Прием. — Комическая ситуация. — Узнан! — Страшное поражение. — Попытка самоубийства. — Ложная телеграмма. — Торжественное отплытие.

Некогда весь Декан с населением в восемьдесят миллионов человек принадлежал французам, а на долю англичан в Индии приходился клочок земли. Ныне же в этой стране, еще с трепетом вспоминающей о подвигах Дюплекса, Ла Бурдонне, маркиза де Бюсси, Лалли-Толлендаля, Франция владеет несколькими незначительными поселениями, греющимися на солнышке под отеческим покровительством ее флага. Это Пондишери, Карайккал и Янам на Коромандельском берегу, Махи на Малабарском берегу и несколько мелких поселков в Бенгалии. Но, по договорам 1815 года, мы не имеем права ни добывать там опиум и соль, ни восстанавливать укрепления в Пондишери, одним словом, мы — у англичан, и они дают нам это понять.

Во время великого восстания сипаев весь юг Индостана с волнением ждал сигнала Франции, чтобы примкнуть к восставшим. Жители Пондишери вступили в сговор со всеми свергнутыми раджами, которым англичане оставили лишь видимость власти, приставив к ним резидентов. Все было готово, достаточно было, чтобы губернатор сказал только одно слово — «вперед!», и восемьдесят миллионов человек ринулись бы в бой под лозунгом «Да здравствует Франция!». Через неделю в Индии не осталось бы ни одного англичанина.

Полк морской пехоты, который стоял в Пондишери, должен был полностью обеспечивать офицерским составом туземные армии. Высшие офицеры становились главнокомандующими, капитаны — бригадными генералами, лейтенанты и младшие лейтенанты — полковниками, унтер-офицеры — майорами, а рядовые — капитанами. Пусть не подумает читатель, что я повествую о вымышленном заговоре, он действительно существовал и не удался по самым ничтожным причинам.

Семь месяцев спустя после начала революции губернатор так и не подал сигнала, которого ждали с нетерпением. Господин де Рив де Нуармон был человеком несомненной доброты и честности, но отличался характером слабым и нерешительным. Он был не способен принять самостоятель-

ное решение в подобном деле, ибо это был один из тех проектов, когда удача приносит славу, а в случае провала можно поплатиться головой. Надо было действовать смело и решительно, не рассчитывая на одобрение и поддержку, а в случае успеха поставить всех перед свершившимся фактом.

Было совершенно ясно, что французский губернатор, который встал бы во главе восстания в Декане и сумел бы изгнать из Индии англичан в тот момент, когда они, обессиленные Крымской войной, были не в состоянии собрать две тысячи солдат, чтобы послать их в Индию, получил бы полную поддержку общественного мнения, что правительство вынуждено было бы одобрить его действия и встать на его сторону. Но прежде следовало добиться успеха, а для этого надо было броситься в драку без разрешения — да что я! — несмотря на запрет своего правительства.

Г-н де Рив де Нуармон не годился для подобной роли, тогда как человек более энергичный на его месте не колебался бы.

Между тем одно событие, по видимости незначительное, но на самом деле имевшее глубокий смысл, могло бы показать ему всю важность его возможных действий и то, как они были бы восприняты в высоких сферах в случае успеха.

Почтенный г-н де Рив после того, как раджи и другие влиятельные лица обратились к нему за разрешением восстать во имя Франции, немедленно снесся с Парижем, прибавив от себя, что был бы счастлив дать согласие на то, о чем просили его раджи при единодушной поддержке всех индусов, ибо Франции никогда больше не представится столь блестящая возможность отомстить англичанам.

После подобной депеши, если бы правительство хотело предотвратить всякий конфликт, оно немедленно отозвало бы губернатора, выразив ему откровенное недовольство. Но г-н де Рив де Нуармон не только не был отозван, но и не услышал ни единого слова порицания. Дело ограничилось тем, что он получил официальное письмо, где его информировали о том, что запросу его не может быть дан ход, ибо оба государства находятся в состоянии мира. Ему напомнили, что, будучи союзниками, они вместе проливали кровь в Крымской войне.

Человек решительный немедленно понял бы, что это послание значило следующее: «Вы делаете нам официальный запрос, и мы вам отвечаем официально. Если же вам

удастся вернуть нам Индию так, чтобы не вмешивать нас в это дело, мы будем счастливы».

Но, повторяю, г-н де Нуармон не был решительным человеком. Он понял ответ буквально, не сумев ничего прочесть между строк, на чем и успокоился. Не помогли и мольбы французов из Пондишери, которые не понимали, почему надо колебаться, когда речь идет о том, чтобы вернуть то, что у нас отняли.

Из стечения этих обстоятельств и родился план Сердара, план, великолепно задуманный, который провалился в самый последний момент по чистой случайности. Существовал один шанс из ста тысяч, из миллиона, что Сердар потерпит неудачу, и надо же было случиться, что именно этот роковой шанс и сыграл в пользу англичан. В лотерее непредвиденных обстоятельств они вытащили счастливый билет, хотя Сердар продумал все до мелочей, не оставив места неожиданностям.

Настало время рассказать об этом дерзком проекте, осуществление которого наш герой начнет через несколько часов.

Сердар верно разгадал тайный смысл письма, о котором мы говорили выше. Содержание депеши стало ему известно благодаря его многочисленным связям. Он увидел в нем скрытое поощрение и, убедившись, что г-н де Нуармон сидел сложа руки, решил за неимением лучшего занять его место на сутки и осуществить то, на что не решался боязливый губернатор.

Он написал в Париж бывшему консулу, яро ненавидевшему англичан, и тот, придя в восторг от замысла своего друга, немедленно выслал ему все необходимое для успеха задуманного предприятия.

Благодаря связям в военно-морском министерстве он сумел незаметно раздобыть бланк указа о назначении со всеми печатями, который оставалось только заполнить и вписать туда имя его обладателя. Имея на руках официальный документ, где было указано вымышленное имя, Сердар мог сыграть свою роль. Для этого требовалась только отвага, которой ему было не занимать. Он заказал у ловкого портного-мусульманина два французских генеральских мундира, один — дивизионного генерала — для себя, другой — бригадного генерала артиллерии — для Барнетта, которому отводилась роль его адъютанта.

Теперь нам становится ясно, сколь важной была для Сердара поездка на Цейлон, ибо французский пакетбот должен был доставить необходимое снаряжение на адрес

Рама-Модели. В Индии он был напрочь лишен подобной возможности. Все порты находились в руках англичан, и с момента восстания письма, адресованные кому-либо, кроме всем известных английских подданных, вскрывались по приказу вице-короля Калькутты и лишь после этого попадали по назначению. Не могло быть и речи о том, чтобы отправить их в Пондишери, так как малейшая неосторожность грозила провалом заговора.

Сердар был сильно взволнован в тот вечер, когда «Диана» подошла к Пондишери. Он дал приказ Барбассону бросить якорь за Колеронской банкой, чтобы провести там ночь. Сердар хотел сойти на берег днем, чтобы энтузиазм местного и французского населения, который, несомненно, вызовет его прибытие, не позволил слишком придиричиво копаться в его бумагах.

Уже несколько дней как его эмиссары были посланы на юг к главным раджам, чтобы пригласить их прибыть в Пондишери в определенный день. Раджам дали понять, что примерно в это время из Франции будут получены важные новости, которые совершенно изменят положение вещей и удовлетворят чаяния индусов.

В последний момент Сердар подумал, что рискует оттолкнуть от себя Шейх-Тоффеля-Барбассона, если оставит его в полном неведении относительно происходящего. К тому же в данный момент опасаться измены больше не приходилось. Даже если бы капитан «Дианы» был способен выдать секрет англичанам, у него не хватило бы времени ни задумать предательство, ни осуществить его. Мы должны сказать, что главный представитель ветви Барбассонов-Данеан не был способен на подобную низость. Он обладал всеми достоинствами и недостатками уроженца Марселя, но никогда не запятнал бы себя предательством, он любил свою страну так же, как ненавидел англичан. То, как он вел себя в этом отчаянном предприятии, доказывает, что на него можно было положиться при любых обстоятельствах.

Ночью, после окончания ужина, Сердар попросил Барбассона остаться в гостиной для важного разговора.

— С вашего позволения, капитан, только взгляну, что делается на палубе, — ответил Барбассон. — Наступила ночь, и я должен сам убедиться в том, что сигнальные огни зажжены, чтобы избежать столкновения. Я не слишком-то доверяю моим ласкарам: как горячих лошадей, их надо держать в узде.

Те, кого Барбассон называл своими ласкарами, состав-

ляли экипаж из пятнадцать человек самых разных национальностей. Суровый моряк справлялся с ними с помощью веревки, призвав на помощь добрые принципы, привитые ему Барбассоном-отцом. Экипаж «Дианы» был сборищем пиратов и жутких негодяев, подобранных на берегах Аравийского полуострова; среди них были арабы, негры из Массауа, малайцы с Явы, два-три малабарца, один китаец, все настоящие висельники, которых Барбассон колотил при малейшей оплошности, приговаривая при этом: «Так вам и надо».

Оба механика были американцами — когда они не находились при исполнении служебных обязанностей, то всегда были пьяны.

Как мы видим, команда была отборная. Барбассон не захотел иметь помощника, считая, что по горячности характера не сможет столкнуться с другим офицером.

Обойдя корабль, крича и бранясь, как извозчик, — после сды для него это было потребностью, он утверждал, что ругань помогает пищеварению, — раздавая направо и налево тумаки и пинки, Барбассон заявил, что полностью доволен состоянием дел на борту, и спустился к Сердару.

— Мой капитан, я целиком в вашем распоряжении, сигнальные огни сияют как звезды, машины выключены, но находятся под давлением. Под хмельком только один американец, на палубе вы не найдете ни соринки, образцовый корабль, чего уж там!

Он налил себе большую рюмку коньяка и сел. По привычке индусы сидели на корточках на циновках, покрывавших пол гостиной. Барнетт со знанием дела состряпал себе грог с ромом, который он предпочитал любому ликеру. Перед Сердаром стоял стакан с чистой водой — он никогда не пил ничего другого.

В любой мужской компании обратите внимание на того, кто пьет воду, это всегда знак превосходства. Любители выпить в меньшей степени ищут вкусовых ощущений. От воды можно получить такое же удовольствие, как от любого другого напитка, алкоголь нужен им как искусственный возбудитель мозга, как стимулятор идей, придающий их интеллектуальной деятельности ту остроту, на которую без алкоголя они не способны. Тот, кто пьет воду, не испытывает в этом нужды, его мозг функционирует без помощи извне. Наполеон пил только воду, подкрашенную вином. Бисмарк пьет как сапожник. Первый был великим человеком и не нуждался ни в каких возбуждающих средствах; второму, чтобы побудить себя к умственной деятельности, необходим

алкоголь. Любитель алкоголя часто просто пьяница; тот, кто пьет воду, всегда что-то из себя представляет.

Когда Сердар со свойственными ему быстротой и ясностью изложил свой план, капитан «Дианы» сильно стукнул кулаком по столу, сопроводив сей жест излюбленным ругательством, ругательством особым, можно сказать, фамильным:

— Черт побери барбосов Барбассонов! — как говаривал мой почтенный отец. Вот мысль, достойная Цезаря, который, как вы знаете, был почти что провансальцем... На сей раз англичане попались! Ах, мерзавцы, мы отплатим им той же монетой и вернем себе награбленное...

Потом, все более и более возбуждаясь, он воскликнул:

— Ах, капитан, я должен вас обнять. Клянусь честью, никогда еще я никого не обнимал с таким восторгом!

И огромный Барбассон поспешил в объятия Сердара, который любезно принял эти чисто южные изъявления энтузиазма.

«Я плохо думал о нем», — сказал себе Сердар, обнимая Барбассона.

Барнетт тоже был полон воодушевления, но у него оно никогда не проявлялось явно, и когда он бывал особенно возбужден, то молчал как рыба. В голове генерала совершалось такое коловращение мыслей, они мчались друг за другом в таком беспорядке, что бравому генералу никак не удавалось выхватить из этого круговорота и выразить хотя бы одну из них.

— Теперь, господа, послушайте меня, — сказал Сердар. — Нам надо распределить роли. Завтра около десяти утра мы снимемся со стоянки. Вы, Шейх-Тоффель, проведете корабль к Пондишери, как можно ближе к берегу, поскольку рейд там открытый. Затем с помощью разноцветных флажков вы смело выбрасываете сигнал: «Прибыл новый губернатор Пондишери в сопровождении генерала артиллерии». Посмотрим, какой это произведет эффект.

Согласно существующим правилам, нынешний губернатор должен встретить преемника, и нам станет ясно, удалась ли наша комедия. Все говорит за то, что мы добьемся успеха, и через сутки французская территория и весь Декан будут охвачены огнем восстания. Тогда мы с Барнеттом отправимся создавать индийские армии, один из нас пойдет на Калькутту, другой — на Мадрас, в то время как осаду Бомбея поведет полковник, ныне командующий французскими войсками в Пондишери, которого мы произведем в генералы.

В тот же вечер «Диана» поднимет якорь и доставит в Пуант-де-Галль г-на де Рив де Нуармона со всей семьей, чтобы он мог сесть на пакетбот, идущий из Китая в Суэц и заходящий на Цейлон. Выполнив эту важную миссию, вы, Барбассон, тут же возвращаетесь в Пондишери и принимаете в наше отсутствие командование гарнизоном.

Что касается тебя, мой дорогой Барнетт, не забудь, что вплоть до конца нашей операции ты не должен произносить ни единого слова в присутствии французских властей, так как из-за твоего чудовищного американского акцента нас немедленно заподозрят в мошенничестве, а от подозрения до уверенности — один шаг. Хоть и говорят — далеко от чаши до уст, вспомните, что в девяносто девяти случаях из ста чаша приближается к устам не напрасно.

— Не беспокойтесь, капитан, генерал не заговорит. Я буду рядом с ним и, клянусь Барбассонами, в случае чего впихну ему слова обратно в глотку. Если вдруг ему зададут какой-нибудь вопрос, я скажу, что он оглох при осаде Севастополя, и отвечу вместо него.

— Идея неплоха, к тому же терпеть нашему другу придется недолго.

Что до наших друзей-индусов, то они нарядятся в красивые одежды, которые я для них припас, и сойдут у населения Пондишери за богатых вельмож с Малабарского берега, которые сопровождали нас на Цейлон, чтобы оказать нам честь. Наше прибытие на шхуне легко объяснимо: по стечению обстоятельств мы не успели на французский пакетбот, сели на английский корабль, идущий из Индокитая, и поскольку на Цейлоне нам пришлось бы ждать три недели возвращения «Эриманты», мы зафрахтовали судно славного капитана Барбассона, которое случайно находилось в Пуант-де-Галль, и оно доставило нас по назначению. Я полагаю, что мы все предусмотрели, и теперь можем идти отдыхать, чтобы завтра сыграть надлежащим образом наши роли в этой сложной решающей игре. После того, что произошло, думаю, нынешний губернатор отнесется к своей замене без особого удивления.

С этими словами заговорщики расстались, а Сердар, который, говоря об отдыхе, имел в виду других, поднялся на палубу и, облокотившись о планшир, погрузился в долгие размышления. Накануне сражения он не мог спать.

На следующий день все шло точно по намеченному плану. В десять часов «Диана» снялась с якоря и отправилась в путь. В одиннадцать она была на рейде Пондишери, остановилась, подняла французский флаг и выстрелила из

пушки. Затем она дала залп из одиннадцати выстрелов, который тут же привел весь город в движение. Кому же отдавали подобные почести?

Едва прозвучал последний выстрел — а Барбассон постарался, чтобы салют длился несколько минут, — как весь город высыпал на бульвар Шаброля, горя нетерпением узнать, что же происходит. Тогда на большую мачту взлетели флажки, составившие уже известную нам фразу: «Новый губернатор Пондишери...» и так далее.

Еще не был поднят последний флажок, как начальник порта, которого можно было узнать по костюму — «Диана» стояла всего в трехстах метрах от берега, — со всех ног бросился к губернаторскому особняку.

Толпа росла с такой быстротой, что вскоре всякое движение в ней стало невозможно. Европейцы мешались там с туземцами в разноцветных одеждах, одни сверкали серебром и золотом, другие — драгоценными камнями, блиставшими на солнце.

Не прошло и четверти часа, как появился губернатор в парадном мундире. Он сидел в открытой коляске, запряженной двумя лошадьми, в сопровождении адъютантов, казначея и генерального прокурора.

Все они сели в большую корабельную шлюпку с двадцатью четырьмя гребцами, и единственная пушка порта, служившая для подачи сигналов, загрохотала, в свою очередь приветствуя нового губернатора. Шлюпка легко миновала мель, море было спокойно и такого же лазурного цвета, как и отражавшийся в нем небесный свод.

Сердар, одетый в генеральский мундир, в сопровождении Барнетта, с гордостью напялившего на себя такое же одеяние, стоя у выхода на наружный трап, встречал своего предшественника.

Шлюпка, направляемая мощными и умелыми ударами весел, на которых сидели макуа, летела по волнам и через шесть минут подошла к «Диане», с борта которой была спущена великолепная медная лестница.

Г-н де Нуармон легко поднялся по ступенькам в сопровождении своей свиты, в то время как Сердар спустился на несколько ступенек вниз, чтобы встретить его. Двое мужчин прежде всего обменялись рукопожатиями.

— Де Лавуенан, дивизионный генерал. Простите, что представляюсь сам, — сказал Сердар, — но вы мне не дали времени послать вам мою визитную карточку.

— Добро пожаловать в Пондишери, мой дорогой генерал. Я спешил пожать вашу руку и заверить вас, что

для меня ваш приезд — истинное удовольствие. Я ждал этого события, последняя почта, которую я получил пять-шесть дней тому назад, укрепила мое предчувствие, и я очень рад вам. Мое положение здесь начинает становиться крайне затруднительным, и я каждую минуту опасаясь какого-нибудь необдуманного поступка, который окажется роковым.

— Я знаю, господин губернатор. Министр долго беседовал со мной о сложившейся ситуации. Положение весьма щекотливо, и было решено, что профессионалу, возможно, легче будет справиться с делом и успокоить нетерпеливых.

Они вошли в гостиную, продолжая беседовать, в то время как их свита осталась на палубе.

— Я не разделяю вашего мнения, мой дорогой генерал, и если бы министерство — не ищите в моих словах никакого личного намека — хотело сделать взрыв неминуемым, оно не смогло бы придумать ничего лучшего, как заменить меня военным. Все, как и я, будут думать, что тем самым оно хочет поощрить восстание в Декане. Но у вас есть секретные инструкции, и вы должны знать лучше меня, каковы намерения правительства.

— Не стану скрывать их от вас, мой дорогой губернатор, — ответил Сердар, который принял внезапное решение нанести решающий удар. — Когда я говорил о том, чтобы успокоить нетерпеливых, я имел в виду удовлетворение их просьбы: у меня есть приказ сегодня же обратиться с воззванием, призывающим к оружию весь юг Индии.

— Но это война с Англией?

— Правительство решилось на нее. Как вы хорошо сказали в вашем последнем донесении, которое я внимательно прочел, никогда больше у нас не будет подобной возможности восстановить в Индии наши позиции, утраченные только из-за предательства англичан.

— Замысел дерзкий, но он удастся, так как на нашей стороне все свергнутые раджи. Словом, генерал, я вас поздравляю, вам доверили прекрасную миссию, и знайте, что я отношусь к этому без всякой зависти. Не будучи военным, я не смог бы провести подобную кампанию, поэтому я спешу передать вам полномочия и покинуть страну, ибо, как только будет объявлена война, английские крейсера станут гоняться за нашими пакетботами, и вернуться во Францию будет нелегко. Французский пароход, идущий из Индокитая, прибывает в Пуант-де-Галль через сорок восемь часов, и я уеду сегодня же вечером, если шхуна, на которой вы прибыли, согласна взять меня с семьей. О разворачи-

вающихся событиях еще будет неизвестно, поэтому по прибытии в Красное море, а путь туда займет у нас дней десять, мы сумеем беспрепятственно добраться до Египта, а уж там, даже если придется двигаться через Сирию, я уверен, что вернусь во Францию, не попав в руки англичан.

— Хозяин этой шхуны будет счастлив отвезти вас, могу в этом заверить.

— Так поспешим спуститься на берег, генерал. То, о чем вы сказали мне, настолько серьезно, что я не могу терять ни минуты, если не хочу застрять в Пондишери как частное лицо на все время войны между Францией и Англией. Признаюсь вам, что здоровье мое, сильно подорванное здешним климатом, нуждается в воздухе родины.

Во время этого разговора на палубе разворачивалась прелюбопытнейшая сцена.

Казначей счел долгом вежливости завязать разговор с генералом артиллерии из свиты нового губернатора. Поэтому он подошел к Барнетту, который со своей большой круглой головой, торчащей прямо из плеч, затянутый в мундир, перепоясанный ремнями, был похож на дога.

— Ну, генерал, — сказал он, — не страдали ли вы морской болезнью?

— Хм, хм! — промычал Барнетт, вспомнив о запрете Сердара.

Но Барбассон был начеку, он быстро подошел к казначею и обратился к нему с изысканностью и изяществом:

— Знаете, вы можете без опаски палить рядом с ним из пушки, дружище глух как тетерев.

Группа молодых офицеров и адъютантов, оставшихся на борту, с невероятным трудом сохраняла серьезный вид. Но поскольку они не уезжали вместе со старым губернатором, а прибывший генерал произвел на них впечатление человека с тяжелым характером, им удалось сдержаться.

Возвращение обоих губернаторов на палубу избавило их от этой муки, ибо Барнетт для придания себе пущей важности яростно вращал глазами, свирепо поглядывая на подчиненных, застывших от почтения на месте. Высадка произошла благополучно, и кортеж направился к особняку губернатора, где началось официальное представление, поскольку новый губернатор заявил, что не устал и не нуждается в отдыхе.

Депутация всех раджей юга прибыла, чтобы поздравить его с приездом, и заявила о своей преданности и готовности служить Франции.

— Благодарю вас от имени моей страны, — твердо ответил Сердар. — Очень скоро понадобится не только ваша преданность, но и ваше мужество: близится час освобождения Индии.

При этих словах трепет охватил присутствующих, и из груди всех внезапно вырвался крик: «Да здравствует Франция!»

— Смерть англичанам! — крикнул офицер-туземец из охраны дворца.

Казалось, что все только и ждали сигнала, так как призыв этот был повторен с таким взрывом энтузиазма, что его слышали снаружи. Десять тысяч человек на площади, в аллеях, на бульваре закричали: «Смерть англичанам!», и немедленно по всему городу распространился слух, что объявлена война.

Момент был полон величия: присутствующие раджи, офицеры вытащили шпаги и, потрясая ими перед обоими губернаторами, поклялись умереть за независимость Индии и славу родины.

Сердце Сердара билось так, словно готово было выскочить из груди: наконец-то настал момент, к которому он так стремился, его план удался благодаря его отваге, он был хозяином Пондишери, ему подчинялся полк морской пехоты, командиры которого во главе с бравым полковником де Лурдонексом были только что ему представлены... В этот торжественный час им овладело столь сильное волнение, что он был на грани обморока. Мысленно он уже представлял, как трехцветный флаг, флаг Франции, ради которого он десятки раз рисковал жизнью, победно реет над всем Индостаном. Он один отомстил за героев, павших жертвой английского золота, от Дюплекса до Лалли, которые умерли, кто в Бастилии, кто на эшафоте, за то, что, подобно ему, слишком любили родину.

Увы! Бедный Сердар, торжество его будет недолгим: он не заметил, что, когда ему представляли полковника де Лурдонекса, тот не смог сдержать сильнейшего изумления, которое еще более возросло, когда офицер бросил взгляд на Барнетта, переодетого артиллерийским генералом. После того как представление закончилось, полковник поспешил на просторную веранду особняка, чтобы спокойно поразмыслить над тем, что он увидел и что ему приказывала честь офицера.

Дело в том, что полковник прибыл из Франции на «Эриманте» пять дней назад и находился в Пуант-де-Галль, где корабль делал остановку как раз в тот день, когда

Покорителю джунглей и его товарищам был вынесен приговор, то есть в день их побега.

Он слышал о подвигах Сердара в борьбе против англичан и, воодушевившись этими рассказами, сошел на берег, чтобы посмотреть на героя, питая вместе с тем тайную надежду помочь ему бежать, если благоприятно сложатся обстоятельства.

Поэтому он находился на пути Сердара, Барнетта и Нариндры, когда они шли к месту казни, и мог как следует разглядеть их. Вообразите же себе его изумление, когда он очутился перед героем индийского восстания, облаченным в форму французского генерала и играющим роль нового губернатора Пондишери. Сначала он подумал о случайном сходстве, которое вполне возможно, но почти в ту же минуту он узнал Барнетта, а затем и Нариндру, и у него отпали малейшие сомнения.

Полковник понял, какие патриотические мотивы руководили этими людьми, но он не мог позволить им сыграть затеянную игру до конца. Он здраво рассудил, что не этим искателям приключений принадлежало право втянуть Францию в авантюру, к которой правительство было вовсе не готово. Учитывая тяжелые последствия, которые подобное событие непременно вызвало бы в Европе, он, французский полковник, должен был сделать то, что ему диктовали долг и честь.

Он решил тем не менее не торопить события и не устраивать скандала. Он знал, что полк подчиняется только ему и в случае необходимости он всегда сможет применить силу.

В этот момент Барнетт, задышавшийся в своем костюме, вышел на веранду подышать. Офицер поспешил воспользоваться случаем, чтобы рассеять свои сомнения — в общем-то у него их не было, но ему хотелось добавить последнюю улику к уже имевшимся.

Он быстро подошел к Барнетту и сказал:

— В гостиных слишком жарко, не правда ли, мой генерал?

Барнетт, смущенный, хотел бы ответить, поболтать немного. Вынужденная немота начала угнетать его, но он понимал, что со своим чудовищным акцентом ему никак не удалось бы выдать себя за французского генерала, тем более перед офицером. Поэтому, вспомнив о причине своей псевдоглухоты, названной Барбассоном казначею, он показал полковнику на свои уши, давая ему понять, что не слышит его.

Но де Лурдонекса нелегко было поймать на эту удочку, и он заметил, смеясь:

— Держу пари, генерал, как бы здесь ни было жарко, в Пуант-де-Галль вам было жарче, когда с веревкой на шее вы шли вместе с вашими товарищами к виселице.

Когда Барнетт услышал эти слова, его чуть не хватил удар, в течение нескольких секунд он не мог выдавить из себя ни слова. Горло у него пересохло, язык не повиновался.

Когда к нему вернулись силы, он пробормотал в ответ:

— Что вы хотите этим сказать, полковник? Виселица... веревка на шее... Я не понимаю.

— Смотрите-ка, вы внезапно обрели слух, и я думаю, мы сговоримся. Вы прошли мимо меня, идя на эшафот. Покоритель джунглей, вы и туземец. Так вот, я узнал вас всех троих. Вы прекрасно понимаете, что не сможете меня провести, а я не могу позволить вам продолжать эту комедию.

— Да черт меня побери, если вы думаете, что она меня забавляет!

— Слава Богу, вы не опускаетесь до лжи.

— Мне в сотни раз приятнее носить мой костюм охотника, чем эту чертову шерстяную кольчугу, в которой я задыхаюсь, и, клянусь честью, раз уж вы открыли наш секрет, я быстренько предупрежу моего друга, и мы улизнаем не попрощавшись... А все же вам лучше было бы промолчать, вы бы отдали Индию Франции, и никто бы вас не обвинил в том, что вы замешаны в этом обмане.

— Возможно, вы и правы, но мне, вероятно, пришлось бы выступить с моим полком, признайтесь, что это меняет дело. Ответственность, которую я вынужден был бы взять на себя, не позволяет мне молчать... Идите предупредите вашего друга, я не хочу его видеть, я слишком восхищаюсь силой его характера и героическими действиями в Индии, чтобы кладнокровно разбить его иллюзии. Скажите ему, что я даю ему время до десяти часов сегодняшнего вечера, чтобы покинуть французскую территорию. По истечении этого срока я вынужден буду рассказать губернатору о невероятной комедии, жертвой которой он чуть не стал. Прощайте! Это мое последнее слово. Самое главное, скажите ему, что я им восхищаюсь.

Барнетт поспешно нацарапал на листке из записной книжки: «Найди предлог, чтобы закончить как можно быстрее эту бесполезную комедию. Мы разоблачены. Выйди ко мне, я тебе все расскажу».

Через пять минут испуганный Сердар выбежал на веранду.

— Что случилось? — спросил он в страшном волнении.

— Случилось то, что полковник морской пехоты, которого тебе представляли, был в Пуант-де-Галль в день нашего побега, и он узнал нас.

— Какое роковое стечение обстоятельств!

— Так вот, ты понимаешь, у человека может быть двойник, но три двойника — это уже слишком.

— И ты не пытаешься отрицать?

— Отрицать? По-моему, ты сходишь с ума, надо было нас с Нариндрой оставить на борту, и тогда все шло бы как по писаному. Но мы втроем здесь, когда всего пять дней тому назад нас видели вместе да еще при обстоятельствах, когда лица запоминаются надолго.

— Послушай, Барнетт, я решился на все. Потерпеть неудачу у самой цели, нет, это невозможно, от этого я сойду с ума. Все поверили в мою миссию, я арестую полковника на основании якобы полученного мною секретного приказа, и...

— Нет, ты не сходишь с ума, ты уже сумасшедший! А кто выполнит твой приказ?

— Верно, — обескураженно заметил Сердар, — ты тысячу раз прав, но видеть, как в одно мгновение рушатся мечты, надежды отомстить за мою страну! О Барнетт, я проклят, не знаю, что удерживает меня от того, чтобы покончить с жизнью...

Сердар выхватил револьвер, и рука его поднялась к виску.

Барнетт вскрикнул, бросился к нему и вырвал из его рук смертоносное оружие. Помедли он еще секунду, и несчастного Сердара не стало бы.

— Что нам теперь делать? Как выйти из этого тупика, чтобы не стать посмешищем?

— Хочешь совет?

— Умоляю о нем.

— Полковник — один из твоих поклонников, лишь долг не позволяет ему принять участие в заговоре. Но он предоставляет тебе возможность с честью выйти из создавшегося положения и дает нам время до десяти часов вечера. Знаешь, что тебе надо делать? Продолжай разыгрывать из себя губернатора, а ночью смоемся без лишнего шума, я предупреджу Шейх-Тоффеля, чтобы он держал «Диану» под парами.

— Ладно, пусть будет так. Пошли ко мне сейчас же

Раму и Нариндру, мне надо поговорить с ними до того, как я вернусь в зал.

Барнетт поспешил выполнить желание друга.

В тот момент, когда Сердар остался один, появился полковник де Лурдонекс, держа в руках голубой листок бумаги.

— Я не хотел снова встречаться с вами, — сказал он Сердару, — но я нашел средство, как спасти вас от позора, вот оно.

И он протянул Сердару листок.

Тот поколебался, затем взял его. Из глаз его струились слезы.

Полковник, растроганный, протянул ему руку, и Сердар судорожно пожал ее, проговорив:

— Я не сержусь на вас, я тоже знаю, что такое честь офицера.

Потом он подавил вздох:

— Я поступил бы, как вы. Прощайте!

— Прощайте, удачи вам! — ответил полковник и вышел.

Сердар развернул листок бумаги, это была ложная депеша, напечатанная на настоящем телеграфном бланке. Полковник воспользовался полевым телеграфным аппаратом своего полка.

Депеша гласила:

«Серьезные осложнения в Европе, оставьте командование губернатору де Рив де Нуармону и возвращайтесь в Европу».

Это избавляло Сердара от насмешек и позора.

Как только Нариндра и Рама вместе с Барнеттом появились на веранде, он сообщил им содержание телеграммы и сказал:

— Мы отплываем через два часа.

Затем он отправил Раму на поиски Сива-Томби-Модели, его брата, чтобы он вместе с Эдуардом и Мэри немедленно поднялся на корабль.

Затем, влетев в зал, где продолжался прием, протянул депешу губернатору.

— Прочтите, сударь, — сказал он. — Меня отзывают во Францию, а вы остаетесь в Пондишери. События непостоянны, как море и ветер. Я навсегда запомню вашу любезность и благородство вашей души. Позвольте мне проститься с вами.

Еще и сегодня в Пондишери убеждены, что французское правительство собиралось объявить Англии войну во время восстания сипаев, лишь интриги и английское золото по-

мешали этому, и генералы, которые должны были встать во главе франко-индийских армий, были отозваны через два часа после прибытия.

Незадолго до захода солнца власти Пондишери с губернатором во главе с большими почестями проводили Сердара и Барнетта на корабль. На бульваре Шаброля был выстроен в боевой готовности полк морской пехоты. При появлении Сердара полковник приказал взять на караул и приветствовать его барабанным боем.

Когда Покоритель джунглей и его друг проходили перед строем солдат, полковник салютовал им флагом. Волнение душило их, и славный офицер пробормотал так, что его слышали только они:

— Да здравствует Покоритель джунглей!

Несколько минут спустя «Диана» на всех парах мчалась по направлению к острову Цейлон.

Глава VIII

Потерянные надежды. — Отправление в Хардвар-Сикри. — Воспоминания детства. — Английская эскадра. — Преследование. — Подвиги «Дианы». — Потоплены!

Всякая надежда вовлечь в восстание юг Индии была теперь потеряна для Сердара навсегда.

Раджи, которые в отличие от простого народа могли оценить подлинную силу европейских наций, знали, что Англия пойдет на любые жертвы, чтобы расправиться с восстанием. Опасаясь, что подавление мятежа повлечет за собой неслыханные репрессии, они заявили, что поднимутся только во имя Франции и с ее согласия.

Покоритель джунглей знал, что они не отступят от своего слова. Поэтому смертельно уязвленный, отказавшись от грандиозных планов в отношении Декана, он решил заняться только спасением несчастного Кемпбелла. Хардвар-Сикри должен был вот-вот пасть, и если бы ему удалось вырвать мужа Дианы из рук осаждавших, поклявшихся отомстить, это послужило бы ему утешением и смягчило бы горечь от поражения в Пондишери.

Но сколько трудностей он должен был преодолеть, чтобы добиться этого! Удрученный крушением самых дорогих своих надежд, вернувшись на корабль, он почувствовал потребность в обществе юного Эдуарда, к которому относился с отеческой любовью. При взгляде на юношу Сердар молодец

лет на двадцать, Эдуард будил в нем воспоминания, переносившие его в самую счастливую пору его жизни. Каково же было его изумление, когда он увидел сестру своего протеже, очаровательную Мэри. Он замер не в силах вымолвить ни слова. Действительно, никогда еще природа не создавала дочь, столь похожую на мать: те же черты, те же ласковые и глубокие глаза, в которых отражались душевная чистота и невинность, тот же ясный, безмятежный лоб, тот же прелестный рот, те же тонкие вьющиеся волосы того чудного оттенка, которым венецианские мастера любили наделять своих белокурых красавиц.

Когда он увидел очаровательное дитя, услышал голос, который напомнил ему тот, другой, когда Мэри со слезами на глазах стала умолять его спасти их отца, Сердар ответил ей от всего сердца:

— Клянусь вам, что ваш отец останется жив, даже если мне придется предать огню всю Индию, чтобы спасти его!

Потом он вновь посоветовал им совершенно забыть имя Кемпбелл, ибо оно могло только увеличить трудности, которые он должен был преодолеть, чтобы выполнить данную им клятву.

— Если по несчастью, — сказал он, — на борту узнают, что вы дети коменданта Хардвар-Сикри, вполне возможно, что я не смогу защитить вас, хотя здесь я полный хозяин. Поэтому пока носите имя вашей матери. Я уверен, — прибавил он с нежной улыбкой, — что оно принесет вам счастье.

Крепость Хардвар была расположена на равнинах Верхней Бенгалии, в верховьях Ганга, у подножия Гималаев. Взять ее было бы невозможно, она была построена на вершине скалы, словно орлиное гнездо. Но ее гарнизон, не ожидавший восстания, был застигнут врасплох армией, посланной Нана-Сахибом, и не успел запасти достаточно продовольствия. В момент, когда началось окружение, припасов в ней было на три месяца, а осада длилась уже четыре. Правда, сразу же рацион для всех был сокращен вдвое, но трудно было предположить, что несчастные смогут продержаться еще почти месяц. Поэтому, чтобы успеть вовремя, надо было спешить.

В ту минуту, когда Коромандельский берег постепенно таял в вечерней дымке, Барбассон рискнул постучать в каюту, где заперся Сердар.

— Капитан, — сказал он, — вы забыли сказать мне, куда мы направляемся.

— Обогните остров Цейлон, избегая встречи с англий-

ской эскадрой, которая крейсирует в открытом море, и возьмите курс на Гоа, это единственный порт, куда мы можем пристать. Как вы думаете, сколько времени потребуются «Диане», чтобы добраться до португальского порта?

— Если мы зажжем все топки, то сможем развить скорость в двадцать два узла, в этом случае мы будем в Гоа через пять дней.

— Зажечь все топки! — приказал Сердар.

— Если ветер будет попутный и я смогу распустить еще и паруса, то мы могли бы выиграть один день.

— Выиграй день, выиграй час, сделай все, что в твоих силах... Знай только, что пять минут опоздания могут оказаться причиной ужасного несчастья.

В новом начинании у Сердара не только не было союзников, но и в собственном окружении ему следовало опасаться врагов. Он решил, за неимением другого выхода, открыться Нариндре: даже если маратх откажется помочь человеку, который в глазах всего мира покрыл себя позором, по крайней мере он не станет врагом Сердара. А потом, как знать? Быть может, любовь и слепая преданность Нариндры окажутся сильнее, чем ненависть к чужеземцу, быть может, он решит оказать Сердару поддержку, в данных обстоятельствах неоценимую.

В Сами он был уверен: юноша жил и дышал только хозяином, которого боготворил. Втроем они могли бы спасти майора. Но чтобы привлечь на свою сторону Нариндру, Покоритель джунглей должен был рассказать ему о прошлом, о страданиях, о перенесенных испытаниях, рассказать о злосчастном событии, разбившем его жизнь. Он не должен был ничего скрывать, чтобы индус понял мотивы, побуждавшие его спасти майора независимо от того, виновен тот или нет.

Сердар долго расхаживал по салону, примыкавшему к его каюте, обычно он удалялся сюда в часы печали и раздумий. Наконец после колебаний, трезво взвесив все обстоятельства, которые вынуждали его довериться маратху, ибо в противном случае он оставался в полной изоляции и, несомненно, потерпел бы неудачу, Сердар все еще не мог перебороть нерешительность и глубокую душевную стыдливость. В это время с палубы донесся чистый, свежий голос.

Это пела Мэри...

Растроганный, трепеща от волнения, Сердар застыл на месте. Она пела старый бургундский романс, его трога-

тельную мелодию Покоритель джунглей часто слышал в детстве, в старом замке в Морване, где он родился. Мелодичный детский голос звучал в ночной тиши, и капля за каплей в душу Сердара проникала сладость воспоминаний детства...

Растаяла последняя нота, а Сердар все слушал. Этот голос был голосом Дианы, победившим последние его сомнения.

Он нажал кнопку, на пороге появился слуга.

— Скажи Нариндре, что я прошу его спуститься ко мне.

Через пять минут тяжелая портьера, закрывавшая вход, раздвинулась и пропустила маратха, который поклонился, прижав руку к сердцу, — так туземцы приветствуют близких друзей.

— Сахиб звал меня? — сказал он.

— Да, мой милый Нариндра! Ты нужен мне, ибо наступила одна из самых тяжелых минут моей жизни. Садись, побеседуем...

Маратх сел на корточки напротив друга.

Беседа их длилась много часов, они говорили тихо, хотя были уверены, что их не услышат, но в торжественных обстоятельствах голос звучит в унисон с мыслями.

Когда Нариндра покинул каюту Сердара, его красные, воспаленные глаза указывали на то, что он плакал. Можно представить себе, что же рассказал ему Покоритель джунглей, если суровый воин был тронут до слез!

Уходя, он судорожно сжал руку друга и сказал ему только:

— Брат, будь спокоен. Мы спасем его!

На борту «Дианы» все, кроме вахтенных, спали спокойным сном. Барбассон установил на шхуне порядок, как на военном корабле. Помощник-араб прохаживался по палубе, когда наблюдатель закричал:

— Парус впереди по правому борту!

Барбассон, который спал очень чутко в каюте, расположенной на палубе, как это заведено на кораблях, плавающих в теплых морях, выскочил наружу, но едва он переступил порог спардека, как раздался новый крик:

— Парус сзади по левому борту!

— Черт побери! — воскликнул капитан. — Ну и влипли мы в историю! Держу пари, что мы окружены английским флотом.

— Парус впереди по левому борту! — продолжал невозмутимый голос матроса.

Барбассон бросился на полуют с биноклем в руке и принялся считать: один... два... три... четыре... пять...

Матрос закричал снова:

— Парус сзади по правому борту!

— Пять, — повторил Барбассон, — пять... Посмотрим! Будет же и шестой, чтоб было полдюжины для ровного счета. О! Вот и он, справа... самый маленький. Ах, это авизо, он служит им разведчиком. Повезло же нам, ребятки, всего-навсего шесть английских кораблей, и мы посередке! Все будут в нас целиться, как при игре в шары. Ну что ж, пусть нас продырявят со всех сторон, но боюсь, как бы до заката солнца нас всех не вздернули на рее адмиральского корабля.

— Что вы на это скажете, генерал? — спросил Барбассон у своего друга Барнетта, который тоже не спал и вышел на палубу освежиться.

— Право слово, вы в этом разбираетесь лучше меня, — ответил янки. — Профессия моряка — единственная, которой я посвятил так мало времени, что не успел приобрести достаточных навыков. Поэтому мне трудно оценить наши шансы на спасение.

— Ладно! Так вот, мой толстячок, у нас этих шансов просто нет! — ответил капитан. — С экипажем, состоящим из разбойников, без документов и с Покорителем джунглей на борту наша песенка спета.

— Как, у вас нет документов?

— О! У нас, конечно, есть лицензия султана Маската, который является нашим портом приписки, но вы понимаете, что шхуна из Маската — это пахнет пиратством, морским разбоем, работорговлей, всем, чем хотите. Так что эту бумагу лучше не показывать, не то нас вздернут гораздо быстрее и без всяких объяснений... Видите, они нас пока не заметили, ибо мачты у нас ниже, да к тому же спущены паруса. Ночью наши мачты кажутся им спичками. Они идут в два ряда, развернувшись в направлении Бенгалии. Первые уже проскочили мимо, не заметив нас, но как только взойдет солнце, берегись! Придется поднять наш флаг, и если они что-то заподозрят, сейчас же спустят шлюпку да еще выстрелят из пушки, приказывая нам остановиться, и сюда явится с полдюжины этих английских омаров, которые перероют все — от палубы до трюма. В этом случае дело ясное, о дальнейшем умолчу, приятель...

— Я американский гражданин и хотел бы посмотреть...

— Ну-ну-ну... Американец, поляк, китаец — когда англичане в море, плевать они хотели на остальные народы...

Но если бы вы разбудили Сердара, мой друг Барнетт, дело того стоит. Смотрите-ка, вот и первый луч солнца окрасил горизонт, через десять минут начнется потасовка.

Когда Сердар вышел на палубу, солнце медленно вставало, поднимая над волнами свой огненный диск. Англичане заметили шхуну, они сомкнули строй и подняли флаги, приглашая последовать их примеру.

— Что делать? — спросил Барбассон.

— Ничего, — ответил Сердар, наблюдая за происходящим.

— Тем быстрее дело будет сделано, — расхохотался в ответ Барбассон.

Покоритель, глядя на море, пробормотал:

— Они этого хотели, тем хуже для них, я бы не стал искать с ними ссоры.

Потом кратко приказал:

— Оставьте нас с капитаном наедине. Все на нижнюю палубу!

Англичане, не получив никакого ответа, выстрелили из пороховой пушки.

— Барбассон, — сказал Сердар, и ноздри его задрожали, — я беру на себя командование кораблем. Вы славный малый и умеете подчиняться так же хорошо, как и командовать.

— Признаюсь, вы мне оказываете услугу, ибо я не представляю, что делать.

— Мне некогда что-либо объяснить вам, дорога каждая минута. Скажу только, что через полчаса от этой великолепной эскадры не останется и следа.

Барбассон взглянул на своего командира и искренне подумал, что он сошел с ума.

— Я вынужден сразу отдать вам все приказы, — продолжал Сердар, — так как через две минуты мы сможем сообщаться только по телеграфу, который находится в машинном отделении. Так вот, поклянитесь, что строго выполните любой приказ.

— Клянусь.

— Уберите все мачты так, чтобы из воды торчал только корпус «Дианы», его броня достаточно прочна, чтобы устоять перед ядрами. Как это сделать, вы знаете. Благодаря специальному механизму вся эта операция займет тридцать секунд.

Англичане выстрелили снова, но на сей раз над шхуной просвистело ядро и плюхнулось в море.

— Вот танец и начался.

— Поднимите черный флаг! — преобразившись, крикнул Сердар.

Глаза его сверкали мрачным огнем, движения стали неровными и резкими.

— Если нас не потопят через десять минут, — пробормотал Барбассон. — Эх! Лучше погибнуть в море, чем на виселице.

И черный флаг медленно поднялся в воздух. Дерзкий этот вызов произвел движение среди английских кораблей, которые, сомкнув строй, пошли на шхуну.

— Убрать мачты! — крикнул Сердар. Возбуждение его росло.

Приказ был немедленно выполнен, и шхуна стала походить на огромную черепаху, дремлющую на волнах.

— Спускаемся вниз. Задрать люки, чтобы никто не мог подняться на палубу.

«Так! — подумал Барбассон. — Он хочет, чтоб мы пошли ко дну с музыкой».

— Теперь выполняйте мои приказы, — лихорадочно продолжал Сердар. — Ступайте в машинное отделение, и всякий раз, как телеграф передаст вам сигнал «вперед», вы должны двигаться прямо, не сворачивая, сначала на флагманский корабль — до тех пор, пока я не передам вам команду «задний ход, стоп!», затем — на все остальные по порядку, в зависимости от их величины. Оставьте только авизо, чтобы он мог доставить в ближайший порт новость об уничтожении английского флота. Вы меня поняли?

— Так точно, капитан.

— Хорошо! Ступайте.

Барбассон поколебался, не привязать ли Сердара к кровати, ибо у того была явная горячка, но поскольку ему было все равно, как умирать, он повиновался.

Капитан расположился у телеграфного аппарата, находившегося над ним. Зеркало-отражатель позволяло ему следить за всеми действиями английского флота. В ту же минуту появился сигнал «вперед».

— Вперед! Полный вперед! — крикнул Барбассон в рупор старшему механику. В то же время, сам стоя у штурвала, он направил шхуну на всей скорости прямо на флагман.

Со всех сторон, словно град, сыпались ядра, но они соскальзывали с выпуклых поверхностей «Дианы».

Маленький корабль с головокружительной скоростью несся прямо вперед на гиганта, который, казалось, поджидал его, невозмутимый в своей мощи и громаде.

Шхуна была от него в ста метрах, когда появился сигнал «назад, стоп!». Едва Барбассон успел передать его механику, как раздался взрыв такой силы, словно разом выстрелили десять батарей. Поднявшаяся воздушная волна сильно встряхнула и саму шхуну.

Барбассон инстинктивно закрыл глаза. Когда он вновь открыл их, флагманский корабль исчез.

Описать чувства капитана в этот момент невозможно. Сердар предстал перед ним как сверхчеловек, распорядившийся по своей воле молниями.

Но уже вновь появился сигнал «машины, вперед!», Барбассон вновь подчинился приказу, и шхуна помчалась на всех парах на второй броненосец, который через двадцать пять секунд постигла судьба флагмана. Тогда среди английских кораблей поднялась паника; не соблюдая дисциплины, не подчиняясь приказам контр-адмирала, принявшего командование, каждый корабль пытался ускользнуть от опасности, тем более страшной, что она была неведома.

Но напрасно надеялись они найти спасение в бегстве: шхуна, используя преимущество в скорости, потопила три последних корабля эскадры. Когда авизо в качестве последней надежды на спасение спустил флаг, показывая, что сдаётся, он увидел, как неприятель удалился с презрением, словно считая для себя недостойным мериться с ним силами.

Там и здесь в волнах носились обломки, доски, куски мачт, бочки, разбитые ящики, казалось, то были развалины целого города, унесенные наводнением.

Когда Сердар вышел из своей каюты, он был чудовищно бледен и едва держался на ногах, тогда как Барбассон, напротив, быстро обрел свойственную южанам уверенность и был крайне возбужден. Еще немного, и он запел и заплясал бы над этой человеческой гекатомбой.

— Они сами этого хотели, — повторял Сердар. — Бог свидетель, я не желал использовать это страшное оружие и даю клятву, что, если мне удастся спасти мужа Дианы, я уничтожу это смертоносное изобретение. У человечества достаточно средств разрушения, не хватало, чтобы еще одно попало в руки убийц.

— Капитан! Капитан! — закричал Барбассон, который хотел изо всех сил расцеловать Сердара. — Мы владыки моря, мы можем завоевать Англию, если захотим.

Но Сердар вырвался из его объятий.

— Поднимите мачты, — сказал он, — ветер крепчает, надо воспользоваться этим, чтобы наверстать потерянное время.

И он спустился в каюту Эдуарда и Мэри, чтобы успокоить бедных детей, которые ни живы ни мертвы жались друг к другу.

Примерно две тысячи пятьсот человек погибли в этом страшном сражении. Американский инженер изобрел электрическую торпеду, которая тридцать лет спустя произвела революцию в морском деле во всем мире.

Через пять дней «Диана» прибыла в Гоа, и отряд, приняв в свои ряды Эдуарда и Мэри, которую Сердар усадил в удобный хаудах на спине Ауджали, спешно отправился к Хардвар-Сикри.

Глава IX

Осада Хардвар-Сикри. — Окружены со всех сторон. — Майор Кемпбелл. — Последние запасы. — Надо сдаваться. — Похищение майора. — На рейде Бомбея. — Отплытие парохода. — Фредерик де Монморен. — Брат Дианы.

Прошло уже пять месяцев, как крепость Хардвар, которую защищали пятьсот шотландских солдат под командованием майора Лайонеля Кемпбелла, отражала атаки двадцати тысяч сипаев, хорошо оснащенных боеприпасами и орудиями.

Пушки, обслуживаемые бывшими артиллеристами англо-индийской армии, в течение двух месяцев непрерывно обстреливали крепостные укрепления, поливая их бомбами и снарядами. Было предпринято восемнадцать попыток штурма, которые всякий раз бывали отбиты с большими потерями для осаждавших и стоили им тысячи жизней.

Днем осажденные рыли казематы и рвы, служившие им убежищем, а ночью заделывали бреши, пробитые пушками в крепостных стенах. Майор постоянно возглавлял работы, подбадривая всех своим примером, вселяя в людей мужество уверенностью в том, что скоро им на помощь придут подкрепления.

Майор прекрасно знал, что подкреплений не будет, а если они и явятся, то лишь тогда, когда от крепости не останется камня на камне. Чтобы помочь ее защитникам, надо было прежде снять осаду Чинсуры, Лакхнау, отвоевать Дели. Только когда восстание будет частично подавлено, дойдет очередь до Хардвара, последнего пункта английских владений на границе с Бутаном и верхними долинами Ги-

малаев, принадлежащими султану Куавера, бывшего на стороне восставших. Кроме того, майору было известно, что по стратегическим соображениям, а также ввиду малого числа войск, которыми располагала Англия, командование не могло себе позволить выделить специальный отряд, который, добираясь до Хардвара, потерял бы тысячу человек, чтобы спасти — да и в этом не было уверенности — пятьсот осажденных.

Майор был твердо убежден, что гарнизон Хардвара был заранее обречен и брошен на произвол судьбы.

Какая же душевная стойкость понадобилась ему, чтобы продержаться целых пять месяцев, ведь он был абсолютно уверен, что все его усилия совершенно напрасны! Разумеется, если бы его солдаты знали правду, поведение этих простых, грубых людей было бы иным. С первых дней осады они толкали бы его к капитуляции, которая гарантировала бы всем жизнь. Капитуляцию эту вожди туземцев подписали бы обеими руками, отдав затем безоружный гарнизон во власть своих солдат.

Если бы не майор, защитников Хардвара давно не было бы в живых. Сколько раз возникало у него желание покончить счеты с жизнью, пасть в бою, вместо того чтобы долгие месяцы в страшной тревоге ждать неизбежного конца, ждать ужасных пыток, которым индусы неизбежно подвергнут пленников. Резня, которой запятнал себя гарнизон под командованием капитана Максвелла, не позволяла надеяться даже на малейшее послабление их участи.

Как уже понял читатель, майор Кемпбелл не имел никакого отношения к этому гнусному варварскому акту. Он находился в Дели в тот момент, когда город был взят мятежниками, ему удалось бежать и добраться до Хардвара только благодаря быстроте и силе своей лошади. Вечером он прибыл в крепость, весь в пыли и едва держась на ногах — за восемнадцать часов он проскакал пятьдесят лье. Отвратительная бойня, проведенная по приказу и под командованием капитана Максвелла, состоялась утром того же дня. Будучи старшим по званию, он тут же принял на себя командование крепостью, не имея возможности защитить свое доброе имя. Таким образом, на него легла ответственность за эту дикую казнь не только в глазах индусов, но и всех цивилизованных наций, которые с отвращением и единодушным осуждением отнеслись к этому злодеянию.

То, что давало майору силы выстоять до конца, напротив, сломило бы мужество его солдат. Зная, что он приговорен, майор хотел прожить как можно дольше, находя утешение

в нежных образах жены и детей, которых он не надеялся больше увидеть. Человек великодушный, отличавшийся редким умом, во время осады он использовал каждую свободную минуту для ведения дневника. Когда он был не в окопах, то писал историю своей жизни в Хардваре, день за днем, час за часом занося на бумагу свои мысли и заботы. Он рассудил, что позже, когда время залечит раны и смягчит страдания, которые его смерть причинит близким, его обожаемая жена и горячо любимые дети с волнением и нежностью прочтут рассказ о самых сокровенных его переживаниях. В каждой страничке, в каждой строчке они увидят, как он любил их, и их привязанность к нему, память о нем не только не ослабеет со временем, но, напротив, укрепится. Спустя много времени после его смерти его дорогая Диана и их дети смогут благодаря рукописи беседовать с отцом, они найдут в ней его мысли и советы на будущее.

В ожесточенном его сопротивлении, хотя сам майор себе в этом не признавался, его поддерживала слабая надежда, которая никогда не оставляет человека даже в самых безысходных обстоятельствах, даже у подножия эшафота. Между тем надо было либо сдаваться, либо умереть в бою. Несмотря на самоотверженность, с которой каждый из осажденных сократил рацион, осада длилась уже пять месяцев, и запасы продовольствия подошли к концу. Риса оставалось только на одну выдачу, этим количеством можно было утолить голод лишь на несколько мгновений: еще сутки, и все будет кончено. Благодаря индусам-перебежчикам, бывшим слугам офицеров, которые друг за другом покинули форт, осаждавшие были прекрасно осведомлены о создавшемся положении, поэтому в течение последнего времени, чтобы ускорить сдачу крепости, они ни днем, ни ночью не давали передышки несчастным шотландцам. Те, превратившись в скелеты, передвигаясь с трудом, вынуждены были спешить к крепостным укреплениям, чтобы отбивать ложные атаки.

Поэтому, едва комендант появлялся на улицах, его встречали криками: «Надо идти на переговоры!»

Да, идти на переговоры! Сдаваться! Другого выхода не было. Несчастный майор, уединившись в кабинете, обхватив голову руками, думал об ожидавшем его чудовищном конце. Вошел капитан Максвелл и доложил, что у них осталось всего несколько мешков риса, по горсти на каждого.

— На сей раз все кончено, комендант, — сказал офицер, — надо сдаваться.

— Сдаваться! Вокруг меня, сударь, все только и твердят об этом, и никто не предложит сделать вылазку и честно погибнуть в бою.

— Вы хотите вести на врага скелеты? У людей не хватает сил, чтобы держать оружие в руках, и если бы наш противник был смелее и решился на серьезный приступ, вместо того, чтобы забавляться ложными атаками, он бы не встретил сопротивления.

— Смерть в бою была бы, пожалуй, лучше того, что нас ждет, ибо в пылу сражения индусы не щадили бы своих жертв, и каждый мог бы умереть на своем посту смертью солдата, сударь! В противном случае знаете ли вы, что нас ожидает? Медленная позорная смерть от пыток, которым нет названия.

Капитан молчал, и он продолжал с неподдельной горечью:

— Возможно, мы смогли бы сохранить жизнь наших солдат и наши собственные, сударь, если бы не совершенный вами акт неслыханного варварства, который делает невозможной всякую надежду на компромисс.

— Но, комендант...

— Довольно, сударь, я знаю, что вы мне скажете: ваших людей обстреляли в деревне, многие из них были смертельно ранены, и в этом случае законы войны позволяют ответные репрессии. Вы повторяли мне это сотни раз, и сотни раз я не уставал отвечать вам, что если можно извинить солдат, напавших на деревню, где их товарищи пали жертвой измены, то нельзя простить их командира, который делает заложниками всех жителей деревни, невзирая на возраст и пол, и расстреливает их из пушек... Вы опозорили ваш мундир, сударь, вы опозорили Англию.

— Сударь!

— Вы здесь на службе, помните это, извольте называть меня «комендант» и не забывайте об уважении к вашему начальнику. У меня осталось достаточно сил и власти, чтобы освежить вашу память... Да, сударь, я непременно хотел сказать вам об этом перед смертью: если завтра весь гарнизон Хардвара будет уничтожен с изощренной жестокостью, виноваты будете вы, и только вы... Я вас больше не задерживаю.

— Мои товарищи — офицеры просили меня выяснить ваши намерения, они больше не отвечают за своих людей, которые требуют, чтобы прекратились их страдания. Уже два дня как в цистернах нет воды.

— Скажите им, что я предлагаю собраться всем на совет, пусть они придут сюда через час.

— Должен предупредить вас, что этот чертов француз, который причинил нам столько зла...

— Покоритель джунглей?

— Он самый. Так вот с сегодняшнего утра он в лагере индусов. Какую бы ненависть он ни питал ко всему английскому, это человек одной с нами расы, он европеец, может быть, с его помощью можно было бы добиться спасения для всего гарнизона.

— Если он действительно так жесток, как говорят, мы не можем рассчитывать на его поддержку. Но я настолько привык не доверять легендам, что не знаю, насколько можно верить рассказам на его счет... Хорошо, сударь, я подумаю над вашими словами. Через час жду вас здесь с вашими товарищами.

На совете было решено, что надо капитулировать во что бы то ни стало, пытаясь добиться наиболее почетных условий.

О вылазке никто не заговаривал, состояние людей было таково, что они не могли воспользоваться оружием.

— Итак, — сказал майор, повторив знаменитое изречение, — жребий брошен, надо готовиться к смерти.

Было решено, что те из офицеров, кто захочет отдать последние распоряжения, написать родным, займутся этим нынешней ночью, а завтра на рассвете вывесят белый флаг.

Улицы маленькой крепости представляли собой удручающее зрелище: несчастные шотландцы, лежа на верандах домов, изголодавшиеся, умирающие от жажды, с нетерпением ждали наступления ночи, которая должна была принести прохладу и облегчить их страдания. Одни, доведенные до крайности, проводили языком по плитам мостовой, которые солнце не успело раскалить. Другие, растянувшись на крепостных стенах, с неистовым вождением смотрели на прохладные воды Ганга, протекавшего всего в нескольких метрах от крепости.

Офицеры отдали приказ больше не стрелять по индусам, чтобы не раздражать их. Осаждавшие, видя, что пушки и ружья молчат, мало-помалу осмелели до такой степени, что стали есть и пить под крепостными стенами, забавляясь страданиями несчастных.

Обнаглев от безнаказанности, сипаи развлекались тем, что подвешивали на слишком короткие палки целые гроздья бананов, арбузы, лимоны с прохладной, аппетитной мякотью, кокосовые орехи и делали вид, что пытаются поднять

их на высоту крепостных стен, в то время как несчастные осажденные умоляюще протягивали руки, пытаясь достать желанные плоды. Один из них, наклонившись, не удержался и упал к подножию стен. Сипаи подбежали и подняли его. Он остался жив. Ему помогли спуститься с насыпи, отнесясь к бедняге с искренним состраданием, и принесли поесть. Несчастный набросился на пищу с такой жадностью, что вскоре принужден был остановиться: он задыхался.

— Он хочет пить. Он хочет пить! — закричали собравшиеся вокруг. Беднягу схватили и бросили в воды Ганга, течение в этом месте было очень сильным. Вдогонку ему крикнули: «Пей, пей, но и другим оставь!»

Шотландцы, думая, что с их товарищем не случилось ничего страшного, были готовы с риском для жизни броситься вниз с крепостных стен.

Этот, как и многие другие факты, которыми был отмечен конец осады Хардвар-Сикри, неоспорим и достоверен. В течение всего этого долгого дня сипаи издевались таким образом над осажденными. Подобное бесчеловечное поведение, конечно, неизвинительно, но стоит вспомнить, что три тысячи шестьсот женщин, стариков, детей, уничтоженных по приказу Максвелла (это официальные цифры), были родителями, женами, сыновьями большинства сипаев, осаждавших крепость и потребовавших у Нана-Сахиба возможности отомстить за близких.

Рама-Модели и его брат не участвовали в этих варварских шутках, но они пустили в крепость стрелу, окрашенную кровью, на которой было написано: «Майору Кемпбеллу и капитану Максвеллу от Рама-Модели и Сива-Томби-Модели, сыновей Нарайяна-Модели, зверски убитого мясниками Хардвара».

Вечером индусы разожгли повсюду костры и провели ночь в развлечениях. Известие о решении, принятом на совете, просочилось наружу, и все в лагере, зная, что завтра крепость капитулирует, готовились к мести.

Только Нариндра и Сами, хотя и прибыли вместе с Рамой и его братом, не принимали участия в диких проявлениях радости, а чтобы их не обвинили в безразличии, сославшись на усталость, легли спать вместе с двумя солдатами-маратхами из тех, что оставались в пещерах Эллары. Сердар не счел нужным вести с собой весь отряд, оставленный для защиты юного Эдуарда Кемпбелла и его сестры. Присутствие их в лагере было бы опасно, при малейшей случайности или оплошности их могли узнать, и тогда

Сердар, даже с риском для собственной жизни, не сумел бы спасти их от гнева сипаев.

Операция по спасению майора была настолько сложна сама по себе, что не следовало усложнять ее дополнительными трудностями. Расставшись с бедными детьми, которых он оставил на расстоянии двух недель ходьбы от Хардвара, Сердар поклялся, что приведет их отца живым и невредимым. Нариндра, который должен был играть в предстоящих событиях важную роль, попросил, чтобы его сопровождали два маратха, его родственники.

Чтобы попасть из Гоа в Хардвар-Сикри, Сердару потребовалось около месяца. Дорога была не из приятных, если учесть, что между двумя городами было около восьмисот лье и пришлось преодолеть огромные леса и бесконечные джунгли.

Во время этого долгого путешествия до Сердара доходили неприятные новости, которые по его прибытии в лагерь подтвердились. Ошеломляющий поход Хейблока через Бенгалию, который отвоевал Чинсуру, Бенарес, Ауд, победив армии Нана-Сахиба во всех столкновениях, неизбежное снятие осады Лакхнау — все это довершило крах иллюзий Сердара, начавшийся в Пондишери, и нанесло ему тяжелый удар.

Сомнений больше не оставалось: восстание было подавлено, его окончательный разгром был только вопросом времени, меньше чем через два месяца Дели должен был снова оказаться в руках англичан.

Таким образом, были потеряны десять лет усилий, заговоров, борьбы, сражений, направленных на то, чтобы поднять французский флаг над этой прекрасной страной, где некогда он реял так гордо. И все это произошло по вине Нана-Сахиба и его генералов, которые вместо того, чтобы сразу после начала восстания двинуться на Калькутту, где их появления было бы достаточно, чтобы лишить англичан их последнего оплота, теряли время в праздниках и развлечениях при дворе Дели.

Испытывая ко всему глубокое отвращение, ни на что не надеясь, Сердар спешил спасти майора и вернуться с верными друзьями и славным Ауджали в густые леса Малабарского берега, к той свободной и независимой жизни, которая так его привлекала.

Прибыв в лагерь, Сердар был принят со всей почтительностью, на которую он мог рассчитывать благодаря своим заслугам. Но он был испуган состоянием всеобщего возбуждения. Сипаи вовсе не были удручены новостями о быстром продвижении и успехах генерала Хейблока, не

прибавило им это и благоразумия. Они по-прежнему горели жаждой мести. Мысль о том, что Англия утопит восстание в крови и может заставить их дорого заплатить за варварское обращение, которому они готовились подвергнуть пленников, мысль эта ни на минуту не остановила их. Напрасно Сердар, не решаясь сказать об этом открыто, пытался исподволь внушить им, что было бы разумнее оставить заложников, которые позволили бы вождям восстания после его разгрома спасти свои головы. Ему отвечали, что души умерших бродят каждую ночь с жалобными криками по разрушенной деревне, чтобы успокоить их, нужна кровь.

На следующий день над крепостными стенами Хардвара взвился белый флаг. Вожди индусов потребовали, чтобы в их лагерь для переговоров об условиях капитуляции прибыл английский офицер. Осажденные соглашались на это лишь с тем условием, что им доставят заложника-индуса. Тогда Сердар предложил, что он один отправится в крепость, чтобы узнать условия англичан и передать им требования осаждавших.

Посредничество Сердара было принято, и он отправился в крепость один, без оружия. Его привели к коменданту, которого он попросил о беседе с глазу на глаз.

Необычайное волнение охватило его, когда он вошел в кабинет майора.

— Муж Дианы! — прошептал он. Несколько мгновений Сердар смотрел на майора не в силах выговорить ни слова.

— Благодарю вас, сударь, за то, что вы взяли на себя столь тягостную миссию, но я полагаю, нам было бы легче договориться, если бы сюда послали одного из вождей-туземцев.

— Увы, майор! — ответил Сердар. — Я не могу и не хочу тешить вас хоть какой-то надеждой. Вы скоро узнаете, что я согласился выполнить это поручение из сугубо личных побуждений. Пока что я должен изложить условия туземных вождей. Весь гарнизон, с оружием и вещами, должен сдаться на милость победителя.

— Для нас это неприемлемо, сударь, если нам не гарантируют хотя бы жизнь.

— Вы достаточно хорошо знаете индусов, чтобы понять: им ничего не стоило бы принять любые ваши условия, а затем не выполнить ни одного из них. Но в данном случае они даже не пытаются вас обмануть, они категорически отказываются гарантировать вам жизнь.

— Что ж, тогда мы будем защищаться до конца.

— Вас не станут атаковать, просто через три дня вы все умрете от голода.

— Лучше умереть от голода, чем от пыток, которые предвещают подобные предложения.

— Вам придется согласиться с ними, ибо сипаи начнут штурм тогда, когда вы не сможете удержать в руках ружье.

— И вы, сударь, цивилизованный человек, француз, согласились передать нам подобные условия?

— Я сделал все возможное, чтобы изменить их, но чудовищная резня в Хардваре, когда погибли тысячи женщин и детей, свела все мои усилия на нет.

— Увы, сударь! Никто больше меня не сожалеет о подобном варварстве, и если бы в тот момент я уже командовал Хардваром, можете быть уверены, что подобная низость не была бы совершена.

— Ах! — радостно воскликнул Сердар. — Я знал, что вы не способны на столь подлый поступок.

— Вы не можете ни подозревать меня, ни оправдывать, вы меня не знаете.

— Это моя тайна, сударь, но я был уверен, что вы честный и порядочный человек, поэтому я по-настоящему счастлив, что могу сказать вам: майор Кемпбелл, Покоритель джунглей взял на себя эту миссию только для того, чтобы спасти вас.

— Что вы говорите! Боже, сударь! Благодаря вам мы будем спасены... Ах, поверьте, что наша признательность...

— Я сожалею, что вынужден рассеять ваше заблуждение, но вы меня не поняли, речь идет только о вашей жизни, я могу спасти только вас.

— В таком случае, сударь, я могу дать вам только один ответ, надеюсь, он вас не удивит, поскольку у вас столь лестное мнение обо мне. Как человек честный и порядочный, я отказываюсь от предлагаемого вами спасения. Или я спасусь с моими людьми, или погибну вместе с ними.

— Но то, чего вы требуете, невозможно.

— Это мое последнее слово.

— Однако, — не без колебания заметил Сердар, — у вас, наверное, есть жена, дети.

— Ах! Не говорите мне о них, не пытайтесь ослабить мое мужество... Разве могу я сохранить им обещанного мужа и отца!

«О, — подумал Сердар, — как хорошо моя Диана выбрала себе мужа! Но я спасу его против его воли».

Вслух же он сказал:

— Утро вечера мудренее, майор, и завтра...

— Завтра вы получите от меня такой же ответ, как и сегодня!

— Я вовсе не это имел в виду.

— Тогда объяснитесь, я вас не понимаю.

— Я настолько тронут величием вашей души, что в течение дня и следующей ночи хочу попытаться убедить индусских вождей изменить их решение.

— О, сударь, если вы сделаете это...

— Обещайте только, что ваши люди, несмотря на их страдания, будут благоразумны и терпеливо дождутся завтрашнего утра.

— За это я отвечаю.

— До завтра, сударь, я вернусь в то же самое время.

— Да поможет вам небо!

— Надеюсь, что я добьюсь успеха сегодня же ночью.

Сердар поспешил покинуть Хардвар, так как, учитывая отказ майора, он был вынужден полностью изменить свой план. Он передал индусам ответ майора, несколько изменив его следующим образом: «Гарнизон просит время на размышление до завтрашнего утра».

Сердар вернулся в палатку, где уединился с Нариндрой, Сами и двумя маратхами. Проговорили они долго, но поскольку беседа велась на языке Декана, который не понимают бенгальские сипай, они были совершенно уверены, что никто не сможет их подслушать.

День прошел так же, как накануне, в вызывающих выходках со стороны индусов и в жалобах более или менее смирившихся со своей участью англичан. К счастью, пролившийся в течение дня обильный дождь заполнил цистерны, и осажденные смогли утолить жажду. Страдания, став менее острыми, переносились с большей стойкостью.

Наступила ночь, последняя ночь гарнизона Хардвар-Сикри. Большие черные тучи обложили небо до самого горизонта, нигде не было ни единого просвета, природа словно бодрствовала у гроба с покойником. Индусы устали от шуток и забав, лагерь их погрузился в темноту. Стаи бродячих шакалов рыскали под стенами города, словно ждали предстоящую добычу, их зловещее тьяканье порой смешивалось с жалобами и стонами несчастных, умиравших от голода.

Один в кабинете, майор заканчивал приводить в порядок дела, запечатывал конверты с завещанием и семейными бумагами. Затем он взял висевший у него на шее медальон с изящной миниатюрой, покрыл его поцелуями и прошептал:

— Ты ведь одобряешь мои поступки, дорогая и благородная супруга? Разве не пришлось бы тебе краснеть, если

бы ты узнала, что я способен бросить своих солдат ради спасения собственной жизни? По крайней мере я оставляю детям в наследство честное, незапятнанное имя.

В тот момент, когда майор закрывал медальон, ему послышался легкий шум, и он обернулся. Несмотря на все свое хладнокровие, он не смог сдержать удивленный крик: в комнату вошли четверо совершенно обнаженных индусов и бросились на него с быстротой молнии.

Они мгновенно уложили его на землю, заткнули ему рот и связали, чтобы он не мог ни позвать на помощь, ни оказать сопротивление, и двое из них, наиболее сильные, взвалили майора на плечи и быстро скрылись.

Глаза ему не завязали, и, несмотря на темноту, он увидел, что они прошли через город и миновали крепостные стены. Вскоре они оказались в открытом поле. Четверо индусов, словно тени, бесшумно проскользнули в лагерь осаждавших. Он различил черную движущуюся массу и услышал голос, заставивший его вздрогнуть, ибо он узнал Покорителя джунглей, который сказал его похитителям:

— Положите его осторожно в хаудах Ауджали.

— Все сделано, господин, — услышал он в ответ.

— Хорошо! В путь к Эллоре, и быстро!

Произнесший эти слова устроился в хауде рядом с майором, который понял, что находится на спине слона...

Месяц спустя майор вместе с двумя своими детьми отплывал на пакетботе из Бомбея в Европу, рядом с ним был Сердар, который прощался с Кемпбеллами с искренней нежностью.

Вдруг раздался звон бортового колокола. Это был сигнал для провожающих, что они должны сесть в шлюпки, пароход готовился к отплытию.

— Мой дорогой спаситель, — сказал майор, — неужели перед расставанием мы так и не узнаем вашего имени? Что я скажу моей дорогой жене, когда она спросит меня, на кого ей призывать благословение Божье за то, что ей спасли супруга, а ее детям отца?

Сердар, уже подошедший к наружному трапу, обернулся. Во взгляде его отразились все его воспоминания, вся его нежность.

— Скажите моей дорогой Диане, что вас спас Фредерик де Монмор де Монморен.

— Боже правый! Ее брат! — воскликнул майор.

Он хотел броситься к Сердару, но пароход отплывал, и шлюпка Сердара уже качалась на волнах метрах в двадцати от него.

**Часть вторая
(продолжение)**

**ЗАКЛИНАТЕЛИ ПАНТЕР
ПЕЩЕРЫ НУХУРМУРА**

Глава I

Малабарские Гаты. — Обитатели девственных лесов: туги, хищники и тотта-ведды. — Английские шпионы. — Исчезновение Нана-Сахиба. — Покоритель джунглей и Барбассон. — Нухурмурское озеро. — Сюрприз.

Вся западная часть Индостана, известная под названием Малабарского берега, окаймлена длинной цепью гор различной высоты, простирающихся на семьсот—восемьсот лье, от мыса Кумари до диких и глухих провинций Бунделькханда и Мевара, где они разветвляются на несколько отрогов. Главные из них тянутся на север, сливаясь с первыми уступами Гималаев, пройдя сначала по границе с Афганистаном. Другие, раздвинувшись словно пальмовые листья или пластинки веера, сбегают, постепенно снижаясь, к равнинам Бенгалии и припадают к берегам Ганга, подобно набожному индусу, отправляющемуся испустить последний вздох на берегах священной реки.

Горы эти в зависимости от их местоположения называются Тривандрамскими, Гатскими, Нилгирийскими. Они покрыты непроходимыми девственными лесами, то спускающимися в глубокие долины, куда с трудом проникает солнечный свет, пробиваясь сквозь пять или шесть слоев растительности, то взбирающимися по крутым склонам,

вздымающим в небесную лазурь свои зеленые кроны. Леса покрывают обширные плато с пенистыми каскадами и таинственными глубокими озерами, изрезанные скалами и глубокими ущельями, на дне которых реют могучие потоки.

Несколько редких троп, известных только местным проводникам, ведут к Тривандраму, Гоа и другим прибрежным городам, но они так опасны и пустынно, что большинство путешественников предпочитает добираться до места назначения на маленьких пароходиках, совершающих еженедельные рейсы между Коромандельским и Малабарским берегами.

Густые и темные леса, покрывающие долины и склоны этих гор, до такой степени кишат дикими слонами и всевозможными хищниками, что сами проводники отказываются отправляться туда, если только вы заранее не взяли напрокат слона, специально выдрессированного для этого опасного путешествия и способного защитить вас.

В тех местах, где тропинки, змеящиеся по равнине и соединяющие между собой индусские деревни, подходят к горам, стоят дощечки, где на пяти-шести языках — тамильском, каннарском, телугу, хинди, английском — сделана следующая мрачная надпись: «Дальше не ходить, опасно, хищники». К этому можно было вполне добавить «Опасно, туги», ибо страшная каста душителей, преследуемая и травимая европейской полицией, укрылась в некоторых недоступных уголках этого дикого края, где никто не осмеливается тревожить их во время отправления загадочных обрядов, посвященных Кали, богине крови.

Тем не менее, несмотря на подстерегающие их многочисленные опасности, несчастные изгнанники, известные в Индии под именем «тота-ведды», в течение веков скрываются именно здесь. Дахир-раджа, властитель Декана, из-за какой-то провинности, о которой никто уже не помнит, некогда объявил их нечистыми, недостойными жизни и запретил им употребление воды, риса и огня.

Во времена правления браминов, когда подобное отлучение касалось целой касты, убийство любого ее члена становилось поступком, достойным похвалы. У несчастных, ставших жертвой нелепых законов и религиозных предрассудков, был единственный способ избежать массовой резни — укрыться в чаще девственных лесов Малабарского берега.

Потомки бедных тота-ведд, обреченных на эту печальную судьбу еще семь-восемь веков назад, постепенно настолько одичали, что ныне едва ли могут считаться представителями рода человеческого. Спасаясь одновременно от преследований людей и хищников, они вынуждены

были строить себе убежища на вершинах самых высоких деревьев и теперь почти утратили привычку ходить по земле. В то же время у них развилась способность карабкаться по деревьям и прыгать с ветки на ветку. Благодаря питанию, состоящему, как и у обезьян, исключительно из фруктов и некоторых нежных листьев, рост их уменьшился, а конечности так исхудали, что по форме тела они гораздо больше напоминают шимпанзе, нежели человека.

Укрытия, которые они обычно устраивают на вершинах гигантских баньянов, достаточно просторны, чтобы вместить пять-шесть человек. Они состоят из пола, сделанного из искусно соединенных бамбуковых стволов, опирающихся на вилообразные ветки, стены из тростниковых циновок поднимаются на высоту до двух метров. Все сооружение венчает крыша из листьев кокосовой пальмы.

Эти бедняги совершенно утратили способность к членораздельной речи, между собой они общаются с помощью односложных междометий, ограничиваясь самыми элементарными жизненными потребностями. Они опасаются соседства других индусов больше, чем тигров, так как предрассудки, обрекающие их на позор и смерть, живучи в народе, и несчастных отверженных убивают как змей или гнусных шакалов. Поэтому тотта-ведды никогда не покидают леса и передвигаются, прыгая с дерева на дерево, спускаясь на землю лишь в случае крайней надобности. Подобный способ перемещения для них — забава, и они так в нем наловчились, помогая себе руками и ногами, что могут обгонять обезьян в этих воздушных скачках.

Расселились эти несчастные, являющие собой образец вырождения человека, между Гоа, столицей португальских владений в Индии, и Бомбеем, в той местности, где горы, о которых мы говорили, достигают наибольшего размаха и высоты. Они носят название Нухурмурских и тянутся на 50—60 лье в глубину, протяженность же их с севера на юг раз в пять-шесть больше. Здесь царство тигров, леопардов, пантер, слонов, которые живут стаями и стадами в тысячи голов, не считая крокодилов, населяющих озера высокогорных плато, сервалов, к которым не следует относиться с пренебрежением, учитывая их размеры и жестокость, а также буйволов с глупым хмурым взглядом, черной блестящей мордой, оглашающих долины громким мычанием.

Здесь образовался своего рода заповедник для разных видов животных, способных вновь расселиться по земному шару, если цивилизация уничтожит их в других местах.

Мы не случайно дали краткое описание этого дикого

края и его странных обитателей, которым соседство тигров кажется менее опасным, чем встречи с себе подобными, ибо именно здесь развернутся главные события, о которых мы ведем сегодня наш рассказ.

Скажем несколько слов об общем положении в Индии к моменту нашего повествования, чтобы дополнить картину происходящего.

Сипайская революция потерпела поражение, Дели был взят англичанами, великое патриотическое восстание было утоплено в крови генералом Хейвлоком и его подручными. Расправа сипаев над гарнизонами Бенареса и Хардвар-Сикри, явившаяся, кстати, лишь ответом со стороны индусов, была сотни раз отомщена — массовые казни длились уже год, и англичане продолжали истреблять огнем и мечом всех, кто попадался им на пути.

Общий приказ был таков — запугать индусов до такой степени, чтобы навсегда отбить у них охоту бороться за независимость. Старый император Дели умер от чудовищных пыток, но несмотря на активные поиски и обещанное вознаграждение в сорок тысяч фунтов стерлингов, то есть миллион франков, тому, кто выдаст Нана-Сахиба и главных членов его европейского штаба, пока что им удавалось скрываться от англичан.

Головы принца и трех европейцев, находившихся рядом с ним во время защиты Дели и помогавших ему бежать, были скромно оценены сэром Джоном Лоуренсом, генерал-губернатором Индии, в один миллион, как мы сказали выше. Поэтому все искатели приключений, находившиеся в тот момент в Индии и прельщенные столь щедрым вознаграждением, бросились в погоню за беглецами, которые сумели ускользнуть среди дымящихся развалин Дели. Но добровольные полицейские вкупе с самыми искусными местными сыщиками напрасно пытались напасть на след Наны и его товарищей, все их усилия были тщетны.

Мало-помалу и те и другие, устав от бесполезных поисков, в конце концов отказались от намерений поймать принца, тем более что распространился слух, будто Нане и его маленькому отряду удалось скрыться в Тибете.

Несмотря на это, из Лондона с каждой почтой прибывали приказы во что бы то ни стало захватить руководителя восстания. Полное и окончательное усмирение Индии могло быть достигнуто только после его поимки, ибо следовало отнять у принца силой или заставить его отдать добровольно древний скипетр Великих Моголов, который, по народному поверью, один только даровал своему обладателю высшую власть.

Два человека, которым было поручено непременно поймать беглецов, упорствовали в намерении отыскать их с тем большим неистовством, чем больше трудностей встречали на своем пути. Один из них был Кишнаья, предводитель банды душителей, обосновавшихся на Малабарском берегу. Второй — капитан Максвелл. Как мы помним, он приобрел печальную известность своей жестокостью во время подавления восстания. Во главе батальона шотландских солдат и артиллерийской батареи негодяй захватывал мирные деревни, предавал их огню и расстреливал всех, кто пытался оттуда выйти, без различия пола и возраста. Неоднократно он едва не попадал в руки индусов, в частности во время осады крепости Хардвар-Сикри, но всякий раз благодаря провидению и случаю избегал вполне заслуженной им участи. И всякий раз с удвоенной жестокостью мстил за пережитый им страх.

В случае успеха помимо вознаграждения, обещанного вице-королем Калькутты, капитана Максвелла ждал чин полковника сингальских сипаев, но не за поимку Наны, а за пленение Покорителя джунглей, ибо, обещая столь быстрое продвижение офицеру, который не состоял на строевой службе в индийской армии, губернатор Цейлона, сэр Уильям Браун, сказал ему:

— Помните, вы должны доставить мне Сердара живым, это неперемное условие выполнения моего обещания. Поимка Нана-Сахиба меня не касается.

Управляя Цейлоном, считавшимся владением короны и подчинявшимся только королеве, сэр Уильям Браун был совершенно независим от вице-короля Индии. Он пользовался почти безграничной и бесконтрольной властью, назначая по своему усмотрению как на все посты в туземной армии, так и гражданских чиновников колонии.

Мы знаем, что и Кишнаье была обещана высокая награда, обычно предназначавшаяся только принцам королевской крови, а именно — разрешение носить трость с золотым набалдашником ему и его потомкам, передающееся от отца к сыну. Это единственная местная награда, существующая в Индии, и она особенно ценится потому, что ее учреждение относится к сказочным временам правления первой национальной династии — Сурья-Ванса.

Таким образом, капитан Максвелл и Кишнаья не только служили интересам высокой политики, но и, сами того не ведая, являлись инструментом личной ненависти людей, которые не останавливались ни перед чем, лишь бы поймать Сердара.

К великому счастью, Нана-Сахиб и Покоритель джунглей благодаря неожиданному стечению обстоятельств смогли сбить со следа ярых и могущественных врагов. Последние, однако, удвоили рвение, ибо вскоре должно было состояться празднество в честь королевы Виктории, и вице-король решил придать этому событию невиданный дотоле блеск. Он подумал, что если бы к тому времени Нана-Сахиба поймали, его можно было бы приковать цепями к подножию статуи королевы, а рядом, на возвышении, увенчать лавровым венком генерала Хейвлока, утопившего восстание в крови.

Поэтому сэр Джон Лоуренс посылал Максвеллу и Кишнаю письмо за письмом, приказывая им сделать все возможное, чтобы удался его прекрасный замысел, который мог зародиться только в голове англичанина.

Таково было положение победителей и побежденных после взятия Дели. Краткая его характеристика является необходимым прологом для рассказа о последующих любопытных событиях.

Было 25 октября 1859 года. Солнце начинало садиться, бросая пурпурно-золотистые отблески на верхушки вековых деревьев, покрывавших вершины горных цепей Нухурмура на Малабарском берегу. В это время с другой стороны, словно разматывающаяся вуаль, вслед за отступающим светом набегали вечерние тени, постепенно обволакивая темнотой и молчанием обширные равнины Декана и окружавшие их величественные горные массивы.

По большому озеру, находившемуся почти на самой вершине одной из гор и окруженному непроходимыми лесами, скользила небольшая шлюпка несколько странной конструкции, борта ее возвышались над водой всего на несколько сантиметров. Она летела рядом с правым берегом, на палубе никого не было, и если бы не легкий шум, указывающий на наличие винта, было бы невозможно догадаться, как движется таинственная лодка. Впрочем, и этого было недостаточно, чтобы ответить на возникающие вопросы, ввиду полного отсутствия трубы. Но тут на палубе появились двое мужчин, и разговор между ними послужит для нас отгадкой происходящего.

Один из них, волосатый, словно обезьяна, — из всклокоченной черной бороды торчали только глаза и нос, — по типу и несколько вульгарным манерам напомилавший наших моряков-провансальцев, крикнул, вылезая из люка, своему спутнику, уже находившемуся на палубе:

— Клянусь бородой Барбасонов, я начинаю верить,

Сердар, что вам пришла отличная мысль — переправить «Эдуарда-Мэри» в это чертово место.

— Вот видите, Барбассон, — улыбаясь, ответил тот, кого называли Сердаром, — никогда не следует торопиться с выводами.

— Ей-богу, с этой штуковиной мы делаем двадцать два узла! Как вы ее называете? Никак не могу запомнить это проклятое название.

— Самоходная лодка с электромотором, мой дорогой Барбассон.

— Ладно, хватит! Конечно, в открытом море при сильном ветре ей делать нечего, но в этой луже она может сослужить нам хорошую службу.

Вы, думается, уже узнали знаменитого адмирала флота имама Маската, славного Шейх-Тоффеля, если вспомнить его мусульманское имя.

— И оказаться весьма и весьма полезной, — продолжал Сердар, — ибо, учитывая ее скорость и количество боеприпасов, находящихся в трюмах, мы в состоянии в течение долгих месяцев противостоять всем силам, которые вице-король может послать против нас, если его шпионы обнаружат наше пристанище.

— Не считая того, Сердар, что я обязуюсь гонять их по озеру до второго пришествия, прежде чем они найдут вход в пещеры Нухурмура.

— Даже если им это удастся, раз мы решили не попадать живыми в руки англичан, я вам обещаю, что никому из врагов не доведется принести вице-королю весть о нашем последнем подвиге.

— К примеру, мы даем им возможность занять пещеры и устраиваем взрыв. Всего доброго, господа! Все мы взлетаем на воздух на три тысячи футов над уровнем моря. Подобная возможность умереть и в голову бы не пришла папаше Барбассону. Меж тем это был человек дальновидный. Я помню, с детских лет он всегда предсказывал, что меня либо повесят, либо расстреляют. Ах, бедный отец, как ему было бы приятно узнать, что его предсказание вот-вот сбудется. Ведь попади я англичанам в руки...

— Нас может выдать только неосторожность или предательство. Поскольку среди нас нет предателей...

Произнеся последние слова, Сердар внезапно замолчал, но телу его пробежала незаметная дрожь. Взгляд его словно хотел проникнуть в самую чащу леса, который в этом месте так близко подходил к озеру, что ветви баньянов и тамариндов стелились над самой водой.

— Что такое? — спросил Барбассон, удивленный поведением своего спутника.

— Спускайтесь в кабину и застопорите мотор! — ответил Сердар вполголоса.

Моряк оставил штурвал, у которого он встал, поднявшись на палубу, и поспешил вниз выполнить приказ Сердара. Тот, воспользовавшись набранной скоростью, держался параллельно берегу, слегка забирая при этом в сторону и собираясь пристать. В тот момент, когда шлюпка должна была остановиться, он легким движением направил ее к берегу.

Лодка продолжала еще вздрагивать, когда Сердар с карабином в руке спрыгнул на берег, сказав Барбассону:

— Подождите меня и будьте готовы отправиться по первому моему сигналу.

Сильно пригнувшись, чтобы не зацепиться за низкие ветки, он скользнул в лес.

Глава II

Раненый. — Тота-ведда. — Первая помощь. — Охота на пантеру. — Таинственные пещеры. — Брошенный на берегу. — Погоня на озере. — Ури! Ури! — Возвращение в пещеры.

Моряк не успел опомниться от удивления, как вдали послышался выстрел, а вслед за ним раздался крик боли и ужаса.

— Швартуйтесь и быстро ко мне! — донесся в ту же минуту голос Сердара.

Мгновенно выполнив приказ, Барбассон в несколько прыжков оказался рядом с Покорителем джунглей.

Неподалеку во мху, барахтаясь и испуская жалобные стоны, копошилось тщедушное, бесформенное существо с непомерно длинными руками и ногами, почти лишенное плоти и поражавшее своей худобой. Кожа его была черна, словно сажа, а тощие, длинные пальцы ног двигались точно так же, как на руках, и загибались внутрь, как у обезьяны. На первый взгляд его можно было принять за одно из этих животных, правда, у него отсутствовала шерсть на теле и голова была не такая крупная и курчавая. Светлая пенистая кровь вытекала из раны на правом боку, и Сердар поначалу испугался, что пуля задела легкое.

Несчастное существо смотрело на белых людей с таким

невыразимым ужасом, что он, казалось, преобладал даже над испытываемой им болью.

Барбассон поначалу не понял, кто перед ним.

— Смотрите-ка, — сказал он почти равнодушно, — вы убили обезьяну! Бедняга, она долго не протянет.

— Вы ошибаетесь, Барбассон, — с грустью отозвался Сердар, — это один из несчастных тотаведд, скрывающихся здесь от людей, которые относятся к ним хуже, чем дикие звери. И я тем более огорчен случившимся, что эти существа совершенно безобидные. Что вы хотите? В нашем положении надо постоянно быть начеку. Малейшее упущение может погубить нас. Я принял его за шпиона этого проклятого Кишнаи, который, по словам Рама-Модели, уже несколько дней рыщет по равнине.

— Вы ни в чем не виноваты, Сердар.

— Приближаясь к берегу, я заметил какое-то необычное движение в листве деревьев. В интересах нашей безопасности надо было разобраться, в чем дело. Несчастный вместо того, чтобы скрыться в ветках баньяна и спастись бегством, как делают обычно тотаведды, решил спрятаться, не привлекая моего внимания, как поступил бы настоящий шпион. Отсюда и произошло все зло.

— Вы говорите, что Кишнаи бродит по окрестностям? — спросил Барбассон, которого эта новость обеспокоила куда больше, чем рана туземца. — Вы ничего не сказали нам об этом.

— Зачем нарушать покой Нана-Сахиба? Несчастный принц считает, что в пещерах он в полной безопасности. Мы всегда успеем предупредить его, когда опасность станет серьезнее. Вчера вечером Рама-Модели вернулся в Нухурмур.

— Знаю, была его очередь наблюдать за равниной. Он утверждает, что не обнаружил ничего тревожного.

— Это был мой приказ. Вы же знаете, что Нана, такой храбрец на поле боя, дрожит как осиновый лист при мысли, что может попасть в руки англичан. Поэтому я предупредил Нариндру и Раму, чтобы все важные новости они сообщали прежде всего мне. Не потому, что у меня могут быть секреты от вас и Барнетта, а просто из желания избавить принца от ненужных и преждевременных тревог. Он сотни раз предпочел бы смерть тому позорному наказанию, которое ему грозит и напроць лишит его уважения в глазах туземного населения. Англичане это прекрасно знают.

— По мне так все равно. Черт возьми, убиваться из-за такой чепухи!

— Мой милый Барбассон, вы не принц и не индус, поэтому вам не понять, как сильны предрассудки в этом наивном и суеверном народе. Так вот, я говорил, что Рама предупредил меня о присутствии Кишнаи в Декане. В этом нет ничего удивительного, ибо люди его касты расселились в отрогах этих гор, между Бомбеем и Эллой. Почему бы ему не отправиться к ним? Приближается великая пуджа — праздник богини Кали, — и ему захочется присутствовать на кровавых и таинственных церемониях, происходящих в это время. Впрочем, не волнуйтесь. Если он обыщет все горы на протяжении семисот—восемисот лье, от мыса Кумари до Гималаев, то и тогда ему до нас не добраться. Повторяю, нам следует опасаться только собственной неосмотрительности. Нариндра и Рама умрут за меня по одному моему знаку, а что до юного Сами, то самые ужасные мучения не заставят его проронить ни слова.

— А раз сами мы не сдадимся, я начинаю думать, что веревка, которую папаша Барбассон пообещал своему наследнику, еще не изготовлена...

— Мы все болтаем, — сказал Сердар с чувством глубокой жалости, — вместо того, чтобы помочь этому несчастному. Быть может, рана его несмертельна. Помогите мне, Барбассон, перенесем его в шлюпку, ибо день клонится к вечеру, и здесь уже ничего не видно.

Оба нагнулись и подняли тотта-ведду, который принялся хныкать и стонать пуще прежнего и отчаянно сопротивляться. Напрасно Покоритель джунглей пытался успокоить его ласковыми словами на различных местных наречиях, несчастный не понимал ни слова. В конце концов он сообразил, что сопротивление бесполезно, и подчинился, хотя порой у него вырывались глухие жалобные стоны, ибо движения носильщиков причиняли ему боль и увеличивали страдания.

Поднявшись на шлюпку, Сердар и его спутник с максимальной осторожностью положили свою ношу на палубу и поспешили отплыть на середину озера, подальше от тени деревьев, чтобы воспользоваться последними лучами солнца. Шлюпка снова встала, и Покоритель джунглей осмотрел рану тотта-ведды. Он слегка промыл ее свежей водой, чтобы определить, насколько она серьезна, и с радостью увидел, что пуля, скользя по ребру, только нанесла царапину. Рана была неглубокой, ибо у бедняги были лишь кожа да кости. В общем, за жизнь несчастного можно было не опасаться, через несколько дней он должен был встать на ноги.

Барбассон принес ящик с лекарствами, Сердар снова

промыл рану бальзамом, разведенным водой, сделал компресс из той же смеси и аккуратно закрепил его полотняным бинтом.

Туземец, обладающий слабыми умственными способностями, до сих пор не понимал, какое обращение ему уготовано. Самые невероятные мысли теснились, должно быть, в его мозгу, который вековые страдания низвели до животного уровня. Но когда он почувствовал, что благодаря оказанной ему помощи боль утихает, туземец стал держаться увереннее и уже не смотрел на белых с прежним ужасом.

Покоритель джунглей, закончив перевязку, положил пациента на матрас из морских водорослей и, приготовив легкое подкрепляющее из рома, сахара и воды, протянул его раненому. Пораженный тотта-ведда смотрел на него с недоверием, не понимая, чего от него хотят, и начал дрожать снова. Чтобы успокоить его и прежде всего показать, как пользоваться напитком, Покоритель джунглей поднес к губам серебряный стаканчик, отпил глоток и снова протянул его бедняге.

На сей раз несчастный дикарь не заставил себя просить. С легким беспокойством попробовав напиток, он тут же поднес стакан ко рту и осушил его с невероятной жадностью. Затем, схватив руку Сердара, он несколько раз приложил ее ко лбу, несомненно в знак благодарности, и громко разрыдался, словно ребенок.

— Мне больно смотреть на это бесхитростное проявление горя, — сказал Сердар своему спутнику. — Я не могу не думать о том, что перед нами человеческое существо, опустившееся до животного состояния по вине ему подобных. Что же нам теперь делать?

— Не можем же мы взять его с собой в Нухурмур? — спросил Барбассон.

— Никто, — ответил Сердар, — не должен знать, где находится наше убежище. Это недоступное место, которому, быть может, нет равных на свете, было обнаружено совершенно случайно нашим другом, заклинателем пантер Рама-Модели. Впрочем, вы, наверное, уже все знаете от него самого.

— Вы забываете, Сердар, что в течение всей войны за независимость я командовал вашей шхуной «Диана», которая в данный момент поджидает меня в порту Гоа. Бедная «Диана», увижу ли я ее снова? Сражаясь рядом с вами во время осады Дели и командуя артиллерией, я виделся с Рамой только мельком. После нашего прибытия сюда вся моя жизнь проходит на борту «Эдуарда-Мэри», и у меня не было случая поболтать по душам с заклинателем.

— Он мог бы рассказать вам об этом в нескольких словах, ибо история одновременно коротка и трогательна. Однажды Рама вместе с отцом охотился в этих горах на пантер. Вдруг он поскользнулся и полетел в пропасть с почти вертикальными стенами, к счастью, поросшими достаточно густым кустарником, чтобы выдержать тяжесть его тела. Он инстинктивно схватился за один из кустов, пролетев при этом метров двадцать.

Прежде всего он криком успокоил отца, а затем тщетно попытался подняться, подтягиваясь на руках и цепляясь за нависшие над ним ветки. Но он мог ухватиться только за их концы, а они никак не могли служить ему надежной опорой. Напротив, при спуске ему было бы легко, повиснув на одном кусте и взявшись за его прочный ствол у самого основания, перебраться на другой. Ему оставался только этот путь к спасению и, предупредив отца, который, замирая, склонился над пропастью, Рама начал опасный спуск. Он не только отличался силой, к счастью, на пути ему попались близко росшие друг к другу пальмы и бамбук. Хватаясь за них, он спустился наконец на землю, неоднократно рискуя сломать себе шею.

Спустившись, Рама решил было, что спасен, но не тут-то было: он оказался на дне огромной конусообразной воронки, причем ее широкая часть образовывала дно ущелья, где он находился.

Напрасно он обошел кругом ее основание, со всех сторон возвышались стены высотой двести—триста метров, образуя с землей острый угол. Чтобы выбраться из этой тюрьмы, ему нужно было совершить восхождение, подобное только что проделанному спуску. Это место как раз находится у входа в пещеры, его мы и назвали Нухурмурским колодцем.

— Я уже догадался об этом.

— Вы понимаете, о чем идет речь, ибо каждый день проделываете этот путь. По дну огромной пропасти протекал неглубокий ручеек, который терялся под одной из скал, казалось, направляясь в самые недра земли. У Рама хватило мужества лечь на дно ручья и ползти по излучинам его русла под скалой. Метров через пятьдесят он заметил, что туннель постепенно становится выше, и в конце концов очутился в соединявшихся друг с другом обширных пещерах, где, несмотря на свою храбрость, он едва не остался навсегда.

Только на второй день подземного плена, умирая от голода и усталости, он заметил вдали луч света. Он пошел на него и очутился в конце узкого прохода, выходящего к озеру.

— Именно эти два туннеля — один, ведущий из Нухурмурского колодца, другой — выходящий к озеру, — вы расширили настолько, чтобы там можно было свободно передвигаться, и именно они служат убежищем Нана-Сахибу.

— Совершенно верно, мой дорогой Барбассон. Как вы могли заметить, с помощью плоской скалы, поворачивающейся на стержне, мы герметически закрыли единственный выход со стороны озера, который можно было бы случайно обнаружить, несмотря на окружающую его со всех сторон густую растительность. Поэтому мы не имеем права открыть тайну нашего убежища этому туземцу. Он может запомнить к нему дорогу и в силу неразвитости своего ума прельститься подарками и обещаниями хитреца Кишнаи, если тот вдруг сумеет выследить нас. А это вполне возможно, ведь мы можем чувствовать себя в полной безопасности, лишь никогда не выходя из пещер и Нухурмурского колодца.

— В пещерах достаточно места, чтобы прожить там до конца наших дней. Разве вы не создали там великолепный сад!

— Верно, в нашем распоряжении почти двадцать тысяч квадратных метров площади. К тому же еще до подавления восстания, когда я узнал, что Хейвлок идет на Дели, и понял, что полный разгром — вопрос какого-то месяца, я сразу подумал о том, что это место может послужить укрытием для Нана-Сахиба и оставшихся верных ему друзей. Уже тогда я поручил храброму охотнику на пантер перевезти туда с помощью Ауджали всякого рода припасы. Мой приказ был выполнен так хорошо, что мы можем жить там в роскоши, ни в чем не нуждаясь, в течение нескольких лет.

Как бы то ни было, рано или поздно нас могут застигнуть либо во время охоты в горах, либо во время рыбной ловли на озере — вы же знаете, что удержать Барнетта от двух этих пагубных страстей невозможно, — поэтому мы не должны ни под каким видом доверять ни одной живой душе тайну нашего убежища.

— Я согласен с вами, Сердар. Но я возвращаюсь к вопросу, который вы сами задали в начале нашей беседы. Что нам делать с этим беднягой?

— У нас есть только один выход, ибо теперь я уверен, что его рана неопасна. Она заживет дня через три-четыре. Нам надо высадить его в том самом месте, где я его ранил. Он сумеет разыскать свое жилище.

Приняв такое решение, Покоритель джунглей пощупал пульс раненого. Он был спокоен, без каких-либо признаков лихорадки. Сердару пришла в голову мысль накормить

несчастливого, чтобы побыстрее восстановить его силы. На борту были кое-какие запасы еды, и Покорителю джунглей пришлось прибегнуть к той же уловке, что и с питьем, — он сам попробовал пищу, прежде чем предложить ее тотаведде. Туземец тут же набросился на все, что ему дали, и стал поглощать пищу с такой жадностью, издавая при этом звуки, выражавшие столь явное удовольствие, что Барбассон не удержался и сказал:

— Черт побери, мы сделали доброе дело! По-моему, бедняга просто умирал с голоду!

Шлюпка пристала к берегу, и наши друзья знаком приказали тотаведде спуститься на землю. Но несчастный, казалось, не понимал их. Тогда без лишних церемоний они взяли его и положили на траву, не теряя времени на лишние объяснения. Решив, что теперь они от него избавились, Сердар и Барбассон быстро отчалили от берега. Они не проплыли и десяти метров, как услышали шум тела, плюхнувшегося в воду, и инстинктивно обернулись. Каково же было их изумление, когда над водой они увидели голову тотаведды, который плыл на большой скорости, стараясь догнать их.

Ночь внезапно сменила день, этот переход в тропиках совершается особенно быстро, так как здесь сумерки длятся всего несколько минут. Поэтому, несмотря на то, что разделявшее их расстояние было невелико, обоим французам туземец казался маленькой черной точкой.

— Надо прибавить скорость! — приказал Сердар. — Он потеряет нас из виду и вынужден будет вернуться на землю.

Барбассон подключил к аккумулятору дополнительную батарею, и шлюпка полетела по спокойной глади озера. Но в ту же минуту жалобные крики донеслись до Сердара.

— У него может открыться рана, в воде кровотечение бывает еще сильнее, бедняга потеряет силы и утонет, — сказал Сердар, словно размышляя вслух.

Потом, движимый чувством острой жалости, произнес:

— Я не могу допустить, чтобы этот человек так вот умер.

Крики возобновились с удвоенной силой, жалобный, ясный голос напоминал плач ребенка.

Сердар все еще колебался. Ставки в игре были столь велики, что он не имел права рисковать ради спасения жизни несчастного дикаря. Вдруг у него мелькнула мысль, положившая конец его колебаниям.

— Ладно, — сказал он себе, — всегда можно попробовать. Прежде спасем его, а там будет видно.

И он склонился над люком.

— Задний ход, Барбассон! — крикнул он своему спутнику. — Я не хочу, чтобы у меня на совести была смерть этого бедного дурака.

Провансалец, служивший на флоте, приучился там к строгой дисциплине, благодаря которой наши моряки — среди первых в мире. Он подчинялся беспрекословно и обсуждал приказы только потом, если у него возникали какие-то возражения.

Шлюпка легко вздрогнула, в ней словно совершалась борьба между запасом набранной скорости и толчком в противоположном направлении, а затем на всем ходу понеслась к берегу. Ориентируясь на крики, Сердар понял, что они находятся рядом с туземцем.

— Тормозите, Барбассон, тормозите! — сказал он другу.

И лодка, сбросив скорость, медленно заскользила по волнам.

Крики смолкли. Ночь была так глубока, что вокруг ничего не было видно.

— Силы его иссякли, — с неподдельным огорчением сказал Сердар. — Бедняга! Мы сделали что могли.

Едва он произнес эти слова, как они ощутили легкий толчок, и черная масса, внезапно вынырнув из воды, упала на палубу. Это был тот-ведда, он просто замолчал, видя, что к нему спешат на помощь.

Несмотря на свою рану, он мог бы провести в воде всю ночь. То, что люди его племени потеряли в своем умственном развитии, они восполнили за счет физических качеств. Привыкнув жить в чаще леса и двигаться в полной темноте, они видят ночью почти так же хорошо, как и днем, и совершенно не знают усталости. Они в состоянии обогнать самых быстрых животных, известно, что они переплывают морские проливы в пятнадцать—двадцать лье и могут плыть в течение двух дней, чтобы добраться до островов, где находят убежище.

Как только тот-ведда очутился на шлюпке, он бросился ниц перед Сердаром и, осторожно поднимая то одну, то другую его ногу, ставил их себе на грудь в знак уважения и покорности, потом, ударив себя в грудь, несколько раз произнес гортанно одно слово: ури! ури!

В это время луна, выйдя из-за деревьев, венчавших вершины гор, внезапно пролила на гладь озера потоки серебристого света. В Индии эта ночная звезда светит так ярко, что туземцы на своем образном языке называют период, когда спутник нашей Земли сияет во всю силу, днями луны.

— Ури! Ури! — продолжал тот-ведда, вновь распластавшись перед Сердаром.

— Что это за чертовщина? — спросил Барбассон, который, остановив шлюпку, вышел на палубу.

— На тамильском языке, на котором говорят в этой местности, «ури» значит «собака», — ответил Сердар. — Нет ничего удивительного в том, что он запомнил это слово и пытается дать нам понять, что будет предан нам, как собака. А может быть, это просто его имя, и он хочет, чтобы мы знали, как его зовут. Ведь он провел в этих горах свое детство и прекрасно говорит на местном наречии. Нам, однако, пора возвращаться, в Нухурмуре, должно быть, беспокоятся, ведь нам еще никогда не случалось...

Его прервал печальный и пронзительный звук тростникового рога, нарушивший ночную тишину. Легкий ветерок, поднимающийся в долинах каждый вечер после захода солнца, промчался над водой и донес жалобные ноты до наших друзей.

— Рама зовет нас, — сказал Сердар. — В путь, Барбассон, и быстрее! Нам довольно двадцати минут, чтобы преодолеть шесть миль, отделяющих нас от друзей.

— А тот-ведда? — спросил провансалец.

— Я займусь им.

— All right! — как говорит Барнетт, — ответил моряк.

И шлюпка снова помчалась по волнам. Туземец уснул, съжившись в уголке. Через полчаса стал виден противоположный берег озера. Сердар не смог ответить на сигнал, посланный из Нухурмура, так как ветер был встречный, теперь же, взяв в маленькой каюте, находившейся на корме, буйволиный рог, он извлек три звучные низкие ноты, которые эхо в долине повторило на разные лады.

— Теперь, когда мы предупредили наших друзей, — сказал он Барбассону, — остановите на минуту шлюпку и помогите мне. Нужно принять кое-какие меры предосторожности, чтобы туземец никогда не смог открыть тайну нашего убежища.

— Я не любопытен, — сказал моряк, поднимаясь на палубу, — это семейная черта, но клянусь бородой покойных, здравствующих и будущих Барбассонов, если, конечно, эта славная ветвь не угаснет вместе со мной, мне хочется посмотреть, как вы поступите, чтобы скрыть вход в подземелье от этого комка сажи.

Несмотря на всю свою озабоченность, Сердар не удержался от смеха, услышав шутку, которой неистребимый марсельский акцент Барбассона придал особую сочность.

— Очень просто, — ответил он. — Я применю тот же метод, что и с едой. Он с детской покорностью повторяет все то, что делаем мы. Поэтому, Барбассон, одолжите мне вашу голову.

— Вы обещаете мне вернуть ее?

— В целостности и сохранности.

— Ну так вот она! Это самая большая моя ценность, хотя папаша Барбассон всегда уверял, что господь Бог забыл положить в нее мозги.

— Я сделаю вид, что завязываю вам глаза, и я уверен, что тот без малейшего ропота позволит сделать с собой то же самое.

— Ни за что бы до этого не додумался. А между тем, как и все гениальное, ваша идея проста, Сердар. Впрочем, я всегда говорил, что в одном вашем мизинце больше ума, чем в нас всех, вместе взятых.

Улыбаясь болтливости спутника, Покоритель джунглей приступил к выполнению своего плана, который удался как нельзя лучше. Он разбудил тоту, который с любопытством наблюдал за тем, как Барбассону завязывают глаза, а затем с покорностью ребенка позволил, чтобы с ним проделали то же самое.

Шлюпка пристала к берегу, ее встречали Рама-Модели и юный Сами, которые с тревогой ждали возвращения Сердара и Барбассона.

Рама уже собирался поделиться с другом своим беспокойством, но слова застыли у него на губах, когда он увидел третье, неизвестное ему лицо. Удивление его было так велико, что он не успел понять, к какой касте относится спутник Сердара и Барбассона.

— Это несчастный тоту-ведда, которого я ранил, приняв за шпиона, — быстро сказал Сердар, предупреждая вопросы Рамы. — Я все подробно расскажу тебе, помоги мне отвести его в пещеры. Я завязал ему глаза, чтобы он не мог догадаться, куда его поведут.

Авторитет Покорителя джунглей среди тех, кто окружал его, был настолько велик, что Рама-Модели не позволил себе ни малейшего замечания. Они взяли тоту за руки, чтобы помешать ему снять повязку, и помогли выйти из шлюпки.

Бедный туземец вновь принялся дрожать всем телом.

— Скажи ему, что ему нечего бояться, — обратился Сердар к Раме.

— Боюсь, что он не поймет меня, — возразил Рама. — Некоторые из этих дикарей, заброшенные сородичами с самого детства, доходят до такого отупения, что могут

издавать только крики радости, боли, удивления и не в состоянии запомнить те немногие выражения, из которых состоит язык им подобных, ограничивающийся самое большее 30—40 словами.

Заклинатель пантер был прав, тот-ведда не понимал его. Несчастный, должно быть, был брошен матерью еще в младенческом возрасте, и поразительно, как он выжил среди окружавших его разнообразных опасностей.

В нескольких шагах от озера, среди густой чащи пальм, бамбуков, псидиумов находилась цепь как бы громоздившихся друг на друга скал высотой в 50—60 метров. Сердар толкнул одну из них, великолепно подогнанную, она легко повернулась на своей оси, открыв вход в естественную пещеру, слегка расширенную рукой человека. Маленький отряд тут же исчез внутри, скала, к которой прикоснулся Сами, вернулась в прежнее положение, и даже самый наметанный глаз не обнаружил бы ничего подозрительного.

Снаружи остался только Барбассон, который должен был по обыкновению отвести шлюпку в маленькую гавань, такую узкую, что ветки деревьев, опутанные лианами и другими ползучими растениями, образовывали над ней нечто вроде свода, надежно укрывая лодку от любопытных взоров.

Пройдя метров двадцать в полной темноте, Сердар и его спутники свернули вправо и вдруг очутились в просторном гроте, великолепно освещенном старинной индусской лампой из массивного серебра с шестью рожками, подвешенной на середине пещеры на цепи из того же металла.

Сердар не солгал, сказав Барбассону, что приготовил заранее это убежище для последнего наследника империи Моголов. Пушистые кашмирские и непальские ковры устилали пол пещеры, вдоль стен; затянутых золототканым бенгальским шелком, стояли широкие роскошные диваны, украшенные подушками разной формы и величины. Мебель и различные вещи, дорогие Нана-Сахибу, были перенесены сюда из его дворца в Биджапуре, который находился всего в пятидесяти милях от Нухурмурских гор. Благодаря почти полной изолированности этой местности, опустошенной во время последних войн маратхов, Нариндра и Рама-Модели, переодевшись в бродячих торговцев, за несколько раз перевезли все эти вещи на спине слона, прикрыв их грубым полотном.

Принц не поверил глазам, когда после бегства, насыщенного волнующими событиями, он вдруг оказался в месте, которое по внутренней роскоши напоминало его дворец.

Другие пещеры, обставленные более скромно, служили пристанищем для спутников принца-изгнанника. Из последнего грота вел коридор, расширенный беглецами, по нему можно было попасть в долину, окруженную отвесными стенами, которую Рама обнаружил с риском для жизни и которую называли Нухурмурским колодцем.

Нана-Сахиб жил здесь уже почти полгода в окружении тех немногих, кто остался ему верен, и англичане пока не могли напасть на их след. Но напрасно долину превратили в дивный сад, напрасно Нана был окружен всем, чего только мог пожелать, напрасно его спутники, несмотря на постигшие принца беды, относились к нему с прежним почтением, какого заслуживает монарх. Жизнь в пещерах Нухурмура был ему тягостна до такой степени, что он отдал бы все золото и драгоценности, которые ему удалось спасти, за открытое и спокойное существование последнего из кули, ибо свобода — главное благо на свете, хотя мы ценим ее только тогда, когда теряем.

В последнее время Нана жил одной лишь мыслью. Сердар пообещал ему отправиться вместе с Барбассоном на поиски какого-нибудь необитаемого острова в район многочисленных островов Зондского пролива и Тихого океана, куда все они переселились бы вместе с ним, подальше от мстительных англичан. С тех пор принц каждый день торопил Сердара, напоминая ему о данном обещании, но Покоритель джунглей решил предпринять столь далекое путешествие, лишь убедившись в том, что, потеряв надежду поймать их, англичане и их многочисленные шпионы прекратили всякое преследование. Пока же не только Нана-Сахиб, но и Сердар, чья слава гремела по всей Индии, не могли покинуть свое убежище — их немедленно узнали бы и выдали врагам.

Глава III

Нана-Сахиб и Сердар. — Серьезный разговор. — Жизнь Барнетта в Нухурмуре. — Орест-Барнетт и Пилад-Барбассон. — Честолюбивые замыслы. — Слава Барнума не дает двум друзьям покоя. — Отсутствие Нариндры. — Грустные мысли. — Барбассон-лингвист.

Когда Сердар вошел в грот, принц с задумчивым видом курил трубку, расположившись на диване. Шум вывел его из состояния глубокого оцепенения, и он бросился навстречу Покорителю джунглей.

— Как я счастлив, что вы вернулись, сахиб! — принц всегда обращался к нему только так. — Сегодня вы так запоздали, что я начал бояться, не случилось ли с вами какой-нибудь беды.

— Нас задержало одно маленькое приключение, принц, к счастью, совсем неопасное. Но мы вынуждены были привести с собой нового постояльца, который, пожалуй, доставит нам кое-какие хлопоты.

В двух словах Сердар рассказал Нана-Сахибу о случившемся.

Тота-ведда, которому сняли повязку, немедленно упал к ногам Покорителя джунглей, в котором он, казалось, признал хозяина.

— Дай Бог, чтобы вам не пришлось раскаиваться в его спасении, — заметил Рама. — Я знаю людей этого племени, у них нет чувства меры, они либо злобны и дики, как звери, либо добры и привязчивы, как собаки, и так же верны своему хозяину.

— Вы знаете, что говорит наш божественный Ману? — ответил Нана-Сахиб. — «За всякое добро владыка вселенной воздает по заслугам».

После нескольких минут разговора Сердар попросил у принца разрешения удалиться вместе со своими спутниками, всем им было необходимо подкрепиться, а затем, учитывая позднее время, отправиться на покой.

— Всегда один! — с грустью прошептал принц, склонив голову в знак согласия.

Кастовые предрассудки категорически запрещали ему есть вместе с Нариндрой и Сами, ибо они были не его касты, и с европейцами, поскольку те были не его расы.

Славный Барнетт целый день охотился в верхних долинах, где мог предаваться любимому занятию с полным спокойствием, ибо туда не рискнул бы пробраться ни один шпион. Боб вернулся с двумя оленятами, он насадил их на вертел и следил за приготовлением жаркого с заботливостью истинного гурмана. Мясо было уже готово, и Барнетт принялся ворчать, недовольный опозданием Сердара, но возвращение друзей немедленно вернуло ему хорошее настроение.

Боб вел здесь жизнь в полном соответствии со своими вкусами: он охотился, ловил рыбу, занимался приготовлением самых невероятных блюд благодаря всевозможным консервам, которых было полно в Нухурмуре, теща этим себя и своего друга Барбассона. Он почти не жалел о великолепном дворце в Ауде, откуда его бесцеремонно выгнал некий капитан Максвелл во время захвата королевства

лордом Дальхузи, генерал-губернатором Индии. Более того, ненависть его к означенному капитану день ото дня слабела. Не то чтобы он вовсе отказался от мысли при случае отомстить капитану, но заговаривал об этом больше по привычке, ибо в данный момент желать ему было просто нечего: каждый день свежая дичь, великолепная озерная форель, тропические фрукты в изобилии, среди консервов — паштеты из гусиной печени, норвежские анчоусы, оренбургская икра, семга из Сакраменто, йоркская ветчина и так далее. Список был слишком велик. Добавьте к этому лучшие французские, венгерские, рейнские вина, многочисленные ящики с портером и светлым пивом, специальную полку, отведенную под ликеры, где «Вдова Амору» из Бордо соседствовала с шартрезом, и вы поймете, что Барнетт, сибаритствуя, наслаждался покоем, который не надеялся найти в другом месте.

У него ни в чем не было недостатка, даже в дружбе, на которую боги так скупы, что она встречается в нашем грешном мире лишь в виде исключения. И меж тем Барнетт встретил Барбассона, подобно тому, как Барбассон встретил Барнетта. Они прекрасно дополняли друг друга, и посмотрите, сколько у них было общего, как они были похожи! Оба родились в морских портах, один — в Марселе, другой — в Нью-Йорке. Когда один заговаривал о Канебьер, другой — о Бродвее. Обоих примерно в одно и то же время выставили из дома отцы, сопровождая расставание хорошими пинками под зад. Оба получили от обожаемых родителей предсказание, что их либо расстреляют, либо повесят. Заметьте, что для этого у них были все возможности, достаточно было только совершить маленькую прогулку по равнине и навестить англичан. Оба бродили по свету и перепробовали самые разные профессии: если один мог вырвать зуб за тридцать пять секунд, то другой умел за двадцать пять минут поставить новые подметки. Если Барбассон был адмиралом без флота Его Высочества имама Маската, то Барнетт был генералом артиллерии без пушек бывшего раджи Ауда... Мы могли бы продолжать бесконечно, если бы хотели перечислить все черты сходства двух выдающихся личностей. Добавим к этому лишь одно их качество — верность в беде. Конечно, нынешнее положение их устраивало, да они и не могли выйти из Нухурмура, не рискуя жизнью, — предсказание их отцов грозило сбыться. Но разве на этом свете существует совершенство? Во всяком случае, у них было одно неоспоримое достоинство — отчаянная храбрость. Конечно, сами они не лезли в пекло, более того, предпочитали вовсе не встречать

опасность на своем пути, но когда их вынуждали обстоятельства, они сражались героически. Чего же еще можно было от них требовать?

Их связывала столь тесная дружба, что Барбассон-Орест не мог обойтись без Барнетта-Пилада, и наоборот. Они наслаждались жизнью, ничуть не заботясь о завтрашнем дне. Это были два самых счастливых человека во всем окружении Нана-Сахиба. Сильное влияние на них оказывал Сердар, которому они были безгранично преданы и ради которого готовы были пойти в огонь и в воду, при условии, однако, что огонь и вода будут под рукой.

Существовало тем не менее одно соображение, омрачавшее их блаженство, оно свидетельствовало о том, что в этой жизни — увы! — полное счастье невозможно. Могло случиться так, что, несмотря на преданность друзей и принятые меры предосторожности, в один прекрасный день Нана-Сахиб попадет в руки англичан. Оба друга не сомневались, что им удастся бежать, но что станет с ними после того, как они познали сладость безмятежного, мирного существования? Им была вовсе не по вкусу перспектива прежней, скитальческой жизни. Конечно, Барбассон всегда мог вернуться в Маскат, но, во-первых, казначей имама забыл заплатить ему жалованье за те два года, что он провел на службе у Его Высочества (Барбассон, правда, выправил положение, увеличив на пятьдесят процентов таможенную пошлину в свою пользу), а во-вторых, место его могло быть занято: как известно, признательность сильных мира сего так недолговечна, так ненадежна. Разумеется, Мариус Барбассон совмещал должности адмирала и придворного зубного врача, но поскольку последний зуб он вырвал имаму за неделю до отъезда в Индию, ему не приходилось рассчитывать на острую зубную боль, чтобы восстановить свое влияние. Поэтому оба приятеля постоянно ломали себе голову над решением этой сложной проблемы. Они думали над этим уже не первый месяц, когда однажды Барбассон в костюме Архимеда ворвался в грот, где спал Барнетт, и закричал, словно сумасшедший:

— Нашел! Придумал!

— Что именно? — спросил янки.

— Способ, как разбогатеть, если наш бедный принц...

— Понял, короче!

— Разве ты не рассказывал мне, что твои соотечественники — страшные простофили и что некто Барнум выманил у них миллионы, показывая им кормилицу великого Вашингтона?

— Совершенно верно, я сам был зазывалой...

— Так вот, твоему Барнуму — крышка! Мы подкупим какого-нибудь индуса.

— Расплатимся с ним золотом.

— Где ты его возьмешь? Нет, мы его соблазним обещаниями, тут нам богатства не занимать.

— Я начинаю догадываться...

— Дай мне договорить. Мы закутаем его в старый ковер, наденем на него тюрбан, дадим саблю и перевезем в Америку.

— Барбассон, я начинаю волноваться!

— Мы станем показывать его за шиллинг как великого, единственного и неповторимого Нана-Сахиба, который в течение двух лет противостоял англичанам.

— Барбассон, ты велик, словно мир!

— Хоть ты это и не сам придумал, неважно, я согласен. Словечко к месту! Мы разбогатеем, купим дом в Провансе, в окрестностях Марселя, и заживем как у Христа за пазухой — будем ходить в золоте и шелках, пить бордоские вина и есть трюфеля.

Прятели бросились в объятия друг друга и с той поры не испытывали ни малейшего беспокойства за свое будущее.

Расставшись с Нана-Сахибом, наши друзья собрались в гроте, выходящем во внутренние долины, чтобы вместе поужинать. Нариндры не было на его обычном месте, воинственный маратх неделю тому назад отправился в Бомбей за почтой из Европы, которую получал для Сердара один из верных членов тайного общества Духов вод.

В этот вечер Барнетт и Барбассон были в ударе, но их оригинальные остроты не смешили Сердара, он ел с рассеянным видом и после возвращения в Нухурмур казался мрачным и озабоченным. Он даже не обращал внимания на тота-ведду, который, сидя на корточках, ловил на лету, как собака, куски, которые ему бросали.

Отсутствие маратха, который был воплощенной точностью и должен был вернуться еще сутки тому назад, наполняло Сердара печальными предчувствиями. Он не мог точно определить природу своих ощущений, но ему казалось, что в воздухе разлита опасность, против которой он бессилён. Между тем в последних сообщениях Рама-Модели не было ничего угрожающего.

Может быть, дело было просто в несоответствии характера Сердара окружающей обстановке: натура, в высшей степени тонкая и изысканная, несколько нервическая, этот человек, чей облик и манеры выдавали аристократическое происхождение, был вырван из привычного ему круга силой

каких-то ужасных и таинственных обстоятельств. Несомненно, что порой он страдал, находясь среди вульгарных авантюристов и искателей приключений, с которыми у него не было ни общих чувств, ни общих мыслей. Поэтому понятно, что Сердар мысленно возвращался к прошлому, к прежней жизни, и воспоминания о перенесенных страданиях только усугубляли тяжесть нынешних испытаний.

Благородная душа, он мечтал о независимости Индии, которая стала бы реваншем для Франции и Дюплекса в борьбе против их заклятых врагов. В течение десяти лет он держал в руках все нити обширного заговора, который должен был навсегда покончить с британским владычеством. И в этот момент, когда у англичан осталось всего три почти беззащитных города — Калькутта, Бомбей и Мадрас, — он не смог добиться от вождей восстания, чтобы они прежде всего взяли эти последние бастионы неприятеля, а уж затем думали о восстановлении императорской власти в Дели.

Он не смог убедить их, что реставрация империи Моголов покажет индусам, что они просто сменили хозяина, и парализует общий порыв, превратив восстание в обычный мятеж, тогда как ему надо было придать характер национального движения. Весь юг Индии, не хотевший господства мусульман, отказался поддержать повстанцев, и тогда Сердар понял, что победа англичан — только вопрос времени. Но он поклялся отнять у них главный трофей и спасти Нана-Сахиба. Проявив чудеса мужества и смекалки, он сумел это сделать. Но сколько еще времени он сможет защищать принца от происков его врагов?

Бывали дни, когда Сердар впадал в отчаяние, и этот вечер был именно таким — будущее представлялось ему мрачным и безысходным. Если бы его схватили, то отказали бы даже в чести умереть как солдату — от пули. Англичане обошлись бы с ним как с бандитом с большой дороги и вздернули бы его без долгих разговоров на глазах индусов, которых он хотел освободить.

Какой бы это был печальный конец и какое горе для Дианы, его дорогой сестры! Он спас ее мужа, майора Лайонеля Кемпбелла, во время осады Хардвар-Сикри. Она должна была знать теперь, что брат, которого она в течение двадцати лет считала погибшим, жив. Почему она ему не написала? Неужели ее воспитали в уверенности, что ее брат — бесчестный человек? Да, он покинул Францию опозоренным, разжалованным — ведь он носил эполеты и шпагу, но Бог знает, что он невиновен! Да разве в этом дело! Неужели жизнь ее мужа не стоила хоть нескольких

строк благодарности? Нет, ни единого слова! Пусть сестра не захотела признать брата, но отчего же молчит сердце жены и матери? Нет, она не написала! Фредерик де Монмор де Монморен больше не существует, есть только жалкий авантюрист, по которому плачет виселица...

Таковы были мысли, мучившие Сердара, тогда как его спутники пили, смеялись и забавлялись с тотта-веддой, как с животным, которого дрессируют. Бедняга никогда не был на таком празднике, он жадно пожирал все, что ему давали, сопровождал каждый съеденный кусок уже знакомым нам криком: ури! ури! ури! Так как слово это впервые было произнесено после того, как Сердар дал ему выпить, и повторялось тотта-веддой после каждого нового блюда, Барбассон не без оснований заключил, что оно служит дикарю для выражения удовольствия, получаемого от еды и прочих физических ощущений.

— Я и не знал, что вы лингвист, мой дорогой Барбассон, — заметил Сердар, постепенно справившийся с мрачными мыслями и с интересом наблюдавший за поведением своего подопечного, который, казалось, и думать забыл о недавней ране.

— Пф! — с комичной откровенностью бросил провансалец. — Я додумался до этого просто так!

— Вероятно, он останется с нами, наше общество ему как будто нравится, — продолжал Сердар. — Я предлагаю назвать его Ури, это первое слово, которое он произнес.

Услышав, как Сердар, которого он предпочитал всем остальным, произнес это слово, тотта взял его за руки и несколько раз приложил их к своему лбу.

— Это способ приветствия, принятый у этих несчастных, — пояснил Рама-Модели. — Он хочет дать вам понять, Сердар, что любит вас и будет предан вам до самой смерти.

— Ты думаешь, что у него могут быть такие возвышенные мысли, Рама?

— Человеческий мозг остается человеческим мозгом, Сердар. Просто живя на деревьях, как обезьяна, он утратил все понятия и представления, которые люди обычно черпают, общаясь с себе подобными.

— Не забудь и о цивилизации, Рама, которая объединяет в себе все традиции человечества. В таком случае немного же у него осталось памяти, ты ведь сам говорил, что в их словаре всего тридцать—сорок слов, относящихся главным образом к физическим потребностям. Если бедный тотта был брошен родными на произвол судьбы в раннем детстве, на что указывает его неумение говорить, думаю

что представления о любви, благодарности не могли вырваться в его мозгу самостоятельно, поэтому перед нами существо, способное к восприятию определенной культуры, но по своему интеллектуальному багажу не слишком отличающееся от обезьян. Думаю даже, что он никогда не заговорит, ведь участки мозга, в которых рождается членораздельная речь, атрофируются без употребления, и когда человек достигает зрелого возраста, вред непоправим, мозг не способен более развиваться.

— Вы говорите как по писаному, Сердар, — вмешался Барбассон. — Значит, вы думаете, что это выродившееся существо уже не сможет усвоить какой-либо язык?

— Я думаю, что мы сумеем привить ему кое-какие понятия, он сможет воспринимать их звуковое выражение. Одним словом, он будет улавливать смысл наших слов, но боюсь, что уже слишком поздно для того, чтобы он заговорил сам. Провести этот опыт было бы чрезвычайно интересно, он внесет некоторое разнообразие в нашу уединенную жизнь, если Богу будет угодно, чтобы она и впредь оставалась тихой и спокойной, и если этот дикарь, дитя лесов, согласится остаться с нами, ибо насколько неподвижен и неразвит его мозг, настолько быстро меняются его желания.

За разговором время пролетело быстро, и наступил час отдыха. Обитатели Нухурмура разошлись по своим пещерам. Сердар же попросил Сами немедленно разбудить его, как только вернется Нариндра.

Когда тот-ведда, которого мы впредь будем называть Ури, увидел, что все готовятся ко сну, он начал выказывать признаки некоторого беспокойства, и Рама-Модели догадался, что тот, привыкнув проводить ночь на деревьях, ищет себе место для ночлега.

По приказу Сердара открыли дверь, сообщавшуюся с долиной, где росли вековые баньяны. Расстояние между ветками у них было достаточно широко, чтобы туземец мог устроить себе довольно удобное ложе, согласуясь со своими привычками. Увидев деревья, Ури радостно вскрикнул и влез на ближайший к нему баньян. Скоро послышался шум ломаемых веток и срываемых листьев — это тот устраивался на ночь.

Европейцы и туземцы разошлись по своим пещерам, мало-помалу в Нухурмуре воцарилась тишина, нарушаемая только криками хищников, вышедших на охоту, и мычанием диких буйволов, утолявших жажду в озере. Время от времени им отвечал рассерженный голос Ауджали, располо-

жившегося неподалеку под навесом. Но все эти звуки ничуть не мешали нашим героям. В них была своеобразная поэзия, дикая и суровая, сочетающаяся с характером и природой чувств обитателей Нухурмура.

Глава IV

Ночь в Нухурмура. — Странное рычание. — Танец пантер. — Ури-заклинатель. — Минута тревоги. — Заслуженное наказание. — Спасенные Ури. — Попытка бегства. — Побег Ури. — Сон Нана-Сахиба. — Крик макаки. — Ночная прогулка по озеру. — Сигнал Нариндры. — Это он! — Почта из Франции. — Сильное волнение. — Прибытие Дианы. — Последние новости.

Они спали уже несколько часов, как вдруг их разбудил странный концерт, доносившийся, по всей видимости, из внутренней долины. Мягкое рычание сопровождалось мяуканьем, похожим на кошачье, но более звонким и громким. В ответ снова раздался рык, еще более приглушенный.

Сердар, Рама-Модели и Сами немедленно вскочили на ноги. Барнетт и Барбассон спали, неторопливо и спокойно переваривая ужин, и не стали тревожиться из-за подобных пустяков.

— Ты слышишь эту дикую музыку, Рама? Что случилось? — спросил Покоритель джунглей.

— Это рычание, сахиб, в точности похоже на рычание пантеры, когда она в хорошем настроении играет с детенышами и ничто не мешает их забавам. Послушайте... Это мяуканье издают малыши, отвечая матери.

— Кажется, крики несутся из внутренней долины?

— Да, это так.

— Ты действительно думаешь, что там играют пантеры, а не сервалы, например, что было бы не так удивительно?

— Это пантеры, сахиб, — стоял на своем Рама-Модели.

— Как странно! — прошептал Сердар.

— Пантеры так же ловки, как дикие кошки, они могли спуститься в долину, цепляясь за бамбук и кусты. Мне же удалось!

— Все так, а детеныши?

— Они шли за матерью.

— Это просто невероятно. За те долгие месяцы, что мы здесь, хищники в первый раз осмелились пробраться в долину.

— Верно, сахиб, но не забывайте, что впервые там спит человеческое существо, то есть их добыча.

— Да, ты, пожалуй, прав, но если животных привлечет запах человека, то в этом случае они растерзают бедного Ури.

Заклинатель пантер согласно кивнул головой.

— О, этого не должно случиться! Поспешим ему на помощь — одного нашего присутствия будет достаточно, чтобы обратить их в бегство.

— Благоразумнее было бы посмотреть, что там происходит. Нам это будет легко, ибо луна сейчас освещает долину, и пантеры, по-моему, просто веселятся, а вовсе не ищут добычу.

— Ты уверен в своих словах?

— Вы знаете, сахиб, что всю свою юность я провел вместе с отцом в поисках детенышей пантер, мы дрессировали их, а потом продавали фокусникам. Эти животные, в особенности большая полосатая малабарская пантера, достигающая размеров королевского тигра, очень легко поддаются дрессировке. Мне настолько хорошо известны все модуляции их голоса, что я могу утверждать: те, кто находится сейчас в долине, думают о том, как бы порезвиться, а вовсе не о том, чтобы утолить голод. Когда пантера подстерегает или преследует добычу, она молчит, это-то и делает ее такой опасной для охотника.

— Я полагаюсь на тебя, Рама. Будем осторожны, но возьмем на всякий случай карабины, надо быть наготове, если бедняге Ури понадобится наша помощь. Сами останутся здесь, он не вооружен и может только помешать нам.

Друзья прошли в конец узкого коридора и слегка толкнули скалу, служившую дверью, как и у входа со стороны озера. Они оставили ее приоткрытой, чтобы в случае необходимости быстро закрыть. Они шли бесшумно, стараясь никого не испугнуть, и осторожно продвигались вперед, затаив дыхание.

Они стали свидетелями странной, необычной и одновременно прелестной сцены. На некотором расстоянии от того места, где они находились, Ури спокойно играл с двумя великолепными полосатыми пантерами, о которых только что говорил Рама-Модели. Они то катались вместе по траве и тогда, сплетаясь, образовывали бесформенный клубок, напоминая фантастических животных, созданных воображением художника на китайских миниатюрах, то, резко отпрыгнув в сторону, бегали наперегонки, перепрыгивая друг через друга и принимая при этом необыкновенно гра-

циозные кошачьи позы. Свидетели этой трогательной сцены тут же получили объяснение заинтриговавшим их крикам. Пантеры, играя со своим другом, издавали самое нежное, самое ласковое рычание, а тот отвечал, подражая зверям с таким совершенством, что, хотя и не мог добиться нужной звучности, все же ввел в заблуждение самого Рама-Модели, который принял его крики за голоса детенышей.

— Никогда в жизни не видел ничего более любопытного и удивительного, — шепнул Сердар на ухо заклинателю.

— Подобное бывает не так редко, как можно подумать, — так же шепотом ответил Рама. — Тотта-ведды часто берут на воспитание детенышей именно пантер, а не тигров, они приручают их, и те так привязываются к хозяевам, что никогда с ними не расстаются и ведут одинаковый с ними образ жизни. Когда тотта поймает лань или дикую козу, он делится с пантерой, и животное терпеливо ждет, когда кончится разделка туши, не проявляя ни малейшего недовольства. Если же пантера задушит кабана или молодого буйвола, то все происходит точно так же: она оставляет право дележки хозяину и получает от него кусок, который тот сочтет нужным ей дать. Тотта-ведда старается приучить пантеру, чтобы она ела только из его рук, так что ей и в голову не приходит самой распорядиться добычей. Большую часть животных, которых мы обучали, продавали нам обитатели лесов. Но это всегда были детеныши, взятые из логова во время отсутствия матери, ни разу ни один тотта не согласился уступить нам пантеру, которая была его спутницей.

Пока Сердар и Рама переговаривались шепотом, Ури и пантеры, продолжая играть, направились к противоположной стороне долины, и Сердар, плохо различая их в зарослях бамбука, машинально двинулся за ними в сопровождении Рама, продолжавшего свои объяснения.

Ни тот, ни другой, разумется, не задумались над беспечностью своего поведения, ибо, увлекшись грациозными играми пантер, они забыли о всякой предосторожности и оставили свои ружья у входа в пещеры, чтобы ничто не мешало им любоваться этим трогательным и любопытным зрелищем. Вдруг одна из резвящихся пантер заметила двух чужаков, которые осмелились помешать их забавам в узком дружеском кругу. Она резко остановилась, положив морду на передние лапы, застыла в характерной позе, собираясь броситься на добычу, и грозно зарычала. Сердар и Рама хотели бежать, но было слишком поздно: пантера настигла бы их до того, как они оказались в безопасном месте.

Услышав крики подруги, вторая пантера, продолжавшая играть с тотой, присоединилась к ней в несколько гигантских прыжков и замерла на месте.

Наши друзья почувствовали, что погибли. Малейшее движение — и звери набросились бы на них. У них был единственный выход — замереть и попытаться подействовать на пантер взглядом. Хотя эта уловка не всегда удается, воздействие на животных человеческого взгляда неоспоримо. Посмотрите, как дрессировщик, работая со львом или тигром, ни на минуту не выпускает его из поля зрения, постоянно подчиняя его своему взору. Но, вероятно, ночью воздействие это не так велико, ибо, слегка поколебавшись, обе кошки зарычали вновь, на сей раз более пронзительно, и, подобравшись, ударяя себя хвостом по бокам, уже готовы были прыгнуть, как внезапно сцена переменялась.

Тота прибежал почти одновременно с пантерами, но, не сознавая, какой опасности подвергались Сердар и Рама, остановился рядом, в свою очередь наблюдая за происходящим скорее с любопытством, нежели со страхом. Несколько секунд пробежали в невероятном напряжении, Сердар и его спутник решили, что все кончено. К счастью, в подобные страшные мгновения у людей закаленных угрожающая им опасность обостряет ясность ума.

«Неужели эта скотина допустит, чтобы нас растерзали на куски!» — подумал Сердар.

И тут же у него мелькнула мысль, заставившая его похолодеть от ужаса: а вдруг тотта подумает, что они тоже играют с пантерами? Тогда они действительно погибли. И он отчаянно позвал на помощь:

— Ури!

Сердар выкрикнул это единственное слово с таким ужасом, что в неповоротливом мозгу дикаря что-то шевельнулось. Он, несомненно, интуитивно почувствовал, что опасность угрожает его другу, тому, кого он дважды выбрал своим хозяином, пав перед ним ниц. Поэтому он в тот же миг схватился за висевшую перед ним ветку дерева, сломал ее с силой, которую трудно было предположить в этом тщедушном теле, и, бросившись на пантер, принялся стегать их направо и налево, гневно восклицая что-то и испуская странные крики, не имевшие себе равных ни в одном языке.

И что поразительно, вместо того, чтобы разозлиться на подобное обращение, пантеры тут же успокоились и принялись кататься в ногах у хозяина, вымаливая у него прощение, словно щенки, которых наказывают. Но дикарь не удовлетворился этим, он погнал животных перед собой,

заставляя их как бы повиниться перед его новыми друзьями.

Тота вручил Сердару палку, которой пользовался, и знаком показал, чтобы он тоже наказал пантер. После того как Сердар отрицательно покачал головой, Ури принялся отчаянно жестикулировать, показывая ему то на животных, то на свои зубы, а чтобы его лучше поняли, открывал и закрывал рот, делая вид, что откусывает и разрывает что-то.

— Подчинитесь ему, сахиб! — сказал Рама-Модели. — Тота дает понять, что, если вы не хотите, чтобы рано или поздно вас сожрали пантеры, вы должны сегодня же дать им почувствовать вашу силу. Он прав, поверьте моему опыту, самое главное — ударьте как следует!

Сердар больше не колебался, и пантеры все с той же покорностью приняли от него положенное наказание. Он протянул палку Рама, чтобы заклинатель мог последовать его примеру, но индус легко отвел его руку.

— Нет, — сказал он, — я не пользуюсь подобными средствами. А теперь, когда звери успокоились, посмотрим, не забыл ли я свое прежнее ремесло. Оставьте меня наедине с ними всего на четверть часа.

— Так ли необходима эта формальность? — улыбаясь, спросил Сердар.

— Безусловно, сахиб. Вы же знаете, что я принадлежу к касте заклинателей, она весьма малочисленна, и, когда нас посвящают в тайны нашего искусства, мы клянемся душами наших предков никому не открывать вверенных нам секретов. К тому же нарушивший клятву сразу теряет свою власть. Поэтому я не решился отвести опасность сам, когда разъяренные пантеры приблизились к нам.

Сердар не настаивал. Он давно знал, что бороться с предрассудками индусов, пусть даже самых развитых, бесполезно.

Он сделал Ури знак следовать за ним и, осторожно взяв его за руку, повел за собой в пещеры. Влияние Сердара на бедного дикаря было так велико, что тот ничуть не удивился этому поступку, цели которого, конечно же, не понимал.

Когда через несколько минут Рама позвал спутников, они увидели, что он, небрежно развалившись, лежит на пантерах, а те ласково лижут ему руки. Однако при появлении тоты они поднялись и осыпали хозяина ласками, сопровождая их легким прерывистым рычанием, которое должно было свидетельствовать о том, что они рады быть снова вместе с ним.

Сердар не скрывал удивления при виде столь быстро достигнутого результата, ибо Рама впервые демонстрировал перед ним свое умение.

— Это настоящее чудо! — сказал он другу, поздравляя его. — Но сможешь ли ты столь быстро укротить пантеру из джунглей?

— Для этого потребуется больше времени, — ответил заклинатель, — однако я уверен, что...

Он не закончил фразу.

Хорошо знакомые звуки рога, служившие обитателям Нухурмура условным сигналом, слышались вдалеке. Они были так слабы, что, если бы не ночная тишина, услышать их было бы невозможно.

— Это Нариндра! — воскликнул Сердар с неопишуемой радостью. — Это он, я узнаю его сигнал, послушайте, Ауджали отвечает ему. Умное животное поняло его призыв.

Это действительно был Нариндра, в число обязанностей которого входили также забота о слоне и управление им.

Вмешательство Ауджали оказало на хищников совершенно удивительное воздействие. Испуганные пронзительными криками великана, которого боятся все обитатели лесов, пантеры мгновенно выпрямились и помчались через узкую долину. Добежав до ее противоположного конца, не колеблясь и не снижая скорости, они вскарабкались по почти вертикальному горному склону, цепляясь за карликовые пальмы и бамбук, добрались до верхнего плато и мгновенно исчезли. Присутствующие еще не успели опомниться от удивления, как тот, последовав примеру пантер, пересек долину с невероятной быстротой и начал в свою очередь опасный подъем, подтягиваясь и прыгая с ветки на ветку, с куста на куст на глазах изумленных друзей, которые, помня о его ране, не считали его способным на подобные подвиги.

Не сговариваясь, Сердар и Рама бросились за ним в погоню, ибо у них мелькнула одна и та же мысль. Собственная безопасность не позволяла им выпустить из рук туземца, которому была известна тайна их убежища и который, сам того не желая, ибо слабый ум его не предполагал злонамеренных действий, мог выдать ее их врагам. Вдруг ему захочется вернуться в долину? Достаточно какому-нибудь шпиону выследить его во время спуска, докопаться до причины столь странного поведения, и тайна Нухурмура будет раскрыта. По воле случая часто совершаются вещи самые невероятные.

Как быстро они ни бежали, добравшись до конца долины, Сердар и Рама поняли бесполезность своей попытки. Тотта-ведда был уже почти на самом верху.

— Этот побег — большая беда, Рама, — в глубоком унынии заметил Сердар. — Ты знаешь, я не суеверен. Так вот, у меня предчувствие, что этот бедный идиот, сам того не желая, станет причиной нашей гибели.

— Вы напрасно так огорчаетесь, сахиб, — возразил Рама. — Нужно действительно необычайное, можно сказать, невероятное стечение обстоятельств, чтобы этот дикарь, лишь немногим превосходящий разумом обеих пантер и не говорящий ни на одном понятном языке, смог выдать секрет нашего пристанища. Вы же знаете, что при виде людей он обращается в бегство.

— Хотел бы я ошибиться, Рама. Будущее покажет, кто из нас прав.

Все случившееся произошло с такой быстротой и Сердар придавал такое значение побегу тотты, что друзья забыли о Нариндре, который, умирая от усталости, не в состоянии был обогнуть озеро и ждал, что его переправят на шлюпке. Повторные крики Ауджали напомнили им об этом. Слон обожал своего погонщика, у которого всегда были в запасе лакомства для него. Поэтому, едва услышав первые звуки рога, он не переставал вздыхать и волноваться.

— Не надо никого будить, — сказал Сердар, вернувшись к сиюминутным заботам. — Мы вдвоем переедем через озеро, а Сами пусть бодрствует до нашего возвращения. Мне не терпится узнать, какие новости привез нам Нариндра. Может быть, эта его поездка оказалась более удачной, чем остальные. — И он добавил со вздохом: — Ах, если бы получить письма из Франции! Но прочь напрасные надежды, тем горше потом разочарование!

Сердар и Рама молча вернулись в пещеры, закрыв за собой скалу. Отдав распоряжения юному метису, они направились к выходу. Все спокойно спали, в гроты снаружи не проникал никакой шум.

Проходя через комнату Наны, они на минуту остановились. Принц метался на диване, служившем ему постелью, он что-то бессвязно бормотал во сне. Вдруг он приподнялся и, протянув руку, отчетливо произнес на хинди: «За религию и родину, вперед!» Потом вновь упал на кровать, пробормотав что-то невнятное.

— Бедный принц! — с печалью воскликнул Сердар. — С этими словами он посылал сипаев на английские полки.

Если бы он был столь же умен, как и храбр, мы бы не оказались в теперешнем положении.

Когда они пришли на берег озера, Сердар взял трубу из буйволиного рога, чтобы ответить Нариндре, который, не зная, слышали ли его, без конца повторял свой сигнал. Сердар извлек сперва длинную звонкую ноту, которая на их условном языке означала: «Мы слышим тебя», затем вторую, быструю и короткую, что значило: «Мы тебя поняли», и, наконец, две подряд, которые Нариндра понял так: «Мы едем к тебе на шлюпке».

Сердар выждал. Почти сразу же над озером пронеслась волна прерывистых звуков. Это был ответ: «Это я, Нариндра. Я жду вас».

Осторожность требовала, чтобы друзья выработали настоящий сигнальный код. В противном случае они рисковали попасть в западню. Теперь малейшая неточность, касающаяся не только количества звуков, но и их силы и характера, немедленно настораживала.

Пять минут спустя шлюпка бесшумно летела по озеру. В этот час луна находилась по другую сторону горы, и на озеро опустилась глубокая тьма. Окруженное со всех сторон высокими горами Нухурмура, оно молча катило свои чернильные воды. Черное беззвездное небо, казалось, давило на молчавшую природу, словно крышка мраморной гробницы. Все это никак не помогало разогнать мрачные мысли, весь вечер одолевавшие Сердара.

Оба друга уже проделали две трети пути, не проронив ни слова, как вдруг до них донесся пронзительный, словно звук свистка, крик макаки силена, в изобилии водящейся в лесах Малабарского берега.

— Что это значит? — спросил Сердар, сразу вскочив на ноги. — Не сигнал ли?

— Просто мы приближаемся к берегу, — ответил Рама. — В прибрежных лесах живет такое количество обезьян, что в этом крике нет ничего особенного.

— Да, но не забывай, что в случае неминуемой опасности вместо рога, который может выдать наше присутствие, мы пользуемся криками животных, столь многочисленных в этих местах, что ни у кого не возникает никаких подозрений. Так, например, дважды повторенный крик макаки силена означает... — Слова застыли на губах у Сердара, ибо тот же крик снова прозвучал в ночи.

— А-а, на сей раз это сигнал, — с возрастающим волнением произнес Покоритель джунглей и, не дожидаясь ответа Рама, сбросил скорость, шлюпка замедлила ход,

вращение винта прекратилось, и лодка остановилась на некотором расстоянии от берега.

— Я подчинился сигналу, — объяснил Сердар. — Он означает остановку, где бы мы ни находились — на суше или на воде. Значит, что-то произошло.

— При условии, сахиб, — возразил Рама, который в этот вечер был настроен крайне оптимистично, — что сигнал подал Нариндра, ибо я не удивлюсь, если это обезьяны перекликаются между собой, а может, просто одна из них крикнула два раза подряд.

— В любом случае осторожности ради я должен был подчиниться, — с ноткой нетерпения в голосе ответил Сердар.

— Я не осуждаю вашего поведения, просто пытаюсь найти естественное объяснение фактам, в которых для данной местности нет ничего необычного.

— Хотелось бы, чтобы ты был прав, мой славный Рама. Во всяком случае, скоро мы узнаем, в чем дело. Третий, намеренно долгий крик значит: «Возвращайтесь назад», тогда у нас больше не останется сомнений.

Четверть часа прошло в смертельной тревоге, но третьего сигнала не последовало. Напротив, легкий звук трубы дал знать Сердару и Рама, что они могут продолжать путь. Немного погодя они благополучно пристали к берегу.

— Это ты, Нариндра, мой верный друг? — крикнул Сердар, еще не высадившись на берег.

— Да, хозяин, — ответил глубокий, звучный голос, — это я!

И Нариндра тут же добавил:

— Почта из Франции, хозяин!

Услышав эти слова, Сердар почувствовал, как у него подкосились колени, и он едва не упал в обморок. Этих писем он ждал уже много месяцев, ждал страстно, чтобы узнать, могут ли еще семейные узы привязать его к жизни или же для родных он был изгоем, а для общества — авантюристом. Наконец-то Нариндра привез ему вести, они были здесь, в двух шагах от него, через несколько мгновений он все узнает. Речь шла о его жизни, судьба его решалась, ведь если некого больше любить, не на что надеяться... Нет, это невозможно! Его дорогая Диана, его обожаемая сестра не могла изгнать его из своего сердца... Все эти мысли вихрем пронеслись, путаясь в голове, у него подгибались ноги, дрожали руки, перехватывало горло... Двадцать лет он скитался по свету, склонял голову перед презрением родных и проклятием отца. И все это он терпел незаслу-

женно, Бог тому свидетель, его правосудие, в отличие от суда людского, непогрешимо.

Поймите, какое мучительное волнение охватило душу этого несправедливо оболганного человека при воспоминании об очаровательной светловолосой головке, о сестре, которую он покинул ребенком. При мысли о ней, ставшей женщиной, супругой, матерью, о ее детях, Эдуарде и Мэри, о ее муже, майоре Кемпбелле, которого он спас от мести сипаев, о том, что эта семья могла бы стать для него родной, он почувствовал, как жгучая ненависть, которую он испытывал к тем, кто изгнал его, не выслушав никаких объяснений, тает, словно снег ледников под весенним солнцем. Он ощутил безумное желание вернуться во Францию с высоко поднятой головой, доказав свою невиновность, заставить правосудие признать ошибку и вернуть ему украденную подлецами честь. Он знал, где находятся нужные ему доказательства, и сумел бы добыть их ради воспоминаний детства, ради сестры, которую так любил. Ей достаточно было написать ему: «Брат, вернись. Я тебя никогда не обвиняла, я тебя никогда не проклинала... Вернись, ведь я люблю тебя!»

Через несколько минут, через несколько мгновений он узнает, написала ли ему сестра... Теперь вы понимаете, что Сердар был взволнован и потрясен до глубины души.

Он даже не спросил у Нариндры, в чем причина тревоги, отчего тот заставил их остановиться на середине озера, не спросил, следили ли за индусом, по-прежнему ли английские газеты пишут о нем и Нане, подозревают ли о том, где они скрываются... Письма! Он думал только о письмах. И когда Нариндра протянул их ему, он набросился на них, словно скупец на потерянное и вновь обретенное богатство. Он прижал их к груди, сердце его бешено колотилось. Сердар тут же поднялся на борт, поспешил в каюту, закрыл крышку люка, зажег лампу и разложил на столе драгоценные послания. Их было пять. Почему пять? Ведь только три человека знали способ, как переправить ему письма. Лорд Ингрэхем, верный друг, всегда веривший в его невиновность, именно он дал Эдуарду и Мэри совет обратиться к Сердару за помощью, чтобы спасти их отца; бывший консул в Калькутте, представитель восставших в Париже, и сестра.

Он взял одно наугад. Вдруг слепой случай сразу даст ему в руки желанное письмо? Но он все же слегка сплутовал, ибо выбрал конверт небольшой и изящный. Заметили ли вы, что письма по внешнему виду почти всегда похожи на

тех, кто их пишет, особенно это касается женщин? На этом же конверте стояла печать с гербами Монморв и Кемпбеллов. Дрожа, он взломал печать, пробежал первые строчки и вынужден был остановиться, он задыхался. Письмо было от сестры, оно начиналось так:

«Любимый брат,

я никогда не обвиняла и, следовательно, не судила тебя. Я много плакала по тебе и люблю тебя, как любила всегда...»

У него не было сил продолжать чтение, уронив голову на ладони, он зарыдал. Он не плакал двадцать лет, с того самого дня, когда после военного совета, где его разжаловали, с его груди сорвали крест ордена Почетного легиона. И вот теперь он плакал снова.

Пусть текут твои слезы, несчастный мученик чести! День возмездия настанет! Как счастлив ты будешь, когда, протянув любимой сестре доказательства своей невиновности, ты скажешь:

— Прочти, в сердце своем ты меня уже оправдала, пусть теперь меня оправдает твой разум, тогда ты мне подаришь свой поцелуй.

Фредерик-Эдуард де Монмор де Монморен поклялся, что увидится с сестрой только тогда, когда сможет вырвать у погубивших его негодяев доказательства своей невиновности.

Говорят, что от слез становится легче, во всяком случае, они оказали благотворное влияние на нервную систему Сердара. И он смог продолжить чтение письма.

Оно было полно изъявлениями благодарности за спасение жизни обожаемого мужа и отца ее детей. Прелестная женщина знала все: о том, что пришлось прибегнуть к насилию, чтобы спасти майора, ибо честь заставляла умереть его на своем посту. Она была благодарна брату за то, что он спас не только жизнь ее мужу, но и его офицерскую честь. Она знала, что он открылся Лайонелю Кемпбеллу; своему зятю, и его детям лишь в тот момент, когда корабль, увозивший их в Англию, уже отплывал, и нежно упрекала брата за это.

Вдруг Сердар вздрогнул. Что же он прочел? Что заставило его побледнеть и задрожать?

Диана сообщала ему, что Лайонеля только что назначили полковником 4-го шотландского полка, расквартированного в Бомбее, а Эдуарда — лейтенантом в полк к отцу. Могла ли она остаться в Англии с Мэри, если муж, сын и брат, самые дорогие для нее на свете люди, должны были собраться вместе? Нет, сердце ее не могло с этим смириться, поэтому все они отплывали в Бомбей на ближайшем корабле английского флота. Этот корабль был «Принц Уэльский»,

броненосец под командованием коммодора лорда Ингрэхема, который остался единственным другом и защитником Фредерика де Монморена... Через три недели, быть может, через месяц после того, как он получит это письмо, «Принц Уэльский» бросит якорь на рейде Бомбея. Диана надеялась, что брат придет встретить их и обнять. Ей было известно, какую роль он сыграл в восстании, но теперь все было кончено, порядок полностью восстановлен, и ее муж, пользуясь поддержкой лорда Ингрэхема, добился от королевы указа, где Фредерику де Монмор де Монморену прощалось участие в восстании, как и все действия, которые ему предшествовали, его сопровождали или последовали за ним, и запрещалось всякому, будь то в Англии или Индии, преследовать вышеупомянутого Фредерика де Монмор де Монморена за вышеуказанные действия, если только он не будет продолжать сопротивляться с оружием в руках восстановлению власти Ее Величества в ее индо-азиатских владениях... Диана надеялась, что брат давно сложил оружие и не упустит возможности воспользоваться благосклонностью королевы, что он не станет впредь защищать идею пусть благородную, но совершенно несбыточную. Кроме того, разве может он допустить, чтобы его противниками стали зять и племянник? Ведь будучи солдатами, они вынуждены будут подчиниться приказу, который им могут дать. Диана так не думала, более того, она была уверена в обратном.

— Бедняжка Диана, если б она знала!.. — вздохнул Сердар, добравшись до этого места в письме. — Ах, меня преследует рок, несчастье по-прежнему подстерегает меня. Я не могу изменить клятве, не могу бросить на произвол судьбы несчастного принца, которого англичане станут перевозить из города в город как победный трофей и подвергать его оскорблениям подкупленных париев. А с другой стороны, разве я могу не явиться на свидание с сестрой, не рискуя потерять при этом ее неизменную любовь ко мне? Разве я могу воспользоваться указом, который касается одного меня? В глазах моих друзей я буду выглядеть предателем. Что же делать, Боже мой? Что же делать? Просвети меня, пошли мне хоть частицу твоей безграничной мудрости, ведь если ты и позволяешь торжествовать злу, то, конечно же, лишь затем, чтобы сильнее было торжество справедливости... Неужели я недостаточно страдал и не заслужил того, чтобы вкушать хоть немного покоя на земле?

В конце письма Диана сообщала брату, что отец их,

умирая, простил его, убедившись в его невинности благодаря неустанным усилиям и уверениям лорда Ингрэхема.

Остальные письма были от зятя, племянника и Мэри, в них было несколько ласковых строк, они подтверждали письмо Дианы. Пятое послание, отправленное его корреспондентом в Париже, было всего лишь распиской в получении его почты.

Перечитав раз двадцать письмо сестры и покрыв его поцелуями, Сердар долго размышлял над необычной ситуацией, в которой оказался. Напрасно ломая себе голову над решением, которое удовлетворило бы всех, он сделал наконец такой выбор — чистосердечно рассказать обо всем друзьям, пусть они сами примут решение, которому он подчинится.

Постепенно покой снизошел в его израненную душу, впервые за долгие годы он почувствовал, что живет. Любовь сестры и ее семьи вернула ему надежду, это высшее благо, без которого человечество погрузилось бы в самую черную меланхолию.

Когда он полностью овладел собой, то заметил, что совершенно забыл о своих спутниках. Было, вероятно, около четырех часов утра, вокруг по-прежнему царила темнота, но пелена густых облаков, затянувших небо, рассеялась, и миллионы сверкавших звезд бросали на воды озера свет, освещавший лодке обратный путь.

Сердар поднялся наверх. Нариндра и Рама-Модели, завернувшись в одежду, мирно спали, растянувшись на палубе. Он решил не будить их, тем более что маратх падал с ног от усталости. Он включил мотор, и лодка пошла вперед на малой скорости. Сердар не спешил вернуться в Нухурмур. Ему вовсе не хотелось отдыхать, и дивная ночная прохлада окончательно успокоила его распаленную от пережитого кровь. Он взял курс на пещеры, закрепил соответствующим образом руль, чтобы управление лодкой не отвлекало его от размышлений, и устроился на переднем планшире, откуда легко было наблюдать за движением шлюпки. Такое управление лодкой не представляло, кстати, никакой опасности.

Но он недолго был предоставлен самому себе. Разбуженный шумом винта, Нариндра поднялся и, заметив Сердара, уселся рядом с ним.

— Сон пока не приходит ко мне, — сказал индус мягким, мелодичным голосом, который поражал всякого, кто слышал его в первый раз:

— Я не поблагодарил тебя так, как ты этого заслуживаешь, — ответил Сердар. — Именно тебе я обязан самой

большой радостью, которую испытал с тех пор, как нахожусь в этой стране.

— Сожалею, что помешал вам насладиться ею, — продолжал маратх, — ибо я привез печальные новости.

— Говори! Я готов ко всему: после радости — грусть, после счастья — горькое разочарование. Таков удел всякого человеческого существа и мой — в особенности, дорогой друг.

— Новости, которые я привез, могут иметь для нас пагубные или благоприятные последствия в зависимости от решения, которое вы примете, Сердар. Английское правительство объявило амнистию для всех, кто принимал участие в восстании. Оно обязуется также сохранить жизнь Нана-Сахибу и дать ему пенсию, соответствующую его положению. Словом, с ним будут обращаться как со всеми другими принцами, лишенными своих владений. Но все те, кто в течение месяца после объявления амнистии не сложит оружие, будут считаться бандитами с большой дороги и будут повешены. Мне кажется, нам представляется удобный случай покончить с жизнью, которую мы ведем, ибо рано или поздно...

— О, я знаю англичан! — перебил его Сердар. — Они мягко стелют, чтобы захватить Нана-Сахиба и привязать его к победной колеснице Хейвлока. Нет, мы не можем позволить, чтобы смешали с грязью символ независимости, его хотят унижить в глазах индусов.

— Тем не менее, Сердар...

— Продолжай свой рассказ, мы решим потом, что нам делать.

— Благодаря одному факту англичане узнали, что Нана никогда не покидал Индию.

— Что это за факт?

— Я боюсь причинить боль моему другу.

— Не бойся, я ведь сказал тебе, что готов ко всему.

— Да, я скажу, ибо вы должны знать правду. Газеты Бомбея писали, что из заявления вашей семьи стало известно...

При этих словах Сердара охватила столь сильная дрожь, что Нариндра замолчал, колеблясь, стоит ли продолжать.

— Продолжай! Продолжай! — заторопил его Покоритель джунглей, находившийся в лихорадочном возбуждении.

— От ваших родственников было получено заверение, что вы остались в Индии. А поскольку известно, что Нана-Сахиб сумел бежать только благодаря вашей помощи, все уверены, что принц находится вместе с вами. Отдан

приказ обследовать Индо-Гангскую равнину и горную цепь Малабарского берега, единственные места, где в джунглях и густых лесах можно долго скрываться от преследований.

— И тогда...

— Тогда, не доверяя туземцам, вице-король послал батальон 4-го шотландского полка, чтобы прочесать Гаты от Бомбея до мыса Кумари, в это время другой батальон будет вести поиски от Бомбея до границ с Кашмиром.

— Ну что ж, они только потеряют время даром, — холодно заметил Сердар.

— Надеюсь, Сердара так просто не поймать. Но не будет ли благоразумнее вместо того, чтобы продолжать сопротивление, уже не преследующее патриотические цели...

— Это все? — твердо перебил его Сердар.

— Я должен вас предупредить, что большое число индусов и иностранных авантюристов, привлеченных размером обещанной награды...

— Да, миллион... Англичане хорошо платят предателям...

— ...готовятся последовать за шотландцами.

— Первых мы заставим раскаяться в собственной храбрости. Что касается солдат, никто не тронет и волоса на их голове, они всего лишь подчиняются приказу.

— К их командиру вы будете так же снисходительны?

— Кто он?

— Капитан Максвелл.

— Палач Хардвара, Лакхнау, Агры, Бенареса?

— Он самый.

— Война закончилась, и если он не встанет на моем пути, я не собираюсь сводить с ним счеты. Совсем другое дело — Рама-Модели и Барнетт, для них это возможность подвести некоторые итоги... Я думал, что этот убийца женщин и детей служит в местной артиллерии.

— Да, но вице-король послал его в Бомбей, приказав губернатору поручить ему командовать экспедицией.

— Этот человек счастлив лишь тогда, когда вокруг льются кровь и слезы.

— Мне осталось сказать еще одно слово, и Сердар узнает все.

В этот миг перед Нариндрой возникла тень человека, который возбужденно схватил индуса за руки и произнес:

— Спасибо, Нариндра, спасибо за добрую весть!

Это был Рама-Модели, которого разбудил шум разговора.

— Ты все слышал? — спросил Сердар.

— Я никогда не сплю, если говорят об убийце моего

отца, — мрачно ответил заклинатель. — Продолжай, Нариндра.

— У нас есть еще один, куда более опасный враг.

— Мы знаем, это Кишнайя.

— Как, вы знаете?

— Рама-Модели совершил прогулку по равнине, и ему сообщили, что Кишнайя объявился где-то в окрестностях.

— Говорят, что душители провинции, преследуемые со всех сторон из-за предстоящей пуджи Кали, празднованию которой хочет помешать правительство, укрылись в горах в десяти милях от Нухурмура. При условии, что они помогут поймать Нану, им обещали в этом году закрыть глаза на их кровавые обряды, конечно, если жертвы будут из их собственного числа.

— Положение серьезное, надо быть крайне осторожными, — задумчиво произнес Сердар. — Я больше боюсь одного из этих демонов, чем целого батальона шотландцев. Мы с Нариндрой кое-что знаем по этому поводу.

— Да, Кишнайя чуть было не повесил нас в Пуант-де-Галль.

— Если бы не присутствие духа нашего друга заклинателя, мы бы сейчас не беседовали на Нухурмурском озере.

При этом воспоминании оба молча пожали руку Рама-Модели.

Глава V

Торжественная минута. — Совет. — Комический выход Барнетта и Барбассона. — Клятва. — Планы защиты. — Доклад Барбассона. — Ури говорит. — Шпион Кишнайи, вождя тугов. — Факир. — Попавший в собственную ловушку. — Ловкая защита. — Рам-Шудор. — Последний разговор Рамы и Нариндры.

Во время этого разговора шлюпка спокойно продолжала свой путь, и наши друзья уже приближались к обычному месту стоянки в нескольких шагах от входа в пещеры.

— Да, кстати, — сказал Покоритель джунглей Нариндре, — наш разговор был настолько интересен, что мы забыли спросить тебя, в чем причина посланного сигнала «стойте».

— О, это была ложная тревога, — ответил маратх. — Я услышал шум в кустах и на всякий случай, из осторожности, решил предостеречь вас от возможного сюрприза.

Шлюпка приближалась к берегу, и поскольку Сердар и Рама приступили к выполнению своих обязанностей — один начал сбрасывать скорость, другой встал у штурвала, направляя лодку к пристани, — Нариндра не сумел объяснить более подробно.

Происшествие, так взволновавшее их, когда они находились посредине озера, потеряло в их глазах всякий интерес после того, как сам Нариндра объяснил его ложной тревогой.

Уже начинал заниматься день, когда, поставив шлюпку в маленькую бухточку, со всех сторон окруженную лесом, трое друзей вернулись в Нухурмур. Все, кроме Сами, выполнявшего данное ему приказание, спали.

Сердар велел ему немедленно разбудить принца и Барнетта с Барбассоном, ибо положение было настолько серьезно, что надо было срочно созывать совет.

Нана-Сахиб уже встал и предупредил, что готов принять своих друзей.

— Так, кажется, есть новости, — промолвил он, держа в руке свою вечную трубку. На лице его было написано выражение смирения и покорности судьбе, не покидавшее его с тех пор, как он оказался в изгнании.

— Да, принц, — ответил Сердар, — сложившиеся обстоятельства крайне серьезны, нам необходимо договориться и выработать план действий и защиты, распределив между собой роли и обязанности. Подождем, пока не придут двое наших друзей.

В эту минуту Барнетт и Барбассон вбежали к принцу с растерянным видом, вооруженные до зубов.

— Что случилось? — спросил Барбассон. — На нас напали?

Сердар, догадавшись об уловке юного слуги, не смог сдержать улыбку, несмотря на мрачное настроение. Сами, в обязанности которого входило ежедневно будить неразлучных друзей, знал, каких трудов стоило заставить их вылезти из гамаков: каждое утро они осыпали его тумаками и затрещинами. Бравый метис не обращал на это внимания, лишь бы достичь своей цели. Заметьте, что адмирал и генерал накануне обычно сами назначали час своего пробуждения, если только была не их очередь нести караул. Но Сами, видя, что хозяин спешит, решил сократить обычный церемониал, включая и тумаки, поэтому он ворвался в грот Ореста и Пилада и закричал:

— Тревога! Тревога! На Нухурмур напали!

В мгновение ока оба были на ногах.

— Простите ему эту шалость, — сказал Сердар Бобу и

Барбассону, которые не знали, смеяться им или сердиться. — Сами, кстати, обманул вас лишь отчасти, ибо вы будете присутствовать на военном совете, а они обычно бывают накануне сражения.

Серьезность этих слов, словно по волшебству, успокоила Барнетта и Барбассона. Они поставили карабины и сели рядом с друзьями на диван.

По приглашению принца, который вел совет, Сердар взял слово и изложил, ничего не упуская, все факты, уже известные читателю.

Он рассказал о письме сестры, о ее предстоящем приезде вместе со всей семьей, о прощении, которого для него добились, объяснился, не поднимая, однако, завесу тайны, по поводу трагического события, разбившего его жизнь. Он сказал о том, что волею провидения и случая доказательство его невиновности находятся почти в его руках, в самой Индии, что благодаря помощи друзей он надеялся завладеть ими, несмотря на все трудности. Он сказал, что мечтал — разумеется, с согласия своих великодушных друзей — покинуть на время пещеры Нухурмура вместе с двумя из них, чтобы добыть эти бумаги и принести их сестре в тот момент, когда она ступит на землю Индии. Для него это было бы самым большим счастьем, о котором только может мечтать человек. Задумал он этот план, когда в Нухурмуре все было спокойно. Англичане считали, что принц и его соратники — в Тибете, и поиски их были практически прекращены. Но с тех пор произошло одно событие, и его честь приказывает ему все забыть и отказаться от столь дорогой ему мечты.

Голос Сердара задрожал от волнения, но он твердо продолжал:

— Я отказался от этого плана или, точнее, отложил его до лучших времен. Мне было бы слишком тяжело думать, что для меня все кончено, хотя положение изменилось. Горы будут прочесывать и туги, и отряд английской армии, не говоря уже о многочисленных проходимцах, настоящих подонках, привлеченных наградой, обещанной за нашу поимку. Возможно, очень скоро на наш след нападут, и мы вынуждены будем запереться в пещерах, выдерживать осаду, сражаться. И все это из-за неосторожности моих родных, которые, обратившись за моим помилованием к королеве, сказали, что я остался в Индии. Это немедленно навело наших врагов на мысль, что мы можем скрываться только в этих уединенных горах, поскольку за полгода обнаружить наши следы в другом месте не удалось.

Отвечать за ошибку моих родных должен я один, и если я заговорил о ней, то лишь потому, что знаю, к чему меня обязывают долг и необходимость сдержать данное слово. Мы все поклялись защищать принца до последней капли крови, и все мы, я уверен, готовы сдержать нашу клятву.

— Да, да! — воскликнули Барбассон и Барнетт, протягивая руки к Нана-Сахибу. — Клянемся защищать его от англичан! Мы скорее погибнем под развалинами Нухурмура, чем позволим им захватить его.

Странное дело! Ни Нариндра, ни Рама не приняли участия в происходящем. Сердар не обратил на это внимания, но слегка нахмуренные брови принца свидетельствовали о том, что поведение обоих индусов не прошло для него незамеченным.

— Благодарю вас, друзья мои, — ответил Нана-Сахиб, с горячностью пожимая протянутые ему руки. — Я не ждал ничего другого от великодушных сердец, которые одни только остались мне верны.

Когда волнение несколько улеглось, Сердар продолжал: — Что нам теперь делать? Подумайте, пусть каждый предложит свой план. Я предлагаю следующее. У нас есть две возможности, какую из них выбрать — решим большинством голосов. Во-первых, увидев, что нас окружают, мы можем покинуть Нухурмур, бежав по вершинам гор, и, переодевшись, добраться до Бомбея. Там мы можем сесть на «Диану» и отправиться на поиски какого-нибудь затерянного острова в Зондском проливе или Тихом океане, где принц, которому удалось спасти свои богатства, будет жить счастливо и спокойно.

— Только вместе с вами! — перебил его Нана. — Я смог унести с собой на десяток миллионов одних только драгоценных камней, не считая золота.

— Мое второе предложение, — продолжал Сердар, — запереться в Нухурмуре, где, как мне кажется, обнаружить нас будет довольно трудно. Две движущиеся скалы, закрывающие вход, настолько хорошо подогнаны, что совершенно сливаются с окружающими их утесами. Толщина их такова, что обнаружить за ними пустоту невозможно. У нас, кстати, есть способ сделать так, чтобы полностью заглушить звук, который они могли бы издать при простукивании. Съестных припасов у нас больше чем на два года, мне кажется, мы можем считать себя здесь в полной безопасности. К тому же все говорит о том, что это последняя попытка поймать нас. Через два-три месяца об этом приключении все забудут, и, если наше убежище не будет случайно открыто, мы

легко сможем сесть на «Диану», не вызывая подозрений, и отправиться, как и собирались, на поиски более гостеприимной земли. Первый проект опасен, если приступить к его исполнению немедленно, ибо все порты сейчас строжайшим образом проверяются: ни один корабль не выходит в море, если неизвестны его пассажиры и пункт назначения. Если мы попадемся, нас тут же повесят.

Достоинство второго проекта в том, что в случае успеха он без всякого риска приведет нас к первому, во всяком случае, если нас застигнут врасплох, мы взорвем себя и избежим виселицы. Я закончил, теперь ваша очередь, друзья. Я готов принять тот из этих планов, который вам понравится, или любой другой — по вашему усмотрению.

— Право слово, Сердар, — начал Барбассон, — по-моему, я выражу общее мнение, если скажу, что лучше придумать невозможно. Я принимаю ваш последний проект прежде всего потому, что он не исключает первого. К тому же я считаю, что Нухурмур легко защитить, мне здесь нравится, ну и, наконец, надо же доказать папаше Барбассону, что он был не прав, предсказывая своему наследнику смерть на виселице. У меня все.

— Что касается меня, — тщательно выговаривая слова, произнес Барнетт, желая показать, что он не забыл своей прежней профессии стряпчего, — присоединяюсь ко всем заявлениям, предложениям, выводам предыдущего оратора. Если папаша Барнетт еще жив, он будет счастлив узнать, что последний из Барнеттов болтается на конце веревки.

Нариндра и Рама заявили, что у них нет собственного мнения, ибо они привыкли всегда и во всем следовать за Сердаром. Нана, заинтригованный тем, что индусы вновь отказались высказать свое мнение, бросил на них пронизательный взгляд. Сердар настолько погрузился в размышления, что почти не замечал, что происходит вокруг. Короче говоря, поскольку никто не возразил открыто против предложения Сердара, было решено остаться в Нухурмуре.

— Вы не бойтесь, — сказал тогда Барбассон, — что присутствие слона может навести на наш след?

— Сразу видно, что вы не знаете Ауджали, — живо возразил Нариндра. — Тот, кто осмелится подойти к нему, уже никому не сможет рассказать об увиденном.

— Ладно, извините меня, но когда вы мне все объяснили, я спокоен.

— Вы совершенно правы, Барбассон, — заметил Сердар. — Более того, я призываю всех последовать вашему

примеру. Быть может, у кого-нибудь есть вопросы или соображения?

— У меня есть кое-что, — ответил провансалец. — Черт возьми, я готов пожертвовать жизнью, но для меня было бы большим утешением, если б в последний час я мог сказать себе, что все изучил, все предвидел и что другого выхода просто не было. Что об этом думает генерал?

— All is well that ends well*, господин адмирал.

— Я ничего не понимаю в твоей тарабарщине.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — улыбаясь, перевел Сердар.

— Вот видишь, это значит, что я всегда с тобой согласен.

— Черт побери, лучше не скажешь! Если б ты еще говорил по-провансальски, то был бы самым умным из всех американцев! Подхожу к моей мысли.

Разговор, носивший столь серьезный характер, когда говорил Сердар, постепенно принимал комический оборот, несмотря на важность обсуждаемых проблем. Это случалось всякий раз, когда потомок фокейцев брал слово.

— Мы слушаем вас, Барбассон, — перебил его Сердар с легким нетерпением.

— Так вот что пришло мне в голову. Вы сами сказали, Сердар, что открыть наше убежище можно только случайно. Так вот я думаю, что мы напрасно привели сюда вечером тотта-ведду, он может удрать, а мы за это здорово поплатимся. Иными словами, надо задержать этого дижаря в Нухурмуре до тех пор, пока мы сами будем здесь.

— Как! Вы не знаете, что он бежал? Да, верно, вы спали, и при его побеге присутствовали только мы с Раммой. Безусловно, из жалости и сострадания мы допустили небольшую оплошность, но поправить уже ничего нельзя.

— О каком тотта-ведде вы говорите? — живо спросил Нариндра.

Сердар, чтобы удовлетворить любопытство маратха, коротко поведал ему вчерашнюю историю. По мере того как Сердар продолжал свой рассказ, Нариндра выказывал признаки сильнейшего волнения. Бронзовый цвет его лица постепенно принял мертвенно-бледный оттенок, на лбу выступили крупные капли пота.

Увлеченный рассказом, Сердар ничего не замечал, а другие участники этой немой сцены были настолько поражены внезапной переменой в маратхе, что не осмеливались вмешаться, полагая, что Покоритель джунглей сам видит, что происходит.

Вдруг Сердар, подняв глаза на маратха, воскликнул с горестным удивлением:

— Во имя неба, Нариндра, что с тобой?

— Мы пропали, — пробормотал несчастный, едва держась на ногах, так велико и внезапно было пережитое им потрясение. — Сигнал, который я подал вам с берега...

— И что же? Успокойся и говори.

— Я услышал шум в кустах, росших вдоль озера... Я спрятался, предварительно крикнув два раза, как макака, чтобы предупредить вас на случай неприятности. Через пять минут мимо меня прошел факир, которого я хорошо знаю, это друг Кишнаи. Своей чудовищной худобой он действительно так похож на тотта-ведду, что немудрено ошибиться. За ним шли две ручные пантеры, которых он показывает в деревнях. Они весело прыгали вокруг него, а он говорил им: «Тише, Нера! Тише, Сита! Поспешим, мои хорошие, мы сегодня славно поработали...» И они продолжили свой путь по направлению к равнине.

Нариндра, к которому постепенно вернулось его хладнокровие, в конце концов благополучно закончил свое повествование:

— Обмануты! Мы обмануты этим гнусным мерзавцем Кишнаей! Он один мог задумать, подготовить и осуществить такой ловкий маневр.

— Нам остается только уносить ноги из Нухурмура! Смотри-ка, папаша Барбассон опять выплыл на поверхность. Берегись веревки, мой бедный Барнетт! — жалобно сказал марселец. Молодец шутил бы, пожалуй, даже на эшафоте.

— Пока еще нет! — воскликнул Сердар, ударив себя по лбу. — Напротив, я думаю, что мы спасены. Послушайте меня. Есть бесспорный, на мой взгляд, факт, что мнимый тотта-ведда был подослан Кишнаей. Вы знаете, что эти люди за несколько су наносят себе страшные раны, калечат себя перед статуями богов и бросаются под колеса колесницы, на которой в дни больших празднеств возят статуи Шивы или Вишну, короче говоря, они относятся к жизни и страданиям с полным презрением. Не останавливаясь на таких неясных моментах, как появление двух пантер по зову хозяина, — возможно, здесь сыграл свою роль тот самый случай, о котором сегодня мы так много говорили, — обратим внимание на то, что факир не знает и не сможет показать вход в пещеры со стороны озера. К счастью, я завязывал ему глаза, могу поручиться, что он ничего не видел. Уверяю вас, Кишнаия и туги никогда не осмелятся спуститься в долину, чтобы застать

нас врасплох, они слишком хорошо знают силу наших карабинов. Шотландцы, если им прикажут, конечно, могут это сделать с помощью приставных лестниц, но вождь душителей захочет, чтобы честь поимки принадлежала ему, и не станет делиться с ними своим открытием...

— Клянусь бородой всех Барбассонов, — воскликнул провансалец, — Сердар, вам нет равных. Я вижу, к чему вы клоните. Мы, уроженцы юга, все схватываем с полуслова.

— Мне было бы любопытно узнать...

— О чем я догадался?

— Вот именно. Если вы угадали, бьюсь об заклад, что наши предсказания осуществятся.

— Ну что же, нет ничего проще, чем продолжить ход ваших мыслей. Кишнайя, решив, что спуск через долину ему не подходит, начнет упрекать факира за то, что он не остался с нами подольше и не выведал секрет таинственного входа, через который его ввели с закрытыми глазами. Поэтому вполне возможно, что у мнимого тотта-ведды хватит наглости вернуться. Он сделает вид, что просто пошел прогуляться со своими пантерами. Я даже уверен, что все так и будет. Если только Кишнайя не дурак, он не упустит неожиданный шанс, давший возможность его шпиону проникнуть в пещеры, поэтому, как вы верно заметили, Сердар, мы спасены, ибо я бросаю вызов всем душителям в мире — пусть попробуют среди сотен долин на вершинах отыскать ту, где находится вход в пещеры.

Сердар сиял. Барбассон так ясно и точно изложил его мысли, что он собирался похвалить моряка за проницательность, но в этот момент вошел Сами, он был очень взволнован.

— Сахиб, — сказал он, — не знаю, что происходит, но мне кажется, кто-то стучится со стороны долины. Ауджали кричит, словно сумасшедший.

— Это тотта! Я же говорил! — торжествующе воскликнул Барбассон. — Никто, кроме него, не мог спуститься в долину. Смотрите-ка, Кишнайя — ловкий парень, он хочет воспользоваться случаем. Но избыток ума вредит, как говорят в моих краях.

— Открыть? — спросил Сами.

— А, черт побери, чем мы рискуем? — воскликнул провансалец.

Все присутствующие окаменели от изумления, так быстро развивались события, хотя, в сущности, в этом не было ничего удивительного. Было вполне естественно предположить, что

тота слишком поторопился уйти вместе со своими пантерами, обезумевшими от крика Ауджали, что Кишнаья не удовольствуется принесенными ему неполными сведениями, зная, с каким противником придется ему иметь дело. В этом случае немедленное возвращение тотта-ведды было самым надежным средством отвести подозрения. Глава тугов непременно заставил бы тотта вернуться, ибо сам в этом деле ничем не рисковал. В случае же удачи выигрыш был бы для него огромный. Более того, он почти не сомневался в успехе, учитывая дружеский прием, оказанный туземцу. Разумеется, Кишнаья не знал, что после разоблачения тотта ситуация изменилась. Во всем происходящем не было ничего странного, никаких совпадений, факты соединялись между собой и логически вытекали один из другого, что и продемонстрировали рассуждения Сердара и Барбассона.

Чуть поколебавшись, Сердар сделал знак Сами, и метис, выйдя в коридор, повернул, волнуясь, скалу. В тот же миг тотта-ведда, а это был он, одним прыжком оказался внутри и бросился к ногам Сердара. Пантеры не осмелились последовать за ним и остались снаружи. Сами на всякий случай закрыл вход, чтобы кошки не явились на помощь хозяину.

Неуловимым движением Сердар дал понять друзьям, что хочет сам вести разговор.

— Ну, мой славный Ури, ты, стало быть, вернулся? — спросил он туземца, ласково глядя его по голове. Он нарочно обратился к нему на каннарском языке, на котором, по словам Нариндры, тотта разговаривал с пантерами.

— Ури! Ури! — повторял тотта с таким невинным видом, что присутствующие не могли не восхититься совершенством, с которым он играл свою роль.

— Злюка, — продолжал Сердар, — разве можно оставлять друзей, не предупредив их! А может, кухня нашего друга Барнетта пришлась тебе не по вкусу? А ведь он вчера превзошел самого себя.

— Ури! Ури! Ури! — ответил факир с тупым равнодушием.

Сердар подумал, что эта игра может длиться долго и так он не продвинется ни на шаг. Он чувствовал, как кровь кипела у него в жилах, и с трудом сдерживался, чтобы не бросить тотте в лицо всю правду. Вместе с тем Сердар хотел разглядеть в поведении хитрого мошенника хоть малейший намек на то, что он не заблуждался на его счет. Разумеется, слова, услышанные Нариндрой, являлись самым веским из доказательств, но в этом тщедушном

существо было столько искренности и прямоты, все черты его дышали такой непринужденностью, такой наивной радостью от встречи с другом, что Покоритель джунглей порой спрашивал себя, не ошибся ли Нариндра.

Сердар решил сделать последнюю попытку, прежде чем прибегнуть к принуждению, в которое он верил слабо. Подобные меры почти не действуют на факиров, привыкших легко сносить лишения и физическую боль. Не было еще случая, чтобы от одного из этих людей удалось чего-то добиться, если он дал клятву молчать.

Надо было попытаться заставить его врасплох, добиться самой незначительной реакции с его стороны, а затем подействовать на него с помощью кастовых или религиозных предрассудков, имеющих над индусами безграничную власть.

На этом Сердар остановился, решив в случае неудачи посадить мнимого тоту под арест, чтобы он не мог причинить им никакого вреда.

Стараясь не глядеть на тоту слишком пристально и внимательно, чтобы не возбудить у него подозрений, но одновременно не спуская с него глаз, Сердар продолжал дружеским тоном:

— Ты хорошо сделал, что вернулся, несчастное, брошенное существо. У нас ты ни в чем не будешь нуждаться, равно как и твои пантеры, к которым ты так привязан.

Затем, глядя ему прямо в лицо, он быстро бросил ему фразу, услышанную Нариндрой: «Тише, Нера! Тише, Сита! Поспешим, сегодня мы славно поработали!»

Как ни был мнимый тотта готов к своей роли, удар был слишком силен и неожидан, чтобы он мог встретить его обычным равнодушием. Глаза его сверкнули, брови невольно сдвинулись, и он бросил быстрый взгляд в сторону коридора, через который вошел, словно взвешивая шансы на спасение. Но все это длилось лишь мгновение, тотта не выдал себя ни одним движением. На лице его застыло все то же выражение детской наивности, которое ему так хорошо удавалось, и он в третий раз повторил слово, которым выражал все свои эмоции: «Ури! Ури!» — сопроводив его веселым взрывом хохота, который должен был скрыть его ужас, ибо в этот момент он, несомненно, считал, что погиб.

Сколь мимолетной ни была реакция факира, она не ускользнула от Сердара, довольного достигнутым результатом. Он подождал, пока закончится приступ веселья, и сказал мнимому тотте голосом, исключавшим впредь всякое лицемерие:

— Прекрасно сыграно, малабарец, но комедия довольно продолжалась, встань, и если ты дорожишь жизнью, отвечай на наши вопросы.

Сердар говорил резко, без обиняков, и факир понял, что притворством ничего не добьется. Подчиняясь приказу, он встал и, прислонившись к стене, ждал с выражением глубокого презрения и полнейшего равнодушия. Это уже был не хилый тупица, не урод-недоносок, а существо мужественное и сильное, несмотря на свою невероятную худобу; резко очерченные черты его лица дышали энергией.

Этому человеку потребовалась огромная сила воли в соединении с тончайшим искусством, чтобы сыграть свою роль с таким совершенством, что все были введены в заблуждение. В какой-то момент Сердар начал было сомневаться в истинности рассказа Нариндры.

— Хорошо, — сказал Сердар, видя, что тот повиновался. — Ты признаешься, следовательно, что понимаешь по-каннарски. Продолжай в том же духе, и я думаю, мы сможем договориться. Главное, не пытайся лгать.

— Рам-Шудор отвечает, когда ему угодно, молчит, когда хочет, но Рам-Шудор никогда не лжет, — с достоинством ответил индус.

— Кто послал тебя сюда шпионить за нами?

Факир покачал головой и не произнес ни слова.

— Ты напрасно пытаешься скрыть его имя, — продолжал Сердар, — мы его знаем, это Кишнаья, предводитель тугов в Меваре.

При этих словах индус с любопытством и удивлением взглянул на собеседника. Присутствующие заключили из этого, что Кишнаья, как обычно, действовал исподтишка и не подозревал, что о его присутствии известно.

— Посмотри на нас хорошенько, — продолжил допрос Сердар. — Ты знаешь всех, кто здесь находится?

— Нет, — ответил факир, внимательно оглядев всех по очереди.

— Ты можешь в этом поклясться?

— Клянусь Шивой, карающим клятвопреступников.

— Значит, ты нас не знаешь, тебе не за что нам мстить, и ты согласился служить человеку из самой презираемой в Индии касты, чтобы выдать нас ему?

Индус ничего не ответил, но было видно, что он борется с сильным волнением.

— Я думал, — продолжал Сердар, — что факиры посвятили свою жизнь служению богам и среди них не най-

дется ни одного, который согласился бы стать шпионом грабителей и убийц.

— Рам-Шудор не шпион, Рам-Шудор никогда не делал зла, — угрюмо ответил индус, — но у Рам-Шудора есть дочь, она была радостью его дома, и сегодня старая Парвади оплакивает свою дочь Анниаму, которую туги похитили, чтобы принести ее в жертву во время следующей пуджи. Рам-Шудор ослаб духом, когда Кишнайя пришел и сказал ему: «Сделай это, и тебе вернут дочь». И Рам-Шудор сделал то, что велел ему Кишнайя, лишь бы старая Парвади не плакала больше, лишь бы ему вернули Анниаму.

Рыдания перехватывали голос факира, по лицу его струились слезы. В гроте воцарилось глубокое молчание. Закаленные в боях люди, сотни раз жертвовавшие жизнью на полях сражений, почувствовали, как их охватывает волнение, они испытывали бесконечную жалость и сострадание к отцу, оплакивавшему дочь, забывая, что этот человек хотел предать их. Сердар заговорил снова, стараясь, чтобы голос его звучал сурово:

— Итак, ты признаешь, что нашими жизнями ты хотел расплатиться за жизнь дочери. Какого наказания ты заслуживаешь за это?

— Смерти, — ответил индус, к которому вернулась его уверенность.

— Ну что же, ты сам вынес себе приговор.

Потом, бросив на друзей многозначительный взгляд, Сердар добавил:

— Даю тебе пять минут, чтобы подготовиться к смерти.

— Спасибо, сахиб, — сказал факир без всякой рисовки, — я хотел бы только попроситься с моими бедными зверями. Они всегда были мне верны и так любили Анниаму!

— Так-так, вот и началось! — воскликнул Барбассон по-французски, чтобы индус не понял его. — Вот и начались всякие фокусы, чтобы позвать на помощь пантер, а затем удрать. Ах, Боже ты мой, это было слишком прекрасно, право слово, уж слишком, он даже древних обскакал, клянусь честью, я чуть было не разрыдался.

— Вы ошибаетесь, Барбассон, — резко бросил ему Рама-Модели, — вы не знаете моих соотечественников. Этот человек решил умереть и не попытается бежать.

— Э-э! Хотел бы я проверить ваши слова, да уж слишком это опасное дело.

— Что ты скажешь, Рама? — спросил Сердар, слегка колеблясь.

— Я ручаюсь за него, — просто ответил заклинатель.

— И я тоже, — добавил Нариндра.

Нана-Сахиб кивнул в знак согласия.

Встретив такое единодушие, Сердар уступил.

— Если все удастся, а я начинаю в это верить, у нас будет прекрасное пополнение.

Он сделал факиру знак следовать за собой и направился к выходу во внутреннюю долину, где остались пантеры, приказав Сами быть вблизи с оружием в руках, ибо Сердар не хотел стать жертвой своего великодушия.

Последовавшая затем сцена была поистине удивительной. Рам-Шудор, выйдя за порог пещеры, позвал животных, резвившихся в долине. Пантеры примчались на его зов и осыпали хозяина ласками. Радостно вскрикивая и мурлыча с невыразимой нежностью, они лизали ему руки и лицо, катались у него в ногах, вскакивали, одним прыжком перепрыгивали через него, делали вид, что хотят убежать, затем возвращались, запыхавшись, снова ложились у его ног, вымаливая взглядом новые ласки, которыми их щедро одаривал факир.

— Я взял их совсем маленькими, — сказал он Сердару, — от одной матери. Они были еще слепые, а когда они начали ходить и играть, то принимали меня за мать и кричали, если я оставлял их одних. Они никогда и никому не сделали ничего дурного, возьмите их в возмещение за то зло, которое я хотел вам причинить... Вот и все, я готов.

— Хорошо, — сказал Сердар, заряжая револьвер.

— О, не здесь, мои звери разорвут вас, если увидят, что я упал рядом с вами.

— Тогда войдем в пещеру, и им ничего не будет видно.

Они вернулись в пещеру, и скала тотчас закрылась за ними, теперь уже пантеры не могли защитить хозяина.

— Ну, Барбассон, вы убедились? — спросил Сердар.

— Честное слово, это выше моего разумения. Как говорится, надо было увидеть, чтобы поверить.

Рам-Шудор ждал.

— Итак, жизнь твоя принадлежит нам, — сказал ему Сердар.

— Да, вам, — просто ответил индус.

— Так вот, мы сохраним ее тебе, и поскольку живой ты нам будешь полезней, чем мертвый, мы предлагаем тебе служить нам до тех пор, пока ты будешь нам нужен.

Факир, который готовился к роковому выстрелу, не верил своим ушам. До сих пор он держался с поразительным

хладнокровием, но теперь вынужден был прислониться к стене, чтобы не упасть в обморок.

— Вы оставляете мне жизнь?

— При условии, что ты будешь верно служить нам.

— Я буду вашим рабом.

— Знай, что мы сумеем вознаградить тебя за твои услуги: пуджа Кали состоится только через пять недель, до этого мы накажем Кишнаю и вернем тебе дочь.

— Сахиб! Сахиб! Если вы сделаете это, Рам-Шудор станет вашей тенью, он будет смотреть вашими глазами и думать вашей головой!.. Он будет поклоняться вам, словно божеству, ибо великий Ману сказал: «Тот, кто умеет прощать, близок к богам».

И тогда Рам-Шудор, подняв руку к небу, произнес страшную клятву, которую ни один индус, будь он сто раз предатель, вор и убийца, не осмелится нарушить, если уж она сорвалась с его губ. Поклявшись Брамой, Вишну и Шивой, факир продолжал:

— Пусть я умру вдали от близких, в самых страшных мучениях, пусть никто из моих родных не согласится выполнить на моей могиле погребальный обряд, пусть тело мое будет брошено на съедение самым гнусным животным, пусть душа моя переселится в тело желтолапых грифов и вонючих шакалов и пребывает там в течение жизни тысяч и тысяч человеческих поколений, если я изменю своей клятве служить вам и быть вам преданным до последнего вздоха. Я сказал, пусть дух Индры запишет это в Книгу судеб, дабы помнили о моей клятве боги-мстители!

Произнеся клятву, Рам-Шудор обошел всех присутствующих, беря каждого за правую руку, он прикладывал ее к своей груди и голове. Подойдя к Сердару, он повторил обряд трижды, чтобы подчеркнуть, что именно его он выбирает своим хозяином и что в случае разногласий будет повиноваться именно ему.

— Теперь, — сказал Рама-Модели Сердару, — в какой бы час дня и ночи вам ни понадобился этот человек, каковы бы ни были ваши приказания, он принадлежит вам душой и телом, и никогда, слышите, никогда не нарушит он свою клятву, по праву названную страшной. Чтобы вы поняли всю ее важность... Вы знаете, Сердар, что я люблю вас и предан вам, но эту клятву я бы не произнес, ибо стоит мне отступить от нее, даже не по моей воле, боги-мстители этого не забудут.

— О, Рама, тебе нет нужды в клятвах, чтобы быть верным другом и делать добро.

Они пожали друг другу руки, вложив в это рукопожатие все дружеские чувства, возникшие между ними за десять лет совместно пережитых опасностей и страданий.

— А я? — спросил Нариндра, подойдя к ним.

— А ты, — сказал Сердар, употребив одну из символических формул, которые так любят индусы, — ты — дух, соединяющий наши души. Недаром имя твое — Нариндра, нара — дух, Индра — имя бога.

Действительно, трудно было представить себе людей, более разных по происхождению, воспитанию, привычкам и вместе с тем так прочно соединенных душой и мыслями. Приближался час, когда двое индусов должны были вновь доказать Сердару свою дружбу и преданность.

Видя, что Сердар отказался от давней мечты восстановить свою репутацию ради того, чтобы остаться с Нана-Сахибом, Рама и Нариндра испытали живейшее огорчение, ибо в минуты отчаяния Сердар делился с ними самыми сокровенными переживаниями. Сколько раз видели они, как эта гордая, тонко чувствующая душа сгибается под грузом мучительных воспоминаний, сколько раз их друг готов был покончить счеты с жизнью, чтобы в вечном сне обрести вечный покой! После волнующей сцены клятвы, когда маленькое общество Нухурмура пополнилось новым членом, все стали прощаться с Нана-Сахибом, к которому по-прежнему относились со всеми подобающими принцу почестями. В этот момент Нариндра быстро шепнул Рама на ухо:

— Мне нужно кое-что сказать тебе по секрету, зайди ко мне.

— Я хотел просить тебя о том же самом, — ответил заклинатель.

— Смотри, чтобы никто не догадался о нашем разговоре.

— Даже Сердар?

— Прежде всего Сердар!

Нариндра под предлогом усталости (он действительно после того, как вышел из Бомбея, шел без отдыха двое суток днем и ночью) попросил разрешения пойти отдохнуть и удалился в свою пещеру, выйдя вместе с заклинателем.

Несколько мгновений спустя, отодвинув циновку, закрывающую вход, в пещеру вслед за Нариндрой вошел Рама.

— Я здесь, Нариндра, — сказал он.

— Будем говорить шепотом, — ответил маратх, — Сердар не должен подозревать о наших планах, я знаю его, он на это не согласится.

— У меня тоже есть к тебе одно предложение, но говори вначале ты, ибо идея этого разговора принадлежит тебе.

— Возможно, мысли наши совпадают, выслушай меня и ответь откровенно. Что ты думаешь об эгоизме и равнодушии, с которыми Нана-Сахиб отнесся к тому, что Сердар принес ему в жертву свои чувства, самого себя, свою самую дорогую мечту?

— Я думаю, как и ты, Нариндра, что для принцев люди — лишь слепые орудия в их руках, рабы их воли и что самое главное для них — это они сами.

— Прекрасно, теперь я уверен в твоей поддержке. Когда я увидел сегодня, что Сердар в своей преданности принцу зашел настолько далеко, что отказался даже от восстановления своей чести, от любви сестры, которая приезжает в Индию ради того, чтобы ее брат покончил наконец с жизнью скитальца, которую он ведет уже столько лет, когда я увидел это, мне показалось, что мы будем присутствовать при одной из тех великолепных сцен, которые встречаются только в древних поэмах, мой бедный Рама, ибо героические времена давно миновали. Я решил было, что Нана-Сахиб не захочет уступить в величии души и благородстве тому, кто столько раз приносил себя ему в жертву. Но заблуждение было недолгим, и сердце мое наполнилось отвращением, когда я увидел, с какой легкостью Нана принимает от других жертвы, ничего не давая взамен. В сущности говоря, чем он рискует? Тем, что кончит свои дни во дворце, получив от англичан приличную пенсию. Правда, перед этим ему придется выступить в роли победного трофея во время празднеств в честь подавления восстания. Нам же всем грозит позорная смерть, ибо, будь уверен, если прощают вождю, то лишь для того, чтобы сильнее нанести удар по его сообщникам. А наш друг Сердар будет наказан особенно сурово, ибо он пренебрег амнистией королевы, выпрошенной его семьей.

Ах, если б Нана сказал ему: «Сердар, я могу позволить вам пожертвовать жизнью, но не честью. Ступайте, осуществите ваш план, восстановите ваше доброе имя, верните себе уважение общества и любовь вашей семьи. Я здесь в безопасности — и с вами, и без вас. Если, выполнив задуманное, вы захотите помочь мне бежать и переправить меня в свободную страну, где потомку Великих Моголов не придется опасаться унижения, я буду счастлив принять от вас эту последнюю услугу». Ах, если бы он так сказал, как это было бы прекрасно, великодушно и достойно потомка двадцати царей, которые, покоясь в пыли веков, признали бы, что их отпрыск достоин их... Но нет, он соблаговолил просто поблагодарить людей, которые жертвуют честью и

жизнью ради того, чтобы на его репутации не было ни пятнышка, чтобы гордость его не страдала. Так нет же, этому не бывать, Рама! Довольно! Я не хочу, чтобы истинный герой восстания умер, обесчещенный этой марионеткой, который умел только играть в монарха, тогда как надо было с мечом в руках гнать англичан до самого океана, чтобы завершить начатое нами дело. Нет, этому не бывать, потому что я, воин народа маратхов, самой чистой индусской расы, не стану склоняться перед этим мусульманином-моголом, чьи предки еще за шесть веков до англичан поработили мою страну. Этому не бывать, потому что Сердар ошибается на его счет, сам того не подозревая. Нана так же не способен бороться с превратностями судьбы, как бездарен он был, когда ему улыбалась удача. Восхищаясь Наной, Сердар на самом деле восхищается собственным героизмом. Мы охраняем принца, а он в это время либо курит трубку, растянувшись на диване, либо спит. Я понимаю, что Сердар уважает, боготворит Нану как символ побежденного восстания, тогда как подлинным символом был он сам и для патриотов, как ты и я, по-прежнему олицетворяет его честь и, может быть, надежду. Поэтому я не хочу, чтобы Сердар жертвовал собой ради этого человека и рисковал выступить с оружием в руках против полка, которым будет командовать его зять, а знамя которого будет нести племянник. Мы вдвоем, Рама, должны спасти нашего друга помимо его воли и, я повторяю, так, чтобы он ни о чем не догадался, иначе он не согласится.

— Я слушал тебя, не перебивая, Нариндра, — с горячностью ответил заклинатель, — ибо каждое твое слово отвечало моим мыслям. Но каким образом мы можем достичь нашей цели? Ты же знаешь характер Сердара, его непреклонность и приверженность своим убеждениям.

— Я нашел средство, Рама.

— Какое же?

— Действовать должен сам Нана-Сахиб, одни мы ничего не добьемся.

— Он никогда не согласится.

— Ты ошибаешься, Рама, — холодно ответил Нариндра. — Я решился на все, чтобы избежать непоправимого несчастья.

— Даже на предательство Наны? — нерешительно спросил заклинатель.

— Ты забываешь, Рама, что я царской крови, я тоже потомок древних правителей нашей страны, я последний представитель старой маратхской династии, правившей Де-

каном и никогда не подчинявшейся набобам Дели. Англия сама признала права моего отца на титул раджи, но я не захотел получать пенсию от англичан и стать частью стада набобов, лишенных владений и украшающих салоны вице-короля Калькутты. Я не склонял головы перед Нана-Сахибом, меня с ним не связывает никакая клятва верности... Я прошу тебя сегодня же вечером присутствовать при моем разговоре с ним в то время, как Сердар будет по обыкновению объезжать озеро. Когда-нибудь ты сможешь выступить как свидетель.

— Хорошо, я согласен сопровождать тебя.

— Дай мне обещание.

— Какое?

— Что бы ты ни видел или ни слышал, поклянись мне не вмешиваться.

— Значит, это так серьезно?

— Я хочу спасти Сердара!

— Даю слово.

— А теперь, что ты хотел мне сказать?

— Мне остается только уйти, Нариндра. Наши с тобой мысли совпали. Я так же, как ты, считаю, что Сердар собирается погубить себя навеки, без всякой пользы для дела революции, которое Нана так плохо защищал. Но я напрасно ломал себе голову, не находя никакого выхода...

— Итак, до вечера. Если я не проснусь сам, ибо за последние двое суток у меня не было ни минуты отдыха, разбуди меня, как только Сердар уйдет.

— Договорились. Пусть Индра, бог сна, пошлет тебе счастливые предзнаменования!

Глава VI

Свидание Нариндры и Рамы с Нана-Сахибом. — Бурный разговор. — Страшная клятва. — Нана освобождает Покорителя джунглей от данного им слова. — Приготовления к отъезду. — Непонятная остановка. — Снова шпион Кишнайи.

В тот же час, когда Сердар совершал, как обычно, осмотр озера — этой мерой предосторожности он никогда не пренебрегал и не передоверял ее никому другому, — он попросил Барбассона и Барнетта сопровождать его. Накануне он понял, что для управления лодкой требовались два че-

ловека — один у руля, другой — у мотора, поэтому в случае тревоги ему понадобилась бы помощь.

Сердар был еще печальнее и угрюмее, чем обычно. Утром, уступив великодушному порыву, он поклялся не покидать Нана-Сахиба до тех пор, пока принц не будет в полной безопасности. Он не сожалел об этом, ибо приписывал неосторожности родных новые меры, предпринятые вице-королем, чтобы захватить изгнанника. Но свой долг он выполнял не без горьких душевных мук. Он не скрывал от себя, что рухнули его мечты о счастье, которые он вынашивал в течение нескольких месяцев, его надежда восстановить доброе имя, обрести очаг и привязанность близких... Он рисковал потерять любовь сестры, которая спешила в Индию, чтобы обнять его. Каково же будет ее разочарование, когда она узнает, что он не внял ее мольбам, что он один продолжает бессмысленную, а после амнистии и преступную борьбу с правительством, в данном случае проявившим великодушие. Каково же будет горе его дорогой Дианы, когда она увидит, что ее брат глух к доводам сердца и рассудка. Вместе с тем разве он не исполнил долг, приготовив это убежище для Наны и привезя его сюда после того, как помог ему бежать? Неужели до конца своих дней он будет зависеть от капризов принца? О, еще накануне он был свободен, он мог уехать куда угодно. Нана просил его только об одном: найти какой-нибудь дальний остров и перевезти его туда на «Диане». Предполагалось, что все это произойдет позже, после того, как Сердар встретится с родными и добьется отмены несправедливого приговора. И вот, увлеченный своей рыцарской натурой, он связал себя клятвой, не позволявшей ему даже встретить сестру, ибо для этого он должен был сложить оружие, что теперь оказалось для него невозможным.

Вместе с тем не было ничего позорного в том, чтобы покориться. Когда борьба закончена, когда нет больше ни армии, ни регулярных частей, закон победителя есть закон. В этих условиях отказ подчиниться равносителен тому, чтобы объявить себя разбойником с большой дороги. Жизнь Нана-Сахиба больше не была в опасности, более того, в случае чего пощадят его одного, а всех остальных повесят. Не были ли их отказ повиноваться неслыханным безумием, которое никто не поймет?

Странно, что Сердар мало-помалу пришел к тем же выводам, что Нариндра и Рама; это доказывает, что логика имеет свои непреложные законы. Нана отказался сдаться,

пусть, это его дело, пока борьба продолжалась в обычных условиях, верность ему была делом чести. Но как только англичане объявили, что непременно сохранят жизнь вождю восстания, но повесят любого, кто не сложит оружия, со стороны Наны было низостью держать возле себя горстку верных ему людей, которые неминуемо должны были кончить свою жизнь на виселице, тогда как сам принц рисковал только тем, что стал бы пенсионером англичан.

Разумеется, в своих размышлениях Сердар не заходил так далеко, у него было слишком высокое понятие о чести, чтобы рассуждать подобным образом, но он чувствовал, не желая себе в этом признаться, что на месте Нана-Сахиба вел бы себя по-другому, так, чтобы его нельзя было упрекнуть в эгоизме.

Несчастный долго прогуливался по долине, внутренне страдая и борясь с собой. Наконец, как обычно, он подавил в себе обуревавшие его чувства и, отбросив бесполезные сожаления, принял твердое и бесповоротное решение.

— Жребий брошен, — сказал он себе. — Слишком поздно, я поклялся и сдержу слово.

И он велел Барбассону и Барнетту отправиться к шлюпке. Едва они отплыли от берега, как Нариндра и Рама отправились к Нана-Сахибу.

— Что вам угодно? — спросил принц, приподнявшись на диване, удивленный тем, что они вошли без обычного предупреждения.

— Нам надо поговорить с тобой, Нана, — ответил Нариндра, — а так как разговор должен остаться между тобой, Рамой и мной, мы ждали отъезда Сердара.

— Что произошло? — спросил принц, заинтригованный торжественным видом маратха.

— Перейду сразу к делу, — продолжал Нариндра. — Мы пришли просить тебя освободить Сердара от клятвы, которую в порыве чрезмерного благородства он дал тебе сегодня утром, тем самым подписав себе смертный приговор. А твоя (он хотел было сказать «особа», но спохватился), а твоя свобода не стоит жизни такого человека.

— По какому праву вы явились ко мне? — высокомерно спросил принц.

— Ах, по какому праву? — живо перебил его Нариндра. — Не будем тянуть, у нас нет времени, вот оно, мое право.

И он направил на Нана-Сахиба револьвер.

— Вы хотите убить меня?

— Нет, но придется, если ты будешь упорствовать. Тем самым я спасу жизнь шести человек, дело того стоит.

— Как вы смеее обращаться так с потомком Великих Моголов?

— Я тоже царской крови, Нана, и род мой древнее твоего, но не будем спорить: ты в моей власти, и я этим пользуюсь.

— Что вы от меня хотите?

— Я уже сказал тебе, но могу объяснить более понятно. До амнистии, объявленной англичанами, все мы могли опасаться как за твою, так и за нашу жизнь, мы защищали бы тебя до последней капли крови. Но теперь ситуация изменилась. Англичане обязались пощадить тебя и назначить пенсию, приличествующую твоему рангу, тогда как нас, если мы не воспользуемся амнистией, ждут три сажени веревки, позорная смерть воров. Поэтому, как ты мог заметить, ни я, ни Рама, мы не присоединились к клятве, данной тебе европейцами.

— Да, действительно, я это заметил.

— Но нам этого недостаточно. Ты можешь поступить, как тебе угодно, с двумя другими, но Сердара мы поклялись спасти, даже против его и твоей воли. С твоей стороны, Нана, будет неслыханной низостью, если в один прекрасный день, а так оно и случится, ты отправишься в Калькутту и будешь жить там во дворце на золото англичан, в то время как по твоей вине повесят подлинного героя войны за независимость. Поэтому сегодня же вечером, когда он вернется, ты позовешь его и, освободив от клятвы, прикажешь ему ответить на зов сестры, потребуешь от него сделать все необходимое, чтобы восстановить свою честь и занять подобающее место в обществе. Ты сможешь добавить, что, когда он осуществит все задуманное, только тогда ты согласишься принять его помощь, но не для того, чтобы сражаться с английскими войсками, а чтобы перевезти тебя на борту «Дианы» в какую-нибудь далекую страну, где ты будешь жить спокойно, в окружении твоих богатств.

— Я понимаю, в чем тут дело, — горько улыбнувшись, сказал Нана-Сахиб, — под предлогом спасения Сердара вы хотите обеспечить собственную безопасность.

— Ах, как плохо ты нас знаешь, Нана! Так слушай. Рама, произнеси за мной следующие слова: «Я, Нариндра, клянусь моими предками, клянусь страшной клятвой, что если Нана-Сахиб выполнит в точности то, о чем я его

прошу, я буду защищать его до самой смерти в случае, если он сам предпочтет славный конец английскому плену».

— И вы сделаете это? — воскликнул пораженный Нана-Сахиб.

— Мы поклялись. Теперь твоя очередь.

— А если я откажусь?

— Я тут же пушу тебе пулю в лоб. — И маратх приставил дуло револьвера к виску принца.

— Стой! — воскликнул Нана, обезумев. — Стой! Я согласен на все, но вы должны остаться со мной.

— Мы дали тебе клятву.

— Хорошо, сегодня же вечером я сделаю все, о чем вы меня просили.

— Поклянись священной клятвой.

Принц заколебался, и Нариндра снова поднял револьвер. Не было никакого способа уклониться от ужасной необходимости, и Нана произнес клятву.

— Еще мгновение назад, — продолжал Нариндра, — этого было достаточно, но теперь твоя клятва нужна нам в письменном виде и с твоей подписью.

Несчастный был побежден и безропотно подчинился этому новому требованию.

— Теперь все, — сказал Нариндра, пряча на груди пальмовый лист, на котором писал принц. — Мне остается только дать тебе один совет. Постарайся проявить величие и великодушие, как подобает монарху, тогда Сердар ничего не заподозрит и навсегда сохранит о тебе самые возвышенные воспоминания.

— Вы мне оставите по крайней мере двух других чужестранцев?

— О, еще бы! Нам это безразлично, потому что рано или поздно их повесят, в Индии или где-нибудь еще. К тому же у тебя достаточно золота, чтобы купить их.

— А вы?

— Не бойся, мы будем сражаться в первых рядах, но рядом с тобой, мы — ни твои подданные, ни друзья, ни наемники у тебя на службе.

С этими словами Нариндра и Рама удалились. Сердару было уже пора возвращаться.

Нана-Сахиб поступил так, как советовал ему Нариндра, — по-царски. Невозможно описать радость Сердара, когда принц освободил его от клятвы. Более того, он не мог теперь даже по собственной воле продолжать играть роль защитника Наны, ибо тот заявил с гордым достоинством:

— После того как англичане пообещали сохранить мне жизнь, я не могу согласиться на подобную жертву с вашей стороны. Что скажет история, сохраняющая в своей памяти малейшие действия монархов, если я приму в дар вашу жизнь, когда моей собственной не угрожает больше опасность? Вы мне устроили в Нухурмуре убежище, где я чувствую себя в полной безопасности, здесь я дождусь лучших дней. Если позже, закончив все ваши дела, вы вспомните обо мне, я с удовольствием воспользуюсь вашим гостеприимством на «Диане», и мы вместе отправимся на поиски земли, где потомок Ауранг-Зеба и Надир-шаха сможет жить и умереть на свободе, не нуждаясь в милости англичан.

Сердар вышел от принца со слезами на глазах, сердце его было полно восхищения и восторга перед своим героем, слабостей которого он никогда не хотел замечать.

— Как жаль, что нам не удалось освободить Индию! — сказал он своим друзьям. — Нана, несомненно, был бы великим монархом.

— Вот как пишется история! — шепнул Нариндра на ухо Рама-Модели.

Всю ночь Сердар не мог сомкнуть глаз. Он не помнил, чтобы когда-нибудь испытывал подобную радость, разве что в день битвы при Или, когда его, двадцатидвухлетнего офицера, маршал Бюто наградил орденом Почетного легиона, который с его груди сорвал потом один мерзавец... Но он был свободен, наконец-то свободен! И виновник всех его несчастий, с соизволения Божьего, находился в Индии. Человек, из-за которого его разжаловал военный совет, человек, ставший причиной того, что его проклял отец, оттолкнула семья, что двадцать лет он скитался по свету, чтобы избавиться от отчаяния, забыться в сражениях, заговорах, борьбе, человек этот был сэр Уильям Браун, губернатор острова Цейлон.

Год назад Сердар неожиданно встретился с ним лицом к лицу и думал, что убил на дуэли без свидетелей. Но Бог позволил губернатору выжить, чтобы его бывшая жертва смогла вырвать у него признание. Именно этому и собирался посвятить себя Сердар, ставший вновь Фредериком де Монмор де Монмореном. Он хотел принести сестре доказательство чудовищного мошенничества, погубившего его, он хотел, чтобы первые услышанные ею слова были: «Твой брат всегда был достоин тебя...»

За час до восхода солнца Ауджали с дорожным хаудахом на спине ждал на берегу озера, пока маленький отряд закончит свои последние приготовления. Сердар брал с

собой Нариндру и Раму, которые добились у Наны разрешения сопровождать его. Принц, вспомнив слова индусов: «Мы будем сражаться рядом с тобой», предпочел им чужеземцев, те не станут тревожить его покой, требуя, чтобы он не щадил себя, а благодаря золоту, на которое он был щедр, будут честно служить ему. Удивительно, но принц, проявивший столько неподдельной храбрости во главе восставших сипаев, после поражения впал в полнейшую апатию и фатализм, присущие всем владыкам на Востоке. Если бы в его безмерной гордыне публичное унижение, уготованное ему англичанами, не было равносильно смерти (к тому же, по индусским поверьям, оно низводило его на уровень париев), он бы уже давно сдался и поселился в одном из дворцов на берегу Ганга, погрузившись, как и все лишённые трона раджи, в мечтательное созерцание.

В тот момент, когда маленький отряд собирался тронуться в путь по направлению к Гоа, чтобы сесть там на «Диану» и отправиться в Пуант-де-Галль, Рам-Шудор, появившись вместе с пантерами, стал умолять Сердара взять его с собой. Сердар хотел было отказать факиру, но тут ему в голову пришла одна мысль.

— Кто знает, что может случиться, — пробормотал он.

Пантеры, уже подружившись со слоном, которому Нариндра дал на этот счет соответствующие наставления, весело прыгали вокруг Ауджали. Показав на них факиру, Сердар спросил:

— Ты можешь заставить прыгнуть их в хаудах?

— Как прикажете, сахиб, — ответил бедняга, — это дрессированные животные, я их показываю на праздниках в деревнях, они повинуются одному моему знаку.

И в подтверждение своих слов он приказал пантерам взобраться на спину великана. Ауджали, успокоенный присутствием своего погонщика, довольно дружелюбно принял двух новых путешественников.

— Закройте хаудах и в путь! — приказал Сердар звучным, ясным голосом.

Как высказать безмерную радость, переполнявшую его сердце? Двадцать лет ждал он часа мести и восстановления справедливости. Разумеется, ему предстояла схватка с сильным врагом, у которого в распоряжении были все средства защиты, но мысль об этом ни на минуту не остановила Сердара. Он давно уже подготовил свой план и был уверен в его успехе. К тому же с такими мужественными и преданными друзьями, как Нариндра и Рама-Модели, он мог всего добиться!

Когда маленький отряд перевалил через вершину Нухурмура, Сердар остановился. У ног его простирались спокойные прохладные воды озера, которые поблескивали в первых лучах восходящего солнца. Со всех сторон тянулись холмы и долины, покрытые непроходимыми лесами, различить среди них ту, что вела к таинственному жилищу, было невозможно.

— Ну что же, — сказал он себе после глубокого размышления, — только предательство выдаст наше убежище. Я могу уехать спокойно.

Повернувшись к склону гор, обращенному в сторону Индийского океана, чьи воды начинали постепенно окрашиваться в лазурный цвет, он с вызовом выбросил руку по направлению к Цейлону и крикнул:

— Теперь берегитесь, сэр Уильям Браун!

Путешественники начали спускаться к морю, чтобы добраться берегом до Гоа. Они не заметили, как из-за пальм вдруг высунулась чья-то голова, которая провожала их взглядом, зловеще улыбаясь. Это был Кишнайя, вождь тугов.

Немного погодя, когда его враги скрылись в лесных зарослях, он вышел из кустов, где прятался, и пробормотал:

— Прекрасно! Рам-Шудор с ними, скоро они узнают, что значит доверяться Рам-Шудору... Ах-ах! Чудную историю он им рассказал... Его дочь, красавица Анниама, захвачена тугами! И страшная клятва... Безумцы, они не знают, что туги верят только в Кали, мрачную богиню, что для них нет иных клятв, кроме тех, что произнесены над трепещущими внутренностями жертвы...

Будучи уверен, что никто его не слышит, он прибавил с жесткой усмешкой:

— Ступайте прямо в пасть к волку. Уильям Браун предупрежден, что Рам-Шудор ведет к нему друзей. Вы будете довольны приемом!

И он направился к Нухурмурскому озеру.

Часть третья

РАЗВАЛИНЫ ХРАМОВ КАРЛИ

Глава I

Идеи Барбассона и мечты Барнетта. — Рыбалка. — Странный вид шлюпки. — Зловещие предчувствия. — След человеческой ноги. — Непонятная остановка. — Неминуемая смерть. — Заколдованная шлюпка.

В то утро Барбассон был в чудесном настроении, а Барнетт все видел в розовом цвете. Отъезд Сердара ничем не нарушил состояния удовольствия, в котором пребывали два друга. Мы рискнули бы даже предположить, что он немало способствовал тому, что в их сердцах и душах царили покой и благодать, и оба были в равной степени счастливы.

Ах, этот Сердар с его величавым видом, с изысканными манерами, всегда приветливый, но сдержанный... В его присутствии они робели и чувствовали себя неловко. Они не могли хлопнуть его по плечу, подпустить, не чинясь, пару шуток, как обычно принято среди друзей. Если уж на то пошло, они были не его круга, и хоть он позволял им некоторую фамильярность в обращении с собой, учитывая их образ жизни и нынешнее положение, они никак не могли на это решиться. А между тем трудно найти человека более непосредственного по своей натуре, чем провансалец, разве что янки. Вот, к примеру, — ничто лучше не поясняет ту или иную мысль, чем пример, — одолжите провансальцу вашу лошадь, и на третий раз он вам скажет: «Что за

чудное животное наша лошадь!» Янки же во второй раз не вернет ее вовсе, если только он не забыл отослать ее вам с самого начала.

Хотя все в Нухурмуре пользовались полной свободой, Барбассон и Барнетт считали, что они стеснены в своих действиях, присутствие Сердара обязывало их к определенной сдержанности, больше проистекавшей из сознания собственной неполноценности, нежели из поведения Сердара по отношению к ним. После его отъезда они стали полными хозяевами пещер, о Нана-Сахибе и говорить было нечего: принц жил один в специально отведенной и обставленной для него части пещер, пил только воду, все время курил трубку и никак не мог стеснять двух приятелей, которые в отсутствие Сердара задумали устроить себе райскую жизнь. Начать они решили немедленно.

Было около полудня, стол был еще загроможден остатками десерта.

— Слушай-ка, Барнетт, — начал Барбассон после вкусного завтрака, который окончательно привел их в отличное расположение духа, ибо они несколько злоупотребили бургундским, — ты знаешь, у меня в голове полно идей, которыми я хотел бы с тобой поделиться и узнать, что ты думаешь по этому поводу...

И он налил себе вторую чашку настоящего мокко с золотистыми блестками.

— У меня тоже, Барбассон.

— Называй меня Мариус, а? Это звучит поласковее, ты ведь мой друг, не так ли?

— Пусть будет Мариус, — ответил Барнетт, и лицо его осветилось. — С одним условием.

— С каким?

— Ты будешь звать меня Боб, это звучит понежнее, ты тоже мой друг, правда ведь?

— Друг да друг, получается два друга.

Оба приятеля глупо расхохотались, как бывает, когда собеседники навеселе.

— Договорились! — воскликнул Барбассон. — Ты зовешь меня Мариус, а я тебя — Боб.

— Я тебе говорил, мой друг Мариус, что я тоже полон всяких проектов, — удивительно, как у меня сегодня четко работает голова, — и я бы тоже хотел знать твое мнение.

— До чего же мы похожи, мой дорогой Боб, — продолжал марселец. — Если бы ты мог себе представить, как мысли роятся у меня в голове, ей-богу, их больше, чем звезд на небе. Но тебе не кажется, что здесь не слишком

подходящее место для разговоров? Эта лампа сильно нагревает голову, а она у меня и без того ходуном ходит, мысли так и толкутся, так и шныряют туда-сюда... Поскольку юному Сами вовсе незачем присутствовать при наших откровениях, не сделать ли нам кружок по озеру? Беседуя о наших делах, мы заодно половим форелей. Чудная будет закуска к ужину!

— Bravo, Мариус! Кроме того, мы сможем дышать свежим воздухом, наслаждаться природой, любоваться голубыми волнами, дальними далями, зеленью деревьев, слушать мелодичное пение птичек.

— Боб, а я и не знал, что ты поэт...

— Что ты хочешь? Разве жизнь в дыре может вдохновлять?

— Пошли.

— Только возьму карабин, и я готов.

— Ах, нет, Боб, ни в коем случае никакого оружия, кроме удочек.

— Мариус, ты с ума сошел? Или это замечательное бургундское...

— Ни слова больше, иначе ты пожалеешь. Слушай и восхищайся моей проницательностью. Что сказал маратх, вернувшись из Бомбея?

— Господи, да я не помню.

— Он сказал, — продолжал Барбассон, отчеканивая слова, — что англичане объявляют полную и всеобщую амнистию всем иностранцам, принимавшим участие в восстании, при условии, что указанные иностранцы сложат оружие.

— Ну мы-то не можем его сложить, мы же поклялись защищать...

— До чего же ты наивен, мой бедный Боб! Дай мне договорить.

И он продолжал назидательным тоном:

— Видишь ли, Боб, в жизни надо уметь вертеться, иначе ты быстро станешь игрушкой в руках событий, тогда как по-настоящему сильный человек должен уметь управлять ими. Совершенно ясно, что для Нана-Сахиба, пока он нам хорошо платит и пока мы можем здесь оставаться, мы не разоружились и делать этого не будем. Напротив, что касается англичан, представь себе, что в одно прекрасное утро нас накрыли эти самые шотландцы...

— Шотландцы!

— Что ты сказал?

— Шотландцы!

— Шотландцы, шотландцы, какая разница? В Марселе

мы говорим «шетландцы». Так вот, представь себе, что мы влипли. «Что вы здесь делаете?» — спрашивает нас их командир. «Мы дышим воздухом!» А раз у нас при себе нет другого оружия, кроме удочек, нас нельзя повесить, мой милый Боб... Если нас обвинят в том, что мы бывшие мятежники, мы ответим: «Возможно, но мы сложили оружие», и возразить будет нечего, мы выполнили все условия амнистии. А вот если нас застанут хотя бы с револьвером или кинжалом, мы погибли. Первое попавшееся дерево, три метра веревки, и предсказание старших Барбассона и Барнетта исполнится... Теперь ты понимаешь?

— Мариус, ты великий человек.

— Пойми, таким образом мы сохраним наше положение при Нане и удовлетворим англичан.

— Я понимаю... Я понимаю, что по сравнению с тобой я просто ребенок.

— А потом, разве ты не видишь, что в нынешнем положении всякие попытки сопротивления просто абсурдны. Нет, клянусь честью, это было бы слишком здорово: Барбассон и Барнетт объединяются, чтобы вести войну против Англии. Надо иметь такой экзальтированный ум, как у Сердара, чтобы мечтать о подобных безумствах.

— Но ты же кричал громче него: «Умрем все до последнего! Взорвемся и похороним себя вместе с нашими врагами под дымящимися руинами Нухурмура!»

— Да, мы, южане, так устроены — быстро загораемся, кричим больше других. К счастью, мысль о том, что надо давать задний ход, приходит еще быстрее, и мы останавливаемся как раз там, где вы начинаете делать глупости. Короче, ты одобряешь мою идею?

— Великолепно, берем удочки.

После этого незабываемого разговора приятели вышли и направились в гавань, где стояла шлюпка.

— Смотри-ка, — сказал Барбассон, первым поднявшись на борт, — люки закрыты! Чертов Сердар, он нам не доверяет.

— Что такое? — спросил Барнетт.

— Ты что же, не помнишь, как он советовал нам не плавать больше по озеру, чтобы не напороться на шпионов? А чтобы не возникло соблазна нарушить его запреты, он запер люки на ключ.

— Это мелочно с его стороны.

— А погоди, я вспомнил, сзади на палубе, рядом с рулем и компасом, есть ручка, которой можно снаружи привести шлюпку в движение, если только электрический ток не отключен.

При первой же попытке Барбассона шлюпка медленно повиновалась, все было в порядке.

— Мы спасены! — воскликнул провансалец. — Форель от нас не уйдет!

Шлюпка быстро покинула гавань, и наши друзья весело направились прямо на середину озера, ибо именно там, на скалистой отмели, среди огромных валунов ледникового периода, водилась форель, возбуждавшая в них столь страстное желание. Двигаясь вперед на умеренной скорости и готовя удочки, они продолжали бессвязный разговор, перескакивая с одного на другое.

— Чем больше я думаю, тем меньше понимаю поступок Сердара, — сказал вдруг Барбассон, хлопнув себя по лбу, словно пытаясь извлечь оттуда объяснение факту, не дававшему ему покоя. — Подобное недоверие к нам — совсем не в его привычках, он всегда старается никого не задеть, не обидеть. Его рыцарское великодушие, столько раз проявлявшееся даже в мелочах, совершенно не согласуется с мерой предосторожности, принятой против нас.

— Может быть, вчера вечером он захлопнул люки машинально.

— Мы были вместе с ним, Барнетт, и я прекрасно помню, что он не закрывал люки на ключ. Если бы, как ты говоришь, он их попросту захлопнул, мы смогли бы их открыть, но мне это не удалось, несмотря на все мои усилия.

— Да ладно, о чем ты беспокоишься? Ключ ведь только у Сердара, не так ли? Может быть, он побоялся, что Сами захочет прокатиться по озеру...

— Сами не умеет обращаться со шлюпкой.

— Подумаешь, какие хитрости! Достаточно нажать на кнопку ручного управления, и лодка повинуетя. Даже ребенок разберется в этом через пять минут.

— Не в этом дело. Из-за Сами Сердар не запер бы люки. Он знает, что метис не способен послушаться его, достаточно было приказать ему не пользоваться шлюпкой, и все...

— Знаешь, ты становишься однообразен. День так прекрасно начался, а ты хочешь испортить мне все удовольствие.

— Что поделать? Поведение Сердара кажется мне настолько невероятным, что я не могу об этом не думать. Я не виноват, если абсолютно все противоречит нашим предположениям.

Барбассон не шутил. Чем больше он задумывался над происшедшим, тем мрачнее становилось его лицо, и он

ловил себя на том, что с беспокойством обшаривает взглядом берег, словно в ожидании того, что в лесу кто-то прячется.

Боб, напротив, принялся донимать приятеля шутками, чтобы подзадорить его и отвлечь от мрачных мыслей.

— Напрасно стараешься, — снова сказал Барбассон, — предчувствие опасности часто основывается на еще более незначительных деталях. Мы не обращаем на них внимания, а потом горько раскаиваемся в собственном легкомыслии. Ты можешь побыть серьезным в течение пяти минут? Если ты сумеешь убедительно возразить мне, обещаю тебе осудить мои, как ты говоришь, нелепые опасения.

— Хорошо, слушаю тебя, Мариус, но только пять минут, не больше.

— Допускаю, что, посоветовав нам как можно реже брать шлюпку, Сердар, все же не доверяя нашему благоумию, решил сделать так, чтобы мы вообще не могли ею воспользоваться. Разве в этом случае, будучи человеком трезвым и здравомыслящим, он оставил бы наружную рукоятку управления мотором в том состоянии, как мы ее нашли?

Этот решающий аргумент поколебал уверенность Барнетта, но, заняв определенную позицию, он не хотел сдаваться и ответил с деланным смешком:

— Это и есть твой неотразимый удар, твой неопровержимый довод? Да это простая забывчивость со стороны Сердара, в которой нет ничего удивительного, вспомни, с какой поспешностью он собирался в дорогу.

Но веселость Барнетта была вымученной, логические рассуждения Барбассона достигли цели, и Боб шутил принужденно, через силу.

Барбассон заметил это, перемена в поведении товарища так его поразила, что вместо того, чтобы по обыкновению торжествовать победу, он просто сказал ему:

— Что ж, пусть будет так. Оставим это! К тому же пока ничто не указывает нам на грозящую опасность, во всяком случае, обнаруженный нами факт ничего не значит... Ну, вот мы и добрались до места, остановимся и забросим удочки. Какую сторону ты предпочитаешь? Удиль с одного борта невозможно, мы перепутаем все снасти.

— Да уж я как был на корме, так на корме и останусь, — ответил Барнетт.

— Хорошо, а я сяду на носу. А теперь послушай меня. Удовольствуемся первой рыбиной, кто бы ее ни поймал — ты или я, и вернемся в пещеры.

— Право слово, я тебя не узнаю!

— Послушай, Барнетт, ты видел меня при осаде Дели, ты знаешь, я никогда не отступаю перед опасностью, но ничто так не действует на меня, как неизвестное, загадочное, непонятное. Безумно и глупо в этом признаваться, но... Посмотри, видел ли ты когда-нибудь такое спокойное и прозрачное озеро, такое чистое, солнечное небо, такой веселый лес, такие приветливые берега? Никогда, не так ли? Так вот, я боюсь, Барнетт. Чего? Не знаю, но я боюсь и все бы отдал, чтобы вернуться в Нухурмур, под защиту наших скалистых стен.

— Ладно, давай удить рыбу, выбрось эти мысли из головы, а то ты и на меня начинаешь действовать.

— Барнетт, — снова серьезно заговорил Барбассон, — я уверен, что в природе существуют флюиды, не поддающиеся научному анализу, но мы, сами того не ведая, можем их улавливать. Они предупреждают нас об опасностях или катастрофах, предвидеть которые невозможно. Тот, кто воспринимает эти флюиды, становится беспокойным, нервным, раздражительным, хотя и не может объяснить свое состояние. И только когда с ним случается беда, он понимает смысл тайного предупреждения, посланного извне и уловленного с помощью его неведомых способностей, непонятно откуда взявшихся.

Тебе, Барнетт, должно быть, странно слышать от меня подобные рассуждения, я обычно бываю весел и спокоен. Но одно слово, и ты все поймешь. Моего деда убил вор, который четыре часа прятался у него под кроватью, пока жертва спала: негодяй ждал, пока угомонится весь дом. Так вот, бедный старик, который скончался от ран через два дня, рассказывал, что в течение всего злополучного вечера он никак не мог заснуть и что если бы не боязнь показаться смешным, он непременно попросил бы кого-нибудь лечь вместе с ним в комнате, так ему было страшно... Почему именно в этот вечер, а не в другой? Значит, опасность можно почуять, у нее есть свой особый запах! Сегодня мне, как и моему деду, страшно, сам не знаю почему, оттого-то инстинктивный страх, который я не могу побороть, так на меня действует. К тому же по моей вине у нас при себе нет оружия.

— Довольно, успокойся, Барбассон! — ответил Барнетт, которого слова приятеля сильно взволновали. — Забросим пару раз удочки и вернемся.

Направляясь к носу шлюпки, Барбассон внезапно остановился и издал пронзительный крик.

— Что случилось? — оставив удочку и подбежав к нему, спросил Барнетт.

— Смотри! — ответил тот, бледный как смерть, и пальцем указал на палубу.

Янки нагнулся и тоже изумленно вскрикнул. На досках спардека отчетливо был виден след человеческой ноги, еще влажный, присыпанный мелким песком.

— Видишь, — продолжал Барбассон, — кто-то пришел сюда после отъезда Сердара и всего за несколько минут до нашего прихода. Песок мелкий, он из залива, где стояла шлюпка. Несмотря на то, что солнце висит над самой палубой, отпечаток еще не высох. Кто мог оставить этот след? Не Сами, сегодня утром он не выходил, к тому же его нога раза в два меньше.

— Давай вернемся! — резко бросил Барнетт, вдруг побледневший еще сильнее, чем его приятель. — Я бы так не волновался, будь у нас с собой револьверы и карабины. Как бы там ни было, на озере на нас не нападут, лучше скорее вернуться в Нухурмур. А вдруг там нужна наша помощь?

— Хорошо, вернемся. Это лучшее, что мы можем сейчас сделать. Все наши опасения яйца выеденного не стоили бы, если бы не этот свежий и необъяснимый след.

— Особенно, мой дорогой Барбассон, если попытаться связать его с закрытым люком. По-моему, между двумя этими фактами нет никакой связи.

— Как знать! — пробормотал провансалец. — Дай Бог, чтобы нам не пришлось испытать на собственной шкуре, что все это значит.

Но сюрпризы на этом отнюдь не закончились. Едва Барбассон взялся за рукоятку, как лицо его из бледного вдруг сделалось таким багровым, что он чуть не упал навзничь. Казалось, еще немного — и его хватит апоплексический удар. Барнетт, ничего не понимая, бросился к нему на помощь и подхватил его под руки:

— Господи, что с тобой? Слушай, Барбассон, я тебя не узнаю, возьми себя в руки!

Несчастный под влиянием пережитого не мог вымолвить ни слова, тщетно пытаясь жестами заставить Барнетта замолчать. Боб, однако, продолжал распекать его до тех пор, пока Барбассон не обрел наконец дар речи и не вымолвил глухо:

— Бога ради замолчи! Неужели ты не понимаешь, что мы погибли! Твои нравоучения только раздражают меня! — И он легонько дотронулся до рукоятки, которая начала свободно вращаться вокруг своей оси.

— Ну? — спросил Барнетт, все еще не понимая.

— Ну! Рукоятка соскочила с привода, едва я до нее дотронулся. Теперь она никак не сообщается с мотором, приводящим в движение винт. Мы находимся в десяти километрах от берега, не имея возможности туда добраться, и обречены на голодную смерть посреди озера.

На сей раз по телу Барнетта пробежала дрожь настоящего ужаса, и он с трудом пробормотал:

— Неужели это правда?

— Попробуй сам.

Американец взялся за рукоятку, крутя ее вправо и влево, она проворачивалась, как колеса механизма, между которыми нет сцепления. С отчаянием он выпустил ее из рук, и слезы от сознания собственной беспомощности заструились по его грубому лицу.

Барбассон же совершенно переменялся. Неведомая опасность, о которой его предупреждало предчувствие, была теперь (по крайней мере он так думал) ему ясна, и к нему тут же вернулись его хладнокровие и энергия.

— Что ты, Барнетт! — сказал он приятелю. — Будем мужчинами, не унывай! Теперь моя очередь подбодрить тебя. Давай все обдумаем и поищем способ выбраться отсюда. Он непременно есть, не умрем же мы здесь без всякой помощи!

— Нет, нас ждет именно смерть, неминуемая, роковая, никто не сможет прийти нам на выручку. Может, когда-нибудь буря и прибьет шлюпку к берегу, но к тому времени наши тела будут растерзаны хищными птицами.

Самое ужасное в их положении было то, что их ждала голодная смерть в нескольких километрах от берега, покрытого зелеными лесами. Как тяжело было смотреть на сушу, будучи не в состоянии до нее добраться, хотя хорошему пловцу это было бы под силу... Вокруг не было ничего, что помогло бы им удержаться на воде. Шлюпка была сделана из стальных пластин, доставленных в Нухурмур Ауджали. Два искусных рабочих-индуса, принадлежавших к знаменитому обществу Духов вод, тайно их установили. Не было никакой возможности без инструментов снять болты с крышки люка, чтобы проникнуть внутрь и исправить поломку.

У обоих вырвался возглас:

— Если бы Сердар был здесь!

— О, да, — продолжал Барбассон, — если бы Сердар был в пещерах... Как только он заметил бы, что мы не возвращаемся, то тут же вооружился бы биноклем и сразу понял, в чем дело. Через два часа у него был бы готов плот, чтобы прийти нам на помощь. Сами же привык к

нашим постоянным отлучкам, наше исчезновение его не встревожит.

— Да, — вздохнул Барнетт, — Сердара не будет по меньшей мере недели две. Если бы у нас были съестные припасы, чтобы дождаться его возвращения!

Эти последние слова поразили Барбассона. В самом деле, пробормотал он, припасы, если бы у нас были съестные припасы! Его озарило... Выражение его лица тут же изменилось, и он принялся смеяться, потирая руки. Барнетт решил, что он сошел с ума.

— Бедный мой друг!.. Бедный Мариус! — сказал он с состраданием. — Какой был ум!

— Ах, вот оно что! Ты что же, считаешь, что я потерял рассудок?

«Не надо противоречить ему, — подумал Барнетт. — Я слышал, что возражения только сильнее их раздражают».

Но нечаянно он высказал свои мысли вслух.

— Кого это «их»? — вмешался Барбассон. — Объясни мне, кого ты имеешь в виду. Сумасшедших, не так ли, а? Ты считаешь, что я сошел с ума?

— Нет-нет, мой друг! — поспешно ответил испуганный Барнетт. — Успокойся, посмотри, как все тихо вокруг, природа словно спит под дивным небом...

— Иди к черту, дурак ты этакий! — еще сильнее расхохотался Барбассон. — Он воображает, что я не понимаю, что говорю. Послушай же, я нашел способ, как продержаться до возвращения Сердара...

— Ты... ты нашел?

— Черт побери, это проще простого. Воды-то у нас хватит, а?

— Да уж, всю нам не выпить, — вздохнул Барнетт.

— Так вот! Озеро утолит нашу жажду и доставит нам пропитание. Мы и не подумали о чудесной форели! Приманки у нас хватит на несколько дней... и славься, Господи! Мы спасены.

— Придется есть рыбу сырой.

— Не советую тебе капризничать... Как же так? Ты собирался умирать с голоду, а я тебя спасаю, найдя гениальный выход.

— Чего уж тут мудреного...

— Пусть. Но надо было до этого додуматься, и все, что ты считаешь нужным мне сказать, это «придется есть рыбу сырой»! Другой бы пришел в восторг, стал бы целовать мне руки, восклицая: «Спасен! Благодарю, Боже мой!» Такое поведение я понимаю. Куда там, господин требует, чтобы

ему принесли форель, зажаренную на свежем масле, с травками и лимончиком — для полноты картины. Ей-богу, Барнетт, ты мне противен. Не будь ты моим другом...

— Ладно, не сердись, я просто констатировал факт.

— Хорошо! Давай теперь все обсудим.

— Нет-нет! Сдаюсь! Я признаю, что сказал глупость.

— Замечательно, но не будем терять времени. У меня уже сосет под ложечкой. Не приготовить ли нам обед?

— Ей-богу, лучше не придумаешь.

Оба захохотали, сами не зная почему.

— Барнетт, мы станем знаменитыми! — воскликнул Барбассон. — Подумай только, мы сами будем добывать себе пропитание на этой ореховой скорлупке в течение двух недель. Нас назовут Робинзонами на шлюпке. Ты будешь моим Пятницей, и когда-нибудь я напишу нашу историю.

К провансальцу вернулось хорошее настроение, а вместе с ним — неистощимая говорливость. Барнетта, который возвел чревоугодие в ранг семи главных грехов, вместе взятых, и поначалу отнесся к обещанной примитивной пище без особого энтузиазма, постепенно увлекли задор и горячность приятеля. Но всякого рода неожиданности для них не кончились, и день готовил им еще немало ужасного и невероятного. Одному из них — увы! — не суждено было дожить до завтрашнего утра.

Приятели снова забросили удочки и, не спуская глаз с поплавков, с беспокойством ждали, кому повезет.

— Скажи-ка, Барбассон, — некоторое время спустя спросил Барнетт, — а если не будет клевать?

— Ты шутишь... Приманка приготовлена мной по всем правилам искусства... *secundum arte!**

— Если ты будешь говорить по-провансальски, я заговорю по-английски, и тогда...

— Как ты глуп! Это воспоминания о коллеже! Это латынь!

— Ты что, был в коллеже?

— Да, до шестнадцати лет. Меня даже завалили на экзамене на степень бакалавра в Эксе, там есть маленький факультет специально для провансальцев, это было целое событие. За тридцать лет провалили только одного парижанина, выдававшего себя за провансальца. Но у него акцента не было, и дело не выгорело. А я-то был из Марсея... Это уж было слишком, еще немного, и на Канебьер разразилась бы революция. Хотели было пойти мар-

* Согласно правилам искусства — (лат.)

шм на Экс, но как-то все уладилось, экзаменаторы обещали больше так не делать.

— И тебя приняли?

— Нет. Тем временем папаша Барнетт по недосмотру уронил мне на задницу пук веревок, и я бежал из отцовского дома... С тех пор я туда не возвращался.

— А я, — продолжал Барнетт, — никогда не ходил в колледж. Когда я начал работать учителем, то не умел ни читать, ни писать.

— Слушай, Барнетт, вы, пожалуй, и марсельцев переплюнете!

— Нет, ты сейчас поймешь... надо же было как-то жить. Я согласился на место директора сельской школы в Арканзасе.

— И как же ты выкрутился?

— Я заставил старших школьников вести занятия в младших классах, а сам слушал и учился. Через три недели я умел читать и писать. Через два месяца с помощью книг вел уроки не хуже любого другого.

— Эх, Барнетт, как воспоминания детства освежают сердце, я так расчувствовался! Нет ничего лучше для откровенного, доверительного разговора, чем рыбная ловля. Кажется, что эта бечевка как путеводная нить, которая... Смотри-ка, клюет... Осторожно, Барнетт, молчим!

Умелым движением руки Барбассон стал медленно, почти незаметно подтягивать удочку на себя и не сумел сдержать торжествующий крик, увидев, как на поверхности воды появилась великолепная форель на пять-шесть фунтов. Они быстро подвели под нее сетку и вытащили на борт. Это была чудесная рыбина с розовой чешуей, с нежной красновато-золотистой кожицей, которую так ценят гурманы.

Барнетт с сожалением вздохнул.

— Ты подумал о масле и зелени, чертов обжора! — сказал ему Барбассон.

Вдруг провансалец крикнул другу:

— Следи за своей удочкой! У тебя клюнуло, поплавок ушел под лодку.

Но ошибка его быстро обнаружилась. Он замолчал, вытаращив глаза и открыв рот, вид у него был глупый и ошеломленный, словно он испытал неожиданное и сильное потрясение...

Лодка двигалась, медленно, почти незаметно, но двигалась, и именно ее движение, благодаря которому она приблизилась к поплавку, и ввело Барбассона в заблуждение.

— Слушай, Барнетт, кроме шуток... она движется? —

заикаясь, спросил несчастный, который на сей раз действительно был близок к безумию.

Барнетт не мог ответить, он хотел крикнуть, но слова застряли у него в горле, и, взмахнув в воздухе руками, он тяжело рухнул на палубу.

Увидев, что друг упал, Барбассон бросился к нему на помощь. Не зная, что делать, он окатил Боба холодной водой. Она произвела обычное действие, и Барнетт пришел в себя. Он в ошолоблении смотрел вокруг, бормоча:

— Это дьявол, Барбассон... дьявол хочет погубить нас!

При других обстоятельствах эти слова вызвали бы смех у скептика Барбассона, но в данный момент он напрасно пытался собраться с мыслями. Налицо был неоспоримый факт: шлюпка двигалась. Постепенно она набирала скорость, и все быстрее вращающийся винт оставлял за собой длинную полосу пены... Мозг Барбассона не в состоянии был объяснить происходящее.

Через несколько минут он почувствовал, что кровь не так стучит у него в висках, и попытался сообразить, в чем же дело.

— Послушай, Барнетт, — сказал он, — мы все же не в стране фей. Давай рассуждать, представим себе, что мы не на шлюпке, а наблюдаем за ней с берега.

— Да-да, давай рассуждать, — с трудом выговорил несчастный Барнетт, который еще не пришел в себя.

— Что бы мы сказали?

— Да, что бы мы сказали?

— Мы бы сказали, Барнетт, что раз она движется, значит, кто-то ею управляет.

— Ты думаешь, мы бы это сказали?

— Что значит — я думаю... Слушай, брызни-ка на себя еще водичкой, тебе это не помешает. Ну как, лучше тебе?

— Да, кажется, лучше.

— Так вот, почему же нам на борту не прийти к тем же выводам? Посмотри, как все легко и просто объясняется. Один или несколько человек проникли на шлюпку. След одного из них мы и увидели на палубе. Они заметили нас и не смогли или не захотели скрыться, поэтому и задраили люки. Поскольку им не хочется вечно торчать в трюме, они направили шлюпку к берегу, чтобы дать нам возможность сойти на землю и убежать, ведь мы безоружны. А затем они сами последуют нашему примеру, если захотят.

— Да, если захотят. А если не захотят?

— Что, по-твоему, они должны сделать? Не могут же они унести лодку с собой в кармане, мы ее всегда найдем.

— А если это англичане?

— Ну что ж, мы безоружны и не нарушаем условий амнистии, моя предосторожность нас спасет.

— Может быть, ты и прав...

— Кстати, мы скоро узнаем, в чем дело, шлюпка приближается к берегу. Будь готов последовать за мной, придется улепетывать со всех ног.

— О, я был преподавателем гимнастики в атенеуме в Цинциннати.

— Ты, выходит, все профессии перепробовал?

— Да уж, пришлось, — ответил янки, которому этот разговор несколько вернул уверенность в себе.

— Осторожно, подходим! — воскликнул Барбассон, стоя на планшире. — Хоп!

Шлюпка пристала к берегу, они точно рассчитали свой прыжок и упали на песок.

— А теперь уносим ноги! — проворно вскочив, крикнул провансалец.

Не успел он произнести эти слова, как из кустов выскочило десятка два индусов. Они окружили их, грубо повалили на песок, связали веревками из кокосового волокна и, пропустив вдоль тела бамбуковую палку, понесли их бегом, на манер носильщиков паланкинов.

Все произошло так быстро, что они не успели заметить, как из люка шлюпки вылез ужасный Кишнайя и побежал вдогонку за своими людьми.

Глава II

Пленники тугов. — Развалины Карли. — Предложения Кишнайи. — Попытки бегства. — Подземный ход. — Ни назад, ни вперед. — Никакой надежды. — Барнетт и шакалы. — Побег Барбассона. — Отплытие на Цейлон.

Дьявольская хитрость этого человека была поистине неисчислима. В течение двух суток Кишнайя прятался на берегах озера, выжидая удобного случая, чтобы похитить одного из постояльцев Нухурмура, ибо, несмотря на поиски, ему так и не удалось найти среди скал, стоящих в густых зарослях кустарника и карликовых пальм, ту, которая вела в пещеры. Все прошло как по маслу, и если бы он мог по своей воле распоряжаться ходом событий, то не придумал бы ничего лучше.

Ему в одиночку удалось добиться успеха там, где оказались бессильны шпионы и полиция вице-короля и губер-

натора Цейлона. Рам-Шудор, его зять, должен был выдать сэру Уильяму Брауну его смертельного врага Сердара, заманив того в ловко подстроенную западню, ибо «Диана» сама подставляла себя под огонь пушек броненосца, поджидавшего ее на рейде Пуант-де-Галль. Кишная же, не подвергаясь риску, рассчитывал через два-три дня захватить Нана-Сахиба. В Нухурмуре больше некому было защитить принца. От пленников туг надеялся узнать, как проникнуть в пещеры, а затем похитить ничего не подозревающего Нану. Нужно было только действовать ночью, пока тот спал.

Вождь душителей собирался добром или силой добиться нужных ему сведений и тем самым отнять у капитана Максвелла и орден, и миллион, назначенный в награду за поимку мятежников.

В двадцати километрах от Нухурмура, в отрогах гор, находятся знаменитые подземные храмы Карли, высеченные в граните еще в доисторическую эпоху. Развалины окружены большим количеством подземелий, подвалов, ходов, вырытых руками человека. Они служат пристанищем для кающихся грешников и факиров, которые проводят здесь долгие годы в заточении, обучаясь фокусам, которые показывают затем перед толпой в дни религиозных празднеств.

По индусским поверьям, в этих местах, окруженных джунглями и непроходимыми лесами, обитают души мертвых, которые, не получив прощения на суде великого Индры, ждут в одиночестве часа, когда им будет позволено вселиться в тело низших животных и, пройдя через ряд воплощений, вновь получить доступ к званию человека, которое они утратили из-за своих преступлений. Именно здесь бродят по ночам вампиры, которые заманивают заблудившихся путников в ловушки, а затем питаются их трупами.

Изгнанные из городов и деревень, туги укрылись в развалинах Карли, потому что суеверные туземцы держатся подальше от этих проклятых мест. Душителю надеялись спокойно отпраздновать наступающую пуджу с ее кровавыми и загадочными обрядами.

Именно сюда принесли Барбассона и Барнетта. Их связали и бросили в один из самых отдаленных подвалов, куда можно было попасть по длинному коридору, выдолбленному в граните, настолько узкому, что по нему мог протиснуться только один человек. Вход в него преграждали деревянные сваи, которые двигались по желобкам, выдолбленным в скале.

В соседних подвалах находились юные жертвы, похищенные тугами, которые должны были умереть на алтаре

богини Кали. Это были главным образом юноши и девушки от двенадцати до четырнадцати лет, туги приносили в жертву мужчин и женщин только в том случае, когда им не удавалось найти жертв помоложе.

В пути Барбассон и Барнетт не сумели обменяться ни единым словом, но у них было время оправиться от потрясения. По прибытии с ними обошлись не как с обычными пленниками. По приказу Кишнаи им принесли рис и кэрри из дичи, всевозможные фрукты, сладости и пирожные, свежую воду, пальмовое вино и старую рисовую водку. Ею не следует пренебрегать, если она хорошо приготовлена и несколько лет настаивалась. Им устроили настоящее пиршество. У предводителя тугов были на это резоны, он просто-напросто хотел добиться своего по-хорошему. Прежде всего с них сняли веревки, что доставило им немалое наслаждение, ибо в спешке туземцы так стянули узлы, что конечности у несчастных совершенно затекли.

— Итак, Барнетт, — сказал Барбассон, как только они остались вдвоем, — что скажешь о нашем положении?

— Скажу, что отличная была идея — половить рыбку на середине озера.

— Ладно, сейчас ты начнешь во всем обвинять меня.

— Да нет, я просто констатирую.

— Ты всегда констатируешь, всегда... Раз ты разговариваешь со мной в таком тоне, черт меня побери, если я скажу тебе хоть слово. Будешь сам выпутываться, как знаешь.

— А сам-то!

— О! Завтра утром меня здесь уже не будет.

— Барбассон! Ну послушай, Барбассон, ты ведь тоже настоящий порох, тебе и слова нельзя сказать, ты сразу начинаешь кипятиться.

— Ничего подобного, я тоже констатирую.

— Ты на меня злишься... Ну, что ты, Барбассончик мой!

— Ага, теперь я твой Барбассончик.

— Да что ж я тебе такого сказал?

— Ладно, не будем больше, раз ты раскаиваешься. Пойми, что упреки ни к чему не приведут. Ты знаешь, к кому мы попали в лапы?

— Знаю, нас похитили эти проклятые туги.

— Как ты думаешь, что им нужно?

— Это ясно, они хотят выдать нас англичанам.

— Нас? Для янки ты весьма тщеславен.

— Но миллион...

— Это за поимку Сердара и Нана-Сахиба. Что до нас,

мой бедный Боб, за нашу шкуру англичане не дадут и одного су.

— Может, ты и прав.

— Не «может», а я прав.

— Почему же тогда поймали нас, а не их?

— Ах ты, тупица...

— Спасибо.

— Не за что, я хотел сказать «дурак»... Да пойми же наконец, просто потому, что двумя защитниками Нухурмура стало меньше, потому, что этот мерзавец Кишнаья хочет узнать, как туда попасть. Все очень просто.

— Признаю, что ты соображаешь быстрее меня и...

— Тс-с! Сюда идут! Если это Кишнаья, Бога ради, молчи, не то ты натворишь глупостей. Позволь мне обвести его вокруг пальца. Если ты будешь слушаться меня, сегодня же ночью мы удерем отсюда.

Он не успел больше ничего сказать: в пещеру вошел индус. При дрожащем свете копящей лампы пленники узнали его не сразу. Это был Кишнаья.

— Приветствую чужеземных повелителей, — сказал он слащавым голосом, подходя к ним.

— Повелители! Повелители! — пробормотал Барнетт. — Болтай, болтай, лицемер ты этакий, не знаю, что меня удерживает от того, чтобы раздавить тебя, как клопа.

— Что говорит твой друг? — спросил индус Барбассона.

— Он говорит: да ниспошлет небо тебе и всему твоему роду дни, полные покоя, счастья и процветания.

— Да пошлет вам того же Кали, — ответил Кишнаья. — Догадываются ли чужеземные повелители, почему я пригласил их навестить меня?

— Пригласил, пригласил... — проворчал Барнетт, которого это слово вывело из себя.

— Твой друг опять что-то сказал, — заметил туг.

— Он говорит, что давно хотел познакомиться с тобой.

— Мы уже виделись на Цейлоне.

— Да, но знакомство ваше не было столь близким, тем не менее он сохранил о тебе приятные воспоминания.

Барнетт задыхался, однако он обещал молчать и, не сдержав слова, теперь крепился из последних сил.

— Если вы настроены таким образом, думаю, мы договоримся. Кстати, у меня к вам небольшая просьба. Я бы тоже хотел нанести визит Нана-Сахибу в Нухурмура. А поскольку принц меня не знает, мне пришла в голову счастливая мысль, что вы могли бы меня ему представить.

— В самом деле, твой выбор очень удачен, мы его друзья, — в том же тоне ответил провансалец. — Не желаешь ли ты познакомиться также с Сердаром?

— Нет, ведь Сердара нет в Нухурмуре, он отправился на Цейлон.

— А! Тебе это известно...

— Да, мне даже известно, что он собирается засвидетельствовать свое почтение сэру Уильяму Брауну, которого я предупредил о прибытии Сердара нарочным, опережающим вашего друга на шесть часов, так что Его Превосходительство сможет организовать ему достойную встречу. Я настолько в этом заинтересован, что дал Сердару в провожатые моего зятя Рам-Шудора.

«О, негодяй!» — подумали Барбассон и Барнетт, перед которыми открылась ужасная истина, едва прикрытая холодной насмешкой.

— Сердар погиб! — с болью вымолвил Барнетт.

— Пока еще нет, — ответил Барбассон, — Сердара так просто не поймать!

— Что? — переспросил туземец.

— Мы с другом советуемся, можем ли взять на себя труд представить тебя Нане.

— Что же вы решили?

— Что мы достаточно близки с принцем, чтобы взять на себя эту миссию.

— Я рассчитывал на вашу любезность.

«Эти люди издеваются надо мной, — подумал Кишнаия, — но я дам им понять, как дорого им могут стоить их шутки, если они зайдут в них слишком далеко».

Он продолжал:

— Я должен предупредить вас об оракуле, произнесенном сегодня утром в тиши храма голосом самой богини Кали: «Если Нана-Сахиб откажется принять моего посланца, я хочу и приказываю, чтобы два охотника, которых ты выбрал в провожатые, той же ночью были принесены в искупительную жертву на моих алтарях».

— С богиней все в порядке! — бросил Барбассон Барнетту.

— А что если нам задушить этого старого мошенника? — предложил тот.

— Какая нам от этого польза? Нас прикончат его приятели.

— Смерть за смерть, я был бы счастлив, если б мне удалось подержаться за шею этого отвратительного негодяя.

— Но мы пока еще живы, Барнетт, позволь мне поступить по своему усмотрению.

— Вы все поняли? — спросил Кишнайня.

— Разумеется, я переводил оракул великой богини моему другу, который не очень в нем разобрался.

— Я вынужден отложить свой визит до завтрашнего вечера, ибо эту ночь мы должны провести в молитвах. Итак, мы договорились, что вы отведете меня в Нухурмур, проводите к спящему принцу, не будя его, я сам его разбужу. При этом условии вы можете либо остаться в пещерах, либо отправиться, куда вам заблагорассудится. Не обессудьте, если до завтрашнего дня вам придется пользоваться моим гостеприимством.

— Договорились, — ответил Барбассон.

— Я счастлив, что вы приняли верное решение. Если вам что-нибудь понадобится этой ночью, стоит только сказать.

— Большое спасибо, мы падаем с ног от усталости и хотим, чтобы нас не беспокоили.

— Все будет исполнено, как вы пожелаете. Пусть бог сна пошлет вам счастливых сновидений.

Едва он вышел, как Барбассон быстро подошел к другу.

— Барнетт, — сказал он, — дело нешуточное. Нас считают пройдохами, висельниками, может быть, мы немногочисленны. Но у нас есть честь, и мы сохранили ее незапятнанной. Мы сражались то за тех, то за других — в зависимости от того, кто нам платил, мы играли в Азии ту же роль, что кондотьеры в средние века, но мы никогда не предавали тех, кому поклялись служить. Мы, может, и наемники, но не разбойники с большой дороги. Ты понял, что я смеялся над этим негодяем Кишнайней и что никогда — ни ты, ни я — мы не поведем тугов в Нухурмур.

— Никогда! Лучше двадцать раз умереть!

— Хорошо, Барнетт, дай мне руку, мы понимаем друг друга.

— Я бы перерезал тебе горло еще в пути, если бы ты повел Кишнайню к Нана-Сахибу.

— Уж не сомневался ли ты случайно на мой счет?

— Нет! Я говорю, что бы я сделал, если б сомневался.

— Но это не все. Ты слышал, что сказал этот мерзкий плут о Сердаре? Ловушка так хорошо подстроена, что он попадет в нее еще вернее, чем мы. Ты знаешь, он обречен.

— Черт побери, мне ли этого не знать, *god bless me!* Нас вместе приговорили к смерти на Цейлоне, и если бы

не Рама-Модели, нас бы повесили: он поспел вовремя. Когда заклинатель появился с Ауджали, чтобы спасти нас, мы уже шагали к виселице.

— Знаю, ведь на следующий день я взял вас на борт «Дианы». Теперь на основании вынесенного приговора губернатор повесит Сердара, если мы не найдем способа, как его спасти, а мы должны это сделать.

— Ты забываешь, что мы пленники, и нам прежде всего надо найти способ выбраться отсюда.

— У нас впереди целая ночь. Если нам удастся бежать, то, загнав двух лошадей, мы сможем добраться до Гоа раньше, чем Сердар выйдет в море.

— Сомневаюсь. Ты знаешь, как быстро он действует, стоит ему только принять решение.

— Да, но я сомневаюсь, чтобы «Диана» была готова к отплытию. Сива-Томби-Модели, брат заклинателя, ставший моим помощником и командующий шхуной в мое отсутствие, несколько дней тому назад попросил разрешения починить котлы. Быть может, работа еще не закончена и задержит Сердара на сутки. Этого вполне достаточно, чтобы мы успели вовремя. Ты знаешь, что у Анандраена в Велуре на случай нужды всегда стоят наготове четыре лошади.

— Я готов на все, когда речь идет о Сердаре. Но мне кажется, выйти отсюда до завтрашнего вечера будет весьма трудно. Разве что сделав вид, будто мы согласны отвести Кишнаю, нам удастся бежать... Но будет слишком поздно.

— Поэтому бежать надо сегодня ночью.

— Ты так говоришь, словно нам достаточно открыть дверь и сказать: «Добрый вечер, господа!» Будь у нас хотя бы оружие, мы могли бы попытаться пробиться силой, но у нас его нет.

— Я смотрю, ты пал духом и совершенно отчаялся.

— Знаешь, что я тебе скажу? Я сейчас в таком же состоянии, как ты сегодня утром, меня одолевают самые мрачные предчувствия. Мне кажется, что это моя последняя ночь приговоренного к смерти и что до завтрашнего утра я не доживу.

— Какая нелепость! С чего это ты взял?

— Не знаю. Пока для беспокойства нет оснований, хотя Кишнайя — человек слова, и если мы не сдержим обещание, которое ты шутя дал ему... Ты же сам говорил, что наш организм, неведомо как, может улавливать грозящую опасность и предупреждать нас о ней. Так вот, я чувствую приближение смерти... Особенно меня поражает то, что я

столько раз попадал в переплет и ни разу ни испытывал ничего подобного.

— Ты не отдаешь себе в этом отчета, но на тебя просто повлияли наши глупые мистико-философские разговоры.

— Нет-нет! Я не ошибаюсь и прекрасно понимаю, в чем дело. Представь себе, Барбассон, — тут Барнетт заговорил шепотом, словно его пугал звук собственного голоса, — представь себе, что у меня иногда бывают галлюцинации. Мне кажется, что я нахожусь примерно в таком же вот месте, на меня нападают всякие гнусные твари и пожирают меня живьем. Видение длится всего несколько секунд, но оно ужасно! И что бы я ни делал, как бы ни пытался прогнать его, стоит мне успокоиться, замолчать, ни на что не отвлекаясь, как глаза мои закрываются сами собой, и чудовищный кошмар начинается снова.

— Ну что ты! Ты ведь сам сказал — это галлюцинации, вызванные треволнениями сегодняшнего дня и физической усталостью. Эти негодяи так крепко связали нас, что мы были словно парализованные. Давай вставай, обследуем нашу тюрьму и поищем выход, это займет тебя и отвлечет от нелепых видений.

Место, где находились наши друзья, было похоже на просторный склеп, частично вырубленный в скале, частично, с правой стороны, опирающийся на кирпичную стену, обветшавшую от времени и кое-где даже обрушившуюся. Корни деревьев пробились сквозь земляной пол в тех местах, где внутренняя стена рухнула, — видимо, склеп находился недалеко от поверхности, но чтобы прорыть путь наружу, нужны были инструменты, хотя и в этом случае успех не был гарантирован.

Они продолжали свои поиски. В самой глубине пещеры обвал был сильнее, чем в других местах. Как только приятели подошли к нему ближе, перед ними молнией пронеслось животное, в котором Барбассон признал шакала, и тут же скрылось за обвалом.

— Черт побери, как он сюда попал? — пробормотал провансалец. — Если только он не вошел по тому же коридору, что и мы, то здесь должен быть ход, ведущий на поверхность. Хоть бы он оказался достаточно широким, чтобы мы могли пролезть через него, — прибавил он голосом, слегка дрогнувшим от радости.

Они обследовали обвал и действительно за кучей кирпичей обнаружили четырехугольное отверстие, похожее на те, что бывают в подземных ходах для стока вод. Они не

могли определить его истинных размеров, ибо оно было частично завалено обломками рухнувшей стены.

Тем не менее благодаря этой находке в сердцах их затрепетал луч надежды, и по обоюдному согласию они принялись разбирать мешавшие им кирпичи.

— Лишь бы ширина оказалась достаточной, — сказал Барбассон другу. — Высота, судя по всему, вполне подходящая.

По мере того как работа продвигалась, их охватывало все более сильное волнение, вплоть до того, что они вынуждены были остановиться — так у них дрожали руки.

— После всех событий, жертвами которых мы сегодня стали, — заметил провансалец, — я не думал, что буду в состоянии так волноваться. Дай Бог, чтобы на сей раз удача была на нашей стороне!

И они лихорадочно вновь взялись за дело. Когда отверстие подземного хода было полностью расчищено, они увидели с невыразимой радостью, что оно было одинаковых размеров в ширину и высоту, и, следовательно, человек их роста мог передвигаться там ползком. Узнать, ведет ли ход наружу, можно было, только попытавшись пройти по нему до конца. Бегство шакала давало некоторую надежду. Они не колебались ни минуты и решили использовать свой единственный шанс.

Лампа, которую они поставили на пороге, чтобы обследовать самое начало подземного хода, была немедленно погашена сильным сквозняком, и два друга очутились в кромешной темноте. Но это маленькое неудобство было с лихвой возмещено уверенностью, что ход сообщается с поверхностью.

Они слегка поспорили, кому идти первым. Барбассон считал, что это неважно, но Барнетт с полным основанием заметил, что первым, как самый толстый, должен лезть он, ибо, если он вдруг застрянет в узкой части хода, ползущий сзади Барбассон сможет его вытащить. Таким образом, Барнетт ползком забрался в ход, за ним последовал провансалец.

Как описать неистовство чувств, обуревавших друзей в этот решающий час! Они слышали, как быстро и сильно бьются их сердца, и продвигались вперед медленно, в полном молчании.

Без особых трудностей они преодолели расстояние примерно в пятьдесят метров, так как подземный ход сохранял свои первоначальные размеры и был выложен кирпичом. Вдруг он резко свернул влево под прямым углом, и ползущий впереди Барнетт заметил, что в этой части он был уже. После многочисленных и едва не оставшихся бесплодными попыток, сгибаясь и с трудом протискиваясь, Барнетт сумел

пролезть в ответвление хода и выпрямиться. Гораздо более худой Барбассон не испытал подобных затруднений и легко преодолел сложный участок. Они не проползли и одного метра, как провансалец услышал позади глухой шум, и на ноги ему упало несколько кирпичей и кусков земли. Эта часть хода, подточенная сыростью и расшатанная Барнеттом, на расстоянии нескольких метров рухнула, лишив приятелей надежды на возвращение. Барбассон решил проверить свое предположение, он немного отполз назад и, наткнувшись на плотную массу из кирпичей и земли, сразу понял серьезность случившегося. Теперь надо было во что бы то ни стало добраться до выхода, иначе их ждала ужасная смерть в этой узкой кишке. Надеяться на помощь не приходилось, их криков о помощи никто бы не услышал.

Провансалец почувствовал, как волосы его встают дыбом. Он вспомнил о предчувствиях Барнетта и, объятый холодным ужасом, несколько мгновений не мог пошевелиться. Но Барбассон был человеком энергической закалки и сразу понял опасность обморока в той ужасной ситуации, в которой он находился. Призвав на помощь все свои силы, он снова тронулся в путь, быстро догнав Барнетта. Он решил ничего не говорить другу о случившемся, зная, как легко тот поддается панике. А в этот критический момент Бобу требовалось все его мужество.

Тем временем облицованная часть хода, который действительно предназначался для стока воды во время сезона дождей, закончилась. Дальше он был прорыт в земле, и размеры его постоянно менялись. Друзья то переползали через какие-то ямы, углубленные и размытые потоками воды, то им приходилось с невероятными усилиями протискиваться вперед в узких участках, где Барнетт в кровь расцарапывал руки и колени. По сравнению с другом худому провансальцу было куда легче. Но это было еще не все. В земляной части хода Барнетт постоянно слышал впереди страшный шорох, сопровождавшийся вскрикиваниями, от этого его бил озноб и охватывал ужас, с которым он не мог справиться. В сырой земле поселились целые скопища гнусных животных, они рыли там норы и устраивали жилища. Огромные крысы, вонючие мангусты, захваченные врасплох, вдруг выскакивали из нор, сводя Барнетта с ума тошнотворными прикосновениями. Поэтому несчастный продвигался вперед, стараясь прежде хлопками разогнать смрадных тварей и заставить их бежать. Резкие, зловонные запахи перехватывали горло, неслись из всех нор и убежищ, вызывали отвращение и приносили Бобу невыразимые стра-

дания. Воспользовавшись тем, что ход слегка расширился, Барнетт остановился, предупредив приятеля, что хочет передохнуть.

— Не падай духом, мой бедный друг, мы приближаемся к цели, — сказал ему провансалец. — Я знаю, в каком направлении мы движемся, поверь, нам осталось совсем немного.

— Да услышит тебя Бог! Твое положение ничто в сравнении с моим, и если бы надо было начать все сначала, клянусь, я бы на это не пошел... Я совершенно без сил.

— Не надо отчаиваться, мы уже у цели.

— Почему ты так думаешь?

— Все очень просто. Пока подземный водопровод проходил под храмами, из соображений прочности и хорошей очистки он был построен из кирпича и цемента, ведь он должен был выдерживать сильное давление. Как только он вышел из-под храмов, достаточно было простой крытой траншеи. Тебе хорошо известны равнодушие и леность индусов, поэтому можно быть совершенно уверенным, что они прокопали ее лишь на расстояние, необходимое, чтобы отвести воды от основания храмов.

— Возможно, но мне кажется, мы никогда не выберемся отсюда.

Барбассон понял, что нельзя допустить, чтобы его другом вновь овладели зловещие предчувствия.

— Ну что ты! — сказал он. — Подумай о Сердаре, без нас он погибнет... Еще одно усилие, самое последнее.

Они снова поползли вперед. Ход шел теперь наклонно, становясь все круче, и провансалец поспешил заметить другу, что это доказательство того, что они приближаются к выходу... Зловещих обитателей галереи становилось все больше, а издаваемые ими запахи были попросту невыносимы.

Вдруг Барбассон уперся головой в ноги Барнетта, которые судорожно дергались, но не продвигались вперед.

— Что случилось? — спросил провансалец.

Сдавленным голосом, едва донесшимся до Барбассона, несчастный Барнетт ответил:

— Я застрял... Ход слишком узкий, я не могу продвигнуться вперед.

На сей раз отчаиваться начал Барбассон. Однако он крикнул:

— Смелее! Собери все силы, это необходимо!

— Я сделал все, что в человеческих силах, но только застрял еще сильнее... Попробую сдать назад, давай вернемся обратно.

Неужели придется умереть здесь? Это было страшно,

чудовищно, кровь у Барбассона застыла в жилах, ибо он-то знал весь ужас их положения. Барнетт был еще относительно спокоен, он думал, что можно вернуться назад. На это уйдет какое-то время, ибо, пятась, они будут двигаться медленнее, но там, где они прошли один раз, всегда можно пройти и второй. Но Барбассон знал, что обратного пути нет. Что же он должен был испытывать, несчастный!

— Барнетт! — крикнул он в приступе бессильной ярости. — Рой землю ногтями, зубами, но, во имя всего святого, двигайся вперед, несчастный, двигайся вперед! У нас нет другого выхода, коридор сзади нас обвалился.

При этих словах Барнетт испустил ужасный вопль и, подгоняемый страхом, почти обезумев от него, собрал остатки сил, уперся ногами в стены, сверхчеловеческими усилиями продвинул свое тело еще на несколько сантиметров вперед и остановился, неподвижный, измученный, задыхающийся... Теперь оставалось ждать только смерти.

Тогда произошла кошмарная, неопишуемая сцена.

— Вперед! Вперед! — кричал, ревел Барбассон, сходя с ума от ужаса. — Я не хочу умирать здесь... Вперед! Вперед, несчастный, или я убью тебя!

И он стал колотить Барнетта по ногам кулаками, царапать его ногтями.

— Ты делаешь мне больно! — слабым голосом выдохнул янки.

Слова эти, произнесенные тоном ребенка, которого мучают, внезапно успокоили провансальца. Ему стало стыдно, и он заплакал.

В тот же момент он услышал голос несчастного друга, в котором не было ничего человеческого.

— Тяни меня! Барбассон, спаси меня! Спаси меня! Змея!

Змея! О, несчастные, как же они не подумали об этом, прежде чем отправиться в путь? В Индии любая канава вдоль дорог или полей немедленно становится убежищем для этих мерзких тварей, а здесь, среди развалин... При простом размышлении становилось ясно, что попытка их была безрассудна. Впереди Барнетта были тысячи змей, испуганные шумом, они бежали. Но в углу, который янки не видел, в нескольких футах от его головы, притаилась кобра с детенышами. Разбуженная шумом, она вылезла из своей грязной дыры и устремилась к Барнетту, шипя от гнева... На этот раз все было кончено, бедный Барнетт погиб. Как он и предсказывал, увидеть восход солнца ему не довелось.

Кобра сразу бросилась на несчастного, обвилась вокруг его шеи и в ярости принялась кусать его в щеки, нос, губы,

всюду, куда дотягивалась ее исходящая слюной, зловонная пасть... Бедняга ревел в ее ужасных объятиях, открывая рот и пытаясь разорвать чудовище. Но усилия его были недолгими, крики его постепенно стихли, яд действовал с быстротой молнии... Ужасная сцена продолжалась всего три минуты. Все затихло... Барнетт был мертв.

Барбассон потерял сознание.

Когда он пришел в себя — обморок длился почти два часа, — ему показалось, что он в гамаке в Нухурмуре, но заблуждение было недолгим. Подземелье было полно странных звуков, глухого рычания, тьяканья, прерываемого пронзительными криками и жутким клацаньем, можно было подумать, что хищники своими челюстями перемалывают кости.

Ошибки не было, шакалы пожирали труп умершего... Барбассон едва снова не потерял сознание, но приступ страха вернул ему силы. Он знал, что шакалы не нападают на живых, кроме того, он был достаточно силен, чтобы задушить первого из них, кто осмелится подойти.

Он осторожно вытянул вперед руку, но ничего не нащупал, а ведь перед тем, как потерять сознание, он касался своего бедного друга. Барбассон снова прислушался, теперь он лучше разобрался в своих ощущениях, и ему показалось, что крики гнусных животных доносятся издалека. Неужели они уже закончили свою страшную трапезу? На свежем воздухе шакалы могут сожрать человека меньше чем за два часа, но здесь, в узком пространстве, им не удалось управиться так быстро. Однако, разрывая мясо на части, они сумели вынести останки наружу.

Барбассон пришел к этому выводу, постепенно и осторожно продвигаясь вперед. Сужение коридора, оказавшееся для Барнетта роковым из-за его тучности, для худого и жилистого Барбассона не представляло особой трудности, и он пополз со всей скоростью, на какую был способен. Метров через двадцать он вдруг увидел звезды, сверкавшие на небе, путь перед ним был свободен... Несчастный Барнетт погиб у самой цели.

Он сразу вскочил на ноги, и испуганные шакалы с тьяканьем бросились в кусты. Барбассон тут же подбежал к тому месту, где они собирались, чтобы посмотреть, не удастся ли ему спасти от прожорливых тварей останки бедного друга. Но он ничего не нашел, беглецы утащили в джунгли последние куски.

Тогда он предусмотрительно скользнул в чашу, время от времени останавливаясь, чтобы убедиться, что в лагере тугов

не заметили его исчезновения. К счастью, выход из галереи находился в противоположной стороне, и в соломенных хижинах, возникших среди развалин, все было тихо и спокойно.

Как сумасшедший, он бросился бежать к Велуру, находившемуся в десяти милях отсюда, в другом конце той долины, где возвышались первые отроги Нухурмура. Было около трех часов утра, свежий ночной воздух мало-помалу остудил его разгоряченную голову. Он проделал весь путь за два часа, это был настоящий подвиг, которому могли бы позавидовать античные бегуны.

Солнце еще не вставало, когда он постучался в дверь Анандраена, члена общества Духов вод, который был посредником между постояльцами Нухурмура и внешним миром.

— Кто там? — спросил индус из-за зарешеченной входной двери.

— Открывай скорее, это я, Барбассон-Шейх-Тоффель!

— Пароль?

— Ах, верно, я забыл... «Мысль Нары носится над волнами».

— Входи! — ответил индус, приоткрывая дверь.

— Быстро! Скорей коня! — воскликнул Барбассон. — Речь идет о жизни Сердара.

Индус невозмутимо достал серебряный свисток, и тут же появился молодой метис.

— Куда ты хочешь ехать? — спросил Анандраен.

— В Гоа.

— Когда ты хочешь там быть?

— Как можно скорее.

— Приготовь Нагура, — приказал метису индус.

Потом, обратившись к провансальцу, называя его так, как всегда называли его туземцы, спросил:

— Что случилось, Шейх-Тоффель?

— Сердар отправился на Цейлон.

— Знаю. Сами приходил вчера вечером из Нухурмура, чтобы узнать, не видел ли я тебя вместе с Барнеттом.

— Барнетт мертв.

Индус и бровью не повел, он только спросил:

— А Сердар?

— То же будет и с Сердаром, если я не успею в Гоа до его отъезда. Уильям Браун, губернатор, предупрежден о его приезде, и нашего друга ждет западня.

— Надо догнать его раньше, чем он приедет в Пуант-де-Галль, если ты не застанешь его в Гоа.

— Как же догнать «Диану»?

— Найми яхту!

— А найду я яхту в Гоа?

— Найдешь.

— Где? Я там никого не знаю.

Анандраен быстро написал чье-то имя на пальмовом листе, состоятельные люди всегда носят их при себе вместе с шилом.

Барбассон прочел:

— Ковинда-Шетти.

— Это туземный судовладелец, — пояснил индус, — он возглавляет наше общество на португальской территории.

В эту минуту привели Нагура, великолепного коня с Суматры, достойного конюшни раджи.

— Чтобы добраться до Гоа, обычной лошади нужно два дня, — сказал Анандраен, ласково трепля животное по шее, — с Нагуром ты будешь там сегодня вечером.

— Салам, Анандраен, — сказал провансалец, садясь в седло.

— Салам, Шейх-Тоффель!

— А, чуть не забыл! — воскликнул Барбассон. — Немедленно предупреди всех в Нухурмуре, что туги собираются нанести им визит. Пусть ни Сами, ни принц до нашего возвращения не открывают никому, каков бы ни был сигнал или пароль.

— Хорошо! Ступай с миром, это уже сделано.

— Как ты мог знать?

— Я знаю все, для Духов вод нет секретов.

— Ладно! Я больше ничего не боюсь, раз они на твоём попечении. До свидания, и да будет с тобой благословение богов, Анандраен!

— До свидания, и да хранят тебя боги, Шейх-Тоффель!

Барбассон слегка прищелкнул языком и унесся, словно стрела. Меньше чем через час он миновал Нухурмур не останавливаясь, ибо не хотел терять ни минуты. Взобравшись на гору, он пустил Нагура вскачь по крутым склонам Малабарского берега, чтобы спуститься к побережью и двинуться к Гоа той же дорогой, что и Сердар.

В тот же вечер он был в Гоа и как раз успел увидеть, как «Диана» под французским флагом на всех парах выходила в море.

— Он опередил меня ровно на сутки, — с отчаянием сказал провансалец. — Разрыв во времени был слишком велик, Сердар не имеет привычки развлекаться в дороге. Сумею ли я теперь его догнать? Я не знаю корабль, который бы мог соперничать с «Дианой»... Неважно! Я пойду до конца. Если час его пробил, от судьбы не уйти.

На полном скаку он пересек Гоа и, спросив у сиркара, где находится дом Ковинда-Шетти, появился у судовладельца как раз в тот момент, когда индус с подозрительной трубой в руке наблюдал за маневром «Дианы», которая должна была вот-вот скрыться за горизонтом.

Барбассон немедленно передал ему записку Анандраена и приготовился отвечать на вопросы, когда, к его большому удивлению, богатый купец, устремив на него холодный, вопрошающий взгляд, сказал, не вдаваясь в подробности:

— Я дам тебе мою прогулочную яхту. Сегодня ночью будет ветер, идя под парусами и с мотором, ты догонишь «Диану» за пять или шесть часов до ее прибытия в Пуант-де-Галль.

Барбассон был глубоко изумлен. Как этот человек мог столь точно знать цель его визита?

Объяснение было самое простое. Под именем, начертанным большими буквами, Анандраен поставил несколько линий, похожих на клинопись, которые провансалец принял за ничего не значащие штрихи. На самом деле послание гласило: «Податель сего должен во что бы то ни стало догнать «Диану» до ее прибытия на место».

С помощью тайнописи члены общества Духов вод переписывались между собой.

Ковинда-Шетти проводил Барбассона в порт, где на волнах грациозно покачивалась яхта «Раджа», которая заслужила это имя и красотой линий, и скоростью. Маленький корабль, который сыграет активную роль в этом эпизоде нашей истории, был целиком построен из тикового дерева. Длинный и узкий, по мачтовому оснащению он был бригом-шхуной, хотя водоизмещение его было всего 50 тонн. Свинцовая обшивка киля придавала ему необычайную прочность и выдерживала такие высокие мачты. Мощный двигатель в сто лошадиных сил позволял в среднем развивать скорость до двадцати пяти узлов.

Барбассон понял, что при такой скорости и попутном ветре вероятность догнать Сердара была велика, хотя перегон был короток.

Через полчаса пары на «Радже» были разведены: провансалец был восхищен порядком и дисциплиной, царившими на судне, тем, как механики, кочегары и матросы выполняют свои обязанности и распоряжения капитана. Такое он видел только на военных судах, где раньше служил.

— Экипаж у тебя отборный, — сказал ему Ковинда-Шетти, — судно — каких мало. Если вас постигнет неудача,

значит, боги не хотят изменить того, что начертано в Книге судеб.

Жизнь Сердара зависела от этого крупкого челнока. Она зависела от небрежно проложенного курса, от ошибки компаса, неточности в расчете, оплошности рулевого... Малейшее отклонение в пути означало опоздание, за которое Покоритель джунглей поплатится головой. Эти каждодневные в морской жизни происшествия, которые никак не влияют на конечный результат обычного путешествия и исправляются в дороге, в данном случае приобретали огромную важность, тем более что всего за два дня пути исправить даже самую незначительную ошибку было невозможно.

Поэтому Барбассон должен был не только призвать на помощь свои качества отличного моряка, но и следить за тем, чтобы никто на борту не допустил ни малейшей небрежности.

Когда он объяснил судовладельцу, что ему совершенно необходимо встретиться с Сердаром до его прибытия на Цейлон, тот ответил:

— Тогда вам не надо гнаться за «Дианой», держите курс прямо на остров на полной скорости. Судя по всему, вы доберетесь до Пуант-де-Галль раньше нее, крейсируйте у входа в гавань, пока не заметите шхуну. Раз вам не надо разыскивать в пространстве движущуюся точку, то не придется и опасаться ошибки, тем более что отсюда до Пуант-де-Галль самый короткий путь — вдоль побережья.

— Вы правы, — сказал Барбассон, пораженный верностью его рассуждений, — успех моего предприятия теперь обеспечен.

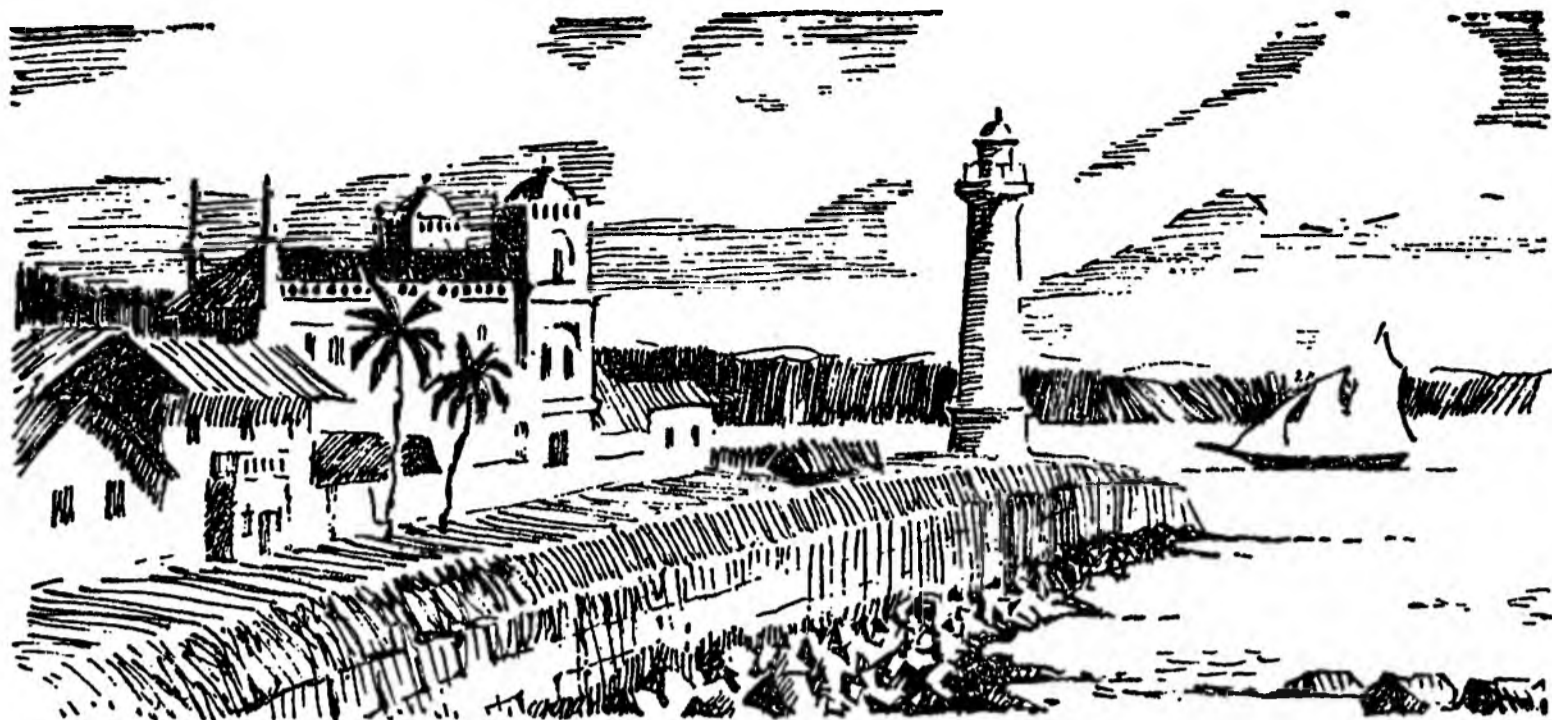
— Желаю вам этого, — наставительно ответил индус, — но помните, что в море никогда нельзя ручаться за то, что произойдет через час, а уж тем более — через день.

Несколько минут спустя «Раджа» вышел из порта и, легкий, словно ласточка, направился в открытое море.

Бросив морякам обычное «полный вперед!», провансалец, стоя на мостике вахтенного, почувствовал, как его охватывает острое наслаждение, которое испытывают настоящие моряки всякий раз, когда после долгого пребывания на земле выходят в море.

Обращаясь к изящному кораблю, которым он командовал, показав торжественным жестом на широкую водную гладь, сверкавшую тысячей радужных огней, провансалец воскликнул, подражая изречению древних:

— Вперед! Ты несешь Барбассона и счастье Сердара!

Часть четвертая

МЕСТЬ ПОКОРИТЕЛЯ ДЖУНГЛЕЙ

Глава I

Последние фокусы Рам-Шудора. — Прибытие «Дианы» на Цейлон. — Встреча с Барбассоном. — Хитрость факира. — Уильям Браун предупрежден. — План Барбассона. — Приговор факиру. — Заклинатель и две пантеры. — Повешен.

«Диана» удачно и, главное, на удивление быстро добралась до места назначения. Уже через двое суток на закате солнца она подходила к Пуант-де-Галль, тогда как обычно на подобный переход требуется от пятидесяти до шестидесяти часов.

Получасом раньше шхуна могла бы войти в порт, но теперь Сердар и его спутники вынуждены были провести ночь в открытом море. Вход в гавань из-за многочисленных песчаных мелей закрывали каждый вечер в шесть часов по выстрелу из пушки.

Для тех, кто хорошо знал Сердара раньше, он был неузнаваем. Веселый, жизнерадостный, разговорчивый, Покоритель джунглей словно начал новую жизнь. Нариндра и Рама, всегда видевшие его мрачным, погруженным в себя, могли бы по праву удивиться столь разительной перемене, если бы не знали о горькой тайне его жизни, объяснявшей печаль в прошлом, если бы не стали свидетелями недавних событий, вернувших другу семью и объяснявших радостное настроение Сердара.

Однако до успешной развязки было еще далеко, и хотя горизонт основательно расчистился, два верных друга видели на нем еще немало черных пятен, вызывавших их законное беспокойство в связи с новыми планами Сердара. Они опасались не за себя. Давно уже их преданность человеку, посвятившему себя борьбе за независимость Индии, подразумевала полное отречение от собственных интересов и даже жизни. Соображения личного свойства не влияли на опасения, которые друзьям по-прежнему внушало будущее.

Нариндра и Рама думали только о Сердаре, дышали только им, но к их нежности примешивалось беспокойство. В отличие от него они вовсе не пребывали в беззаботно-радужном настроении, ибо боялись, как бы дерзкий план, задуманный Сердаром, не провалился из-за каких-нибудь непредвиденных осложнений, как бы волею случая он не попал вновь в руки своего самого жестокого и беспощадного врага. Ненависть губернатора к Сердару должна была возрасти из-за мучений, перенесенных тем после трагической дуэли, едва не стоившей ему жизни.

Насколько возросли бы их опасения, если бы они подозревали, какую дьявольскую роль в происходящих событиях согласился играть подлый Рам-Шудор. Поддавшись собственному великодушию, обманутые негодяем, ловко сыгравшим свою роль, они вступились за него, когда скептик Барбассон начал было подозревать факира, но любой на их месте был бы введен в заблуждение. Ибо ни один факир, ни один индус не осмелился бы переступить через страшную клятву, это запрещали не только религиозные верования, но и кастовые традиции, понятия о чести, существовавшие в стране. На подобное клятвоотступничество был способен только туг, однако Нариндра и Рама не знали, что мнимый факир принадлежал к касте душителей. Власть клятвы над всеми индусами такова, что если бы Рам-Шудора попросили поклясться богиней Кали, он бы наотрез отказался. А если бы дал требуемую клятву, никакая сила на свете, даже месть всех его сообщников, не заставила бы его отступить от данного слова.

За редким исключением, примером которого являлись Рама и Нариндра, вопрос чести в Индии трактуется весьма своеобразно: человек считается порядочным или бесчестным в зависимости от данной им клятвы. Несмотря на то, что Рам-Шудору удалось обмануть обычно бдительных друзей, они испытывали к нему инстинктивное отвращение. Для них было большим облегчением то, что Сердар

согласился взять факира с собой, а не оставил его в Нухурмуре. Они полагали, что соблазн был слишком велик, и боялись, как бы Рам-Шудор не раскрыл секрет их убежища и не выдал англичанам Сердара и Нана-Сахиба, прельстившись обещанной наградой. Теперь же они могли следить за всеми его действиями и пресечь их при малейшем подозрении.

Поразительно, но сейчас они вновь ошибались, ибо план Кишнаи был так хорошо задуман, что представлял собой обоюдоострое оружие. Если бы Рам-Шудора оставили в Нухурмуре, он выдал бы Нана-Сахиба. Находясь на «Диане», он готовился выдать Сердара. Нариндра и Рама предвидели лишь первую возможность. Что касается второй, их недоверие к факиру могло сыграть здесь свою положительную роль, тем более что оно резко возросло с тех пор, как они покинули Гоа. Если не считать худобы, Рам-Шудор вовсе не походил на факира. Эти люди, воспитывающиеся в пагодах в обществе браминов, приобретают определенные привычки, манеру поведения и речи, а их-то Нариндра и Рама не замечали у Рам-Шудора. Утром и вечером факиры всегда совершают предписанные религиозными правилами омовения. При восходе и закате солнца кладут поклоны Индре, богу света и огня. Три раза в день читают гимны «Веды» в честь предков и все свои поступки сопровождают стихами и заклинаниями, которые привлекают добрых духов и отгоняют злых. Ничего этого Рам-Шудор не исполнял и казался настолько чужд всех перечисленных обычаев, что на второй день путешествия у Рамы и Нариндры, естественно, возникли подозрения.

Для них было ясно, что Рам-Шудор — не факир, что к этой роли он был совершенно не готов, иначе добросовестно исполнял бы все обряды, чтобы усыпить их бдительность. Друзья пришли к такому заключению, понаблюдав за ним в течение суток: жизнь на борту судна не позволяла уединиться и избежать пристального взгляда окружающих.

Но если Рам-Шудор не факир, в чем не было теперь сомнения, если он выдал себя за факира, чтобы скрыть истинные намерения, кого он хотел обмануть и кем был направлен?

Таков был двойной вопрос, вставший перед Нариндрой и Рамой во второй вечер их плавания, когда, уединившись в своей каюте, они обменивались впечатлениями от прошедшего дня. На первый из них они ответили легко: на борту «Дианы» интересоваться Рам-Шудора мог только Сердар. Человек, сыгравший такую роль в войне за независи-

мость, прославившийся своими подвигами, имел немало ярых врагов, с ожесточением и ненавистью преследовавших его, и представлял несомненный интерес для предателя. Что касается второго вопроса, то, рассуждая логически, Нариндра и Рама пришли к заключению, которое, как станет ясно из последующих событий, оказалось абсолютно верным.

В Нухурмуре разоблаченный Рам-Шудор признался, что был агентом Кишнаи, оставалось только определить, на кого работал предводитель тугов. В сложившихся обстоятельствах единственной подходящей фигурой был сэр Уильям Браун, губернатор Цейлона, однажды уже воспользовавшийся услугами Кишнаи, чтобы захватить Сердара.

Горячность, с которой Рам-Шудор просил Сердара взять его с собой, выдавала его намерения. Накануне отъезда он мог выйти ночью через внутреннюю долину и встретиться с Кишнаей, который, выбирая между поимкой Наны и Покорителя джунглей, по личным соображениям предпочел последнего и поручил своему верному шпиону выдать Сердара Уильяму Брауну. Сам же он решил воспользоваться отъездом защитников Нухурмура и захватить принца.

Найдя ответ на поставленные вопросы, друзья договорились весь следующий день непрерывно наблюдать за Рам-Шудором, не привлекая его внимания. Они решили в любом случае предупредить Сердара и употребить все свое влияние, чтобы он согласился запереть мнимого факира и оставить его на борту в течение всего их пребывания на земле.

Друзья убедились в измене Рам-Шудора с помощью логических рассуждений, а также хорошо зная обычаи и нравы настоящих факиров. Но они понимали, что эти детали, важные для них, вовсе не были основательными доводами для великодушного Сердара, тем более что два дня тому назад они сами поручились перед ним за факира, и с тех пор не произошло ничего, что могло бы заставить Покорителя джунглей изменить свое мнение. Им нужны были явные, очевидные доказательства предательства, они знали, что без этого им не убедить Сердара. Между тем Рам-Шудору было довольно перебраться словом с одним из многочисленных макуа, которые в порту Пуант-де-Галль окружают на пирогах прибывающие суда, чтобы через пять минут сэр Уильям Браун был предупрежден. Будучи индусами, Нариндра и Рама знали, с какой легкостью туземцы общаются между собой, несмотря на самый строгий надзор.

Но как добыть нужные доказательства? Они решили употребить на это весь свой ум, всю изобретательность.

Впереди у них был целый день, за это время можно было сделать многое. Даже если бы Барбассон не поспел вовремя, Сердара хранила его счастливая звезда. Проницательность и чутье Нариндры и Рама должны были вновь спасти его.

На следующий день вечером, когда с «Дианы» уже были видны вершины Курунгалы и Адамова пика, Нариндра, прогуливаясь по палубе, быстро сказал Рама:

— Я нашел способ, как разоблачить Рам-Шудора. Но для того, чтобы мой план удался, мы не должны сегодня вечером войти в порт.

— Я это устрою, — ответил Рама, — стоит только сказать словечко моему брату. Он уменьшит скорость, но так, чтобы Сердар ничего не заметил, мы опоздаем и вынуждены будем провести ночь в открытом море.

— Предупреди же его и давай впредь говорить только о посторонних вещах, мне кажется, Рам-Шудор что-то подозревает. Он не сводит с нас глаз и прислушивается к нашим разговорам.

Шпион тугов, хотя и продолжал играть с пантерами на палубе — в планах Сердара он и его животные должны были сыграть важную роль, — действительно казался озабоченным. Заметил ли он, что за ним следят? Догадаться было невозможно, но время от времени он бросал на индусов хищные взгляды, и лицо его странно подергивалось. Быть может, он боялся потерпеть неудачу в самый последний момент?

Когда негодяя разоблачили в первый раз, ему удалось спастись только благодаря своему хладнокровию и комедии, неоднократно разыгранной им перед хитрецом Кишнаей, отличавшимся крайней предусмотрительностью. Но если бы он попался во второй раз, Рам-Шудор чувствовал, что ему не избежать заслуженной кары.

Одна вещь возбуждала его любопытство. После отплытия из Гоа Рама-Модели под предлогом, что хочет развлечься и вспомнить свое прежнее ремесло заклинателя, не упускал ни единой возможности, чтобы подчинить себе обеих пантер, и, как ни странно, за два дня приобрел над животными такую власть, что стоило ему взглянуть на них и заговорить с ними кратко и повелительно, они, казалось, забывали о хозяине и слушались только Рама, совершенно их околдовавшего.

Негодяй между тем принял все меры предосторожности, чтобы до последней минуты никто ничего не подозревал, чтобы он казался совершенно непричастным к готовящемуся событию. Он должен был только передать губернатору Цейлона пальмовый лист от Кишнаей, на котором самый опыт-

ный глаз не смог бы обнаружить никаких знаков. С этой стороны ему нечего было опасаться, лист не мог служить против него уликой. Передать же его было проще простого. Пока суда ждут разрешения санитарной комиссии на свободный вход в порт, вокруг них тучами выются туземцы, приезжающие на пирогах и предлагающие свежие продукты, сувениры, попугаев, обезьян. Если вручить одному из них пальмовый лист, добавив магическое «для губернатора», через десять минут послание будет у того в руках. Рам-Шудор не подозревал, что этот простой способ передачи не ускользнул от проницательного взора обоих индусов, и полагал, что и в данном случае безопасность его обеспечена.

Он был крайне раздосадован, когда увидел, что придется ночевать в открытом море. Психологически это легко объяснить — как только в душу его закрался страх, он начал постоянно расти, доставляя Рам-Шудору невыразимые мучения, с паническим ужасом он думал о том, что ему предстоит провести на борту «Дианы» еще одну ночь. Инстинктивно он чувствовал, что происходит что-то, не предвещающее ему ничего хорошего.

Когда «Диана», обогнув восточную оконечность острова, подошла к Пуант-де-Галль, выстрел из пушки, запрещающий вход в гавань, прозвучал двадцать минут тому назад. Поэтому шхуна встала на якорь в пяти-шести кабельтовых от очаровательной маленькой яхты.

Вдалеке был виден китайский пакетбот, похожий на огромного азиатского мастодонта, изрыгавший клубы дыма. Он прошел мимо двух вставших на якорь кораблей и почти загородил вход в гавань, чтобы завтра войти туда первым. Пакетботы обслуживают обычно специальные лоцманы, которые остаются на борту и тем самым экономят время, избавляя суда от опозданий. На сей раз опоздать должна была «Диана», которая, не имея лоцмана, могла войти в порт, только следуя за пакетботом и маленькой яхтой, прибывшей незадолго до нее. Учитывая выполнение необходимых формальностей, ждать пришлось бы часа три-четыре. Несчастный Рам-Шудор, оценив все неблагоприятные обстоятельства, отдал бы десять лет жизни, только бы поскорее очутиться под великолепными пальмами, окаймлявшими берег. Будь здесь Барбассон, провансалец не преминул бы произнести маленькую речь о предчувствиях, что, конечно, не уменьшило бы тревогу факира. В случае непредвиденных событий Рам-Шудор рассчитывал, что его защитят пантеры, он специально дрессировал их для этого и был уверен, что в час опасности они не подведут. Мысль эта

несколько успокоила предателя, и с кажущимся смирением он стал ждать дальнейшего развития событий.

После того как «Диана» бросила якорь со всеми предосторожностями, которые необходимы в этих морях, где часты ураганы, Сердар и его товарищи, стоя на корме, с любопытством рассматривали необычный маленький корабль, неподалеку от которого они остановились. Никогда они не видели, чтобы столь изящное и легкое судно с высокой оснасткой пускалось в плавание по этим опасным водам.

— Это прогулочная яхта, — заметил Сердар. — Она, несомненно, принадлежит какому-нибудь богатому англичанину, который на такой скорлупе совершает кругосветное путешествие. Только им могут прийти в голову подобные фантазии. — И взяв небрежно подозрную трубу, он навел ее на яхту. Едва бросив взгляд на судно, он изумленно вскрикнул.

— Что такое? — одновременно спросили Нариндра и Рама с беспокойством.

— Не может быть! — воскликнул Сердар, как бы обращаясь к самому себе. Он снова взглянул в трубу и прошептал: — Странно, какое сходство! Да нет же, это он! Слушайте, я брежу, это физически невозможно, ведь яхта была здесь раньше нас...

— Бога ради, Сердар, что все это значит? — спросил Рама.

— Посмотри! — ответил Сердар, передавая ему подозрную трубу.

— Барбассон! — тут же воскликнул заклинатель.

— Как Барбассон? — рассмеялся Нариндра. — Он что же, прилетел на воздушном шаре?

— Молчите! — строго сказал Рама. — В Нухурмуре, должно быть, случилось что-то непредвиденное, быть может, какая-нибудь трагедия. Будем говорить тише, мы здесь не одни.

Заклинатель еще раз навел трубу на яхту.

— Это действительно Барбассон, — с уверенностью сказал он, — посмотри сам.

И протянул трубу Нариндре, сгоравшему от нетерпения. С его губ слетело то же имя.

— Барбассон! Да, это Барбассон.

Все трое переглянулись в полном изумлении, не зная, что думать, что сказать.

Сердар решил проверить себя еще раз, но на палубе яхты уже никого не было.

— Довольно! — сказал он друзьям. — Это обман зрения, вызванный поразительным сходством, признаюсь, но Барбассон физически не может здесь быть, вот что самое главное.

— Это Барбассон, Сердар, — возразил Рама. — Я узнал его одежду и даже шляпу. Случайное сходство не может сопровождаться таким совпадением.

— Но подумай сам, — продолжал Сердар, — мы не потеряли в пути ни минуты. «Диана» — самое быстроходное судно в этих морях, она может обогнать любой пакетбот. Мы приплываем сюда, и Барбассон, которого мы оставили в постели, невозмутимый, благодушный Барбассон, который больше всего ценит покой и спит допоздна, поджидает нас на корабле, прибывшем сюда раньше нас? Будет вам! Есть факты, спорить с которыми бесполезно.

— Что же делать, Сердар? Мои глаза говорят мне: это Барбассон, а разум добавляет: в Нухурмуре произошла какая-то страшная драма. Наш товарищ бросился за нами в погоню, чтобы предупредить нас, в Гоа он нашел корабль, который сумел обогнать «Диану».

— Это совершенно неправдоподобно, мой бедный Рама.

— Смотрите, он снова появился на палубе. Не сводите с него подозрительной трубы, если это он, он подаст какой-нибудь знак.

— Неисправимый ты резонер. Если он гнался за нами, чтобы сообщить что-то важное, почему же его до сих пор нет на «Диане»? Он давным-давно мог подойти к нам на шлюпке.

— На это нечего возразить, — заметил поколебленный в своей уверенности Нариндра.

— Это Барбассон! — с нажимом сказал Рама. — Мне совершенно ясно, что он ждет наступления ночи, чтобы приблизиться к нам.

Сердар для вида снова навел на яхту подозрительную трубу.

В то же мгновение оба индуса увидели, как он слегка побледнел. Они еще не успели задать ему вопрос, как Покоритель джунглей, страшно взволнованный, сказал тихо:

— Это Барбассон! Наши подозрительные трубы встретились. Узнав меня, он трижды поднес палец к губам, словно говоря: молчание! Затем протянул руку в направлении заходящего солнца. Я понял это так: как только наступит ночь, мы увидимся. Ты прав, Рама, в Нухурмуре произошло что-то страшное.

— Или может произойти здесь!

— Что ты имеешь в виду?

— Подождем до вечера, объяснить слишком долго, не обошлось бы без восклицаний, удивлений, разоблачений, довольно уже было подобных сцен. Нариндра меня понимает.

— Ты говоришь загадками.

— Нет! Вы знаете, Сердар, до какой степени мы вам преданы, поверьте же нам, подождите несколько минут, несколько мгновений, солнце сейчас сядет. Мы хотим объяснить в присутствии Барбассона. Я почему-то думаю, что при нем нам будет гораздо легче все рассказать вам.

— Тем не менее...

— Вы настаиваете? Будь по-вашему! Мы все скажем, но прежде окажите нам одну любезность.

— Какую?

— Мы должны предупредить вас, что заговорим лишь при одном условии.

— Боже, какая торжественность! — улыбнулся Сердар, несмотря на волнение. — Давайте говорите!

— Хорошо! Немедленно прикажите, не требуя объяснений, чтобы Рам-Шудора посадили на цепь и заперли в трюме.

— Я не могу этого сделать, не зная причин вашей просьбы, — ответил Покоритель джунглей, чье удивление непрестанно росло.

— Ладно! Подождем прибытия Барбассона.

Сердар больше не настаивал, он знал, что его друзья будут молчать. Он оставил их одних, надо было отдать распоряжения на ночь и зажечь сигнальные огни. Эта мера предосторожности, помогающая избежать столкновений, необходима, особенно на стоянке.

Затем Покоритель джунглей поднялся на мостик, чтобы скоротать время и разобраться в происшедшем. Он не мог объяснить себе просьбу, с которой обратились к нему Рама и Нариндра. Она настолько шла вразрез с их прежним поведением, когда они взяли Рам-Шудора под защиту, что Сердар воспринял ее как уловку для того, чтобы прекратить разговор. С момента их отъезда Рам-Шудор не сделал ничего, что могло бы оправдать эту суровую меру. К тому же в плане Сердара факиру отводилась активная роль, если бы он исчез, пришлось бы все круто менять — словом, там будет видно! Необъяснимое присутствие Барбассона, его таинственное поведение — все это до такой степени возбуждало любопытство, что обычные заботы помимо воли отходили на второй план.

Сердар не терял из виду маленькую яхту и в наступившей темноте различил отделившуюся от нее черную точку,

направлявшуюся к «Диане». Через некоторое время к шхуне причалила лодка, и Барбассон, завернутый в морской плащ с капюшоном так, что его нельзя было узнать, проворно поднялся на борт.

— Спустимся в вашу каюту, — быстро сказал он Сердару. — Никто на борту, кроме Нариндры и Рама, не должен знать, что я здесь, и, самое главное, никто не должен слышать, что я вам скажу.

Дрожа от волнения, Покоритель джунглей повел моряка в свои апартаменты, находившиеся на нижней палубе, где никто не мог их подслушать, не попав на глаза рулевому, наблюдавшему за компасом.

За ними последовали Нариндра и Рама. Как только закрыли дверь, Сердар, не выдержав, схватил провансальца за руки и воскликнул:

— Во имя неба, мой дорогой Барбассон, что случилось? Ничего от меня не скрывайте!

— В Нухурмуре произошли ужасные события, но еще страшнее те, что могут произойти здесь. Прежде, чем я скажу хоть слово, знайте, что речь идет о вашей жизни, не спорьте, не просите объяснений, вы все узнаете... Прежде всего немедленно арестуйте Рам-Шудора!

Услышав эти слова, которые Барбассон выпалил, не переводя дыхания, Рама и Нариндра с криком бросились к двери, но уже на пороге они вдруг остановились, подумав, что только Сердар... И ждали, тяжело дыша.

— Да идите же! — крикнул им Барбассон. — Нельзя допустить, чтобы он мог общаться с кем-нибудь.

— Идите! — сказал Сердар, который понял, что смутило их и заставило остановиться. — Скажите, что приказ исходит от меня.

Индусы вышли и направились к носу, где, как они знали, можно было встретить мнимого факира.

— Спокойно и, самое главное, без драки, Нариндра! — сказал Рама. — Будем действовать хитростью.

— Рам-Шудор, — обратился Рама к факиру, который спокойно курил, опершись на перила, — капитан требует, чтобы сегодня ночью все сидели в своих каютах.

— Хорошо, сейчас иду, — ответил туземец.

Едва он вошел в каюту, как Нариндра задвинул внешний замок двери, а у входа поставил матроса, приказав ему следить за тем, чтобы Рам-Шудор не мог выйти.

Покончив с этим делом, они поспешили вернуться к друзьям, рассказав им вкратце, с каким равнодушием Рам-Шудор дал себя запереть.

Увы, предосторожность их была бесполезной — Рам-Шудор выполнил порученную ему миссию. Они промешкали! Барбассон должен был отдать приказ об аресте факира, едва поднявшись на борт «Дианы».

Как только за Сердаром и его товарищами закрылась дверь, человек, прятавшийся за грот-мачтой, поспешно спустился по лестнице и, вручив одному из матросов со шлюпки Барбассона пальмовый лист, сказал:

— Греби быстрее. Это для губернатора Цейлона — речь идет о твоей жизни... Приказ капитана!

Этим человеком был... Рам-Шудор. Затем в два прыжка, словно кошка, он поднялся на палубу и отправился на противоположную сторону шхуны, где его и нашли Нариндра и Рама.

Пока индусы запирали его в каюте, шлюпка отчалила от «Дианы» и понеслась по волнам, унося с собой страшное послание, предназначенное губернатору, сэру Уильяму Брауну...

В каюте Сердара друзья долго беседовали о событиях, происшедших в Нухурмуре. Печальный конец Барнетта вызвал у всех слезы, и бедный Барбассон, рассказывая о случившемся, вновь с болью пережил все перипетии ужасной драмы.

Когда первое волнение улеглось, друзья приступили к обсуждению плана действий. Было единодушно решено, что этой же ночью Рам-Шудор должен понести заслуженное наказание за все свои многочисленные преступления. Сердар хотел просто застрелить его, но Барбассон потребовал для приговоренного казни более страшной, хотя и быстрой.

— Надо привязать ему к ногам ядро и бросить живым в воду! — предложил провансалец.

— Будем гуманны, — взмолился Сердар, — не станем вести себя, словно дикари.

— Этот мерзавец побеспокоился бы о гуманности, если бы его зловещие планы осуществились?

Нариндра и Рама присоединились к Барбассону, и Сердар не стал спорить, рассчитывая вмешаться в последний момент как командир корабля.

Разговор продолжался долго. Прошло уже два часа, и Сердар принялся излагать Барбассону ловкий план, который позволил бы им тихо и спокойно захватить сэра Уильяма Брауна, ибо они не могли рассчитывать на то, что им удастся похитить его силой. Вдруг раздался легкий стук в дверь. Это был брат Рама, который пришел предупредить Барбассона, что его хочет видеть хозяин лодки.

— Пусть войдет! — сказал провансалец.

Сива-Томби из скромности удалился, впустив в каюту моряка.

— Капитан, — сказал матрос, — вот что мне приказал передать вам губернатор Цейлона.

Если бы в эту минуту в каюте грянул гром, и то присутствующие были бы поражены меньше. Быстрота и находчивость южанина спасли положение.

— Давай сюда письмо и можешь быть свободен, — коротко приказал Барбассон, матрос немедленно повиновался.

— Вы состоите в переписке с губернатором? — заикаясь, пробормотал Сердар.

Нариндра и Рама изумленно и недоверчиво смотрели на Барбассона.

Барбассон, прочитав письмо и все поняв, воскликнул, бледный от бешенства:

— О! Я задушю его собственными руками! Никогда я еще не видел таких коварных негодяев!

— В конце концов, что все это значит? — спросил Рама почти повелительным тоном.

— Это означает, черт побери, — воскликнул провансалец вне себя от гнева, — что мы тупицы, идиоты, ничтожества, нас разбили наголову! Как всегда, мы побеждены этими мерзавцами! Вот, читайте, нам остается только поднять якорь и бежать, к счастью, это мы еще можем сделать.

Рама прочел письмо вслух. Губернатор даже не дал себе труда зашифровать послание, оно было написано по-тамильски, вероятно, одним из его секретарей:

«Сэр Уильям Браун горячо благодарит Кишнайю и хвалит его за ловкость. Завтра все будет готово к достойному приему «гостей». Как и было условлено, в порту их ждет броненосец, который встретит шхуну огнем своих батарей. Через два дня Кишнайя может явиться в загородный дом губернатора в Канди и получить там по случаю именин Его Превосходительства обещанную награду».

— Значит, мерзавца предупредили! — воскликнул Сердар, сжимая кулаки, глаза его налились кровью. — Но кто же? Во имя неба, кто же?!

— Не ломайте голову, Сердар, — вмешался Рама, — все объясняется теперь само собой. Пока Барбассон просил вас арестовать Рам-Шудора, молодец не терял времени даром и передал письмо Кишнайи через хозяина лодки, которая привезла нашего друга.

— Неужели?

— Не может быть никаких сомнений, ведь ответ доставил хозяин лодки.

— О, эти люди большие искусники, до чего же досадно, что они обвели нас вокруг пальца! — заметил Барбассон, немного успокоившись.

— Какой демон преследует нас, разрушая все мои планы? Что ж, бороться с судьбой бессмысленно. Надо мной тяготеет проклятье! Через две недели приезжает моя сестра. Я так мечтал представить ей доказательства моей невиновности!

— Она никогда в ней не сомневалась, равно как и мы, — мягко сказал Рама. — Вы для нас самый честный и благородный из людей.

— Я знаю, и уважение тех, кого я люблю, всегда служило мне поддержкой в жизни. Но ты должен понять мое отчаяние, Рама. Час справедливости убегает от меня, словно неуловимый мираж. С того дня, как я обрел нежно любимую сестру и почувствовал, что ее сердце бьется в такт с моим, с того самого дня я захотел стать достойным ее в глазах общества. Военный суд оклеветал меня, и лишь военный суд может восстановить мою честь. Как только я подумаю, что доказательства здесь, в двух шагах от меня, а я не могу заставить негодяя, который ими обладает, вернуть их мне!..

— А вы никогда не пробовали договориться с ним по-хорошему? — спросил Нариндра.

— Это невозможно, доказательства моей невиновности должны погубить его. Чин генерала, место в Палате лордов, губернаторство на Цейлоне, многочисленные награды — он потеряет все. Приговор, который оправдает меня, его обесчестит, потому что меня судили за преступление, которое совершил он, сумев обвинить меня с помощью сообщника. Друзья мои! Друзья мои! Как я несчастен! — и бедный изгнанник разразился рыданиями.

Нариндра и Рама, сопереживая Сердару, испытывали ту же душераздирающую боль, в их глазах стояли слезы.

— Черт побери! До чего же мне скверно, когда я вижу, как убивается этот славный малый, — пробормотал сквозь зубы Барбассон, обращаясь к самому себе. — Ну, Барбассон, сын мой, самое время распустить паруса и призвать на помощь твое неистощимое воображение... Поразмыслим немного. Стой, стой! По-моему, это не так уж глупо... Спокойно, не будем торопиться... Осуществимо ли это? А почему бы и нет? Право слово, надо изложить суть дела.

Прервав свой внутренний монолог, Барбассон обратился к Покорителю джунглей:

— Послушайте, Сердар! Клянусь Барбассоном, вы сокрушаетесь по пустякам. Мне-то кажется, что положение наше куда лучше, чем раньше...

При этих словах трое мужчин живо подняли головы и со жгучим любопытством посмотрели на своего собеседника. Зная гибкость, подвижность его ума, они приготовились слушать с удвоенным вниманием.

— Да, мои добрые друзья, — продолжал Барбассон, польщенный интересом, с которым были встречены его слова, — мы отчаиваемся, тогда как, напротив, нам следовало бы радоваться. А ну-ка, последите за ходом моих мыслей.

Сердар впитывал его слова. Барбассон продолжал:

— Мне неизвестен план нашего друга Сердара, но, я думаю, у него не было намерения дать сражение флоту и гарнизону, которыми командует Уильям Браун. Значит, он должен был заменить недостающую ему силу хитростью. Сейчас вы увидите, могут ли наши планы сочетаться. Вы говорите, что наш враг настороже, но он настороже в ожидании открытой атаки. Полагаю, что и до предательства этого негодяя Рам-Шудора вы не собирались сказать: «Добрый день, господин губернатор, приглашаю вас поболтать со мной на моей шхуне «Диана». Это я, ваш заклятый враг, вы меня узнали?» Полагаю, что, переодевшись, вы собирались схватить его, связать и доставить на борт со всеми почестями, приличествующими его сану. Вот я и спрашиваю: а кто мешает нам сделать то же самое сегодня? О прибытии «Дианы» известно, и она не может войти в порт. Черт побери, дайте распоряжение Сива-Томби, пусть он два-три раза пройдет перед входом в гавань с Рам-Шудором, болтающимся на рее. Когда губернатор, приняв повешенного за Кишнаю, поймет, что его не просто провели, что его к тому же презирают, он отдаст приказ своему броненосцу преследовать шхуну. Она легко уйдет от него и потихонечку завлечет его подальше отсюда. В это время, пока любезный Уильям Браун будет думать, что мы на борту «Дианы», спокойно войдем в порт на славном маленьком «Радже», куда и перейдем сегодня ночью. Корабль португальский, все бумаги у меня в порядке. Имя владельца на всякий случай было не проставлено, я вписал туда свое, так что теперь яхта принадлежит дону Жозе-Эммануэлю — в этой стране у каждого вереница имен — Энрико-Жоакину Васко де Барбассонто-и-Карваял, богатому португальскому дворянину, путешествующему ради собственного удовольствия, и все! Если ваш план, Сердар, хорош, то, черт побери, мы его осуществим! А если нет...

Он не мог договорить, Сердар бросился к моряку и, порывисто обняв его, назвал своим спасителем.

— Да, — сказал ему Сердар, — вы спасаете мне жизнь,

давая возможность восстановить мою честь. Исчезновение одного из действующих лиц, Рам-Шудора, вносит некоторые изменения в мой план, но в целом он тот же, и выполнить его будет еще легче.

Нариндра и Рама рассыпались в поздравлениях Барбассону.

— Раз все устроилось к лучшему, — сказал провансалец, — не будем терять времени на пустые разговоры. Надо спешить, до утра у нас остается всего два часа. Послушайте меня, надо немедленно, без проволочек повесить Рам-Шудора.

— Следует хотя бы выслушать его, — ответил Сердар.

— Зачем? В подобных случаях я восхищаюсь англичанами: если им случается поймать разбойника или даже честного человека, который им мешает, они тут же отправляют его танцевать на верхушку талей, и не о чем больше толковать. К чему нам выслушивать кучу лжи? Если бы меня послушали в Нухурмуре, мой бедный Барнетт был бы жив. Не будь Рам-Шудора, вы взяли бы с собой Сами, оставить пещеры без охраны было бы нельзя, и мы бы не поехали ловить рыбу... Вы видите взаимосвязь событий. Если вам его жаль, позвольте мне заняться этим дельцем, я все беру на себя.

Сердар хотел было настоять на своем, но на сей раз Нариндра и Рама энергично восстали против него. Индусы знали, что если негодяю удастся затронуть чувствительную струнку в сердце Сердара, Покоритель джунглей, лишив факира возможности приносить вред, вновь дарует ему жизнь.

— Нет, Сердар, — решительно сказал Рама. — Конечно, если заковать туга и бросить его в трюм, он не сможет помешать осуществлению ваших планов, и вы хотите убедить нас с помощью этого довода. Но кто даст гарантию, что он не убежит снова, будучи дьявольски хитер? Ведь если бы провидение не надоумило губернатора написать ответ, мы бы неминуемо погибли. Поймите наконец, что в данном случае милосердие — уже не гуманность, а слабость.

Бедный Сердар все еще колебался. Он так высоко ставил человеческую жизнь, что никак не мог решиться хладнокровно оборвать ее.

— Сердар, — вдруг торжественно произнес Барбассон, — в Гоа есть один славный человек, который доверил мне жизнь двенадцати моряков. Если вам нужна моя жизнь, только скажите, но их жизнью я жертвовать не вправе. Если туг через пять минут не будет повешен, клянусь своим именем, я снимаюсь с якоря и плыву вместе с ними обратно.

— Делайте что хотите! — ответил побежденный Сердар. — Но не будьте слишком жестоки.

— Не волнуйтесь, — прибавил провансалец, — никто лучше меня не умеет делать скользкую петлю.

Он подал быстрый знак индусам, и все трое поспешно вышли из каюты. Через две минуты Рам-Шудора с крепко связанными за спиной руками привели на палубу. Негодяй был мертвенно-бледен, но старался держаться и бросал вокруг злобные взгляды.

Друзья условились больше не разговаривать с ним, четверо матросов с примкнутыми штыками окружали его.

— Зачем меня связали, что вам от меня нужно? — спросил негодяй с суровым видом.

Никто не ответил.

Взглянув на Барбассона, вдохновенно приготавливавшего скользкую петлю, туг, едва сдерживая ярость, воскликнул:

— Вы хотите убить меня, но вас всех тоже повесят!

Барбассон и ухом не повел.

— Слышишь, ты, — бросил ему пленник, — повесят! Повесят! Повесят!

Провансалец не выдержал.

— А вот и нет! Ошибаешься, Шудорчик! Я не хочу, чтобы ты унес с собой в мир иной сладкую надежду на отмщение. Ты имеешь в виду твоего друга губернатора Цейлона? Надо тебе сказать, что он допустил большую глупость, ответив тебе. Разумеется, хозяин лодки принес письмо мне. Так что, мой Шудорчик, как говорится, за ученого двух неученых дают. Не пройдет и пары дней, как твой приятель будет в наших руках. И если он вздумает хитрить — взгляни, как ловко я мастерю галстуки из пеньки, — я и ему надену похожий. Ну-ка, посмотрим, подходит ли тебе этот...

В ту минуту, когда Барбассон хотел было набросить петлю на шею Рам-Шудора, тот ударом головы опрокинул одного из матросов, гигантским прыжком выскочил за круг сомкнутых штыков и тут же крикнул:

— Ко мне, Нера! Ко мне, Сита!

Услышав этот отчаянный зов, обе пантеры примчались с нижней палубы и, дрожа, бросились к хозяину.

— Защитите меня, добрые мои звери! — крикнул Рам-Шудор. — Защитите меня!

Страшные кошки, вытянув вперед лапы, сверкая глазами и раздувая ноздри, готовы были броситься на каждого, кто осмелился бы подойти к Рам-Шудору. Все произошло так быстро, что крышку люка, через который выскочили животные, не успели задраить.

— Ну, теперь подходите, храбрецы, — орал туг, — подходите, нас всего трое против вас всех!

Весь экипаж тут же схватился за оружие, и на пантер было направлено двадцать карабинов.

— Стойте! Не стреляйте! — крикнул Рама, храбро бросившись вперед.

— Ах, вот один! Вперед, вперед! — вопил по-тамильски Рам-Шудор.

Пантеры присели, застыв на гибких лапах, готовые к прыжку.

Рама стоял, полусогнувшись, вытянув руки, и пристально смотрел на зверей, не пытаясь уклониться от столкновения. Все присутствующие, затаив дыхание, ждали, что произойдет. Услышав шум, Сердар поднялся на палубу и следил за сценой с лихорадочным беспокойством.

На повторные приказы хозяина пантеры глухо рычали, нервничали, но оставались на месте. Кто же должен был победить, заклинатель или человек, который вырастил зверей?

Рам-Шудор напрасно умолял, просил, кричал. Рама стоял неподвижно, сконцентрировав во взгляде всю силу своего существа, из глаз его вылетали искры, которые, казалось, проникали в мозг хищников, очаровывая их и парализуя волю.

Постепенно под влиянием этого магического взгляда возбуждение хищников улеглось, и, к изумлению всех свидетелей этой сцены и самого Рам-Шудора, они, повизгивая, подползли и улеглись у ног Рамы.

Заклинатель победил дрессировщика.

Несколько мгновений спустя туг искупил свои преступления.

Глава II

Яхта входит в порт Пуант-де-Галль. — «Королева Виктория» преследует «Диану». — Дон Жозе-Эммануэль-Энрико-Жоакин Васко де Барбассонто-и-Карваял, герцог Лас-Мартигас. — Ловкая мистификация. — Приглашение на праздник. — Прибытие заговорщиков в Канди. — Ужин. — Барбассон играет роль джентльмена.

Время близилось к рассвету, и наши друзья, отдав необходимые распоряжения Сива-Томби, на которого они могли целиком положиться, поспешно перебрались на борт «Раджи».

На заре маленький корабль вошел в гавань вслед за пакетботом и после посещения санитарной комиссии получил пропуск со следующими пометками:

«Раджа», яхта в 50 тонн, принадлежащая дону Васко де Барбассонто-и-Карваял, путешествующему для собственного удовольствия, с тремя офицерами, одним европейцем, двумя туземцами, и 12 человеками экипажа, прибыла из Гоа. Больных на борту нет».

Сердар и его спутники вошли в порт Пуант-де-Галль. Бросив якорь почти у самой набережной, ибо осадка судна была небольшой, они заметили, что на борту броненосца «Королева Виктория», готовящегося выйти в море, царило необычайное оживление. Да и весь город был взволнован чрезвычайным происшествием: с восходом солнца какое-то неизвестное судно крейсировало у входа в гавань, на его талях, соединенных с реей брам-стенги, болтался труп, и губернатор отдал «Королеве Виктории» приказ отправиться за ним в погоню. По случайности со вчерашнего дня корабль был под парами, и ему потребовалось всего несколько минут, чтобы сняться с якоря. Обитатели города, солдаты и офицеры гарнизона усыпали террасы домов и возвышенности побережья, чтобы присутствовать при этой волнующей погоне.

Все было, как в тот день, когда Сердар и Нариндра вместе с бедным Барнеттом шли на казнь: огромную террасу губернаторского особняка, несмотря на раннее утро, заполнили дамы и высшие чиновники, присутствовал весь гарнизонный штаб с сэром Уильямом Брауном во главе.

Поимка разбойника и его последующее наказание воспринимались как развлечение, как праздник. Капитану «Королевы Виктории» губернатор сказал:

— Вы знаете, что в море вы сами имеете право вершить суд, поэтому, господин командор, я надеюсь, вы не заставите нас заниматься этими мерзавцами.

— Не пройдет и часа, господин губернатор, как они будут связками болтаться у меня на реях.

Через час оба корабля исчезли в западном направлении, но к вечеру «Королева Виктория» все еще не вернулась.

Барбассон оставил у губернатора свою визитную карточку, как это принято у благородных иностранцев. Один туземный художник на скорую руку выгравировал ему карточки, они были сделаны на великолепном картоне длиной в десять сантиметров, украшала их герцогская корона. Еще немного, и Барбассон сделался бы принцем. Дон Жозе-Эмануэль-Энрико-Жоакин Васко де Барбассонто-и-Карваял, герцог Лас-Мартигас, пэр королевства.

— Ле Мартиг, — объяснил друзьям Барбассон, — это маленькая деревушка в окрестностях Марселя, где я воспитывался у кормилицы. Видите, мой титул восходит к раннему детству.

В ответ на визитную карточку губернатор пригласил благородного герцога Лас-Мартигас на праздник, который он устраивал в Канди через два дня.

— Передайте Его Превосходительству, что я с удовольствием принимаю его любезное приглашение, — ответил Барбассон адъютанту сэра Уильяма, который лично явился пригласить герцога на праздник.

— Вы, должно быть, ответили не подумав, — сказал ему Сердар после ухода офицера, — ведь именно в эту ночь, после окончания праздника... Разве что вы отказываетесь присоединиться к нам!

— Напротив, Сердар... Признаюсь, что хотя я и не такой утонченный гурман, как бедняга Барнетт, но с удовольствием поприсутствую на обеде у Его Превосходительства. Англичане знают толк в устройстве званых обедов, и, ей-богу, это случай нанести противнику урон. Что до нашего дела, не беспокойтесь, я сумею улизнуть и присоединиться к вам в назначенное время.

На следующий день «Королева Виктория» так и не появилась, но происшествие было не таково, чтобы откладывать праздник по случаю именин сэра Уильяма, на который он пригласил сингальских принцев и видных деятелей английской колонии.

Наши друзья использовали время, которое у них осталось, для подготовки, вживаясь в свои роли. Малейшая оплошность, малейшая забывчивость стоили бы им жизни, они не сомневались, что если их план провалится, сэр Уильям Браун будет беспощаден.

Сердар провел последнюю ночь в писании писем. Словно в предсмертной исповеди, он поведал сестре о роковом событии, которое погубило его карьеру, а его самого в двадцать два года заставило скитаться, словно отверженного, по белу свету. Он поклялся ей, что накануне того дня, когда ему, быть может, придется предстать перед высшим судьей, его рассказ не запятнан ни единой каплей лжи.

Он закончил письмо, изложив во всех деталях предпринимаемую им вместе с друзьями попытку не отомстить, а вырвать у погубившего его негодяя доказательства своей невиновности. В конце, посылая ей последнее «прости», он прибавил, что если она получит это письмо, значит, план провалился, и она никогда его больше не увидит, ибо неудача означала смерть.

Одновременно Сердар отправил сестре завещание, в котором все значительное состояние, унаследованное им после смерти отца, оставлял ей. Полная опись имущества хранилась у нотариуса в Париже, который управлял делами в его отсутствие.

К письму он приложил прядь своих волос и кольцо, доставшееся ему от матери, с которым никогда не расставался. Запечатав конверт, Сердар вручил его одному из членов общества Духов вод, которому полностью доверял, велел доставить письмо сестре в Бомбей, если через неделю он сам не востребует его назад.

Когда взошло солнце, Сердар был готов. Волнение оставило его, он собирался совершить в высшей степени справедливый акт, хотя вынужден был пользоваться для этого средствами, обычно вызывающими осуждение. Но совесть его была чиста, ибо правосудие оказалось неспособным отделить правого от виноватого, не сумело исправить собственную ошибку.

Закончив приготовления, Сердар позвал друзей.

— Обнимемся на прощание, — сказал он, — быть может, сегодня мы в последний раз вместе. Для меня одного жертвуете вы своей жизнью, — тут голос его задрожал, — и я, наверное, не прав, что соглашаюсь...

Ему не дали договорить.

Нариндра и Рама запротестовали, крепко прижав его к груди, а Барбассон бранился и клялся, что имеет полное право распоряжаться своей жизнью, как ему вздумается, что семьи у него нет, что не такой уж подарок он сделал Сердару, чтобы поднимать по этому поводу шум.

Настаивать было бесполезно, поэтому Сердар, который решил в последний момент отпустить любого, кто выскажет сожаление, только энергично пожал им руки и произнес:

— Ну что ж, до вечера!

Обед, предшествовавший приему в загородном доме сэра Уильяма Брауна, был поистине великолепен и достоин королевы. Никогда еще Барбассону не приходилось бывать на подобном празднестве. Портной из Пуант-де-Галль на скорую руку смастерил ему фрак, поверх которого провансалец нацепил ленту ордена Христа. Оставляю вам возможность самим представить, каков был вид у нашего героя в этой сбруе. Грубое лицо его почти скрывалось в зарослях торчащей бороды, волосы росли от самых бровей и напоминали щетку. Кирпичный цвет загорелого лица, огромные руки, сутулые плечи, походка вразвалку, словно во время качки, — перед вами был настоящий матрос с берегов Прованса.

Но происхождение и титулы оказывают столь магическое воздействие на англичан, что их оказалось достаточно, чтобы Барбассона, герцога и пэра, находили по-своему изысканным и, главное, очень оригинальным. К счастью для него, никто из приглашенных не знал ни слова по-португальски. Если бы случайно кто-нибудь заговорил с ним, моряк не растерялся бы и ответил по-провансальски.

За столом он сидел справа от супруги губернатора, ибо никто из присутствующих, не считая сэра Уильяма, не мог сравниться с ним по происхождению и сану. Любой другой на месте Барбассона стеснялся бы несоответствия между оказываемыми ему почестями и своим истинным положением, но нашего героя это ничуть не смущало. Его поведение в течение всего вечера поражало своей дерзостью и истинно морской непринужденностью. Англичане сочли герцога весьма оригинальным и отнесли его вольности и нелепости на счет португальских обычаев. Чтобы рассказать об этом вечере, потребовались бы тома. Когда в салоне объявили, что обед подан, Барбассон встал с торжественным видом, поправил орденскую ленту, провел рукой по волосам и вразвалку, словно собираясь танцевать кадрили, подошел к супруге губернатора и предложил ей руку. Та сначала удивилась, ибо по этикету выбирать кавалера должна была она, но затем по знаку мужа поднялась и приняла руку Барбассона. Он повел ее к столу, отставляя ноги, чтобы не наступить ей на платье. Любой француз умер бы со смеху, глядя на ужимки и манеры Барбассона. Подведя свою даму к месту, он отвесил ей поклон, как, бывало, в тулонских кабачках, куда он ходил на танцульки. Она ответила ему изящным реверансом, подумав: «Таков португальский обычай». То же самое проделали и другие приглашенные, подражая знатному сеньору, который не снимал шляпы при короле и называл его «мой кузен».

— Мы даже в некотором смысле родственники, — заявил Барбассон, пускаясь во все тяжкие.

— Я не знаю португальского языка, — сказала леди Браун.

— Я тоже, — легкомысленно бросил Барбассон, к счастью, по-провансальски.

— Но если вы говорите по-французски...

— Немного говорю, — улыбаясь со значением, ответил Барбассон, — но вам придется простить мне мои ляпы.

Англичанка улыбнулась, слегка покраснев. «Должно быть, это португальское выражение», — подумала она.

— Очень рада, тогда мы сможем немного поболтать, — продолжала она.

— Да-да! — отозвался Барбассон. — Мы сможем чуток посудачить.

Так продолжалось в течение всего обеда.

— Он совсем неплохо говорит по-французски, — шепнула мужу леди Браун, — но вставляет слишком много португальских слов.

К десерту Барбассон достиг небывалых высот. Он пил до дна, полными стаканами, говоря губернаторше:

— Неплохое у вас вино, кто вам его поставляет?

Проходящие вереницей бутылки окончательно развязали провансальцу язык. Выпивая очередной стакан, он доверительно сказал соседке:

— Полдюжины этого чертова вина нипочем не одолеть... Не то вам так жажнет по башке!

На сей раз англичанка попросту решила, что он говорит по-португальски.

Стараясь показаться интересным и припомнив номера, которые он показывал коммивояжерам за табльдотом, Барбассон клал себе на нос печенье, щелчок — и оно оказывалось в стакане, или же, пристроив его на край стакана, тем же манером отправлял себе в рот. Затем он стал показывать чудеса эквилибристики со всеми попадавшимися ему под руку предметами: ножами, вилками, бутылками, блюдами, к великому изумлению всех присутствующих, которые кричали:

— *Very nice indeed!**

Дурные примеры заразительны, и постепенно все стали пытаться повторять фокусы Барбассона, но, разумеется, безуспешно, и поскольку англичане склоняют голову перед превосходством, благородный герцог имел оглушительный успех.

Воодушевленный аплодисментами, Барбассон вдруг встал, схватил стул, поставил его себе на нос и обошел так вокруг стола, рискуя уронить его на голову одного из обедающих.

Со всех сторон неслись восторженные «браво» и «ура», не было недостатка и в тостах, но все это было сущей чепухой по сравнению с приемом, который ожидал Барбассона, когда он, дабы достойно завершить представление, принялся ходить на руках: крики переросли в исступленный восторг, все поздравляли его, каждый хотел выпить бокал

* Замечательно! Восхитительно! — (англ.)

шампанского в его честь. Барбассон держался молодцом, выпивал со всеми и говорил:

— Знаю, знаю! Вы хотите спойть меня, но у вас кишка тонка.

И пил, словно сапожник, внешне не пьянея.

Люди серьезные говорили:

— Португальские обычаи весьма оригинальны.

Молодежь устроила ему овацию, а губернатор был в восторге: никогда еще у него так не веселились.

Это доказывает, что этикет — условность, которую люди выдумали, чтобы докучать друг другу.

Одна достойная старая англичанка спросила нашего провансальца:

— Господин Барбассонто, скажите, в вашей стране все герцоги и пэры так же забавны, как вы?

— Все, милая дама, пример нам подает сам король.

Португальский двор немедленно прослыл за самый оригинальный и веселый в мире.

На последовавшем за обедом балу популярность Барбассона достигла апогея, и его успех превратился в триумф. Вместо чопорных танцев, принятых в официальных салонах, провансалец продемонстрировал образчики самой неистойвой хореографии. Короче говоря, воспоминание об этом вечере живо на Цейлоне и по сей день, англичане до сих пор говорят о знаменитом португальском герцоге, а в семьях из высшего общества, когда подходит очередь десерта, леди и джентльмены упражняются, стараясь удержать на носу печенье, и повторяют другие фокусы, которым их научил знатный лузитанский сеньор. Вот что значит сила традиций!

Развеселив всех присутствующих, Барбассон, сам того не подозревая, оказал Сердару большую услугу. Для успеха его плана было необходимо, чтобы друзья его, не вызывая подозрений, сумели проникнуть во дворец сэра Уильяма Брауна, а это было весьма и весьма не просто, ибо после дуэли с Фредериком де Монмореном губернатор удвоил число караулов и часовым было приказано безжалостно стрелять по всякому, кто попытается ночью проникнуть в особняк или даже его службы.

Поэтому, когда в полночь, в самый разгар бала, губернатору доложили, что трое фокусников-индусов просят о чести выступить перед ним с двумя пантерами, выдрессированными специально для праздника Его Превосходительства, и их провели во дворец, индусы были поражены тем, какое количество постов пришлось им миновать.

— Милорд, — сказала леди Браун, обращаясь к Барбассону, — вы приобщили нас к любопытным обычаям Португалии, позвольте нам в свою очередь предложить вам зрелище, которое вам едва ли доведется увидеть в вашей стране.

— Какое зрелище, милая дама? — спросил провансалец. Так он обращался ко всем женщинам в течение вечера и тем самым малыми усилиями добился репутации очаровательного кавалера.

— Мы покажем вам хищников, выдрессированных туземцами на свободе.

При этих словах, известивших его, что друзья во дворце, Барбассон вздрогнул. До сих пор он искренне забавлялся, как в те времена, когда служил во флоте, таскался по кабачкам, прокучивая на земле свое жалованье. Но на смену балагану должна была прийти настоящая пьеса. После поднятия занавеса начиналась драма, в которой ему предстояло сыграть одну из ролей.

Напоминание о его истинном положении привело к тому, что винные пары, дурманившие ему голову, быстро улетучились, и к Барбассону вернулось все его хладнокровие.

Глава III

Фокусники. — Танец хищников. — Барбассон-дипломат. — Покупка пантер. — Блестящая мысль. — Праздничная ночь во дворце в Канди. — Похищение губернатора. — Отплытие с Цейлона.

Как только объявили о новом развлечении, устраиваемом, как сказал губернатор, в честь его гостя, благородного герцога, все собрались в одном конце гостиной, тогда как в другом слуги расстилали циновку для предстоящего представления.

В зал вошли трое туземцев в сопровождении пантер, следовавших за ними покорно, словно собаки, и Барбассон тут же узнал Нариндру и Раму, переодетых фокусниками, но в третьем индусе он с трудом распознал Сердара, настолько тот изменил свою внешность. Бронзовый цвет лица, волосы, заплетенные в косички и закрученные на макушке, как обычно у фокусников, — ничто не выдавало в нем европейца. И лишь мысль о том, что только Сердар мог быть вместе с маратхом и заклинателем, окончательно убедила Барбассона.

Довольно богатая одежда указывала на то, что руководителем маленькой труппы был Покоритель джунглей, это позволило ему играть роль наблюдателя за представлением и не привлекать к своей особе слишком пристального внимания. Он принял эту меру предосторожности, чтобы губернатор не узнал его. Но маскировка была столь искусной, что Сердар мог совершенно не опасаться на этот счет.

Обе пантеры работали превосходно и по команде Рама-Модели выполнили большинство номеров, которым их обучают фокусники. Собравшиеся с помощью аплодисментов и количества рупий, брошенных туземцам, показали, что с удовольствием участвовали в этом развлечении, главная прелесть которого состоит в том, что кровожадные, свирепые хищники смиренно повинуются одному движению руки человека.

После окончания представления туземцы должны были покинуть дворец. Сердар, зная это, тщательно изучил его планировку, чтобы легче было туда вернуться ночью. Он пришел к выводу, что их ждут серьезные трудности. Прежде всего они рисковали попасть под огонь часовых, их посты располагались близко друг от друга, чтобы легче было охранять подходы к особняку.

Именно тогда Барбассона осенило, и Сердар сразу же оценил его гениальную находку, устранявшую наиболее опасную часть плана. В тот момент, когда мнимые фокусники собирались уходить, провансалец позвал их.

— Вы позволите мне, господин губернатор, один каприз? — сказал он.

— О, разумеется, мой дорогой гость, прошу вас, почувствуйте себя как дома.

Туземцы подошли ближе.

— Скажите-ка, любезные, не согласились бы вы за хорошую цену уступить мне ваших умных животных?

— Ваше Превосходительство изволит смеяться над такими бедняками, как мы, — ответил Сердар, сияя. Как мы уже сказали, он сразу понял важность происходящего.

— Клянусь Бар... Нет, клянусь честью, я говорю серьезно. В моем парке в Коимбре есть зверинец, начало которому положил мой отец. А я постепенно пополнил его экземплярами, встречавшимися мне во время путешествий. Но я беру только хорошо выдрессированных и, главное, ласковых животных. Герцогиня до такой степени боязлива, что я до сих пор не сумел найти пантер, которые бы ей подошли, а ваши — как раз то, что мне нужно.

В другое время Сердар расхохотался бы при упоминании о герцогине, которую Барбассон извлек из глубин своего

воображения, но положение было слишком серьезным, чтобы его могли развлечь выдумки друга.

— Ну же! — продолжал Барбассон с великолепной самоуверенностью. — Вам повезло, воспользуйтесь тем, что мне в голову взбрела эта фантазия, назначьте сами цену, я заранее согласен.

— Дело в том, Ваше Превосходительство, что эти животные — наш единственный заработок.

— Ба! Вы обучите других.

— Но чтобы достичь подобного совершенства, требуются годы.

— А если денег, которых я дам, вам хватит, чтобы прожить годы?

— О, тогда другое дело!

— В добрый час! А цена?

— Как скажет Ваше Превосходительство.

— Нет, не люблю я подобные сделки, слишком дорого выходит.

— Ладно, две тысячи рупий за обеих.

— То есть пять тысяч франков?

— Если Ваше Превосходительство находит, что это слишком...

— Нет-нет! Каждому нужно жить, пусть будет пять тысяч франков. Пантеры мои, я заберу их сразу, не то, боюсь, вы передумаете. Вам остается только явиться завтра на борт «Раджи». Кстати... да, так будет лучше, нет ли у вас закрытой клетки, в которой вы перевозите зверей?

— Да, Ваше Превосходительство, есть. Мы не можем передвигаться по городу с животными на свободе.

— В таком случае, с вашего позволения, губернатор...

— Простите, что перебиваю вас, мой дорогой герцог, но я уже сказал — поступайте, как вам заблагорассудится.

— Хорошо, я воспользуюсь вашей любезностью, чтобы перенести моих пантер под веранду апартаментов, предоставленных вами в мое распоряжение.

— Нет ничего проще, милорд. Эти люди могут даже остаться, чтобы ухаживать за животными, до того дня — пусть он не наступает как можно дольше, — когда Ваше Превосходительство решит покинуть нас.

— Вы слишком добры ко мне, мой дорогой губернатор. Значит, договорились: вы пойдете с моими людьми, они покажут вам место, где вы сможете устроиться.

— Ваши комнаты находятся по соседству с моими, мой дорогой герцог, — смеясь, заметил губернатор. Поста

райтесь, чтобы ваши новые воспитанники не съели меня сегодня ночью.

— Чтобы избежать этой маленькой неприятности, ибо они могут начать с меня, — в тон ему ответил Барбассон, — я тут же велю посадить их в клетку. А чтобы пантеры никого не беспокоили, как только мои слуги немного отдохнут, рано утром, а может, даже сегодня ночью зверей перенесут на борт яхты. Я прошу вас, мой дорогой губернатор, дать приказ, чтобы им открыли двери и чтобы ваши часовые не чинили им препятствий.

— Все будет сделано, как вы пожелаете. Вы слышите, О'Келли, — сказал сэр Уильям, поворачиваясь к стоявшему рядом с ним адъютанту, — предупредите на постах, чтобы людей господина герцога выпустили в любое время.

Адъютант поклонился и отправился исполнять полученный приказ. Сердар взглянул на Барбассона, во взгляде его читались восхищение тонким умом друга и бесконечная признательность за неоценимые услуги, оказанные им в критический момент. Все трудности благодаря провансальцу устранялись как по волшебству, и Сердар понимал, насколько трудно было бы преодолеть их без помощи Барбассона.

Некоторое время спустя Барбассон, спешивший присоединиться к друзьям, попросил у леди Браун позволения удалиться.

— Я скоро последую вашему примеру, — сказал ему сэр Уильям, — я не собираюсь оставаться на ужин. Леди Браун выполнит обязанности хозяйки, а гости извинят меня, они знают, что после ужасной раны, полученной в прошлом году, здоровье мое пошатнулось.

— Вы стали жертвой несчастного случая? — спросил провансалец, прекрасно зная, в чем дело.

— Нет, это было покушение на убийство, и его подлый виновник, до сих пор ускользавший от меня, в этот час уже, должно быть, понес заслуженное наказание, ибо он находился на борту судна, в погоню за которым отправилась «Королева Виктория»... Но я толкую вам о вещах, вовсе для вас неинтересных, и только напрасно задерживаю вас.

Они крепко пожали друг другу руки, и Барбассон не спеша отправился в отведенные ему апартаменты, расположенные в правом крыле особняка, на втором этаже. Он был единственным из всех приглашенных, кому губернатор предложил гостеприимство. Те из гостей, кто не хотел ночью возвращаться в Пуант-де-Галль, вынуждены были разместиться в гостиницах Канди. Таким образом, у наших друзей была уверенность, что никто из посторонних не помешает осуществ-

лению плана Сердара. Загородный дом губернаторов Цейлона, сооружение современной постройки, может сойти за настоящий дворец по своим размерам и количеству служб. Он расположен в очаровательной долине, поражающей богатой растительностью, благоухающими тенистыми рощами и большим количеством ручейков, с журчанием сбегających с гор, со всех сторон окружающих долину. Горы эти, постепенно набирая высоту, заканчиваются знаменитым Адамовым пиком, где, по преданию, появился на земле первый человек. Путешественникам до сих пор показывают след ноги, который оставил Будда, поднимаясь в небо после того, как сотворил первую человеческую пару.

Загородный дом губернаторов, где они живут в течение всего жаркого времени года, с мая по октябрь, отличается небывалым комфортом, о котором можно только мечтать, и самые роскошные дома Европы дают о нем весьма слабое представление. Особняк состоит из главного здания, где находятся гостиные, залы для празднеств и приемов, рабочий кабинет губернатора, столовые и залы совета, где губернатор собирает чиновников, заведующих различными службами. Особняк имеет, кроме того, два крыла, где располагались частные апартаменты: в левом — леди Браун, в правом — сэра Уильяма. Дети и слуги-европейцы жили в соседнем флигеле.

Вдоль всего второго этажа тянулась просторная веранда, соединявшая все комнаты между собой и позволявшая тем самым не заходить внутрь дворца. Комнаты, отведенные сэром Уильямом Барбассону, находились, как он сказал, рядом с его собственными. Они обычно пустовали, за исключением тех редких случаев, когда губернатор Цейлона принимал своих коллег из Мадраса и Бомбея или вице-короля Калькутты.

Ошибка сэра Уильяма Брауна относительно истинного положения Барбассона в обществе была не столь невероятна, как кажется с первого взгляда, ибо богатство и красота яхты стоимостью в несколько миллионов предполагали состояние и ранг, соответствующие этому королевскому капризу.

За исключением адъютанта губернатора, его друга и наперсника, в эту часть дворца не допускались посторонние. Кроме апартаментов здесь находились курительная комната, ванная, библиотека, маленькая гостиная, бильярдная, кабинет губернатора — это был комфортабельный и уютный home настоящего джентльмена, где бывали только его жена, дети и самые близкие друзья.

В Индии климат требует того, чтобы помещения постоянно проветривались, двери комнат в домах никогда не

закрываются, их заменяют обычные портьеры, к тому же прихваченные с боков. Поэтому прислугу обычно удаляют, и она является на зов только по электрическому звонку, соединенному с табло, на котором видно, из какой комнаты звонят и какой требуется слуга.

Барбассон, едва поднявшись на второй этаж, воспользовался этими обычаями и, зная, что не встретит никого из слуг, отправился на разведку, пытаясь разобраться в расположении комнат и определить, как попасть в спальню губернатора. Он все же опасался быть застигнутым сэром Уильямом и почти не обратил внимания на неслыханную роскошь обстановки.

Друзей своих он нашел на веранде, по туземному обычаю они сидели на корточках у дверей его комнат, рядом с ними стояла знаменитая клетка, предназначенная для пантер. Но тот, кто случайно открыл бы ее, поразился бы тому, что она пуста. Внизу на циновках спали четыре матроса из свиты дона Васко Барбассонто... По крайней мере они получили приказ спать.

Разыскания свои Барбассон совершал в одиночку, если бы их застали вместе, последствия были бы непредсказуемы. Эта предосторожность не была излишней, ибо едва провансалец вернулся, как показался губернатор в сопровождении двух слуг, которые шли впереди и несли факел.

— Ну, — спросил сэр Уильям, — как поживают ваши новые постояльцы?

— С благоразумием, достойным похвалы, мой дорогой губернатор, — ответил Барбассон с присущей ему уверенностью. — Вы хотите взглянуть на них?

— Не стоит беспокоить их, мой дорогой герцог.

И приподняв руку в знак приветствия, он прошел к себе.

Было слышно, как он говорил слугам, отсылая их:

— Скажите господину О'Келли, — это был его любимый адъютант, — пусть он следит за тем, чтобы на плечи миледи не пала вся тяжесть по приему гостей, передайте, что я прошу его остаться до конца бала.

Таким образом губернатор сам устранил последние препятствия, которые могли бы помешать его похищению. Слуги незаметно удалились, и Барбассон остался с друзьями наедине.

Было около двух часов. Стояла дивная ночь, какие бывают только в тропиках. Луна нежно серебрила верхушки деревьев, уступами располагавшихся на отрогах гор, окружавших долину и то тут, то там перерезанных обширными

полосами глубокой черной тени. Тишину нарушали только далекие звуки оркестра, сливаясь с журчанием и говором ручьев, чьи прозрачные воды каскадами стекали по гранитным скалам. Ветерок, напоенный ароматами коричных и гвоздичных деревьев, запахами трав, освежал раскаленную за день атмосферу. Все спало вокруг — туземцы в своих сплетенных из веток хижинах, уставшие птицы в листве, насытившиеся хищники забирались в прохладу своих логовищ. Только молодые пары, опьяненные звуками вальса, без усталости кружили по залам особняка, тогда как слуги в ожидании хозяев спали, завернувшись в свои одежды, усеивая белыми пятнами лужайки и соседние рощи.

Но четверо мужчин в тени веранды бодрствовали. Они были готовы по сигналу одного из них осуществить самый дерзкий, самый невероятный, самый удивительный план — похитить из собственного дворца, в самый разгар бала, несмотря на множество гостей, бесчисленных слуг, стражу, часовых, офицеров, в присутствии многолюдной толпы любопытных, собравшихся у ворот, первого сановника страны, сэра Уильяма Брауна, губернатора Цейлона. Сердца их отчаянно бились, но больше всех волновался Сердар.

Сэр Уильям Браун давно спал крепким сном. Барбассон неоднократно подкрадывался к его двери и всякий раз, возвращаясь, сообщал, что до него доносится мерное дыхание губернатора. Готовясь совершить поступок, который был справедливым возмездием за двадцать лет страданий и нравственных мучений, Сердар все еще колебался.

Он боялся не провала, а удачи. Эта благородная, словно высеченная из античного мрамора душа не сомневалась в законности своих действий, нет! Но Сердар говорил себе: «Этот человек погубил меня, он отнял у меня то, что дороже жизни, — честь. Общество, к которому я принадлежал, армия, мундир которой носил, отвергли меня. Но с тех пор прошло двадцать лет. Сегодня он генерал, член Палаты лордов, занимает одну из самых высоких должностей в стране... И если бы дело было только в нем, моя ненависть лишь возросла бы, ведь и я мог добиться того же у себя на родине. Но он женат, небо даровало ему пять дочерей, и, как я успел заметить, у них есть все, чтобы стать гордостью отца и наполнить его сердце любовью. Я видел их, когда мы ждали у входа, с ласковыми словами утешения они раздавали милостыню...» И Сердар спрашивал себя, имеет ли он право разбить пять юных жизней, погрузить невинных в бездну отчаяния, ранить сердце супруги и матери. Бог повелел

нам прощать, к тому же даже для самых гнусных злодеяний существует срок давности. Не великодушнее ли было бы простить?

Пока он размышлял так, время летело. Барбассон начал терять терпение, Сердар же не осмеливался поделиться своими мыслями с друзьями. Он знал, что они ему ответят: а его отец, умерший в отчаянии, мать, последовавшая за ним в могилу, ее сломило горе, а родные, на которых его бесчестье бросило тень?..И, наконец, его сестра, его Диана, которая ехала сюда...

— В самом-то деле! — взорвался наконец Барбассон, в очередной раз вернувшись от двери спальни губернатора. — Долго мы будем еще копать? Вы что, хотите дождаться восхода солнца, чтобы всех нас сцапали? Сердар, если вы снова забиваете себе голову всякой сентиментальщиной, то я отправляюсь спать и остаюсь Васко Барбассонто, а вы выпутывайтесь как знаете.

— Вперед, не надо колебаться! — шепнул Сердару на ухо Рама. — Подумайте о вашей сестре, о племянниках, о нас, которых вы вовлекли в это дело.

Отступить было поздно. Отогнав усилием воли осаждавшие его сомнения, отрезая себе все пути к отступлению, Сердар бросил друзьям:

— Вперед!

— В добрый час! — сказал провансалец. — Следуйте за мной, у меня есть все необходимое — кляп, веревки, платок. Теперь, черт побери, самое главное — не колебаться.

Все четверо медленно, словно призраки, скользя по веранде, двинулись вперед и больше не произнесли ни слова.

Роли были распределены следующим образом: двое и Нариндра, обладавший геркулесовой силой, должны были держать губернатора за руки и за ноги, а Барбассону надо было засунуть ему в рот кляп и набросить на голову платок, чтобы тот не узнал своих похитителей.

В Индии принято ложиться спать в легких шелковых шароварах и такой же куртке, поскольку двери всегда оставляют открытыми настежь. Этот обычай облегчал им задачу.

Заговорщики быстро дошли до спальни, стараясь не шуметь. Барбассон, приподняв портьеру, сделал друзьям знак, означавший: он здесь. Они остановились. При свете ламп, горящих в Индии всю ночь, чтобы отпугивать змей, они могли видеть друг друга, все четверо были бледны, словно мел. Барбассон заглянул в комнату.

— Он спит! — едва слышно произнес он.

Отступить было поздно, надо было действовать быстро: сэр Уильям мог проснуться в любой момент и нажать кнопку электрического звонка, которая была у него под рукой.

Они вошли и разом набросились на несчастного. Он не успел проснуться, как во рту у него был кляп, на голове платок, а руки и ноги в мгновение ока стянуты с такой силой, что он и пошевелиться не мог. Нариндра подхватил сэра Уильяма как перышко и отнес его на веранду. Там его заперли в клетку для пантер, куда предварительно постелили матрас.

— Возьмите его одежду, чтобы завтра ему было во что одеться, — посоветовал Барбассон Рама в тот момент, когда маратх уносил губернатора. После того как сэра Уильяма связали по рукам и ногам, Сердар больше не дотронулся до него. Легкое «гм!» предупредило матросов, спавших в саду, что пора готовиться к отъезду. Четверо малабарцев вскочили как один и исчезли.

Именно теперь требовалось изрядное хладнокровие, чтобы пройти через особняк спокойно, не спеша, не возбуждая ни малейшего подозрения. Рама и Нариндра подняли клетку, словно носилки, и понесли. Сердар шел впереди, замыкал шествие провансалец. Они благополучно прошли по веранде и спустились по лестнице, это была наименее опасная часть пути. К счастью, пленник не двигался. Хотя он и был надежно связан, ничто не мешало ему изо всех сил ударять локтями и ногами по стенкам клетки. Оставив ему возможность передвигаться, наши друзья поступили крайне опрометчиво. Когда они оказались перед парадной гостиной, миновать которую было нельзя, изнутри клетки слышались сильные удары, и она стала так раскачиваться, что застигнутые врасплох Рама и Нариндра едва удерживали ее в равновесии. Их сразу же окружили гуляющие, которых в этот момент было очень много, ибо танцоры отдыхали и дышали свежим воздухом в перерыве между двумя кадрилиями.

«Мы погибли!» — подумали друзья.

Сердар и оба носильщика были чудовищно бледны. К счастью, провансалец не растерялся.

— Я все устрою, — быстро сказал он друзьям, — идите вперед!

— Как видно, злым зверям внутри не по себе, — громко, так, чтобы все слышали, произнес Барбассон. К нему подошел адъютант О'Келли:

— Что же, милорд, вы решили отправить их на яхту?

— Да. Они подняли такую возню, что я побоялся, как бы они не разбудили сэра Уильяма.

При этих словах Барбассона клетка вновь стала раскачиваться такими рывками, что Раму отбросило к одной из колонн. К счастью, он не выпустил свой груз.

— Странно! — произнес женский голос. — Они не рычат. Можно подумать, что там внутри человек, а не животные.

У Сердара и обоих носильщиков нестерпимо сжалось сердце, они решили, что разоблачены.

— Милая дама, — ответил Барбассон, — знайте, что пантеры рычат только на свободе... Эй, вы, а ну, вперед! — грубо прикрикнул он на носильщиков. — Вы обманули меня, сказав, что пантеры привыкли к клетке! А если от их толчков двери откроются и обезумевшие животные в ярости бросятся на толпу?!

И он прибавил нарочито громко:

— К счастью, при мне револьвер, и раньше, чем они успеют выскочить, я их пристрелю!

Последние слова он произнес с особым нажимом, и несчастный губернатор, несмотря на состояние, в котором находился, видимо, понял Барбассона, потому что толчки прекратились как по волшебству.

Благородный герцог прибавил не без умысла:

— Если бы бедные звери могли понять, с каким вниманием к ним отнесутся, они бы не растрачивали попусту свои силы.

Кое-как прошли они через гостиную, и адъютант сам проводил их до дверей, чтобы еще раз предупредить стоящий у выхода караул. Заговорщики наконец очутились на улице. Повозка, запряженная четверкой лошадей, привезшая Барбассона и его людей, была наготове, и лошади от нетерпения били копытами землю.

— Вы тоже покидаете нас, господин герцог? — удивленно спросил адъютант.

— О, нет! — с невозмутимым спокойствием ответил Барбассон. — Мне только надо отдать кое-какие распоряжения.

Адъютант из скромности удалился и вернулся во дворец.

— А теперь, друзья мои, — шепотом сказал провансалец, — понеслись во весь дух! Черт побери, мы чудом спаслись! «Раджа» под парами, через два часа мы будем в открытом море.

— Нет, — возразил Сердар, — вы сказали, что остаетесь, и часовой, слышавший вас, может удивиться вашему отъезду.

— Вы правы, какого я едва не дал маху! Садитесь и ежайте шагом до того места, откуда вас не будет видно. — И затем громко добавил: — Спуститесь, Рама, мне надо поговорить с вами, я хочу немного прогуляться и провожу вас.

Заклинатель понял и быстро спустился к нему. Повозка ехала медленно, шагом, примерно с четверть мили, когда же они убедились, что часовые не могли ни видеть, ни слышать их, Барбассон и Рама вскочили в экипаж, и лошади, почувствовав свободу, во весь опор понеслись к Пуант-де-Галль.

— Спасены! Спасены! — торжествующе воскликнул Барбассон.

— Пока еще нет! — ответил Сердар.

— Ну, милый мой, ручаюсь, что теперь нас никто не догонит...

— А телеграф? Не празднуйте победу слишком рано, дорогой Барбассон. Разве вы не знаете, что кабинет губернатора в Канди соединен с Пуант-де-Галль, а значит, и со всеми прибрежными фортами? Поэтому если похищение заметят раньше чем через два часа, то есть до нашего выхода в открытое море, нас арестуют сразу по прибытии в Пуант-де-Галль или потопят, расстреляв пушками из форта, при выходе из гавани, если мы вообще успеем сесть на яхту.

— Верно, вы ничего не упускаете, Сердар! — разочарованно сказал Барбассон. — Но все же надо больше верить в нашу счастливую звезду.

Легко понять, в каком смятенном душевном состоянии находились наши герои по дороге в Пуант-де-Галль, куда, однако, они прибыли благополучно. «Раджа», как и сказал Барбассон, был готов к отплытию, на всякий случай даже якорь был поднят, оставалось только погрузить ящик с несчастным губернатором.

К счастью, луны на небе не было, это позволило выйти из гавани, не будучи замеченными с форта. Ночью за выходом из порта не особенно следили, ибо корабль, отправлявшийся в плавание в это время, рисковал перевернуться или сесть на песчаную мель. Последнее «Радже» не грозило, так как со своей осадкой он мог пройти повсюду. К тому же на борту была отличная карта; пользуясь ею и компасом, такому опытному моряку, каким был провансалец, не составляло труда без происшествий вывести яхту в открытое море. Он сам встал у штурвала и отдал механику только один приказ:

— Полный вперед!

Он успел вовремя, так как едва яхта вышла из узкого входа в гавань, как два луча электрического света, посланных с форта, скрестились, осветив порт, вход в гавань и океан, это значило, что похищение и их побег обнаружены.

В ту же минуту в нескольких метрах от борта просвистело пушечное ядро.

— Успели! — с облегчением вздохнул Сердар. — Только сейчас мы можем сказать, что спасены.

Он поспешил отдать приказ двум морякам, чтобы сэра Уильяма развязали и заперли в удобной каюте в твиндеке, не обращая внимания на его протесты и требования. Прежде чем начать с губернатором решительный разговор, ради которого он рисковал жизнью, Сердар должен был удостовериться, что «Раджа» покинул воды Цейлона.

Против его ожидания сэр Уильям, увидев, с кем ему придется иметь дело, замкнулся в презрительном молчании. Когда моряки собирались уходить, он бросил гордо:

— Скажите вашему хозяину, что я прошу его об одном: я хочу, чтобы меня расстреляли, как солдата, а не повесили, как вора.

— Пф! Что еще за фантазии! — фыркнул Барбассон. — Знаем мы этих героев, которые подкупают мерзавцев вроде Кишнаи, чтобы вам перерезали глотку!

— Он вспомнил о том, что хотел повесить нас, — вмешался Нариндра, — и теперь боится той же участи.

— Не будь я сыном своего отца, если он не хочет выставить себя стойком, чтобы затронуть струнку великодушия в сердце Сердара и попытаться спасти свою жизнь. Ну, это мы посмотрим, ибо он в сто раз больше заслуживает веревки, чем Рам-Шудор!

С фортов выстрелили еще несколько раз, но затем, убедившись в своей беспомощности перед «Раджой», который стал для них быстро недосыгаем, пушки замолкли.

Не опасаясь больше преследований, ибо в порту Пуант-де-Галль не было ни одного корабля, способного пуститься за ними в погоню, друзья решили не ждать «Диану», а отправились в Гоа.

Они буквально падали с ног от усталости после нескольких бессонных ночей. Поэтому Сердар, несмотря на желание немедленно объясниться со своим врагом, вынужден был уступить просьбам друзей, которые требовали отдыха. Они договорились, что заседание, на котором все будут присутствовать, состоится только вечером.

Суд чести. — Сэр Уильям Браун и его судьи. — Обвинительный акт. — Умелая защита. — Важное признание. — Ловкость Барбассона. — Бумажник сэра Уильяма Брауна.

День прошел без происшествий. Барбассон отдал необходимые распоряжения, чтобы ничто больше не тревожило их, и наконец настал момент, когда Сердар и его спутники собрались в большом салоне яхты, специально приготовленном для этого случая.

— Друзья мои, — обратился к ним Сердар, — вы составите настоящий трибунал, доверяю вам быть моими судьями. Я хочу, чтобы вы оценили поведение обеих сторон и со знанием дела решили, на чьей стороне право и справедливость. Решение, которое вы примете по здравом и мудром размышлении, я обязуюсь выполнить без страха и слабости, клянусь честью. Забудьте обо всем, что я говорил вам в часы признаний, ибо я должен рассказать мою жизнь Барбассону, который ничего или почти ничего о ней не знает.

Барбассон был назначен председателем суда, он успешнее, чем остальные, мог дать отпор сэру Уильяму. Все трое сели за стол, и в каюту ввели губернатора Цейлона.

Он метнул презрительный взгляд на собравшихся и, узнав Барбассона, сразу же перешел в атаку, бросив резко:

— Ах, вот и вы, благородный герцог! Вы забыли сообщить мне все ваши титулы, вам следовало бы добавить к ним звание главаря бандитов и председателя комитета убийц.

— Эти господа — не ваши судьи, сэр Уильям Браун, а мои, — вступил в разговор Сердар, — и вы напрасно оскорбляете их. Я прошу их оценить мое поведение в прошлом и сказать, превысил ли я свои права, обращаясь с вами так, как я это сделал. Вы будете иметь дело только со мной, и я пригласил вас лишь для того, чтобы вы могли вмешаться, если с уст моих сорвется ложь.

— По какому праву вы позволяете себе...

— Ни слова больше, сэр Уильям, — перебил его Сердар, голос которого начал дрожать от гнева при виде человека, которому он был обязан долгими годами мучений. — Тот, кто еще вчера подкупал тугов, чтобы убить меня, не смеет говорить о праве, и, Бога ради, молчите, я запрещаю вам оскорблять этих достойных людей, не способных на дурной поступок, не то я велю бросить вас в море, как собаку!

Барбассон не узнавал Сердара. Он, всегда считавший Покорителя джунглей немного «мокрой курицей», ничего не мог понять. Ему просто никогда не приходилось видеть Сердара в тот момент, когда борьба за правое дело приводила в действие всю его энергию. И сейчас он не мог позволить, чтобы трусливый негодяй, погубивший его, оскорблял его друзей.

После резкой отповеди сэр Уильям склонил голову и ничего не ответил.

— Итак, вы меня поняли, сударь, — продолжал Сердар, — на суд товарищей я отдаю мои, а не ваши поступки, не волнуйтесь, потом мы встретимся лицом к лицу. Двадцать лет я ждал этого часа, подождите и вы десять минут, чтобы узнать, что мне от вас нужно.

Он начал:

— Друзья мои, скорее в силу благоприятных обстоятельств, нежели моих личных заслуг, в двадцать два года я был капитаном, имел награды и служил военным атташе при французском посольстве в Лондоне.

Как и все мои сослуживцы, я посещал «Military and Navy Club», то есть военно-морской клуб. Там я познакомился с некоторыми английскими офицерами, и в частности с лейтенантом кавалерийской гвардии Уильямом Пирсом, который позже, после смерти отца и старшего брата, унаследовал титул лорда Брауна и место в Палате лордов. Человек этот был моим близким другом.

В то время я занимался изучением береговых оборонительных сооружений и защитой портов. Я получил разрешение пользоваться архивами Адмиралтейства, которое обладает наиболее полной документацией по этому вопросу. Там я часто встречался с лейтенантом Пирсом, он был тогда адъютантом герцога Кембриджского, главнокомандующего армией и флотом и председателя совета Адмиралтейства.

Однажды, придя в библиотеку, я застал служащих в состоянии неопишуемой растерянности. Мне объявили, что вход в архивы и пользование ими впредь запрещены всем иностранным офицерам, и я узнал, что накануне был взломан потайной шкаф и похищены секретные бумаги, в том числе план защиты Лондона в случае нападения со стороны одной или нескольких заключивших между собой союз держав.

Я удалился, сильно взволнованный происшедшим. Вечером Уильям Пирс зашел ко мне с одним из своих друзей по имени Бернс, и мы долго беседовали о краже, которой я был сильно раздосадован, ибо не мог продолжать начатую мной важную работу. Мои гости сказали, что среди украденных

бумаг были столь важные, что если бы вором оказался английский офицер, его обвинили бы в государственной измене и ему грозил бы расстрел. Затем они ушли. Не знаю почему, но от их посещения у меня осталось тягостное впечатление. Мне показалось, что у них был натянутый, принужденный вид. Кроме того — это меня особенно смутило, — они попросили показать им планы, рисунки, чертежи, которыми я сопровождал свою работу, хотя никогда прежде ими не интересовались. Они смотрели, крутили листки, клали их в папку, снова вынимали — словом, поведение их было совершенно непонятно.

Каково же было мое изумление, когда на следующий день, рано утром, ко мне вошел первый секретарь посольства в сопровождении английского адмирала и двух господ в черном, которые, как мне показалось, принадлежали к высшим полицейским чинам.

— Дорогой друг, — сказал мне секретарь, — наш визит носит сугубо формальный характер, согласие на него дал посол, чтобы положить конец всяким недоброжелательным толкам вокруг кражи в Адмиралтействе.

— Меня? Меня? — подавленно прошептал я, совершенно уничтоженный. — Обвиняют меня?

Присутствующие с любопытством наблюдали мою растерянность, и я увидел, что она произвела на них дурное впечатление. Ах, друзья мои! Правосудие в поисках правды часто основывается на первой реакции подсудимых. Ну так, поверьте мне, хуже всего в подобных случаях ведут себя невиновные. Одна только мысль о подозрении выводит из себя честного человека.

Секретарь отвел меня в сторону и сказал:

— Придите в себя, дорогой мой, я понимаю ваше удивление, но среди исчезнувших бумаг переписка английского посла того времени относительно убийства Павла I, проливающая совершенно неожиданный свет на это событие, виновниками которого русские всегда считали англичан, поэтому правительство сделает все, чтобы эти бумаги не покинули королевство. Вы работали в Адмиралтействе, в двух шагах от потайного шкафа, и, естественно, находитесь в числе тех, кого хотят допросить.

— Хорошо, — ответил я, — допросите меня, но предупреждаю вас, что мне абсолютно ничего не известно, я узнал о случившемся от служащих Адмиралтейства, когда они объявили мне, что после кражи доступ в архивы закрыт.

— Надо также, — в смущении продолжал секретарь, — чтобы вы позволили осмотреть ваши бумаги...

— И только-то? — ответил я, уверенный в своей невинности. — Все, что у меня здесь есть, в вашем распоряжении.

— Я был уверен! — заметил секретарь. — Господа, мой товарищ, — и он подчеркнул это слово, — не противится тому, чтобы вы выполнили вашу миссию.

Ах, друзья мои, как неверно я поступил, мне следовало прибегнуть к дипломатической неприкосновенности, и сам посол не смог бы ничего поделать. Пока министерство иностранных дел и военное министерство во Франции принимали бы решение — а оно во всех случаях было бы для меня благоприятно, ибо тут важен принцип, а он никогда не нарушается, — я сумел бы расстроить подлый заговор, направленный против меня. Но совесть моя была чиста, и я сам погубил себя.

Что сказать вам? Среди моих рисунков нашли два самых важных письма из похищенной переписки. Поведение присутствующих сразу изменилось.

— Вы нас всех опозорили! — с презрением бросил мне секретарь.

Совершенно уничтоженный этим неожиданным ударом, я рухнул на пол. Напрасно я возмущался, доказывал свою невинность, рассказывал о вчерашнем посещении.

— Не хватало только того, чтобы вы обвиняли людей, принадлежащих к высшей английской знати, — с возмущением перебил меня мой коллега.

Я понял, какая чудовищная пропасть разверзлась передо мной, я должен был упасть в нее, и ничто не могло меня спасти... Буду краток. Хотя с тех пор прошло двадцать лет, до сих пор, вспоминая о тех событиях, я невыносимо страдаю. Меня отправили во Францию в распоряжение военного министра, следствие по моему делу было проведено молниеносно, в донесении английского правительства требовали моего строгого наказания, и я предстал перед военным судом.

На суде я сумел защититься, подробно рассказав о том, как меня посетили два английских офицера, об их необъяснимом поведении. Я сообщил о том, что, как мне стало известно, один из офицеров, ставший впоследствии лордом Брауном, вдруг уплатил на полмиллиона долгов. Заканчивая свою речь, я воскликнул:

— Эти бумаги, господа, несомненно, стоили несколько миллионов и могли соблазнить младшего сына, не имеющего никакого состояния. Но чего мог желать французский офицер, в двадцать два года капитан, награжденный и обладающий рентой в триста тысяч франков, при том, что офицер

этот не играл, не заключал пари, не участвовал в скачках и не расходовал даже десятой части своих доходов? Зачем мне нужно было золото России, ибо говорят, что именно она купила эти столь важные для нее документы?

Я говорил два часа, говорил резко, решительно, с возмущением... Меня слушали, но существовала улика, которую я не мог отрицать, — наличие у меня двух писем. Я убедил судей, но оправдать меня они не могли. Они сделали все, что возможно: отвели обвинение в краже со взломом, в обычной краже, но чтобы избежать серьезных неприятностей с Англией, необходим был приговор. Поэтому меня обвинили в злоупотреблении вверенными мне документами, словно я держал эти бумаги в руках. Приговор был явной нелепостью и в моральном плане был равноценен оправданию. Однако последствия были для меня ужасны. Тюрьмы я избежал, но был разжалован и лишен ордена Почетного легиона.

Не стану говорить о разразившемся скандале, об отчаянии моей семьи. Я неоднократно рассказывал вам об этом в тяжелые минуты и не хочу больше к этому возвращаться.

Я хотел умереть, но мать заклинала меня жить, чтобы найти доказательства моей невиновности и восстановить мое доброе имя. Я поклялся ей, что бы ни случилось, не покушаться больше на свою жизнь.

Я уехал в Лондон и, словно призрак, словно тень, неотступно следовал за двумя негодьями, погубившими меня, надеясь рано или поздно найти доказательство их подлости. Я был богат и мог сорить деньгами, покупая преданных себе людей. В конце концов у меня появилась собственная полиция, которая следила за ними днем и ночью. Даже стены имели глаза и уши, и мерзавцы были бы изобличены, допусти они малейшую оплошность, пророни одно неосторожное слово. Они чувствовали, что окружены густой сетью шпионов и надсмотрщиков, и благодаря влиянию родных добились отправки в Ост-Индскую армию. Но я узнал об этом много позже, ибо в один прекрасный день потерял их из виду и никак не мог напасть на их след.

Был, однако, человек, который знал, что я невиновен, но не мог исправить допущенную несправедливость. Лорд Ингрэхем, тогдашний посол Англии в России, во время интимной беседы с одним русским сановником относительно пропажи бумаг услышал от него следующее:

— Клянусь честью, капитан де Монмор де Монморен совершенно непричастен к тому, в чем его обвиняют.

Да будет благословенно имя благородного лорда! С тех пор он всегда защищал меня при любом удобном случае.

Благодаря ему мой отец, умирая, простил меня, хотя и был в отчаянии, что не дожил до того дня, когда честь моя будет восстановлена.

Я мог бы закончить на этом, друзья мои, но мне осталось познакомить вас с последним фактом, он стал главной причиной моего желания осуществить совершающийся ныне акт правосудия.

Один из двух негодяев, похитивших бумаги, а затем, чтобы отвести от себя подозрение, подложивших два письма в мои папки, лейтенант Бернс, ставший впоследствии полковником, был смертельно ранен во время Крымской войны и не захотел умереть с таким преступлением на совести. У него хватило сил в подробностях описать случившееся, он назвал своего сообщника, рассказал, как им удалось вскрыть потайной шкаф, а затем погубить меня. В конце он просил у меня прощения, дабы простил его высший судья, перед которым он готовился предстать. Он подписал признание сам и попросил исповедовавшего его католического священника поставить свою подпись в качестве свидетеля. Но Уильям Пирс, в то время командовавший бригадой, где служил Бернс, стал свидетелем его раскаяния. Он боялся его разоблачений и велел следить за ним, чтобы быть предупрежденным в нужный момент. В ночь после смерти полковника важная бумага, доверенная им священнику, была украдена из палатки последнего, пока он спал. Кем? Вы, конечно, догадываетесь. Генералом Пирсом, нынешним лордом Брауном.

— Это ложь! — с горячностью прервал его губернатор, молчавший во время рассказа Сердара.

— О! Только это вы и можете возразить? — презрительно улыбнувшись, спросил Сердар. — Смотрите, вот что изобличает вас, — показания возмущенного священника, который обо всем написал моим родным.

Сердар вынул из бумажника письмо и передал его Барбассону.

— Клянусь честью, — настойчиво продолжал сэр Уильям, — я не похищал признания Бернса, о котором вы говорите.

И он сделал инстинктивное движение рукой, словно хотел предъявить документ. Жест этот поразил Барбассона.

«Дело нечисто», — подумал провансалец.

— Честь лорда Брауна! — прервал губернатора Сердар с нервным смехом. — Не играйте словами, только вам выгодно было завладеть им, и если вы не украли его сами, то это сделал один из ваших сообщников. Я закончил,

друзья мои. Вы знаете, что с тех пор, опасаясь моей мести, он повсюду преследовал меня, словно дикого зверя, и опустился до того, что вступил в сговор с тугами, чтобы убить меня. Теперь ответьте мне только на один вопрос. Разве двадцать лет моих страданий и преступления этого человека не оправдывают мое поведение, разве присвоенное мною право распоряжаться его жизнью и смертью не является самым обычным правом на законную защиту?

Посоветовавшись несколько минут, Барбассон ответил:

— Поручившись нашей совестью, мы единодушно пришли к выводу: этот человек, Сердар, принадлежит вам.

— Благодарю, друзья мои, — ответил Покоритель джунглей, — это все, что мне от вас было нужно. — Затем, повернувшись к сэру Уильяму Брауну, сказал: — Сейчас вы узнаете мое решение. Я не могу просить вас вернуть мне признание Бернса, которое вы, без сомнения, уничтожили. Но я вправе потребовать, чтобы вы сами написали подобное же признание, тогда в моей невиновности и вашей вине не останется никаких сомнений. Я представлю его военному суду и добьюсь отмены приговора. Только при этом условии и ради вашей жены и детей я смогу помиловать вас... Напишите то, о чем я прошу, и мы подойдем к берегам Цейлона, лодка отвезет вас на берег, и вы будете свободны.

— Иными словами, — возразил сэр Уильям, — вы хотите отправить к моей жене и детям опозоренного, обесчещенного мужа и отца... Никогда! Лучше смерть!

— Не доводите меня до крайности, сэр Уильям. Есть минуты, когда самый кроткий человек становится непреклонным, безжалостным и забывает о гуманности.

— Я в вашей власти, мучайте меня, убейте меня, делайте со мной, что хотите, мое решение бесповоротно. В молодости я совершил проступок, серьезный проступок, признаюсь. Я горько сожалею о содеянном и не стану, ссылаясь на Бернса, который играл в этом деле главную роль, преуменьшать свою вину. Но с позором отказаться от занимаемого мною положения, потерять не только мой генеральский чин и место в Палате лордов, но и вернуться к жене и детям только для того, чтобы они презирали меня, — губернатор не смог справиться с нахлынувшим на него волнением и зарыдал, обливаясь слезами, — я не могу на это согласиться, никогда не соглашусь. Вы не знаете, что значит быть отцом, Фредерик де Монморен...

— Мой отец умер из-за бесчестья своего сына, сэр Уильям Браун.

— Так поймите же, что я готов умереть, лишь бы не опо-

зорить моих детей! Выслушайте меня и не настаивайте больше, возьмите мою жизнь, я отдаю ее вам во искупление грехов. Действительно, я поступил как негодяй, но мне было всего двадцать лет, мы с Бернсом проиграли большую сумму. Не подумайте, что я хочу очернить его память, чтобы уменьшить мою собственную вину, но выслушайте, как все было. Он один взломал шкаф в Адмиралтействе, это он, без моего ведома заключил позорную сделку, толкнувшую его на преступление. Моя вина состоит только в том, что я согласился сопровождать его к вам, чтобы разделить плоды его предательства. Вы с ним были едва знакомы, и его визит мог показаться вам странным. Для вас это все не имеет значения, я знаю, что мое преступление вы не можете простить, но искупление, которого вы требуете, выше моих сил. Неужели вы думаете, что я не страдал? Двадцать лет меня мучают угрызения совести. Я пытался преданным служением своей стране, честным поведением договориться с собственной совестью, но не сумел... И с тех пор, как вы скитаетесь по свету, мысли мои в растерянности, трепеща, следуют за вами, каждую минуту я боюсь, что вот-вот пробьет час возмездия, ибо этого часа, часа суда божьего, я жду, жду уже двадцать лет, зная, что он придет, роковой, неумолимый. Какая пытка!

По лбу губернатора струился холодный пот, тело сводило судорогой. Невольно чувство сострадания начало закрадываться в сердце Сердара. Он легко поддался ему, ибо видел, что пленник не разыгрывает перед ним заранее заготовленную комедию, а это действовало на Сердара безотказно.

— Вы говорите о вашей семье, сраженной несчастьем, — продолжал бедняга, с трудом подавляя рыдания, — конечно же, вы правы, но стоит мне подумать о моей... Помимо моих несчастных детей и всего рода Браунов позор падет еще на четыре семейства, и громкий скандал запятнает их герб... Это многочисленный род Кемпбеллов из Шотландии, Карнавонов из Уэльса.

— Вы сказали, Кемпбеллов из Шотландии!.. Вы в родстве с ними? — прервал его Сердар с удивившей всех горячностью.

— Леди Браун, — пробормотал пленник, словно выбившись из сил, — урожденная Кемпбелл, сестра милорда Арджайла, старшего в семье, и полковника Лайонеля Кемпбелла из 4-го шотландского полка, прославившегося во время осады Хардвар-Сикри.

Услышав эти слова, Сердар судорожно поднес руку ко лбу, словно пытаясь удержать ускользающий от него разум. Взор его блуждал в растерянности, мысли теснились в беспорядке. Жена лорда Брауна урожденная Кемпбелл? Но если это так,

очаровательные молодые девушки, которых он видел, были племянницами его сестры, его любимой Дианы! И месть его должна была пасть... Вдруг глаза ему застлало черной пеленой, он сделал несколько шагов, хватая руками воздух. К вискам, к сердцу прилила кровь — он задышался... Наконец он хрипло и дико вскрикнул и упал на руки Рама, который бросился вперед, чтобы поддержать его.

Барбассон в ярости хотел наброситься на пленника, но Нариндра жестом удержал его.

— Сэр Уильям Браун, — сказал маратх громовым голосом, — знаете ли вы, кто этот человек, которого ваши последние слова поразили в самое сердце, знаете?

Губернатор, онемев от удивления, пораженный случившимся, не знал, что ответить. Нариндра гневно бросил ему:

— Этот человек, молодость которого вы погубили, — зять Лайонеля Кемпбелла, брата леди Браун.

Черты лица сэра Уильяма внезапно исказились, он всплеснул руками и, рыдая, упал рядом с Сердаром, потерявшим сознание.

— Ишь ты, — сквозь зубы пробормотал Барбассон, — проливай крокодиловы слезы. Можешь поставить здоровенную свечу этому, так кстати подвернувшемуся родству, не то, клянусь Магометом, моим святым пророком, ничто не помешало бы мне накинуть тебе на шею пеньковый галстук и отправить тебя к твоему дружку, милейшему Рам-Шудору.

Вдруг сэр Уильям Браун схватил безжизненную руку Сердара и воскликнул с выражением глубокого горя:

— Господи, пусть твоя кара поразит виновного, но пощадит этого человека, он столько страдал... Клянусь, что честь его будет восстановлена.

«Искренен ли он? — подумал несколько поколебленный Барбассон. — Ба! Не будем спускать с него глаз!»

Когда Сердар пришел в себя, он бросил долгий взгляд на сэра Уильяма, все еще стоявшего возле него на коленях и орошавшего слезами его руку.

— О, не отнимайте вашу руку, — пробормотал сэр Уильям с глубоким и, казалось, искренним отчаянием, — не отнимайте ее в знак прощения. Я сделаю все, что вы потребуете, я поклялся в этом, пока вы были без сознания, и каковы бы ни были последствия моего поступка, ваше доброе имя будет восстановлено.

Сердар ничего не отвечал. Было видно, что в нем совершается отчаянная борьба, в которой обычно верх одерживают благородство и великодушие. Рама и Нариндра, хорошо зная характер своего друга, нисколько не сомнева-

лись в том, какое решение он примет, они понимали, что в данном случае бесполезно рассчитывать на Барбассона. Оборот, который приняли события, так подействовал на провансальца, что он, как говорят моряки, дал течь и, чтобы не присутствовать при проявлении слабости со стороны Сердара, решил подняться на палубу, чтобы взглянуть, как там идут дела. Уходя, он бормотал:

— Сцена узнавания... Я это уже видел в «Гран-театр» в Марселе, в пьесе «Два брата-поляка»... Павловский хотел убить Павловского, укравшего у него бумаги, там тоже была кража, нашелся даже один идиот на роль комика, эдакий Барбассон. И вот в ту минуту, когда Павловский собирается покончить Павловского, который не хочет возвращать похищенное, точь-в-точь как Уильям Браун, они узнают друг друга и начинают рыдать друг другу в жилетку. «Брат мой!.. Брат мой! Прости меня!» И Жанваль, игравший Павловского, бросается на колени, опять-таки как Браун, и кричит: «Прости! Прости!..», и Павловский прощал Павловского, точно так же, как Сердар простит Уильяма Брауна. Это было прекрасно, но, черт побери, тогда я заплатил всего двадцать пять су, теперь же десятки раз рисковал своей шкурой... Хватит с меня одного раза, я ухожу.

Довольный своим маленьким монологом, провансалец действительно поднялся на палубу. Он мог сколько угодно шутить, на самом деле Барбассон был глубоко взволнован, хотя и не подавал вида. Такие чувства, как привязанность к семье, любовь к близким, всегда находят отклик в сердце человека, даже совсем к ним не склонного, даже когда это лишь ловкое притворство.

Сердар, как и предвидел Барбассон, произнес слова прощения, едва не сорвавшись с его губ накануне, когда он увидел очаровательных дочерей губернатора. Поэтому неудивительно, что, узнав об их родстве со своей сестрой, он больше не колебался.

— Я прощаю вас, — сказал он с глубоким вздохом. — Я останусь отверженным, проклятым, останусь Покорителем джунглей. Я не стану обрушивать отчаяние и несчастье на головы юных созданий, только начинающих жить. У них есть все, чтобы быть счастливыми, я не допущу, чтобы жизнь их была отравлена позором и бесчестьем их отца.

— Нет, Сердар, хотя бы вся моя семья находилась под угрозой гибели, я не приму вашей жертвы, к тому же она не нужна.

— Что вы этим хотите сказать?

— В признании Бернса ничего не говорится о сообщнике.

Перед смертью он только себя одного обвиняет в краже и в том, что подбросил вам письма. Готовясь предстать перед правосудием божьим, он, должно быть, не счел себя вправе призывать на мою голову правосудие людское. Вы можете оправдаться, не замешивая меня в это дело, ибо признание Бернса я бережно сохранил.

— Возможно ли это! — ответил Сердар с невыразимым счастьем. Потом, глядя на своего бывшего врага, с грустью добавил: — Значит, вы меня действительно ненавидели, раз не хотели отдать его мне...

— Нет-нет! — с горячностью перебил его сэр Уильям. — Но после того, что вы выстрадали, я не надеялся на ваше прощение, и хотя признание Бернса не может служить основой для обвинения против меня, если бы вы продолжали настаивать на моей виновности, мог бы разразиться огромный скандал, которого я в моем положении хотел избежать.

— А признание? — с жадностью спросил Сердар.

— Оно заперто в моем кабинете в Пуант-де-Галль. Нам стоит только вернуться, и завтра утром оно будет в вашем распоряжении.

Покоритель джунглей посмотрел на него так, словно хотел взглядом проникнуть в самые глубины души своего собеседника. Сердар простил, но он не был настолько наивен, чтобы самому сунуть голову в пасть тигру.

— Вы не доверяете мне? — спросил сэр Уильям, заметив, что он колеблется.

— Моя сестра приезжает через пять-шесть дней, — сказал Сердар, который, не умея лгать, избежал прямого ответа на вопрос. — Я должен следовать взятым курсом, если хочу первым встретить ее... Но раз вы прощены, я не стану больше удерживать вас здесь.

Радость молнией сверкнула в глазах губернатора, все еще не осмеливавшегося верить своему спасению. Сердар заметил это, но подобная реакция была естественной, поэтому он продолжал:

— Сегодня вечером, около полуночи, мы пройдем мимо Джафны, последнего порта на Сингальском берегу. Я велю высадить вас на землю, и если вы действительно достойны прощения, вы немедленно перешлете мне этот документ через Ковинда-Шетти, судовладельца в Гоа. Клянусь вам, сэр Уильям Браун, что ваше имя даже не будет упомянуто во время нового разбирательства дела во Франции.

— Через двое суток после моего прибытия в Пуант-де-Галль признание Бернса будет у Ковинды, — ответил сэр

Уильям, который, несмотря на все свое самообладание, не мог скрыть охвативших его чувств.

В этот момент Барбассон приоткрыл дверь.

— Парус впереди! — воскликнул он. — Я думаю, что это «Диана», которая, основательно помотав «Королеву Викторию», преспокойно оторвалась от нее и на всех парах мчит теперь в Гоа.

Все поднялись на палубу, это действительно была «Диана», которая, распустив паруса, летела по волнам, словно огромная птица.

— Держите ближе к берегу, Барбассон! — сказал Сердар. — Сегодня вечером мы высадим сэра Уильяма в Джафне.

— Ага! — ответил провансалец, приветствуя губернатора. — Его Превосходительство лишает нас своего общества.

— Я тронут этим выражением сожаления, — в тон ему ответил сэр Уильям.

Когда Сердар с друзьями удалился, Барбассон подошел к англичанину и, глядя ему в глаза, сказал:

— Посмотрите-ка на меня хорошенько, вы всех здесь провели, но есть человек, которого вам не удалось обмануть, это я! — И он ударил себя в грудь. — Будь на то моя воля, вы бы еще два часа назад танцевали на рее шотландскую джигу. — И он повернулся к губернатору спиной.

— Вернись только на Цейлон! — зловеще пробормотал сэр Уильям.

Спасен! Он был спасен! Негодяй все еще не смел верить своему счастью, но он так прекрасно сыграл свою роль. В ней было все — сожаления, угрызения совести, умиление, слезы... Он отправился в свою каюту, чтобы там без стеснения предаться нахлынувшей на него радости. Он сел на край койки, скрестив руки, свесив голову, и надолго задумался... Никогда еще он не подвергался такой опасности, он рисковал всем, малейшая нерешительность, и он бы погиб... Как он сумел затронуть слабую струнку Сердара! И их родство, о котором он не знал и которое выяснилось так кстати... Постепенно глаза его стали закрываться, голова делалась все тяжелей. Он ужасно устал после ночи, проведенной в клетке для пантер. Упав на кровать, сэр Уильям заснул. Но наш провансалец не терял из виду ни одно из его движений, прохаживаясь взад и вперед перед приоткрытой дверью каюты, как это делают вахтенные офицеры, приучив тем самым засыпающего сэра Уильяма к мерному звуку своих шагов. Тот ничего не подозревал, ибо ему отвели единственную каюту на палубе маленькой яхты.

У Барбассона были кое-какие соображения. Отличаясь

редкой проницательностью, в тот момент, когда сэр Уильям клялся, что не похищал признания Бернса, провансалец обратил внимание на инстинктивное движение губернатора, одно из тех, что обычно не контролируются разумом. Будучи на свой лад психологом, он принялся размышлять, сопоставлять, взвешивать. Барбассон с дотошностью докапывался до самой сути, пытаясь объяснить невольный жест губернатора, и наконец пришел к выводу, что документ, вероятно, находится в бумажнике сэра Уильяма.

— Бумаги такого рода, — сказал он себе, — не доверяют шкафу или письменному столу, которые можно взломать или поджечь. А поскольку рано или поздно их собираются уничтожить, то с этой целью держат при себе и вечно таскают в карманах. Так, у меня в кармане старого пальто до сих пор хранится последнее письмо папаши Барбассона, где он вместо денег, которые я просил, посылает мне свое проклятье, а ведь с той поры минуло уже четырнадцать лет...

Поэтому, когда сэр Уильям, изнемогая от усталости, заснул, чья-то ловкая рука осторожно вытащила у него из кармана тонкий кожаный бумажник. Это был Барбассон, который, желая проверить точность своих психологических выкладок, решил, что лучше всего это сделать опытным путем.

В бумажнике находился всего один листок, исписанный по-английски. Барбассон не знал этого языка, но увидел, что там неоднократно повторялись имена Фредерика де Монмор де Монморена и сэра Уильяма. Он лихорадочно взглянул в конец письма, оно было подписано — полковник Бернс! Больше Барбассону ничего было не нужно. Подавив радостный крик, он свернул бумагу, сунул ее себе в карман, а бумажник аккуратно положил на место. Затем спокойно продолжил свою прогулку, с удовлетворением потирая руки и не испытывая угрызений совести. Ведь он просто собирался вернуть украденное его законному владельцу.

Моряк слегка колебался, не зная, что предпринять. Открыть все Сердару и добиться от него справедливого наказания негодяя? Бесполезно, тот никогда не допустит, чтобы зять его сестры болтался на виселице. О том, чтобы держать его в качестве пленника, и думать не приходилось: что они станут делать с ним, прибыв в Гоа? Разве что посадят негодяя в клетку и увезут в Нухурмур? Нет, Сердар этого не сделает из-за связывающего их родства. К тому же доказательство невиновности друга находилось в руках Барбассона, этого было достаточно. Пусть Уильям Браун проваливает ко всем чертям. Сердар же будет только благодарен Барбассону за то, что тот избавил его

от очередной тягостной сцены и необходимости принимать окончательное решение. И провансалец решил не вмешиваться в течение событий.

Приближалась полночь. Маленькая яхта собиралась пристать к берегу, уже были видны маяк и огни на молу Джафны. Барбассон разбудил Сердара и друзей, которые поднялись на палубу. Отправившись в каюту сэра Уильяма, он и ему оказал эту услугу и сказал с иронией:

— Ваше Превосходительство прибыло к месту назначения.

— Благодарю, господин герцог, — в тон ему ответил англичанин. — Поверьте, я никогда не забуду те слишком короткие мгновения, которые я провел на борту вашей яхты.

— Пф! — самодовольно ответил Барбассон. — Благодарность встречается так редко. Ваше Превосходительство только позже оценит всю важность услуги, которую я оказываю ему сегодня вечером.

И он быстро отдал команду, так как они входили в порт.

— Внимание! Готовься спустить бизань!.. Спустить! Право руля! Стоп!

Яхта повиновалась с изумительной точностью, она развернулась, готовая тут же снова уйти в море, и остановилась. Судно находилось всего метрах в двадцати от пристани, лодка была быстро спущена, и Барбассон, который сам хотел отвезти благородного лорда, сказал ему с глубоким поклоном:

— Шлюпка Вашего Превосходительства подана.

— Помните, Сердар, — сказал сэр Уильям, быстро подходя к наружному трапу, — через два дня, у Ковинда-Шетти.

— Если вы сдержите слово, сударь, все зло, которое вы мне причинили, будет исправлено.

— В знак того, что прошлое забыто, дайте мне руку, Фредерик де Монморен!

Сердар колебался.

— Ах, ну уж этому не бывать! — воскликнул Барбассон, встав между ними. — А ну живо спускайтесь, сэр Уильям, или, клянусь Магометом, вам придется добираться до земли вплавь!

Барбассон вспоминал о Магомете лишь в минуты сильного гнева. Губернатор по его тону понял, что шутки с ним плохи, и, не говоря больше ни слова, проскользнул в шлюпку.

— В добрый час! — вздохнул Барбассон, спустившись вслед за ним. — Гребите! — крикнул он матросам. Шесть взмахов весел — и шлюпка была у пристани.

Сэр Уильям спрыгнул на землю. Таможенный пункт был от них в десяти шагах, и губернатору нечего было больше бояться. Сложив руки рупором, он крикнул:

— Фредерик де Монморен, однажды ты был в моей власти, но тебе удалось бежать. Теперь я был у тебя в руках и сумел ускользнуть. Мы квиты! За кем же останется победа? До свидания, Фредерик де Монморен!

— Негодяй! — отозвался с яхты звучный, ясный голос.

Тогда Барбассон, гордо поднявшись в лодке, бросил губернатору с язвительной насмешкой:

— Уильям Браун, предсмертное завещание полковника Бернса прибыло по назначению.

И помахав над головой ловко выкраденной у губернатора бумагой, он крикнул своим матросам:

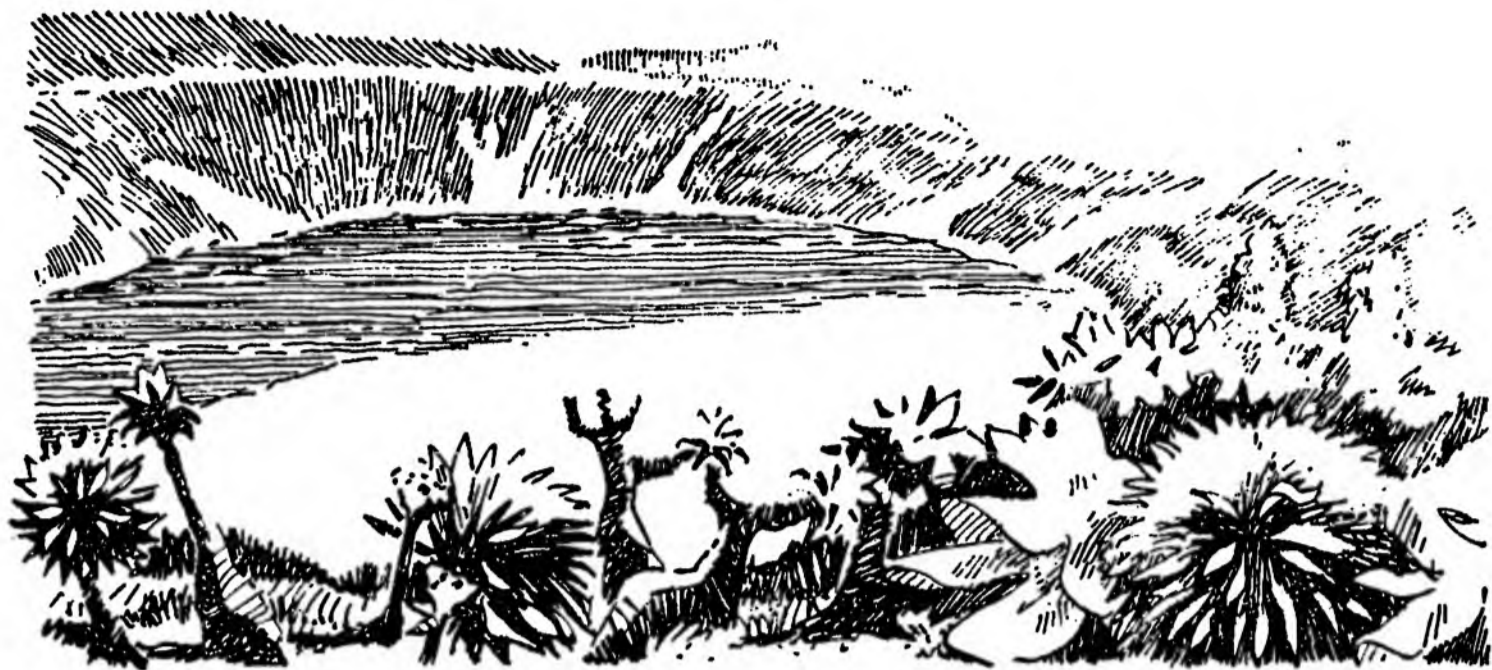
— А ну, налегги на весла, ребята, да поживей!

Сэр Уильям быстро поднес руку к груди, судорожно выхватил бумажник... Он был пуст.

Тогда мерзавец издал крик ярости, в котором не было ничего человеческого, и тяжело рухнул на песок.

Он солгал, чтобы обмануть Сердара, на самом деле признание Бернса было убийственным для него, ибо в нем содержался один факт, который отдавал во власть Сердара не только его честь, но и жизнь.

Через четыре дня друзья прибыли в Нухурмур, где их ожидали невероятные приключения.

Часть пятая

ТАЙНЫ ПОДЗЕМЕЛИЙ КАРЛИ ВЕЛИКАЯ ПУДЖА ТУГОВ

Глава I

Прибытие в Нухурмур. — Мрачное предчувствие. — Анандраен. — Что случилось? — Исчезновение Дианы и ее семьи. — Пленники тугов.

Когда Сердар вместе со спутниками поднялся на вершину пика Велур, возвышавшегося над окрестными горами, стоявшее в зените солнце придавало великолепному пейзажу особое очарование. Все вокруг было залито потоками солнца, золото волнами стекало на деревья, на зубчатые вершины гор, на озера, вспыхивавшие огнем, на пенистые каскады, каждая капля которых искрилась, словно бриллиант. Природа представляла в столь величественной, ослепительной и небывалой красоте, что даже самая непоэтическая натура замирала в восхищении, покоренная открывшимся ей чудом, ощущая безмолвное звучание разлитой в природе гармонии, которая дает глазу такое же отдохновение, как слуху — звуки музыки. Наблюдая подобное зрелище, можно только пожалеть иных пачкунов, которые притязают на то, чтобы идеализировать природу, словно существует прекрасное вне природы или, точнее, прекрасное, которого не было бы в ней.

— Что за чудесный денек! — воскликнул Барбассон, выразив чувства товарищей, любовавшихся дивным пейзажем.

Ауджали, встав на одно колено и вытянув хобот, трижды послал солнцу свой «салам». Затем, узнав озеро и окрест-

ности Нухурмура, издал несколько радостных криков, напомнивших звуки тромбона.

— Вот те раз! Да ты фальшивишь, приятель! — сказал Барбассон. — Тебе следовало бы взять несколько уроков гармонии у твоего дружочка соловья.

С этой шуткой Барбассона, который давно не был в таком прекрасном настроении, все тронулись в путь.

Прочтя признания полковника Бернса, Сердар испытал самую большую радость в жизни. Страшные обвинения, выдвинутые полковником против Уильяма Брауна, показывали со всей категоричностью, что адъютант герцога Кембриджского был не только повинен в преступлении, приписанном им Сердару, но в течение нескольких лет, пользуясь служебным положением, продавал секретные бумаги, планы обороны и нападения Адмиралтейства. Это открытие несколько омрачило радость Сердара, ибо в своем великодушии он прежде всего подумал о детях и жене несчастного. Но затем сообразил, что, учитывая срок давности, легко добьется от французского военного суда — кстати, проступки губернатора не входили в его компетенцию, — чтобы имя виновника не было упомянуто в приговоре. Теперь ничто не мешало ему ликом отдаться обуревавшей его радости.

Однако, приближаясь к Нухурмуру, словно по контрасту с окружавшей его дивной природой, Сердар почувствовал, как сердце его сжимает тревога. Что произошло в пещерах? Какие ждут его новости? Он вспомнил о том, что опустело место бедняги Барнетта, погибшего такой ужасной смертью, и в душу его закралась печаль.

— Что с вами, Сердар? Вы вдруг так помрачнели.

— Я беспокоюсь, не случилось ли чего-нибудь в пещерах за время нашего отсутствия.

— Ничего страшного, поверьте мне, а уж мои предчувствия всегда сбываются. Что касается смерти Барнетта, можно сказать, что я ее почти предвидел. А козни Рам-Шудора? Кто о них догадался, кто их заметил? А Уильям Браун? Знаете, если я говорю: «Что-то носится в воздухе», — тогда надо быть настороже. Но сегодня я ничего не чувствую, абсолютно ничего! Можем плыть без опаски. Вот увидите, мы застанем Сами за стряпней, а прославленного Нана-Сахиба за курением трубки.

— Хотел бы я, чтобы ты, как всегда, был прав, — ответил Сердар.

— Что касается Наны, — продолжал Барбассон, — надеюсь, он будет рад предложению Ковинда-Шетти, который

готов переправить его на «Диане» на маленький островок возле Пуло-Кондора, где у него, если я не ошибаюсь, плантация табака. У Наны курева там будет вдоволь.

— Я не уверен, что принц согласится.

— Однако же придется. Надеюсь, он не рассчитывает, что мы будем вечно охранять его. С Барнеттом — еще куда ни шло, жизнь была сносной. Мы здорово понимали друг друга, чего уж там, словно две половинки одного человека. Но теперь, когда Пилада больше нет, Орест не останется. Да, случалось, шутки доходили до него с трудом, эдак через сутки, но уж когда он начинал смеяться, его, бывало, не остановишь.

— Вы сегодня слишком веселы, Барбассон, — заметил Сердар, которого забавляла говорливость южанина, — а это не к добру.

— Нечего бояться, говорю я вам. Предчувствия меня никогда не обманывают.

Рама и Нариндра шли молча, понимая друг друга без слов. Они слишком хорошо знали Кишнайю и не верили, что он не воспользовался их отсутствием и не подстроил чего-нибудь. Пещеры были совсем близко. Еще несколько шагов, и они увидят ведущую к ним долину; все были взволнованы. Даже Барбассон замолчал, чувствуя, как общее настроение передается и ему. Вдруг, свернув на каменистую и такую крутую тропинку, что Барбассон прозвал ее дорогой в рай, Сердар остановился. В этом месте тропинка делала резкий поворот и шла по краю обрыва, но разглядеть, что происходило внизу, из-за глубины пропасти было невозможно. Виднелись только верхушки росших на дне баобабов. Сердар лег плашмя на землю и свесился над пропастью, держась за кусты.

— Осторожнее! — крикнул ему Рама-Модели. — Именно так я упал вниз, когда впервые обнаружил это убежище.

— Подержите меня, чтобы я мог заглянуть подальше, — ответил Сердар. — Мне кажется, я вижу что-то на верхушке одного из деревьев.

Нариндра, отличавшийся необыкновенной силой, вызвался держать Сердара, и тот, повиснув над обрывом, смог разглядеть вершину баобаба.

На самой высокой ветке, сохраняя равновесие, совершенно неподвижно сидел туземец.

— Кто этот человек? Он явно кого-то ждет, — заметил Сердар, в высшей степени заинтригованный.

Едва он закончил фразу, как слабый звук голоса, похожий на шепот, донесся со дна долины.

— Он что-то говорит, — сказал друзьям Сердар, — но

слишком тихо, я не могу разобрать слов. Помолчите, я прислушаюсь.

На сей раз он расслышал говорящего.

— Это я, Сами, — говорил индус, — каждое ваше слово благодаря эху доносится до меня, равно как и малейший шум в горах.

— Зачем ты туда залез? — с тревогой спросил Сердар.

— Чтобы встретить вас. Я слышал вас, когда вы были еще на пике Велур. Со вчерашнего дня я часто приходил сюда. В пещерах остался Анандраен, у него неприятные новости.

— Хорошо, мы спускаемся.

Сердар встал с помощью Нариндры и повторил друзьям все, что узнал. Удивительным образом эхо могло только спускаться, но не подниматься, поэтому всем остальным слова Сами были не слышны. Сердар был невероятно бледен, голос его дрожал, выдавая волнение, испытанное им при сообщении юного метиса.

— Вот видите, Барбассон, — с грустью сказал Сердар, — сегодня мои предчувствия оказались вернее ваших.

Они немедленно отправились в путь, хотя извилистая дорога не позволяла им идти быстро. Рельеф местности был таков, что от обрыва, где они говорили с Сами, до входа в пещеру было добрых полчаса ходьбы.

— Что нужно от нас Анандраену? — спросил Сердар. — Лишь в случае крайней необходимости он покинул бы свой дом и явился в Нухурмур.

Наконец они подошли к входу и поспешили внутрь, где их ждал индус.

— Ну вот и вы наконец, — сказал Анандраен, увидев их. — Я жду вас со вчерашнего дня.

— Что случилось? Говори скорей! — обратился к нему Сердар в неопишемом волнении.

— Корабль, на котором приехали твоя сестра, ее муж и дети, прибыл шесть дней тому назад, как раз когда вы отправились на Цейлон. Мне сообщил об этом глава Духов вод в Бомбее. Сестра, удивившись, что ты не приехал встречать ее, засыпала его вопросами. Он счел своим долгом открыть ей тайну вашего убежища и объяснить причину твоего отсутствия. «Я никогда не стану порицать брата за то, что он остался верен другу в несчастье», — ответила леди Кемпбелл.

— Доброе, благородное сердце! — воскликнул Сердар. — Продолжай, Анандраен.

— Она попросила, чтобы ее отвезли в Нухурмур.

— О боже, она здесь! — радостно прервал его Сердар.

— Мужайся, Сердар.

— Да говори же, не томи!

— Если ты будешь перебивать меня, мой рассказ затянется, — спокойно возразил индус.

Покоритель джунглей понял и замолчал. Анандраен продолжал:

— Твой корреспондент уведомил меня, что направил ко мне маленький караван с тем, чтобы я сам отвел его в Нухурмур. Леди Кемпбелл с мужем и детьми выехала четыре дня тому назад на повозке, запряженной буйволами...

— О небо, и что же?

— И что же! С тех пор о них ничего не известно.

— Но этого не может быть! — неистово воскликнул Сердар. — Они разминутись с тобой и приехали в Велур, когда ты был здесь.

— Нет, мой сын проводил бы их в пещеры.

— Откуда ты знаешь?

— Спокойно, Сердар, спокойно. Выслушай меня сначала, тогда тебе не придется мне возражать. Свои усилия ты лучше направь на поиски выхода из создавшегося положения. Обеспокоенный отсутствием твоих родных, я отправился им навстречу и дошел до самого Бомбея, так никого и не встретив. Тогда я спешно вернулся назад вместе с несколькими членами нашего общества, мы обыскали дорогу со всех сторон, опросили всех встреченных нами местных жителей, но ничего не узнали. Я оставил моих спутников продолжать розыски, а сам поспешил сюда.

Несчастный Сердар в отчаянии ломал руки, восклицая:

— А меня, меня не было! О, будь проклята моя поездка! Я не смог спасти, не смог защитить их!

— Успокойся, Сердар, — повелительно сказал Анандраен, — теперь не время упрекать себя, надо действовать...

— Ах, ты прав, прости меня, разум мне изменяет, я словно в бреду. Я успокоюсь... Да, да, сейчас... О, горе тем, кто заманил их в западню, если только это так! Нет такой страшной пытки, такой медленной смерти...

— Сердар, мы, твои друзья, просим тебя не поддаваться гневу, он ослепляет и не позволяет нам спокойно и хладнокровно обсудить происшедшее.

— Да, вы — мои друзья. Я слушаю вас. Видите, теперь я спокоен...

Но слова несчастного расходились с его поведением, граничившим с безумием. Он вонзал ногти в ладони и рвал на себе волосы. Это был настоящий припадок, надо было дожидаться, когда он пройдет.

После слез, рыданий, криков, принесших ему облегчение, к Сердару вернулась его прежняя энергия.

— Теперь давайте поговорим, — мрачно сказал он. — Если они погибли, я буду жить, чтобы отомстить за них.

— И мы вместе с вами, Сердар! — хором воскликнули присутствующие.

Анандраен был одним из высших руководителей знаменитого тайного общества Духов вод. Оно не выдумка романиста и существует в Индии в течение нескольких веков. Возникло оно в начале мусульманского владычества, чтобы защитить народ от репрессий завоевателей. Именно благодаря Духам вод Нана-Сахиб и Сердар смогли подготовить восстание, едва не покончившее с господством англичан. Благодаря же Духам Нана-Сахиб смог ускользнуть от своих преследователей — англичан. Принца так и не нашли — это всем известный исторический факт. Он бежал, унеся с собой скипетр императоров Дели, и до сих пор живет, наверное, в каком-нибудь глухом уголке на дальнем Востоке под защитой этого могущественного общества, имеющего последователей в Китае и Японии.

Анандраен был человеком хладнокровным, энергичным и, давно зная Сердара, получил право говорить с ним так, как никто в его окружении не осмеливался.

— Сердар, — сказал индус, видя, что тот успокоился, — я выполнил то, что мне было поручено, и должен вернуться домой. Но прежде я хочу сказать все, что думаю о случившемся. Твои родные похищены тугами, в этом не может быть и тени сомнения. Полагаю, ты не сумеешь отыскать их и вовремя прийти им на помощь, разве что случится чудо. Я говорю это не для того, чтобы лишить тебя мужества, а для того, чтобы ты напряг всю силу ума, собрал всю волю и энергию, ибо великая пуджа душителей состоится через три дня, и все пленники, находящиеся в их руках уже несколько месяцев, будут зарезаны на алтаре богини Кали. На сей раз они так искусно замели следы, что мы не сумели узнать, где они собираются совершить свои кровавые таинства. А ведь я отправил на их розыски самых ловких наших людей. У меня остается последняя надежда. Если Рудра приехал из Бехара — я специально вызвал его оттуда, — может быть, он добьется успеха там, где остальные потерпели неудачу. Это самый удивительный человек из всех, кого я знаю. Ты познакомился с ним во время войны за независимость и видел его в деле. Если он уже приехал, я немедленно пришлю его тебе.

— Спасибо, Анандраен, — ответил Сердар, который на сей раз выслушал его внимательно, не перебивая. — Спа-

сибо, что ты не скрыл от меня ужасной правды. Мы постараемся как можно быстрее выработать план действий. Нам нельзя действовать наугад, несмотря на крайнюю неотложность дела. Но уже через час мы будем в пути.

— Спускайтесь через Слоновый холм, это самая длинная, но зато самая легкая дорога. Я указал ее Рудре на случай, если он станет искать меня в Нухурмуре. Я даже удивлен, что он до сих пор не появился. Салам, Сердар, и да помогут тебе боги.

— Салам, Анандраен! Доверяю тебе Нану на время нашего отсутствия, у меня слишком мало людей, и я вынужден взять с собой Сами.

— Я пришлю кого-нибудь вместо него. Не волнуйся, только туги могли бы предпринять что-нибудь против Наны, но они не осмелятся показаться сюда.

— Не беспокойтесь обо мне, — вмешался принц, присутствовавший при разговоре. — Я обязан вам слишком многим, мой друг, и понимаю вашу тревогу. Идите спасайте ваших родных, со мной же случится лишь то, что угодно небу.

Глава II

Совещание. — Где туги? — Мнение Барбассона. — Каста душителей. — Будущие жертвы великой пуджи. — Следы похитителей. — Подвиги Рудры. — Барбассон и предатель Максвелл. — Западня. — Поимка тугов. — Диана спасена. — Безумная радость. — Правосудие и месть. — Съеден пантерами. — Доброе имя восстановлено.

После ухода Анандраена началось горячее, деловое обсуждение, времени на праздные разговоры не тратили. Все были возбуждены, ибо понимали, какое сложное предстоит им дело.

— Туги не без оснований покинули развалины Карли, — начал Сердар, — где они могли выдержать длительную осаду, но где их было легко обнаружить. Пока все думали, что они находятся в Карли, они в каком-нибудь мрачном убежище в глуши леса готовились к своему празднику, из-за осторожности отправившись туда в последнюю минуту.

— Действительно ли они ушли из развалин? — вмешался Барбассон. — Протяженность их так велика, в них столько ответвлений, что туги могли вернуться туда через какой-нибудь неизвестный вход, сделав при этом вид, что покидают развалины.

— Это-то и надо проверить, — ответил Сердар. — Во

всяком случае, не думаю, чтобы они ушли далеко. Их более двухсот вместе с женщинами и детьми, такая толпа людей непременно должна оставить следы. Если бы Анандраен не заверил меня, что отправил на розыски самых ловких своих людей, я бы ни за что не поверил, что за четыре дня их так и не смогли найти.

— Позвольте мне сказать словечко, Сердар, — снова вмешался Барбассон.

— Конечно, мой друг. Вы знаете, как мы ценим точность ваших наблюдений.

— Я буду краток, — начал провансалец, — но прежде одно замечание: я — за логические рассуждения. В нашем распоряжении три дня, это и мало, и много, вы скоро поймете почему. Но я хотел бы подчеркнуть, что время, потраченное нами сейчас, вовсе не потеряно, ибо твердо принятое и быстро осуществленное решение — залог успеха.

Четыре дня тому назад ваши родные покинули Бомбей, то есть ровно сутки спустя после того, как Анандраена предупредили об их приезде. Он немедленно отправился им навстречу, а значит, уехал из Велура в то же самое время, как путешественники тронулись в путь. Он должен был встретить их на полдороге, у развалин Карли. Но этого не произошло, и Анандраен в их поисках дошел до самого Бомбея. Этот факт со всей очевидностью указывает на то, что ваши родные исчезли в первый же день отъезда и что туги, похитив их, больше не подавали признаков жизни. Подумайте, в этом случае у них в распоряжении было всего несколько часов, чтобы перебраться в другое место. Если они действительно уехали, как же могло случиться, что Анандраен и его люди не встретили их, ведь они дважды в один и тот же день прошли по той же самой дороге, а затем посланцы Духов вод исколесили всю округу. Для меня совершенно очевидно, что Кишнаья и его приверженцы не могли сделать и шага, чтобы не быть замеченными, особенно если учесть, что к северу и югу от развалин местность заселена. Готов отдать на отсечение не только свою голову, но и уважаемого папаши Барбассона, — каковы бы ни были обстоятельства, провансалец не мог обойтись без шуток, — так вот, ручаюсь двумя благородными головами, что туги напали на караван, увели всех в подземелье Карли и уничтожили свои хижины и шалаши, выстроенные вокруг холмов, чтобы заставить поверить в то, что они ушли. Для них это было тем проще, что они не могут оставаться в этой пустынной местности и после празднования пуджи должны вернуться в деревню... Вот и все, что я хотел сказать, добавить к этому нечего, ибо дедукция — великая сила!

Бледная улыбка осветила лицо Сердара, несмотря на снедавшую его тревогу.

— Барбассон, — сказал он, — вы избавили нас от ненужных поисков и споров. Ваши рассуждения так ясны и точны, что с ними нельзя не согласиться. У тугов действительно не было времени перебраться в другое убежище, даже если бы они его приготовили. Мы должны искать их именно в Карли. Это обнадеживает, ибо за три дня мы не смогли бы обследовать двадцать лье лесов, гор, долин и ущелий, отделяющих нас от Бомбея.

— Тем не менее нас ждут большие трудности, — вмешался Нариндра. — Я слышал, что подземелья и склепы Карли настолько многочисленны, что в начале мусульманского нашествия там долгие месяцы скрывались жители всей провинции.

То, что сказал маратх, было совершенно верно. В Индии, и именно в Эллоре, Элефанте, Сальсете и Карли, вокруг храмов существует громадное количество пещер, высеченных в граните и относящихся к эпохе троглодитов, когда человек не умел еще строить и устраивал свои жилища в земле, вокруг пагод, посвященных его богам. С тех пор как англичане стали преследовать касту тугов, последние часто пользовались этими местами, ныне пустынными и покрытыми густыми лесами, для совершения своих ужасных обрядов.

В Европе рассказывают немало нелепостей и небылиц об этой страшной касте, насчитывающей сегодня весьма небольшое число последователей. Обрисуем в нескольких словах истинное положение вещей. Туги не есть собственно каста, а религиозная секта, принимающая представителей всех каст Индии — от ничтожного шудры до брамина, однако за исключением париев, считающихся отбросами человечества.

Эта секта — последний остаток эпохи, когда человеческие жертвоприношения были обычным явлением в Индостане. Как это свойственно всем цивилизациям, нравы постепенно смягчались, подобная практика мало-помалу перестала быть общей культовой формой. Однако небольшое количество фанатиков сохранило эти обычаи, и их не осмеливались преследовать, пока длилось владычество браминов, ибо они сохраняли древние традиции предков. А ни в одной стране традиции, каковы бы они ни были, не чтут так, как в Индии. Мусульманское нашествие, хотя и не покончило с этими кровавыми обрядами, привело к тому, что туги стали совершать их тайно. При этом они так умело скрывались и внушали такой ужас, что англичане в течение ста лет своего владычества даже

не подозревали о существовании подобной секты. Впоследствии они сделали все, чтобы уничтожить ее, и полагали, что тугов в Индии больше не существует или, по крайней мере, совершаемые ими жертвоприношения исключительно редки. На самом деле туги просто прячутся более тщательно и продолжают каждый год праздновать знаменитую пужду богини Кали, единственную культовую церемонию, уцелевшую в веках.

Туга нельзя узнать ни по каким признакам. Это может быть ваш сосед, друг, родственник, но вы об этом и не догадываетесь. В один прекрасный день он вступает в секту и затем каждый год получает секретное таинственное уведомление о том, что в такой-то час, в такую-то ночь ему надлежит быть в таком-то месте, где будет совершено кровавое жертвоприношение. Обычно оно происходит в темном лесу, на пустынном берегу, среди развалин древнего храма, в пещерах троглодитов или в уединенном, достаточно просторном доме одного из руководителей секты.

Место это никогда не освещается, чтобы члены секты, мужчины и женщины, потом не могли узнать друг друга. Только одна коптящая лампа бросает мрачный свет на алтарь, где приносятся жертвы. Их бывает восемь—десять, хотя обычно предпочитают нечетное число. Обнаженные, они привязаны к столбам в ожидании своей участи. Жрец вскрывает тело одним ударом широкого каменного ножа, металлическим ножом не пользуются, затем погружает руки в дымящиеся внутренности на манер древних прорицателей и начинает предсказания. Каждый может подойти и задать оракулу вопрос. Внутренности и сердце затем сжигают на треножнике. После того как убита последняя жертва и отзвучал последний крик, лампу гасят, и начинается оргия, которой нет названия и на которую честное перо может лишь с негодованием набросить покров. Затем участники гнусных сборищ с предосторожностями расходятся по домам и не думают о них до следующего года.

На западе, вблизи гор и джунглей Малабарского берега, вплоть до последнего восстания сипаев сохранились деревни, полностью заселенные тугами. Но англичане воспользовались присоединением Индии к владениям короны и применили к тугам столь суровые меры, что те рассеялись повсюду и слились с местным населением, подобно их собратьям из других провинций.

Такова была участь, ожидавшая родных несчастного Сердара. Какое огромное мужество требовалось этому человеку, чтобы устоять под грузом горя и одолевавшего его смер-

тельного беспокойства! Он решил было воспользоваться амнистией и, отправившись в Бомбей, привести в Карли 4-й шотландский полк, командир которого попал в плен, захватить развалины и не оставить в живых ни одного из укрывшихся там негодяев. Но Рама остановил его:

— Не делайте этого, вы знаете Кишнаю — при первой попытке нападения все жертвы будут безжалостно зарезаны.

Увы! Рама был прав. Их надо было спасти, действуя бесшумно, ползком пробраться в притон тугов, внезапно наброситься на палачей и, воспользовавшись всеобщим смятением, вырвать у них добычу...

Какие нравственные пытки испытывал бедный Покоритель джунглей, думая о Диане, о юной, очаровательной Мэри, оказавшихся в лапах диких зверей!

— В путь, друзья мои! — вдруг воскликнул он. — С каждой минутой тревога моя растет, и я чувствую, что немного успокоюсь лишь тогда, когда мы найдем место, где укрываются эти мерзавцы.

— В путь! — ответил Барбассон. — Вы увидите, Сердар, что я был прав. — Это был уже не Барбассон, думающий только об удовольствиях, холящий себя и мечтающий об одном — окончить свои дни во всеми забытом Нухурмуре. Как охотничья собака, почуявшая дичь, провансалец жаждал приключений и опасности. В тот момент, когда все уже были готовы последовать за Сердаром, снаружи вдруг раздался условный сигнал. Нариндра побежал открывать, и едва скала повернулась, как в пещеру вбежали два человека с криками:

— Закрывайте, закрывайте быстрее! За нами погоня!

Это был Анандраен в сопровождении неизвестного туземца.

— Сердар, — положение осложняется, — сказал он. — По дороге я встретил Рудру. Едва увидев меня, он сказал, что за ним по пятам гонятся два туга и английский офицер. Мы бросились с ним в лощину, думая, что преследователи продолжат свой путь по Слоновому холму. Но, огибая озеро, мы увидели, что они быстро карабкаются по горе, направляясь к нам. Офицер — тот самый мерзавец Максвелл.

— Убийца моего отца! — перебил его взволнованный Рама. — Да будет благословен Шива, на сей раз он от меня не уйдет.

Анандраен продолжал:

— Его спутники — отъявленные негодяи, подручные

Кишнаи, сопровождающие его повсюду. Все трое, несомненно, идут на разведку, ибо предводитель тугов узнал от Рам-Шудора, что Нана укрылся в Нухурмуре, хотя тот и не смог указать вход в пещеры.

— Тем не менее мы отправимся в путь, — сказал Сердар, решимость которого ничто не могло поколебать, — а если нам встретятся препятствия, ну что ж, мы их преодолеем.

— Есть не только дурные, но и хорошие новости, — снова заговорил Анандраен. — Рудра, которого я вам представил, приехал вчера и, узнав от моего сына, зачем он мне понадобился, немедленно пустился на поиски, отправившись к развалинам Карли, чтобы попытаться найти следы тугов и... Но раз он здесь, пусть сам все расскажет.

— Охотно, — ответил вновь прибывший. — Меня уверяли, что Кишнаия и его банда покинули развалины, но странное дело — в окрестностях я не мог отыскать никаких следов, а между тем возле самих храмов были видны все признаки поспешного бегства. Мои повторные розыски вновь не дали никаких результатов, но чуть дальше я обнаружил следы отряда европейцев, состоявшего из двух женщин, одна из которых была очень молода, и двух мужчин, также сильно различавшихся между собой по возрасту.

— Ты их видел? — с живостью перебил Сердар.

— Нет, их следы остановились у развалин.

— Откуда же ты тогда знаешь...

— О, нет ничего проще! И ребенок бы догадался: следы шагов различаются в зависимости от возраста и пола. Европейцев сопровождали два туземца, они вышли из повозки перед самыми руинами, чтобы осмотреть их, ибо на песке остались следы колес и буйволиных копыт.

— О, неосторожные! Они сами отдали себя в руки этих негодяев!

— Не найдя следов у выхода, я, как и вы, подумал, что они попали в руки тугов, укрывшихся в подземельях, одно из которых тянется на семь-восемь лье, соединяясь с пещерами Эллары. Этот ход был вырыт буддистами, скрывавшимися от преследования браминов.

Я решил провести в развалинах ночь, чтобы проверить мои предположения. Спрятавшись в одной из пещер у входа, я стал ждать. Едва село солнце, как подъехал английский офицер в сопровождении двух сипаев. Он слез с лошади, вошел в первое подземелье и свистнул три раза. Через несколько мгновений появился туг. После первых же слов офицера мне стало ясно, кто это.

— Ну, Кишнаия, — сказал офицер, — я сдержал слово.

Благодаря мне вас никто не будет беспокоить, и в этом году вы сможете спокойно совершить великую пуджу. Пришло время и тебе выполнить свое обещание и выдать мне по выбору Сердара или Нана-Сахиба, поскольку ты утверждал, что это в твоих силах.

Кишнайя ответил, что не может до окончания праздника покинуть подземелье, так как, по его словам, за ним следят Духи вод, но что потом он выдаст ему не Сердара, ибо тот схвачен на Цейлоне и, быть может, уже казнен, а...

— Сердар — это я! — перебил его Покоритель джунглей. Слова Рудры вернули ему некоторую надежду.

Рудра поклонился и продолжил свой рассказ.

— Как я уже сказал, Кишнайя не мог выдать ему Сердара, теперь я понимаю почему, но сказал, что Нана-Сахиб в его власти. Офицер, взглянув на него с презрением, ответил: «Ты все тот же, Кишнайя, но не пытайся обмануть меня. Если завтра вечером на заходе солнца Нана-Сахиб не будет в моих руках, я захвачу развалины с батальоном шотландцев, которым командую и который находится в полумиле отсюда, и сделаю это с одной целью — чтобы вы не могли бежать. Видишь, я принял меры предосторожности. Если ты не выдашь мне Нану, я прикажу всех вас перевешать на придорожных деревьях, не будь я Максвеллом, а уж я знаю в этом толк».

Итак, передо мной был знаменитый Максвелл, на чьих руках была кровь женщин и детей. Но продолжение разговора оказалось еще интереснее. «Ты понимаешь, — сказал он Кишнайе, — что меня всегда оправдают за то, что я повесил двести или триста мерзавцев, подобных тебе, тем более что ты похитил нашего полковника со всей его семьей».

— О, негодяй! — воскликнул Сердар.

— Часы его сочтены, — мрачно бросил Рама.

— Короче говоря, — продолжал Рудра, — Кишнайя, видя, что с офицером шутки плохи, дал ему все сведения, которыми располагал. Он указал ему долину, ведущую к пещерам, объяснив, что достаточно взорвать скалу у последнего баобаба, чтобы проникнуть внутрь. Он добавил, что солдатам необходимо запастись веревочными лестницами, чтобы спуститься вниз. Удовлетворенный, Максвелл попросил у него двух человек для осмотра местности, прежде чем предпринять окончательный штурм. Кишнайя пообещал ему сделать это сегодня. Я решил дождаться их, чтобы в нужный момент предупредить вас, ибо от сына Анандраена я знал, что его отец находится в Нухурмуре. Я спрятался

в кустарниках, готовый в любую минуту тронуться в путь и опередить их. Остальное вы знаете.

— Рудра, — сказал Сердар, сильно волнуясь, — ты не представляешь, какую услугу ты оказал всем нам, и в особенности мне. Достаточно сказать тебе, что европейцы — пленники тугов — мои самые близкие родственники. Проси у меня любую награду, я заранее обещаю сделать все, что в моих силах.

— И в моих, — добавил принц.

— А, так это ваши родные! — воскликнул Рудра. — Прекрасно, нет ничего проще, чем спасти их...

— Неужели ты нашел способ проникнуть в развалины, не подвергая при этом их жизнь опасности?

— Нет ничего проще, — стоял на своем индус.

— Так-так, — вмешался Барбассон, которому пока не удалось вставить ни слова. — Какая скромность! Наш друг обещает нам совершить чудеса одним мановением руки и добиться успеха там, где такие стреляные воробьи, как люди Анандраена, потерпели неудачу. Да к тому же спокойненько заявляет, что нет ничего проще.

— В мире лишь только один Рудра, — с гордостью парировал индус.

— В таком случае умолкаю, — ответил ошарашенный Барбассон, — рот на замке, старина! Забираю назад мой комплимент.

— Посмотрим, что ты предлагаешь, — нетерпеливо сказал Сердар.

— Повторяю, это очень просто, — продолжал индус, пристально глядя на Барбассона (индусы плохо понимают шутки). — Вам надо прийти сегодня вечером к развалинам, хорошо вооружившись, и спрятаться там. Надеюсь, вы не дадите уйти Максвеллу и двум его сообщникам. Я свистну три раза, на свист явится Кишнайма, думая, что его зовет офицер. Мы схватим его и, приставив нож к горлу, заставим провести нас к пленникам, которых освободим без лишних слов.

Утопающий, вдруг почувствовавший руку спасателя, вряд ли испытал бы такую же радость, как Сердар. Глаза его наполнились слезами, и несколько мгновений он не мог выговорить ни слова. Как и все нервные люди, он был рабом пучка маленьких волокон, передающих ощущения мозгу и парализующих его, когда возбуждающие их эмоции слишком сильны. Но все поняли, что на сей раз это были слезы радости.

— Мой дорогой Анандраен, — сказал Покоритель джун-

глей, беря его за руки, — само небо внушило тебе мысль послать нам такого союзника.

— Черт побери! — с легкой ревностью воскликнул Барбассон. — Говорил же я вам, что эти поганые туги не ушли из развалин.

В этот момент вбежал запыхавшийся Сами.

— Хозяин, — сказал он Сердару, — я взобрался на самую верхушку баобаба и слышал их разговор. Англичанин сказал тугу: «Настоящая чертова дыра эта долина! Но ничего, мы удлиним лестницы». И он объяснил, что вместе с ним спустятся человек сто, а остальные расположатся со стороны озера, чтобы следить за входом, который им неизвестен.

— Хорошо, Сами, очень хорошо! Договаривай.

— Я не стал слушать дальше, а подумал, что надо срочно все сообщить вам, но если вы хотите, я могу туда вернуться.

— Не надо, дитя мое, — ответил Сердар, — нам уже достаточно известно. А теперь, господа, за оружие и постараемся не упустить их. Мы будем подстергать их в пальмовом лесочке, он находится как раз у спуска в долину, и если только они не вынудят нас к более суровому обращению, мы доставим их в Нухурмур живыми и невредимыми. Надо, чтобы они смогли защищаться в тот день, когда им придется предстать перед нашим судом, который будет судить их по законам военного времени.

Сердар произнес эти слова с необычной для него, странной улыбкой. В его глазах, обычно таких добрых, появился стальной блеск, а на лицо легла печать ненависти и жестокости, не виданных прежде.

Когда маленький отряд покинул пещеры, направляясь к месту засады, Сердар заметил, что Рудра безоружен, и спросил, не забыл ли тот свой карабин.

— У меня его нет, — со вздохом ответил индус, — оружие белых стоит слишком дорого для нас, бедных туземцев.

— Сердар, позвольте мне подарить ему вот этот карабин, — сказал Барбассон, показывая индусу один из великолепных образчиков автоматического оружия, недавно изобретенного американцем Кольтом. — Он мой, и я прошу Рудру принять его в память о тех неоценимых услугах, которые он нам оказал.

— Это замечательно, Барбассон, но вы...

— Я оставляю себе карабин бедняги Барнетта, он мне будет напоминать о прекрасном друге, которого я потерял.

Получив столь бесценный для него подарок, индус принялся прыгать от радости, словно дитя. Никогда он и мечтать не смел о подобном оружии.

Друзьям недолго пришлось сидеть в засаде. Они расположились по трое с каждой стороны дороги, на расстоянии четырех метров друг от друга, так, чтобы полностью окружить Максвелла и обоих тугов и держать их под прицелом. Едва они успели занять места, как сверху до них донеслись голоса. Это Максвелл, спускаясь, излагал спутникам план на завтрашний день.

— Внимание! — сказал шепотом Сердар. И все исчезли за пальмами. Когда Максвелл и оба туга оказались в середине группы, вдруг по команде Барбассона все шесть карабинов опустили, образуя железный круг, готовый изрыгнуть огонь. И тут же на тропинку выступил Барбассон. Максвелл и его спутники остановились пораженные, настолько неожиданным оказалось для них нападение.

— Добрый день, джентльмены! — сказал провансалец, обращаясь к офицеру. — Рад видеть вас в моем государстве. Не надо пятиться... Вот так... Стойте на месте. Видите ли, эти жестяные трубочки, похожие на... органные, могут нечаянно выстрелить, и мне будет жаль вас.

Презренный Максвелл, который был столь же труслив, как и жесток, дрожал всем телом, словно лист на ветру, и был бледен, как летнее лондонское солнце.

— Что значит эта шутка? — пролепетал жалкий трус.

— Шутка, господин Максвелл? Как плохо вы знаете мой характер! Спросите-ка у джентльменов, которые дышат свежим воздухом там, за пальмами, шучу ли я когда-нибудь.

Услышав, что его называли по имени, убийца принялся дрожать еще сильнее. Он почувствовал, что эта ловушка подстроена ради него, и понял, что погиб.

— Ну-ка, посмотрите мне в лицо, мой славный лорд, — продолжал Барбассон, — у меня оба глаза на месте? Ну же, отвечайте, милорд, не то я рассержусь.

Несчастный, ничего не понимая, кляца зубами от страха, ответил полузадушенным «да!».

— Замечательно! — торжествующе воскликнул Барбассон. — Вы видите, что я никогда не шучу, ибо всякий раз, как это со мной случается, я теряю глаз. — И с грубоватой простотой добавил: — Уже давно, дорогой друг, я горю желанием познакомиться с вами и поддержать это милое знакомство. Я слежу за вашими поступками и действиями. Когда вы уничтожили всех обитателей Чинсуры, я сказал себе: «Смотри-ка, он молодцом, мой маленький Максвелл.

Поставьте перед ним две-три тысячи мужчин, женщин и детей, вы не успеете и рта раскрыть, как уж никого нет...» Когда мне рассказали о вашем подвиге в Лакхнау — двести женщин, утопленных в пруду вместе с детьми, — я воскликнул: «Ах, черт побери, что за славный малый этот Максвелл! Нашлись бы такие, кто, пожалуй, пожалел бы детей, а он — никогда! Не дай Бог, вырастут, в воду малышню!» Наконец, когда присутствующий здесь мой друг Рама-Модели — вон тот высокий, слева, посмотри на него хорошенько, вы потом поближе познакомитесь, — так вот когда он сообщил мне, что ты расстрелял его отца вместе с пятью-шестью сотнями других стариков, а также женщин и детей, я подумал: «Да я никогда не познакомлюсь с душкой Максвеллом! С милашкой Максвеллом! С дорогушей Максвеллом! Нет, Барбассон, ты непременно должен с ним познакомиться». Барбассон — это мое имя, Барбассон Мариус, законный и единственный сын Филибера-Петрюса Барбассона, родился в Марселе... Ну уж это, мой добрый Максвелл...

— Ради бога, короче, Барбассон, — сказал ему Сердар, — вы же видите, что этот трусливый мерзавец сейчас упадет в обморок, и нам придется его нести.

— Раз вы настаиваете, Сердар, так и быть, прекращаю. Но только для того, чтобы сделать вам приятное, — ответил провансалец. — Если б вы знали, какое удовольствие я испытываю, видя, что этот гнусный негодяй дрожит, как заяц... Так вот, Максвелл, миленький, стремясь познакомиться с тобой и надеясь на случайную встречу, я уговорил нескольких друзей сопровождать меня, чтобы вместе с ними просить тебя принять приглашение и посетить владения Мариуса Барбассона, повелителя Нухурмура и окрестных мест. Думаю, этот визит будет для тебя истинным наслаждением.

— Чего вы хотите от меня? — заикаясь, выговорил Максвелл, совершенно уничтоженный.

— Предложить тебе на несколько минут мое гостеприимство... О, это будет ненадолго, — сказал Барбассон с жестокой усмешкой. — Ты только считаешься с Рамой и со мной как единственным наследником моего друга Барнетта, у него к тебе небольшой должок после того, как ты его ограбил и выгнал из его дворца в Ауде. Но это сущая безделица, кое-кого я пропущу вперед, у них дела поважней. Расположен ли ты дать мне руку? Пошли, мой славный лорд!

— Так нет же! Я за вами не пойду... По какому праву

вы беспокоите английского офицера во время его прогулки? — отважился несчастный, призвав на помощь остатки сил.

— По какому праву, Максвелл, милый мой! По какому праву? Неблагодарный, и ты еще спрашиваешь? Разве ты не видишь, что в моей любви к тебе я не хочу, чтобы тебя пристрелили как собаку за то, что ты продал тугам своего полковника, на место которого ты метил, вместе со всей его семьей?

Тут Максвелл понял, что вилять бесполезно, и дал увести себя, словно быка на бойню.

— Эй, приятель, смелей! — сказал ему Барбассон, передавая англичанина Раме и Нариндре, взявшим его под руки. Затем провансалец указал Сердару на тугов:

— Полагаю, не стоит труда тащить это в Нухурмур, не так ли?

Сердар склонил голову в знак согласия. Два верных подручных Кишнаи, сказал Анандраен, они захватили Диану, Мэри, юного Эдуарда, благородного Лайонеля Кемпбелла... В сердце Сердара больше не было места жалости.

— Не беспокойтесь, мои ягнятки, — сказал им Барбассон, — все в порядке. — И взяв свой револьвер, выстрелил в первого. Второй туг прыжком вскочил на ноги.

— С лету! — крикнул Барбассон.

Раздался выстрел, и туг с раздробленной головой упал рядом с товарищем. Ударом ноги мрачный исполнитель божественного и людского правосудия — оба негодяя давно заслужили подобную кару — столкнул трупы в пропасть. Максвелл при виде такой скорой расправы потерял сознание. Из ручейка, протекавшего неподалеку, Барбассон зачерпнул в шляпу воды и брызнул ею капитану в лицо. Тот быстро пришел в себя.

— Ну, смелее, — сказал ему Барбассон, — это пустяки, немного водички. В пруду Лакхнау ее было куда больше. Не дрожи так, твоя очередь еще не пришла. Офицер Ее Величества заслуживает лучшей участи... К тому же нам надо слегка объясниться, за тобой есть кое-какой должок, о котором ты позабыл. Знаешь поговорку «счет дружбы не портит»? Ты же не захочешь покинуть нас, не рассчитавшись?

Маленький отряд пошел в Нухурмур.

— Итак, что нам с ним делать? — спросил Сердар. — Бесполезно разыгрывать перед этим мерзавцем, этим чудовищем в человеческом обличье комедию правосудия. Есть негодяи, которые находятся не только вне закона, но и вне

гуманности. Я отказываюсь судить его. Стоит мне подумать, что это он предупредил Кишнаю о приезде моей сестры в Бомбей, об их поездке в Нухурмур, кровь закипает у меня в жилах, и я считаю, что смерть — слишком легкое наказание для этого изверга.

— Сердар, — ответил Рама-Модели, — однажды, у стен Хардвар-Сикри, две тысячи людей были уничтожены этим негодяем, и, пока он командовал расстрелом, слышны были крики младенцев на груди матерей. После четвертого залпа артиллерийской батареи все крики прекратились, но в первом ряду среди трупов вдруг поднялся старик, который был только ранен, умоляя пощадить его. Он один остался в живых. Среди солдат раздались возгласы: пощадить! пощадить! И этот человек, обернувшись, спросил: «Кто здесь осмеливается говорить о пощаде?» Вместе с ним была собака, дог, и он сказал собаке, показывая на старика: «Пиль! Том, пиль!» И собака прикончила несчастного. Этот старик, — голос Рамы от волнения и гнева зазвучал глухо, — этот старик был мой отец, Сердар. Отдайте мне этого человека!

— Он твой, — ответил Покоритель джунглей. — Ступай, я не стану мешать твоей мести. Отомсти за Чинсуру, Хардвар-Сикри и Лакхнау!

Повернувшись к своим спутникам, Сердар сказал:

— Друзья мои, через час зайдет солнце, отправимся же к развалинам Карли, разрушим пристанище бандитов, вернем жизнь и радость несчастным пленникам.

— Сердар, если я вам больше не нужен... — мрачно сказал Рама-Модели.

Сердар все понял. Какое-то мгновение он колебался, но быстро подавил в себе инстинктивный великодушный порыв. Что он мог ответить старому товарищу по борьбе, несчастьем и изгнанию, с таким нетерпением жаждавшему отомстить за отца, за тысячи невинных жертв, умерших в самых страшных мучениях... За спиной Максвелла было море пролитой им крови. Сердар уступил, но, словно не желая брать на себя моральную ответственность, ответил:

— Я беру с собой Сами, поэтому оставайся в Нухурмуре.

Покоритель джунглей и его спутники ушли. В пещерах остались только Нана-Сахиб, уединившийся в своих апартаментах, и Рама-Модели со своим пленником. В Нухурмуре воцарилась мрачная, наводящая ужас тишина, снаружи не доносилось ни единого звука, то была тишина могильного склепа.

Максвелл, который было обрел некоторую уверенность, увидев, что его оставили наедине с индусом, сразу почув-

ствовал гнетущее воздействие этого страшного одиночества. Он находился в узком помещении с каменными сводами, слабо освещенном светом коптящей лампы. Поставленная на пол, она отбрасывала на потолок причудливые тени, которые в ее мерцающем свете казались ожившими призраками мщениа.

Усевшись на корточках в углу, Рама-Модели смотрел на него глазами хищника, ласкающего взором добычу, прежде чем ее растерзать. Он не торопился покончить с Максвеллом. Впереди у него были часы, даже дни, чтобы насладиться мстью, к тому же он еще не знал, что сделает с этим человеком. Англичанин был в его власти, и пока ему было этого достаточно.

Он закурил трубку, окутавшись густым облаком дыма, и предался горячечным мечтаниям курильщиков гашиша. Он переводил взор с хрустального наргиле на пленника и обратно... Постепенно страх Максвелла перерос в безумный ужас. Он знал, что индийская конопля обладает страшным свойством фиксировать в мозгу курильщика занимающую его мысль, доводя ее до бреда, до психоза. Что сделает с ним индус в ту минуту, когда у него начнется период безумия? И тогда он позавидовал быстрой, безболезненной смерти своих спутников на вершине Нухурмура... Для него больше не было надежды. Как разжалобить человека, отца которого он затравил собакой? Побег был невозможен. Кругом безмолвные скалы, заглушающие крики и жалобы жертв. Да и кто бы мог его услышать, подоспеть ему на подмогу? Вступить с индусом в единоборство? Он и помыслить об этом не мог, тот был силен и крепок, за поясом у него висели револьвер и широкий индийский ятаган. Нет, следовало примириться со смертью! Но какую варварскую пытку придумает этот распаленный яростью, бешенством, уже не рассуждающий мозг?

По лицу несчастного струился обильный пот, и только инстинктивная боязнь вдруг прийти в себя во время чудовищных пыток удерживала его в сознании... Ах, если бы он мог вызвать гнев индуса, чтобы сразу получить смертельный удар! Следовало торопиться, через несколько мгновений палач перестанет его понимать. Глаза индуса сверкали странным блеском. Они то загорались, словно у дикого зверя, то взгляд его делался тупым и невыразительным. Едкий густой дым, пропитанный испарениями *capabis indica*, по-прежнему клубами окутывал курильщика... Рама-Модели вдруг странно рассмеялся, он, несомненно, уже видел свою жертву, корчащуюся в невыносимых мучениях, с губ

его срывались слова: «Пиль, Том! Пиль, моя милая собака!» Нет, перед его глазами проходила смерть отца, этот вызванный гашишем мираж был так похож на реальность...

Похолодев от ужаса, понимая, что с пыткой ожидания надо кончать, чтобы не иметь дел с безумцем, способным выгрызть ему череп, как это сделал Уголино с Руджери в страшном вымысле Данте, Максвелл вскочил, ударом ноги перевернул кальян и вцепился в горло индусу. Он повалил его на землю, бросился на него и, обхватив его шею руками, пытался задушить. Но как ни быстро действовал Максвелл, Рама успел крикнуть:

— Ко мне, Нана!

Услышав душераздирающий зов о помощи, Нана прибежал и, мгновенно оценив ситуацию, бросился на Максвелла, опрокинул его и освободил Рама-Модели, сразу вскочившего на ноги. Гашиш не успел подействовать на него, и к заклинателю быстро вернулось обычное хладнокровие.

— Спасибо, Нана, — сказал он принцу, — ты спас мне жизнь, я этого не забуду.

Взглянув на Максвелла с выражением дикого гнева, он сказал:

— Тебе было мало отца, мерзавец, ты захотел еще и сына... Слышишь ли ты крики женщин и грудных детей, взывающих о мести? О, мы посмотрим, сумеешь ли ты умереть. Ну-ка, закури свою сигару, покажи, как капитан Максвелл бросает вызов смерти, вспомни, как ты рисовался в Хардвар-Сикри. Кто здесь говорит о пощаде? Пиль! Пиль, мой милый Том! Око за око, зуб за зуб... А! Ура! Ура капитану Максвеллу!

В возбуждении Рама толкал и гнал его перед собой. Вдруг скала повернулась, и лучи солнца залили вход в пещеру.

Максвелл решил, что спасен. Издав крик, в котором удивление смешалось с безумной радостью, собрав все силы, он выскочил наружу и бросился бежать, не подозревая, где находится. Позади него раздался взрыв зловещего хохота, и он услышал, как звучный голос Рама-Модели произнес ужасные слова: «Пиль, пиль! Нера, пиль! Сита! Вперед, мои милые звери!»

И тут Максвелл услышал треск ломаемых веток, который все нарастал, затем раздался глухой стремительный топот, и он смутно почувствовал, что его преследуют. Кто-то бежал за ним. Он обернулся. О, ужас! Две пантеры с раскрытой пастью, горящими глазами, высунув язык, приближались к нему. Далее все произошло с молниеносной быстротой.

Он резко был опрокинут на землю... Захрустели кости, брызнула кровь... Охваченный ужасной болью, в тот последний миг, когда душа готовится отлететь к таинственным пространствам, последнее, что он слышал, был голос Рамы, продолжавшего кричать: «Пиль, Нера! Пиль, Сита! Вперед, мои милые звери!..» Максвелл был мертв.

Наступила ночь, теплая, благоуханная, молчаливая. В рощах тамариндов, розовых акаций, мастиковых деревьев, окружавших развалины храмов Карли, среди листвы засверкали тысячи беловатых огоньков. Это солдаты 4-го шотландского полка, предупрежденные о том, что их полковник попал в плен, окружили со всех сторон древнее буддистское убежище, чтобы никто из прячущихся там негодяев не сумел скрыться. Вдруг из-за пальмовых деревьев появилась небольшая группа людей, они вошли внутрь развалин, после чего раздались три свистка, многократно отраженные каменными сводами. Это Рудра в сопровождении Сердара, его друзей, а также английских офицеров подал условный сигнал.

Едва прошло несколько минут, как появился Кишнаья. Он не успел сделать ни одного движения, не успел позвать на помощь, как его схватили, связали и сунули в рот кляп. Затем друг за другом, без малейшего шума Сердар и его верные товарищи, офицеры и солдаты проскользнули в подземелья и застали тугов за приготовлением ужина. Никто не оказал сопротивления, никому не удалось бежать. Пока английские офицеры связывали их попарно, из соседней пещеры раздались крики радости и счастья, какие никогда не слышали эти древние своды.

— Диана!

— Фредерик!

Брат и сестра бросились в объятия друг другу. Двадцать лет ждали они этого часа!

Барбассон, всхлипывая, пробормотал:

— Черт побери! Какая жалость, что у меня нет сестры!

Двадцать лет провансалец не плакал.

Два месяца спустя «Диана» стремительно мчалась к берегам Франции, унося Фредерика де Монмор де Монморена и его семью. Сердар спешил подать ходатайство о восстановлении его в правах.

Добившись исправления допущенной несправедливости, он должен был вернуться в Индию, где собирался поселиться его зять с семьей. Сам Сердар поклялся жить и умереть в этой прекрасной стране, колыбели индоевропейской цивилизации, ставшей второй родиной для его благородной, мятущейся души.

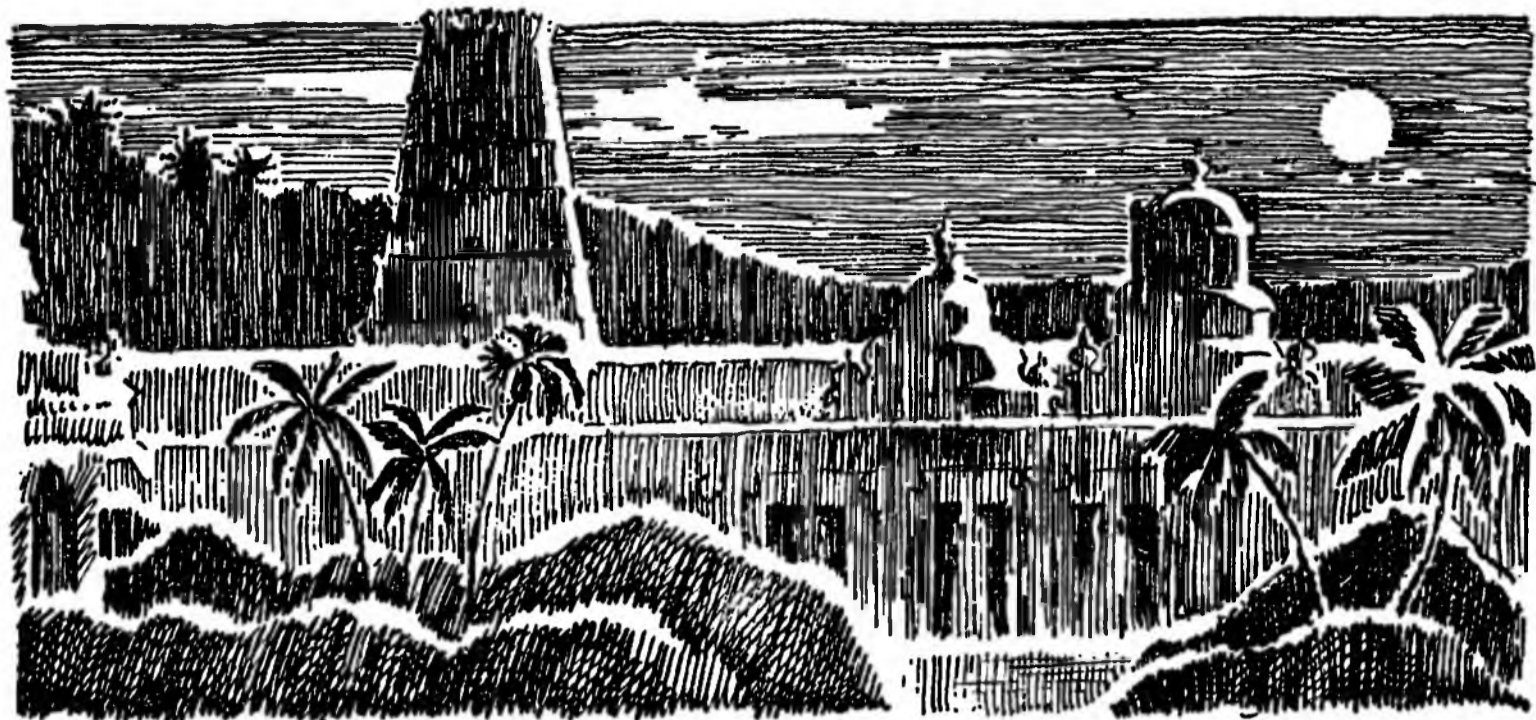

Возможно, нам доведется встретиться с ним там.

Нана-Сахиб, которому была отвратительна мысль о том, чтобы стать пенсионером — пленником англичан, остался в Нухурмуре дожидаться возвращения Сердара, чтобы окончательно решить, на каком острове поселиться. После того как умер Максвелл, а Кишнаья и его гнусные приверженцы были повешены вокруг развалин Карли, никто больше не мог потревожить покой принца в его таинственном убежище.

Барбассон стал главным комендантом Нухурмура, под началом у него находились заклинатель, Нариндра и Сами. Он написал папаше Барбассону, что предсказание его пока не сбылось, и послал ему сто тысяч франков из миллиона, полученного от Наны за службу.

Никто и не вспомнил о сэре Уильяме Брауне, но тот помнил все!

Часть шестая

СЛЕДОПЫТ СТОРОЖ БИДЖАПУРА

Глава I

Ночной сторож. — Таинственный дворец. — Тайный посланец. — Английский шпион. — Невероятное происшествие.

Старинный город Биджапур с его историческими развалинами, столица древней династии Адил-шахов, свергнутой с престола великим Ауранг-Зебом, мирно покоился среди настоящего леса олеандров, тамариндовых и гранатовых деревьев, постепенно заполнивших внутренние дворы, сады дворцов и зданий, превратив в почти недоступное убежище город, некогда бывший свидетелем великолепия и могущества раджей Декана.

Было около двух часов ночи. Полная луна, медленно плывшая в золотистой пыли бесконечных пространств, проливала потоки серебристого света на океан зелени и цветов, откуда, словно островки, выступали четырехугольные башни, беломраморные террасы, полуразрушенные купола, еще сохранившиеся колонны и портики — остатки роскошных зданий богатейшего Биджапура, прозванного поэтами «городом чудес». Его история похожа на главу из книги «Тысяча и одна ночь».

По свидетельству историков, Магомет, сын Баязида II, свергнув с трона отца, согласно обычаю, распространенным в те времена среди халифов Стамбула, велел удушить всех

своих братьев, чтобы впоследствии не иметь соперников. Но вместо самого юного из них, по имени Юсуф, палачи, сами того не ведая, умертвили раба-черкеса, которым мать принца ловко заменила сына.

Юсуф жил, скрываясь, до шестнадцати лет. Затем из-за неосторожности кормилицы тайна его рождения открылась, он бежал — сначала в Персию, затем перебрался в Индию, чтобы попытаться там счастья, ибо во сне ему было предсказание его грядущего величия. Завоевав расположение набоба Дели, он добился у того разрешения набрать армию и, следуя его советам, решил свергнуть господство браминов, которые обладали неограниченной властью в Декане.

В тот момент, когда во главе войск он готовился выступить в поход, над его головой вдруг пролетел коршун. Считается, что появление этой птицы предвещает великую судьбу, поэтому оно вызвало энтузиазм тех, кто собрался под его знамена. Юсуф завоевал весь Декан и провозгласил себя государем под именем Адил-шаха. Именно тогда, чтобы отметить начало своего царствования, он и заложил знаменитый город, от которого ныне остались развалины.

Ни малейшее дуновение ветерка не колебало листву деревьев, все вокруг было неподвижно. В величественной ночной тиши казалось, что жизнь навсегда покинула эти места, и город превратился в обширный некрополь, где в молчании веков спали воспоминания и люди, памятники и боги.

Но это впечатление, вызванное развалинами и темнотой, сглаживалось, ибо то там, то здесь можно было увидеть дома и хижины, рассеянные в беспорядке. Они указывали на то, что обитатели не полностью покинули древний Биджапур.

В тот день стояла изнуряющая жара. Индусы — известные полуночники, поэтому они с наслаждением болтали и покуривали у порога жилищ, вдыхая свежий, напоенный ароматами ночной воздух. Постепенно, однако, шум разговоров стих, лампы из чеканной меди или черной глины погасли, и когда на вершине минарета большой пагоды ночной сторож ударил в священный гонг, пробив время, снаружи уже никого не было, и тишину нарушали только пронзительное тьяканье шакалов и раздраженный рокот домашних слонов... Биджапур спал!

Невозможно передать поэтическое очарование столь величественных развалин, возвышающихся среди необозримой буйной растительности, тогда как у их подножия, опираясь на порфирные колоннады, мраморные портики, цоколи из яшмы и розового гранита, выросли разные по стилю, в зависимости от касты и богатства их обитателей, дома и хижины.

Даже нынешнее состояние города может дать представление о его былом великолепии и пышности. В нем насчитывается свыше семисот мечетей с неразрушенными минаретами и такое же количество дворцов и мавзолеев из мрамора, где представлены все известные архитектурные стили, византийские купола, готические стрелы, круглые греческие арки, римские башни, чудеса арабского искусства встречаются в небывалом изобилии, подтверждая лучше, чем свидетельства историков, истинность легенды, согласно которой Адил-шах, основатель Биджапура, созвал со всего света архитекторов и рабочих, чтобы выстроить город, равного которому не было бы во вселенной.

При слове «развалины» перед глазами встают пустынные песчаные равнины, как в Пальмире, Ниневии, Фивах, Мемфисе. Постепенное истощение почвы действительно одна из важнейших причин, приведших к упадку большинства цивилизаций Ассирии и Египта. Ничего подобного не произошло в плодородном Декане. Развалины Биджапура простираются среди поражающей пышностью растительности, и можно было бы тщетно искать причины подобного запустения, если не знать, что Ауранг-Зеб из ревности велел разрушить «город чудес», чтобы ни один город в Индии не смог соперничать с Дели, роскошной столицей империи моголов.

Биджапур насчитывал некогда более пятисот тысяч обитателей, сейчас число их едва доходит до четырех тысяч человек, рассеянных по огромной территории, которую занимал город. Это в немалой степени способствует его нынешнему магическому очарованию. Каждый индус возводил себе дом, пристраивая его к памятнику, который ему особенно нравился. Это любопытное расположение привело к странному результату, Биджапур стал городом без улиц, дома его скрываются среди гигантских развалин, утопающих в зелени, равной которой по пышности нет в мире. Под золотисто-серебряным светом ночной звезды, сияющей в прозрачной небесной чистоте, в тихую благоуханную ночь город представляет собой волшебное, сказочное зрелище.

Среди всех памятников самым любопытным — не с точки зрения архитектуры, а по особому расположению — является Дворец семи этажей. Представьте себе огромную семиэтажную башню с семью сторонами, на каждой стороне и каждом этаже семиугольника находится большой висячий сад, имеющий форму усеченного конуса и украшенный самыми красивыми растениями и редчайшими породами деревьев.

Особенность дворца состоит в том, что каждый этаж и каждый сад имеют отдельный вход, к ним ведут разные

лестницы, вход на которые с помощью специальной системы подъемных мостов может быть закрыт для посторонних. Даже пушки не в состоянии пробить эту массу земли, поддерживаемую стенами толщиной почти в десять метров.

Ауранг-Зеб, несмотря на жажду разрушения, пощадил великолепное здание, настоящий шедевр архитектуры, который стоил жизни его создателю. Кумал-хан, опекун юного государя, сына Адил-шаха, приказал умертвить архитектора, чтобы тот не смог разгласить секреты, делавшие крепость совершенно неприступной. Кумал-хан, мечтавший занять трон, хотел обеспечить себе надежное убежище на тот случай, если народ вздумает отомстить ему за смерть юного Исмаил-шаха, которого он собирался удушить. Но опекуна опередила мать шаха. Догадавшись о его планах, она велела заколоть Кумал-хана кинжалом, поручив убийство самому верному его слуге, которого сумела привлечь на свою сторону.

Восставшие маратхи также не решились тронуть таинственный дворец, ибо, согласно поверью, всякий, кто осмелится поднять на него руку, должен погибнуть. Следующее событие немало способствовало тому, чтобы эта легенда укоренилась в народном сознании.

Подъемные мосты каждого этажа, когда ими не пользовались, так плотно прилегали к стене, что составляли с ней единое целое. Управлять мостами умели только раджи, они сообщали эту тайну своему наследнику лишь перед самой смертью. Дара-Адил-шах; последний правитель династии, умер внезапно, не успев поделиться секретом, и в течение трех веков никто не мог подняться выше второго этажа, подъемный мост которого был опущен во время смерти монарха.

Уязвленный Ауранг-Зеб решил силой проникнуть в странное сооружение, но при первом же ударе киркой о камень она отскочила назад и убила рабочего, исполнявшего приказ правителя-могола. Ауранг-Зеб, усмотрев в случившемся небесную кару, в ужасе бежал. Происшествие, приукрашенное народным воображением, защитило дворец лучше, чем многочисленная и хорошо вооруженная армия.

Распространился также слух, что в определенное время года все Адил-шахи, погибшие от яда или кинжала, а таких было немало, собирались ночью для дьявольских плясок, и тогда в верхних этажах дворца, куда никто не мог проникнуть после смерти Дара-Адил-шаха, видны были огни и мелькали тени.

Никто не знал точной даты этих зловещих сборищ, поэтому с наступлением ночи жители Биджапура избегали

появляться в окрестностях таинственного дворца, и лишь немногие могли похвастаться тем, что видели хотя бы издали ночные пирушки привидений. Но случайные свидетели этих странных явлений говорили о них с такой настойчивостью, что никому и в голову не приходило оспаривать их истинность, тем более что подобные небылицы прекрасно согласовывались с суеверным характером индусов.

Жители Биджапура спокойно спали, не подозревая, какие загадочные и невероятные события должны были произойти этой ночью в старом дворце Адил-шаха.

Ночной сторож, согласно древнему азиатскому обычаю, долго сохранявшемуся у нас как память о наших индоевропейских предках, прокричал на четыре стороны света медленно и монотонно: «Два часа утра! Люди высшей и низшей касты, спите спокойно, ничего нового!» Он собирался было растянуться на тростниковой циновке до следующего часа, как вдруг, случайно взглянув на дворец, не смог сдержать дрожь... Из окон последних этажей, величественно возвышавшихся над верхушками высоких деревьев, пробивались полосы света, отражаясь на темной зелени и усеивая ее рыжеватыми пятнами. Это был не лунный свет, ибо ночная звезда заходила, и густая тень уже укрыла ту часть здания, которую видел сторож.

— Покойники! — прошептал он в суеверном ужасе и принялся бормотать заклинание, отгоняющее призраков и злых духов.

Парализованный страхом, бедняга не мог оторвать глаз от странного зрелища. Впервые он видел нечто подобное, и впечатление было тем сильнее, что до сих пор ночной сторож принадлежал к немногочисленным скептикам Биджапура, которые с сомнением покачивали головой всякий раз, когда разговор заходил о привидениях дворца Адил-шаха. Не то чтобы он не верил в возможность их существования. Во всей Индии вы не найдете ни одного туземца, настолько свободного от суеверий, чтобы он мог возвыситься до подобного отрицания. Просто в течение двадцати лет, как он, заменив отца, исполнял обязанности ночного сторожа, ему ни разу не приходилось видеть ничего особенного в старом здании, каждый вечер возвышавшемся перед ним мрачной, молчаливой массой. Вскоре он заметил — и от этого ужас его еще больше возрос, — что за узкими окнами мелькают тени, на мгновение загорая светом. Несчастный, хотя и не был трусливее других, почувствовал, что волосы дыбом встают у него на голове и подкашиваются ноги. Он оперся о балюстраду минарета, чтобы не потерять соз-

вание, и продолжал скороговоркой бормотать все известные ему заклинания.

Народные верования индусов населяют небо, землю, леса, воды целым сонмом духов, призраков, гномов, вампиров, которые являются не чем иным, как душами умерших, которым грехи, совершенные во время земной жизни, помешали достичь благоприятного воплощения. Поэтому образование, даваемое людям низших каст, ограничивается тем, что с самого детства им забивают голову бесконечными заклинаниями, пригодными на все случаи жизни и способными отогнать злых духов. Существование индуса заполнено молитвами и магическими формулами, которые должны защитить его от бесчисленных невидимых врагов, постоянно занятых тем, чтобы терзать, изводить его и расстраивать все его начинания.

Через несколько минут, словно в доказательство чудодейственной силы заклинаний, свет во дворце внезапно погас, и огромное здание погрузилось в полный мрак. Сторож, довольный достигнутым результатом, несколько успокоился и стал размышлять о том, что ему делать дальше. Он спрашивал себя, не стоит ли вместо произнесения обычной формулы ударить в следующий час в гонг и объявить о происшедшем? Но в этом случае не навлечет ли он на себя месть тайных сил и проклятых ракшас, которые избрали дворец местом своих сборищ? Он рассуждал вслух, как делают все трусы, которые черпают мужество в звуке собственного голоса. Вдруг ему показалось, что какая-то тень молча скользнула в соседнюю рощу. Живых он боялся меньше, чем мертвых, поэтому, спрятавшись за одной из колонн минарета и затаив дыхание, стал наблюдать, чтобы убедиться, не обмануло ли его зрение.

Этот ночной сторож, по имени Дислад-Хамед, во время войны за независимость был шпионом на жалованье у англичан. Будучи членом знаменитого тайного общества «Духи вод», он уведомлял губернатора Бомбея о всех решениях, принятых Нана-Сахибом, и следил за раджами Декана, которых подозревали в том, что они хотят присоединиться к восставшим. Теперь же, когда побежденный Нана-Сахиб скрывался от врагов в Нухурмуре, Дислад-Хамед продолжал доносить победителям о тех жителях провинции, которые открыто или тайно принимали участие в восстании. Тысячи людей были убиты по его доносу во время кровавых расправ, которыми англичане ежедневно отмечали свою победу. Дислад был уверен в безнаказанности, ибо слыл за ярого патриота и вел себя так ловко, что никто не подозревал о его предательстве.

Правда, до сих пор он тщательно избегал того, чтобы его доносы касались Биджапура, и город таким образом избежал военных трибуналов, которые переезжали из провинции в провинцию, выискивая и наказывая всякого, кто так или иначе участвовал в борьбе за независимость. Но пришел черед и Биджапура, ибо сэр Джон Лоуренс, вице-король Индии, назначил специальную комиссию, которая должна была действовать именно в Декане в связи с событиями, о которых мы кратко напомним.

Мы знаем, что после окончательного подавления восстания генералом Хейвлоком Покоритель джунглей с помощью марсельца Барбассона и нескольких преданных ему индусов спас Нана-Сахиба во время осады Дели. С тех пор принц скрывался в пещерах Нухурмура, в глуши девственных лесов Малабарского берега, и все поиски англичан оказались напрасны.

Не волнуясь более о судьбе Наны, Фредерик де Монмор де Монморен вернулся во Францию, чтобы добиться у военного суда оправдания и восстановления в правах. Во время отсутствия Сердара Нана-Сахиб оставался в неприступных подземельях Нухурмура под охраной знаменитого Барбассона и четырех индусов, оставшихся верными делу изгнанника: заклинателя Рама-Модели, воина-маратха Нариндры, потомка древних правителей Декана, следопыта Рудры и Сами, верного слуги Покорителя джунглей.

По возвращении Фредерик де Монморен должен был, несмотря на то, что побережье тщательно охранялось англичанами, помочь принцу бежать и отвезти его на один из многочисленных островов Зондского пролива, где он мог бы жить спокойно, не опасаясь мести англичан.

Сэр Джон Лоуренс, вице-король Индии, совершенно потерял следы вождя сипайского восстания. Неоднократно сообщив в Лондон о неминуемой поимке Нана-Сахиба, основываясь на донесениях шпионов, которыми он буквально наводнил Индию, сэр Джон вынужден был признать, что дело нисколько не продвинулось вперед. Последние полученные им известия свидетельствовали о полном провале его эмиссаров. Капитан Максвелл, которому он поручил возглавить поиски, исчез месяц тому назад — что с ним стало, было неизвестно. Говорили, что Кишнаю, вождя касты тугов, услугами которого не брезговал благородный лорд, повесили вместе с большинством его приверженцев солдаты шотландского полка, которые застали тугов в тот момент, когда те собирались принести человеческие жертвы кровавой богине Кали. Все препятствовало планам вице-короля, и

тем не менее он должен был любой ценой захватить Нану: речь шла о полном усмирении Индии, которое было невозможно до тех пор, пока принц, первым осмелившийся поднять знамя независимости, не окажется у него в руках.

Индия — классическая страна тайных обществ и заговоров и, пожалуй, единственная в мире, где возможно подобное: двести пятьдесят тысяч сипаев за год до восстания знали день и час его начала, и среди них не нашлось ни одного предателя.

После поражения Нана-Сахиб не покинул Индию, это был очевидный, неоспоримый факт, и, однако же, вице-король, несмотря на свое могущество и имевшиеся в его распоряжении средства, так и не смог узнать, где скрывается принц. Он почти не сомневался, что только таинственный Декан с его древними развалинами, многочисленными пещерами, тянувшимися на пятьдесят — шестьдесят миль, его крутыми горными склонами и непроходимыми лесами мог дать убежище беглецу. Но сэр Джон не знал, в какой части этого необъятного края скрывается Нана. Последняя депеша, полученная им от капитана Максвелла из Бомбея, просто гласила: «Через три дня Нана будет нашим пленником». С тех пор прошло пять недель, но офицер не подавал никаких признаков жизни. По всей вероятности, он погиб при исполнении взятой на себя миссии. Бедный вице-король не знал, какому святому молиться. Лондонская пресса была раздражена его многочисленными неудачами, стали поговаривать о его неспособности справиться со своими обязанностями и даже измене. На нескольких митингах уже потребовали смещения сэра Джона, и лорд Рассел, глава кабинета, в последней почте намекал ему на отставку, если в течение ближайшего месяца дело не закончится к всеобщему удовлетворению.

В истории, кажется, еще не было случая, чтобы с ее сцены бесследно исчез персонаж, игравший в ней такую важную роль, как Нана-Сахиб. После взятия Дели тело принца не было найдено среди убитых, и английские власти неоднократно убеждались, что он жив и находится в Индии, ибо большинство из тех, кто рьяно преследовал Нану, исчезали навсегда, их никто больше не видел, узнать о том, что с ними случилось, было невозможно. Удивительная эпопея принца закончилась полными драматизма событиями, о которых мы и собираемся вам поведать.

Этот эпизод истории Индии достигает высот самого невероятного и полного чудес приключенческого романа. Нет нужды призывать на помощь воображение, чтобы подогреть

интерес к нему. Все факты, которые мы изложили, абсолютно точны; все действующие персонажи — реальные лица, мы только изменили их имена; все события, о которых пойдет речь, имели место.

Даже и сегодня, тридцать лет спустя, жизнь, приключения и смерть Нана-Сахиба по-прежнему окутаны непроницаемым покровом тайны. Мы не намерены приоткрывать его полностью, ибо в нашей версии событий, которые мы излагаем со слов одного из соратников принца, марсельца Барбассона, который есть не кто иной, как М. Б...ер, с которым мы познакомились в Пондишери, куда он уединился, ничего не говорится о смерти этого легендарного персонажа. Никто не знает и, возможно, не узнает никогда, в какой точке земного шара принц-изгнанник провел свои последние дни, где он спит вечным сном, если только Рама-Модели, единственный индус, согласившийся покинуть Индию вместе с ним, не оставил о последних годах Наны какого-нибудь свидетельства, которое, возможно, будет найдено позже.

Сэр Джон Лоуренс, конечно, не знал, что во всей этой истории он рискует жизнью, но для него было совершенно очевидно, что на карту поставлена его должность вице-короля. Поскольку он хотел во что бы то ни стало сохранить великолепный пост, дававший ему власть и полномочия, несомненно, превышавшие прерогативы королевы Виктории в Лондоне, то решил отправиться в Декан, в Биджапур, чтобы лично возглавить последнюю попытку захватить Нана-Сахиба и его сторонников.

Истинные намерения он скрыл даже от близкого окружения и заявил, что едет в древнюю столицу Декана, чтобы учредить там верховный суд, который должен был наказывать всех, кто вступил в сделку с мятежниками. Явке на суд подлежали также раджи Майсура и Траванкура, обвиненные резидентами в том, что они предложили губернатору Пондишери сбросить английское иго и встать под знамена Франции. Таким образом, в стенах Биджапура готовилось чудовищное кровопролитие, подобное тем, что уже совершились в Бехаре, Бенгалии и Пенджабе.

Сэр Джон Лоуренс, однако, поделился своим планом с главным начальником полиции полковником Джеймсом Уотсоном. Он откровенно признался, что должен добиться успеха любыми средствами, иначе ему грозит отставка. Вице-король попросил полковника отправить на поиски Наны лучших сыщиков и указать ему надежного и ловкого человека, которому он хотел лично отдать необходимые распоряжения. Уотсон тут же назвал вице-королю имя ночного сторожа Дислад-Ха-

меда, самого умелого и верного из всех шпионов, служивших англичанам. Он отличался на редкость верноподданническими чувствами к угнетателям родной страны.

В тот самый миг, когда сторож, объятый ужасом, наблюдал за странными явлениями, происходившими во Дворце семи этажей, он еще не подозревал, какую честь ему собирается оказать сэр Джон Лоуренс, поручив деликатную и опасную миссию поимки Нана-Сахиба.

Как мы помним, внимание сторожа привлекла тень, скользнувшая в соседнюю с минаретом рощу. Едва он спрятался за колонной, как услышал, что его зовут:

— Дислад! Дислад!

— Кто там? — спросил сторож.

— Нанда-Сами, сын Канда-Сами, — ответил неизвестный, — первый гонец Его Светлости сэра Джона Лоуренса, вице-короля Индии, с поручением к сторожу Биджапура.

— Что от меня нужно вице-королю? — крайне удивленный, пробормотал бедняга. — Поднимись ко мне, Нанда-Сами, до рассвета я не могу оставить свой пост.

Через несколько мгновений гонец был на вершине минарета.

— Добро пожаловать, — приветствовал его сторож. — Что угодно вице-королю от его недостойного слуги?

— Мой господин приезжает сегодня в Биджапур и приказывает тебе явиться к нему сегодня вечером, как только бог ночи набросит на землю свой покров, незадолго до восхода луны.

— Повинуюсь! Я явлюсь перед повелителем повелителей, как только бог ночи набросит на землю свой покров, незадолго до восхода луны... Куда надо явиться? — спросил Дислад.

— Во дворец Адил-шаха.

Сторож едва не вскрикнул от удивления, но потом вспомнил, что два первых этажа таинственного дворца были доступны и всегда роскошно обставлены, там принимали губернаторов и других важных гостей. Он сдержался, считая неуместным сообщать своему собеседнику о ночном происшествии.

— В указанный час я буду во дворце. Но пропустит ли меня стража?

— Не вздумай обращаться ни к стражникам, ни к слугам. Я буду там и проведу тебя так, чтобы никто не знал о твоём присутствии. У вице-короля к тебе секретный разговор... Это все, что мне поручено сказать. Салам, Дислад, да хранят тебя боги-защитники.

— Салам, Нанда, да хранит тебя Шива от дурных встреч.

Глава II

Сигнал посвященных. — Посланцы Духов вод. — Ночная прогулка. — Шпион в ужасе. — Собрание заговорщиков. — Страшная клятва. — План полицейского. — Сторож и вице-король. — Поручение к Нана-Сахибу. — Важные решения. — Честолюбец.

Едва гонец исчез, как ночной сторож, вернувшись к своим обязанностям, снова ударил в гонг и произнес, медленно и гнусаво, обычную фразу: «Три часа утра! Люди высшей и низшей касты, спите спокойно... Ничего нового».

Ничего нового! Какова власть формул и вековых традиций! Ничего нового, а в необитаемом в течение трех столетий дворце Адил-шаха свет зажегся именно в недоступных его частях. Ничего нового, хотя должно было совершиться одно из важнейших для провинции событий — приезд вице-короля. Ночного сторожа впереди еще ждали сюрпризы.

Прошло минут десять, как он прилег на циновку, завернувшись в одежду, и стал было задремывать, но тут совсем рядом с минаретом раздалось уханье хохлатой совы. Оно, казалось, доносилось с огромного тамаринда, величественно раскинувшего свои ветви над развалинами.

Дислад-Хамед вздрогнул, ему было ясно происхождение этих звуков, несмотря на совершенство подражания. Ведь эту птицу никогда не слышно после захода солнца. Это был сигнал!

Приподнявшись на подстилке, сторож прислушался, заранее уверенный в том, что произойдет, и действительно, уханье раздалось снова, но на сей раз более громкое и продолжительное.

— Пора! Это они, надо повиноваться, — прошептал Дислад-Хамед.

Ответив весьма искусно на полученный им сигнал, он поспешно спустился вниз и направился к тамаринду, вышавшемуся над развалинами старинного храма Шивы. Там его поджидали два туземца, лица их были закрыты тонкой белой тканью.

— Откуда явились путники? — спросил сторож.

— Из страны, где Духи летают над водами, — ответил один из незнакомцев.

— Тень священных слонов указывает на восток, — продолжал Дислад.

— И час правосудия пробил, — торжественно произнес второй незнакомец. — Ты готов?

- Готов.
- Хорошо. Следуй за нами.
- Мне придется долго отсутствовать?
- Это знает лишь тот, кто вышел из золотого яйца.
- В таком случае я предупрежу сына, чтобы он заменил меня.

Отойдя на несколько шагов, он громко свистнул. На свист тут же прибежал мальчик лет четырнадцати-пятнадцати.

— Ты будешь отмечать ночные часы, — сказал ему Дислад, — и если вдруг я не вернусь ни сегодня вечером, ни в следующие дни, заменишь меня до моего возвращения. Не забудь о заклинаниях, отгоняющих духов сна, которые непременно станут являться к тебе каждую ночь, чтобы ты позабыл о времени. А теперь ступай. Предупреди мать и сейчас же отправляйся на минарет.

Мальчик склонил голову, не произнеся ни слова, и исчез.

Тогда один из незнакомцев, подойдя к сторожу, набросил ему на голову капюшон, чтобы тот ничего не мог видеть, оба взяли его под руки и повели среди развалин с такой уверенностью, что было ясно: места эти им хорошо знакомы.

Все трое хранили глубокое молчание, а сторож пытался определить, куда его ведут, следя за поворотами. Но его спутники, словно разгадав мысли Дислада, казалось, пытались запутать следы. Они без конца заставляли его возвращаться, поворачивать то влево, то вправо, внезапно останавливались, снова шли вперед, незаметно описывая круг. Дислад-Хамед быстро понял, что ориентироваться в подобной обстановке невозможно, и решил идти машинально, не заботясь о том, куда его ведут. Мысли его приняли другой оборот, и он спрашивал себя, что его ждет. Получит ли он просто поручение от одного из верховных вождей Духов вод, которые никогда, даже посвященным второй степени, не сообщали, когда и где состоится свидание? Или, узнав о его измене, его призовут на страшный суд Семи, который всегда приговаривал только к смерти? И в том, и в другом случае обращение с рядовым членом общества было одинаковым. Только посвященные первой степени, то есть жемедары, знали заранее место и час встречи. Дислад-Хамед был всего лишь субедаром, то есть посвященным второй степени.

Внезапная мысль о том, что, быть может, через несколько мгновений его ожидает наказание за совершенные преступления, была так ужасна, что сторож похолодел от страха

и не мог сдержать невольную дрожь. Спутники его это заметили, ибо ему показалось, что они сильнее сжали его руки, словно хотели помешать ему бежать.

Дислад слишком хорошо знал обычаи знаменитого тайного общества и понимал, что об этой его минутной слабости станет известно верховным вождям. Поэтому с присущей ему ловкостью он решил симулировать приступ малярии, обычный для индусов, живущих на равнине, и время от времени вздрагивал.

— Брат Хамед, кажется, болен. Он хочет, чтобы мы шли медленнее?

— О, пустяки! Небольшая лихорадка, которую я подцепил в болотах Траванкура.

И снова воцарилось молчание, но сторож с радостью отметил, что руки его проводников слегка разжались. Из этого он заключил, что, во-первых, подозрения их рассеялись, а во-вторых, что ему не придется предстать перед тайным судом в качестве обвиняемого.

После получаса ходьбы они расстались, и Дислада усадили в паланкин, где вместе с ним разместились и его провожатые. Как только дверцы закрылись, сторожу Биджапура показалось, что паланкин, в котором он находится, отделился от земли, больше он ничего не почувствовал, никакого покачивания, никакого движения. Так прошло десять минут, и даже человек с самыми изощренными чувствами не смог бы определить, где находится паланкин.

Вдруг Хамед почувствовал, что носилки снова коснулись земли. Дверцы открылись, и ему было приказано следовать за проводниками, которые помогли ему выйти из паланкина. Все трое сделали несколько шагов вперед, сторожу показалось, что за ним опустилась портьера, и он сразу оказался в душной, тяжелой атмосфере, которая бывает в плохо проветренной комнате с наглухо закрытыми окнами, где собралось много людей. Он уловил невнятный, смутный гул, всегда свойственный большому собранию, даже если присутствующие хранят молчание.

Провожатые сняли с него капюшон, и Хамед увидел, что находится в огромном зале, о существовании которого в Биджапуре он и не подозревал, в присутствии четырехсот—пятисот членов общества Духов вод, собравшихся со всех концов Индии. Все они, кроме него, принадлежали к жемедарам. Он вздохнул с облегчением. Его не только не собирались судить, напротив, ему была оказана редкая честь присутствовать на собрании посвященных первой степени.

На возвышении сидели семь членов тайного совета, ко-

торым руководил браматма, или верховный вождь. Все они были в масках, ибо никто не должен был знать их в лицо. Запрет этот соблюдался так строго, что если бы у одного из членов совета маска случайно упала, его тут же задушили бы товарищи, заменив затем на одном из очередных заседаний другим. Никто из входящих в совет Семи, которым были известны все тайны общества, не мог покинуть его добровольно. От этой почетной, но опасной должности избавляла только смерть. Члены тайного совета казались бессмертными, они сами выбирали своих членов, и никто никогда не замечал, как один заменялся другим. Когда назначали нового члена, ни его склонности, ни его желания не принимались во внимание. В один прекрасный день к нему подходил факир, специально для этого посланный, и вручал лист голубого лотоса, на котором было начертано таинственное слово «Аум». С этого дня человек уже не принадлежал себе. Правда, он пользовался неограниченной властью в порученном ему округе, но, в свою очередь, становился винтиком и обязан был слепо и беспрекословно подчиняться комитету Трех и браматме. Он не мог даже отказаться от предлагаемой ему чести, отказ означал бы смертный приговор.

Общество Духов вод, с которым никто не мог соперничать в могуществе, в течение многих веков наряду с реальной политической властью правит страной, пользуясь гораздо большим уважением и влиянием. Вся Индия разделена на пять округов, которыми управляют четыре члена совета Семи. Их меняют каждый год, чтобы они не слишком привязывались к подвластным им провинциям. Три члена, оставшихся свободными, составляют знаменитый комитет Трех, которому поручены общее управление и надзор за браматмой. Этот комитет также периодически обновляется и управляет пятым округом.

Несмотря на то, что организация была прекрасно известна англичанам, они ни разу не смогли арестовать ни одного из членов совета Семи и так и не узнали, кто же был верховным вождем страшного общества, отменявшего их декреты и ордонансы. В конце концов англичане, не имея возможности уничтожить Духов, вынуждены были считаться с ними. Странно, но в обычное время Духи вод не чинили английским властям никаких препятствий, никаких трудностей, ограничиваясь тем, что запрещали индусам повиноваться тем законам и постановлениям, которые считали противоправными и несправедливыми.

Еще за двадцать лет до великого восстания сипаев об-

щество Духов вод предупреждало Ост-Индскую компанию о том, что ее ждет, если она не изменит методы своего правления. Духи благословили восстание в Бенгалии и северных провинциях только после того, как увидели, что англичане постоянно пренебрегают их советами.

Еще и сегодня общество — это единственный противовес безграничной власти вице-короля и губернаторов. Оно нападает прежде всего на концессионеров, на сборщиков налогов, которые заставляют платить их по нескольку раз, чтобы присвоить себе определенную часть. Влияние общества особенно сильно, ибо не было случая, чтобы оно наказало невинного. Точно так же приговоренный к смерти чиновник может спастись от кинжала Духов, только покинув свой пост и вернувшись в Англию. Согласно старинному обычаю, недобросовестного чиновника предупреждают трижды, давая ему возможность изменить поведение. О приговоре его извещают письмом и обычно в течение недели приговор приводят в исполнение, несмотря на все меры предосторожности со стороны осужденного. Мы должны сказать, что всякий раз действия Духов вод получали поддержку общественного мнения.

Способы, которыми Духи добывали информацию, действовали столь безотказно, что было совершенно непонятно, как могли они не знать о предательстве Дислада. Его бы уже давно разоблачили, не будь он членом общества и не знай, как следует вести себя, чтобы не возбуждать ни малейшего подозрения. Он переписывался только с начальником полиции с помощью кода, который мог расшифровать лишь тот, у кого был к нему ключ. А поскольку должность ночного сторожа находилась в ведении полиции, никто не мог упрекнуть Дислада в том, что он поддерживал подобного рода отношения, для него они были обязательными. К тому же мы сказали, что в доносах он никогда не касался обитателей Биджапура. Это стечение обстоятельств до сих пор было чрезвычайно благоприятно для него. Но ему следовало удвоить бдительность, ибо установление в древней столице Декана военного трибунала и отводившаяся ему при этом роль должны были неминуемо подвергнуть его опасности. Приказ, полученный из Лондона, сводился к тому, чтобы с помощью террора навсегда отбить у индусов охоту к мятежам. Древнюю империю Адил-шахов должны были вскоре залить реки крови.

Едва Дислад-Хамеда ввели в огромный зал, где собирались посвященные первой степени и совет Семи, как председательствующий браматма нарушил благоговейную тишину.

— Брат Хамед, — обратился он к вновь прибывшему, — в силу данной нам власти мы позвали тебя в эти стены, чтобы ты мог присутствовать на собрании жемедаров. Желая поручить тебе одно весьма трудное дело, совет Семи счел возможным дать тебе это доказательство нашего доверия. Подойди и произнеси нашу обычную клятву, что никому, даже тени своей, ты не расскажешь о том, что увидишь и услышишь сегодня ночью.

Сторож повиновался приказу браматмы и, поблагодарив совет за оказанную ему великую честь, твердым голосом произнес:

— Пусть тело мое, лишенное погребения, истлевет среди безымянных трупов и станет добычей зловонных шакалов и желтолапых грифов, пусть душа моя в течение жизни тысяч и тысяч поколений возродится в теле самых нечистых животных, пусть имя мое будет проклято на всех собраниях Духов вод как клятвопреступника и предателя, если кому-нибудь, даже тени своей, я расскажу о том, что увижу и услышу сегодня ночью.

— Духи вод слышали твою клятву, — сурово сказал браматма. — Знаешь ли ты, какая ужасная кара ждет тебя, если ты предашь?

Общество не сразу предавало изменников смерти. В зависимости от степени вины их подвергали пыткам, некоторые из которых были поистине чудовищны. При мысли об ужасных мучениях, которые он уже заслужил своим предательством, сторож невольно вздрогнул. Но обратного пути у него не было, он сделал выбор и, чтобы избежать ожидавшей его участи, решил при первой же удобной возможности выдать англичанам браматму и совет Семи. Он давно поступил бы так, будь это в его власти. Но Хамед вынужден был ждать возвышения в степень жемедара, ибо, будучи простым субедаром, он не знал ни места, ни времени собраний. Когда же его вызывали для получения приказа, он имел дело с одним из Семи, управляющим его провинцией, к которому его приводили с теми же мерами предосторожности, что и сегодня вечером. Не зная, когда его вызовут, он не мог предупредить англичан. К тому же, чтобы навсегда обеспечить свое спокойствие, он должен был выдать не одного из Семи, а весь совет вместе с браматмой. Это привело бы к распаду общества и гарантировало безнаказанность.

Сумев привлечь сторожа на свою сторону обещанием самой высокой награды, начальник полиции полковник Джеймс Уотсон нанес Духам мастерский удар. С самого начала он поставил своей целью уничтожение общества Духов

вод. Вице-король и полковник знали, какую важную роль оно сыграло в восстании, и мечтой сэра Джона Лоуренса было добиться успеха там, где потерпели поражение все его предшественники. Он хотел навсегда избавиться от этой неуловимой мощной организации, представлявшей постоянную опасность для английского владычества в Индии. Поэтому полковник решил подкупить одного из ее низших членов и терпеливо ждать, одновременно пользуясь его повседневными услугами, когда тот станет жемедаром и сможет присутствовать на собраниях высшего совета. Тогда, заранее узнав от сторожа место и время встречи, можно будет легко захватить не только совет Семи и браматму, но и почти всех посвященных первой степени, что неизбежно привело бы к уничтожению знаменитого общества, в течение пяти веков заставлявшего трепетать всех правителей Индостана.

Сэр Джон Лоуренс убаюкивал себя надеждой одновременно сообщить в Лондон и о поимке Нана-Сахиба, и об уничтожении общества. Интрига была сплетена так искусно, что если бы Дислад-Хамед продолжал действовать с прежней ловкостью, успех был бы обеспечен.

Сторож был слишком суеверен, чтобы не сдержать только что данную им клятву, но с поистине казуистической изворотливостью сказал себе, что клятва запрещала ему повторять то, что он мог увидеть и услышать этой ночью, но в будущем ничто не мешало ему сдержать обещание, данное англичанам.

Закончив разговор со сторожем, браматма предоставил слово управляющему Деканом, который должен был объяснить присутствующим, зачем их созвали, и познакомить их с важными решениями, принятыми тайным комитетом Трех и утвержденными советом Семи и браматмой.

— Братья и Духи вод, которые слышат нас, — начал тот дрожащим от старости голосом, — к сожалению, мы потерпели неудачу в нашей попытке изгнать чужеземцев с Земли лотоса. Без сомнения, каким-то опрометчивым поступком мы вызвали недовольство богов, ибо, даровав нам сперва победу, они затем отвернулись от нас и дали погибнуть доблестным сынам Индостана.

Не желая бесполезно проливать кровь, мы посоветовали повсюду прекратить сопротивление. Чего же мы этим добились? Нарушив обещание простить и забыть, англичане безжалостно истребляют не только тех, кто сложил оружие, но и стариков, женщин, детей. Они свирепствуют не только в областях, восставших против них, они предали огню и мечу Бунделькханд и Мевар, не давших ни одного человека

в армию Наны. Такую же участь готовят они и Декану. Через наших секретных эмиссаров мы знаем, что сэр Джон Лоуренс настроен действовать с исключительной жестокостью. По его выражению, он хочет утопить в крови все мечты о свободе, давшие было в Индии ростки. Свой путь англичане усеяли сотнями тысяч трупов. Не лучше ли снова начать борьбу и умереть в бою? Сегодня раджи Майсура, Траванкура, Малаялама поняли, какую они допустили ошибку, не присоединившись к северным братьям. Они ждали сигнала от Франции, но не дождались, а теперь за нейтралитет они поплатились тронами, ибо прибывающий в Биджапур вице-король приказал им явиться к нему для объяснений. И мы знаем из достоверных источников, что в свои государства они никогда не вернуться. Если бы они послушали наших советов, Индия сегодня праздновала бы освобождение. Но, может быть, не все еще потеряно. Произошло великое событие, которое изменит, мы надеемся, положение вещей и будет встречено вами как предвестие нашей свободы. Большой друг индусов, герой нашей войны за независимость, тот, кого народ зовет Срадхана, Покоритель джунглей, вернувшись в свою страну, добился отмены некогда вынесенного ему несправедливого приговора. Чтобы возместить ущерб, причиненный ему судебной ошибкой, его назначили губернатором французских владений в Индии.

Эти слова были встречены бешеным «ура», и следом раздались крики: «Война! Война! Смерть англичанам!»

Когда вновь установилась тишина, член совета Семи продолжал:

— Нет сомнения, что тот, кто год тому назад пытался занять место губернатора Пондишери, чтобы поднять на восстание Декан, не изменил своих чувств по отношению к нам и согласился на это назначение лишь для того, чтобы успешнее служить нашему делу. Поэтому мы решили, как только приедет новый губернатор, начать восстание в Декане. Три раджи юга уже готовы, они подадут сигнал, арестовав и расстреляв находящихся при них английских резидентов, отнявших у них последние остатки власти. Они втроем могут поставить под ружье пятьсот тысяч человек, не считая притока добровольцев со всех сторон. Хотя в результате поражения и расправы север понес тяжелые потери, он снова вместе с нами возьмется за оружие, нас заверили в этом. Вожди требуют только, чтобы Нана-Сахиб вновь встал во главе восстания. Мы уверены, что последний потомок великого Ауранг-Зеба с радостью воспользуется возможностью отплатить за поражение. Мы пока не предупредили его, ибо место,

где он скрывается, окружено шпионами. Поэтому мы боимся посылать ему гонца раньше времени. Тем самым мы можем открыть нашим врагам секрет пещер Нухурмура или толкнуть Нану на какой-нибудь опрометчивый поступок, вызванный нашими предложениями.

Граф де Монморен, как зовется ныне наш друг, уже сел на корабль и плывет в Индию, но он прибудет в Пондишери не ранее чем через двадцать дней. Поэтому раджи, несмотря на полученный приказ явиться к вице-королю, попытаются выиграть время, чтобы начало восстания совпало с приездом французского губернатора.

Вот краткое воззвание, которое адресовано всем народам Индии и вывешено во всех, даже самых маленьких деревнях:

«Во имя божественной триады, воплощенной в Бrame, бессмертном творце сущего, во имя Магомета, его божественного пророка, ибо Аллах — в Бrame и Брама — в Аллахе, вселенная признает только одного-единственного, истинного Бога!

Мы, Трое и Семеро, говорим от имени Духов вод.

Мы, Нана-Сахиб, принц Пенджаба и Бенгалии!

Мы, раджи Майсура, Траванкура и Малаялама, объединились для защиты Индии, страны семи рек.

Приказываем всем индусам, без различия происхождения и религии, забыть о междоусобицах и взяться за оружие, чтобы защитить землю предков.

Да будет это повеление выполнено немедленно!

Народы севера и юга, вперед, за религию и родину!»

Слова эти, столь волнующие в своей простоте и лаконичности, вызвали единодушный трепет среди собравшихся, и пятьсот человек воскликнули в едином порыве: «Вперед, за религию и родину!»

— По возвращении в провинции, — продолжал оратор, — мы приказываем вам — и в этом ваш долг — подготовить Духов вод к предстоящему испытанию. Вы соберете всех сударов вашего округа и объявите им нашу волю.

Мы, Трое и Семеро, а также наш верховный вождь браматма, будем постоянно находиться в Биджапуре, который до начала восстания станет центром его подготовки, сюда будут стекаться все полученные вами сведения.

Нам остается сообщить вам о чрезвычайно важном решении, которое мы приняли. Мы уже трижды предупреждали сэра Джона Лоуренса, чтобы он прекратил отвратительные зверства, направленные против женщин, детей и людей невиновных. Вместо этого он, словно бросая нам вызов, удвоил свою жестокость. Чаша нашего терпения

переполнилась. Желая дать другим урок, мы решили потребовать, чтобы он явился на наш тайный суд, сказал, что имеет, в свою защиту и выслушал наш приговор. Ввиду его высокого положения мы решили отступить от наших правил, требующих, чтобы обвиняемых судили заочно, после долгого и тщательного расследования их преступлений. Наказание этого человека, обладающего почти королевской властью, докажет, что никому не дано избежать нашего правосудия.

— Я сказал, — закончил управляющий Деканом, — да хранят нас Духи вод!

— Брат Хамед, — заговорил тогда браматма, — вот поручение, которое мы решили доверить тебе. Ты отправишься в Велур, к подножиям гор Малабарского берега. Там сын нашего Анандраена, здесь присутствующего, проводит тебя до Нухурмура, где скрывается Нана-Сахиб. Рассказав принцу о готовящихся событиях, ты передашь ему наше желание, чтобы он присоединился к нам как можно быстрее и был готов ко всему. Ты приведешь его сюда так, чтобы англичане не напали на ваш след.

Мы не скрываем всех предстоящих тебе трудностей. Вам придется идти нехоженными тропами, скрываться днем и передвигаться в джунглях ночью, среди бесконечных болот и непроходимых лесов. Но ты хорошо знаешь местность и, мы уверены, сумеешь справиться с поручением, доставив Нана-Сахиба целым и невредимым. В Биджапуре он найдет столь же неприступное убежище, как и в горах. По возвращении ты будешь посвящен в первую степень, если с честью выполнишь данное тебе поручение.

— Я согласен, о браматма! — ответил сторож. — Думаю, что с успехом выполню свою миссию. Прежде чем сменить отца и стать ночным сторожем Биджапура, я в течение двадцати лет исходил все джунгли, будучи следопытом и собирая корицу, эти места я знаю как свои пять пальцев.

Негодяй не чуял под собой ног от радости. Нана-Сахиб, которого никто не мог найти, будет в его власти, и Духи вод сами отдавали ему принца.

Он еще не знал, что вице-король хотел поручить ему именно это опасное дело. Но ему было известно, что все попытки захватить вождя восстания провалились. Поэтому за услугу, которую он мог оказать англичанам, Хамед решил потребовать соответствующее вознаграждение.

В каждом районе Индии есть главный сборщик налогов — туземец, которого зовут серестадар. Это самая высокая должность, на которую может претендовать индус, она же

является самой завидной, ибо позволяет обогатиться в короткое время. Обычно она достается представителям высших каст, что еще более поднимает их престиж среди местных жителей. Дислад-Хамед согласился стать шпионом на службе у угнетателей своей страны с одним условием: после окончания восстания ему было обещано место сборщика. Когда же он потребовал выполнения данного слова, ему не отказывали прямо, но то говорили, что в его услугах еще нуждаются, то заявляли, что нет вакантных мест. На самом деле его обманывали, ибо никто не хотел иметь у себя на службе человека столь презренной касты, как та, к которой принадлежал ночной сторож. Негодяй, много о себе возомнивший, был вынужден по-прежнему играть свою постыдную роль, ибо до такой степени скомпрометировал себя, что достаточно было одного слова агентов английской полиции, чтобы соотечественники уничтожили его.

— Ладно, — пробормотал он, подводя итог своим размышлениям, — теперь я возьму свое, на сей раз они вынуждены будут назначить меня серестадаром, и не в какой-нибудь дыре, а в самом Биджапуре!

Голос браматмы вырвал его из сладких грез о богатстве.

Глава III

Предатель. — Приговорен к тройной пытке. — Кинжал правосудия. — Браматма. — Страх разоблачения. — Бежать невозможно. — Повешен! — Смерть разоблачителя. — Комитет Трех и совет Семи. — Дворец Адилшаха. — Свидание в башне Усопших. — Обморок.

Собравшиеся выбрали депутацию из пяти человек во главе с Анандраеном, близким другом Покорителя джунглей. Они должны были встретить нового губернатора по его прибытии в Пондишери, чтобы передать ему поздравления от трех провинций Декана. На самом деле они собирались предупредить его о решении Духов вод. Отдав депутации необходимые распоряжения, браматма снова взял слово:

— Братья, прежде чем расстаться, я должен выполнить одну печальную обязанность. У нас существует полная уверенность, подкреплённая доказательствами, что среди нас есть предатель.

— Назовите его! Назовите его! — закричали присутствующие. — Мы сейчас же совершим над ним правосудие.

Сторож страшно побледнел и своим поведением, безус-

ловно, выдал бы себя, если бы взоры присутствующих не были устремлены на верховного вождя, все ждали, когда с сего уст сорвется имя изменника.

— К счастью, он не принадлежал к жемедарам, — продолжал браматма, — в этом мы уверены. Одновременно нам стали известны все его преступления. Это простой субедар, но лицо, которое знает его имя и имеет письменные доказательства его измены, согласно выдать его только за целую гору рупий — 250000 франков. Хотя совет Семи имеет право самостоятельно распоряжаться всеми средствами общества, мы сочли уместным спросить ваше мнение, прежде чем заплатить такую сумму. Это предложение нам сделал один из агентов европейской полиции Калькутты. Он сумел случайно заглянуть в записную книжку начальника полиции, где увидел имя предателя и число жертв, казненных по его доносам, — оно превосходит тысячу человек.

Слова эти вызвали у присутствующих гнев и ужас, со всех сторон раздались крики: «Отомстить! Отомстить! Смерть клятвопреступнику! Надо приговорить его к тройной пытке — водой, железом и огнем!»

— Хорошо, — продолжал браматма, — через несколько минут мы узнаем имя негодяя, который не побоялся предать своих братьев, родину и богов...

При этих словах Дислад-Хамед вынужден был прислониться к одной из колонн зала, за которой и спрятался, боясь потерять сознание. Но быстро поняв, что малейшая неосторожность может привлечь к нему внимание, он невероятным усилием воли справился с собой, и у него даже хватило присутствия духа, чтобы закричать вместе с остальными: «Отомстить! Отомстить!» Затем, чтобы не выделяться, он сел, как и все присутствующие, на пятки.

Браматма закончил свою речь.

— Этот англичанин, которого случай нечаянно свел с одним из членов высшего совета, входит в личную охрану вице-короля. В этом качестве он был послан в Биджапур по случаю приезда сэра Джона Лоуренса, чтобы убедиться в состоянии умов и по возможности подготовить манифестацию в честь своего хозяина. Он остановился в караван-сарае для иностранцев и ждет от нас вестей. Нам стоит только привести его сюда, соблюдая необходимые меры предосторожности, и мы узнаем имя того, кого нам следует покарать с примерной строгостью. Кем бы ни был виновный, каково бы ни было его семейное положение, он умрет, пройдя сквозь тройную пытку, и тело его без погребения будет брошено в джунгли на съедение шакалам.

Слова эти, произнесенные браматмой мрачно и торжественно, произвели на собравшихся глубокое впечатление. Чтобы понять истинный смысл этого не подлежащего обжалованию приговора, надо знать, что индусы считают его самым страшным наказанием, которое может постичь человека. По религиозным верованиям, перед всяким существом, лишенным погребения, навсегда закрываются двери на небо. Оно становится вампиром и обречено до скончания веков скитаться по местам захоронений и питаться мертвечиной. Отзвуки этих индо-азиатских традиций мы находим у наших предков, перенесших их на почву Германии и Галлии, когда в течение средних веков лишение погребения было дополнительной мерой наказания всем приговоренным к смерти, хотя древний смысл этого обычая был растворен в христианском искуплении.

Но еще и сегодня каждый индус настолько убежден, что эта мера лишит его после смерти человеческого подобия, что самый последний негодяй не колеблясь откажется от счастья и блаженства на земле, если ради них надо пожертвовать погребальными церемониями.

На сей раз Дислад-Хамед почувствовал, что погиб. Охваченный смертельной тревогой, он тщетно пытался найти способ избежать ожидавшей его участи. Мозг его был парализован ужасом, приходившие на ум уловки были нелепы и безрассудны. Он хотел было бежать, но как пройти сквозь окружавшую его толпу, не вызывая подозрений? Сторож находился у самого подножия возвышения, где заседали Семеро, причем один из них давно уже пристально смотрел на него из-под маски. Так ему по крайней мере казалось. Хамед был слишком на виду и не мог проскользнуть, не привлекая внимания, к единственной двери, которую он заметил в глубине огромного зала. Даже если бы попытка удалась, было бы чистым безумием надеяться, что при выходе у него не спросят пароль, известный только посвященным первой степени.

Все эти мысли быстро пронеслись у него в голове. Несмотря на мучительное волнение, он слегка отвернулся, чтобы не чувствовать на себе испытующий взгляд упорно глядящих на него глаз. Вдруг он услышал слабый, едва различимый шепот:

— Ни звука, ни жеста, чтобы не возбудить подозрений, иначе ты погиб.

Это предупреждение, которое должно было успокоить негодяя, произвело противоположный эффект. Поняв, что один из присутствующих, может быть член совета, испу-

гавший его своим взглядом, знает его тайну, сторож был охвачен таким ужасом, что, не думая больше об опасности, резко поднялся, собираясь бежать. Но чья-то рука быстро опустилась ему на плечо и заставила снова сесть. Он не стал сопротивляться, ибо с молниеносной быстротой вдруг понял всю ценность данного ему совета.

Туземец, заставивший его сесть, был одним из фанатиков, известных в Индии под именем факиров, которым вековые предрассудки дают право жить, не подчиняясь никаким религиозным и гражданским законам. Долгие годы, проведенные в голодовках, умерщвлении плоти, отправлении религиозных обрядов, делают из них святых, которых не может запятнать никакая человеческая слабость. Факиры могут совершить даже преступление, они не в ответе за него перед другими людьми, которые не имеют права высказывать ни малейших суждений относительно их поведения. Совершенно ясно, с какой целью брамы и раджи позволили укорениться подобным предрассудкам в сознании толпы. Факиры стали исполнителями их воли, капризов, мести, правители поручают им все, что не могут или не осмеливаются сделать сами из боязни потерять свой престиж. Поэтому на службе у них всегда состоит определенное число факиров, готовых во всем им повиноваться, подобно тому, как у наших средневековых сеньоров были свои наемники и кондотьеры. Но поскольку в Индии ко всему примешивается некая таинственность, факиры искусны в оккультных науках и демонстрируют самые невероятные чудеса, обладая при этом несомненной магнетической силой, развитой упражнением и уединенным образом жизни.

Кроме тех, кому поручено исполнять приговоры тайного суда Трех, у каждого члена совета Семи и браматмы был собственный, только им служивший факир. Того, кто помешал сторожу совершить опрометчивый шаг, звали Уттами. Он принадлежал одному из Семи и вовремя вмешался в дело по едва заметному знаку своего господина. С какой целью тот решил отсрочить приведение приговора в исполнение? Об этом мы узнаем из дальнейшего развития событий.

Если отвлечься от объяснений, которые нам пришлось дать, ибо факир Уттами и его господин сыграют важную роль в нашей истории, вся сцена длилась не более двух секунд и прошла незамеченной среди всеобщего волнения.

В тот самый момент, когда браматма, уступая желанию присутствующих, отправил за англичанином четырех человек, которые должны были принести его в паланкине, Дис-

лад-Хамед снова услышал таинственный голос, прошептавший ему на ухо:

— Будь спокоен, я спасу тебя!

Сторож вновь едва не вздрогнул, но на сей раз смог сдержаться. Он рассудил, что незнакомец спас его не для того, чтобы в присутствии англичанина подвергнуть куда более страшной и неминуемой опасности. Вооружившись мужеством, надеясь, что таинственный союзник будет рядом с ним в критический момент, Хамед продолжал слушать, ничем не выдавая обуревавших его чувств.

— Сегодня вечером, — произнес голос, — между одиннадцатью часами и полночью, у подножия башни Усопших ты узнаешь, чего я от тебя хочу.

Странно, но голос этот, казалось, исходил не из человеческого горла. Он был глух и далек, словно песни, которые ветер приносит ночью на пустынный песчаный берег. Он был похож на звуки, в сумерках поднимающиеся из долины, различить которые можно с трудом.

В высшей степени заинтригованный, сторож бросил кругом быстрый взгляд. Член совета Семи, чей взгляд так неприятно поразил его вначале, беседовал с браматмой на непонятном языке, из чего Хамед заключил, что не он обратился к нему со странными словами. Каково же было его удивление, когда, обернувшись в другую сторону, он увидел, что факир Уттами исчез.

В ожидании англичанина все присутствующие разделились на многочисленные группы, где каждый по-своему обсуждал случившееся. Внимательно приглядевшись, сторож удостоверился, что факира среди собравшихся не было. Сомневаться не приходилось, Уттами покинул зал. В волнении Дислад-Хамед не заметил, как факир поднялся по жесту все того же члена тайного совета и незаметно выскользнул из зала незадолго до ухода посланцев, отправившихся за английским полицейским, назначившим за свои сведения столь высокую цену.

Учитывая, что рядом с ним никого больше не было, сторож подумал, что обещание спасения исходило от факира, уже однажды помешавшего ему совершить неосторожность. Именно поэтому его объял ужас от того, что Уттами исчез. Хамед решил, что факир просто посмеялся над ним и, заронив в сердце надежду, жестоко бросил на произвол судьбы. Волнение его достигло предела, как вдруг вновь, словно эхо, до него донесся странный голос:

— Ничего не бойся, ты спасен. Итак, до вечера... Не вздумай не прийти на свидание, моя месть будет ужасна!

Голос еще не успел договорить, как четверо человек, посланных браматмой, вбежали в зал, один из них держал в руке окровавленный кинжал. Все четверо находились в неопишемом возбуждении. Тревога охватила весь зал, но никто не осмелился говорить в присутствии верховного вождя.

— Что с вами? Что случилось? Где англичанин? — быстро спросил браматма.

— В тот момент, когда мы подошли к караван-сарая, — ответил предводитель маленького отряда, — услышали громкий крик. Бросились вперед, ворвались в комнату чужеземца и увидели, как какой-то человек выпрыгнул из окна и исчез в соседних развалинах. Когда подошли к англичанину, кровь ручьем текла из раны, нанесенной в сердце, он был мертв. Вытащив кинжал, мы с изумлением узнали в нем кинжал правосудия Духов вод.

— Ты говоришь правду? — воскликнул браматма.

— Вот он.

Вождь внимательно изучил оружие. На одной стороне лезвия были выгравированы следующие слова: «Во имя славного, могущественного и справедливого», а на другой — кабалистический знак тайного суда.

Это действительно был кинжал правосудия Духов вод.

Браматма с редким присутствием духа немедленно понял, что здесь была какая-то тайна, раскрывать которую на собрании не следует, не рискуя при этом нанести серьезный ущерб достоинству совета Семи в лице одного из его членов. Поэтому, увидев кинжал, он немедленно воскликнул:

— Братья! Суд Трех вынес свой приговор. Нам остается только склониться перед этим доказательством невинности нашего брата, несправедливо обвиненного английским шпионом, единственной целью которого было внести разлад в наше общество. К счастью, возмездие настигло его до того, как мы сами, по его наущению, едва не совершили непоправимую несправедливость. Воздадим же благодарность предусмотрительности Трех и вознесем молитвы Шиве, одеяющему их своей бессмертной мудростью.

В зале установилось глубокое молчание. Уважение и страх, внушаемые знаменитым судом, члены которого были неизвестны даже браматме, были таковы, что даже малейшее неодобрение считалось бы посягательством на достоинство и беспристрастность его решений.

Как мы уже говорили, тайный суд выбирался на совете Семи, но происходило это таким образом, что не только

браматма, но и даже совет в своем полном составе не знал, из кого он состоит. Суд заседал постоянно, и каждый месяц самый старый из его членов заменялся новым, которого определял жребий. Поэтому на каждой ежемесячной сессии состав его бывал различен. Понятно, что при быстрой смене членов и абсолютной тайне, хранимой под страхом смерти как прежними, так и вновь избранными членами, было невозможно проникнуть в тайну этой организации.

Заявление браматмы, спасавшее положение, было принято собравшимися с благоговейным почтением. Что касается сторожа, то он был совершенно ошеломлен невероятными событиями, в которых ничего не понимал, но которые спасли ему жизнь. Он с нетерпением ждал окончания собрания, чтобы предаться душившей его радости. В первый момент, опьянев от восторга, он понял только одно: его враг был мертв и больше не мог разоблачить его. Равнодушно взирая на происходящее, он не заметил, как факир Уттами вновь спокойно занял свое место среди общего волнения, вызванного смертью английского полицейского, и обменялся взглядом с одним из членов совета Семи, сыгравшим в этом загадочном деле главную роль.

Несколько успокоившись, пока браматма заканчивал свою речь, Хамед вдруг увидел факира, который, подобно античному сфинксу, встал у подножия колонны и, погружившись в мечтательное созерцание, машинально перебирал четки из янтаря и сандала. Он едва не вскрикнул от удивления, вовремя совладав с собой, но изумление его еще больше возросло, когда факир поднял на него тусклый, блуждающий взгляд и медленно поднес палец к губам, словно призывая Хамеда к осторожности, после чего с надменным видом снова погружился в созерцание. И тут в темноте, окружавшей сторожа, словно вспыхнул луч света, и он, связав воедино все увиденное и услышанное, стал понимать, какая рука направила кинжал правосудия. Вместе с тем, хотя положение его несколько прояснилось, в голове у него царил полный сумбур. Совершив столько предательств, он никак не мог убедить себя в том, что один из членов Духов вод не остановился перед преступлением, лишь бы спасти его. Кого же поразило кинжал правосудия? Человека, у которого были доказательства его злодеяний! Даже сам браматма, вначале торжественно пообещав примерно наказать предателя, принял сторону его неизвестных союзников.

Все это было до такой степени загадочно и непонятно, что Дислад-Хамед почувствовал, как его вновь одолевает страх. Он спрашивал себя, что нужно от него людям, ко-

торые не остановились ни перед чем, чтобы спасти его от заслуженного наказания?

Мучимый тревогой, не умея логически объяснить самому себе, что же случилось с ним в эту памятную ночь, сторож потерял всякое представление о происходящем, но тут восторженные крики вернули его к действительности, это браматма призвал собравшихся к новому восстанию. Затем все стали расходиться, клянясь отдать состояние и жизнь в защиту священной индийской земли.

— Ступайте, — сказал браматма жемедарам, — ступайте и несите этот священный огонь в ваши провинции, и пусть в великий день каждый, кто может держать в руках оружие, откликнется на наш призыв.

— Вперед за родину и религию! Смерть англичанам! — раздалось в ответ.

Два человека, приведшие сторожа, уже были рядом, чтобы отвести его обратно.

— Да поможет тебе Шива, брат Хамед, — сказал ему верховный вождь. — На восходе солнца будь в пути к Малабарскому берегу. Расскажи Нане о нашем совещании, а также о готовящемся великом событии и, главное, посоветуй ему быть осторожным. Все пропало, если он попадет в руки англичан... Салам! Пусть добрые духи устранят с твоей дороги все препятствия, Хамед!

Это краткое напутствие и благожелательный тон, которым оно было сказано, повергли сторожа в такое изумление, что он едва смог пролепетать несколько слов о своей преданности. Он машинально последовал за провожатыми, совершенно теряясь в догадках: неужели браматма ничего не знал и внезапно взял слово лишь потому, что увидел кинжал правосудия и понял, что в это таинственное дело замешан тайный суд?

Уже не впервые эта страшная сила, перед которой склонялось все, действовала наперекор вождю. Он всегда подчинялся ей, подобно тому, как венецианский дож уступал совету Десяти. Но никогда еще конфликт между комитетом Трех и браматмой не становился всеобщим достоянием.

Нужны были серьезные и веские причины, чтобы члены суда решились на такой шаг. Тем более что браматма, вступив в стовор с английским полицейским, несомненно, действовал с согласия тайного суда. Было также очевидно, что по крайней мере одному из его членов было известно имя предателя, тогда как верховный вождь вынужден был дорого заплатить, чтобы узнать его.

Но самое удивительное было, конечно, то, что это лицо,

а может быть, и весь трибунал не только спасли предателя от ожидавшего его справедливого наказания, но и заставили браматму подтвердить данное ему поручение, уже зная о том, что Хамед — изменник.

Дислад-Хамед чувствовал, что эта цепь необъяснимых событий — отнюдь не случайность. Он слишком хорошо знал, с каким изощренным искусством могут мстить Духи вод, а потому, находясь в их власти, не чувствовал себя в безопасности.

Разрываясь весь вечер между страхом и надеждой, не веря в то, что его отпустят, — предательства тайное общество не прощало никогда, ибо оно угрожало жизни всех его членов, — негодаяй каждую минуту ждал, что перед ним вот-вот развернется пропасть. Однако он старался держать себя в руках и хотя почти уже распрощался с жизнью, в нем продолжал теплиться слабый огонек надежды, которая не покидает даже идущего на эшафот.

Ведя сторожа через огромный, как по волшебству опустевший зал, его провожатые приблизились больше, чем следовало, к одному из окон. Хотя они сразу оттащили его назад, он успел быстро взглянуть в окно и увидеть черный силуэт башни Усопших. Он настолько хорошо знал развалины Биджапура, что тут же сориентировался и прошептал в удивлении:

— Дворец Адил-шаха!

Значит, свет и тени, которые он заметил в последних этажах старинного здания, не имели ничего общего с привидениями, а объяснялись самым естественным образом. Духи вод просто-напросто отыскивали способ управлять гранитными подъемными мостами, находившимися на соседних этажах, и с незапамятных времен устраивали там торжественные собрания.

Чтобы не вызвать подозрений, они никогда не занимали те части дворца, доступ в которые после смерти последнего монарха династии Адил-шахов был открыт, а именно — первый и второй этажи. Англичане роскошно меблировали их, устроив там резиденцию на случай приезда в Биджапур губернаторов. Сделать это было легко, ибо, как мы уже объясняли, каждый этаж имел отдельный и независимый от других выход.

Сторожу некогда было поразмыслить как следует над сделанным им открытием, он был уже у выхода, и на него снова надели маску. Обратный путь сопровождался тем же церемониалом. Сторожа снова усадили в паланкин, через несколько минут все вышли из него, проводники опять

взяли его под руки и, сделав несколько поворотов и разворотов, на сей раз бесполезных, очутились у большой пагоды Биджапура, откуда ушли два часа тому назад. Как раз в тот момент сын Дислад-Хамеда ударил пять раз в гонг и объявил жителям, что они могут спать спокойно, ничто не потревожит их сон. Работа ночного сторожа закончилась, через полчаса вставало солнце.

На обратном пути сердце Дислад-Хамеда билось так сильно, что ему не хватало воздуха, он едва не терял сознание. Два часа он провел в тоске и тревоге, в состоянии мучительного ожидания и неуверенности, жизнь его висела на волоске, который мог оборваться в любую минуту. Он наконец поверил, что действительно спасен, лишь в ту минуту, когда с него сняли маску. До сих пор он разрывался между надеждой и страхом, что его проводникам поручено заколоть его, а тело бросить в один из многочисленных колодцев, некогда служивших обитателям Биджапура.

Отпуская сторожа, один из проводников быстро шепнул ему на ухо слова, которые Хамед уже слышал:

— До вечера! У подножия башни Усопших... Горе тебе, если ты забудешь прийти!

Будучи наконец-то на свободе, сторож медленно огляделся. Трудно представить себе, какой мрак царил вокруг за час до восхода солнца. Два белых силуэта бесшумно исчезли в густой тени апельсиновых деревьев. Перед Хамедом возвышалась черная масса древней пагоды Шивы. Его доставили прямо к дому.

Теперь только негодяй поверил в спасение! Но потрясение было так сильно, что он не мог перенести его, кровь прилила к вискам, к голове, он почувствовал, как глаза заволокло пеленой, ноги отказывались ему служить. Он тяжело рухнул у подножия баньяна, где частенько сиживал в полуденную жару, и потерял сознание.

Глава IV

Общество Духов вод. — Факиры и фанатики. — Тайный трибунал и браматма. — Ссора. — Смертельное оскорбление. — Факир Утсара. — Убийство. — Бегство и развалины. — Спрятались в колодце. — Спасены!

После ухода жемедаров, или посвященных первой степени, в большом зале на последнем этаже дворца Адил-шаха остались семь человек в масках и браматма.

Как мы уже заметили, никогда еще тайное общество не основывалось на таких странных и удивительных началах. Созданное семь-восемь веков тому назад во время мусульманского нашествия с целью противостоять ему и защитить индусов от захватчиков, общество быстро стало внушать могольским князьям, поделившим между собой страну, настоящий ужас и сдерживало их безграничный деспотизм.

Факиры-фанатики, которых общество воспитывало для выполнения своих решений, никогда не отказывались от данных им поручений. Вооруженные кинжалом правосудия, они убивали приговоренных набобов прямо на их тронах, в окружении стражи, с улыбкой выносили самые ужасные пытки, у них нельзя было вырвать ни слова признания.

Вначале раджи решили объединиться, чтобы покончить с этим могущественным обществом, но они столкнулись со столь совершенной организацией, что все их усилия обернулись самыми страшными репрессиями против них самих. Чтобы создать подобную организацию, потребовалась вся гениальная хитрость Востока, всегда готового к интригам и заговорам.

У общества был верховный вождь, браматма, которого знали все. Он действовал не таясь, и раджи не чувствовали себя в безопасности даже в собственных дворцах, но не решались арестовать его. Браматма находился под защитой знаменитого тайного трибунала Трех, приговоры которого внушали невыразимый ужас, ибо никакая сила в мире не могла помешать их исполнению.

Комитет Трех руководил всем обществом и управлял одной из пяти провинций. Ему подчинялся совет Четырех, в ведении которого находились другие провинции. Затем шли жемедары, или посвященные первой степени, субедары, или посвященные второй степени, и, наконец, сиркары, простые члены. Ими являлись все индусы — немусульмане, и каждый с шестнадцати лет спешил получить листок лотоса, означавший принадлежность к обществу.

Такова была удивительная организация, которую никто из правителей Индии, в том числе англичане, не сумел уничтожить. Последняя попытка относится к великому восстанию сипаев. Сэр Джон Лоуренс заплатил за нее своей жизнью, это исторический факт. Именно мрачные события, явившиеся причиной этого убийства, потрясшего Англию, и заставили англичан отказаться от ненавистной политики подавления, о которой мы рассказали.

Сначала, пытаясь покончить с обществом, охватившим

собой всю побежденную нацию и являвшимся настоящим национальным правительством наряду с властью завоевателей, мусульманские набобы направляли удары против вождя Духов. Многие браматмы заплатили головой за дерзкие предупреждения и угрозы. Но подобная политика не дала результатов, ибо за каждого казненного браматму комитет Трех немедленно приговаривал к смерти раджу, отдавшего приказ о казни, вместе со всей его семьей. Неизменно, в течение девяти дней после приговора кинжал правосудия совершал свое дело.

Тогда набобы попытались приняться за таинственный трибунал, но столкнулись с великолепной организацией, о которой мы говорили.

Добраться до комитета Трех было невозможно. Не только браматма, но даже великий совет Семи, состоящий из Трех и Четырех, не знал, кто были члены этого высшего совета. Состав его обновлялся каждый месяц с помощью жребия на одну треть. Тот, кто покидал совет Трех, клялся никогда и никому не рассказывать о том, что он входил в его состав, а новый член, выбранный среди Четырех, давал клятву не говорить о назначении. Выборы проходили обычно за месяц, чтобы покидавший совет мог заменить вновь избранного в его провинции. Добавим к этому, что Трое, как и Семеро, на всех торжественных собраниях появлялись только в масках и никогда не имели между собой никаких сношений. Теперь вам стало ясно, что благодаря этим мерам донос был исключен.

Каждый управляющий провинцией подчинялся только Трем и все приказы получал только от них. Власть браматмы, таким образом, была ограничена, он являлся посредником между тайным комитетом и членами трех степеней. Именно он передавал набобам и их чиновникам три предупреждения, предшествовавшие приговору.

После ряда безуспешных попыток набобы, видя, что им не удастся покончить с обществом, постепенно стали подчиняться предупреждениям браматмы, которые они получали со всеми предосторожностями прямо в руки с тех пор, как прекратили бесполезную борьбу. Обычно это было письмо с печатью общества — кинжалом правосудия, — которое либо приходило на дом, либо под видом прошения его вручал какой-нибудь нищий. Престиж набобов в глазах их подданных был сохранен, они могли подчиняться, действуя как бы по доброй воле, а не из страха.

Нет сомнения, что мягкость, с которой принцы-мусульмане всегда относились к подданным-индусам, объяснялась

именно этими причинами. Еще и сегодня Духи вод являются единственной силой, внушающей страх и способной обуздать мздоимство английских чиновников, злоупотребления властью со стороны губернаторов и вице-короля.

К тому времени, как сэр Джон Лоуренс собрался прибыть в Биджапур, чтобы продолжить в Декане чудовищную политику репрессий, его уже трижды предупреждали о грозящей ему опасности, если он не изменит поведение. Борьба между ним и комитетом Трех должна была закончиться смертным приговором вице-королю Индии.

Три члена тайного трибунала никогда не расставались. В каждой провинции у них была резиденция, куда допускались по паролю лишь посвященные первой степени. Трое бывали там только во время общего собрания, раз в год.

В обычное время они жили в роскошном дворце, где в течение веков собирались художественные богатства Индии, Китая, Японии, а также добровольные приношения местного населения. Сокровище, состоящее из слитков золота, серебра и драгоценных камней, достигало фантастической суммы, которую никто не знал наверняка. Месторасположение дворца было известно только Семи, по очереди входившим в тайный трибунал. Можно было предположить, что дворец не находился на территории, занятой некогда моголами, а затем англичанами, ибо, несмотря на самые тщательные поиски, ни одному из правительств не удалось его найти.

Причины, по которым браматма не должен был знать таинственного убежища Трех, вполне понятны. Если бы он предал, Трое, а вслед за ними и остальные члены совета Семи были бы арестованы. Тем самым обществу пришел бы конец, оно осталось бы без традиций, без руководства, без верховных вождей. С какой бы величайшей осторожностью ни избирался браматма, подкупить человека всегда возможно. На протяжении веков это, безусловно, случалось не раз, не говоря уж о личном соперничестве.

Каждодневная переписка между комитетом Трех и браматмой, жившим в Биджапуре, осуществлялась при посредничестве факиров, которые, как мы увидим, совершали чудеса храбрости и изворотливости. Уттами, Варуна и Рама, служившие только тайному трибуналу, пользовались на этот счет заслуженной славой.

Нам пришлось познакомить вас с организацией этого общества, ибо в нашем дальнейшем повествовании оно будет играть важную роль.

Как видим, все было предусмотрено с такой тщательностью, что добраться до тайного комитета Трех, олицет-

ворявшего всю силу общества, было невозможно. Несмотря на многочисленные неудачи предшественников, сэр Джон Лоуренс не побоялся вступить в борьбу, где на карту была поставлена его жизнь, о чем он, разумеется, знал. Захватить Нана-Сахиба и уничтожить общество Духов вод — таковы были высшие цели, которые он себе поставил. Его поездка в Биджапур указывала на то, что он решил взять в свои руки руководство операцией и верил в ее успех.

Подкупив простого члена общества и дождавшись его посвящения в жемедары, сэр Джон рассчитывал тем самым заранее узнать место ежегодного общего собрания и сразу захватить совет Семи и браматму. План был ловко задуман, но, скажем сразу, обречен на провал, ибо Духи предвидели подобную возможность и приняли соответствующие меры.

Накануне того дня, когда комитет Трех должен был покинуть тайное жилище и отправиться на собрание, он выбирал среди самых старых посвященных первой степени четырех управляющих провинциями, трех членов тайного трибунала и браматму. Бумаги об их назначении и необходимые распоряжения запечатывались печатью общества и передавались факирам, которые получали приказ в случае ареста действующего руководства доставить письма адресатам и тотчас же поступить в их распоряжение. Эта особенность, о которой не знал сэр Джон, свидетельствовала о незыблемости общества, о том, что бороться с ним было бессмысленно. По всей видимости, обществу даже не приходилось прибегать к этой крайней мере, ибо события, происшедшие во время общего собрания, показали, что тайный трибунал знал как о происках вице-короля и начальника полиции Джеймса Уотсона, так и о предательстве Дислад-Хамеда.

Однако не все было ясно в событиях, происшедших во время собрания посвященных. Мы можем вместе с ночным сторожем Биджапура убедиться в том, что таинственный комитет Трех не остановился даже перед убийством, чтобы спасти предателя, которого он сам, несомненно, повелел наказать до торжественного собрания, где нам довелось присутствовать. Значило ли это, что Трое узнали настоящее имя предателя лишь в самый последний момент и просто отложили свою месть, чтобы сделать ее еще ужасней? Или же, напротив, они руководствовались совсем другими, куда более серьезными мотивами? Скоро мы обо всем узнаем, потому что Семеро в масках, оставшись на заседании вместе с браматмой, разумеется, будут обсуждать этот важнейший вопрос, если

только он не является прерогативой одного лишь тайного трибунала.

Когда последний из присутствующих покинул большой зал дворца Адил-шаха, факиры, состоящие на службе у Семи и браматмы, по знаку последнего встали на страже снаружи и внутри у единственной входной двери, чтобы ничто не помешало их хозяевам, собравшимся на тайное совещание.

Движение и шум толпы сменились тишиной и благоговейным молчанием. Сидя вокруг стола, закутанные в волны белого муслина, при тусклом свете лампы, едва освещавшей огромный зал, Семеро действительно были похожи на привидения, которыми, по народным преданиям, был населен дворец.

Арджуна — так звали браматму — взволнованно расхаживал взад и вперед, а Семеро с пристальным вниманием наблюдали за ним. Чувствовалось, что между вождем Духов вод и членами высшего совета существует глухое соперничество, готовое в любую минуту вылиться наружу. Случай со сторожем ускорил созревание событий. Не зная, что именно заставило комитет Трех вдруг отказаться от первоначально принятого решения, браматма решил не соглашаться беспрекословно на отведенную ему роль. Со своей стороны, тайный трибунал не собирался терпеть посягательств на свой авторитет и отдавать отчет в своих действиях, которые никто не имел права контролировать. Было, однако, странно, что Трое не сочли нужным объяснить свое поведение, мотивы которого им не следовало скрывать от браматмы. Учитывая, что последний был настроен весьма агрессивно, покушаясь в последнее время на права высшего совета, можно было предположить, что Трое решили дать браматме суровый урок, дабы он не превышал своих полномочий. Уже само его присутствие в зале, хотя Семеро не приглашали его остаться, являлось неповиновением и нарушением порядка. Он ни в коем случае не имел права присутствовать на совещаниях Семи и должен был удалиться вместе с жемедарами. Нежелание браматмы покинуть зал ясно указывало на то, что он намерен выяснить отношения с советом Семи.

Арджуна ждал, что его спросят, почему он остался, тогда ему легче было бы начать разговор. Он знал, что говорить в присутствии Трех без особого на то разрешения запрещено. Но он ошибся — члены совета хранили полнейшее молчание, не реагируя на его вызывающее поведение.

Поколебавшись несколько мгновений, ибо риск был ве-

лик, браматма решил нарушить тишину и, подойдя к столу, по обычаю трижды склонился перед сидящими.

— Высокие и могущественные повелители, — сказал он, заметно волнуясь, — простите, что прерываю ваши мудрые размышления, но часы бегут, скоро наступит день, и мои обязанности заставят меня покинуть вас...

— У тебя, сын мой, — отвечал старший из Трех, — есть, должно быть, серьезная причина, раз ты осмелился попать самую священную твою обязанность — повиновение нашим законам. Мы слушали тебя, будучи убеждены, что нам придется простить это нарушение. Но почему голос твой дрожит, когда ты обращаешься к нам?

В совете Семи по праву председательствовал тот, кто раньше других был назначен в тайный трибунал. Поэтому его называли старшим из Трех, или Адитья. Второй получил имя Двины, а последний звался Пейя, или юный сын. Каждый член тайного трибунала за то время, что он входил в его состав, проходил через три ступени, выполняя соответствующие обязанности.

Пейя передавал приказы, постановления, распоряжения браматме и факирам. Двина управлял пятой провинцией, то есть Биджапуром, и руководил четырьмя другими управляющими.

Адитья председательствовал на тайном трибунале и совете Семи, когда они собирались.

— Итак, — настойчиво сказал старший из Трех, — мы хотим знать причины твоего волнения.

— Я буду говорить, Адитья, — ответил Арджуна, — и, пользуясь твоим разрешением, открою свое сердце Трем и Семи и скажу им, в чем причины моей грусти.

— Дай истине без страха излиться из твоей души, и если слова твои справедливы, ты будешь удовлетворен.

— Возведенный вами в высший сан браматмы, дабы диктовать вашу волю народам и государствам, я всегда старался исполнять ваши распоряжения во славу нашего общества и торжества правосудия, и прежде вы часто выражали мне свое удовлетворение. Чем же объяснить, высокие и могущественные повелители и высокочтимые отцы, что сегодня я потерял ваше доверие? Именно это заставило меня нарушить правила и не ждать вашего зова, чтобы поделиться с вами моей болью.

— Объяснись, Арджуна, никто из нас не понял смысла твоих слов.

— Разве не по вашему приказанию, о светочи истины, я осквернил себя переговорами с чужеземцем, который предложил нам назвать имя предателя?

— Ты говоришь правду!

— Когда я сообщил вам о результате переговоров и о цене, которую он потребовал за услуги, разве не вы решились принять его предложение и наказать виновного перед лицом всех жемедаров?

— Верно, Арджуна.

— О Адитья, зачем же вы потом скрыли от меня ваши истинные намерения? Почему, если донос был ложным, вы допустили, чтобы я обвинил одного из наших членов, и наказали клеветника без моего участия, словно опасаясь, что я захочу спасти его? Разве вы поступили бы так, если бы по неизвестным мне причинам я не потерял вашего доверия?

— Ты произнес горькие слова, о Арджуна, забыв, что решения Трех не подлежат твоей оценке. Зачем скрывать от тебя наши имена, наши лица, запрещать тебе присутствовать на наших совещаниях, если затем мы должны сообщать тебе обо всех наших поступках и объяснять причины наших решений? Нас Трое, а не четверо, нас Семеро, а не восемь, Арджуна, и помни, если ты хоть немного дорожишь своей жизнью, что есть тайны, которые убивают. Та, в сокрытии которой ты обвиняешь нас, — одна из них. Довольно и того, что ты ее заметил! Арджуна, браматма — не голова, это рука, которая подчиняется, не осознавая того, что она делает, подобно падающему дождю, гремящему грому, подобно ветру, волнующему моря... Постепенно в своей гордыне ты дошел до того, что вообразил себя настоящим вождем общества Духов вод, тогда как ты всего лишь его первый слуга. Скажу больше — раб! Благодарю Шиву за то, что, осмелившись задать вопросы старшему из Трех, ты все еще жив! Я сказал: «Убирайся! Прочь отсюда, собака!»

Затем он прибавил зловеще, думая, что Арджуна его не слышит:

— Еще одному браматме нужен отдых!

Браматму нельзя сместить, он отдыхает только в могиле. Несмотря на то, что сказал старший из Трех, дабы умерить непомерную гордыню Арджуны, браматмы знают слишком много секретов общества, чтобы им позволили вернуться к частной жизни.

Последние слова Адитьи обожгли браматму, словно ударом хлыста, он страшно побледнел. Однако он трижды склонился перед тем, кто нанес ему смертельное оскорбле-

ние, и вышел, бросив на него украдкой взгляд, полный такой ненависти, что было ясно: этот человек не остановится ни перед чем, чтобы отомстить. Когда за ним упала тяжелая портьера, он пробормотал еле слышно, ибо здесь даже стены имели уши и могли говорить:

— О! Я покажу тебе, что порой гром сам выбирает, над чьей головой ему прогреметь.

С пылающим лицом, охваченный неопишуемым гневом, браматма бросился прочь из дворца Адил-шаха. Он уже находился среди развалин, направляясь к дому, как вдруг заметил, что рядом с ним нет его факира Утсара. Он остановился и громко свистнул. Послышался шум веток, и из кустарника появился человек.

— Это ты, Утсара?

— Да, хозяин, — ответил факир.

С тех пор как Арджуна был возведен в достоинство браматмы — место незавидное для человека честолюбивого, в течение пяти лет Утсара находился у него в услужении. Браматма сам выбрал его среди новичков, которых воспитывало общество. Факир, к которому Арджуна всегда хорошо относился, питал к нему безграничную любовь и преданность, что и доказал неоднократно в различных обстоятельствах. Арджуна под влиянием только что полученного смертельного оскорбления, забыв о всякой осторожности, решил открыть верному слуге только что задуманный план мщения.

— Утсара, — спросил браматма, — могу я рассчитывать на твою преданность?

— До самой смерти, господин, — просто ответил факир.

— А если бы я захотел отомстить врагу, который давно уже унижает и оскорбляет меня?

— Вам стоит сказать только слово, и завтра же этого человека не будет.

— Кто бы он ни был? — рискнул Арджуна.

— Будь это даже старший из Трех, — ответил факир.

Он произнес эти слова так тихо, что они, подобно легкому вздоху, едва донеслись до ушей браматмы. Несмотря на эту предосторожность, Арджуна не смог удержать дрожь.

— Тише! — быстро сказал он. — Есть имена, которые никогда не должны срывать с твоих губ. Если б тебя услышали... Видишь легкую беловатую полосу на востоке у самого горизонта? Это занимается день. Так вот, мы не увидели бы восхода солнца...

— Знаю, господин. За каждым кустом вокруг этого дворца скрывается...

Утсара не закончил фразу — с кинжалом в руке он бросился в кусты.

Раздался пронзительный крик. Послышался шум падающего тела, и в то же мгновение браматма услышал, как Утсара говорит ему вполголоса:

— Быстрее, за мной! Негодяй успел крикнуть, через две минуты сюда сбегутся десять, двадцать факиров.

Браматма поспешно повиновался. Утсара, взвалив на спину тело жертвы, легко бежал впереди. Он без конца петлял, пытаясь запутать следы, и великолепно ориентировался среди развалин, где его спутник заблудился бы даже средь бела дня.

Вдруг Арджуна услышал шум тела, упавшего в воду. Это Утсара на ходу избавился от трупа, бросив его в один из многочисленных колодцев древнего Биджапура.

— А теперь, — сказал он, — прислушайтесь, они бегут за нами.

Крик факира, а именно его убил Утсара, поднял по тревоге всех его товарищей, которые пустились в погоню. Напасть на след беглецов было нетрудно, ибо, уповая на быстроту, они совсем не заботились о том, чтобы бежать бесшумно. Факир браматмы по доносящимся со всех сторон восклицаниям понял, что их окружают и они неминуемо попадут в руки преследователей. Он остановился.

— Круг сужается, — сказал он своему господину, — через три минуты нас нагонят, надо спрятаться.

— Легко сказать, но куда?

— О! — перебил его факир, ударив себя по лбу. — Почему я не подумал об этом сразу! Ну, последнее усилие, может быть, мы сумеем добраться туда раньше их.

Они молча побежали к могиле Адил-шаха, слыша крики преследующих, которые сообщали друг другу, в каком направлении скрылись беглецы. Они не пробежали и пятидесяти шагов, как Утсара остановился.

— Быстро! — сказал он своему господину. — Садитесь ко мне на плечи, крепко держитесь руками за мою шею, остальное предоставьте мне...

Было не до вопросов, преследователи приближались. Браматма повиновался. Одаренный геркулесовой силой, Утсара встал на край колодца, возвышавшегося над землей сантиметров на пятьдесят, и, цепляясь за неровности стен, исчез среди вьющихся растений и лиан, которые в таком изобилии росли в пазах кладки, что сомкнулись над головами, совершенно скрыв отверстие колодца. Факир остановился, упираясь в стену. Ему попался широкий каменный выступ, которые

на определенном расстоянии друг от друга делают строители колодцев, чтобы затем облегчить их починку. Браматма устроился на нем, держась за стебли растений.

В эту же минуту раздались поспешные шаги и голоса, преследователи переговаривались между собой, стараясь определить, где искать беглецов. Те были охвачены ужасом, они погибли бы, если б колодец попал во все суживающийся круг поисков. Факиры, несомненно, стали бы исследовать каждый уголок этого пространства, и очередь непременно дошла бы и до колодцев.

Они, конечно, не осмелились бы поднять руку на браматму, но ничто бы не мешало им донести обо всем комитету Трех, а учитывая вражду Арджуны со страшным трибуналом, ждать пощады ему не приходилось. Он мог готовиться к участи своего предшественника, который был заживо замурован в башне Усопших.

Многие из браматм умерли насильственной смертью. Занять этот пост мог только человек, обладающий определенными качествами, но рабство, в котором держал браматм комитет Трех, ревностно охранявший свою власть, представляло такой разительный контраст с роскошью их дворцов, многочисленными слугами и прочими атрибутами власти, которыми они были окружены, с уважением, которое им оказывали все — от шудры до раджи, — что они редко избегали искушения покуситься на власть страшного комитета. Тем самым браматмы подписывали себе смертный приговор. В один прекрасный день они тихо исчезали, заколотые собственным факиром, который всегда был верным орудием тайного совета. Утсара являл собой редкое исключение, и его давно бы перевели на другую службу, если бы подозревали о его безграничной преданности хозяину.

Тем не менее страх, сжимавший сердца беглецов, понемногу рассеялся. Преследователи пробежали мимо, и было слышно, как они собрались у гробницы Адил-шаха, огромного памятника, простиравшегося почти на тысячу квадратных метров, там было полно подвалов и подземелий, где можно было скрыться браматме и его спутнику.

— Они думают, что мы в мавзолее набоба, господин, — сказал Утсара. — Воспользуемся последними минутами темноты и уйдем отсюда, иначе будет поздно. Полагаю, что в любом случае нам не следует здесь оставаться.

— Ты думаешь, нас могут найти?

— Факиры, конечно, считают, что это простая тревога, поднятая шпионами английской полиции, ведь я успел спрятать труп. Но с рассветом следы крови и отсутствие одного

из них откроют им истину, они обыщут колодцы, в том числе и наш. Но я имел в виду другую опасность.

— Какую же?

— С тех пор как мы здесь, вы не чувствуете ничего особенного, господин?

— От окружающих нас трав в самом деле исходит весьма неприятный запах.

— И вы не знаете, чему его приписать?

— Сознаю свое невежество.

— Мы находимся над убежищем гремучих змей. Они обожают заброшенные колодцы, особенно их влажную илистую почву.

— Гремучие змеи! — вздрогнув, воскликнул Арджуна. — Малейший укус этих животных означает смерть... А что если они нападут на нас?

— Ночью мы ничем не рискуем, змеи не видят в темноте, но при первых лучах зари они набросятся на нас, кто знает, сколько их здесь. В старинных колодцах полно галерей, вырытых крысами, в них встречаются порой сотни и даже тысячи змей, которые легко взбираются по неровностям полуразрушенных стен.

В эту минуту как бы в подтверждение слов факира снизу раздался резкий свист, внушающий ужас.

— Поспешим! — воскликнул Утсара. — Гнусные твари проснулись от звука наших голосов. Ступайте первым, я поддержу вас. Одно неверное движение, и мы упадем прямо на них. Кое-кого мы, конечно, раздавим, но и на нашу долю достанется...

— Тише! — повелительно сказал Арджуна, выглянув из колодца. — Слышишь, шаги, факиры возвращаются.

— Пригнитесь, высокая трава закроет нас, — шепотом ответил Утсара.

— Напротив, следуй за мной, — приказал браматма, вылезая из колодца. — Нам больше некого бояться.

Факир было подумал, что хозяин, испугавшись змей, не понимает, что делает. Его удивление еще более возросло, когда, подчинившись приказу и последовав за браматмой, он увидел, как тот спокойно, улыбаясь, направился к усыпальнице Адил-шаха, купол которой золотили первые солнечные лучи.

Их преследователи возвращались, считая ненужным продолжать дальнейшие поиски. Несчастный Утсара, человек простой и ограниченный, уже готов был распрощаться с жизнью, ибо еще не разгадал ловкого хода своего господина.

Браматма бежал, ибо ему невозможно было объяснить

убийство, совершенное его слугой, или даже просто их присутствие на месте преступления, если бы у них хватило духа свалить его на постороннего. Но после того, как труп был спрятан, а их следы потеряны, бояться больше было нечего. Кто осмелился бы обвинить верховного вождя в убийстве факира? Арджуна рассуждал логически, а дальнейшие события поначалу как будто подтвердили его предположения.

Заметив своего вождя, досточтимого браматму, факиры как один простерлись перед ним ниц, трижды коснувшись лбом земли.

— Итак, друзья мои, — сказал им Арджуна, — что случилось? Я возвращался домой после заседания высшего совета, как вдруг раздался крик, и я увидел, как вы бросились в развалины. За кем вы гнались?

Факиры ответили, что слышали крик, когда стояли на посту вокруг дворца, но, ничего не найдя, несмотря на тщательные поиски, пришли к выводу, что это была шутка одного из их товарищей.

— Это наверняка проделки Уттами, — заметил Варуна, — только его нет с нами, и теперь он боится показаться нам на глаза.

При этих словах Арджуна невольно вздрогнул. Значит, Утсара убил Уттами, доверенное лицо старшего из Трех, без которого тот не мог обходиться. Председатель тайного трибунала все пустит в ход, лишь бы найти его убийцу и отомстить.

— Спешите домой, — приказал браматма, желая скорее прекратить этот разговор. — Вы знаете, что сегодня утром во дворец Адил-шаха прибывает вице-король Индии, вам нельзя попадаться англичанам на глаза.

Факиры снова склонились перед своим вождем и продолжили путь в сторону таинственного дворца. Дойдя до седьмой стороны семиугольника, они подали особый сигнал. Тут же одна из гранитных плит в стене повернулась вокруг своей оси, надо рвом опустился подъемный мост, и факиры оказались перед входом, ведущим в верхние этажи.

Браматма, довольный, удалился, за ним шел Утсара, еще не оправившийся от случившегося. Разумеется, верховный вождь общества Духов вод не был бы так спокоен, если бы знал, что факир Варуна, уходя, заметил несколько крошечных капелек крови, запятнавших непорочную белизну его кашемировых одежд.

Часть седьмая

СМЕРТЬ УОТСОНА КОЛОДЕЦ МОЛЧАНИЯ

Глава I

Встреча со сторожем. — Откровения предателя. — След. — Труба браминов. — Постановление вице-короля. — Переодевание. — Старый пандаром.

Направляясь к своему дворцу, ибо древняя столица Декана всегда была резиденцией браматмы, Арджуна продолжал вынашивать самые мрачные планы мести.

Он слишком хорошо знал вековые обычаи таинственного комитета Трех, чтобы после стычки, происшедшей сегодня ночью, не понять, что значило презрительно брошенное ему «Прочь отсюда, собака!». Это был смертный приговор, ибо между людьми, которых разделяло подобное оскорбление, впредь не могло быть близких отношений.

«Не пройдет и недели, — подумал он, — как Утсара получит приказ убить меня, разве что он вышел из доверия, и это дело поручат кому-нибудь другому. Во всяком случае, мне нужно позаботиться о своей защите».

Арджуна и факир уже почти миновали необитаемую часть развалин и подошли к старой пагоде, как вдруг в густой роще тамариндов, куда с трудом проникал дневной свет, Арджуна споткнулся о чье-то тело и едва не упал в высокую траву. Он наклонился, думая, что какой-то бездомный нищий спит под открытым небом, но тут же удивленно воскликнул:

— Дислад-Хамед, ночной сторож!

— Может быть, и с ним случилось какое-нибудь несчастье? — заметил Утсара, подойдя ближе.

— Он не ранен, — ответил Арджуна, внимательно оглядев сторожа. — Странно, биения сердца не слышно, а вместе с тем он дышит. Мы не можем оставить его одного без помощи.

Роскошное жилище браматмы было всего в нескольких шагах отсюда. Он сделал знак факиру, тот взвалил сторожа на плечи, и они направились к Дворцу святых, как называли резиденцию Арджуны.

Перенеся к себе в дом биджапурского сторожа, Арджуна поступил так не только из соображений гуманности, к этому его подтолкнуло инстинктивное любопытство. Тайное предчувствие говорило ему, что это происшествие каким-то образом касается его.

Вместо того чтобы войти через главный вход, который постоянно охраняла дюжина сиркаров, браматма обошел сад, открыл маленькую дверцу и провел Утсару вместе с его ношей в свои личные апартаменты.

Сторожа положили на кровать, и, пока факир смачивал ему виски уксусом, Арджуна дал ему великолепных сердечных капель, секрет приготовления которых сохраняют брамины. Этого оказалось достаточно, чтобы вывести сторожа из длительного обморока.

Открыв глаза и узнав браматму, он снова едва не потерял сознание от страха. Присутствие верховного вождя Духов вод укрепило Хамеда в убеждении, что его спасли только для того, чтобы поиздеваться над ним и заставить умереть в ужасных мучениях.

— Пощадите! Пощадите! — взмолился он, сложив руки. — Клянусь, что впредь буду служить вам как верный пес!

Арджуна подумал: «Какое же преступление совершил этот человек, если так молит о пощаде! Проявим хитрость, ибо он уверен, что мне все известно». Удивительная проницательность помогла браматме приблизиться к истине: «Он просит пощады не у меня, а у браматмы. Обещая служить верой и правдой, в моем лице он обращается к Духам вод. Когда он говорит «впредь», это значит, что «ранее» он не был верен. Я никогда не пользовался услугами этого простого субедара, стало быть, ему приходилось иметь дело с комитетом Трех».

При мысли, что ему, быть может, удастся выведать важный секрет страшного трибунала, лицо Арджуны осве-

тилось радостью. Но для этого надо было сделать вид, что он все знает, и вместе с тем заставить сторожа рассказать ему то, о чем он не имел понятия. Одно лишь смущало его: если комитет Трех знал о виновности этого человека, как мог он не только оставить его на свободе, но и приказать браматме доверить ему важное поручение, касающееся Нана-Сахиба?

Он решил провести допрос с крайней предосторожностью.

— Видишь ли, — сказал он Дислад-Хамеду, который с невыразимой тревогой ждал ответа, — я не хочу ничего другого, как пощадить тебя, но кто мне поручится, что ты снова не изменишь своему слову?

— Вы знаете, господин, что теперь это невозможно. Вы предупреждены, и при первом же моем проступке наказание будет еще страшнее.

— К тому же одного моего желания мало, — продолжал Арджуна, — все мои действия должен одобрить комитет Трех, а я получил строгий приказ и не могу нарушить его.

— Увы, что же будет со мной? — воскликнул несчастный, полагая, что находится у браматмы, потому что его арестовали после окончания собрания. — Зачем было манить меня надеждой, если ей не суждено сбыться?

Арджуна, ничего не отвечая, покачал головой. Он почувствовал, что стоит ему заговорить, как сторож поймет, что браматме ничего не известно.

— Сжался, о повелитель! Сжался! Я негодяй и знаю это, но когда я увидел, что мой обвинитель пал от кинжала правосудия, то подумал, что Трое решили простить меня... А свидание, назначенное на сегодняшней вечер у башни Усопших между одиннадцатью и полуночью? Выходит, это всего лишь игра...

Услышав эти слова, которые сразу все прояснили, Арджуна едва не вскрикнул от радости. Обладая тонким и проницательным умом, он сразу понял, какую пользу можно извлечь из сделанного им открытия.

Итак, предатель, имя которого собирался открыть ему англичанин, был Дислад-Хамед, и знаменитый трибунал, столь суровый, столь неукоснительно соблюдающий правила, что убирал браматм за малейшую ошибку, не остановился перед убийством, чтобы спасти изменника, погубившего более полутора тысяч сиркаров!

«А, милые мои, — подумал Арджуна, — на сей раз вы у меня в руках. Вы забыли, что в случае явной измены устав Духов вод дает браматме право созвать четырех членов совета Семи и выдать им весь тайный трибунал. Да

что это я? Какая наивность! Разве Трое и Четверо не составляют единое целое в совете Семи! Нет-нет! Затронуть Трех — значит бросить вызов всему совету. Не так мне следует мстить. Мне надо передать их на суд общего собрания жемедаров, и тогда мы увидим, имеет ли право совет Семи спасти от нашего правосудия поставщика английских виселиц и митральез!»

Арджуна увидел, что давно вынашиваемые им мечты близки к исполнению. Он добьется реформы устава общества, показав всем, какую опасность представляет тайная и бесконтрольная власть, уничтожит комитет Трех и совет Семи, заменив его советом из двенадцати сменяемых членов с браматмой во главе, которым будет управлять по своей воле. Тогда в руках у него окажется власть, а самое главное, возможность встать во главе будущего восстания, которое должно навсегда освободить Индию от ненавистного английского ига... Надо было действовать быстро и чрезвычайно осторожно, ибо при малейшем подозрении, учитывая его отношения с советом Семи, он разделит участь своего предшественника в башне Усопших. Но прежде чем предпринимать что-либо, он должен был выяснить дальнейшие намерения своих врагов.

Арджуна ловко выпросил у сторожа все, что тот знал. Хамед рассказал, как во время собрания незнакомый голос пообещал спасти его, приказав явиться в назначенный час к башне Усопших и пригрозив самой страшной карой, если он осмелится ослушаться и не придет.

Браматма сразу понял, что именно здесь и была загвоздка. Должно быть, старший из Трех нуждался в очень большой услуге со стороны сторожа, раз приказал Уттами убить англичанина, лишь бы спасти негодяя. Он догадался, зачем факир тайком покинул зал, от слуги до хозяина был один шаг, и браматма узнал во всем этом деле руку председателя комитета Трех и совета Семи, то есть самого заклятого своего врага.

Теперь надо было немедленно выяснить, о чем старший из Трех будет говорить со сторожем. Без этого браматма не мог прийти к окончательному решению, не мог выработать план действий. Он заставил сторожа дать страшную клятву, что тот расскажет ему обо всем, что произойдет во время свидания. Браматма потребовал от Хамеда не открывать ни одной живой душе того, что решено между ними, и пригрозил — ибо понял, что воздействовать на мерзавца, как и на всех трусов, можно только страхом, — что в случае неповиновения отдаст его живым на съедение красным муравьям — пытка долгая и мучительная.

Сторож, счастливый, что дешево отделался, рассыпался в уверениях преданности. Он увидел смерть так близко, что решил при первой же возможности скрыться в какой-нибудь отдаленной провинции, где его не могла настигнуть месть ни тех, ни других, ибо прекрасно понимал, что, служа англичанам и Духам вод, рано или поздно погибнет на виселице или от кинжала. Пока же он давал любые обещания и клятвы, которые от него требовали.

Когда сторож вышел от браматмы, тот приказал Утсаре:

— Ступай за этим человеком и следи за ним, я должен знать обо всех его поступках. Непременно будь сегодня вечером при его разговоре со старшим из Трех. Свидание назначено среди развалин, и ты найдешь способ спрятаться так, чтобы все слышать.

— Повинуюсь, господин, — просто ответил факир и поспешил вслед за ночным сторожем.

Удалившись в комнату, служившую ему кабинетом, Арджуна долго думал о борьбе, которую решил начать, поставив на карту жизнь. Браматма был человеком выдающимся, его способности равнялись его гордыне. Это чувство было скорее осознанием собственных достоинств, которые до последнего времени признавались всеми. Совет Семи и даже тайный трибунал не предпринимали ничего, не посоветовавшись с ним. Ситуация изменилась всего несколько месяцев назад, и странное, необъяснимое дело: несмотря на то, что комитет Трех ежемесячно обновлялся и всякий раз менялся и его председатель, каждый новый член, казалось, наследовал ту же ненависть к браматме и относился к нему все с тем же презрительным высокомерием.

Правило, по которому верховный вождь не должен присутствовать на заседаниях тайного совета, на самом деле никогда не применялось к Арджуне, можно даже сказать, что оно существовало лишь для того, чтобы совет мог собраться без браматмы, если того подозревали в измене. Эта исключительная мера никогда не применялась против Арджуны, как вдруг однажды старший из Трех после очередного обновления трибунала объявил ему, что совет Семи намерен строго придерживаться всех правил и что ему впредь запрещается не только присутствовать на заседании Трех и Семи, но и принимать какие бы то ни было меры, ибо высший совет решил взять на себя все решения и ответственность за них.

С тех пор Арджуна превратился в простого исполнителя решений обоих советов. Их члены подчеркнуто не имели с ним никаких отношений, передавая ему свою волю через факиров.

Он подумал сначала, что в совете Семи у него появился враг, который постепенно заразил своей ненавистью всех остальных. Но когда совет, избравшийся на три года, полностью обновился — по крайней мере браматма полагал, что закон строго соблюдается, — а отношение к нему осталось прежним, сделавшись еще более оскорбительным и враждебным, в душу его закрались смутные подозрения. Непонятная снисходительность совета по отношению к сторожу еще больше их усугубила.

В прошлом веке семь членов совета, назначаемые обычно на три года, сговорились между собой и оставались у власти почти пятнадцать лет. Тайные выборы совета, который сам заботился о собственном обновлении, облегчали подлог. Члены совета каждые три года составляли протоколы якобы имевших место выборов и оставались в должности под новыми именами. Неосторожность, допущенная на одном из общих собраний жемедаров, открыла обман, и все семеро были повешены.

Арджуна спрашивал себя, не происходит ли то же самое и сейчас, и чем тщательнее он анализировал факты последних пяти-шести месяцев, тем больше они совпадали с его предположением. Тогда становились понятными тайна, которой окружали себя члены совета, чрезмерно строгое следование уставу, удаление браматмы с их собраний. Было ясно, что узурпаторы почувствуют себя в безопасности лишь тогда, когда заменят браматму своим ставленником.

Арджуна хотя и не мог поверить в подобную дерзость, все же решил довести дело до конца, каковы бы ни были для него последствия начатой им борьбы. Чем больше он размышлял, тем больше укреплялся в своем решении. Он ежеминутно возвращался к наиболее занимавшей его загадке, к сторожу Дислад-Хамеду, не находя для нее убедительного объяснения. Зачем надо было спасать предателя, сотни раз заслужившего смерть, и убивать человека, доставившего доказательства его измены? Инстинктивно он почувствовал, что именно здесь ключ ко всей тайне.

В то время как, изнуряя свой мозг, Арджуна строил гипотезу за гипотезой, вдруг на эспланаде, окружавшей его дворец, послышался звук браминской трубы. У правительства Индии в провинции не было официальных газет, поэтому жителей таким вот образом уведомляли о распоряжениях и декретах вице-короля и губернаторов. Зная, что сэр Джон Лоуренс уже находится в Биджапуре, браматма подумал, что сообщение может касаться приезда вице-короля. Он вышел на веранду, чтобы узнать его содержание, и сразу понял его

важность. Вице-король отметил свое прибытие в Биджапур дерзко нанесенным ударом и объявлением обществу по всем правилам войны.

Вот распоряжение, которое было прочитано на площади:

«Всем жителям Бенгалии, Бехара, Бунделькханда, Мевара, Пенджаба и Декана, всем живущим по ту и по сю сторону Ганга — привет и благополучие. Мы, Уильям-Эдмунд-Джон Лоуренс, генерал-губернатор Индии, по воле нашей все милостивейшей государыни Виктории, королевы Англии и Индии, и данной ею властью постановили и постановляем следующее.

По решению нашего высшего консультативного совета ввиду постоянных смут, которые с незапамятных времен сеет в империи тайное общество под названием «Духи вод», названное общество ныне и впредь считать распущенным через три дня после обнародования настоящего.

По истечении этого срока всякий, принадлежащий еще к данному обществу, будет предан военному суду и судим по всей строгости законов.

Дабы никто не остался в неведении, настоящее будет повторено трижды в течение трех дней».

Далее следовали подписи вице-короля, начальников полиции и департамента внутренних дел, на которых возлагалось выполнение данного постановления. Чтец несколько раз громко протрубил в трубу и отправился дальше.

Индусы медленно расходились по домам, не выражая ни сочувствия, ни порицания, не обмениваясь замечаниями друг с другом. Два артиллерийских полка и полк шотландцев, всего 7500 человек, сопровождали вице-короля, присутствие этих военных сил давало понять жителям Биджапура, что в Декане должны начаться репрессии. Лишь нахмуренные брови мужчин указывали на то, с какой ненавистью индусы относятся к угнетателям. Ничем не выдавая себя, с истинно восточным терпением они ждали дня будущего восстания.

— О! — воскликнул Арджуна. — Дело крайне серьезно и требует быстрых действий. Долг повелевает мне забыть о нанесенных мне оскорблениях и попросить встречи с советом Семи, чтобы вместе обсудить, что делать в сложившейся ситуации.

Не теряя ни минуты, он отправил посланца во дворец Адил-шаха, объяснив ему, как попасть туда, не привлекая внимания. Посыльный вернулся через несколько минут, принеся пальмовый лист с ответом: «Пусть браматма ни о

чем не беспокоится, высший совет начеку и предупредит его, когда настанет время действовать».

Все осталось по-прежнему, браматму решили держать вдали от всех дел общества, даже в ситуации, когда его жизни грозила реальная опасность.

— Это настоящая измена, — прошептал браматма. — Хорошо, если надо, я буду действовать сам!

Вернувшись в комнаты, он открыл маленькую дверь, скрытую в стене за кроватью, и проник в каморку, где хранилось великое множество туземных костюмов, от самых бедных до роскошных одеяний раджи. Он быстро разделся, натер тело раствором ореха, чтобы придать коже темный цвет, надел парик из длинных волос, заплетенных косичками, и разрисовал себе лицо белыми и красными полосами. Надев вместо одежды трехцветный хлопчатобумажный пояс, он взял бамбуковую палку с семью узлами, длинные сандаловые четки и калембассу и превратился в пандарома, то есть паломника, продающего всякие вещицы, смоченные в священных водах Ганга. Он вышел через потайную дверь и побежал по улицам, крича:

— Вот он, вот он! Слуга Шивы! Сын Шивы!

Затем, перебирая четки, добавлял гнусаво: «Кому, кому сандаловые зерна, омытые священными водами Ганга?»

Вокруг него собралась толпа, одни покупали сандал, другие целовали следы ног набожного паломника. Молодые матери протягивали ему младенцев, чтобы он благословил их.

Паломник медленно направился в сторону Дворца семи этажей.

Глава II

Сэр Джон Лоуренс во дворце Адил-шаха. — Сэр Джеймс Уотсон и Эдуард Кемпбелл. — Рассказ начальника полиции. — Повешенный! — Оживший Кишнайма. — Приглашение.

Ночь снова опустила полог над древним городом, охваченным ненавистью и мстостью. Сэр Джон Лоуренс, проведя весь день в приемах, после обеда, сославшись на усталость, отослал прислугу, секретарей, адъютантов, помощников и, заявив, что нуждается в отдыхе, строго-настрого запретил себя беспокоить.

С ним оставались только Джеймс Уотсон, главный начальник полиции, и молодой офицер, говоривший на трех-

четырех местных диалектах, Эдуард Кемпбелл, сын полковника Кемпбелла, защитника Хардвар-Сикри, а в настоящее время командира 4-го шотландского полка. Молодой лейтенант служил генерал-губернатору переводчиком во всех переговорах, которые тот вел, не прибегая к помощи своей администрации и официальных переводчиков.

— Ну, Уотсон, — спросил благородный лорд, — какое впечатление произвел наш декрет на туземное население?

— Я думаю, Ваша Светлость, что эта энергичная мера должна была его утратить.

— У вас есть сомнения, Уотсон?

— Я выражаюсь так, Ваша Светлость, потому, что нам не дано знать истинных чувств индусов. Касты, предрассудки, религия разделяют нас до такой степени, что, хотя они и подчинены нашему государству, они для нас гораздо непонятнее, чем любой другой народ в мире. Хитрые, коварные, способные многие годы хранить тайну заговора, они умеют так хорошо скрывать свои чувства, что следует опасаться взрыва именно тогда, когда они кажутся спокойными. По вашему приказу я проехал весь Декан и ужаснулся царящей повсюду тишине.

— Вы слишком пессимистично настроены, Уотсон. Мы, напротив, убеждены, что нашего приезда в Биджапур и военного суда достаточно, чтобы внушить им спасительный страх. Наказав нескольких вельмож за их преступный нейтралитет во время восстания на севере, мы надолго успокоим нашу страну.

— Да услышит вас Бог, Ваша Светлость! Но вы знаете, что я всегда говорил с вами откровенно.

— Продолжайте, Уотсон, именно поэтому мы и прониклись к вам симпатией.

— На вашем месте я бы ограничился энергичными поисками Нана-Сахиба. Он мусульманин, а значит, принадлежит к расе, ненавидимой индусами. Именно этот факт и помешал Декану, то есть восьмидесяти миллионам человек, присоединиться к восставшим в Бенгалии. Нам следует признать, что своей победой мы обязаны только этой причине. Продолжая преследовать Нану — не может же он вечно ускользать от нас, тем более что у нас есть уверенность, что он не покидал Индию, — было бы хорошо противопоставить его индусам, последователям Браммы, и тем самым отнять у них повод к новому восстанию, результаты которого будут непредсказуемы.

— У них нет ни вождей, ни оружия.

— Вы ошибаетесь, Ваша Светлость. В нужный момент

у них появится все необходимое, и, поверьте, на сей раз север и юг, Брама и Пророк объединятся против нас. Пока я довольствовался бы эффектом, произведенным решением о роспуске Духов вод и установлением военного суда. Пусть эта угроза постоянно висит над головами индусов, но к непосредственным действиям переходить я бы не стал и сделал бы все, что в моих силах, чтобы захватить Нану. Как только он окажется в наших руках, вы объявите всеобщую амнистию. Затем, вместо того, чтобы вызывать раджей юга к себе и тем самым унижать их в глазах их подданных, вы сами отправитесь к ним с визитом. Они будут счастливы оттого, что вы проявили великодушие, и оставят всякую мысль о восстании. Они устроят в вашу честь пышные празднества, и во всем Декане, а значит, и в Индии установится спокойствие.

— Возможно, вы правы, но директор департамента внутренних дел другого мнения.

— Это вполне понятно.

— Что вы этим хотите сказать?

— Что Ваше Превосходительство будет вторым вице-королем, которого отзовут за то, что он следовал его советам.

— Вы думаете, Уотсон?

— Черт побери! В то время как он призывает нас к энергичным репрессиям, в тайных депешах, которые отправляет в Лондон членам парламента и кабинета, он, напротив, превозносит политику прощения и умиротворения.

— Откуда вы это знаете?

— Почта находится в моем подчинении, Ваша Светлость.

— Если б он вас слышал! — улыбаясь, заметил сэр Джон.

— Да. Но ваши уши — не его!

— С какой целью он так поступает? — спросил генерал-губернатор с деланным равнодушием.

— О, Ваша Светлость... В Индо-британской империи всего одна корона вице-короля.

— У вас злой язык, Уотсон, — сказал сэр Джон, закуривая. — Хотите сигару?

— С вашего позволения.

— А вы, мадемуазель Кемпбелл? — спросил вице-король со смехом.

Когда сэр Джон бывал в хорошем настроении, он обращался так к своему юному адъютанту, чье свежее розовое лицо без признаков бороды невольно давало повод для подобных шуток.

Эдуард покраснел от этого фамильярного обращения и пролепетал в ответ:

— Я не позволю себе курить в присутствии Вашей Светлости.

— Бросьте, Кемпбелл, — добродушно сказал вице-король, что было не в его привычках, и протянул Эдуарду коробку сигар.

Затем, обращаясь к начальнику полиции, заметил:

— Я подумаю о том, что вы мне сказали, Уотсон. Подумаю, будьте уверены... Но больше не стану посылать свои письма по почте, — добавил он с лукавой улыбкой.

— О, Ваша Светлость... — в смущении произнес Уотсон.

— Выполняйте ваш долг, Уотсон... Выполняйте ваш долг. Мы всегда с удовольствием читаем ваши доклады, которые вы посылаете нам по утрам.

— И содержание которых известно только вам и мне, Ваша Светлость.

— Кстати, Уотсон, не сегодня ли вечером я должен принять знаменитого Следопыта, который обещал найти убежище Нана-Сахиба?

— Да, он только что передал мне, что находится в распоряжении Вашего Превосходительства.

— Вы думаете, ему удастся то, что не сумел сделать этот бедняга Кишнайя?

— Напротив, Ваша Светлость, Кишнайя добился успеха. Вспомните его последние донесения. И если б он так глупо не дал себя повесить, пытаясь захватить отряд европейцев...

— Среди которых находился и я с отцом и матерью, — перебил юный офицер.

— Ба! Я и не знал об этом, — удивленно сказал вице-король.

— Кишнайя, разумеется, не подозревал, кто его пленники, — продолжал Уотсон, — а поскольку в награду за оказанные им услуги мы тайно разрешили ему отпраздновать великую пуджу тугов, он решил, что куда похвальнее будет предложить богине Кали кровь людей высокого происхождения, чем каких-то бродяг, пойманных в лесу.

— Расскажите мне эту историю, Уотсон, она меня безумно заинтересовала. Сейчас всего девять часов, у нас есть время выкурить по сигаре и поболтать. Часы, когда я принадлежу себе и могу побыть с верными друзьями, которых мне не нужно подозревать, так редки...

— Таков удел всех государей, Ваша Светлость.

— К счастью, я буду им только пять лет.

— Ваши полномочия могут быть продлены, Ваша Светлость!

— Я вовсе к этому не стремлюсь, Уотсон. Разумеется,

я достаточно самолюбив, и мне не хотелось бы, чтобы меня отозвали раньше срока, но, поверьте, мой друг, видеть вокруг себя только постные физиономии, которые ловят каждое ваше слово, каждое движение, чтобы во всем походить на вас, быть постоянно окруженным людьми, готовыми раболепствовать и пресмыкаться перед вами, прибегающими к самой грубой лести, тогда как за вашей спиной они лгут, плетут интриги, замышляют заговоры, — все это так грустно и дает такое жалкое представление о человечестве, что, как только истекут пять лет, я с радостью вернусь в свое поместье в Шотландии, подальше от этих отвратительных мерзостей. К тому же я всего лишь государь *pro tempore!** Что же творится тогда в наследственных монархиях!.. Давайте вашу историю, Уотсон. Как Кемпбеллы могли стать пленниками вождя тугов?

— Как начальник полиции, я многое знаю, поэтому в зависимости от вашего желания, мой рассказ будет либо краток, либо очень долог.

— Пусть сигара послужит вам хронометром, Уотсон. Курите ее спокойно, не торопясь. А потом мы займемся серьезными делами и примем нашего Следопыта.

— Слышали ли вы, Ваша Светлость, о Покорителе джунглей?

— Да, было что-то такое. Он, кажется, француз.

— Да, француз. Бывший офицер при посольстве Франции в Лондоне. У себя на родине он был лишен всех чинов за то, что якобы выкрал секретные планы английского адмиралтейства. Кстати, только что газеты принесли новость о его реабилитации. Обвинения, выдвинутые против него, оказались ложными, он представил военному суду подлинное признание одного из воров, оно полностью его обеляет.

— А! Так похитителей было несколько?

— Двое, Ваша Светлость. Один из них сознался во всем перед смертью. Из уважения к его семье, а также учитывая честное признание, военный суд сохранил его имя в тайне, тем более он уже предстал перед высшим судьей.

— А второй?

— Второй, насколько мне известно, принадлежит к высшей английской аристократии и заседает в Палате лордов. Его имя не было названо в письме, написанном его сообщником, и француз, которого зовут, кажется, граф Фредерик де Монмор де Монморен...

* временный — (лат.)

— Именно так, — перебил Эдуард.

— Вы его знаете? — удивленно спросил сэр Джон.

— Это мой дядя, — ответил юноша.

— Смотрите-ка! То, что вы рассказываете, кажется мне весьма интересным, хотя я не понимаю, какое это все имеет отношение к Кишнаёе, отъявленному прохвосту и предводителю тугов.

— Вы спросили меня, как Кемпбеллы могли попасть в руки Кишнаёи, поэтому я начал сначала.

— Вы правы, не буду больше вас перебивать. У вас в запасе еще целая сигара времени.

— Француз был настолько благороден, что не назвал второго виновного, имя его, вероятно, останется неизвестным. В качестве возмещения за понесенные им страдания граф де Монморен только что назначен своим правительством на пост губернатора французской Индии.

— Стало быть, он мой коллега. И это бывший Покоритель джунглей и... дядя Кемпбелла? Простите, я снова перебил вас, но мне это кажется таким странным...

— Возвращаюсь к Покорителю джунглей. После осуждения Фредерик де Монморен приехал в Индию, где в течение двадцати лет вел жизнь странствующего рыцаря и поборника справедливости, семья совершенно о нем забыла. За это время сестра его вышла замуж за Лайонеля Кемпбелла, отца присутствующего здесь Эдуарда.

Когда разразилось восстание сипаев, Фредерик де Монморен, которого за его подвиги прозвали Покорителем джунглей, всей душой встал на сторону Нана-Сахиба, и из-за его ловкости и мужества мы едва не потеряли Индию. Когда в Европе решили, что наше дело проиграно, юный Эдуард, которому было тогда шестнадцать лет, и его сестра Мэри прибыли в Индию с рекомендательным письмом лорда Ингрэхема к Покорителю джунглей, умоляя спасти их отца, находившегося в тот момент в Хардваре, осажденном войсками Наны. Встреча молодых людей, не подозревавших, что у них в Индии есть дядя, и Покорителя джунглей, не знавшего, что у него в Европе есть племянники, была весьма драматичной... «Дядюшка! Племянничек! Племянница! Зятек!»

— Не шутите, сэр! — с огорчением воскликнул Эдуард.

— Здесь не над чем рыдать, мой юный друг, к тому же вы знаете, что я люблю вас и вовсе не хочу причинять вам боль. Продолжаю. Итак, Покоритель джунглей спас Лайонеля Кемпбелла, бывшего тогда майором и комендантом Хардвара. Но в ходе войны, во время своего пребывания

на Цейлоне, где Покоритель джунглей, безусловно, хотел разжечь восстание, он был арестован губернатором острова, сэром Уильямом Брауном, благодаря дьявольской ловкости Кишнаи, который всегда служил губернатору. Покорителю джунглей, приговоренному к смерти вместе с товарищами, удалось бежать прямо с места казни. Следующей ночью Уильям Браун был тяжело ранен Фредериком де Монмореном, у которого хватило дерзости вернуться и проникнуть в особняк своего врага. С этого времени между всеми названными мною лицами начинается настоящая война с хитростями, засадами, ловушками, рассказывать о которой слишком долго. Губернатор Цейлона взялся за дело так рьяно и назначил такую высокую цену за поимку Покорителя джунглей, что я всегда думал — а мы, полицейские, люди по природе своей подозрительные, — что помимо восстания существовали и другие причины для ненависти между этими людьми. Очень может быть, что сэр Уильям был вторым сообщником в знаменитой краже документов и что Покоритель джунглей не назвал его имя.

— О, сударь! — вскричал Эдуард Кемпбелл. — Подобное обвинение бесчестно. Простите, милорд, — сказал он, склонившись перед вице-королем, — но дело идет о чести моей семьи. Губернатор Цейлона женат на одной из сестер моего отца.

— Успокойтесь, Эдуард! — ласково сказал ему сэр Джон. — Уотсон, вы зашли слишком далеко.

— С вашего позволения, милорд, — настойчиво продолжал молодой человек, — я требую, чтобы сэр Уотсон взял назад свое необоснованное обвинение.

— Ну же, Уотсон, не портите мне вечер...

— Чтобы доставить вам удовольствие, милорд, — холодно сказал начальник полиции, — допустим, что я ничего не сказал.

— Но ваше обвинение остается в силе, — заметил Эдуард.

— Буду краток, — продолжал Уотсон, делая вид, что не замечает настойчивости адъютанта. — Падение Дели и конец восстания, раздавленного Хейвлоком, не положили конец вражде двух этих людей, которым пришлось встретиться уже при иных обстоятельствах. Нана-Сахиб, спасенный Покорителем джунглей, укрылся в убежище, несомненно, давно приготовленном для него с помощью Духов вод. И с тех пор, как известно Вашей Светлости, ему удавалось ускользать от нас. Кишнаия, который пообещал выдать его, напал, я уверен, на место, где скрывается

принц, и если бы не глупое желание отомстить Покорителю джунглей и взять в плен Кемпбеллов, возвращавшихся из Европы, Нана-Сахиб был бы в наших руках. Кишнайня был захвачен отрядом шотландцев, поспешивших на выручку полковнику, и повешен вместе со своими последователями. Вот моя история, милорд, я еще не докурил сигару. Как видите, я не слишком затянул свой рассказ.

— Напротив, Уотсон, вы поспешили его закончить.

— Последние события были известны Вашей Светлости, ибо вы сами поручили Кишнаине разыскать, где скрывается Нана.

— Кишнайня — ловкий и хитрый малый. Вы уверены, Уотсон, что его повесили?

— Да, если верить официальному донесению.

— Я могу заверить вас, милорд, что он не избежал участи своих товарищей, хотя его и повесили последним. Я присутствовал при этом акте правосудия: мы возвращались из Англии после отпуска отца и сопровождали мою мать, она разыскивала брата, которого не видела с детства.

— Как же вождь тугов не обратился к офицеру, командовавшему отрядом? У него был приказ, подписанный мною, это спасло бы его.

— Действительно, я вспоминаю, что он долго говорил о чем-то с капитаном шотландцев. И все-таки его повесили.

— Для меня это дело крайне неприятно, господа. Не стану скрывать от вас, что, сообщив несколько раз о неминуемой поимке Нана-Сахиба правительству королевы, я рискую быть отозванным, если в течение этого месяца бывший вождь восставших не окажется в моих руках.

— Мы не можем достичь нашей цели, милорд, потому что нет ни одного индуса, который выдал бы нам секрет убежища Наны.

— Странно, Уотсон, очень странно. В Европе с несколькими фунтами стерлингов мы бы быстро добились своего.

— Это совсем другой народ, милорд. Вспомните, что два года до восстания все знали о заговоре, кроме нас, и среди двухсот миллионов индусов не нашлось ни одного предателя, чтобы предупредить нас. С тех пор, несмотря на все мои усилия, я нашел только двух людей, согласившихся служить мне: Кишнаиню, который пошел на это из религиозных соображений, лишь бы мы позволили тугам совершать их кровавые обряды, и Дислад-Хамеда, ночного сторожа из Биджапура, которого я убедил, что его дело угодно Бrame, поскольку восстание разожгли мусульмане.

— Не его ли вы должны мне представить, Уотсон?

— Да, Ваша Светлость.

Пока этот разговор происходил в одном углу огромной гостиной на втором этаже дворца Адил-шаха, часть стены, противоположной той, где находились трое беседующих, повернулась вокруг своей оси, пропустив человека, с ног до головы закутанного в белую кисею, причем именно так, как это делают члены комитета Трех. Стена бесшумно вернулась в прежнее положение, а неизвестный остановился и прислушался.

— Ну что ж, — сказал сэр Джон, — прикажите привести его, Уотсон, и дай Бог, чтобы он смог заменить бедного Кишнойю.

— Сейчас распоряжусь, — ответил начальник полиции, вставая.

— Погодите, сэр Уотсон, — возразил незнакомец и быстро вышел на освещенное место.

Трое присутствующих не смогли сдержать крик удивления и схватились за револьверы.

— Кто этот человек, откуда он взялся? — воскликнул вице-король.

— Откуда я взялся — это мой секрет. Ну, а кто я — смотрите! — И с этими словами он откинул кисею, закрывавшую его лицо.

— Кишнойя!

Это восклицание вырвалось одновременно у трех мужчин.

— Да! Кишнойя-повешенный, — проговорил вождь тугов, — Кишнойя-воскресший к вашим услугам, милорд.

— А-а, я так и знал, что он не даст себя повесить, — заметил вице-король, первым приходя в себя от удивления.

— Простите меня, Ваша Светлость, — продолжал, смеясь, дерзкий плут, — но меня в самом деле повесили... Повесили без долгих рассуждений. Надо просто уметь заставить повесить себя так, чтобы потом самому выбраться из петли, вот и все.

— Довольно шутить, объясни нам эту загадку.

— Охотно, Ваша Светлость. Когда нас захватили шотландцы, мне объявили, что меня как вождя повесят последним. Я попросил разрешения переговорить с командиром и показал ему ваш приказ, который давал мне право привлечь его вместе с отрядом на мою сторону. Я было хотел воспользоваться этим и спасти своих товарищей, но солдаты были настолько ожесточены, что я счел более благоразумным не подвергать их этому испытанию.

«Ты свободен», — сказал мне офицер, внимательно изу-

чив мою бумагу. И милосердно прибавил: «Не попадайся мне больше на глаза, не то, слово шотландца, я велю тебя вздернуть, несмотря на весь твой бумажный хлам».

Тогда я попросил его, раз уж он был так хорошо настроен, согласиться на то, чтобы меня повесили сразу же и тем самым избавили его от хлопот в будущем. Он вообразил, что я издеваюсь над ним, а я, боясь, как бы он не отнесся слишком серьезно к моим словам, рассказал о данном мне вами поручении. Я объяснил ему, что мне будет гораздо легче поймать Нана-Сахиба, если распространятся слухи о моей смерти. Нана-Сахиб и его стражи перестанут чего-либо опасаться, ведь из всех туземцев я один знал, где они скрываются.

— Ты хочешь сказать, — с презрением перебил его Уотсон, — что ты один из всех туземцев согласился их выдать?

— Если хотите, сэр, — нагло ответил Кишнайн. — Офицер весьма неохотно уступил моей просьбе. Но я добился желаемого результата и сам так приладил веревку, что она не представляла для меня никакой опасности. В сущности, меня повесили за левое плечо, а голова была так сильно наклонена набок, что эта уловка осталась незамеченной. Едва меня вздернули на дерево с пышной листвой, которое я сам выбрал, чтобы лучше скрыть обман, как офицер, по нашему уговору, сразу дал приказ об отправлении. Я тут же слетел с дерева, бросился к брату, которого повесили до меня, перерезал веревку и привел его в чувство, все это оказалось минутным делом. Мы попробовали спасти еще одного-двух, но тщетно. Вот вам моя история без прикрас. Для всех я был мертв, и это дало мне возможность, как вы увидите, нанести противнику мощный удар.

— Прежде чем ты продолжишь свой рассказ, — сказал сэр Джон, — не мог бы ты удовлетворить наше любопытство и объяснить, как ты вошел сюда, несмотря на мой приказ никого не впускать и многочисленных часовых?

— Не спрашивайте меня об этом, Ваша Светлость. Клянусь, я не могу вам ответить.

— Хорошо, я не настаиваю.

— То, что я должен сейчас доверить вам, — продолжал негодьяй, — до такой степени важно, что я хотел бы...

— Объясни, в чем дело.

— Я не хочу никого обижать, — продолжал туг с приторным выражением лица, бросив взгляд на Эдуарда Кемпбелла, — но есть тайны, которые...

— Ты желаешь, чтобы мой адъютант оставил нас? — спросил вице-король.

— Да, Ваша Светлость. Вы убедитесь сами, что я не могу говорить при нем.

При этих словах Эдуард встал, но сэр Джон попросил его снова сесть.

— Не бойся, — сказал он Кишнайнэ, — у меня нет от него секретов.

— Я понимаю, милорд, — дерзко ответил прохвост, — у вас нет от него секретов, пусть будет так. Но у меня есть тайны, которые я не могу открыть в его присутствии.

— Что это значит, господин Кишнайнэ?

— Ваша Светлость, — ответил предводитель тугов с твердостью, в которой не было ничего показного, — мои тайны принадлежат мне, и, если вы не можете выполнить мою просьбу, я не буду говорить ни при нем, ни при ком другом.

— Мерзавец! — воскликнул сэр Джон. — Как ты смеешь так вести себя? Не знаю, что меня удерживает от того, чтобы всыпать тебе двадцать ударов палкой по спине, это смягчило бы твой характер.

Глаза Кишнайнэ вспыхнули, он отскочил на три шага назад и, опершись рукой о стену, воскликнул дрожащим от волнения голосом:

— Ни слова больше, сэр Джон Лоуренс, я пришел, чтобы оказать вам великую услугу, а вы обращаетесь со мной как с презренным парией. Людей моей касты не наказывают палками, сэр Джон. Ни слова больше, иначе я исчезну, и больше вы меня никогда не увидите.

Вице-король сделал знак Эдуарду Кемпбеллу, тот повиновался и немедленно вышел из гостиной.

— В добрый час, — сказал тогда Кишнайнэ, подойдя ближе. — Я прошу вас не сердиться на меня, Ваша Светлость, но в данном случае я не виноват... спросите у сэра Уотсона.

— Хорошо, вопрос исчерпан, — сухо ответил сэр Джон, — мы слушаем тебя.

— Через пять минут дурное настроение Вашей Милости исчезнет, и вы поймете, что я был прав. Я хочу дать вам возможность одновременно захватить Нана-Сахиба и семь членов высшего совета Духов вод.

— Этого не может быть!

— Я совершенно серьезен, милорд, сейчас объясню, что мне удалось сделать для этого. Но прежде позвольте мне задать один вопрос, ибо он имеет отношение к только что случившемуся... Мог ли я, должен ли был говорить о подобных вещах в присутствии племянника Покорителя джун-

глей, друга и защитника Нана-Сахиба, поддерживающего самые тесные отношения с Духами вод? К тому же, милорд, если мы не будем действовать быстро и не сумеем покончить с набобом и обществом до приезда Сердара в Индию, нам неизбежно придется иметь с ним дело.

— Неужели ты считаешь, что мой адъютант способен предать нас?

— Нет, Ваша Светлость, но не надо заставляя его выбирать между долгом и чувствами. К тому же у меня с Покорителем джунглей старые счеты, и я не хочу, чтобы мой противник был предупрежден о моих намерениях.

— Кишнайя прав, милорд, — сказал сэр Уотсон, — дела подобного рода слишком важны и должны остаться между нами. Что касается возвращения графа де Монморена, я могу успокоить вас на этот счет.

— Он должен был сесть на последний пакетбот и дней через двадцать, самое позднее, быть здесь, — перебил его предводитель тугов.

— Твои сведения неверны, — ответил начальник полиции.

— Я прочел об этом в бомбейской «Индиан стар».

— Вот последний номер французского официального бюллетеня, где сообщается, что граф де Монморен получил по семейным делам отпуск на полгода, и поэтому комиссар Пондишери будет пока исполнять его обязанности.

— В таком случае, — сказал Кишнайя, — успех нам обеспечен. Лишившись поддержки Покорителя джунглей, Нана быстро попадет в наши руки. Мне осталось только рассказать вам о хитроумном и дерзком плане, который я задумал, чтобы добиться цели. Часть его уже выполнена.

Я давно открыл убежище Нана-Сахиба, оно находится в неприступном месте, среди диких лесов Малабарского берега. Пришлось бы пожертвовать жизнью тысяч людей, чтобы захватить его в открытом бою. И то уверенности в успехе нет. Горстка людей, оставшихся верными принцу, обеспечена и оружием, и боеприпасами. Ими командует соотечественник Покорителя джунглей по имени Барбассон. Он поклялся скорее взорвать самого себя, чем сдаться. Поэтому я подумал, что было бы лучше избежать кровопролития и доставить вам принца с его спутниками и членами совета Семи в Биджапур, во дворец Адил-шаха, где вы находитесь.

— Что значит эта шутка? — воскликнул сэр Джон Лоуренс.

Уотсон слушал с напряженным вниманием, стараясь ничем не выдать своих чувств.

— Одно слово — и я сумею убедить вас, милорд.

И Кишна́йя, гордо выпятив грудь, сказал с пафосом:

— Вы видите перед собой старшего из Трех, председателя тайного трибунала, который руководит обществом Духов вод.

Невозможно описать изумление обоих англичан при этих словах. Они знали, что туземец не способен на подобную мистификацию, но новость была настолько невероятной, настолько ошеломляющей, что они спрашивали себя, не сошел ли туг внезапно с ума. Кишна́йя разгадал их сомнения и поспешил дать объяснение, настолько полное и убедительное, что они вынуждены были ему поверить.

— После того, что произошло, — продолжал он, — мне, одному с братом, и помышлять не приходилось о том, чтобы выполнить данное вами поручение. Мы решили отправиться в Биджапур, набрать здесь достаточное число наших соплеменников и вновь взяться за дело. Однажды ночью, проходя мимо одного из уединенных караван-сараяв, построенных в лесу, чтобы служить приютом для путников, мы заметили свет в окне. Бесшумно проползти в высокой траве, чтобы осмотреть местность, — дело для нас привычное. Каково же было наше удивление, когда мы увидели трех людей в масках, спокойно беседовавших между собой. Из их слов мы поняли, что перед нами члены тайного трибунала, на которых пал жребий после окончания трехлетнего срока полномочий семи членов высшего совета Духов вод. Они, как это принято, направлялись в Биджапур для совещания с браматмой, прежде чем поселиться в роскошной резиденции тайного трибунала. Там их поджидали те, кого они только что сменили. Они были одни, охрана пока находилась с их предшественниками. Дьявольская мысль мелькнула у меня в голове. Новые члены трибунала были никому не известны, к тому же необходимость постоянно носить маску способствовала моему плану. Почему бы нам не занять их место? У нас при себе была веревка, с которой туг не расстается никогда. Мы легко могли задушить их ночью, взять одежду, маски, по приезде в Биджапур заменить третьего члена одним из наших родственников, затем отправиться к браматме — и вот мы полные властители Духов вод... Я поделился планом с братом, который принял его с энтузиазмом, и через два часа, — холодно добавил душитель, — благодаря покровительству Кали мы уже были на пути в Биджапур с вещами тех, кто волею случая попал нам в руки.

Сэр Джон Лоуренс и Джеймс Уотсон не могли сдержать дрожь при этих зловещих словах.

— К счастью, у наших жертв, — продолжал туг, нимало не заботясь о вызываемом им чувстве отвращения, — мы нашли золотые листья лотоса, знак их достоинства, на которых были выгравированы пароль и шифр. Дополнив триаду одним из наших людей, мы предстали перед браматмой Арджуной. В тот же день он велел факиру отвести нас к тем, кого мы должны были заменить. Они ввели нас в совет вместе с четырьмя вновь избранными членами. Таким образом, никто и не подозревал о подлоге.

— Это страшно по своей дерзости и ловкости! — проворчал вице-король.

— Я еще не закончил, милорд, — с гордостью ответил туг. — Мы сделались верховными правителями общества, но в связи с ежемесячной заменой должны были один за другим перейти в число менее активных членов совета Семи. Надо было сделать так, чтобы факиры не успели узнать своих новых хозяев, поэтому в ту же ночь четыре члена совета Семи были заменены нашими родственниками. Препятствий на нашем пути больше не существовало. Я оказался во главе комитета Трех и совета Семи, которые были мне безгранично преданы. Теперь вы понимаете, милорд, что, если мы сговоримся, мне легко выдать вам знаменитый высший совет. Вы сделаете вид, что застигли нас врасплох, проявите величие души, даровав нам прощение при условии роспуска общества, повесив, однако, браматму, если он еще жив. Вы прославитесь тем, что уничтожили знаменитое общество Духов вод, с которым в течение семи столетий не могли справиться никакие власти. Без совета Семи и браматмы общество никогда не возродится.

— С позволения Вашей Милости, с каким удовольствием я повесил бы подобного негодяя, — полушутя-полусерьезно заметил Уотсон.

— Полноте, сэр Уотсон, — с вызовом бросил дерзкий мошенник, — к чему эта нелепая щепетильность! Сосчитайте-ка, сколько человек вы расстреляли или повесили... Разве цивилизованные народы убивают пленных, жгут деревни, режут женщин, детей и стариков, как это сделали вы после того, как восставшие сложили оружие? Два миллиона человек, по вашим собственным подсчетам, были уничтожены во время подавления восстания — по вашему приказу, сэр Джон Лоуренс, под вашим командованием, сэр Джеймс Уотсон. Чего вы добились? До сих пор вы продолжаете преследовать Нана-Сахиба и Духов вод, которые не сегодня-завтра подадут

сигнал к новому восстанию. На сей раз, могу вас заверить, вся Индия откликнется на призыв своих вождей — от мыса Кумари до Гималаев. Когда же я, чтобы предотвратить неизбежную катастрофу, жертвую жизнью семи человек, стоящих на моем пути, вы обращаетесь со мной как с обычным убийцей. Право слово, сэр Уотсон, вы смешите меня с вашим британским целомудрием...

Знайте, что восстание полностью подготовлено нашими предшественниками. Находясь под наблюдением браматмы, мы вынуждены были продолжать начатое дело, чтобы не возбудить подозрений в предательстве. Сегодня ночью в Биджапуре состоялось совещание пятисот жемедаров, которые во всех провинциях должны призвать к священной войне. Окончательно назначен и день восстания. Через двадцать дней, сэр Джон, двести пятьдесят миллионов индусов поднимутся, чтобы завоевать независимость, во главе их встанут Нана-Сахиб, четыре раджи юга и браматма Арджуна. Молите Бога, чтобы к ним не присоединился Покоритель джунглей. Вы больше не смеетесь, сэр Джеймс?

— Мы пошлем против них Хейвлока, — сказал начальник полиции. — Хоть вы и замечательные заговорщики, но мы тоже знаем, что Индия готовится вновь вступить в борьбу.

— Хейвлок! — воскликнул туг. — Что ваш лучший генерал сможет сделать против тысяч фанатиков, которые считают, что, защищая религию предков, попадут на небо?

— Он прав, Уотсон, — задумчиво заметил вице-король, — если бы в течение шести месяцев я не проявлял слабость, слушая ваши советы и призывы к великодушию, то военные трибуналы, казнь каждого десятого, террор навсегда бы отбили у населения Декана охоту к восстанию. Теперь время упущено, и нам остается только последовать советам Кишнаи. Лишь поимка Нана-Сахиба и окончательное уничтожение Духов вод могут спасти Индо-британскую империю.

— В добрый час, милорд. Вы верно оценили ситуацию: сруби голову — и тело бездыханно.

— Но как ты сможешь доставить нам Нану?

— Дислад-Хамед, ваш шпион...

— Как! Ты знаешь?

— Духи вод знают все. Вашему шпиону, которого прошлой ночью я спас от заслуженного наказания, поручено передать Нане о результатах совещания жемедаров и привести принца сюда, чтобы мы могли вместе обсудить дальнейший план действий. Сегодня ночью, получив от меня распоряжения, он отправится на Малабарский берег, и через

десять дней Нана тайно прибует в Биджапур... Вы видите, план так ловко задуман, что не может не удался.

— Во сколько же ты оцениваешь свою помощь? — спросил сэр Джон.

— За поимку Нана-Сахиба — трость с золотым набалдашником, которую получают только раджи, а за семь членов совета — титул мирасдара и 10 тысяч крестьян — не только мне, но и всем моим потомкам мужского пола. Само собой, что Семеро, в число которых я вхожу, тут же получают прощение в награду за уничтожение общества, и амнистия эта должна распространиться на всю Индию, включая Нану и четырех раджей юга.

— Мы согласны, — ответил сэр Джон Лоуренс после небольшого размышления, — но при условии, что амнистия только дарует Нане жизнь, а я оставляю за собой право, не нарушая данного мною слова, отправить его на каторгу в Ботани-Бей, в Австралию.

— Я прошу только сохранить Нане жизнь, потом вы можете делать с ним, что хотите. Кроме того, я прошу, чтобы все дело хранилось в строжайшей тайне. В нужный момент я сообщу вам место, где мы соберемся на совет вместе с Нана-Сахибом, и вы арестуете нас всех вместе. Теперь, когда я стану принцем, я не хочу, чтобы имя мое до скончания веков повторялось во всей Индии как имя предателя.

Вся земля в Индии принадлежит монарху, который за некоторую годовую плату сдает ее в аренду крестьянам. Когда бывшие раджи хотели вознаградить своих фаворитов, они давали им титул мирасдара и при этом определенное количество крестьян — десять, двадцать, сто, тысячу. Мирасдар платил в казну за землю, обрабатываемую крестьянами, а весь излишек прибыли принадлежал ему. Крестьяне не были крепостными, в случае, если они считали требования мирасдара чрезмерными, они могли покинуть его и поселиться в другом месте. Но для этих несчастных было так мучительно расставаться с землей, с незапамятных времен обрабатываемой предками, с домом, где родились они сами и их дети, что в большинстве случаев они мирились с требованиями мирасдаров. У них забирали обычно одну десятую часть урожая, отсюда и пошла десятина в Германии и Галлии. Странно, но английский крестьянин по-прежнему живет так — он не владеет землей, которую обрабатывает, а требования лордов, этих британских мирасдаров, подчас таковы, что бедняга вынужден покидать землю, на которой его предки жили в течение семи-восьми веков.

Именно высокого положения мирасдара и потребовал

Кишнаия в качестве платы за предательство. Сэр Джон дал слово вице-короля, что в точности выполнит все условия туга, и тот поклялся страшной клятвой сдержать свое обещание.

— А браматма? — спросил сэр Джон. — Почему ты не потребовал амнистии для него?

— Браматма! — ответил душитель с жестокой и зловещей улыбкой. — С ним я разделаюсь сам.

В этот миг в глубине огромной гостиной один из тяжелых непальских ковров, закрывавших амбразуры окон, слегка приподнялся, и показалась голова, разрисованная кабалистическими знаками. Это был паломник, только что продававший толпе сандаловые зерна. Он бросил на присутствующих быстрый, горящий мстью взгляд. Затем странное явление исчезло так же быстро, как и появилось, не замеченное никем из собравшихся.

Сэр Джон Лоуренс не подозревал, что, заключив эту позорную сделку с душителем, подписал свой смертный приговор.

Глава III

Ночной сторож и вице-король. — Лев и лиса. — Мрачные предчувствия. — Старый паломник. — Предсказания судьбы. — Доброе предзнаменование. — Ночная песнь совы. — Посланник смерти. — До смерти три часа!

Когда Кишнаия собирался уходить, вице-король бросил Уотсону:

— Мне кажется, что свидание со сторожем бессмысленно. Мы больше не нуждаемся в его услугах.

— Я прошу Вашу Светлость ничего не менять в нашем плане, — сказал туг, — мне важно знать, насколько я могу доверять этому человеку: расскажет ли он мне о свидании с вами, а вам — о данном ему поручении.

— Хорошо! Спрячься за портьерами, тебе сразу все станет ясно.

Сэр Уотсон приказал ввести Дислад-Хамеда.

За последние сутки сторож приобрел кое-какой опыт. Страх убил в нем честолюбие, теперь он думал только о том, как спасти свою жизнь, и старался прежде всего не впутаться в новые неприятности.

Узнав, что вице-король хочет направить его на розыски Нана-Сахиба, он прикинулся униженным и робким, удивился, что его избрали для дела, намного превосходящего

его способности. Короче говоря, он согласился выполнить поручение только после категорического приказа вице-короля, при этом ни словом не обмолвился о том, что на совещании жемедаров его решили отправить к Нана-Сахибу. Тем не менее он пообещал приложить все усилия, чтобы найти убежище Наны, не слишком рассчитывая на успех.

Вице-король, принимавший его проформы ради, отослал сторожа, удовлетворившись этим ответом. Уотсон же не узнавал человека, который в течение многих лет выполнял самые рискованные его поручения.

— Вот, — сказал он сэру Джону, — вы видите, в каком страхе их держат Духи вод!

Потом, повернувшись к портьеру, за которой прятался Кишнайя, спросил тоном, в котором сквозило разочарование:

— Ну что, ты доволен результатом?

Ответа не последовало.

Начальник полиции бросился к окну и поднял портьеры. Кишнайя исчез!

— Поразительно! — воскликнул в изумлении вице-король. — Можно подумать, что это средневековый замок с потайными дверями, подземными тюрьмами, тайными ходами, устроенными в толще стен.

— Все древние дворцы Индии таковы, Ваша Светлость. В этой стране постоянных заговоров раджи строили себе такие жилища, где можно было спрятаться, войти и выйти незаметно. Они постоянно враждовали с претендентами на престол, которые не останавливались ни перед кинжалом, ни перед ядом. Некоторые, как Дара-Адил-шах, ели только пищу, приготовленную их любимой женой, заставляя ее сначала отведать собственные блюда, и никогда не спали в одной и той же комнате две ночи подряд. Именно поэтому Адил-шах, предок Дары, и выстроил этот дворец, неудачно названный Дворцом семи этажей, ибо это скорее семь дворцов, возвышающихся друг на друге и совершенно независимых... Говорят, что самые близкие друзья шаха не знали, в каком из дворцов он находится, и что он переходил из одного дворца в другой, пользуясь тайными ходами, которые до сих пор не нашли. Заметьте, что за исключением этажа, где мы поселились, ни на одном другом нет наружного входа, и чтобы проникнуть туда, пришлось бы разрушить стены в десять метров толщиной. Можно себе представить, сколько внутри потайных коридоров и убежищ. Нет ничего удивительного, что такой хитрый, терпеливый и ловкий человек, как Кишнайя, нашел один из ходов, ведущих в апартаменты Вашей Светлости.

— Знаете, Уотсон, мы не можем считать себя здесь в безопасности, особенно при нынешнем состоянии умов. Достаточно кинжала фанатика...

— Кто осмелится посягнуть на ваши дни, милорд? Одно нас может успокоить: хотя история Индии — почти постоянная борьба за власть, она не знает цареубийств. Все монархи, павшие насильственной смертью, погибли от руки членов их семьи, ни один не был убит своими подданными.

— Я осмелюсь признаться в этом только вам, Уотсон, но с некоторых пор меня одолевают самые мрачные предчувствия. Я не могу отделаться от мысли, что Индия станет для меня роковой и что я заплачу жизнью за усилия сохранить для моей родины эту дивную страну.

В эту минуту взрыв хохота прервал печально настроенного вице-короля. Смех доносился со двора.

— Люди веселятся, — сказал сэр Джон с бледной улыбкой, — они счастливы.

Слуга объяснил, что это паломник гадает солдатам шотландской гвардии.

— А что если позвать его? — предложил Уотсон, у которого мелькнула мысль, не развлечет ли это вице-короля. Сэр Джон улыбнулся в знак согласия.

Через несколько минут паломника ввели в гостиную. Он сделал «поклон шести точек» перед сэром Джоном. Поднявшись, он ограничился тем, что почтительно склонил голову перед Уотсоном, давая тем самым понять, что осознает разницу в их положении.

— Чем именно ты занимаешься? — спросил его начальник полиции.

Дело в том, что паломники, как и факиры, различаются по роду занятий: одни — простые акробаты, жонглирующие кинжалами или раскаленными железными шарами; другие являются гипнотизерами и часто обладают редкими магнетическими способностями; третьи вызывают духов мертвых. Есть еще заклинатели змей и хищников, предсказатели будущего, каждый занимается только своим делом, таким образом со временем среди паломников образовались настоящие касты.

— Я предсказываю будущее, господин, — ответил паломник.

После ухода Кишнаи Эдуард Кемпбелл вернулся в гостиную, и вице-король обратился к нему:

— Ну, Кемпбелл, это как раз для вас. В вашем возрасте еще столько предстоит прожить, что одно удовольствие заранее узнать, что с вами будет.

— Я не любопытен, милорд, но чтобы доставить вам удовольствие, охотно покажу руку этому славному колдуну.

И Эдуард с улыбкой подошел к паломнику.

Как только юноша вошел, старый заклинатель не сводил с него глаз, глядя на Эдуарда с невыразимым волнением.

Он взял его руку, долго изучал ее линии, потом, медленно переводя на юношу свой хищный взгляд, сказал гортанно, отчеканивая каждое слово:

— Бог, сопутствующий рождению, осыпал тебя своими милостями, ни одна из линий не пересекается с линией судьбы, ни одно облачко не омрачает твоих дней, и ты достигнешь крайнего предела существования, отпущенного человеку богами, в окружении детей твоих детей.

— Принимаю такое предсказание, — смеясь, сказал Эдуард.

— Счастливое предсказание, — заметил, улыбаясь, сэр Джон.

С этими словами он бросил паломнику соверен, который покатился к его ногам. Глаза заклинателя вспыхнули мрачным огнем, ненависть исказила лицо. Судорожно сжатые руки потянулись к поясу, словно в поисках отсутствующего кинжала. Но прежде, чем его реакцию заметили, он снова принял смиренно-почтительный вид и, склонившись перед вице-королем, чтобы лучше скрыть свои чувства, подобрал золотую монету и положил ее в калебассу.

— Подобное предсказание, — засмеялся Уотсон, — не роняет авторитета гадальщика и подходит каждому. Всегда приятно услышать, что проживешь долго и будешь иметь много детей.

— Вы ужасный скептик, Уотсон, — возразил сэр Джон. — Ну-ка, посмотрим, что ожидает вас.

— Если Ваша Светлость желает...

— Вы сами позвали его сюда, Уотсон, и не можете лишиться его еще одного соверена.

— Хорошо, милорд, но, уверяю вас, мне безразлично, что он скажет.

Разговор шел по-английски, и собеседники были уверены, что туземец их не понимает. Он действительно невозмутимо ждал, ни один мускул на его лице не дрогнул. Подчиняясь желанию вице-короля, начальник полиции с насмешливым видом протянул паломнику руку. Туземец метнул на него исподлобья свирепый взгляд и, быстро изучив линию жизни, сказал:

— Чаша дней полна. Джуна, верховный судья, уже послал черных посланцев смерти. Прежде чем луна закончит

свой путь, сахиб отправится в страну усопших. Для него больше нет места на земле, и глаза его не откроются при свете следующего дня. Мрачный Рогима считает часы, которые ему осталось прожить.

В этот миг, словно в подтверждение слов паломника, раздалось жалобное уханье совы, трижды своим криком нарушившей ночную тишину.

Зловещее предсказание, вслед за которым закричала сова, считающаяся по народным поверьям птицей смерти, произвело на всех сильнейшее впечатление. Насмешливая улыбка исчезла с лица Уотсона, и он страшно побледнел. Вице-король, которого и без того одолевали печальные предчувствия, не сумел сдержать дрожь, и даже юный Кемпбелл, не склонный к суевериям, вдруг почувствовал, как странное волнение сжало ему сердце.

Уотсон сделал невероятное усилие, чтобы взять себя в руки.

— Этот человек безумен, — пытаюсь саркастически улыбнуться, произнес он.

— Птица пропела три раза, — ответил паломник, — вам осталось жить три часа, сахиб.

— Довольно шуток, старик, — сказал начальник полиции, пристыженный тем, что выказал столько слабости, — ступай, показывай свои глупые фокусы в другом месте, мы больше не нуждаемся в твоих услугах.

Едва были произнесены эти слова, как мнимый нищий, в котором читатель, без сомнения, узнал искусно переодетого браматму, поспешил к выходу, приподнял портьеру и исчез.

— Ну, мой бедный Уотсон, не к добру вы позвали паломника. Вы хотели отвлечь меня от мрачных мыслей, а сами навлекли на себя страшное предсказание.

— Мерзавец решил посмеяться над нами и испугать. Вы знаете, что моя должность обрекает меня на вечную ненависть со стороны всех этих бродяг, против которых я принимал самые суровые меры. Паломник, несомненно, понял, с кем имеет дело, возможно, у него уже были стычки с одним из моих агентов, и ему захотелось сыграть со мной злую шутку. Но запугать такого человека, как я, не так-то просто. Я уже трижды получал предупреждения знаменитого тайного трибунала, который в конце концов вынес мне смертный приговор, ибо я не обращал ни малейшего внимания на его угрозы. Как видите, я жив и здоров.

— Сознайтесь, однако, что поначалу вы почувствовали сильное волнение.

— Не отрицаю, милорд, но главную роль сыграл эффект неожиданности, да и обстановка была соответствующая. В полночь, в час таинственных привидений, в этой огромной комнате неосвященные предметы приобретают самые загадочные очертания, и вдруг старый паломник, раскрашенный, словно дьявол, говорит о смерти, а тут еще влезает эта проклятая сова... Согласитесь, Ваша Светлость, было от чего взволноваться!

— Пойдите, вы сказали, что были приговорены тайным трибуналом? — вдруг задумчиво спросил сэр Джон.

— Да, милорд, но это было еще до того, как Кишнайня взял в свои руки руководство обществом.

— И вас уведомили о приговоре?

— Да, дней восемь тому назад. Чистая формальность, выполненная кем-то из простых членов общества, независимо от нового трибунала.

— Берегите себя, Уотсон, — серьезно сказал вице-король. — Вы знаете, что приговор исполняет браматма, а ведь он не сообщник Кишнаини.

— О, я ничего не боюсь, милорд. Они могли захватить врасплох нескольких несчастных и убить их, чтобы поддержать ужас, внушаемый таинственной организацией. Но они никогда не исполняли своих приговоров, если сталкивались с достойным противником, умеющим защитить себя. Вы видите, они не осмелились тронуть Хейвлока, победителя Нана-Сахиба, сэра Уильяма Брауна, губернатора Цейлона, который повсюду преследует членов общества. Во всяком случае, я ношу тонкую кольчугу, она защитит меня от кинжала, а ночью все выходы моего дома охраняются... К тому же я предупрежу вождя тугов об этом предсказании.

— Лишь бы Кишнайня сдержал слово, тогда мы скоро избавимся от этих людей.

— Он сдержит его, и через десять дней вы сможете доложить в Лондон об уничтожении Духов вод, поимке Наны и окончательном умиротворении Индии.

— О, если бы ваши слова сбылись! Однако, господа, пора отдыхать. Думаю, мы будем вспоминать о нашем первом вечере в Биджапуре... Пришлите мне ночного дежурного, Кемпбелл.

— Первый камердинер ждет ваших приказаний, милорд.

— Хорошо. Я вас больше не задерживаю.

В тот момент, когда начальник полиции выходил из комнаты, сэр Джон поманил адъютанта.

— Удвойте посты вокруг дворца, — приказал он, — у всех дверей, ведущих в апартаменты Уотсона, поставьте

часовых и возвращайтесь с дежурным адъютантом Пири, пусть он составит мне компанию. Мне кажется, сегодня ночью произойдут неожиданные события.

Через десять минут приказы вице-короля были исполнены. Постепенно шум в древнем дворце Адил-шаха стих, и ночная тишина нарушалась только возгласами часовых, перекликавшихся через равные промежутки времени, в соответствии со строгим указанием, данным сегодня вечером. Обычно так поступают в крепости, осажденной врагом... «Часовые, берегись!» И этот крик, передаваясь от часового к часовому и замирая в отдалении, производил особое впечатление в таинственной и мрачной ночи.

Глава IV

Странствования паломника. — Тайный визит во дворец Адил-шаха. — Поразительное открытие. — Кинжал правосудия вручен Судазе. — Быстрые приготовления. — План Арджуны. — Признание Дислад-Хамеда.

Браматма, постоянно живший в Биджапуре, великолепно знал все потайные коридоры, проходившие внутри толстых стен Дворца семи этажей и сообщавшиеся со всеми комнатами огромного здания. Прекрасно выполненный план этих ходов хранился у него в секретных бумагах, доставшихся ему от его предшественников. Из предосторожности он показал сменившимся за время его правления советам Семи только главный ход этой разветвленной системы коридоров, устроенных Адил-шахом для того, чтобы можно было незаметно пройти по всему дворцу.

Теперь, когда у него возникли подозрения насчет высшего совета Семи и старшего из Трех, благодаря своей предусмотрительности браматма смог бы тайно присутствовать на их совещаниях. С этой целью, как мы видели, он переоделся паломником и смешался с толпой, чтобы проверить, насколько удачно он сумел изменить внешность. Мы оставили его в тот момент, когда он раздавал индусам благословения и зерна сандала, смоченные в священных водах Ганга, ожидая наступления ночи, чтобы начать действовать.

Когда подошло время, браматма медленно направился к дворцу через развалины, чтобы никому не попасться на глаза. Прибыв на место, по коридору, о существовании которого совет Семи не подозревал, он поднялся на верхний этаж, где как раз заседали заговорщики. Браматма добрался

туда без помех, хотя прежде преодолевал этот трудный подъем всего лишь один раз, когда знакомился с расположением потайных ходов здания. Он осторожно проскользнул к комнате, где собрались Семеро, и через потайное окошечко, скрытое в балках потолка, которое можно было то открывать, то закрывать, с жадностью заглянул внутрь и едва сдержал изумленный крик. Увиденное настолько потрясло Арджуну, что проявленное самообладание свидетельствовало о недюжинной силе его характера.

Вокруг стола, на котором стояла амфора из черной глины, наполненная старой рисовой водкой, сидели Семеро и спокойно обсуждали события прошедшей ночи. Ни на одном из них не было положенной маски, что поразило браматму. Поначалу ему бросилось в глаза только это нарушение строгих правил общества, наказуемое смертью. Но когда, приглядевшись к каждому члену совета, начиная с председательствующего, в старшем из Трех он узнал Кишнайю, а в остальных — родственников и союзников знаменитого туга, принадлежавших к этой проклятой касте. Браматма, забыв о всякой осторожности, хотел тут же позвать факиров, броситься в зал и разогнать мерзавцев как обычных злоумышленников.

К счастью, к нему вовремя вернулось благоразумие, и он понял, какой опасности мог подвергнуться. При малейшем шуме Семеро быстро надели бы маски, а Арджуна был бы убит на месте факирами, заплатив жизнью за свою опрометчивость. Он мог сколько угодно убеждать факиров, что под масками скрываются туг Кишнайя, настоящие подонки и отребье Биджапура, они бы не поверили ему и никогда не осмелились бы поднять руку на старшего из Трех и других членов совета Семи. Ему едва ли удалось бы добиться послушания от собственных факиров, а о тех, кто подчинялся таинственному совету, нечего было и говорить.

Дрожа от сделанного им открытия, Арджуна отложил до лучших времен расправу над бандой мерзавцев. Сейчас самое главное было выведать их планы, и он принялся к потайному окошку.

Браматма сразу понял, что пришел слишком поздно. Кишнайя говорил своим сообщникам:

— Договорились, миллион рупий, обещанный за поимку Наны, — ваш. Я даже отдам вам свою долю. Варуна, которого я оставил на посту, только что предупредил меня, что вице-король — один в большой гостиной, с ним только адъютант и сэр Уотсон. Я пойду и тут же сговорюсь с ним. Подождите меня здесь, я сообщу вам его ответ.

Больше Арджуна ничего не услышал. Он догадался, что туг отправился к сэру Джону Лоуренсу, и, покинув свой наблюдательный пост, поспешил туда одному ему известным секретным ходом, сообщавшимся с главным коридором, по которому пошел Кишнайя. Браматма, опередив туга, дождался его, а затем, стараясь не шуметь, отправился по следам бандита. Когда Кишнайя вошел к вице-королю, Арджуна воспользовался тем, что к амбразуре каждого окна вел свой ход, и, подойдя как можно ближе к месту, где находился сэр Джон, услышал весь разговор, о котором мы уже поведали читателю. В тот момент, когда туг заявил: «Браматма! С ним я разделаюсь сам», Арджуна не устоял перед искушением и заглянул в гостиную, именно тогда его разгневанное лицо выглянуло из-за портьеры, закрывавшей окно.

Из рассказа туга Арджуна узнал все, что хотел, ибо негодяй не скрыл ни одного из своих зловещих прожектов. Невозможно описать, с каким волнением браматма слушал повествование о чудовищном заговоре: если бы ему не пришла в голову счастливая мысль переодеться паломником, на сей раз с Нана-Сахибом и Духами вод было бы покончено. Герой войны за независимость сгнил бы в английских стенах, а древнее общество, которое благодаря внушаемому страху в течение веков защищало несчастных индусов от армии корыстолюбивых чиновников, погибло бы безвозвратно.

Браматма решил не дожидаться появления сторожа, ему не терпелось начать действовать. Из разговора с Дислад-Хамедом он не узнал бы ничего нового. Арджуна спешил как можно быстрее собрать нескольких субедаров города, которым полностью доверял, чтобы обсудить с ними, какие меры необходимо принять. Однако, огибая дворец, он оказался среди группы шотландских солдат, которые после обильных возлияний находились в прекрасном настроении. Они потащили его к дворцовым службам, где их разместили, и, думая, что имеют дело с настоящим паломником, заставили предсказывать им судьбу.

Сопротивляться развеселившимся грубиянам, для которых в эти смутные времена жизнь индуса стоила не дороже, чем жизнь собаки, было бы настоящим безумием. Поэтому Арджуна решил последовать за ними добровольно, думая обезоружить их своей любезностью. Но бешенство его достигло крайних пределов, когда по капризу Уотсона он вынужден был разыграть ту же комедию перед вице-королем. Мы были свидетелями этой сцены и слышали мрачное

пророчество, которое браматма в гневе бросил начальнику полиции.

Индусы ненавидели этого человека. Будучи из сугубо политических соображений сторонником амнистии и восстановления порядка мирным путем, Уотсон на самом деле отличался беспощадностью и холодной жестокостью, творя беззаконие и произвол. Как и все высшие чиновники в Индии, смотревшие на свою должность как на источник обогащения, он был немилосердным мздоимцем. За короткое время он нажил целое состояние, подвергая людей незаслуженным преследованиям, чтобы получать от них взятки за прекращение дел.

Его неоднократно предупреждали, и наконец предшественники Кишнаи приговорили к смертной казни. Уведомление о приговоре ему было доставлено специально назначенным для этого факиром. Оно дошло до Уотсона с опозданием по той простой причине, что факир, выполняя различные поручения на юге, не сумел вовремя попасть в Калькутту, где находился начальник полиции. С исполнением же приговора дело обстояло иначе. Приказ мог исходить только от браматмы, который предварительно должен был сообщить о своем решении старшему из Трех. Одолеваемый тяжкими заботами, Арджуна и думать забыл о приговоре, но несчастливая звезда Уотсона напомнила ему об этом.

Когда, освободившись, браматма смог наконец покинуть дворец Адил-шаха, он остановился посреди развалин и, погрозив кулаком окнам вице-короля, глухо пробормотал:

— А, мои повелители!.. Доносы, предательства, постыдные сделки с убийцами, подкуп и низость — против нас все средства хороши. Я покажу вам, что древнее общество Духов вод, победившее самого Ауранг-Зеба, пока еще не во власти кучки разбойников с большой дороги.

Арджуна отправился к себе домой и вошел в комнаты никем не замеченный. Прежде всего он уничтожил все следы своего маскарада. С некоторым беспокойством он заметил, что при нем нет ни сандаловых четок, ни палки с семью узлами. Где он забыл их — в тайных ходах дворца или в гостиной вице-короля? Напрасно порывшись в памяти, он не стал терять времени на размышления и, переодевшись в обычный костюм, прошел к себе в кабинет, нажал кнопку и вызвал факира.

Он спросил у вошедшего:

— Утсара вернулся?

— Нет, сахиб.

— Хорошо, как только он появится, пусть придет сюда. Немедленно пришли ко мне Судазу.

Факир простерся ниц перед хозяином и вышел, пятась задом, всем своим видом выказывая браматме уважение и безграничную преданность.

Когда появился Судаза, Арджуна вручил ему пальмовый лист, на котором начертал несколько строк.

— Ты умеешь читать? — спросил браматма.

— Да, сахиб.

Факир бросил быстрый взгляд на протянутый ему лист, спрятал его на груди, при этом на лице его не дрогнул ни один мускул.

— Ты понял? — продолжал Арджуна.

— Да, сахиб.

— Приказ должен быть исполнен до восхода солнца.

— Хорошо, сахиб.

Арджуна, поднявшись, подошел к висевшей на стене коллекции оружия, состоявшей только из кинжалов, взял один, попробовал закалку лезвия, согнув его почти пополам, и, протянув Судазе, сказал:

— Вот кинжал правосудия. Будь тверд, рази смело и ничего не бойся.

— Приказ браматмы, — ответил Судаза, — воля небес.

— Помни, — добавил браматма, — тот, кто падет при его исполнении, получает доступ на небо и вечное вознаграждение. Ступай, и да направит Шива твою руку, о доблестный сын Земли лотоса.

Судаза вышел, сжимая кинжал. Рука его не дрожала, сердце билось ровно.

Браматма позвонил снова, но иначе, чем в первый раз, и перед ним появился факир Суакапа, это был несравненный скороход, обгонявший даже лошадь. Накануне битвы при Серампуре Суакапа за сутки прошел шестьдесят лье, чтобы предупредить Нана-Сахиба о прибытии армии.

— Суакапа, — сказал Арджуна, — ты знаешь, что Анандраену из Велура и четверем другим субедарам поручили вчера встретить нового губернатора французской Индии. Беги к его дому в Биджапуре и, если он еще не отправился в путь, срочно приведи его сюда, я должен увидеть его этой ночью.

— А если он уже покинул город, сахиб?

— Ты догонишь его по дороге в Пондишери, он не мог уйти далеко, в сумерки он еще заканчивал приготовления к отъезду.

Арджуна послал еще нескольких гонцов к разным членам

общества, которые по возрасту и возможностям могли помочь ему справиться с кризисом. В ожидании Утсары он сел за письменный стол, вынул из ящика шкатулку сандалового дерева и, достав оттуда семь листьев лотоса из чистого золота, начертал на них семь имен.

План, придуманный Арджуной, был прост. В случае явного предательства Семи браматма, не имея времени созвать собрание жемедаров, по уставу мог заменить их семью другими, самыми заслуженными членами общества. В соответствии со своими правами Арджуна написал на листьях лотоса имена выбранных им семи лиц, и прежде всего Анандраена, старого друга Нана-Сахиба и Покорителя джунглей, неоднократно предупреждавшего их об опасностях. Именно ему предназначил браматма титул старшего из Трех и место председателя совета.

Таким образом, общество было восстановлено, его уничтожение становилось невозможно ни фактически, ни по праву.

Кишнайя знал об этом обстоятельстве, именно поэтому негодая и сказал сэру Лоуренсу, что разделается с браматмой. Без верховного вождя никто не имел права собирать жемедаров и назначать новый совет Семи.

Арджуна кончал писать, когда позади него раздался легкий шорох. Быстро обернувшись, он увидел на пороге Утсару и сторожа Дислад-Хамеда. Хамед держал в одной руке пальмовый лист, похожий на тот, что браматма вручил Судазе, а в другой — кинжал правосудия.

— Что это значит? — спросил Арджуна, поняв все с первого взгляда.

— Господин, — ответил Утсара, — сторож только что получил от старшего из Трех приказ убить вас.

— В чем же дело? — хладнокровно продолжал браматма. — Почему он его не исполняет?

Дислад-Хамед вместо ответа бросил лист и кинжал к ногам верховного вождя и простерся перед ним ниц.

— Хорошо! Очень хорошо! — сказал Арджуна. — Ты спас свою жизнь, Дислад-Хамед, и искупил все свои измены.

— Неужели вы думаете, господин, что в противном случае он смог бы переступить порог вашего дворца?

— Спасибо, милый Утсара, я знаю твою преданность... Итак, именно для того, чтобы поручить тебе это убийство, старший из Трех, а точнее, душитель Кишнайя спас тебя от наказания и сегодня вечером назначил тебе свидание?

— Как! Вы знаете? — воскликнул изумленный сторож.

— Я все знаю, от браматмы ничего нельзя скрыть. Я знаю, что Кишнайя и его сообщники убили семь членов высшего совета, чтобы занять их места.

— О, великий Шива, неужели это правда? — вмешался Утсара, забыв, что не имеет права перебивать своего господина.

— Спроси у Дислад-Хамеда, — отвечал Арджуна, тоже не обратив внимания на ошибку любимого факира.

— Это правда, — пролепетал сторож, дрожа под яростным взглядом Утсары.

— Я знаю также, что семь негодяев поклялись выдать англичанам Нана-Сахиба и общество Духов вод.

— Клянусь тремя судьями ада, проклятый сторож, ты заслужил смерть! — воскликнул Утсара, не в силах больше сдерживать гнев.

— Господин, даю слово, — взмолился несчастный сторож, который, казалось, был обречен вечно дрожать за свою жизнь, — я узнал обо всем только сегодня вечером и ничего не рассказал Утсаре лишь потому, что считал эти события слишком важными, я думал, что первым узнать о них должны именно вы.

— Ты прав. Я не отнимаю у тебя моего прощения, потому что, выбирая между вице-королем, Кишнайей, внушающим тебе ужас, и мной, ты предпочел сдержать слово, данное мне.

Сторож действительно повел себя весьма ловко. Он инстинктивно почувствовал, что ни вице-король, ни вождь тугов не спасут его от мести Арджуны, и в конце концов решил предать двух первых в пользу последнего. Его разговор с Кишнайей шел на языке каннара, который Утсара не понимал, и хотя он спрятался так близко от беседующих, что слышал каждое слово, факир остался бы ни с чем, если бы сторож сам не показал ему пальмовый лист и кинжал правосудия, врученные Кишнайей и предназначенные для браматмы.

— А теперь, — спросил бедняга, страшно довольный поворотом событий, — что мне делать? Отправиться на Малабарский берег к Нана-Сахибу и выполнить ваше поручение?

— Я еще не знаю, что будет решено, — ответил браматма. — Возвращайся к себе и никуда не выходи из дома ни сегодня ночью, ни завтра, пока Утсара не передаст тебе мое повеление.

Сторож не заставил себя просить дважды. После ужасных испытаний, выпавших на его долю, он мечтал только о

тихом, неизвестном существовании. Единственное, чего он сейчас хотел, чтобы его забыли и дали возможность спокойно выполнять скромные обязанности ночного сторожа. Он поклялся впредь гнать от себя всякие честолюбивые мысли и твердо решил покинуть страну, если ему удастся ускользнуть из поля зрения трех могущественных соперников, ибо не мог угодить одному, не вызвав при этом неудовольствия двух других. Разрываясь между вице-королем, Кишнойей и браматмой, бедняга был куда несчастнее, чем буриданов осел, которому по крайней мере приходилось выбирать между одинаковыми охапками сена.

Но известно, что обездоленному не дано обрести столь страстно желаемый покой... На повороте тропинки, ведущей к его хижине, на сторожа напали четверо, заткнули ему рот, крепко связали и, взвалив на плечи, скрылись среди развалин. Он успел, однако, пронзительно, жалобно крикнуть, и его слышали во дворце браматмы.

— Бегите скорей! — крикнул Арджуна двум факирам. — На сторожа напали, я узнал его голос. Мерзавец Кишнайя следил за ним. Посмотрите, вернулся ли он домой, и немедленно сообщите мне.

Отдавая приказание, браматма не видел, как среди кустов мелькнула тень и бросилась наперерез к жилью Дислад-Хамеда, чтобы опередить его посланцев.

Через несколько минут факиры вернулись и сообщили хозяину, что сторож уже лег спать, он ответил им из-за закрытой двери и поблагодарил браматму за заботу. Арджуна вздохнул с облегчением.

— Похищение этого человека тугами, — сказал он Утсаре, — в настоящий момент имело бы ужасные последствия. Негодяи не остановятся перед пыткой, чтобы заставить его заговорить, а Кишнайя, узнав, что нам известны его происки, в союзе с вице-королем станет непобедимым противником.

Вдалеке слышался звук браминской трубы, это был сигнал, извещавший, что Суакапа встретился с Анандраеном. Через несколько минут друг Покорителя джунглей входил в кабинет браматмы. Тот встретил его, держа в руках маску и золотой лист лотоса, и приветствовал Анандраена следующими словами:

— Салам старшему из Трех, пусть Индра даст тебе мощь, Изавия — мудрость, а Шива — силу.

— Почему ты меня так принимаешь? — спросил Анандраен. — Этот титул мне не принадлежит.

— Сейчас все узнаешь, — ответил браматма.

Остальные шесть человек вскоре прибыли друг за другом, и Арджуна встретил их одним и тем же приветствием, как членов совета Семи.

Все были явно взволнованы, они давно уже достигли первой степени посвящения и прекрасно понимали, что, используя свою власть, браматма решил заменить действующий совет Семи, и ждали его объяснений.

Выполнив все формальности, Арджуна низко поклонился тем, кого он возвысил над собой, и сказал:

— Приветствую вас, Трое и Семеро, пусть Брама, который держит в своих руках судьбы мира, поможет вам в вашем деле, ибо речь идет о спасении древнего общества Духов вод. Идемте, я отведу вас в зал, предназначенный для ваших совещаний.

Молча и торжественно Семеро пошли за Арджуной. Как только за ними закрылась дверь, два факира с кинжалами в руках легли у порога, чтобы охранять вход. Неподвижные, словно бронзовые статуи в глубине темного коридора старого дворца, они походили на задумчивых сфинксов, стоящих у гробниц фараонов.

Между тем после ухода сторожа одна мысль занимала Утсару — он задумал план, который ему не терпелось привести в исполнение. Рассчитывая, что совет продлится долго, он направился к отведенной ему маленькой хижине в глубине сада.

Там, сняв с себя одежду, он натерся кокосовым маслом, затем, зажав в руках кинжал, перелез через стену, чтобы не встретиться с часовыми, охранявшими главный вход, и со всех ног пустился к старому Биджапуру, шепча про себя:

— Лишь бы успеть!

Подойдя к хижине Дислад-Хамеда, он в нерешительности остановился, не зная, позвать сторожа или войти внутрь. Боясь, что его услышат шпионы тугов, он неслышно проскользнул в часть дома, предназначенную для мужчин, и тут же вышел.

Хижина была пуста.

Что же произошло?

Забывчивость браматмы грозила разрушить прекрасно задуманные планы и лишит его с таким трудом завоеванного преимущества.

Часть восьмая

ПОКОРИТЕЛЬ ДЖУНГЛЕЙ

Глава I

Кишная в замешательстве. — Приготовления браматмы. — Как поступить? — Варуна молчит. — Отчаянное решение.

События, о которых мы повествуем, оставили в памяти индусов неизгладимые следы. Читатель уже знает, что речь идет не о вымышленных фактах, а о подлинных событиях, предшествовавших печальной кончине вице-короля Индии сэра Джона Лоуренса, убитого фанатиком по приказу общества Духов вод. Памятная борьба против англичан и их союзников, тугов, начатая Покорителем джунглей, во время его отсутствия, вызванного поездкой во Францию, была продолжена его друзьями-туземцами и достигла своего апогея. В тяжелые минуты индусы не раз сожалели о том, что с ними не было храброго француза, который в течение двух лет успешно противостоял британским завоевателям.

Его помощник, марселец Барбассон, запершись в Нухурмуре с Наной и горсткой туземцев, строго исполнял данное ему распоряжение не покидать неприступное убежище на Малабарском берегу до возвращения Покорителя джунглей, поэтому вся ответственность, вся тяжесть этой неравной борьбы падала на плечи нескольких преданных смельчаков, окружавших браматму Арджуну.

Можно не сомневаться, что если бы Покоритель джунглей

знал, какой опасности подвергаются Нана-Сахиб и его друзья, он поспешил бы покинуть Францию и немедленно прийти им на помощь. Будучи уверен, что Кишнайня повешен, он был спокоен, зная, что после смерти подлого туга не найдется ни одного индуса, способного выдать Нана-Сахиба. Правда, Уотсон привлек на свою сторону Дислад-Хамеда, но тот был способен лишь доносить на несчастных, принимавших участие в восстании. Как только речь заходила о том, чтобы рисковать своей жизнью, Хамеда можно было не опасаться, и если в распоряжении сэра Джона Лоуренса были лишь такие жалкие людишки, он мог вечно дожидаться поимки Нана-Сахиба.

Тем не менее по случайному стечению обстоятельств сторож знал секреты обеих борющихся сторон, и успех тех или других мог в определенной степени зависеть и от него. Утсара это прекрасно понял, тогда как браматма, поглощенный крайне сложной ситуацией, довольствовался сообщением своих посланцев о том, что сторож вернулся домой. Факир же сразу почувствовал ловушку, он понял, что дело будет проиграно, если негодяй попадет в руки Кишнаини, и решил пожертвовать собой, но освободить сторожа до того, как тот заговорит.

Надо было успеть вовремя. Утсара знал, что сторож — трус и под пыткой выдаст любую тайну. Однако же храбрый факир не ведал истинной причины похищения Хамеда, полагая, что оно вызвано только его отказом выполнить смертный приговор, вынесенный браматме мнимым комитетом Трех. Но у Кишнаини были более важные основания, заставившие его похитить сторожа.

Пока сэр Джон Лоуренс беседовал со сторожем, Кишнайня, как вы помните, по предложению вице-короля спрятался в амбразуре одного из окон, закрытого плотными портьерами, чтобы присутствовать при их разговоре. Вы помните также, что по окончании аудиенции Кишнайня исчез, так что никто его не видел. Амбразура, в которой спрятался туг, случайно оказалась той же самой, куда из потайного коридора вышел переодетый паломником браматма, чтобы подслушать признания душителя. Уходя, взволнованный Арджуна забыл закрыть потайную дверь. Увидев отверстие, зияющее в стене, Кишнайня сразу догадался, что этим ходом, о котором он не знал, пришел кто-то с весьма вероятной целью подслушать его секретный разговор с сэром Лоуренсом и что этот кто-то был враг.

Вождь тугов, чья храбрость не подлежала сомнению, не раздумывая пошел по коридору, который должен был при-

вести его к главному ходу. Он почти сразу же наткнулся на прислоненную к стене палку с семью узлами, к ней были привязаны сандаловые четки. Кишнайя узнал палку неизвестного паломника, бродившего вокруг дворца и вызвавшего у него сильные подозрения. При встрече с ним тугу показалось, что по одной незначительной детали, на которую другой не обратил бы внимания, он узнал браматму. Дело в том, что Арджуна, родившись на Коромандельском берегу, рядом с Мадрасом, хотя и очень чисто говорил на языке Биджапура, все же сохранил легкий акцент, как часто бывает с теми, кому приходится пользоваться неродным языком. Этот акцент и послышался тугу, когда паломник предлагал желающим сандаловые зерна. Кишнайя сначала отбросил это предположение как нелепое, не понимая, зачем браматме бродить по улицам в таком одеянии, когда в его распоряжении целая армия факиров и слуг, готовых по первому зову доставить ему необходимые сведения. Теперь же, когда он увидел палку и четки мнимого паломника, все сомнения отпали. Только браматма мог проникнуть во дворец потайным ходом и знать коридоры, неизвестные Кишнайе. Стало быть, браматма и паломник — одно лицо. В таком случае смертельный враг знал все его тайны. Он знал, что совет Семи полностью состоял из тугов и что старший из Трех был некто иной, как Кишнайя, повешенный в Велуре.

Придя к этому выводу, вождь душителей, несмотря на свою отвагу, содрогнулся. Его противник был храбр, могуществен, любим всеми жемедарами. Теперь, когда браматма услышал страшные признания туга, ему ничего не стоило не только изгнать самозванцев, но и приказать их собственным факирам убить их, чтобы отомстить за смерть тех, чье место они заняли.

Именно тогда Кишнайя решил ускорить ход событий и как можно быстрее избавиться от браматмы, убийство которого он задумал еще в тот день, когда туги захватили власть в обществе. Кишнайя боялся поручить это дело факиру, ибо Арджуну любили все, даже те, кто находился на службе у Семи. Душитель опасался, что тот, кому он отдаст подобный приказ, тайно предупредит браматму, чтобы дать ему время скрыться.

Преследуемый неотступным желанием избавиться от единственного человека, могущего помешать его планам, Кишнайя решил спасти сторожа от заслуженного наказания в день общего собрания, а взамен потребовать от него жизнь браматмы. Во время свидания со сторожем он должен был назначить день убийства, но события вынудили его ускорить

развязку. Однако прежде он выпросил у стражников, охранявших дворец браматмы, и других слуг, отлучался ли куда-нибудь их хозяин. Все в один голос ответили, что Арджуна весь день провел дома. Подобное единодушие несколько поколебало его уверенность. Пытаясь успокоиться, он говорил себе, что палку могли оставить в коридоре давным-давно, а деревянное панно, скрывавшее потайную дверь, могло расколоться и само сдвинуться в сторону. Кишнайя боялся, как бы браматма не собрал уже отряд жемедаров, но его решение убить Арджуну было бесповоротно. К дворцу браматмы он подослал целую армию шпионов, чтобы знать обо всем, что там происходит, до тех пор, пока сторож не справится со своим заданием.

Во время свидания с Дислад-Хамедом Кишнайя был удивлен, не встретив никакого сопротивления с его стороны, сторож безропотно на все согласился. Он попросил только отложить убийство до рассвета, приведя доводы, показавшиеся Кишнайе убедительными. Не зная расположения дворца, Дислад-Хамед, несмотря на поздний час, собирался под каким-нибудь предлогом добиться свидания с браматмой и произвести разведку. Он предполагал вернуться незадолго до рассвета и совершить свое грязное дело, будучи уверен, что после изнуряющей ночной духоты все будут крепко спать, наслаждаясь утренней прохладой.

Дислад-Хамед, как мы видели, великолепно сыграл свою роль. Чтобы усыпить бдительность Кишнайи, трусишка принял хвастливый вид, тем самым полностью завоевав его доверие. К несчастью, один из шпионов Кишнайи подслушал разговор Хамеда с Утсарой, и туг, взбешенный тем, что его провели, приказал похитить сторожа при выходе из дворца браматмы.

Поначалу он хотел расправиться с Дислад-Хамедом немедленно, но, поразмыслив, решил, что сможет добиться от него важных сведений. Ведь если бы опасения Кишнайи оправдались, это означало бы крушение всех надежд, сама жизнь его была бы в опасности. Поэтому туг приказал бросить сторожа в одну из подземных тюрем Дворца семи этажей.

Теперь он уже почти не сомневался, что браматме известны все его козни. Каждую минуту шпионы сообщали ему, что во дворце врага царит необычное оживление, туда постоянно входят люди. Надо было быстро принимать решение, иначе все погибнет. Но как поступить? Своими силами Кишнайе было не справиться. Оставалось одно: разбудить сэра Джона Лоуренса, рассказать ему обо всем, попросить у него батальон шотландцев и, окружив дворец, захватить брамат-

му под предлогом неповиновения указу вице-короля, распустившего общество. Но согласится ли на это сэр Джон? Подобные действия спасали жизнь Кишнае и мнимым членам совета Семи, но их планы были бы разгаданы, что делало невозможной поимку Нана-Сахиба. Нет! Это была крайняя мера, к ней можно прибегнуть лишь в том случае, если не останется иного выхода, кроме позорного бегства. Бежать! После того, что он сделал и пообещал... Какой стыд! Он станет посмешищем всей Индии. Пусть его позорят, боятся, презирают! Лишь бы не быть посмешищем! Какой конец для храброго вождя тугов, ведшего переговоры на равных с самим вице-королем! О, он никогда этого не допустит!

Негодяй в неопишемом волнении метался среди развалин, окружавших древний дворец Адил-шаха. Неужели он не найдет никого, кто избавил бы его от проклятого браматмы, из-за которого рушился его самый дерзкий, самый ловкий план!

Вдруг он вспомнил об Уттами. Уттами был ему так предан, что по одному его знаку убил разоблачителя сторожа. Вот человек, который ему нужен! Как это он не подумал о нем раньше? Туг позвал Варуну, который постоянно находился рядом, и велел ему отыскать товарища. Но факир не двинулся, и Кишнаея в гневе, не следя за своими словами, крикнул:

— Почему ты не подчиняешься? Или ты тоже замыслил предать меня?

— Сахиб, — смиренно ответил Варуна, — разве вы не знаете, что Уттами исчез?

— Что ты такое говоришь?

— Это правда, сахиб. После утренней тревоги он так и не появился.

— Как ты думаешь, где он?

— Не знаю, сахиб. Может, это его крик мы слышали, и...

— Договаривай.

— И он был убит из мести.

— Но тогда бы нашли тело!

— Убийца мог бросить его в колодец, среди развалин.

— Почему вы его не искали?

— В развалинах древнего Биджапура более полутора тысяч колодцев, сахиб. Отверстия большинства из них заросли кустарниками и лианами. Понадобятся месяцы, чтобы осмотреть их все. Они заброшены много веков тому назад и служат убежищем для гремучих змей и кобр.

— Хорошо, оставь меня!.. Нет, постой.

— Слушаю, сахиб.

— Подойди поближе... Ты умеешь пользоваться кинжалом правосудия?

— Я только объявляю приговоры совета, сахиб, но не исполняю их, — уклончиво ответил Варуна.

— Кому из твоих товарищей обычно поручают подобные дела?

— Никому и никогда, сахиб.

— Что ты плетешь?

— Сахиб знает, что исполнением приговоров занимается браматма, а он вручает кинжал правосудия только своим факирам.

Несмотря на подозрения, которые внушили ему капли крови, замеченные на одежде браматмы, Варуна решил не выдавать его.

— Ступай, ты мне больше не нужен.

Итак, все рушилось в последний момент... Уттами бы так не ответил. «Кого надо убрать, господин?» — просто спросил бы он. Поэтому его и убили. И туг, не зная, как все произошло, приписал убийство браматме, который решил отнять у него единственного преданного ему человека. О, если бы его храбрые товарищи, повешенные в Велуре, были с ним... Десятки рук поднялись бы, чтобы отомстить за него. Увы, их кости, разбросанные стервятниками, белеют в джунглях Малабара... Ему отрезаны все пути. Но он не отступит с позором перед противником, он так просто не сдастся. Его враги узнают, как дорого стоит жизнь туга Кишнаи!

Однако разочарование и гнев — плохие советчики, и Кишнаия не мог ничего придумать. Он хотел было рассказать все своим сообщникам, может быть, в их пустых мозгах родится добрый совет. Но потом решил, что ни к чему терять время на бесплодные жалобы. Не лучше ли срочно допросить этого труса сторожа, который служит и тем, и другим, предавал и тех, и других? О, мерзавец, ему не избежать давно заслуженной кары...

Был только час ночи. Браматма будет ждать наступления утра, чтобы воспользоваться поддержкой народа; в распоряжении Кишнаи было еще пять часов. Дьявольская мысль мелькнула у него в голове. Если за это время он не сумеет ничего придумать и не найдет спасительного решения, если вице-король откажется встать на его сторону, ну что же, тогда туг Кишнаия, мечтавший кончить свои дни мирасдаром и сравняться с раджами, получив трость с золотым набалдашником, Кишнаия-душитель устроит себе и своему обманутому честолюбию пышные похороны, о которых долго будут помнить в Индии и которые обессмертят его имя... В

подземельях дворца в ожидании нового восстания хранилось пятьдесят тонн пороха, собранного Духами вод. Ну что ж! Кишная-душитель похоронит себя под развалинами древнего дворца Адил-шаха вместе с браматмой, вице-королем, его штабом и двумя батальонами шотландских гвардейцев!

Утешив себя этой мыслью и удовлетворив тем самым свою гордыню, он вернулся во дворец, приказав привести Дислад-Хамеда.

Глава II

Таинственные дворцы в Индии. — Палам-Адербам — колодец Молчания. — Утсара и сторож. — Подземная тюрьма. — Нравственные пытки.

Некоторые средневековые замки с их тайными застенками, «каменными мешками», тюрьмами, подземными ходами дают очень слабое представление об аналогичных постройках древней Индии. В этой стране монархи, постоянно боровшиеся с заговорами со стороны членов своей семьи, вынужденные опасаться собственных детей, обычно жили во дворцах, представлявших собой настоящее чудо с точки зрения обороны и тайного устройства. Мы уже говорили, что не было ни одной прихожей, столовой, гостиной, спальни, ни одного вестибюля или кабинета, где не было бы потайных ходов, поддельных дверей, вращающихся панелей, темных комнат, о которых не знали самые верные слуги; внезапно открывающихся люков, при малейшем подозрении поглощавших родственников, министров, офицеров-гвардейцев или фаворитов; подземных тюрем, устроенных с таким акустическим мастерством, что до хозяина дворца доносились любое слово, любая жалоба заключенных. Чаще всего несчастный архитектор, выстроивший по приказу монарха такой дворец, становился первой жертвой собственного творения, дабы он никому не мог разгласить его тайны.

Как мы уже видели, древний дворец Адил-шаха являлся великолепным примером сооружений подобного типа. Потайные части его были расположены столь искусно, что многие из них были все еще неизвестны, хотя Духи вод тайно занимали дворец в течение столетий и постоянно вели в нем тщательные розыски. Англичане удовольствовались тем, что заняли первых два этажа, где легко можно было разместить целых три полка солдат. Остальные они

предоставили разрушительному действию времени, как, впрочем, поступали с большинством замечательных памятников древней Индии. Ее цивилизация воплотилась в изумительных постройках — дворцах, храмах, мечетях, пагодах, — каждая из которых с благоговением сохранялась бы в Европе, но нация купцов относилась к ним с полным небрежением на том основании, что бюджета всей Индии не хватило бы на их поддержание.

Время от времени факиры, охранявшие дворец, случайно обнаруживали новые ходы, которые вели к темным комнатам или подвалам. Там находили орудия пыток, которыми пользовались несколько веков назад. Последнее открытие подобного рода сделал Утсара. Заинтересовавшись тем, что одна из плит издавала менее глухой звук, чем остальные (это было в одном из многочисленных залов второго этажа), он приподнял ее и увидел под ней вторую, на которой была выгравирована следующая надпись: «Палам-Адербам» («Колодец молчания»).

Под второй плитой оказалось нечто вроде колодца, который расширялся книзу и был почти до половины заполнен странно сплетенными в объятиях человеческими скелетами, чьи кости и черепа представляли собой мрачную картину. Утсара спустился вниз, чтобы осмотреть зловещий подвал, в уверенности, что найдет там ход сообщения с другими частями здания, с комнатой пыток например, куда, словно спицы колеса, сходились обычно все подземелья, служившие тюрьмой. Однако он ничего не нашел и пришел к убеждению, что в подвал просто сбрасывали трупы казненных. В это мрачное убежище по приказу Кишнаи и бросили Дислад-Хамеда.

Утсара проник во дворец через потайной ход, который указал ему браматма, но ни Семеро, ни их слуги не знали о нем. Факир, затаив дыхание и ступая бесшумно, подошел к залу, где жили его товарищи—факиры, служившие высшему совету. Они тихо беседовали между собой о последних событиях. Старшие удивлялись обороту дел и не скрывали, что с некоторых пор находили поведение Семи более чем странным.

— Вы еще не знаете всего, — сказал Кама, таинственно покачав головой.

— Что же произошло? — спросили факиры, подсаживаясь к нему поближе.

Утсара, стоявший у входа, напряженно прислушался, чтобы не пропустить ни слова.

— Поверите ли вы мне, — продолжал Кама, понизив

голос, — что этой ночью, всего полчаса тому назад, старший из Трех хотел с помощью сторожа Дислад-Хамеда убить нашего браматму.

Среди присутствующих пробежал ропот ужаса и неодобрения.

— Сторож, — продолжал Кама, — вместо того чтобы исполнить приказ, отдал браматме пальмовый лист и кинжал правосудия.

— Мы бы сделали то же самое! — перебил его кто-то. Никто не стал оспаривать это смелое утверждение.

— Не говори так громко, Аврита! Вспомни Притвиджи, одно неосторожное слово, и он исчез навсегда.

— Я не боюсь их, — ответил Аврита, — я назначен собранием жемедаров, чтобы охранять дворец, я не служу Семи.

— Если ты хочешь присоединиться к Дислад-Хамеду, — заметил Кама, — можешь продолжать...

— А что с ним случилось?

— Старший из Трех приказал бросить его в колодец Молчания, пока...

Утсара не дослушал, он узнал, где находится сторож, которого хотел вырвать из лап Кишнаи. Надо было срочно действовать, хотя разговор мог представлять для него определенный интерес. С теми же мерами предосторожности он направился к месту, указанному Камой, оно было ему хорошо известно.

В этот момент вождь тугов вернулся во дворец, факир услышал, как он приказал Варуне привести сторожа в комнату пыток. Несмотря на быстроту, с которой Утсара осуществил свой план, он пришел слишком поздно. Но верному слуге было столь важно помешать Хамеду заговорить — он не подозревал, что коварный Кишнайя уже знал о своем разоблачении, — что он решил попытаться обогнать Варуну.

В глубине души он чувствовал, что ему нечего опасаться Варуны, но если товарищ и был не способен причинить ему зло, вместе с тем Утсара был уверен, что тот не позволит похитить пленника.

Неожиданное обстоятельство, на которое он не рассчитывал, помогло ему выиграть несколько минут. Варуна, не полагаясь на собственные силы в случае сопротивления сторожа, у которого, как ни странно, была репутация храбреца, чему способствовал, вероятно, его наглый вид, отправился за помощью к двум товарищам.

К Утсаре вернулась надежда, он быстро взбежал по

лестнице, ведущей в зал, где находился колодец. Там он с радостью увидел, что первая плита не была положена на место. Он бросился ко второй, нечеловеческим усилием приподнял ее и, сдвинув в сторону, крикнул, наклонившись над отверстием:

— Эй, Дислад! Это я, Утсара, я пришел к тебе на помощь. Скорей, дорога каждая минута!

Произнеся эти слова, он лег на пол и протянул в отверстие руки, чтобы помочь сторожу выбраться наружу.

Ответа не было.

Утсара тут же вспомнил, что накануне утром они с браматмой нашли Хамеда лежащим без сознания в кустах. Он подумал, что страх мог вновь оказать на беднягу подобное воздействие.

Это объяснение было вполне вероятно, вторая плита не была сдвинута, значит, нельзя было даже допустить возможность побега. Не теряя времени на размышления, Утсара, понадеявшись на свою силу, решил, что сможет поднять Дислад-Хамеда и вытолкнуть его наверх. Затем он вылезет сам, положит плиту на место и спрячется со сторожем в одном из коридоров, выходящих прямо в зал.

Эта идея у него возникла в тот момент, когда он прыгал в колодец. Утсара упал на скелеты — раздался зловещий скрип, заставивший его вздрогнуть. В ту же минуту до него донеслись голоса факиров и Варуны. Он замер на месте, прислушиваясь и стараясь определить, на каком расстоянии от него они находятся. Утсара понял, что у него не хватит времени вытащить пленника. Вокруг него было так темно, что пришлось бы искать сторожа на ощупь, на это ушли бы те несколько мгновений, которые у него остались. Дело было проиграно. Ему оставалось только бежать, чтобы спастись от мести тугов. Утсара бросился к отверстию колодца, подтянулся и с легкостью акробата выскочил наружу, как вдруг свет от фонаря факиров прорезал темноту зала, и вслед за тем вошли они сами. Утсара молниеносно вновь прыгнул в колодец, прижался к стене и замер, затаив дыхание... Факиры подошли совсем близко.

— О-о! — воскликнул Варуна, увидев зияющее отверстие. — Я уверен, что мы положили плиту на место. Птичка улетела... Тем лучше для сторожа, его ожидала такая участь, что...

Затем для очистки совести он позвал пленника:

— Дислад! Дислад! Ты здесь?

Как и следовало ожидать, никто не отозвался.

— Ты думаешь, он и вправду бежал? — усомнился один из факиров. — Может, он притворяется, что не слышит? Вряд ли ему охота идти с нами.

— Бедный мой Крату, ты потрясающе наивен, — ответил Варуна. — Где ты видел птичку, которая остается в клетке, если дверца открыта? Сразу видно, что ты не знаешь Дислад-Хамеда, Следопыта.

Заметим, что из-за дутой репутации все искали союза со сторожем, а кончилось тем, что у всех он стал вызывать подозрения.

— Ладно! Но как, по-твоему, он смог поднять изнутри тяжеленную плиту, которую мы с таким трудом сдвинули с места вдвоем?

— Послушай, Крату, — язвительно заметил Варуна, — неужели ты не понимаешь, что раз он сам не мог поднять плиту изнутри, значит, кто-то оказал ему эту маленькую услугу. И если этот кто-то не пришел сюда только для того, чтобы позабавиться и поднимать тяжести, следует признать, что у него было намерение спасти Дислад-Хамеда, что он и сделал.

Во время этого разговора Утсара, не пропустивший ни единого слова, безумно боялся, как бы упрямый Крату не заставил Варуну обследовать колодец изнутри, его неминуемо бы нашли и отвели к старшему из Трех вместе со сторожем, который, как был уверен факир, лежал без сознания где-то в колодце.

Но довод Варуны казался таким убедительным и бесспорным, что Крату не стал спорить с очевидностью, а главное, с единодушным мнением товарищей.

— Нечего без пользы терять здесь время, — подытожил Варуна, — помогите мне положить плиты и пойдем доложим о случившемся.

Едва Утсара успел подумать о последствиях этого решения, как обе плиты были водворены на место, звук шагов факиров стал постепенно стихать, и под одинокими сводами воцарилась обычная для этих мест мертвая тишина.

Утсара мгновенно вскочил на ноги и стал в отчаянной ярости звать на помощь. Бесполезно! Звук его голоса не проникал наружу, все жалобы, все крики глохли в подземелье, не случайно названном колодцем Молчания.

Факир вдруг ясно понял, что погиб безвозвратно. Никакая человеческая сила не могла поднять две гранитные плиты, закрывавшие отверстие колодца. Одну плиту Утсара, обладавший геркулесовой силой, еще мог бы осилить, встав на плечи сторожу. Но сдвинуть две плиты было абсолютно

невозможно, приходилось оставить всякую надежду на успех. Поэтому пленник и стал звать на помощь, предпочитая ожидавшую его при этом участь ужасной смерти от голода в колодце Молчания.

Крики его постепенно перешли в вой, в котором не было ничего человеческого. Несчастному казалось, что кричит не он. Благодаря особому расположению страшного подвала звуковые волны отражались от круглого свода и сходились в центре, где находился Утсара, оглушая его.

В какой-то момент ему почудилось, что сторож, придя в себя, кричит вместе с ним, но, выбившись из сил и замолчав, он понял, что один молил о помощи — о помощи, которая никогда не придет. Сколько таких криков слышали эти мрачные стены!

Поначалу Утсара поддался вполне понятному чувству страха, но это был человек крепкой закалки, и даже самые безвыходные ситуации не могли надолго сломить его, поэтому довольно быстро он обрел присущее ему хладнокровие.

— Не может быть, чтобы сторожа не было здесь, — сказал он себе, — ведь вторую плиту, закрывавшую колодец, сдвинул я сам. Надо найти его, привести в чувство, а там посмотрим.

Как мы помним, Утсара, полагая, что ему придется вступить в рукопашный бой, снял с себя всю одежду. Теперь он горько пожалел об этом. Будучи курильщиком, как все индусы, он сумел бы что-нибудь найти в карманах и развести огонь. Теперь же единственное, что ему оставалось, — идти ощупью вдоль стены в поисках Дислад-Хамеда. Под ногами его, ударяясь одна о другую, зловеще скрипели кости, порой он спотыкался о перекатывающиеся черепа, напоминавшие ему о том, что никому не удалось выйти отсюда живым. Он задыхался от тошнотворного запаха, усиливавшего непреодолимое отвращение, которое все индусы питают к бранным останкам.

Но напрасно Утсара исследовал подземелье, он ничего не нашел. Факир обошел его раз, другой, третий, все попусту!

— И все-таки, — сказал он с яростью, — сторож не мог бежать. Ему не только не под силу было сдвинуть плиту, но и сделай он это, он не смог бы выбраться из коридора, ведущего к залу, где находится колодец. Попасть туда можно только через потайной ход, а Дислад-Хамед не мог знать о нем.

Суеверный, как все его соотечественники, он уже готов был допустить чудесное вмешательство одного из духов — защитников семьи Хамеда, как вдруг ему пришла в голову

мысль, что биджапурский сторож нашел ход, ведущий из подземелья, тем более что в свое время он сам удивился его отсутствию.

Он снова принялся за поиски и, вспомнив, что в одном месте ему попалось углубление, направился туда, но не довольствуясь поверхностным осмотром, провел рукой по стене, разгребая кости. Вдруг он наткнулся на верхнюю часть отверстия, которое ему показалось достаточно большим, чтобы туда мог пролезть человек. Утсара принялся энергично разбирать скопление костей и наконец полностью расчистил проход, в точности такой же, как и в других стенах дворца. Но радость его тотчас же померкла, ибо, ощупав отверстие, он понял, что оно никогда не закрывалось. Из этого легко можно было сделать вывод, что подземелье было предназначено для пленников, обреченных на голодную смерть. Проход, должно быть, заканчивался тупиком и не сообщался с другими частями здания, дабы несчастные не могли бежать.

Все же у Утсары сохранялась слабая надежда, он подумал, что было бы бессмысленно строить ход, который не соединял бы две разные части дворца. Умея открывать любую потайную дверь, он мог поручиться, что сумеет выбраться на свободу.

Закончив работу, он осторожно вытянул вперед ногу, держась руками за стенки, ибо обычно выходы из таких застенков — самые настоящие ловушки, предназначенные для того, чтобы осужденные падали в глубокие, отвесно вырытые колодцы. Факира охватила невыразимая тревога, когда вместо того, чтобы почувствовать твердую землю, его нога повисла в пустоте. Сомнений не было, он попал в западню, этим и объяснялось молчание Дислад-Хамеда, вероятно, рухнувшего в какую-нибудь пропасть. К счастью, тревога оказалась ложной, и скоро нога его уперлась в твердую поверхность. Продвигаясь с крайней осторожностью, он понял, что спустился с первой ступеньки лестницы. Но прежде, чем двигаться дальше, Утсара сложил ладони рупором и крикнул изо всех сил:

— О! Эй! Хамед!.. Это я, факир Утсара!

Он прислушался, но до него не донеслось ни единого звука. Подождав немного, факир стал спускаться, считая ступеньки. Зная число ступеней, ведущих из зала, куда выходил колодец, до поверхности земли, он мог таким образом определить свое местоположение. Насчитав шестьдесят две ступеньки, он решил, что находится на уровне земли. Прежде чем продолжать спуск, он снова принялся звать сторожа, особенно

громко выкрикивая свое имя, только оно могло внушить доверие Дислад-Хамеду, если тот еще был жив.

На сей раз его попытка увенчалась успехом: в ответ раздался крик изумления и безумной радости. Чтобы избежать грозившей ему пытки, сторож действительно укрылся в обнаруженном им проходе, имя Утсары было для него синонимом спасения.

— Где ты? — крикнул ему факир.

— Внизу, под тобой. Подожди, я сейчас поднимусь.

— Не надо, оставайся на месте, я сам спущусь к тебе.

Факир продолжал считать ступени. Он так хорошо знал внутреннее и внешнее устройство огромного здания, что надеялся определить местонахождение, направление, глубину и назначение лестницы, ибо ничто в этом дворце не делалось без цели.

Сторожу не терпелось встретиться с Утсарой, он не знал, что факир так же, как он сам, мечтает выбраться из мрачной темницы. Пройдя сто двадцать восемь ступеней, Утсара встретился со сторожем. Дислад-Хамед схватил его за руки и стал целовать их с восторгом, называя его своим спасителем, он плакал, бормотал что-то и от избытка чувств готов был снова упасть в обморок.

— Мужайся, мой бедный Хамед! Я заперт здесь так же, как и ты, и пока не знаю, как отсюда выбраться.

Утсара вкратце рассказал сторожу обо всем, что произошло. Против ожидания Дислад-Хамед вовсе не был сражен столь неприятной новостью, он настолько верил в находчивость Утсары, что был убежден — факир сумеет выпутаться из создавшегося положения.

— Есть у тебя огонь? — прежде всего спросил факир.

— Да, — ответил сторож, — к счастью, у меня при себе большая коробка восковых спичек. Я пользовался ими, зажигая фонарь на башне пагоды.

— Слава Шиве! — воскликнул Утсара. — Нам хватит их минут на десять, и мы сможем понять, где находимся. Почему же тогда ты сидел в темноте?

— Я слышал какой-то шум над головой и, естественно, подумал, что факиры Кишнаи ищут меня.

— Хорошо! Давай мне коробку, смотри не урони, быть может, она спасет нас.

— На, возьми, — ответил сторож.

— Все в порядке! Она у меня в руках. Ты спустился до самого конца лестницы?

— Нет, я не посмел, боясь свалиться в какую-нибудь пропасть.

Утсара зажег спичку и при слабом ее мерцающем свете быстро огляделся вокруг. Черное зияющее отверстие по-прежнему уходило вниз под тем же углом, конца коридора видно не было.

— Надо пройти до конца туннеля, — подумав, сказал факир. — Пусти меня вперед, я должен обследовать каждый камень в стене. Во всем дворце нет похожего места. Надеюсь, что колодец соединен с подземными ходами, тогда, если на то будет воля Браммы, бессмертного отца богов и людей, мы выберемся отсюда до восхода солнца.

Впрочем, одно беспокоило факира: в длинном коридоре не чувствовалось ни малейшего сквозняка, это доказывало, что ни с одной стороны он не сообщался с поверхностью. В таком случае что же ждало их в конце спуска?

Ночной сторож шел по пятам за другом, с тревогой ловя каждый его жест, но лицо факира оставалось непроницаемым. Однако по мере продвижения вперед по телу его вдруг пробежала нервная дрожь. Предвидел ли он ужасную истину? С какого-то момента снизу стали подниматься влажные зловонные испарения. Для Утсары, привыкшего обращать внимание на любую мелочь, это не предвещало ничего хорошего.

— Можно подумать, что мы приближаемся к какому-то зачумленному болоту, — прошептал сторож.

Его спутник оставил замечание Хамеда без ответа, он давно уже был этим обеспокоен.

Вдруг впереди послышался странный шум. Казалось, что кто-то шлепает по камням мокрым бельем. Они увидели, что по ступеням прыгают в огромном количестве, толкаясь и теснясь, гигантские индийские жабы. Ни один из представителей наших земноводных не может дать о них даже самое слабое представление, эти мерзкие твари достигают тридцати трех сантиметров в длину и двадцати пяти — тридцати — в высоту.

Их было столько, что казалось, будто по лестнице с ужасным хлюпаньем медленно стекает лава черной грязи. Это отвратительное зрелище заставило бы содрогнуться любого храбреца, но именно оно давало надежду, что коридор имеет выход наружу.

Скоро характер шума изменился, точнее, он перерос в другой — казалось, множество тел с плеском погружалось в воду. Очевидно, туннель заканчивался каким-то болотом, ибо последняя часть его была вырыта в земле. Факир почувствовал, как надежда оставляет его, случилось то, чего он боялся больше всего.

Дело в том, что снаружи имелся колодец, примыкавший к стене дворца. Оттуда теплыми летними ночами часто вырывались языки пламени, которые, мерцая, гасли затем в высокой траве. Суеверные жители утверждали, что колодец сообщается с адом, поэтому ни один из жителей Биджапура, даже ради спасения души, не осмелился бы прийти туда за водой.

Утсара давно уже доискивался до причин, по которым колодец был вырыт возле самого дворца. Теперь же, спускаясь вниз и сравнивая его расположение с направлением лестницы, он подумал, не соединены ли оба колодца между собой, чтобы удалять смрадные газы, образующиеся в темницах от гниения трупов. Чем дальше он шел вперед, тем с большим ужасом убеждался в правильности своей гипотезы. Газы скапливались, растворялись в резервуаре с водой, находившемся внизу лестницы, затем через колодец выходили наружу в виде фосфористого водорода, он воспламенялся от соприкосновения с воздухом, образуя блуждающие огоньки, этим и объяснялось отсутствие двери между подземельем и лестницей.

Хотя факиру все было ясно, он еще пытался сохранить хоть какую-то надежду, но падение жаб в воду доказывало, что спуск заканчивался водоемом. Пришла пора признаться себе в том, что оба они обречены на смерть.

Когда последняя жаба исчезла на илистом дне, на поверхность поднялись сотни тысяч пузырьков воздуха, свидетельствовавших о том, что чудовища постепенно выпускали из легких накопленный в них воздух.

— Вот так раз! — сказал сторож, тупо уставившись на водную поверхность.

— Вот так раз! Мой бедный Хамед, к чему скрывать от тебя правду? — сказал Утсара. — Вода представляет для нас непреодолимую преграду, нам остается только искать наименее безболезненный способ покончить с собой. Полагаю, ты не собираешься выносить ужасные страдания, умирая от голода.

— Умереть! — проговорил сторож, совершенно растерявшись. — Умереть! Не может быть, Утсара, чтобы ты не нашел способа выбраться отсюда.

— Я его не знаю... Его нет, — с рыданием в голосе ответил факир.

Это было единственное проявление слабости с его стороны. Затем он твердо произнес:

— Сторож, судьба каждого предначертана заранее, каждый получает воздаяние в зависимости от своего предыдущего

существования. Надо полагать, в прежней жизни мы совершили преступления, за которые не расплатились, ибо в момент нашего рождения боги записали в Книгу судеб все, что случилось с нами сегодня. Не стоит бороться против воли богов, ибо сказано, что вечная награда ждет того, кто безропотно искупит свои грехи, душа его будет избавлена от земных скитаний и растворится в великой душе.

— Утсара! Утсара! — вдруг прошептал сторож. — Послушай, нас преследуют... Вот они идут, спрячь меня... защити меня...

— Ты ошибаешься, Хамед, все тихо. К несчастью, никто за нами не гонится. Они думают, что ты бежал, и плита навсегда закрылась над нашей могилой.

— Да, я бежал, — пробормотал сторож, напевая какую-то странную мелодию. — Посмотри, как нам хорошо здесь, в тени пальм...

— Успокойся, — сказал факир, решив, что от страха сторож просто бредит.

Вдруг Хамед поднялся, взгляд его блуждал, волосы были всклокочены. Сжав кулаки, он страшно закричал:

— Прочь отсюда, факир, уходи! Разве ты не знаешь, что я проклят? Руки мои запятнаны кровью моих братьев. Там, сзади, ужасные ракшасы, они нападают на меня, они грызут мои внутренности...

И прежде, чем Утсара опомнился от удивления, сторож исчез в грязной тинистой воде, подняв брызги и погасив спичку в руках факира. От страха Хамед сошел с ума!

— Что ж, тем лучше! — воскликнул Утсара, слегка успокоившись. — Этот человек не сумел достойно умереть. Теперь очередь за мной.

Он не хотел бросаться в мерзкую клоаку, поэтому вынул из ножен кинжал, с которым никогда не расставался, и поднял руку, чтобы нанести удар себе в сердце...

Верный слуга, он умирал за великое и благородное дело, которое защищал его господин, ибо факир знал, как страшен Кишнаья, как трудно будет победить его в тот день, когда туг узнает, что разоблачен. Утсара, не дрогнув, собирался принести себя в жертву, не зная, что тугу уже известна вся правда. Он умирал довольный, что сторож больше никогда не заговорит.

Утсара поднял руку... Еще две секунды, и все было бы кончено, как вдруг посреди водоема раздалось бульканье и послышался хриплый, полузадушенный голос Дислад-Хамеда. Холодная вода остудила возбуждение сторожа. Прекрасный пловец, как и большинство индусов, при сопри-

косновении с водой он инстинктивно задержал дыхание и пошел ко дну, не сознавая, что делает. Опомнившись, он тут же всплыл на поверхность.

Хамед не помнил, что сам бросился в воду, и думал, что случайно поскользнулся на ступеньках.

— Ко мне, Утсара, — сразу же проговорил он. — Зачем ты погасил свет, я ничего не вижу!

Факир колебался.

— Где же ты? — задрожавшим от ужаса голосом спросил несчастный.

«К чему спасать человека, заранее обреченного на гибель?» — сказал было себе Утсара. Но затем понял, что не имеет права оставлять сторожа умирать, и поспешил ответить:

— Сюда, Хамед! Лестница должна продолжаться под водой.

Сторож, плававший с другой стороны, ориентируясь на голос Утсары, вылез из воды и с облегчением вздохнул. Избежав смерти, в какой бы ситуации ни оказывался потом человек, он почти всегда бурно радуется жизни.

— Уф! — сказал он, несколько раз глубоко вздохнув, — Скверно умереть от воды...

— Ты предпочитаешь кинжал? — холодно спросил факир.

— Ни то, ни другое, Утсара. Я почему-то думаю, что мы выйдем отсюда.

— В таком случае ты останешься здесь один поджидать чудодейственного спасения, ибо я не разделяю твоей уверенности. Прощай, Хамед!

— Во имя неба, остановись, Утсара! Послушай меня, я скажу тебе одно лишь слово, а потом делай что хочешь. Но прежде дай мне коробку со спичками, я хочу взглянуть на тебя в последний раз.

Слабый, неверный свет осветил двух мужчин.

— Говори, что тебе от меня надо? — спросил факир. — Но предупреждаю, тебе не удастся изменить мое решение.

— Выслушай меня, — с неожиданной серьезностью сказал сторож. — Ты знаешь, что боги запрещают покушаться на свою жизнь. Душа человека, нарушившего запрет, тысячи раз переселится в тела самых низких тварей, пока снова не обретет человеческое достоинство, — так говорит божественный Ману.

— Боги не могут осудить человека, дни которого сочтены, за то, что он хочет избежать чудовищной, мучительной смерти от голода. Ты хочешь дожидаться минуты, когда один из нас, обезумев от боли и ярости, набросится на другого, чтобы насытиться его плотью и кровью?

— Боги не простят тебе, если ты сразу же начнешь сомневаться в их доброте и справедливости. Ты не подождал ни дня, ни часа и осмеливаешься говорить, что исполняешь высшую волю. А если боги хотят испытать тебя? И помощь придет, если ты не разуверишься в них? Ты ведь знаешь, Утсара, что покусившегося на свою жизнь ждут страшные мучения, он тысячи раз должен будет переселиться в тела пауков, змей, хамелеонов, водяных птиц, вампиров, он станет собакой, кабаном, ослом, верблюдом, козлом, быком и, наконец, парией. Так говорит Ману. С чего же ты взял, что человеку позволено покончить с собой, дабы избежать страданий и испытаний, ниспосланных ему богами?

Единственное образование, получаемое индусами, состоит в изучении Вед и законов Ману, они заучивают их наизусть с самого раннего детства. Факир знал содержащуюся в них премудрость так же хорошо, как и сторож, но после слов Хамеда задумался. Священное слово имеет на индусов поразительное влияние. Наконец Утсара ответил:

— Может быть, ты и прав, сторож. Чего ты от меня хочешь?

— Чтобы ты терпеливо ждал вместе со мной, призывая на помощь твоего духа-защитника. Я поступлю точно так же, и если при первых муках голода к нам не подоспеет помощь ни с неба, ни от людей, ну что ж, клянусь тебе страшной клятвой, я первый убью себя на твоих глазах, ибо не думаю, что богам будет приятно зрелище двух людей, набросившихся друг на друга, словно дикие звери.

— Будь по-твоему! Я согласен, — с усилием произнес факир, — но когда придет время, не забудь о своей клятве.

Сторож, к которому вернулась уверенность, совершенно преобразился, это был другой человек. Как все слабые и суеверные люди, он не задумывался больше над безысходностью ситуации. Должно было случиться чудо и спасти его, и он поверил, что оно произойдет. Этого было достаточно, чтобы придать ему мужества, на которое, зная его трусость, он, казалось, был не способен.

Он собирался ответить товарищу, что тот мог, безусловно, рассчитывать на его слово, как вдруг остановился на середине фразы и удивленно вскрикнул так, что факир, вкладывавший кинжал обратно в ножны, вздрогнул.

— Что с тобой? — спросил Утсара.

— Смотри, смотри! — воскликнул сторож с неудержимой радостью.

— Что такое? — Факир, экономя спички, не стал больше зажигать их.

— Там... там... На дне!

Факир посмотрел туда, куда указывал сторож, и сам не смог сдержать изумленный крик.

На глубине примерно двадцати метров под водой появился светящийся, правильной формы круг, окруженный лучами, похожими на нимб вокруг головы святого.

— Посмотри же, факир! Посмотри! — в восторге кричал сторож. — Разве это не знак, который нам посылают боги, чтобы показать, что они слышат нас и одобряют наше решение?

— Увы, мой бедный Хамед, ты вновь заблуждаешься, — ответил Утсара, сразу поняв, в чем дело. — Напротив, это отнимает у нас последнюю надежду. Коридор, по которому мы шли, как я и предполагал, предназначен для проветривания подземелий. Солнце находится сейчас прямо над колодцем, его свет, проникая через узкий ход, соединяющий оба резервуара с водой, и отбрасывает этот круг. Смотри! Он меняет свою форму по мере движения солнца. Круг появится и завтра и даст нам возможность — жалкое утешение! — точно подсчитать прожитые нами дни.

Действительно, был полдень, постепенно, как и сказал факир, круг заметно вытянулся, потом исчез, и все погрузилось в тишину и мрак.

Глава III

Смертельная тревога. — Никакой надежды на помощь. Галлюцинации. — Мучительные сны. — План факира. — Минуты под водой. — Побег. — Замурован! — Брамамма. — Спасен! — Поручение.

Остаток дня не внес никаких изменений в положение пленников. Помимо того, что им не откуда было ждать помощи, особенно угнетала и мучила их царящая вокруг, ничем не нарушаемая мертвая тишина. Тишина эта в соединении с кромешной тьмой привела к тому, что они находились в состоянии, близком к бредовому.

Человек с помощью органов чувств живет в постоянном общении с природой, обычно даже не замечая этого, хотя подобный контакт составляет неотъемлемую часть его жизни и индивидуальности. Будучи лишен этого общения, он испытывает чувство огромной пустоты и небытия. Шум, доносящийся с улицы, небо, ветер, проплывшее вдалеке облачко, пролетевшая мимо птица, блеснувший в листве

солнечный луч, восходы и закаты, уличная толпа, предметы, заполняющие жилище, на которых время от времени отдыхает его рассеянный взгляд, — все это постоянно вызывает в человеке цепь бессознательных, смутных ассоциаций. Он не отдает себе в них отчета, они задевают его лишь мимоходом, не проникая глубоко, не отвлекая от серьезных мыслей, не мешая повседневным занятиям. Но отнимите у человека эти впечатления — и равновесие его жизни нарушится, ибо это своеобразная гимнастика ума, она развлекает и занимает нас, не утомляя, представляя собой постоянное движение живой машины, которое прерывается только сном и останавливается только со смертью... Кстати, и во сне не происходит полной остановки, мозг по-прежнему связан с внешней реальностью. Поговорка «*mortis somnium imago*»*, стало быть, неверна, поскольку мозг продолжает функционировать, заменяя работой памяти недостающие внешние ощущения.

Дислад-Хамед и Утсара, оказавшись в полной тишине и мраке, где ничто не привлекало зрение и слух, где ум бездействовал, вынуждены были черпать в запасах памяти, чтобы давать мысли постоянную пищу. Но как случается со всеми заключенными, мозг, будучи замкнут на самом себе, питаясь лишь собой, не получая ощущений и впечатлений извне, довольно быстро впадает в состояние дремоты, близкой ко сну, что прямо ведет к галлюцинациям. Именно это и произошло с факиром и его приятелем сторожем, к тому же склонными к суевериям. Они вдруг стали слышать странные звуки, перед ними возникали фантастические видения. Им казалось, что чьи-то мертвенно-холодные руки касаются их лица, их полуголых тел, они хотели кричать, но крик застревал в горле, парализованном страхом. Покрытые ледяным потом, начиная испытывать муки голода, несчастные впали в состояние физического изнеможения, которое, к счастью, погрузило их в глубокий сон.

Утсара проснулся первым. Он не мог понять, сколько времени он проспал, но почувствовал, что отдых подкрепил его силы. Ровное, мерное дыхание товарища по несчастью указывало, что тот еще спит. Оставив его в сладостном забытье, факир принялся вновь и вновь изыскивать способ выбраться из адской ловушки. Он не питал никаких надежд, ибо ему казалось, что он перебрал все возможные варианты. На помощь извне рассчитывать не приходилось, в этом не было ни малейшего сомнения. В который раз Утсаре при-

* Сон подобен смерти — (лат.)

ходилось признавать свое бессилие, к тому же количество трупов ясно указывало на то, что подземелье никогда не выпускало вверенные ему жертвы.

Тем не менее, рассуждая более спокойно и здраво, чем накануне, он вдруг пришел к мысли, которую сперва отбросил как неосуществимую. Затем, как часто бывает, чем больше он обдумывал эту возможность, тем серьезнее стали ему казаться шансы на успех, тем менее непреодолимыми — трудности. В конце концов он решил испробовать это крайнее средство, даже если ему придется погибнуть. Не лучше ли было умереть, пытаясь спастись, чем покорно ждать неизбежного конца?

Приняв решение, он хотел было разбудить Дислад-Хамеда. Утсара не знал, обладает ли сторож необходимыми качествами, чтобы совершить дерзкий побег. Он уже протянул руку, чтобы легонько встряхнуть спящего, но замер... Бедный сторож видел сон и говорил вслух. Он находился на вершине минарета, собираясь ударить в гонг и объявить, что наступает утро. Утсара услышал, как он бормочет дивные стихи из Ригведы, посвященные солнцу, все индусы читают их по утрам, на рассвете, совершая омовение.

При первых же словах сторожа факир вспомнил, что впервые в жизни, с тех пор, как он попал в колодец Молчания, пренебрег религиозными предписаниями, которые каждый индус обязан исполнять ежедневно на восходе и закате солнца. Сочтя сон Дислада за предупреждение богов, он немедленно пал ниц и прочитал вслух знаменитое обращение к светилу, начальные строки которого пробормотал Дислад-Хамед. Затем, спустившись к воде по каменным ступенькам, он, согласно ритуалу, совершил омовение, сопровождая его заключительными строками гимна.

Молитва ободрила его. Заручившись поддержкой богов, он ощутил, как в него вливаются новые силы, и у факира появилось предчувствие, что сегодня ему удастся выбраться из страшной тюрьмы.

Он поднялся к мирно спавшему товарищу и, разбудив его, сказал:

— Сторож, пока ты спал, меня посетил Вишну и внушил мне план, от которого будет зависеть наше с тобой спасение.

— Кто говорит со мной? Где я? — спросил сторож, который во сне унесся далеко от печальной действительности.

— Это я, Утсара, твой друг. Очнись, — ответил факир.

— О, зачем ты потревожил мой сон, я находился дома, среди близких, готовясь к омовению и молитвам...

— Хамед, сейчас не время спать, надо действовать, если ты хочешь увидеть свою семью не только во сне.

— Ты же знаешь, что у нас нет никакой надежды выбраться отсюда, мы все испробовали... Ах, как сладко было спать, сон — это забвенье.

— В нашем положении, без пищи, которой мы могли бы подкрепить силы, сон — это смерть, а я не хочу умирать здесь.

— Что ты собираешься делать?

— Я уже сказал тебе, что мне было внушение свыше. Слушай и не перебивай меня, время не ждет. Если мы упустим благоприятный момент, нам придется ждать завтрашнего дня, а кто знает, хватит ли у нас сил, чтобы осуществить мой план.

— Говори, я буду нем как рыба.

— Вчера ты заметил, что светлый круг появился на дне в тот момент, когда над колодцем стояло солнце. Значит, несомненно, существует сообщение между резервуаром с водой, омывающей лестницу, на которой мы находимся, и колодцем, выходящим наружу. Так вот, когда сегодня круг появится снова, мы должны воспользоваться тем временем, пока солнце освещает место сообщения двух резервуаров. Надо нырнуть, доплыть до светлого круга и затем подняться на поверхность уже в колодце. Там по внутренним выступам стен мы с легкостью доберемся до выходного отверстия и обретем свободу... Как тебе мой план? Разве он и впрямь не внушен мне небом? Почему ты молчишь?

— Увы, бедный мой Утсара! Очень может быть, что твой план осуществим, но...

— Ты не умеешь плавать? — перебил его факир.

— Умею, — с грустью ответил Дислад-Хамед, — но я так и не научился нырять, а для того, чтобы сделать то, что ты мне предлагаешь, нужно быть искусным нырляльщиком. Поэтому я не смогу последовать за тобой.

— Хорошо, — решительно ответил факир, — я попробую один. Если я добьюсь успеха, мы оба воспользуемся этим, тебе даже будет гораздо легче, чем мне.

— Как! Ты хочешь покинуть меня и еще шутишь надо мной!

— Клянусь Шивой! Сторож, я думаю, ты еще не проснулся. Даже ребенок понял бы, что я имею в виду. Неужели ты не знаешь, что мне известны все тайные выходы дворца Адил-шаха? Ночью, чтобы не возбуждать подозрений, я вернусь к тебе через подземелье, как я это сделал два дня тому назад.

— Прости меня, — ответил бедняга, дрожа всем телом при мысли, что ему придется остаться одному, — но я уже так ослаб от отсутствия пищи, что не понял тебя.

— Сторож! Утсара не из тех, кто бросает товарищей по несчастью. Хотя твоя роль во всем, что произошло, не ясна, ты будешь спасен, клянусь душами предков, если я сумею осуществить мой план. Взамен я прошу у тебя только одного — помочь мне отомстить гнусному Кишнае.

— О, это я тебе обещаю! — воскликнул сторож с такой искренностью, что ему нельзя было не поверить.

— Хорошо, Дислад... Теперь дай мне приготовиться. Как только появится свет, мне нельзя терять ни минуты.

Как мы помним, факир, задумав похитить сторожа, снял с себя всю одежду, на нем был только легкий кусок полотна, обвивавший бедра. Он развязал его и отдал Дислад-Хамеду, чтобы не зацепиться за шероховатости стен в узком проходе, соединяющем оба резервуара. Сделав это, он набрал в ладони немного воды и стал энергично растирать руки и ноги, чтобы их не свело судорогой в самый опасный момент. Затем заплел свои длинные волосы, падавшие ему на плечи, и завязал узлом на макушке.

— Я готов, — сказал Утсара, — остается только ждать. Самое главное — не упустить момент и воспользоваться тем кратким мгновением, когда проход будет освещен. Здесь драгоценна каждая секунда.

Стоя на последней ступеньке, с напряжением глядя в черную глубину, они с лихорадочным нетерпением ждали, когда появится луч света, который принесет им свободу и избавление или успокоение в смерти. Они так торопились, думая, что до появления солнечного круга у них мало времени, что теперь минуты казались им вечностью.

Будучи наготове, Утсара сказал сторожу:

— Как только я нырну, поднимайся по лестнице до подземелья со скелетами. Если вокруг дворца никого не будет и мне удастся попасть туда днем, я тут же приду за тобой.

— А если не придешь? — дрожа, спросил сторож.

— Ты считаешь, что я способен забыть свое обещание?

— Нет, но мне вдруг пришла в голову одна мысль, и мне стало страшно за тебя.

— Какая мысль? Ты колеблешься? Не бойся, я готов ко всему.

— А вдруг случится так, — замямвшись, сказал сторож, — что проход окажется слишком узким, и ты застрянешь там, не имея возможности продвинуться ни вперед, ни назад, и тогда...

— Я умру, задохнувшись? Ты это хотел мне сказать, не так ли?

— Да, именно это.

— Ну что ж, мой бедный Дислад-Хамед, я тоже думал об этом. Но от нас с тобой ничего не зависит, так что лучше не обсуждать подобную возможность. Ясно, что сюда я не вернусь. Либо я выберусь на свободу, либо погибну. Если через несколько часов я не приду за тобой, ты можешь завтра не ждать появления солнечного круга — мое тело перекроет сообщение между двумя резервуарами.

При этих словах, сказанных факиром беззаботным тоном, биджапурский сторож почувствовал, как на него вновь нахлынул ужас... Какая страшная участь ожидала его — медленная и неумолимая смерть в чудовищной темнице, которую его воспаленное воображение уже населяло призраками и фантастическими существами.

— Я последую за тобой, если ты не вернешься, — шепотом сказал он факиру. — Лучше утонуть, чем умереть от голода.

Под влажными сводами вновь установилась тишина, которую время от времени нарушал хлюпающий звук, словно камень падал в грязь: это одна из гигантских жаб, успокоенная неподвижностью людей, решилась вылезти из воды и стала резвиться на грязных ступенях.

Прошло около часа, круг не появлялся. Оба пленника, потеряв всякое представление о времени, вообразили, что проспали подходящий момент, и с ужасом подумали о том, что попытку факира, который готов был пожертвовать собой ради общего спасения, придется отложить до завтра. Вдруг в глубине они заметили беловатое пятно, простое отражение солнечного света, лучи которого освещали отверстие колодца.

У обоих вырвался крик, в который они вложили всю свою душу. Факир не стал ждать, пока пятно станет светлее, зажав кинжал между зубами, он сложил руки и храбро нырнул в солоноватую, вязкую воду, бросив Дислад-Хамеду:

— Жди и надейся!

В течение нескольких секунд сторож мог следить за происходящим под водой. Светлый круг увеличился в размерах, стал ярче, и Дислад увидел, как к нему приблизилась черная масса, выжидающе остановилась, затем почти сразу же вытянулась, тогда как светлое пятно уменьшилось, как это бывает во время затмения, и все исчезло: факир проник в ход, соединяющий оба резервуара.

Дислад-Хамед упал на колени, призвав на помощь товарищу духов, защищающих человека на всем его жизнен-

ном пути. Но едва он произнес первые слова молитвы, как вдруг вскочил с радостным воплем и принялся танцевать, словно безумный, рискуя потерять равновесие на скользком полу и свалиться в воду. Все его страхи мгновенно улетучились. Не прошло и минуты — а именно столько времени самый крепкий и тренированный человек может оставаться под водой, — как светлый круг появился снова перед изумленным взором биджапурского сторожа. Сомнений не было, факир преуспел в своей, казалось, безнадежной затее, и, насколько мог судить сторож, ему это удалось с поразительной легкостью. Теперь он мог терпеливо дожидаться возвращения друга. Его освобождение было вопросом времени, факиру надо было только проникнуть во дворец. Немного успокоившись, сторож принялся ловко взбираться по подземной лестнице и оказался в подземелье, куда его запер Кишнаия. Теперь Дислад-Хамед был готов отозваться на первый же призыв товарища.

Утсара часть своей жизни провел в Сальсетте и, подобно всем индусам, уроженцам океанского побережья или великих рек, был великолепным пловцом и ныряльщиком. Несмотря на это, он не смог бы осуществить задуманное, если бы в подводном канале ему встретилось хоть малейшее препятствие. Он находился на глубине около тридцати метров. В обычных условиях факир мог бы достичь ее, только используя методы ловцов жемчуга, которые увеличивают свой вес, ныряя с камнем весом 30—40 ливров. Максимальная глубина, которой может достичь самый умелый ныряльщик, составляет от тридцати шести до сорока локтей, то есть от шестнадцати до восемнадцати метров. Только невероятным усилием, цепляясь за камни стены, Утсара смог проникнуть в узкий канал, соединяющий оба резервуара. В тот момент, когда он уже начинал задыхаться и, несмотря на все его усилия, легкие потребовали новой порции свежего воздуха, лишь непреодолимое чувство отвращения заставило его не открыть рот. Факир с величайшим трудом подавил произвольную судорогу... На дне было полно органических отбросов, и Утсару вдруг окружили огромные безобразные саламандры, которые приняли его за новую добычу. Он задрожал и понял, что, попади ему в бронхи хоть капля воды, он тут же потеряет сознание и неминуемо погибнет. Тогда Утсара призвал на помощь последние силы и одним рывком преодолел соединительный канал, открывавшийся во второй колодец широким отверстием, через которое и проникал солнечный свет.

Как только Утсара оказался в колодце, он энергично

заработал ногами и за десять секунд всплыл на поверхность. Его побагровевшее лицо и хлынувшая из носа кровь свидетельствовали о том, каких сверхчеловеческих усилий потребовало от него столь длительное пребывание под водой, он оставался там в течение семидесяти двух секунд.

От первого глотка воздуха он едва не потерял сознание и был вынужден опереться об один из многочисленных каменных выступов, которые индийские каменщики устраивают, чтобы облегчить затем чистку колодцев. Немного отдохнув, факир продолжил путь наверх. Прежде чем высунуться наружу, он внимательно прислушался, чтобы определить, не будет ли рискованно, если он покинет свое временное убежище.

Солнце изливало огненные лучи на пустынную равнину, простиравшуюся у подножия старого дворца Адил-шаха. Земля расплавлялась от невыносимой жары, от которой прячутся даже туземцы. Было около полудня, ибо только когда солнце находилось в зените, его лучи, падая отвесно в колодец, порождали то необычное явление, которому Утсара был обязан спасением. В это время жара становится настолько изнуряющей, что наступает час, когда все живое отдыхает. Люди и животные располагаются в густой тени тамариндов и на тропинках в джунглях, в крытых листвой хижинах и внутренних покоях дворцов. Всякая работа останавливается, прекращается всякая борьба, все замирает, все дремлет.

Легкие вдыхают раскаленный воздух, крови недостает кислорода. Все ждут, когда морской бриз или северные ветры принесут желанную прохладу.

Видя, что вокруг все тихо, Утсара решился покинуть колодец и, словно змея, проскользнул в соседнюю рощу, где молодые пальмы, увитые лианами, надежно защищали от солнечных лучей. Но убедившись, что его никто не видел, факир быстро вышел оттуда. Дворец Адил-шаха был всего в нескольких шагах. В окружавшем дворец рву находился потайной вход, известный только посвященным. Факир прополз в высокой траве и скрылся внутри. Он торопился освободить сторожа, а затем обо всем рассказать браматме.

Гробовая тишина царила в этой наименее посещаемой части дворца, где находились подземные тюрьмы, в которых прежде сотнями исчезали неугодные раджам люди. Зал, в который выходил колодец Молчания, был неподалеку. Утсара поспешил туда, стараясь дышать и ступать неслышно.

Факир, не подозревая о происшедших событиях, инстин-

ктивно чувствовал, что встреча с товарищами, служившими верховному трибуналу, могла бы оказаться для него опасной. Он не знал, собирался ли браматма раскрыть факирам дворца Адил-шаха истинное лицо того, кого они принимали за старшего из Трех, но кто на самом деле был вождем душителей, подлым Кишнойей. Сторожа бросили в колодец Молчания по его приказу, поэтому было ясно, что, если факиры застигнут Утсару в тот момент, когда он будет помогать Дислад-Хамеду бежать, он сможет объяснить им свое поведение, только раскрыв эту тайну, что, возможно, не совпадало с планами браматмы. Тем не менее он был бы вынужден так поступить, иначе они оба вновь оказались бы в руках Кишнойи, и на сей раз их ждала бы неминуемая смерть.

Утсара беспрепятственно достиг зала, где находился колодец, и уже был уверен в успехе, когда, нагнувшись, чтобы сдвинуть плиту, с ужасом увидел, что она накрепко зацементирована.

Страшное волнение сжало ему сердце, он вынужден был опереться о стену, чтобы не упасть в обморок. Как же теперь спасти сторожа?

Разбить цемент с помощью зубила было делом невозможным. Кроме того, что оно потребовало бы нескольких часов работы, при первых же ударах молотка о железный инструмент эхо разнеслось бы во все стороны, и он тут же попал бы в руки тайного трибунала, не успев довершить начатое... Несчастный сторож уже, конечно, поднялся в подземелье и, дрожа от радости, веря обещанию Утсары, ждал спасения.

— Что делать? Что делать? — бормотал несчастный Утсара, будучи убежден, что иного сообщения с колодцем Молчания не было. Он впал в полное отупение и никак не мог навести порядок в мыслях, в голове у него все запуталось окончательно... В конце концов он вспомнил о том, о ком должен был подумать с самого начала.

— Только браматма, — сказал он себе, — может найти выход. Если же — нет, я вернусь к сторожу, чтобы умереть вместе с ним или спасти его, как спасся сам, но не нарушу данного мной слова.

Утсара так бы и поступил, ибо для индуса клятвопреступление ужаснее, чем тысяча смертей. Нарушивший страшную клятву обречен на протяжении жизни сотен поколений переселяться в оболочку самых гнусных животных. Нет народа, который бы так легко нарушал свое честное слово, нет народа, который до такой степени был бы рабом своей клятвы.

В тот момент, когда факир решил отправиться во дворец браматмы, с лестницы, ведущей к залу, где он находился, послышался легкий шум. Чтобы его не заметили, он поспешно бросился в потайной коридор, проходивший в толще стен и соединявший между собой все комнаты дворца. Он знал, что коридор ведет на террасу седьмого этажа. Факир начал машинально подниматься по ступенькам в поисках безопасного места, где он мог бы дожидаться наступления ночи, ибо сообразил, что днем не сможет пробраться во дворец браматмы незамеченным. В тот момент, когда он вошел в комнату, ведущую на террасу, Утсара в изумлении остановился и вскрикнул. Перед ним был браматма... Опершись локтями на стол и уронив голову на руки, он, казалось, дремал, но восклицание факира разбудило его. Он повернулся и узнал верного слугу.

— Ты здесь, Утсара? — удивленно сказал он. — Где ты был? Что ты делал целые сутки с тех пор, как мы расстались?

— Господин, — ответил индус, — вы спрашиваете, где я был? В колодце Молчания! Что я делал? Я вышел оттуда!

— Из колодца Молчания! — воскликнул браматма. — Ты вышел из колодца Молчания?

— Да, господин! Узнав из разговора факиров, что Киш-найя велел запереть там сторожа, чтобы затем допросить его, я решил похитить Дислад-Хамеда. Под пыткой этот малодушный человек мог выдать все наши секреты вождю тугов. Но едва я спустился в колодец, как посланцы Киш-найи явились, чтобы увести сторожа. Увидев, что вход в подземелье открыт, они решили, что кто-то подоспел на помощь Дислад-Хамеду и тот бежал. Тогда они положили плиту на место, будучи уверены, что птичка улетела — как они выразились. Не надеясь на помощь извне, мы решили, что погибли. Тем не менее после тщательных поисков нам удалось найти...

— Второй ход, который привел вас сюда, — прервал его браматма.

— Ничего подобного, — продолжал факир, — мы нашли лестницу, которая вела в глубь земли.

— Я знаю о ней, она спускается к резервуару с водой, который сообщается с вентиляционным колодцем, выходящим наружу возле рва у северной части дворца.

— Совершенно верно, господин. Через этот колодец я и вышел.

— Но это невозможно! — воскликнул Арджуна.

— Клянусь вам, господин.

— Как тебе это удалось?

— Вы сами сказали, что вентиляционный колодец соединяется с внутренним резервуаром. Так вот, я нырнул в резервуар, нашел место его соединения с колодцем и выбрался наружу.

— Невероятно! — воскликнул браматма. — Не думаю, что кто-нибудь еще, кроме тебя, смог бы совершить подобное чудо. Я знаю, как глубоки оба водоема... Самое главное, ты цел и невредим.

— Верно, господин, но беда в том, что сторож не смог последовать за мной.

— Тем лучше! Случай избавляет нас от этого человека, и мы должны благословить его. Этот негодяй всегда был готов продаться тому, кто дороже платит: англичанам, душителям, нам, и я не верю в его искренность, хотя в конце он полностью перешел на нашу сторону. Рано или поздно ему пришлось бы расплатиться за свои измены.

— Господин, я обещал спасти его...

— Ну и что же? Ты не можешь взвалить его себе на спину и вывести тем же путем, по которому прошел сам. При невозможности сдержать данное слово оно теряет силу и ни к чему не обязывает тебя — ни перед богами, ни перед людьми.

— И тем не менее, господин, я вернусь к нему через колодец.

— Ты не сделаешь этой глупости, вы оба погибнете.

— Я вынужден сделать эту глупость, как вы говорите...

— А я запрещаю тебе, ибо ты мне крайне нужен, и именно сегодня.

— Господин, — настойчиво возразил факир, — я поклялся страшной клятвой!

— Почему же ты не сказал об этом сразу! — живо поднявшись, воскликнул Арджуна. — Иди за мной, через пять минут сторож будет здесь.

— Возможно ли это?

— Вполне! Я сам всего два часа тому назад вышел оттуда вместе со всеми членами нового высшего совета, который созвал позавчера.

— Что вы такое говорите, господин!

— Чистую правду... Этой ночью английский батальон под предводительством Кишнаи окружил мой дворец и взял всех нас в плен. О, господин Кишнайя — прекрасный игрок, он ловко опередил нас в тот момент, когда мы сами собирались разделаться с ним. Правда, с некоторым простодушием он бросил нас в колодец Молчания и даже замуровал плиту, что-

бы это место стало нашей могилой. Он не знал, что существует три или четыре подземных сообщения как в самой темнице, так и на лестнице. Через пять минут мы были свободны и готовы отплатить ему той же монетой... А теперь пойдём со мной, освободим твоего Дислад-Хамеда. Если впредь он не будет вести себя... О чем же ты думаешь?

— Я думаю, господин, что белый браматма за восемь дней лучше изучил старый дворец раджей Декана, чем те, кто, как я, прожил здесь всю жизнь.

— В этом нет ничего удивительного, мой славный Утсара. Когда я отправил настоящего Арджуну в Нухурмур, чтобы заменить его на какое-то время, то перед отъездом он оставил мне детальный план всех потайных ходов дворца, чертеж всегда при мне. Вот чем объясняются мои познания... Мы пришли. Давай нажми на эту каменную резьбу.

— Смотри-ка! — воскликнул Утсара. — Стена поддается.

— Теперь зови твоего друга.

— Дислад-Хамед! Дислад-Хамед! — закричал факир.

— Это ты, Утсара? — раздался голос изнутри.

— Да, я пришел с браматмой освободить тебя. Иди на мой голос, ибо мы пришли совсем другим путем.

Произнеся эти слова, факир сделал несколько шагов вперед, протянул руки и, коснувшись сторожа, вывел его из мрачной темницы.

— Вот ты и спасен, — сказал Утсара, — я сдержал клятву. Постарайся теперь не забыть о своем обещании, ибо при попытке измены...

— Я поклялся служить только тебе, Утсара, если ты спасешь мне жизнь. Можешь рассчитывать на меня, я буду верен тебе до самой смерти, стану делить с тобой все труды и опасности. Мой сын уже может заменить меня, и я больше не расстанусь с тобой.

— И ты не пожалеешь об этом, — важно ответил факир. Он был необычайно горд оттого, что наконец кто-то оказался у него в подчинении, что его тоже станут звать «господин». В этот день Утсара, который до сих пор только повиновался, узнал, что такое гордость.

Подобного рода клятвы нередки в Индии. Когда один туземец спасает жизнь другому, в порыве благодарности спасенный клянется посвятить себя спасителю и служить ему до гроба. Он становится членом семьи своего хозяина, а тот в обмен за услуги должен защищать его, кормить и одевать. Если он женится, его жена поселяется в доме хозяина. Это своего рода добровольное рабство, которое закон не признает, но оно прочно вошло в обиход.

Утсара был в восторге, что у него теперь появился подопечный, будь он трижды трусом, подобно Дислад-Хамеду, который после того, как рухнули его честолюбивые планы, был доволен тем, что обеспечил себе еду и кров до конца своих дней. Он имел право жить во дворце браматмы: как известно, люди из его свиты были прекрасно устроены во всех отношениях.

После того как все трое вернулись на террасу, браматма сказал факиру:

— Тебе известно, что я послал нашего друга Анандраена в Пондишери с поручением к новому французскому губернатору. Мне пришлось вернуть его в Биджапур. Ты вместе со сторожем отправишься в Пондишери и отнесешь мое послание. По всей вероятности, вам придется провести сюда полк пехоты, в нем будут готовить кадры для туземной армии. Постарайтесь быть попроворнее и вернуться не позже чем дней через десять. На обратном пути, Утсара, ты выберешь самую пустынную дорогу. Когда ты дойдешь до лесов Повуара, в шести лье отсюда, ты спрячешь там нашу маленькую армию. Затем пошлешь сторожа предупредить меня, чтобы я мог принять соответствующие меры и в следующую ночь почти без боя похитить сэра Джона Лоуренса с его штабом и свитой.

Я не скрываю от вас моих планов, чтобы вы поняли всю их важность и не теряли в пути ни минуты. Я знаю, Утсара, что могу полностью рассчитывать на тебя, но если сторож предаст нас, самой страшной смерти будет мало, чтобы наказать его за это преступление.

— Не бойся, господин, теперь мы можем верить ему. Вы знаете, что ни один индус никогда не нарушит страшную клятву, а Дислад-Хамед произнес ее дважды. Он не станет подвергать себя двойному наказанию, которое будет ждать его в будущей жизни, не говоря уж о том, которому я подвергну его в настоящем.

Как и следовало ожидать, сторож рассыпался в уверениях преданности. Впредь на него действительно можно было положиться, ибо, будучи крайне суеверен, он ни за что не осмелился бы подвергнуть себя ужасным наказаниям, ожидавшим его за клятвопреступление.

Браматма в целях безопасности и быстроты передвижения позволил им взять с собой Тамби, принадлежавшего ему великолепного слона, и отпустил их. Факир и сторож поспешили в самую отдаленную часть дворца, выходящую на необитаемую часть развалин древнего Биджапура, и, выйдя никем не замеченными, направились к дворцу браматмы.

По дороге находилась хижина сторожа, он зашел туда, чтобы торжественно передать свои обязанности сыну, ибо должность ночного сторожа у индусов является наследственной. Через несколько минут оба вошли в пустынный дворец верховного вождя общества Духов вод. Сторож привел жену и разместил ее в новом жилище, а Утсара от имени Арджуны поручил ей следить за дворцом до тех пор, пока обстоятельства не позволят браматме вернуться обратно. И как ни странно — таковы рыцарские традиции на Востоке, — этому роскошному жилищу не угрожали воры, пока оно находилось под присмотром женщины.

Таковы, кстати, обычаи во всем Декане: если вам надо отлучиться, оставьте в незапертом доме женщину или ребенка, и бродяги не тронут ваше жильё.

Проголодав целые сутки, Утсара и Дислад-Хамед основательно подкрепились, а затем отправились к загону слона Тамби, где, к великому удивлению, обнаружили его погонщика, не покинувшего своего поста. В ту ночь, когда английские солдаты арестовали не только браматму и членов совета, но и всех слуг, они вынуждены были оставить на свободе погонщика Синассаами, которого защитил слон.

Через пять минут Тамби с дорожным хаудахом уже стоял возле дворцовых служб, где его нагрузили всей необходимой провизией, чтобы не останавливаться в дороге.

Наступила ночь, когда они отправились в путь, ибо браматма приказал им дожидаться захода солнца, чтобы не привлекать к себе внимания. Однако, несмотря на все меры предосторожности, за ними, вероятно, следили, и их сборы не прошли незамеченными. Кому-то важно было знать, куда и с какой целью они направлялись, ибо, едва они покинули Биджапур и двинулись к старой браминской дороге, идущей вдоль тенистых берегов Кришны, из развалин выскочил туземец из касты бегунов, славящихся во всем мире быстротой и выносливостью, и пустился за ними вдогонку легким, размеренным шагом.

Глава IV

Обоснованные подозрения. — Шпион. — Стоянка в лесу. — Послеобеденный отдых. — Волшебный куст. — Парализованный страхом. — Появление туземца. — Кража.

Что же произошло? Кто мог отправить индуса по следам посланцев браматмы?

Несмотря на то, что Покоритель джунглей тщательно

скрывал свое присутствие в Индии, говорили, что он тайно высадился и является душой готовящегося заговора. Откуда пошли эти слухи? Ведь Фредерик де Монморен доверился только двум-трем самым близким друзьям, которые скорее дали бы разрубить себя на куски, чем открыли его секрет. Самое тщательное расследование не смогло бы объяснить происхождение этих слухов. Но есть вещи, которые носят в воздухе, объяснить их могут только народные поговорки типа «даже камни говорят», «у стен есть уши» и т. д. В них прекрасно отражены предчувствия толпы, ее почти всегда оправдывающаяся интуиция относительно тех или иных фактов и событий.

Быть может, индусы настолько привыкли связывать идею восстания с именем любимого героя, что, увидев многочисленных эмиссаров, разъезжавших по деревням и назначавших дату нового восстания, решили, что без Покорителя джунглей все эти приготовления были бы немыслимы. Во всяком случае, слухи были так упорны, что Кишнайн со свойственной ему осторожностью заявил сообщникам: с этим надо считаться, если они не хотят в один прекрасный день проснуться от пожара, который поглотит их первыми.

Предводитель душителей поделился опасениями с сэром Джоном Лоуренсом, который счел, что подобными предосторожностями не следует пренебрегать, и дал Кишнайн полную свободу действий.

Но как отыскать место, где скрывался Покоритель джунглей? Можно было почти с уверенностью утверждать, что в Нухурмуре его не было, ибо оттуда он не мог бы рассылать приказы. К тому же шпионы Кишнайн, оставленные им в Велуре, не заметили в горах ничего необычного, тогда как присутствие там Сердара повлекло бы за собой постоянное движение гонцов. Не было его и в Пондишери, он бы и суток не мог провести там неузнанным. Не скрывался он и у раджей юга, резиденты, от бдительного ока которых ничто не укрывалось, были категоричны на этот счет. Сам губернатор Бомбея, которого попросили осторожно выяснить, не скрывается ли Сердар у своего зятя полковника Кемпбелла, ответил, что «хорошо известные патриотические чувства полковника ставят его вне всяких подозрений» и он ручается, что тот никогда не приютит у себя мятежного родственника.

В один прекрасный день губернатор действительно прямо спросил у полковника, что он станет делать, если его зять вдруг обратится к нему за помощью. Кемпбелл гордо ответил:

— Как англичанин, я запрещаю ему переступить порог моего дома, а как офицер, я знаю свой долг и сам арестую его.

Второй раз из-за Фредерика де Монморена британское владычество в Индии подвергалось угрозе — будучи англичанином, полковник Кемпбелл не мог ответить иначе.

Действуя методом исключения, Кишна́йя пришел к вполне логичному выводу, что если Покоритель джунглей находится в Индии, он может скрываться только в самом Биджапуре, где благодаря тайникам дворца Адил-шаха и резиденции браматмы найти его было бы невозможно.

Вождь душителей знал также, что, несмотря на успех его дьявольского плана, ему так и не удалось получить от браматмы Арджуны точный внутренний план этих резиденций и что в древнем дворце Адил-шаха, например, последний из факиров знал потайные коридоры и прочие секретные ходы лучше, чем он. В данной ситуации Кишна́йя принял единственно возможное решение — он заставил своих людей, которым доверял безгранично, следить за обоими дворцами.

Таким образом, в день побега Утсары ему доложили о том, что любимый факир браматмы вылез из колодца, где, несомненно, скрывался, и исчез во рву дворца среди кустарников, так что следов его отыскать не удалось.

Узнав эту новость, Кишна́йя, опасаясь, как бы факир не вздумал помочь пленникам бежать, немедленно отправился в зал, куда выходил колодец Молчания, прибыв туда через несколько минут после ухода Утсары. Тут убедился, что плита не тронута, но на всякий случай спрятал в зале одного из своих людей, приказав немедленно предупредить его, если произойдет что-нибудь необычное.

Как мы видим, факира немедленно застигли бы при попытке спасти сторожа обычным путем, Утсара еще был в зале, когда шум, поднятый одним из сопровождающих Кишна́йи, привлек его внимание, и факир успел скрыться в одном из потайных коридоров до того, как вошел предводитель тугов. В борьбе между двумя партиями случай, который никогда нельзя исключить полностью из человеческих поступков, играл важную роль, столь важную, что порой его влияние имело непредвиденные последствия. В самом деле, не поскользнься один из спутников Кишна́йи на лестнице, события сразу же приняли бы другой оборот. Утсару бы арестовали, он стал бы защищаться и, вероятно, был бы убит на месте. Немедленным следствием случившегося стала бы смерть сторожа от голода в ужасной тюрьме,

а об отдаленных последствиях мы узнаем позже — сэр Джон Лоуренс, вице-король Индии, был бы спасен. Вот так самые незначительные события могут привести к совершенно неожиданным результатам.

Едва Кишнайя вернулся к себе, как его предупредили, что Утсара в сопровождении сторожа вышел из рва, где раньше исчез, и что оба отправились во дворец браматмы, ненадолго остановившись в хижине Дислад-Хамеда.

На сей раз вождь душителей отказался верить донесению и решил убедиться во всем собственными глазами. Как сторож, два дня тому назад бежавший из колодца Молчания — читатель помнит, что факиры нашли вход в колодец открытым, — осмеливается, не опасаясь гнева Кишнайи, разгуливать по улицам Биджапура? Такое поведение настолько противоречило трусости Дислад-Хамеда, что недоверие Кишнайи было вполне извинительно. Спрятавшись в развалинах рядом с дворцом, душитель удостоверился, что это была правда и что именно его пленник во плоти и крови сопровождал доверенное лицо браматмы. Шпион Кишнайи подслушал несколько слов из их разговора и доложил, что они направляются в Пондишери. Он увидел даже, как Утсара бережно нес в руке белый конверт, стараясь не помять его, а затем положил в ящик хаудаха. Последние сомнения отпали: Покоритель джунглей скрывался или в резиденции браматмы, или во дворце Адилшаха. Отсюда он вел переписку с друзьями на французской территории, быть может, приказал даже прислать ему подкрепление... Самое главное теперь было завладеть письмом, которое посланцы Сердара намеревались переправить в Пондишери, там должно было содержаться объяснение многим непонятым фактам.

Поначалу Кишнайя хотел немедленно арестовать факира и сторожа, но об этом тотчас же стало бы известно Покорителю джунглей, если предположить, что автором послания был он. Напротив, было бы замечательно, если б предводителю тугов удалось точно выведать, где находится противник и каковы его намерения. Поэтому Кишнайя решил похитить письмо в дороге, обратившись к одному из самых проворных скороходов в городе, и тот за весьма приличную плату согласился выполнить это деликатное поручение.

Он и пустился в погоню за маленьким караваном, который шел по старой, вымощенной плитами дороге, ведущей от Биджапура до Мадраса, с ответвлением в сторону Пондишери, или Понди, как называют город туземцы.

Слон Тамби шел быстрым шагом, но скороход был не-

утомим. Караван двигался не останавливаясь всю ночь, и до одиннадцати часов следующего утра не произошло ничего особенного. Но в этот момент голод и жара заставили путешественников остановиться. Со вчерашнего дня они шли по бесконечному лесу. Утсара выбрал для стоянки тенистое и прохладное место, решив переждать до четырех часов дня, пока не спадет самая жара. Каждый день они должны были идти по 19—20 часов, а отдыхать — 4—5, включая еду и сон. Такими темпами они добрались бы до Пондишери за неделю.

С Тамби сняли хаудах и поставили его под огромным баньяном, в тени которого укрылись и сами путешественники. Слона отправили пастись в лес, пока его хозяева занялись приготовлением кэрри — национального блюда, составляющего основную пищу индусов. Вместо того чтобы отдыхать, Тамби казался обеспокоенным, он вглядывался в лес и время от времени оглашал воздух мелодичными звуками, слегка напоминая трембон, на котором упражняется будущий виртуоз, еще не вполне овладевший всеми приемами игры.

— Что с Тамби? — удивленно спросил погонщик. — Я никогда не видел его в таком возбужденном состоянии.

— Не беспокойся! — ответил факир. — Мы находимся в самой чаще леса, и ветер время от времени доносит до него запах хищников. Не стоит отвлекаться от наших занятий.

Замечания Утсары показались вполне резонными, и трое мужчин вернулись к приготовлению обеда: один разжигал огонь, второй промывал рис, третий толк на камне с помощью гранитной скалки зерна кориандра, корни куркумы, шафран, перец и мякоть кокосового ореха, которые и придают кэрри аромат.

Видя, что путешественники не обращают внимания на его крики, слон тоже решил заняться едой.

С аппетитом пообедав, все трое растянулись на циновках, чтобы поспать, не теряя при этом из виду хаудах, где находилось драгоценное послание. Погонщик и Утсара быстро заснули, но сторожу не спалось. Крики слона, не сводившего глаз с леса, встревожили его, и он невольно спрашивал себя, не таится ли поблизости опасность, которой его спутники напрасно пренебрегают. Поначалу он никак не мог сомкнуть глаз, но мало-помалу им овладела дремота, вызванная пищеварением, и он уже собирался заснуть, как вдруг шагах в двадцати от хаудаха заметил большой, густой куст, на который прежде не обратил внимания. Сторож снова закрыл глаза, вздохнул,

погружаясь в сон, как над ухом у него запел комар. Он отогнал его рукой и невольно вновь бросил взгляд на куст. Под влиянием дремоты ему показалось, что куст сдвинулся с места и был теперь ближе к нему.

«Да спасет меня Шива! — подумал сторож, невольно вздрогнув. — Что за странный лес, где кусты передвигаются сами! Все, надо спать, я слишком устал». И он закрыл глаза, твердо решив больше не открывать их. Но им овладело непреодолимое чувство страха, и сторож никак не мог избавиться от него.

Потихоньку-потихоньку, словно ему было стыдно сдаваться, он приподнял веки, решив посмотреть на куст сквозь ресницы, и едва не закричал от изумления и испуга. Куст находился теперь так близко к хаудаху, что касался его. Бледный от ужаса Дислад-Хамед протянул было руку, чтобы разбудить своего товарища, точнее, своего хозяина Утсару, как внезапно здоровенный туземец, голый и черный, выскочил из-за куста с огромным кинжалом в руке. Приложив палец к губам, он сделал сторожу знак молчать, не то!.. Второй жест туземца, когда тот коснулся рукой груди, сторож понял как угрозу вонзить ему в сердце страшный кинжал.

Бедняга сообразил, что будет убит прежде, чем его спутники успеют проснуться. Так как от него требовали только молчания, он остался лежать неподвижно, в полном оцепенении.

Призрак, видимо, был доволен его послушанием, ибо, не теряя времени, наклонился над хаудахом, протянул руку, схватил конверт и исчез за кустом, который принялся отступать бесшумно, с поразительной быстротой и вскоре скрылся в соседней чаще.

Прошло примерно полчаса, сторож, не видя и не слыша ничего подозрительного, решился наконец заснуть, немного успокоившись. Но отдых его длился недолго. Ему снились самые невероятные сны, в которых смешались события последних дней, он снова пережил все случившееся с ним и наконец проснулся, задыхаясь, в холодном поту. Его товарищи еще спали, он решил умолчать о краже письма, чтобы избежать упреков, ибо понимал, как велика была его вина. Будучи не в силах совладать со страхом, приковавшим его к циновке, сторож мог, однако, ничем не рискуя, разбудить и предупредить Утсару в тот момент, когда загадочный куст начал удаляться от хаудаха. Факир бросился бы в погоню за похитителем и, конечно, догнал бы его с помощью Тамби, ибо, как известно, слоны соперничают в скорости с самой быстрой лошадью.

Поэтому Хамед предпочел промолчать. Не найдя письма, факир не мог никого обвинить и, естественно, пришел бы к выводу, что оно потерялось в дороге.

Между тем пропажа письма имела исключительно важные последствия. Как только послание оказалось в руках Кишнаи, он велел немедленно перевести его, ибо оно было написано по-французски. К счастью, Покоритель джунглей не поставил свою подпись, и ничто не выдавало его авторства. Напротив, учитывая, что письмо могло быть потеряно, он просто рекомендовал временному правительству Утсару как человека, на которого можно положиться, представив его как посланца браматмы. Исключительно важна была только последняя фраза, она гласила: «Полковник, командующий полком морской пехоты, на нашей стороне, вы можете открыться ему».

Кишнаи немедленно сообщил о содержании письма сэру Джону Лоуренсу, который без промедления напрямую телеграфировал английскому послу в Париж, учитывая срочность дела. Тот, бросив все, отправился к министру иностранных дел, вручил ему телеграмму, присовокупив необходимые пояснения. Провожая его, министр сказал:

— Сейчас девять утра, заседание совета министров начинается в десять, я доложу обо всем. В одиннадцать часов депеша будет послана в Индию, даю вам честное слово.

Скоро мы увидим, какое влияние на ход событий и выполнение столь хорошо задуманных Сердаром планов оказала трусость Дислад-Хамеда.

Утсара, проснувшись, ничего не заподозрил, ему и в голову не пришло проверить, находится ли письмо в кожаном кармане хаудаха. В четыре часа погонщик свистом подозвал Тамби, на слона вновь нагрузили поклажу, и трое мужчин, после того как спала жара, отправились в путь.

Через шесть дней без всяких происшествий они прибыли в столицу французских владений в Индии.

Глава V

Пондишери. — Бал. — Удивительные депеши. — Запад-
ня. — Шах и мат.

Мы не знаем города более милого и очаровательного, чем Пондишери, который преспокойно греется на солнышке на Коромандельском берегу. С разноцветными домами, украшенными верандами и окруженными чудными садами, с широкими, просторными и чистыми улицами, с тенистой

Правительственной площадью, бульваром Шаброля, усаженным большими цветущими деревьями, к которому подкатывают величественные волны Индийского океана, с живописным и оживленным базаром, с туземными кварталами, опоясывающими город с севера до юга огромной зеленой лентой, с чистейшими фонтанами и аллеями для прогулок, Пондишери, несомненно, самый прелестный город на востоке Индии. Великолепно построенные дома выкрашены в нежные, мягкие цвета, которые замечательно сочетаются с небесной лазурью, по типу архитектуры они напоминают дворцы. Невозможно смотреть на этот город без восхищения, нельзя жить в нем, не любя его, невозможно покинуть его без желания вернуться и поселиться в нем навеки.

В этот вечер губернатор Пондишери давал бал. На веранде, украшенной пальмами, лимонными и апельсиновыми деревьями, ползучими лианами, обвивавшимися вокруг колонн, звучала музыка. В бальном зале царило необычное оживление. Временно исполняющий обязанности губернатора г-н де Марси крайне любезно встречал каждого вновь прибывшего, и приглашенные, поприветствовав его, присоединялись к различным группам — танцоров, игроков, беседующих, в зависимости от своих интересов.

Хотя г-н де Марси, казалось, охотно исполнял свои обязанности, порой нахмуренные вдруг брови, резкое движение губ указывали на то, что он спешит избавиться от пыток, причиняемых ему этикетом, и воспользоваться той же свободой, которую он предоставлял приглашенным, свободой поступать по своему усмотрению.

Только около одиннадцати часов вечера, согласно тираническим обычаям, он мог уже не ждать опоздавших, а те, в свою очередь, могли не представляться ему, а прямо пройти в гостиные. Обычно в окружении двух-трех близких людей де Марси беседовал о местных делах, городских слухах, новостях из Европы, проявляя себя как превосходный собеседник и блестящий светский человек, который никогда не даст ослабнуть разговору. В этот вечер, хотя губернатор всячески старался справиться с собой, он слушал собеседников рассеянно, отделяваясь односложными ответами, часто невпопад. Генеральному прокурору и казначею стало ясно, что он чем-то серьезно озабочен. Они больше не пытались отвлечь де Марси от его мыслей, а просто составляли ему компанию.

Наконец часы пробили одиннадцать. Де Марси поднялся с заметной поспешностью и, расставшись с друзьями, на-

правился прямо к одному из офицеров с погонами полковника, стоявшему под пустынной, неосвещенной верандой.

— Итак, мой дорогой де Лотрек, — сказал де Марси, дружески беря его под руку, — вы ждали меня?

— С нетерпением, господин губернатор, признаюсь, — ответил офицер.

Полковнику де Лотреку, близкому другу семьи де Монморен, было лет тридцать пять, не больше. Он был среднего роста, но строен и хорошо сложен, мундир был ему чудо как к лицу. Он являл собой нередкий в нашей прекрасной французской армии тип — военного и блестящего светского человека. Будучи выпущен из Сен-Сира в семнадцать лет благодаря великолепно сданным экзаменам, все свои чины он завоевал с оружием в руках — в Крыму и Сенегале. Во всем флоте он был известен своей ненавистью к англичанам и не стеснялся повторять, что день, когда Франция объявит Англии войну, будет самым счастливым в его жизни. Поэтому он с радостью присоединился ко всем начинаниям Сердара, заявив, что готов пожертвовать положением и военной карьерой, лишь бы осуществить задуманное.

Де Монморен, став губернатором французской Индии, назначил его командиром 4-го полка морской пехоты в Пондишери. Между ними существовала договоренность, что по первому сигналу де Лотрек перейдет на сторону восставших со своим полком, где должны были воспитываться кадры для туземной армии.

Этот сигнал и был дан Утсарой, который, не слишком беспокоясь о потере письма, передал на словах пароль, известный лишь Покорителю джунглей, г-ну де Марси и полковнику де Лотреку. Ни у кого не возникло сомнений относительно законности полученного де Лотреком приказа немедленно выступить с полком. По общему согласию отправление было назначено на вечер бала, который губернатор давал специально, чтобы отвлечь внимание колонии, и особенно английского консула. Полк должен был выступить в два часа утра.

Все было готово. Офицеры, привлеченные губернатором и полковником на сторону Сердара, ждали только сигнала к отправлению. В случае провала все они рисковали своим положением, но эти храбрецы думали лишь об одном — попытаться вернуть Индию Франции. Солдаты были полны энтузиазма и без колебания последовали за командирами.

Все шло как нельзя лучше, когда в девять часов вечера, в момент начала бала, на имя губернатора, пол-

ковника де Лотрека и командира батальона туземных сипаев Бертье поступили три депеши. Первая разрешала, согласно запросу, бессрочный отпуск губернатору де Марси, предписывая ему вернуться во Францию первым же пакетботом, сдав полномочия генеральному прокурору. Вторая назначала полковника де Лотрека командиром 2-го полка морской пехоты в Кохинхине, приказывая ему тотчас же по получении депеши отправиться к месту нового назначения. Третья назначала Бертье командиром 4-го полка с приказом немедленно сообщить войскам о своем назначении и сразу же вступить в должность. Вторая часть депеши совершенно недвусмысленно предписывала ему при малейшей попытке сопротивления со стороны губернатора и полковника де Лотрека арестовать их и немедленно переправить во Францию на сторожевом корабле «Сюркуф», стоявшем на рейде Пондишери. В этом, и только в этом случае он должен был взять на себя руководство колонией и функции губернатора.

Полученные новости совершенно сразили де Марси и де Лотрека и глубоко разочаровали солдат, ибо Бертье, скрыв до поры до времени вторую часть телеграммы, немедленно отправился к губернатору и полковнику и сообщил им о своем назначении.

Все свершилось самым учтивым образом, и в девять часов с четвертью Бертье, точно выполнив приказ, принял командование полком.

Губернатор не захотел отменять бал, и вечер все-таки состоялся, но, как мы видели, он с трудом подчинялся требованиям этикета, и мы стали свидетелями его встречи с полковником.

— Я разделяю ваше нетерпение, дорогой друг, — ответил де Марси, — и прошу вас не называть меня в дружеской беседе губернатором, тем более что этот титул мне принадлежит всего лишь наполовину, поскольку я заменяю вашего друга де Монморена, а через несколько дней он и вовсе не будет иметь ко мне никакого отношения, ибо я возвращаюсь во Францию, кажется, по моей собственной просьбе, — поразительный эвфемизм, особенно если учесть прямой и грубый приказ о возвращении.

Молодой губернатор — ему было около тридцати — произнес эти слова тоном, полным горечи. Потом, помолчав, добавил:

— Не угодно ли вам пройти в мой кабинет, там нам будет удобнее беседовать.

— Охотно, дорогой друг, — ответил полковник.

И он прошел за губернатором в комнату, служившую курительной и кабинетом.

— Ну что ж! — промолвил де Марси, как только за ними закрылась дверь. — Какой неожиданный удар для вас и, главное, для бедного Монморена!

— Здесь, разумеется, не обошлось без подлой измены.

— Я сразу об этом подумал.

— Вы никого не подозреваете?

— Нет. Разве что старого служаку Бертье?

— Не думаю, что он на это способен. Подобное поведение недостойно офицера.

— Пф!.. Чтобы добиться чина полковника? Вы же знаете, в будущем году его увольняют в отставку в чине майора. Если это Бертье, то он вовремя взялся за дело.

— Я продолжаю думать, что он здесь не замешан, это храбрый вояка, добрый и бесхитростный малый, подобные качества плохо сочетаются с подозрительным и изворотливым поведением доносчиков.

— Простите, что я заподозрил Бертье, я, кстати, очень мало его знаю. Как бы там ни было, провал стал возможен лишь в результате доноса, причем доносчик был прекрасно информирован. Теперь нам остается только подчиниться.

— А я так радовался возможности хоть немного отплатить проклятым англичанам за причиненное нам зло. Вы верно сказали, осталось только подчиниться... И тем не менее, если захотеть...

— Поясните вашу мысль.

— Если б мы договорились между собой, мы могли бы сказать, что телеграмма пришла через час после отправления полка. Такой прекрасный случай больше не представится.

— Со своей стороны я готов сделать то, что вы хотите, но надо привлечь на нашу сторону Бертье. Вы думаете, это возможно?

— Нет. Вы знаете, Бертье прошел весь путь, от рядового. Он из тех старых служак, которые слепо подчиняются приказу и никогда не уступают, в особенности если исполнение приказа сулит им чин полковника, на который они не смели надеяться. Не стоит на него рассчитывать. Но можно обойтись и без него.

— Я вас не понимаю.

— Менее часа назад ко мне пришли четыре капитана из ветеранов полка и сказали, что намерения офицеров и солдат не изменились и что, если я соглашусь встать во главе их, все последуют за мной с барабанным боем.

— И что же вы ответили?

— Я попросил время на размышление до полуночи. Что вы мне посоветуете?

— Право слово, поскольку вы заранее решили пожертвовать своим положением, на вашем месте я бы согласился.

— В добрый час! Прекрасно сказано! В тот день, когда мы вернем Франции не только ее бывшие владения, но и протекторат над Бенгалией и Лахорским королевством, которые оставим Нана-Сахибу, какой мы себя покроем славой!.. Надо только отвлечь Бертье, чтобы он не вставлял нам палки в колеса. Я его знаю, если он застигнет нас в момент ухода и его новый полк откажется ему повиноваться, он застрелит меня...

— Если вы ему позволите.

— Разумеется! Но представляете, какая бы поднялась шумиха. Лучше избежать скандала. Займите его чем-нибудь до двух часов ночи, этого мне вполне достаточно, потом он найдет казармы пустыми.

— Беру это на себя.

— Ну, господа англичане, вы узнаете, почему фунт лиха! Для начала, как сообщил мне посланец де Монморена, мы должны арестовать генерал-губернатора сэра Джона Лоуренса — он в Биджапуре, в сопровождении небольшой охраны. Это было бы прекрасным началом кампании.

— Мой дорогой полковник, уже почти полночь, каждая минута дорога. Если вы хотите забрать с собой двенадцать пушек из казармы и двадцать четыре — с бульвара Шаброля, вам нельзя терять время.

— Я покидаю вас, дорогой друг. Да поможет мне Бог добиться успеха! Я охотно отдам свою жизнь, лишь бы французский флаг развевался над Мадрасом, Бомбеем и Калькуттой.

— Обнимемся, Лотрек. Кто знает, придется ли нам еще свидеться!

Они крепко обнялись и расстались сильно взволнованные.

Полковник вышел в сад, где его ждали капитаны. С принципиальной точки зрения можно осуждать поступки этих людей, но нельзя ими не восхищаться. Они были готовы всем пожертвовать для своей родины, в случае провала палачи Лакхнау, Дели, Бенареса отнесли бы к ним как к разбойникам с большой дороги. И тем не менее они не колебались, движимые ненавистью к англичанам, которые воспользовались нашими бедами и лишили нас всех колоний, их воодушевляло желание вернуть Франции завоевания Дюплекса.

После ухода де Лотрека г-н Марси отправился на поиски нового полковника, встретил его возле веранды и попросил после окончания вечера зайти к нему в личные покои.

— К вашим услугам, господин губернатор, — ответил старый солдат.

Он явился на свидание без опоздания. Было около половины второго ночи. Все разошлись, вечера, куда каждую неделю приглашались только чиновники, обычно заканчивались именно в это время. Большие балы, на которых присутствовала вся колония, продолжались до рассвета.

Губернатор был один, и Бертье заметил на столе шахматы, сигары и бутылку шартреза. Де Марси ловко сыграл на трех слабостях офицера — любви к ликеру, изготовляемому монахами Изера, к высококачественным изделиям Гаваны и игре, изобретенной в Индии.

— Дорогой полковник, — сказал де Марси, — мне что-то сегодня не спится, и я решил попросить вас составить мне компанию. Я давненько хотел сразиться с вами в шахматы, вы ведь слывете мастером этой игры, что естественно, в сущности, это та же война.

Старый солдат был польщен оказанным ему вниманием и тонкой лестью, партия началась. Де Марси был превосходным игроком, полковник тоже, и скоро, поглощенные своими комбинациями, они перестали слышать, что происходит вокруг. Сам губернатор и думать забыл о расставленной им ловушке, страсть к игре захватила его. Ставка была велика — обладание Индией!

— Шах королю! — вдруг сказал полковник после серии блестящих ходов, когда он, хотя и потеряв ладью и двух коней, запер в углу доски короля своего противника с помощью ферзя, ладьи, оставшегося слона, располагая армией пешек, готовых остановить противника. Удар был нанесен сильный, де Марси грозил мат в три хода. Он обхватил голову руками и погрузился в размышления, стараясь исправить свою ошибку. В этот момент можно было петь у него над ухом, он бы ничего не услышал.

Де Марси и Бертье прислуживал дневальный. Воспользовавшись глубокой задумчивостью губернатора, туземец сделал знак своему командиру и показал ему записку, приложив палец к губам.

Полковник понял, сцепил небрежно руки за спиной, и сипай, проходя, уронил в них записку.

— Мат! — пробормотал губернатор. — Сейчас мне поставят мат! О! Я не могу примириться с поражением, должен же быть какой-то выход.

И он снова принялся изучать возможные комбинации.

Полковник развернул записку, которая была не шире его ладони, и, опустив правую руку под стол, прочел ее, никак не выказав своих чувств:

«Господин полковник, вы обмануты губернатором и полковником де Лотреком, ваш полк дезертирует с оружием и снаряжением.

Капитан де Монтале».

Записка была от капитана, принявшего батальон сипаев, командиром которого еще четыре часа тому назад был Бертье. Возмущенный поведением губернатора и де Лотрека, готовых погубить карьеру его бывшего начальника, капитан нашел способ предупредить его.

Бертье спокойно, словно на параде, сунул записку в карман. Его назначение состоялось, это все, что ему требовалось. Кстати, он разгадал смысл необычного приглашения де Марси.

Губернатор сделал ход. Бертье нарочно допустил грубую ошибку, и де Марси, взяв его ферзя, радостно воскликнул:

— Ваша очередь, полковник, шах королю!

— Я проиграл, — ответил полковник, вставая.

— Куда же вы? — воскликнул удивленно губернатор. — А реванш?

— Вы дадите мне отыгратся через час, если у вас еще будет желание, — холодно ответил Бертье. — Но прежде я должен урезонить г-на маркиза де Лотрека, который принимает меня за старого дурака.

— Что вы такое говорите, мой дорогой Бертье? — спросил губернатор, внезапно покраснев.

Старый полковник повторил фразу, отчеканивая каждое слово, направился к двери и резко распахнул ее.

Сипай, находившийся у входа, преградил ему путь штыком.

— Что это значит, Сами? — спросил старый солдат, дрожа от гнева.

— Приказ моего капитана! — ответил бедняга, не отступая.

— В чем дело, черт побери?

— Письменный приказ губернатора, — отозвался капитан де Монтале, появившись в коридоре.

К этому нечего было добавить. Власть губернатора безгранична, и все отступают перед его письменным приказом.

Бертье обернулся.

— Итак, господин губернатор, вам не довольно того, что вы посмеялись надо мной, вы хотите меня еще обесчестить? Вот, прочтите! — он бросил де Марси вторую часть полученной им телеграммы.

— Что мне за дело! — ответил де Марси, задетый словами старого солдата. — Пока вас официально не признали высшие чиновники и вы не вступили в должность, единственный губернатор здесь — я.

— Вы правы, сударь, но выслушайте меня, — и он вытащил из кармана револьвер. — Не бойтесь, я не убийца. Выслушайте меня хорошенько. Если вы сейчас же не отдадите приказ, чтобы меня пропустили, на ваших глазах и в присутствии де Монтале я пушу себе пулю в лоб. Франция узнает, что я застрелился в ваших покоях, потому что вы хотели помешать мне исполнить мой долг.

И он медленно поднес револьвер к виску.

— Стойте! — воскликнул де Марси, потрясенный его мужеством.

Затем он обратился к де Монтале.

— Господин капитан, — сказал он, — я отменяю данный вам приказ, пропустите полковника Бертье.

Полковник, словно безумный, выскочил на улицу и бросился к казармам...

Несколько часов спустя Утсара, сторож и погонщик Тамби отправились в Биджапур, чтобы принести Покорителю джунглей известие о новой неудаче, которая, к сожалению, была не последней.

Глава VI

Счастливая мысль. — Тайное сборище тугов. — Кишнаья у вице-короля. — Экспедиция во дворец браматмы. — Арест браматмы.

Тем временем события развивались следующим образом. Встретившись со своими приверженцами, которые ждали его с лихорадочным нетерпением, Кишнаья немедленно поделился с ними возникшими опасениями. Он был почти уверен, что браматма слышал его разговор с вице-королем и знал обо всех его кознях. Необычное движение, замеченное шпионами во дворце Арджуны, указывало на то, что вождь общества готовится к каким-то действиям, направленным, конечно же, против них. Надо было срочно что-то предпринять, поэтому Кишнаья решил созвать совет. Туги

знали, что не могут положиться на свое окружение, ибо факиры не замедлят встать на сторону браматмы, как только он откроет им правду. Возможно, им что-то уже известно, ибо Кишнайнэ показалось, что он заметил, например, в поведении Варуны некоторую независимость, на что прежде факир никогда не осмеливался. В данных обстоятельствах могло случиться так, что мнимый совет Семи в пять минут попался бы в мышеловку, не сумев оказать ни малейшего сопротивления.

В этот момент вошел Варуна и доложил, что Дислад-Хамед бежал. Обе плиты были сдвинуты, не оставалось и тени сомнения, что помощь пришла к нему извне.

— Итак, мы не узнаем ничего нового, — подытожил Кишнайнэ, как только факир исчез. — Я приказал похитить сторожа, чтобы вырвать у него признание о переговорах с браматмой, ибо мне стало известно, что Хамед переметнулся на его сторону. Теперь этот источник сведений ускользнул от нас... Заметили вы, с каким равнодушием Варуна сообщил нам эту важную новость? Я сдержал свой гнев, ибо сейчас следует быть осторожным, но у меня было сильное желание отправить его вместо сторожа на освободившееся место.

— Ты правильно поступил, — вмешался в разговор Тамаза, старый, опытный и хитрый туг, бывший вместе с Кишнайнэ душой совета Семи, — в противном случае наши противники начали бы гораздо раньше действия, направленные против нас. Я считаю, что побег Хамеда подтверждает наши опасения, показывая, как им было важно, чтобы сторож не заговорил.

— А Уттами, единственный, кому я доверял, исчез сегодня утром!

— Если его не убили, а я думаю, что так оно и есть, — ответил Тамаза, — значит, он перешел на сторону наших врагов. Поверь мне, Кишнайнэ, мы не можем терять время на бесполезные разговоры, надо опередить браматму, надо действовать.

— Что мы можем сделать, рассчитывая только на свои силы?

— Это ты, Кишнайнэ, задаешь мне подобный вопрос? Неужто твой изворотливый ум погрузился в спячку и ты не видишь нашего единственного выхода?

— Мой план готов давно, но я хотел выслушать вас... Говори!

— Среди нас нет сторонников позорного бегства. Поэтому ступай к своему союзнику, вице-королю. Расскажи

ему, что произошло, пусть он даст тебе батальон, чтобы окружить дворец браматмы, и нам больше не придется опасаться наших врагов.

— Я думал об этом, Тамаза, но не боишься ли ты, что англичанин откажет мне?

— Почему же?

— Слух об аресте распространится за пределами Биджапура, и Нана-Сахиб, пребывающий в состоянии успокоенности, узнав о случившемся, будет начеку, тогда нам не взять его. Сэр Джон Лоуренс знает это, поэтому-то он и не арестовал до сих пор браматму, ибо поимка Нана-Сахиба для него гораздо важнее, чем уничтожение общества Духов вод.

— Да, соображение серьезное. Но важность этого довода меркнет, если вспомнить, что в случае нашего поражения поймать вождя восстания будет еще труднее.

Кишнайя не успел ответить старому тугу. Портьеры, закрывавшие дверь, раздвинулись, и на пороге появился дежурный факир.

— Что случилось? — с тревогой спросил старший из Трех.

— Во дворце англичан царит волнение, мы навели справки у слуг-туземцев и узнали, что полковник Джеймс Уотсон, начальник полиции, найден умирающим в своей постели с кинжалом правосудия в груди... Вице-король страшно разгневан, сквозь открытые окна дворца мы слышали, как он кричал своим людям: «Сто фунтов тому, кто немедленно приведет ко мне Кишнайю».

— Почему ты улыбаешься? — спросил предводитель тугов, покраснев от гнева под маской и усмотрев в словах факира намек.

— Потому что английский сахиб может предложить еще больше, не рискуя при этом разориться.

— Не понимаю тебя.

— Как, сахиб, вы не знаете Кишнайю?

«Если ты его знаешь, считай, что ты мертв», — подумал туг, невольно взявшись за кинжал.

— Кишнайя, — продолжал факир, — был предводителем этих мерзавцев душителей, внушавших ужас всей провинции, но полгода назад он и двести его товарищей были повешены.

— А! — воскликнул туг, успокоенный этими словами. — Какое же отношение может иметь Кишнайя к смерти полковника Уотсона?

— Я знаю об этом не больше вашего, сахиб. Я просто повторил слова английского начальника.

— Хорошо, ступай к своим товарищам и скажи им: что бы ни случилось, не выходить из караульной комнаты.

Едва факир ушел, как Кишнайя воскликнул с мрачной радостью:

— Браматма допустил неслыханную глупость, приказав исполнить приговор, вынесенный Уотсону прежним советом. Теперь он в наших руках, и мы ему отомстим. Ждите меня здесь, я немедленно иду к вице-королю.

Не дожидаясь ответа товарищей, Кишнайя бросился в потайной ход, сообщавшийся с гостиной сэра Джона. Тщательно закрыв за собой вращающуюся дверь, он несколько мгновений прятался за портьерами.

Гостиная была пуста. Вице-король, несомненно, находился у постели умирающего. Это обстоятельство было благоприятным для Кишнайи. Он подошел к столу, заваленному книгами и бумагами, и нажал кнопку звонка. Появился сиркар.

— Иди предупреди своего хозяина, — сказал предводитель душителей, — что Кишнайя в его распоряжении. Но пусть приходит один, иначе он меня не найдет.

Слуга поклонился и вышел. Из осторожности туг спрятался за портьерами, держа палец на секретном механизме, готовый тотчас же скрыться, если сэр Джон не выполнит его условие. Через несколько минут в зал вошел вице-король. Он был один и стоял спиной к окну, возле которого прятался туг. Кишнайя быстро раздвинул портьеры, сделал несколько шагов по ковру и остановился.

Удивившись, что в зале никого нет, вице-король резко повернулся, собираясь внимательно осмотреть гостиную, и тут заметил того, кого искал. По лицу его было видно, что он доведен до крайнего бешенства и только чувство собственного достоинства не позволяет ему выплеснуть свой гнев наружу.

— Мерзавец! — воскликнул он дрожащим голосом. — Ты мне заплатишься за это! Как ты посмел после всего, о чем мы договорились, убить самого верного из моих друзей!

— Ваша Милость, — серьезно ответил Кишнайя, — горе помutilo ваш рассудок, всегда столь проницательный, я оправдаю себя одним словом...

— После вчерашней нелепой, гротескной сцены тебе будет трудно это сделать.

— О какой сцене говорит Ваше Превосходительство? Мне кажется, что наш разговор не заслуживает подобного определения.

— К чему притворяться? Разве не ты, чтобы похвалиться своей силой, подослал к нам паломника, который объявил бедняге Уотсону, что ему осталось жить всего три часа?.. Посмей отрицать это.

Эти слова все объяснили Кишнаёе, все стало ему ясно. Мнимый паломник был браматма, и теперь туг не сомневался в положительном ответе вице-короля.

— Я не только посмею отрицать, милорд, но через пять минут вы убедитесь, что я не виноват в этом неловком и вредном для моего дела поступке. Как, по-вашему, зачем бы я стал приводить в исполнение приговор, вынесенный теми, кого мы задушили с единственной целью — занять их место и быть полезными вам? Кому был вынесен приговор? Человеку, преследовавшему ту же цель, что и мы, охотившемуся за тем же врагом... Ну, признайтесь же, милорд, что это было бы верхом глупости.

— Верно, — отозвался вице-король, заметно смягченный логичностью Кишнаёи, — но тогда я совершенно ничего не понимаю. Кто же этот наглый паломник, посмевавший обмануть меня?

— Я сказал, милорд: одно слово — и вам все станет ясно. Паломник — не кто иной, как браматма, вождь Духов вод, и убийство полковника Уотсона — дерзкий ответ на ваш указ о роспуске общества, который вы обнародовали в день прибытия в Биджапур.

Объяснение туга было столь ясно и логично, столь очевидно, что исключало всякие сомнения. Поэтому сэр Джон, сразу сменив тон, заявил, что полностью убежден в правдивости его слов и теперь Кишнаёя должен помочь ему в том, чтобы виновники этого преступления, совершенного с невиданной дерзостью, были немедленно и примерно наказаны.

— Я готов помочь вам, Ваша Светлость, — ответил Кишнаёя, который внутренне ликовал, видя, что сэр Джон сам подходит к тому, о чем он собирался его просить, — и уверяю вас, что быстрота, с которой вы будете действовать, произведет самое благоприятное впечатление на население. Пусть оно знает, что вслед за преступлением неминуемо следует наказание.

— Так я и намерен поступить.

— Ваша Светлость позволит мне, не посягая на то, чтобы давать советы, высказать одну мысль?

— Слушаю тебя.

— В качестве ответных мер браматма не ограничится этим наглым убийством, надо вовремя остановить его. Се-

годня ночью он собрал в своем дворце наиболее важных членов общества Духов вод, чтобы подготовить новые акты мести, направленные против самых высоких лиц. Я знаю, что решено и вас призвать на этот трибунал и судить за преступления, в которых вы обвиняетесь.

— Наглецы! — воскликнул вице-король.

Туг поостерегся сказать, что и сам присутствовал на заседании, где было принято это решение.

— Если милорд верит мне, пусть он немедленно пошлет батальон шотландских гвардейцев, которые бесшумно окружают дворец и разом арестуют браматму и его товарищей.

— Отличная мысль. Но я слышал, что в этом дворце, как и во всех старинных зданиях Биджапура, полно тайных входов и выходов, через которые браматма и его сообщники могут бежать. Если же наша попытка провалится, мы станем всеобщим посмешищем.

— Поэтому я осмелюсь просить Вашу Светлость разрешить мне тоже участвовать в экспедиции, чтобы указать, в каких местах необходимо расставить часовых.

— Я поступлю иначе, я прикажу офицеру, командующему отрядом, во всем придерживаться твоих указаний.

С этими словами сэр Джон позвал дежурного адъютанта.

— Предупредите лейтенанта Кемпбелла, чтобы он, соблюдая полную тишину, поставил под ружье первый батальон шотландцев и затем немедленно явился ко мне за приказаниями.

Шотландцы, сопровождая вице-короля в поездках, всегда спали в походной форме, готовые к любым неожиданностям. Через несколько минут они уже были выстроены в главном дворе дворца, и Эдуард Кемпбелл предстал перед своим начальником.

— Лейтенант Кемпбелл, — сказал сэр Джон тоном, отличавшимся от его обычного ласкового обращения с молодым офицером вне службы, — отправляйтесь с вашими людьми, окружите дворец браматмы, точно следуя всем указаниям вот этого индуса, и приведите сюда в качестве пленников всех, кого вы найдете во дворце, а также тех, на кого вам укажет этот человек.

— Все будет исполнено согласно приказанию, — ответил Эдуард Кемпбелл, отдавая шпагой честь.

— Ступайте, сударь, действуйте быстро и находчиво. Прикажите вашим людям идти врассыпную и сохранять полное молчание, чтобы не вызвать подозрений.

— Это очень важно, милорд, — осмелился заметить туг, — мы пойдем коротким путем, через развалины, первый же туземец, который что-то заподозрит, успеет предупредить браматму, и дворец мгновенно опустеет.

— Вы слышите, Кемпбелл? — спросил сэр Джон.

— Будьте спокойны, Ваша Светлость, наши люди привыкли к ночным вылазкам.

Вице-король дал понять, что ему нечего больше сказать, и молодой офицер, вновь отдав честь, вышел в сопровождении Кишнаи, сердце которого переполняла радость. Наконец-то его усилия увенчаются успехом. Первая часть его плана, далеко не самая простая, была выполнена. Скоро общество Духов вод перестанет существовать. И кто бы мог подумать, что помогать его уничтожению будет племянник Покорителя джунглей, друга Нана-Сахиба, браматмы, Анандраена из Велура и большинства влиятельных членов общества.

Оставалось, правда, поймать Нана-Сахиба, без этого ему не получить столь желанные титул мирасдара и трость с золотым набалдашником. Но общество Духов вод будет уничтожено, Покорителя джунглей задерживают в Европе дела или развлечения, поэтому похищение принца — дело нескольких дней, и туг мысленно представил себя совсем другим человеком, мирасдаром, командующим подданными и окруженным почестями, достойными раджи. Он возьмет одно из имен своей семьи, а поскольку официально он умер, в мирасдаре Праджанати никто не узнает повешенного из Велура, душиателя Кишнаю.

Радуясь, туг упустил из виду, что сопровождавшему его молодому офицеру он прекрасно известен, ибо Эдуард Кемпбелл был некогда его пленником, что именно похищение семьи Кемпбелла послужило причиной гибели сообщников Кишнаи, а он избежал смерти только благодаря приказу сэра Джона, ставшему для туга своего рода охранной грамотой.

Эдуард Кемпбелл, послушный воинской дисциплине, беспрекословно подчинился приказу вице-короля, но дальнейшие события покажут, что для Кишнаи было бы, пожалуй, лучше, если бы в этот день молодой офицер остался с сэром Джоном.

Пока что фортуна была полностью на стороне предводителя душиателей.

По роковой случайности ни один запоздалый туземец не встретился шотландцам по дороге, предупредить обитателей дворца было некому. Батальон окружил жилище браматмы,

и никто из его постояльцев не догадался об этом. К несчастью, в первое время, когда у Арджуны не было никаких оснований подозревать совет Семи, он указал им все потайные комнаты, все скрытые выходы, которых было гораздо меньше, чем во Дворце семи этажей. Поэтому Кишнайя сумел расставить часовых так, чтобы никто не мог скрыться.

Когда дворец был полностью окружен, Эдуард Кемпбелл захватил его с ротой солдат. Всякое сопротивление было бесполезно. Браматма, Анандраен, шесть членов нового совета Семи, четыре факира, состоящих при Арджуне, и два охранника были схвачены и связаны. Все они, поняв бессмысленность применения силы, ответили на арест молчанием, полным достоинства.

Но когда их уводили, Арджуна, заметив мнимого члена совета, прятавшегося за солдатами, не выдержал и крикнул:

— Вы все, кто слышит меня, индусы, братья мои, и вы, солдаты Европы, знайте, что подлец, который прячется в маске среди вас, человек, который присвоил себе высокое положение в нашем обществе, трусливо и вероломно убив наших братьев и заняв их место, человек, из-за которого нас сегодня арестовали, не кто иной, как гнусный душитель Кишнайя, он выдал себя за мертвого, чтобы легче было вершить свои злодеяния.

Крик негодования и бессильной ярости вырвался у индусов, а шотландцы с явным отвращением отступили от Кишнайи.

— Это неправда! — тут же воскликнул душитель, который понял, как опасно для него оставить без ответа подобное обвинение. — Я — старший из Трех, председатель совета Семи общества Духов вод.

— Ложь! — не удержавшись, воскликнул Эдуард Кемпбелл.

— Вы мне ответите за эти слова перед сэром Джоном Лоуренсом, — быстро ответил офицеру Кишнайя. Потом обратился к Арджуне, словно обвинение во лжи исходило от него.

— Ты осмелился упрекнуть меня во лжи, ты, убийца полковника Уотсона! Да, мои друзья, — продолжал дерзкий туг, обращаясь к шотландцам, — человек, которого вы арестовали, приказал убить несчастного полковника в двух шагах от комнаты вашего вице-короля, которому он готовил ту же участь. Хорошо, что мы успели предупредить сэра Джона и упросили его дать нам возможность арестовать этого человека, который опозорил общество Духов вод.

Ропот гнева пробежал по рядам английских солдат.

— Ты говоришь правду? — спросил старый сержант у туга.

Эдуард Кемпбелл закусил губы, слишком поздно поняв, что, вмешавшись, он допустил ошибку. Смерть Уотсона давала все преимущества Кишнаю. Но и сержант в свою очередь нарушил дисциплину, ибо дело это его не касалось. Чтобы прекратить сцену, которая грозила принять скверный оборот, Эдуард Кемпбелл крикнул:

— Молчать! Забрать пленников — и шагом марш!

— Вы не прикажете завязать этим людям рот, сахиб? — спросил Кишнаю.

— Я исполняю лишь данный мне приказ, и ничего более, — ответил офицер, метнув на туга полный презрения взгляд.

— Когда есть сомнения, — продолжал настаивать туг, — надо учитывать общий смысл отданных распоряжений. Не думаю, чтобы вице-король приказал солдатам сохранять полную тишину для того, чтобы позволить пленникам нарушить ее. Если вы хотите, сахиб, я растолкую вам мысли вашего начальника, у него есть весьма серьезные причины, чтобы держать арест в тайне.

Молодой офицер заколебался. С одной стороны, он опасался выговора вице-короля, с другой — ему претило выступать в роли надсмотрщика.

— Мы будем счастливы, сахиб, — вмешался браматма, — примирить ваше чувство долга с чувствами благородного, порядочного человека. Мы обещаем хранить молчание, даю вам слово за себя и своих товарищей.

— Мне достаточно вашего слова, — ответил Кемпбелл, довольный такой развязкой.

И он встал во главе своих людей, чтобы не иметь больше дела с душителем. Отряд благополучно вернулся во Дворец семи этажей, и никто из жителей Биджапура не подозревал о случившемся.

Пленников поместили в одной из комнат, предназначенных для размещения шотландцев, в ожидании решения вице-короля. Убийство полковника Уотсона придавало всему делу исключительную важность, и сэр Джон хотел посоветоваться с ближайшими помощниками, прежде чем решить участь арестованных.

Кишнаю одержал верх, и было решено скрыть арест от туземцев, чтобы облегчить поимку Нана-Сахиба, которая должна была пройти успешно, если принца не предупредят об аресте браматмы и его окружения.

До сих пор Нану, несмотря на отсутствие его защитника, Покорителя джунглей, Духи вод всегда предупреждали о грозящей опасности. Если же принц ничего не заподозрит,

Кишна́я и его сообщники смогут по-прежнему играть роль трибунала Трех и совета Семи, умело распространив слух, что браматма послан ими куда-нибудь с секретным поручением. Под видом посланцев старшего из Трех и браматмы небольшой отряд проникнет в пещеры Нухурмура, где скрывается Нана, и захватит принца в плен вместе с его защитниками.

Кишна́я должен был в тот же вечер отправиться в Нухурмур вместе с несколькими членами своей касты, отъявленными негодьями, которые не отступали ни перед чем и в храбрости которых он мог не раз убедиться.

Суд над убийцами Уотсона и торжественный роспуск общества Духов вод отложили до поимки принца. Долгая борьба вождя восстания против английских властей подошла к концу, успех столь ловко задуманной операции по поимке Нана-Сахиба был обеспечен.

Английские солдаты получили строжайший приказ хранить полное молчание о событиях прошедшей ночи, им запрещено было общение с туземцами, чтобы секрет был соблюден.

Но что было делать с пленниками? Нет такой тюрьмы, откуда нельзя было бы снестись с внешним миром.

Сэр Джон Лоуренс несколько минут размышлял, как устранить эту трудность. Вдруг Кишна́я, злобно улыбнувшись, вспомнил о колодце Молчания.

— Доверьте мне ваших пленников, — сказал он вице-королю, — я верну вам их по возвращении. Клянусь, что за время моего отсутствия они не смогут дать о себе знать ни одной живой душе.

— Ты отвечаешь мне за них головой, — сказал Лоуренс. — Подумай, каким посмешищем я сделаюсь, если после моего доклада Сент-Джеймскому кабинету об аресте убийц Уотсона буду вынужден сознаться, что мы не сумели их уберечь.

— Я ручаюсь головой, милорд. — И туг зловеще добавил: — Местечко, которое я им приготовил, никогда не отпускает своих гостей.

В тот же день под покровом ночи браматму вместе с товарищами отвели в колодец Молчания — никому еще не удавалось выбраться живым из этой ужасной тюрьмы.

Вторую плиту зацементировали и замазали известью.

— Это их надгробная плита, — свирепо сказал туг, — только мертвые не мстят.

Затем прибавил со зловещим смехом, раскатившимся эхом под мрачными сводами:

— Я не обещал вернуть их живыми... А теперь идемте, — обратился он к своим спутникам, — через пять дней Нана-Сахиб будет в нашей власти.

Кишнайя с вызовом произнес эти слова умышленно громко, чтобы его слышали в подземелье.

— Через пять дней! — пробормотал браматма на языке, неизвестном другим пленникам. — Через пять дней тебя повесят, и на сей раз — по-настоящему.

Глава VII

Странное сходство. — Кто же этот человек? — Спасенные браматмой. — Необходимый отдых. — Трогательная признательность. — Планы Покорителя джунглей.

Звук голоса Арджуны, говорящего на неведомом языке, глубоко взволновал Анандраена. Уже во второй раз он замечал странное сходство браматмы с... На него это произвело сильнейшее впечатление. Но, как и на собрании жемедаров, он отогнал эту мысль как невероятную. Тем более что тогда среди всех присутствующих не нашлось никого, кто помог бы ему проверить его догадку. За два-три года до восстания общество, чтобы не привлекать внимания англичан, избегало проводить общие собрания, которые обычно имели место каждый год. Поэтому никто из приглашенных не знал браматму достаточно хорошо и не мог быть полезен Анандраену. Но и здесь, в мрачном подземелье, где от глаз не было проку, слух подтвердил ему его подозрения. К тому же звуки иностранного языка были так похожи на те, что он некогда слышал... Мысли Анандраена уже начали принимать самый неожиданный оборот, как браматма, после того как шаги душителей стихли в отдалении, взял слово.

— Братья, — сказал он, — вы, должно быть, спрашиваете себя, куда же запер нас гнусный туг, продавшийся англичанам? Вы слушали, не жалуясь, как над вашей головой замуровывали плиту, которую Кишнайя назвал нашим надгробным камнем. Но это чудовище в обличье человека не услышало от вас ни единого слова мольбы. Вы храбры и сильны, и я был прав, когда выбрал вас, чтобы спасти общество Духов вод и отомстить за славную землю Индии, которая стонет под пятой британцев. Вы, должно быть, думаете, что ваша жизнь, которую вы обещали принести в жертву благородному делу, закончилась. Действи-

тельно, человеческие останки у вас под ногами говорят о том, что мы находимся в тюрьме дворца Адил-шаха, куда раджи бросали жертвы своего честолюбия, мести, деспотизма. Естественно думать, что судьба тех, кто умер здесь до нас, предвещает нам близкий конец. Есть ли среди нас тот, кто захочет купить себе жизнь, предав общество, которое всегда защищало слабого от сильного, угнетенного от угнетателя, защищало Нана-Сахиба, беглеца и изгнанника, хранящего знамя нашей революции и готового поднять его вновь? Есть ли среди нас тот, кто ради своей свободы готов пожертвовать нашими идеалами?

Слова браматмы были встречены единодушными криками:

— Нет! Нет!

— Лучше тысячу раз смерть, и пусть наши кости смешаются с костями мучеников, которые покоятся здесь! — сказал Анандраен от имени своих товарищей.

В тот же миг трижды прозвучал крик:

— Да здравствует Нана-Сахиб! Смерть англичанам! Да здравствует браматма!

Старый Анандраен, сжав руку Арджуны, вдруг осененный внезапной мыслью, воскликнул:

— Друзья, мы забыли благородного и мужественного чужеземца, отдавшего двадцать лет жизни нашему делу. Он сумел бы вернуть Индии независимость, если бы мудрых советов и храбрых действий было достаточно, чтобы восторжествовали право и справедливость... Его нет здесь, чтобы руководить нами, но покажем, что он всегда занимает достойное место в нашей памяти и наших сердцах. Да здравствует Покоритель джунглей! Да здравствует Сердар!

Все присутствующие с энтузиазмом подхватили этот клич.

Анандраен с волнением заметил, что браматма молчит, а рука его, которую он держал в своей руке, судорожно подергивается.

— Во имя неба, кто ты? — шепотом спросил его Анандраен.

— Темнота мешает тебе узнать того, чью руку ты сжимаешь, мой дорогой Анандраен! Это я, Арджуна-Веллайя, сын Дамара-Веллайи. Каждый день я благословляю счастливый случай, позволивший мне встретить тебя.

— И мое счастье велико, — ответил Анандраен, — ибо боги, чтобы увеличить мою привязанность к тебе, дали тебе черты и голос самого дорогого из моих друзей. Не будь твое лицо бронзового цвета, как у сыновей Земли лотоса,

я бы подумал, что только какие-то необычайно важные причины не позволяют тебе открыться тому, кто любит тебя, как родного сына.

— Порой боги дарят сходство тем, у кого похожи сердца, — ответил Арджуна.

Анандраен вздохнул и замолчал.

— Друзья, — продолжал Арджуна, — в своих кровавых и бесполезных репрессиях англичане не щадят ни женщин, ни детей, ни стариков, тем самым заранее оправдывая все, что мы можем предпринять против них. Туг осмелился назвать нас убийцами за то, что мы привели в исполнение приговор, вынесенный нами презренному негодяю Уотсону, который с сигарой во рту руководил резней в Серампуре. Более двух тысяч человек погибло от руки его солдат, при этом в деревне не было ни одного мужчины, который мог бы носить оружие. Все они скрылись, чтобы избежать мести красных мундиров, без боязни оставив дома детей и матерей, седовласых старцев, полагая, что слабость и невинность будут им защитой... Никогда еще приговор не был так справедлив, а исполнение его — столь законно! Теперь пришла очередь Джона Лоуренса. Больше миллиона человек было хладнокровно убито по приказанию этого тигра, алчущего крови, в то время как сопротивление было прекращено. Пусть он даст отчет небесному суду. Трижды мы предупреждали его, чтобы он остановил реки крови, заливающие Индию, но он не внял нашим предостережениям. Бросим же Англии как вызов голову ее вице-короля! Вы, конечно, спросите меня, как я могу так говорить, если мы находимся в руках самого жестокого нашего врага?

На этой земле, где деспотичные завоеватели в течение веков сменяли друг друга, бывшие раджи, боясь пасть жертвой заговора, опасаясь удара кинжалом со стороны охраны, друзей, близких, не нашли иного способа избавиться от осаждавших их страхов, как устраивая в своих дворцах всевозможные укрытия и потайные ходы, известные только им. Знайте же, что в каждом из этих убежищ есть три, а то и четыре хода и выхода. Предатель Кишнаия, обманом захвативший власть, тем не менее смог узнать только те из них, которые ему указали факиры, состоявшие при совете Семи. Он не знает, что в каждое подземелье ведут по меньшей мере два отдельных хода. Замуровав вход в эту адскую темницу, он решил, что покончил с нами. Но здесь есть еще несколько потайных коридоров, которыми пользовались палачи, наслаждаясь криками и жалобами своих жертв, подслушивая секреты, которыми те обмени-

вались между собой, умирая от одиночества и голода... Следуйте за мной, через несколько минут мы выйдем отсюда.

Несмотря на темноту, браматма уверенным шагом направился в сторону, противоположную той, где сторож и Утсара нашли вентиляционную отдушину. Он нажал рукой на часть стены, она сдвинулась в сторону и открыла проход, куда через бойницу просачивался слабый свет, вполне, впрочем, достаточный, чтобы пройти по узкому коридору. Арджуна шел впереди, легко справляясь с различными секретными механизмами, попадавшимися по пути. Достаточно было взглянуть на то, как уверенно он действовал, чтобы понять, с каким совершенством был составлен план потайных ходов таинственного здания, передававшийся от браматмы к браматме. Наконец Арджуна привел спутников в большой круглый зал, находившийся на верху внутренней башни, совершенно скрытой стенами дворца. Этот зал, великолепно освещавшийся через крышу, оставался в том же состоянии, как во времена Дара-Адил-шаха: широкий диван шел вокруг всей стены, посередине стоял большой лакированный стол из сандалового дерева, на крышке которого инкрустациями из слоновой кости и эбенового дерева были сделаны шахматные доски, всего их было девять. Сюда Адил-шах удалялся с фаворитами, чтобы отвлечься от государственных дел.

— Вот прекрасный зал для совета, — сказал Арджуна, — и, несмотря на указ, запрещающий общество Духов вод, мы покажем нашим врагам, что оно, как прежде, могущественно и грозно.

Когда факиры и стражники удалились в помещение, указанное им Арджуной, по предложению последнего высший совет Семи немедленно открыл заседание с тем, чтобы принять неотложные меры, необходимые в сложившейся тяжелой ситуации.

Согласно решениям, принятым на общем собрании жемедаров, совет отдал новые распоряжения, подтвердившие назначенную прежде дату восстания. В тот же день сэр Джон Лоуренс, на которого падала ответственность за бесчеловечные и жестокие приказы, Хейвлок, отличившийся кровавыми экзекуциями, и пять высших чиновников, помогавших вице-королю проводить репрессии, должны были пасть под ударами кинжала правосудия. Мир должен был узнать об их смерти одновременно с известием о новом восстании в Индии, взявшей за оружие, чтобы отомстить за своих мертвых и завоевать независимость.

Был также положительно решен вопрос о том, должен ли вице-король предстать перед судом совета Семи. В отсутствие Утсары — в момент ареста браматма не мог объяснить себе его исчезновение — передать уведомление вице-королю было поручено Судазе, который привел в исполнение приговор над Уотсоном, проявив при этом чудеса ловкости.

Решив все неотложные дела, браматма, пожелавший остаться один, предложил членам совета пойти отдохнуть. Большинство из них были люди в возрасте, они изнемогали от усталости и волнений, пережитых за прошедшую ночь. При этих словах браматмы члены совета, улыбнувшись, переглянулись: Арджуна говорил так, словно находился у себя во дворце. Они и не мечтали ни о чем другом, как только об отдыхе, единственное, чего им не хватало, — места, куда они могли бы удалиться. Арджуна угадал их мысли и улыбнулся в ответ. Он открыл нечто вроде стенного шкафа, где еще хранились принадлежавшие радже шахматные фигуры, сработала пружина, задняя стенка с полочками отошла в сторону, и Семеро увидели маленькую винтовую лестницу.

— На каждом этаже, — сказал Арджуна, — есть зал, подобный тому, где мы находимся, но разделенный на четыре спальни с широкими диванами. Комнаты темные, ибо башня построена в месте пересечения четырех внутренних стен, поэтому только зал верхнего этажа освещается через большой, венчающий его купол. Но зато вы сможете хорошенько выспаться и спокойно отдохнуть, ибо никакого сообщения с нижней частью дворца не существует, и пройти к вам можно только через этот зал.

Семеро, поклонившись, удалились, и браматма остался один.

— Наконец-то! — пробормотал он. — Скоро настанет день, когда я смогу осуществить дело всей моей жизни. Юг Индостана поднимется в едином порыве во главе с раджами, которых я привлек на свою сторону, а север, хотя и израненный, истекающий кровью, по призыву Нана-Сахиба с прежней страстью включится в борьбу. Полк морской пехоты в Пондишери, которым командует мой друг, позволит нам обеспечить наши туземные войска командным составом. «Диана», «Раджа» и четыре корабля Ковинда-Шетти прибыли в Гоа, до отказа нагруженные пушками, ружьями последнего образца и боеприпасами. Через две недели мы двинем на англичан два миллиона человек, хорошо вооруженных, с опытными командирами, и с британским владычеством в Индии

будет покончено... Теперь я оправдан, но не могу забыть, что двадцать лет тому назад, выдвинув против меня ложные обвинения, англичане разбили мою жизнь. Я ненавижу их не только по личным мотивам, но и как француз, ибо на протяжении веков Англия пользовалась каждым удобным случаем, чтобы разорить Францию, похищая одно за другим лучшие украшения ее колониальной короны... Теперь я лишу ее Индии! Ах, сердце мое переполнено невыразимой радостью, все идет как нельзя лучше, я оплачу за все мои страдания. О, сэр Джон Лоуренс, ты считаешь, что я преспокойно наслаждаюсь отпуском во Франции! Я же попросил его только для того, чтобы у меня были полностью развязаны руки, чтобы не принимать участия в заговоре в качестве губернатора Пондишери... Горьким будет твое пробуждение, и ты не представляешь, сколь близок час расплаты за твои преступления...

Подумать только, если бы мне не пришла в голову мысль воспользоваться необычным сходством между мной и Арджуной и просить его позволения председательствовать на последнем собрании жемедаров, чтобы самому убедиться в настроении членов общества, все мои усилия пошли бы прахом из-за дерзости и хитрости проклятого Кишнаи! К счастью, я переписывался только с Арджуной, иначе все мои тайны, все мои планы стали бы известны этому негодяю. Но его недостойное обращение с браматмой, явное желание избавиться от него привели к тому, что Арджуна стал недоверчив и скрытен. Кроме часа восстания, утаить который было невозможно, Кишнаия ничего не знает ни о наших союзниках, ни о наших реальных силах, ни даже о том, что я нахожусь в Индии. Теперь он беззащитен перед нами, ибо слишком доверился толщине стен и плит над нашей головой. Я сыграл рискованно, допустив наш арест, которого можно было бы избежать, но бывают минуты, когда храбрость полезнее осторожности. Это был единственный способ обмануть наших врагов и усыпить их бдительность. Иначе нам пришлось бы вступить в борьбу, не закончив все приготовления. Нам нужно еще две недели, чтобы вооружить наших людей. В это время Кишнаия отправится в Нухурмур, где Барбассон все приготовил для его встречи. Вице-король будет терпеливо ждать поимки Нана-Сахиба, в которой он теперь уверен.

Пока браматма разговаривал так сам с собой вполголоса, анализируя ситуацию в мельчайших подробностях, чтобы убедиться, что им приняты все меры предосторожности и его планы не могут сорваться, Анандраен неспешно вошел

в зал и встал позади кресла мнимого Арджуны, несколько раз едва не выдав себя от волнения.

Покоритель джунглей, подперев голову руками, на несколько минут глубоко задумался, а затем продолжал:

— Я так ловко сыграл свою роль, что никто не узнал меня, за исключением Анандраена. Милый друг! Моя уклончивость, я уверен, заставила его страдать. То, как тщательно я избегал прямых ответов на его вопросы, убедило его в том, что он не ошибся. Мое нежелание открыться ему должно было причинить Анандраену настоящую боль. Но он должен понять, что я не мог вести себя иначе в присутствии факиров и стражников, я не хочу открывать свое инкогнито даже членам совета, ибо тайна, известная многим, перестает быть тайной... Что до Анандраена, я не стану более таиться от него, мое молчание может ранить нашу старую дружбу. Сегодня же вечером я все расскажу ему...

— Тогда ты простишь мне мою нескромность, — сказал Анандраен, не сдерживая больше душившее его волнение.

— Ты здесь! — воскликнул пораженный Покоритель джунглей, обернувшись.

— За двадцать лет ничто не омрачило нашей привязанности друг к другу, поэтому я пришел сюда не для того, чтобы подслушивать твои мысли... Я узнал тебя прежде всего потому, что ты избегал прямо отвечать на мои вопросы. А потом, видишь ли, старого друга не так-то легко обмануть. Увидев тебя на собрании жемедаров, несмотря на твою туземную одежду, темный цвет лица, намазанного куркумой, душой и сердцем я понял, что это ты... Я напрасно пытался заснуть и решил прийти к тебе и сказать: Сердар, я узнал тебя! Зачем же ты скрываешься от старого товарища?

— И я бы ответил тебе: да, это я, и у меня нет секретов от самого преданного, самого давнего моего друга. Ты был первым, с кем я познакомился, прибыв в Индию, Анандраен.

— Значит, ты прощаешь меня?

— Да разве в этом есть нужда!

— Какое счастье снова увидеть тебя!

И оба обменялись крепким рукопожатием.

— Что ты слышал? — спросил Сердар.

— Все или почти все.

— Ты одобряешь меня?

— Полностью!

— Как, по-твоему, я сыграл свою роль?

— Превосходно, ты обманул даже самого Кишнаю...
Никогда бы Арджуне не удалось расстроить его махинации.

— Меня навело на след как раз странное поведение старшего из Трех. Значит, теперь ты знаешь все.

— Мне только не совсем ясно, что ты говорил насчет солдат в Пондишери.

— Это как раз очень просто. Будучи губернатором французских владений в Индии, я назначил одного из моих бывших сослуживцев командиром тамошнего гарнизона. Он предан нашему делу, и в одну из безлунных ночей, в тот час, когда вся Индия возьмет в руки оружие, полк покинет французскую территорию и присоединится к нам. Индусам не хватает командиров, в которых они бы верили: мы сделаем генералами всех офицеров, полковниками — всех унтер-офицеров и капитанами — всех солдат. Полковник де Лотрек будет назначен командующим армией, которая двинется в Бенгалию против Хейблока, командир батальона Картье де ла Шене будет действовать в Мадрасе, в то время как Нана-Сахиб и я, встав во главе западной армии, двинемся на Бомбей. Четверо раджей юга и Нариндра, имея под своим командованием 200 тысяч всадников-маратхов, очистят центр, не давая англичанам перегруппировать силы, и отрежут их от пунктов снабжения. Если, как я надеюсь, наш план удастся, то через шесть недель в Индии не останется ни одного красного мундира.

— Да услышит тебя Шива! — промолвил старый Анандраен. — Это прекрасная мечта, но боюсь, что, как и всякая мечта, она далека от действительности.

— Откуда у тебя такие недобрые предчувствия?

— Я боюсь, как бы раджи юга не струсили в последний момент.

— Они слишком скомпрометировали себя, чтобы отступить. И разве не они сами всеми силами подталкивали нас ко второму восстанию?

— Да, я знаю. Пока речь идет о том, чтобы замышлять заговоры, принимать героические решения, они всегда в первых рядах. Но как только от слов надо переходить к делу, куда только девается их прыть! Именно так эти изнеженные потомки наших древних властителей позволили англичанам отнять у них троны, лишить их всего, и ни один не вскочил в седло, чтобы с оружием в руках защитить наследие предков и со славой пасть на поле брани, вместо этого они предпочли стать придворными вице-короля Калькутты.

— Знаю, Анандраен. Но первый раз восстание провалилось из-за того, что на борьбу с иностранным иггом поднялась не вся Индия. Соперничество между провинциями,

набобами и раджами помогало нашим врагам одерживать победы. Теперь англичане увидят, что это настоящее национальное движение, объединившее мусульман севера с браманистами юга во имя единой цели. Поверь мне, невозможно устоять перед народом в двести пятьдесят миллионов человек, решивших умереть ради свободы... Но оставим это, старина, пришла пора действовать. Иди отдохни, мне надо побыть одному, чтобы написать важное письмо Барбассону и закончить несколько срочных дел. Не забудь, что для всех остальных я по-прежнему браматма Арджуна.

— Не бойся, я не раскрою твое инкогнито... Еще одно слово, и я оставлю тебя. Где же прячется настоящий браматма?

— Арджуна? Я отправил его в Нухурмур к Нана-Сахибу, чтобы он сам рассказал принцу обо всем, что произошло в Биджапуре. Я с нетерпением жду его возвращения, чтобы вернуть ему знаки его достоинства и обрести свободу действий.

Когда Анандраен ушел, Покоритель джунглей напряженно работал в течение нескольких часов. Ему надо было разослать последние приказы, составить воззвание, которое следовало обнародовать в каждой провинции, отдать необходимые распоряжения каждому командиру, обеспечив единство действий с тем, чтобы восстание началось во всей Индии одновременно, прогремев, словно гром... Но всему есть предел. В течение многих дней этот железный человек не знал ни минуты отдыха, глаза его невольно закрылись, голова медленно склонилась на стол, и он заснул глубоким сном.

Часть девятая

КОНЕЦ ДОЛГОГО ЗАГОВОРА ОТЪЕЗД НАНЫ ПОСЛЕДНИЕ ПОДВИГИ БАРБАССОНА

Глава I

Цель сэра Джона Лоуренса. — Пиетисты и политики. — Радость вице-короля. — Эдуард Кемпбелл. — Произведен в капитаны. — Смутное беспокойство. — Удачное путешествие.

Вечером того памятного дня сэр Джон Лоуренс удалился в спальню, радуясь и торжествуя, — давно он уже не испытывал подобных чувств. Смерть преданного ему Уотсона, правда, сильно омрачила его настроение, но другие, счастливые, обстоятельства утешили его, смягчив горечь потери. Будучи эгоистом, как и все люди, находящиеся на вершине власти, он видел только одно: его положение, так сильно пошатнувшееся из-за неумения усмирить Индию, вдруг укрепилось благодаря уничтожению Духов вод — это был уже свершившийся факт, а также поимке Нана-Сахиба, которого Кишнаья обещал доставить через пять дней. Сомнений в успехе не было, туг отправился в Нухурмур с решением общего собрания жемедаров и приглашением принцу от совета Семи прибыть в Биджапур и встать во главе заговора, направленного против английского владычества.

Вице-король был особенно доволен, ибо, не подозревая о присутствии в Индии Покорителя джунглей, полагал, что

подготовка к восстанию — всего лишь предлог, выдуманный Кишнаей и его сообщниками, чтобы завлечь Нана-Сахиба в Биджапур. Он больше не опасался и за свою жизнь, ведь тот, кому подчинялся кинжал правосудия, был теперь бессилён.

«Бедный Уотсон! Он поплатился жизнью за начатую мной борьбу, но по крайней мере стал последней жертвой этого страшного общества, с которым до сегодняшнего дня не мог справиться ни один из правителей Индии. Какая же мне выпадет слава! Ведь я преуспел там, где вынуждены были отступить деспотичный Ауранг-Зеб и непреклонные Клайвс и Гастингс, испугавшись кинжала правосудия. Смерть Уотсона помогла мне добиться успеха. Иначе, опасаясь упустить Нана-Сахиба, я бы, пожалуй, не стал активно действовать против Духов вод, и кто знает, быть может, фанатик браматма осмелился бы напасть на меня. Какое счастье, что этот одержимый со всей своей шайкой надёжно заперт в одном из подземелий дворца... Пожалуй, Кишнаей напрасно замуровал выход, если бы он посоветовался со мной, я бы, конечно, ему этого не позволил. Но, в сущности говоря, это лучший способ покончить с опасной бандой. Они исчезли без всякого шума, и никто никогда не узнает, что с ними стало».

Странные рассуждения для почти что короля и монарха, смешивающего государственные интересы со своими, эгоистическими и мелочными, оправдывающего самые жестокие и бесчеловечные поступки.

Вице-король только что проводил Уотсона к месту его последнего успокоения и утешал себя тем, что смерть друга оказалась бесполезной для укрепления его власти. Десятку человек грозила в эту минуту печальная участь Уголино*, а сэр Джон умывал руки. Не он отдал этот варварский приказ... К тому же это был самый быстрый способ покончить с людьми, чье существование было постоянной угрозой для его личной безопасности.

Представляя правительство самой большой после Китая империи в мире, этот человек во всем видел только собственный интерес. Сколько раз он приводил свою страну на грань катастрофы, не желая прекратить борьбу против каст, верований, обычаев народа, управлять которым — легче легкого, надо только уважать его религию, нравы, традиции предков, короче говоря, его достоинство. Ему безразлично, кому платить налоги, лишь бы не трогали его кастовые предрассудки, позволяли поклоняться многочисленным бо-

* Персонаж «Божественной комедии» Данте.

гам и спокойно жить в своей деревне, возделывая рисовое поле, которое обрабатывали его предки.

Будучи назначен на пост вице-короля благодаря влиянию мощной партии, получившей в Англии название пиетистов и насчитывавшей в своих рядах людей самого разного общественного положения — от кокни до члена Палаты лордов, сэр Джон Лоуренс, отправляясь к месту назначения, дал слово обратить Индию в протестантство. И хотя он убедился в невозможности выполнить обещанное, чтобы удержаться у власти, продолжал проводить политику, приведшую к великому восстанию сипаев и поддерживавшую в Индии атмосферу постоянных заговоров, чреватых новыми мятежами, еще более опасными, чем первый.

Вице-король не раз получал предупреждения: заговорщики были повсюду — от хижин до дворца раджей. Его собственные слуги поддерживали заговор и изменяли ему почти открыто. Все его декреты, все решения совета, все планы становились сразу же известны. В течение почти двух лет Нана-Сахиб ускользал от него благодаря молчаливой поддержке всех индусов и даже части английских чиновников, опасавшихся мести тайных обществ. Но сэр Джон Лоуренс не желал ничего понимать, продолжая вступать в сделки с людьми самого низкого происхождения, формируя из них свою туземную полицию. Он по-прежнему публиковал нелепые декреты, направленные против каст, религиозных обычаев, пытаясь заменить Веды Библией, и тем самым доводил индусов до крайности.

Моголы, попытавшись бороться с Духами вод, вынуждены были смириться с их существованием и властью браматмы. Сами английские губернаторы заметили, что эта тайная сила никогда не вмешивалась в гражданские и политические дела, преследуя только слишком бесстыдное лихоимство, и стояла прежде всего на страже морали, помогая им бороться со взяточниками. Поэтому они окружили браматм почетом и уважением, полностью оставив им старинный дворец в Биждапуре, который стал загадочным и священным хранилищем древних традиций. Все здесь оставалось, как в прежние времена. Никто не осмеливался переступить порог резиденции браматмы, и самые невероятные легенды защищали Дворец семи этажей от осквернения. Первые этажи браматмы сами уступили английским вице-королям, приезжавшим туда каждый год по приглашению, чтобы присутствовать на великой пудже Биджапура, празднике Духов вод. Все обычаи тайных обществ, которые, скажем, у франкмасонов стали лишь воспоминанием о бы-

лых традициях, в Индии по-прежнему живы и соблюдаются. Когда браматма отправлялся в путешествие по провинциям, английские и французские губернаторы оказывали ему почти королевские почести.

Мы сами присутствовали при том, когда приезд в Пондишери главы этого старейшего в мире тайного общества был ознаменован двадцатью одним пушечным залпом.

Это была разумная политика, и в течение почти века англичане жили в Индии мирно и спокойно. Но в Великобритании существовала партия пиетистов-англиканцев, о которых мы только что упомянули, или, как их называли в Лондоне, святых. Подобный альянс противоречил их убеждениям. С самого начала они проповедовали необходимость обращения Индии и обвиняли правительство в том, что оно не выполняет возложенную на него миссию. Пиетисты, столь же превосходно организованные, как и иезуиты, но более могущественные — им удалось привлечь на свою сторону большую часть буржуазии, — решили добиться поставленных целей иным путем, ибо правительство не реагировало на их выпады. Они начали внедрять на государственную службу и в армию своих людей. Когда наступил подходящий момент, они приложили все силы к тому, чтобы пост вице-короля занял преданный им человек, который достиг высокого положения благодаря упорной работе, редкой пронырливости, железному терпению и, самое главное, связям с могущественной партией святых. Этим человеком был Джон Лоуренс.

Будучи простого происхождения, он стал сэром Лоуренсом, заняв самый высокий в Англии пост. Тем самым прервалась не только долгая традиция, согласно которой вице-королями становились обычно лорды, дипломаты по карьере и рождению. Полному пересмотру подверглась также политика, проводившаяся ими на протяжении веков.

Вызвав яростные нападки всей британской аристократии, с трудом переносившей то, что у нее отняли наследственную должность, сэр Джон мог удержаться у власти, только слепо подчинившись установкам своей партии. Он начал с того, что буквально наводнил Индию протестантскими проповедниками из самых разных сект. И как ни странно, очень скоро гражданские чиновники, офицеры и даже генералы — отчасти по убеждению, отчасти из желания сделать карьеру — перестали расставаться с Библией. Всех словно обуяла страсть к проповедничеству. На перекрестках дорог, деревенских площадях, во дворах казарм все проповедовали и раздавали Библию в огромных количествах. Индусы проходили мимо, отказывались слушать и книг не брали. Солдаты в ка-

зармах слушали, ибо их принуждали к этому силой, но избегали споров с офицерами на религиозные темы и, несмотря на наказания, также отказывались от Библии.

За два года протестантам не удалось обратить в свою веру ни одного туземца, ибо для индусов переход в другую религию означал потерю касты, семьи, социального положения, означал падение до уровня париев, этому они предпочитали смерть.

Надо отдать должное Духам вод — первые предупреждения исходили от них. Тогдашний браматма неустанно обращался к вице-королю, заклинал его положить конец неистовому прозелитизму, чтобы не вызвать страшного несчастья. Ничто не помогало. Тогда восстали 250 тысяч солдат-мусульман. В то время туземная армия состояла из них полностью, и у правительства осталось в распоряжении 7—8 тысяч солдат-европейцев. Индусы-браманисты, и в частности население Декана, ждали первых результатов, прежде чем присоединиться к восставшим. Но Хейвлоку, проявившему чудеса храбрости и умения, удалось подавить мятеж, и сэр Джон Лоуренс буквально утопил Бенгалию в крови, чтобы другим было неповадно следовать ее примеру.

Тогда-то один француз, чью историю под именем Покровителя джунглей мы рассказали, прославился, сражаясь рядом с Нана-Сахибом, помог ему бежать после взятия Дели и сумел спасти принца от преследования англичан.

Первос восстание, вместо того чтобы послужить сэру Джону уроком, только возбудило его ярость, и он начал против Декана, не принимавшего участия в восстании, борьбу, которая неминуемо должна была привести к тем же результатам, что и в Бенгалии. Не довольствуясь бесчисленными декретами, направленными на ущемление прав индусов в отправлении религиозных обрядов, на уничтожение каст и тому подобное, он лично явился в Биджапур, оплот древних традиций страны.

Однако чаша терпения индусов была переполнена, вице-король должен был почувствовать, как земля горит у него под ногами, и смерть Уотсона, выступавшего за более мягкую политику, должна была открыть ему глаза, если фанатики вообще способны что-либо видеть.

Мы сочли необходимым, читатель, совершить сей экскурс, ибо без него невозможно объяснить и понять последние события, которыми была отмечена памятная борьба сэра Джона Лоуренса с загадочным и могущественным обществом Духов вод.

Итак, в тот вечер, несмотря на допущенные ошибки,

несмотря на предупреждения, получаемые со всех сторон, сэр Джон Лоуренс был счастлив. Он не только считал, что положение его упрочилось, но и надеялся, что могущественные покровители добьются продления его полномочий на новый срок.

Поразмышляв какое-то время о прошедших событиях, сэр Джон мало-помалу погрузился в ту мечтательную дремоту, когда дух освобождается от гнета окружающего его материального мира и взмывает ввысь на волшебных крыльях мечты. Вице-король находился в этом полубессознательном состоянии, когда ему вдруг почудилось, что перед ним возник призрак Уотсона, раскрывающий ему объятия. Сэр Джон с ужасом вскрикнул и отпрянул назад, невольно взмахнув руками, словно хотел оттолкнуть страшное привидение. Очнувшись в других комнатах, залитых светом, он быстро овладел собой.

— К счастью, это был только сон, — с облегчением вымолвил он.

Сэр Джон подошел к окну, но вид руин, выступающих в ночи из темной листвы, только усугублял печально-мечтательное настроение, которым он объяснил привидевшееся ему, и чтобы избавиться от этого впечатления, он закрыл окно и позвонил.

Появился камердинер с помощником, они стали готовить комнату и постель вице-короля. Одновременно вошел, как обычно, Эдуард Кемпбелл, чтобы получить распоряжения на ночь. Он казался чрезвычайно подавленным и прилагал все усилия, чтобы вице-король ничего не заметил.

— Удвоить посты, милорд? — спросил он, когда слуги исчезли по знаку хозяина.

— Предосторожность никогда не помешает, Эдуард, — дружески улыбнувшись, ответил сэр Джон, не заметив, в каком необычном состоянии находился его адъютант.

Когда вице-король обращался к молодому офицеру по имени, это обычно означало, что он намерен задержать юношу и поговорить с ним. Эдуард садился, и разговор длился порой долгими часами. Молодой офицер всегда с видимым удовольствием принимал эти знаки отличия со стороны сэра Джона, но сегодня вечером, услышав, что его назвали по имени, не сумел сдержать жест разочарования, который его собеседник не заметил, ибо продолжал:

— Садитесь, Эдуард, у меня есть для вас хорошие новости.

— Я к услугам Вашей Светлости, — ответил лейтенант, склонив голову.

— Оставим пока службу, мой дорогой Кемпбелл, хотя то, что я хочу вам сказать, имеет к ней косвенное отношение. Я не скрывал от вас, что весьма доволен тем, как вы исполняете обязанности адъютанта. Поэтому я давно искал возможность поощрить вас, не уязвляя при этом самолюбия тех ваших товарищей, которые выше по чину, но меньше заслуживают похвалы.

— Приняв меня на службу в свой штаб, Ваша Светлость исполнила все мои желания, и пока ни о чем другом я не мечтаю.

— Скромным быть хорошо, мой юный друг, но, видите ли, будущее человека почти всегда зависит от первого шага, ставящего его чуть выше остальных. Впоследствии этот перевес всегда сохраняется. Например, я сам приписываю мое назначение на должность вице-короля вовсе не качествам, проявленным мной на предыдущих высоких постах, а тому факту, что в начале карьеры я оказал важную услугу губернатору Мадраса — спас его тонувшего сына — и был назначен помощником в Каддолур на десять лет раньше, чем это обычно случается.

Никто из моих конкурентов догнать меня уже не смог. Волею благоприятных обстоятельств я поднялся еще выше, но, начиная с того дня, можно было предсказать, что я стану губернатором одного из округов — Бомбея, Мадраса, Агры или Лахора, хотя лишь очень немногие из государственных чиновников достигают такого положения.

Я хочу оказать вам ту же услугу и дать на десять лет раньше положенного чин капитана, это ключ к генеральским эполетам. Вы будете по-прежнему исполнять обязанности лейтенанта, но властью, данной мне королевой, я назначаю вас капитаном в 4-й шотландский полк, где вы служите.

— Я капитан! — пролепетал молодой человек, не веря своим ушам. — Но надо пробыть пять лет в чине лейтенанта, а я даже и года...

— Вы забываете, — перебил его сэр Джон, — что эта статья военного устава теряет силу, когда речь идет о героическом поступке. Умение, с которым вы действовали во время ареста вождей Духов вод, является достаточным основанием, чтобы дать вам чин капитана... Вот ваше свидетельство.

— Ах, милорд! Милорд! — вскричал Кемпбелл, который не смог сдержать слез, так он был растроган. — Если мне когда-нибудь представится случай отдать за вас мою жизнь...

И он покрыл поцелуями руки сэра Джона.

— Я видел в деле вашего отца, Эдуард, и знаю, что вы принадлежите к семье, на которую можно положиться.

Несмотря на охватившую Кемпбелла радость, казалось, его мучает острая тревога. Но всякий сторонний наблюдатель, не зная истинных причин этих мучений, спутал бы их с волнением, вызванным столь невероятным продвижением по службе.

— На бумаге, — сказал сэр Джон, — не хватает только печати королевы, я сейчас же ее поставлю.

Он встал и пошел за золотой коробкой, где хранились королевские печати. В это время молодой офицер бормотал, ломая руки:

— Что делать, Боже мой? Что делать? Если я промолчу, то изменю дважды — родине и моему благодетелю. А если заговорю...

Вдруг он воскликнул:

— Да, само небо наставляет меня... Только моя мать может предотвратить непоправимое несчастье!

— Все в порядке, — сказал вице-король, кладя печати на место. — Я желаю вам, дорогой Эдуард, чтобы ближайшая вакансия позволила вам занять соответствующую должность.

— Милорд, — ответил юноша, приняв отчаянное решение, — если бы я не боялся злоупотребить вашей добротой...

— Вы хотите о чем-то попросить меня? Говорите, не бойтесь, мой дорогой капитан, я заранее согласен.

— Дело в том, что мы как бы в походе, и я не осмеливаюсь...

— Я читаю ваши мысли, — ласково перебил его сэр Джон. — Вы хотите недельный отпуск, чтобы самому сообщить полковнику и леди Кемпбелл новость, которая доставит им большую радость.

— Неделя! — воскликнул Эдуард с дрожью. — О нет! Этого времени слишком много, мне хватит и трех дней.

— У вас дрожат руки, Кемпбелл. Вы нездоровы?

— Пустяки, милорд... это от избытка счастья... Все так неожиданно... я просто не могу совладать с нервами.

— Ну, успокойтесь, дитя мое. Как говорится в одной прелестной комедии наших соседей французов, радость пугает. Наблюдение очень точное, но, к счастью, подобный испуг оставляет только приятные воспоминания. Отправляйтесь в Бомбей к вашим родителям, я даю вам бессрочный отпуск, вы вернетесь, когда захотите. Скоро мы войдем в период спокойствия, и я надеюсь, мне не придется воспользоваться вашими услугами в качестве военного. Когда вы вернетесь, наше пребывание в Декане подойдет к концу.

— Прошу вас, милорд, не дайте убаюкать себя обман-

чивым ощущением покоя... С этим народом фанатиков никогда нельзя быть уверенным в завтрашнем дне.

— Ступайте, мой юный друг, и без всякой задней мысли наслаждайтесь своими каникулами. Вам неизвестно положение дел так, как мне, иначе вы не стали бы тревожиться понапрасну. Общество Духов вод всегда было душой всех заговоров и восстаний. Без него ни один индус не осмелится пошевелинуться. Нана-Сахиб, оставшись без поддержки, не пользуется никаким влиянием на юге Индии, где ненавидят мусульман. Не пройдет и пяти дней, как он будет моим пленником.

«Боже мой, мне не удастся переубедить его, — подумал юноша, — у меня только один выход — срочно отправиться в Бомбей».

Вслух он промолвил:

— Пусть Ваша Светлость по крайней мере бережет себя, я дрожу при мысли, что ваша драгоценная жизнь зависит от кинжала какого-нибудь жалкого факира.

— Благодаря вам, Эдуард, те, кто вооружал фанатиков, больше никому не смогут повредить.

— Вы уверены в этом, милорд?

Вице-король странно улыбнулся.

— Колодец Молчания, — ответил он, — не выпускает своих жертв. А потом, поверьте, они не осмелятся поднять на меня руку.

— Во всяком случае, милорд, я, как и прошлую ночь, удвою посты и поставлю по часовому у всех входов в ваши покои.

— Хорошо! Принимать меры предосторожности, даже против случайностей, никому не запрещено... Когда вы хотите уехать?

— Мое дежурство заканчивается сегодня вечером. Сдав его лейтенанту Нолану, я тут же отправляюсь в дорогу.

— Доброго пути, и мой привет полковнику.

Глава II

Эдуард Кемпбелл во дворце браматмы. — Слишком поздно. — Разоблачающее эхо. — След среди развалин. — Во имя неба, остановись! — На пути в Бомбей.

Как только Эдуард Кемпбелл вышел из покоев вице-короля, он поспешил проверить все посты дворца, за которые непосредственно отвечал, поставил караульных во всех ко-

ридорах и у всех дверей. Приняв эти меры предосторожности, он сдал дежурство, однако не вернулся в свои комнаты.

— Наконец-то я свободен, — с облегчением вздохнул он. — Лишь бы успеть вовремя!

Он пошел по узенькой тропинке, вившейся среди развалин и ведшей прямо в ту часть старого Биджапура, где находились пагода Шивы, дворец браматмы и другие сооружения, устоявшие под натиском веков. Молодой офицер старался идти как можно тише. Чувствовалось, что ему не терпится прийти туда, куда он направлялся, но необходимость скрывать свое присутствие в такой час и в таком месте, где появлялись только шакалы и бродяги, не позволяла ему идти быстрее.

Через двадцать минут он подошел к дворцу браматмы, который после экспедиции Кишнаи казался совершенно пустынным, и проскользнул к маленькому домику, прятавшемуся в деревьях и служившему обычно жилищем для стражников, арестованных накануне вместе с их хозяином. В эту минуту с вершины старой пагоды раздался гонг ночного сторожа, Кемпбелл насчитал двенадцать ударов, и вслед за этим свежий юный голос произнес традиционную фразу: «Пробила полночь, люди высокой и низкой касты, спите спокойно, ничего нового!» Это был сын сторожа, который по-прежнему заменял отца, находившегося в этот момент вместе с Утсарой в колодце Молчания.

— Полночь! — повторил Кемпбелл, глубоко разочарованный. — Я опоздал на час, вице-король слишком задержал меня.

Он все же подошел к домику, затаив дыхание, и, приложив ухо к входной двери, прислушался. Через несколько секунд он убедился, что внутри никого нет. До него донеслось только монотонное пение сверчка. Сильный, острый запах табака указывал на то, что не так давно в домике были посетители.

«Да, — подумал Эдуард Кемпбелл, — они встретились именно здесь, их свидание действительно было назначено на одиннадцать часов...»

Течение его мыслей было прервано легким шумом, донесшимся со стороны дворца, и юноша едва успел броситься в кусты, чтобы не быть замеченным. Когда его глаза привыкли к темноте, он различил двух туземцев, медленно шедших к выходу и тихо переговаривавшихся между собой. Каково же было его изумление, когда в одном из них он узнал старого паломника, который два дня тому назад у

вице-короля предсказал Эдуарду блестящую карьеру, а Уотсону заявил, что тому осталось жить всего три часа.

Кемпбелл сразу подумал, что перед ним убийца полковника или, по крайней мере, пособник этой дерзкой акции. Что старый нищий и его путник делали в такой час во дворце браматмы? Он ожидал встретить не их, хотя и не знал, кого ему удалось сегодня подслушать, кто назначил встречу в домике стражников...

На закате солнца с молодым офицером приключилась странная история. С тех пор как он находился в Биджапуре, каждый вечер с террасы дворца, где жили вице-король и его свита, Эдуард любовался великолепной игрой света заходящего солнца, садящегося среди грандиозных развалин древнего города. Это зрелище доставляло истинное удовольствие его поэтической, мечтательной натуре, и часто ночь заставляла его созерцающим былое величие, которое цивилизация не сумела спасти от разрушения и забвения.

К концу террасы примыкала стена второго дворца, в ней на определенном расстоянии друг от друга были сделаны узкие бойницы, о назначении которых было трудно догадаться, на самом деле это были вентиляционные отверстия, устроенные архитектором в толще стен для того, чтобы проветривать тайные помещения дворца.

Прислонившись к стене, Эдуард Кемпбелл любовался чудесным беломраморным мавзолеем царицы Нухурмаль, нежного, поэтического создания, осветившего, словно луч солнца, мрачную историю Декана. Это был чистый, целомудренный цветок, случайно выросший среди чудовищных оргий и преступлений. Вдруг юноша невольно вздрогнул. Ему почудились звуки речи, словно исходящие из глубин камня... Эдуард нечаянно отошел от стены, и странное явление прекратилось. Он заметил это, принял прежнее положение, и до него снова долетели звуки человеческого голоса, но менее отчетливые, чем в первый раз, когда он ясно расслышал: «Весь Декан по первому сигналу...»

Одна из бойниц находилась на уровне его лица, он приложил к ней ухо и с возрастающим интересом стал следить за разговором, казалось, уже подходившим к концу.

— Ты уверен в четырех раджах юга? — спросил первый голос.

— Как в самом себе, — ответил второй. — Они сказали, что сэр Джон Лоуренс прибыл в Биджапур только для того, чтобы свергнуть их, и предпочитают борьбу позорному рабству.

— К тому же, когда народ узнает, что Покоритель

джунглей тайно вернулся в Индию, чтобы встать во главе восстания, все возьмутся за оружие, и этот мощный поток увлечет за собой и набобов.

Неужели Покоритель джунглей, Фредерик де Монморен, его дядя, в Индии? Услышав это, Эдуард Кемпбелл был так взволнован, что едва не упал в обморок и прислонился к стене. Кровь прилила к голове, в ушах шумело, и он пропустил ответ второго собеседника. Из него он как раз узнал бы, что один из беседующих не кто иной, как Сердар, который вовсе не находился во Франции в отпуске, как думал его племянник.

— Ты слишком преувеличиваешь мое влияние, Анандраен, — сказал Покоритель джунглей другу.

Разговор их происходил в комнате Анандраена, куда тот удалился для отдыха. Не догадываясь о личности говорящих, Эдуард Кемпбелл узнал из их беседы, какими силами располагали заговорщики, все детали заговора и точную дату восстания. Кроме того, он услышал, как неизвестные договорились встретиться вечером у дворца браматмы, в домике стражников, но в этот момент говорившие понизили голос, как бывает всегда, когда мы поверяем друг другу секреты, даже будучи уверены, что нас не слышат, и Эдуард больше ничего не смог разобрать.

Не пытаясь отыскать таинственное убежище, приютившее заговорщиков, юный офицер был крайне растерян и смущен. Как следовало ему вести себя в подобной ситуации?

Все рассказать? Но вождь будущего восстания — брат его матери, спаситель полковника Кемпбелла, Фредерик де Монморен, его дядя. Англичане станут преследовать Сердара, возможно, даже пошлют против него полк Эдуарда, а поймав, повесят как разбойника с большой дороги.

Промолчать? Но своим молчанием он поможет успеху восстания, которое рискует навсегда уничтожить британское господство в Индии.

Именно тогда Эдуард решил отправиться в Бомбей, рассказать все леди Кемпбелл и полковнику, чтобы они посоветовали ему, как поступить, ибо в любом случае ему приходилось брать на себя тяжелую ответственность. Прежде чем отправиться на Малабарский берег, он решил непременно присутствовать при свидании двух неизвестных, надеясь собрать еще более ценные сведения. Но вице-король задержал его, и он прибыл во дворец браматмы слишком поздно, когда неизвестные уже уходили. Однако его ночная прогулка оказалась небесполезной — ему стали известны виновники или пособники убийства Уотсона. По всей ви-

димости, не кто иной, как старый паломник, вооружил руку убийцы, если только не выполнил эту кровавую работу сам.

Молодой офицер быстро принял решение. Один он не мог попытаться арестовать двух заговорщиков, которые, конечно, были вооружены и могли защитить себя. Но он решил выследить их, чтобы узнать, где они скрываются и как попадают в необитаемые части дворца Адил-шаха. Когда они прошли мимо роши карликовых пальм, где он спрятался, Эдуард прислушался, стараясь уловить обрывки их разговора. Но они говорили очень тихо и на языке, совершенно неизвестном в Декане.

Разочарованный, Эдуард Кемпбелл шел за ними на почтительном расстоянии, чтобы не привлекать к себе внимания. Дорога петляла среди развалин, и порой он на несколько мгновений терял индусов из виду, но вскоре на фоне черного неба вновь вырисовывались их силуэты. Они направлялись прямо к дворцу Адил-шаха. Тогда Кемпбелл подумал, что мог бы легко арестовать их с помощью шотландцев, чьи многочисленные посты были разбросаны вокруг дворца, чтобы следить за подходами к нему. Несомненное участие обоих индусов в убийстве Уотсона полностью оправдывало эту крайнюю меру. Все указывало также на то, что перед ним были именно те заговорщики, разговор которых ему удалось подслушать.

Мысль о том, что он может навлечь подозрение на Покорителя джунглей, не успев посоветоваться с родными и выработать с ними линию поведения, ничуть не повлияла на принятое им решение. Эдуард достаточно хорошо знал индусов и был уверен, что ничто на свете не заставит их заговорить. Он собирался пока промолчать об услышанном и объяснить свой поступок участием паломника в убийстве начальника полиции, ибо именно он предсказал Уотсону близкую смерть в присутствии Эдуарда. Для суда любой страны этого было бы достаточно, чтобы предъявить индусу обвинение. Итак, он собирался следить за неизвестными до тех пор, пока не представится возможность броситься на паломника и вызвать ближайший караул шотландцев.

План молодого офицера был неплохо задуман и, пожалуй, удался бы, имей он дело с обычными противниками. Но Эдуард Кемпбелл не знал, как обострены чувства у тех, кто вынужден постоянно скрываться и быть настороже. Не прошло и пяти минут, как он шел по следам неизвестных, а те уже знали, что за ними следят, и сами размышляли о том, как им захватить своего неосторожного преследова-

теля, рискнувшего забраться в нагромождение развалин, небезопасное даже днем.

— Что нужно от нас этому человеку? — спросил Анандраена Покоритель джунглей.

— Может быть, он случайно идет по той же дороге, что и мы. Во всяком случае, это англичанин из свиты вице-короля, он не привык к подобным вылазкам, ибо совсем не умеет заглушать свои шаги.

— Это явно один из шпионов, поставленных у дворца браматмы, который после нашего ареста превратился в настоящую мышеловку. Следя за дворцом, англичане надеются захватить самых влиятельных членов общества и помешать его восстановлению.

— Нам надо убедиться в его намерениях, вдруг это просто заблудившийся путник...

— Обычный путник, Анандраен, не стал бы скрываться. Впрочем, есть простой способ узнать, как нам себя вести: давай повернем назад и посмотрим, продолжит ли он свой путь, не обращая на нас внимания. Это детская хитрость, но, по-моему, мы имеем дело с не очень-то ловким полицейским.

Увидев, что таинственные незнакомцы направляются к нему, Эдуард Кемпбелл своим поведением сразу подтвердил правоту Покорителя джунглей. Профессиональный сыщик как ни в чем не бывало пошел бы дальше, изобразив из себя ночного мечтателя, дышащего свежим воздухом. Молодой же офицер не нашел ничего лучше, как броситься в кусты, тем самым не оставив ни малейшего сомнения на свой счет.

— Опыт удался, Сердар, — тихо произнес Анандраен.

— Тем хуже для него, — ответил Покоритель, — борьба начата, и мы имеем законное право защищать себя... В колодцах Биджапура это будет не первый труп.

Оба друга направились к дворцу и прошли, словно ничего не подозревая, мимо того места, где спрятался молодой офицер.

Счастливым, что его уловка удалась, адъютант вице-короля пропустил индусов вперед и, подогреваемый надеждой на успех, с пылом стал вновь преследовать их. Он не сомневался, что перед ним были вожди заговора, направленного против его страны. Их арест мог бы внести смятение в ряды заговорщиков и оттянуть начало восстания, а то и вовсе покончить с ним. Эдуард ускорил шаг, забыв о всякой осторожности и удивляясь тому, что не видит больше двух туземцев. Вдруг на повороте тропинки какой-то человек резко схватил его за горло, бросил на землю, так что у

него не было времени защититься. В ночи хищно сверкнул кинжал, готовый пронзить грудь молодого офицера, когда тот крикнул по-английски:

— Подлый убийца!

Покоритель джунглей узнал его по голосу и сразу понял, кого собирался убить Анандраен.

— Эдуард Кемпбелл! — воскликнул он в страшной тревоге. — Остановись, во имя неба!

И не дожидаясь ответа, бросился к своему спутнику, вырвал у него кинжал, забросив его в высокую траву, затем оттолкнул индуса от жертвы и отшвырнул его на дорогу.

— Его племянник! — молниеносно вскакивая на ноги, воскликнул Анандраен. — Его племянник! Я чуть не убил его племянника!

По знаку Покорителя джунглей Анандраен бросился за другом, и оба, свернув с дороги, исчезли в развалинах.

Эдуард Кемпбелл был здорово помят. Колосс Анандраен отличался необыкновенной силой, удар его был мощен и стремителен. Хотя молодой офицер никак не мог опомниться от неожиданного нападения, он ясно слышал свое имя и понял, что чье-то вмешательство спасло его от неминуемой смерти. Он смутно увидел паломника в тот момент, когда индус вырвал кинжал из рук убийцы. Кто же был этот странный человек, предсказавший ему блестящую будущность и только что спасший его от смерти?

Разумеется, двое неизвестных задумали убить его, видя, что он следит за ними. Нападавший на него действовал с согласия спутника, стало быть, жизнью он был обязан вырвавшемуся у него восклицанию на английском языке, паломник узнал его. Скорбный ужас, с которым он крикнул «Эдуард Кемпбелл! Остановись, во имя неба!», свидетельствовал о том, что паломнику небезразлична его судьба, хотя причины этого интереса были юноше неведомы.

Постепенно, вспомнив о странном сходстве, замеченном им в день их первой встречи, сопоставив его с известием о возвращении в Индию Покорителя джунглей, молодой офицер пришел к убеждению, что старый паломник не кто иной, как искусно переодетый его дядя, Фредерик де Монморен, приехавший в Биджапур для организации восстания. Мучительное волнение охватило его при мысли о безвыходном положении, в котором он очутился; у раздиравшей его страшной дилеммы не было никакого решения — предать вице-короля и свою страну или выдать властям дядю, вновь спасшего ему жизнь.

— Мне остается только поехать к матери. Она одна

имеет на брата достаточно влияния, чтобы заставить отказаться от его планов. Что касается поведения, которого требует от меня понятие о чести, то как сыну и офицеру мне не найти лучшего судьи, чем мой отец.

И Эдуард бросился по направлению к дворцу. Выйдя к нему с необитаемой стороны, он внезапно остановился и вздрогнул. Невдалеке он увидел две тени, в которых узнал мнимого паломника и его спутника.

«Они непременно наткнутся на наши посты!» Эдуард сразу подумал об ожидавшей их участи. Приказ гласил: «Всякий индус, пытающийся ночью приблизиться к дворцу, должен быть расстрелян на месте». Он сам отдал его по распоряжению сэра Джона Лоуренса после смерти Уотсона.

Но обе тени, словно призраки, исчезли в стене, и Кемпбелл решил, что это была галлюцинация, вызванная тем возбужденным и лихорадочным состоянием, в котором он находился.

Примчавшись в казарму, он разбудил своего слугу.

— Скорее, Гопал-Шудор, оседлай наших коней, ты поедешь вместе со мной. Завтра нам надо быть в Бомбее.

Через десять минут во дворе два великолепных белоснежных жеребца нетерпеливо били копытами землю.

Когда молодой человек сел на лошадь, в развалинах трижды скорбно и заунывно прокричала сова.

— О, она предсказывает смерть! — с дрожью в голосе воскликнул слуга. — Вы посчитали, сколько раз она крикнула, сахиб?

— Почему ты об этом спрашиваешь, Гопал? — отозвался Эдуард Кемпбелл, подбирая поводья.

— Потому что, сахиб, — отозвался бедняга, дрожа от страха, — эта птица всегда предвещает человеку, что жизнь его подошла к концу. Своим криком она указывает, сколько дней ему еще осталось провести на земле.

— Ну что ж, — улыбнулся молодой офицер, несмотря на мрачное настроение, — тебе нечего бояться, ведь мы уезжаем.

— О, сахиб, не шутите, — шепотом сказал индус, — над старым дворцом Адил-шаха веет ветер смерти. Помните сэра Уотсона... Так вот, в тот вечер сова крикнула только один раз.

В этот момент зловещая птица, тяжело взмахнув крыльями, перелетела на перила террасы, находившейся над покоями вице-короля.

— О боги! О! — в ужасе воскликнул слуга. — Да защитит Шива повелителя повелителей! Если страшный посланец бога смерти пропоеет у него над головой, он погиб.

По странному совпадению печальная птица вновь трижды огласила ночную тишину своим заунывным криком.

— Ах, хозяин! Мы больше не увидим великого сахиба, — со слезами промолвил Гопал-Шудор.

В течение последних дней на глазах Эдуарда Кемпбелла произошло столько зловещих событий, что и он не смог удержать легкую дрожь.

— В путь! — крикнул он, садясь в седло.

И лошади во весь опор помчались по дороге в Бомбей.

Глава III

Таинственная ночь. — Внушение. — Совет Семи и тайный трибунал. — Обвинительная речь старого паломника. — Вице-король приговорен к смерти.

После отъезда Эдуарда Кемпбелла вице-король уселся в одно из удобных индусских кресел, в которых хорошо помечтать или поспать, ибо в них можно принимать любые положения и даже растянуться, как в кровати. В теплых странах, особенно в период сильного зноя, европейцы проводят в таких креслах часть ночи, устройство их позволяет насладиться ночной прохладой.

В течение всего дня стояла невыносимая жара. Обычно по ночам дуют северные ветры, которые освежают раскаленную атмосферу, но пока их дыхания не чувствовалось. Сэр Джон Лоуренс пытался было заснуть, напрасно стараясь отогнать от себя заботы, которые могли потревожить желанный покой. Сон не шел к нему, и он мысленно последовал за своим адъютантом в Бомбей. Он представил себе его приезд и с удовольствием подумал о том, какую радость испытает полковник Кемпбелл при вести о невероятном продвижении сына по службе. Потом по ассоциации мыслей он вернулся к тому, что больше всего его сейчас волновало: сумеет ли Кишнайма на сей раз захватить Нана-Сахиба? Принца окружала горсточка людей, но они были ему преданы, к тому же на Малабарском берегу было столько недоступных убежищ... Правда, у вождя тугов был способ приблизиться к Нане, не вызывая подозрений. Он должен был выдать себя за посланца Духов вод, и дальше — немного ловкости и... А уж ловкости Кишнайма было не занимать.

В этот момент вице-короля потревожил легкий шум. Он открыл глаза и был настолько поражен представившимся ему зрелищем, что решил, будто ему снится сон, и застыл

в оцепенении. В трех шагах от него, нагнувшись и протягивая руки, хищно сверкая глазами, стоял старый паломник, предсказавший смерть Уотсона.

Все двери охраняли часовые, никого не впускавшие, поэтому сэр Джон на какое-то мгновение подумал, что все происходящее с ним — сон.

— Опять этот зловещий нищий! — пробормотал он.

И инстинктивно вновь закрыл глаза, чтобы избавиться от наваждения. Но вдруг он резко выпрямился в кресле, устремив испуганный взгляд на странное привидение... Слова, которые услышал вице-король, убедили его в том, что он не спит.

— Сэр Джон Лоуренс, я приказываю вам следовать за мной.

Произнеся эти слова, паломник простер над головой вице-короля руки, испускавшие магнетические токи. Глаза его излучали разряды, с которыми сэр Джон тщетно пытался бороться.

Поразительно, он не спал, прекрасно осознавая все, что происходит вокруг, но чувствовал, как воля постепенно покидает его. Несмотря на нечеловеческие усилия, которые он предпринимал, чтобы избавиться от подчинявшего его себе внушения, сэр Джон никак не мог собрать мысли воедино, с растущим ужасом ощущая, что превращается в послушное орудие чужой воли, его собственная личность исчезла, и под влиянием участившихся магнетических пасов он сохранил лишь одну способность — подчиняться.

Еще несколько мгновений назад вице-король велел бы прогнать этого человека ударами кнута, теперь же он, верховный владыка двухсот пятидесяти миллионов человек, с жадностью смотрел на паломника, словно от него зависела его жизнь, ловил его взгляды, вымаливал улыбку, готовый по одному слову броситься к его ногам, словно собака, выполнить все, что ему прикажут, с радостью заколоть себя кинжалом, если бы этого захотел паломник... Сэр Джон стал его вещью, все его мысли были внушены ему индусом, мозг его стал подобен инструменту, способному издавать звуки только под умелыми пальцами артиста.

Паломник захотел убедиться, какой степени внушаемости достиг его пациент.

— Кто вы? — вдруг резко спросил он. — Вспомните! Я вам приказываю, — прибавил паломник повелительным тоном.

— Я... я... сэр Джон Лоуренс... Вице-король... Индии... — пролепетал сэр Джон.

— Неправда! — продолжал паломник. — Почему вы присваиваете себе этот титул? Вы не кто иной, как гнусный пария по имени Рангин. Я хочу, я приказываю, слышите — приказываю, чтобы вы сказали правду. Ну же, отвечайте!

— Да, это правда, я всего лишь гнусный пария по имени Рангин.

— В добрый час, вы послушны... А я, кто я?

— Фредерик де Монморен, — со вздохом ответил несчастный шепотом, — Фредерик де Монморен, которого зовут в этой стране Покорителем джунглей, Заступником.

— Да, Заступником, мне нравится это имя, — сказал паломник, словно обращаясь к самому себе, — особенно сегодня, когда час правосудия грядет.

— Рангин! Рангин! Я — Рангин, гадкий пария! — тупо бормотал сэр Джон.

Слова эти вернули Фредерика де Монморена к реальности, и он посмотрел на сэра Джона Лоуренса с чувством невыразимой грусти.

— Вот он, человек, вершина творения... — сказал он. — Одного взгляда, одного жеста, словом, пустяка достаточно, чтобы полностью уничтожить его самосознание, его индивидуальность, которые, по словам философов и мечтателей, возносят нас над всеми другими живыми существами. Был ли человек, более обуянный гордыней, чем этот? Он подчинил своей воле волю двухсот пятидесяти миллионов. И что же? Если я захочу, то смогу заставить его лаять, как собака, пресмыкаться, как змея, валяться в грязи, как свинья. Где же его «я»? Где его душа? Что ты сделал со своим разумом, несчастный вице-король? Где твое сознание, этот бессмертный, неугасимый светоч?

Горький смех сорвался с губ Покорителя джунглей.

— Вот что неведомые токи сделали с гордым властелином Индии, пролившим во имя цивилизации и гуманности крови больше, чем Атилла и Чингисхан, вместе взятые... А ну, на колени, глупый деспот... А теперь ходи на руках! Хорошо, вице-король! Ах-ах-ах! Бегите скорее сюда, мечтатели, метафизики и идеалисты, посмотрите, как сэр Джон Лоуренс ползает на четвереньках за своей бессмертной душой...

С блуждающим взором, трясущимися губами, лихорадочно дрожа, Покоритель джунглей провел рукой по лбу, покрытому каплями пота.

— Уж не схожу ли я с ума? — сказал он, с испугом чувствуя, как мутится его разум.

То, что он призвал на помощь всю свою волю, чтобы уничтожить волю противника, то, что он подчинил себе

его мозг, не прошло бесследно. Надо было немедленно прекратить эту тягостную сцену. Колоссальным напряжением сил он постарался успокоиться.

— Встаньте и следуйте за мной, сэр Джон. Я приказываю вам.

Несчастный повиновался и с остановившимся, безжизненным взглядом подошел к паломнику.

— Спите! — сказал тот, протягивая указательный палец в сторону вице-короля.

Веки сэра Джона опустились, и Покоритель джунглей избавился от воздействия собственного внушения, передававшегося через взгляд несчастного.

Как известно, в природе нет действия без противодействия. Этому закону подчиняются свет, звук, тепло, тот же принцип может быть распространен на отношения между людьми. И если с точки зрения физики угол отражения равен углу падения, мы можем сказать, что и в плане нравственном, духовном сила обратного воздействия всегда находится в прямом соотношении и пропорциональна силе действия первоначального. Магнетическая сила, истраченная Покорителем джунглей, чтобы ослабить и подавить волю сэра Джона Лоуренса, едва не оказала на него обратного отрицательного воздействия. В Индии нередко можно встретить факиров, доходящих в своей экзальтации до безумия, когда они пытаются перебороть чужую, превосходящую их магнетическую силу.

Фредерик де Монморен одолел противника и вовремя вспомнил, что пришел к вице-королю не для того, чтобы испытывать на нем свою силу, а чтобы выполнить крайне важное поручение. Он направился к потайному ходу, через который проник в покои вице-короля, и приказал сэру Джону следовать за ним. Тот беспрекословно повиновался, и несколько мгновений спустя оба оказались в круглом зале на вершине внутренней башни, куда после побега из колодца Молчания скрылись браматма и его спутники.

У каждой двери стояли факиры.

За полукруглым столом неподвижно и молча сидели трое в масках. Это были члены тайного трибунала, собравшиеся для того, чтобы судить сэра Лоуренса. Все с напряженным вниманием следили за Покорителем джунглей, все еще переодетым в паломника, который собирался разбудить сэра Джона и вернуть его в нормальное состояние. Что скажет вице-король, когда увидит, что он в руках тех, кого считал своими пленниками?

Сердар сделал несколько пасов, два-три раза дунул сэру

Джону в лицо и повелительно приказал ему прийти в себя. Этого оказалось достаточно, чтобы тот вышел из сомнамбулического оцепенения. Он протер глаза, потянулся, как только что проснувшийся человек, и медленно огляделся вокруг... Ему показалось, что кошмар продолжается, ибо он увидел факиров, сидящих на корточках у дверей, трех людей в масках... Когда же его взгляд остановился на старом паломнике, он невольно вздрогнул.

— Все то же видение, — пробормотал он.

Но заблуждение его длилось недолго. В окружающей вице-короля тишине раздался торжественный голос, окончательно вернувший его к реальности.

— Сэр Джон Лоуренс, — сказал председатель трибунала, — приди в себя. То, что сейчас происходит, не сон. Ты находишься перед тайным трибуналом, призвавшим тебя на суд, чтобы выслушать твои объяснения, прежде чем произнести приговор.

При этих словах вице-король выпрямился, глядя вокруг с высокомерием и презрением.

— Что значит эта комедия? Где я? Кто привел меня сюда? — в голосе его еще чувствовалась тревога.

— Это не комедия, сэр Джон Лоуренс, — проговорил старший из Трех.

— Ну маскарад, если вам так больше нравится, — с сарказмом произнес вице-король, к которому вернулись уверенность и спесь, несмотря на то, что он никак не мог объяснить себе, как очутился в этой комнате.

— Сэр Джон, — сухо ответил его собеседник, — у нас есть способ заставить тебя уважать твоих судей, не вынуждай нас прибегнуть к нему.

По знаку председателя два факира встали по обе стороны обвиняемого.

— Как! Вы осмелитесь поднять на меня руку? Подобная дерзость будет вам дорого стоить.

— Прекрати свои нелепые угрозы, — сказал Анандраен, ибо он возглавлял трибунал, — они ни к чему не приведут, никакая сила в мире не смогла бы сейчас вырвать тебя из наших рук... Здесь больше нет вице-короля, есть простой подсудимый, который должен ответить за свои поступки. Если ты хочешь знать, насколько серьезно твое положение, могу сказать, что тебе придется защищать свою жизнь...

— Значит, западня, а потом убийство! — воскликнул сэр Джон, невольно вздрогнув.

— Ничего подобного, ты свободно выйдешь отсюда. Но будь уверен, что каким бы ни был приговор, он будет

приведен в исполнение ровно через три дня, несмотря на твоих сборов, полицейских, часовых. Защищайся как следует и не надейся убежать от нас. Клянусь Богом, который един для всех, тебя будут судить с полной беспристрастностью. Прежде всего я хочу в нескольких словах пояснить ситуацию, в которой ты оказался.

— Этот мерзавец Кишнаия предал меня! — в ярости воскликнул вице-король.

— Нет, сэр Джон, твой союзник не изменил тебе. Знай только, что никто не может бороться с обществом Духов вод. Если бы мы захотели, ни один из солдат, посланных арестовать нас, не вернулся бы назад. Но нам было угодно создать у тебя видимость успеха твоих планов, чтобы затем с большей силой проявить наше могущество. Что касается твоего присутствия здесь, то наш браматма, переодетый паломником, не употребил никакого насилия, чтобы привести тебя сюда. Тебе известно, что мы обладаем способностью сломить любую волю одной силой взгляда, и ты сам, по доброй воле...

— Довольно шуток, — прервал его сэр Джон, который наконец понял, как его завлекли сюда. — Я в вашей власти. Что вам от меня нужно?

— Сейчас ты услышишь обвинение, которое мы поручили составить браматме.

— Я не признаю этого смехотворного подобия суда. Ни один трибунал в Индии не может существовать без разрешения королевы. По какому праву вы присвоили себе эту власть?

— Наше право выше права твоей государыни, сэр Джон Лоуренс, — ответил старший из Трех. — За ним восемь веков существования, оно родилось в недрах нашей родины, когда древняя Земля лотоса склонилась, трепеща, под тяжким игом чужеземцев. Не тому, кто правит силой, говорить о праве и справедливости! Покажи мне договор, по которому Индия добровольно отдала себя во власть Запада... Чужеземцы смиренно явились сюда, привлеченные нашими богатствами, вымаливая у набобов маленький клочок земли, чтобы обосноваться там. Всюду они сеяли раздоры и ненависть и, пользуясь нашими междоусобицами, постепенно распространили свое господство на всю страну. Взятничество, грабеж, насилие — вот на чем основано ваше право! Ну что ж, если ты правишь нами по праву сильного, то мы защищаемся по праву, более достойному уважения, — по праву слабого. Да, в течение восьми веков мы защищали слабого от сильного, угнетенного от угнетателя, мы и сегодня не изменяем этому священному долгу.

Старший из Трех произнес эти слова так властно и убежденно, что сэр Джон Лоуренс не пытался больше протестовать.

— Я здесь не для того, — твердо ответил он, — чтобы спорить с вами о превратностях исторических судеб народов. Мне поручено королевой управлять Индией, и до последнего дыхания, пока у меня будет хоть малейшая власть, я не выпущу из рук вверенные мне бразды правления.

— Тебя лично никто не обвиняет в узурпации власти, — вмешался браматма. — Каково бы ни было ее происхождение, не о ней речь, и не ты за нее в ответе. Я требую у тебя отчета за пролитую тобой невинную кровь. Когда все уже сложили оружие, ты хладнокровно, без всякого повода, даже вопреки правильно понятым интересам твоей страны, залил две трети Индии кровью, превратив их в руины. В Серампуре, Агре, Бенаресе, Дели, Лакхнау, Хардвар-Сикри и в сотне других мест пьяные солдаты убивали женщин, детей, стариков и тех, кто поверил твоим лживым обещаниям и спокойно вернулся домой. Если верить только официальной статистике, более миллиона человек погибло во время этих неслыханно жестоких репрессий, проведенных с одной целью — подавить у индусов всякую волю к сопротивлению, обескровить страну.

Голос браматмы задрожал от негодования.

— Сэр Джон Лоуренс, ты уничтожил два поколения, от восемнадцати до тридцати лет. Любое живое существо, без различия пола и возраста, становилось жертвой твоих палачей. Ты совершил гнусность, которой нет равной в истории, — ты погубил молодых матерей, и на двадцать лет Индия станет бесплодной. С твоим именем связан позорный случай, навечно клеймивший тебя: когда зверь в обличье человека по имени Максвелл, уже заплативший свой долг, спросил тебя, как поступить с жителями Хардвара, ты велел собрать их на площади и стрелять по человеческому стаду до тех пор, пока никого не останется в живых. И когда мерзавец спросил: «А грудные дети?», ты ответил с улыбкой, которая заставила содрогнуться даже это чудовище: «Было бы слишком жестоко разлучить их с матерями». (Исторический факт.) Приказ твой был выполнен. Найди среди знаменитых убийц, кончивших жизнь на эшафоте, хоть одного, кто согласился бы подать тебе руку!

Обескровив Бенгалию, ты решил опустошить Декан. Но этого не будет, чаша терпения переполнилась, и час правосудия пробил. Мы могли бы убить тебя как обычного злодея, но мы хотели услышать, не найдешь ли ты хоть

какого-то оправдания своим преступлениям. Во имя Индии в слезах и матерей в трауре я требую от трибунала Трех приговорить этого человека к смерти!

— Сэр Джон Лоуренс, что вы можете ответить? — спросил председатель.

— Ничего! — бросил обвиняемый твердо и с презрением. — Отвечать — значит признать вас моими судьями.

— Хорошо! Вы сами этого хотели.

Обратившись к своим товарищам, старший из Трех сказал:

— Во имя неба, во имя всего человечества, чьи права превыше прав завоевателей и тиранов, какого наказания заслуживает этот человек?

— Смерти! Смерти! — ответили двое судей.

— Справедливо! — сказал старший из Трех, одобряя вердикт. — Мне остается только произнести приговор... Во имя высших Духов, летающих над водами, невидимых вождей нашего общества справедливости, мы, Трое...

— Подожди, старший из Трех! — вмешался мнимый паломник. — Позволь мне сделать последнюю попытку, чтобы спасти этого человека помимо его желания.

— Похвальное намерение, сын мой. Мы слушаем тебя.

— Сэр Джон Лоуренс, несмотря на твои преступления и причиненное тобой зло, я первый попрошу, чтобы тебя пощадили, если ты поклянешься честью исполнить то, о чем я тебя прошу.

— Я не свободен и в таком положении отказываюсь брать на себя какие бы то ни было обязательства, будь они даже почетны и справедливы.

Сэр Джон знал, что члены тайного трибунала никогда не нарушают данное ими слово, обещание отпустить его сразу после вынесения приговора вернуло ему смелость. Он сказал себе, что днем и ночью окружит себя шотландцами и сможет не бояться кинжала правосудия. Поэтому он решил не идти ни на какой компромисс.

— Тем не менее выслушай меня, сэр Джон. Будь уверен, что как только приговор будет вынесен, он будет приведен в исполнение, несмотря на любые меры предосторожности. Но это не все. Знай, что грозное восстание, в котором на сей раз примет участие вся Индия, вот-вот начнется и что силы, которыми ты располагаешь, будут сметены могучим потоком в двадцать три миллиона человек.

— Благодарю, что предупредили меня, — с язвительной усмешкой ответил вице-король.

— Не радуйся раньше времени, — продолжал мнимый

паломник. — С владычеством Англии будет покончено, но сколько до этого прольется крови... Так вот, все еще можно устроить. Пусть твоя страна даст Индии ту же свободу, что и колониям в Австралии и Канаде, то есть самоуправление. Пусть она признает права Нана-Сахиба на трон Ауда, объявит всеобщую амнистию. Употреби на это свое влияние, и Индия навсегда согласится на покровительство Англии. Я пообещал раджам юга и Нана-Сахибу сделать тебе это предложение и сдержал слово. Если ты согласен, ты спасешь свою жизнь и вернешь несчастной, истерзанной стране мир и счастье. В то же время ты сохранишь для Англии самую драгоценную жемчужину в ее колониальной короне... Если бы ты знал, кто я, то понял бы, как тяжело мне укреплять пусть не деспотическое господство, но хотя бы британский протекторат над старой землей браминов!

— Кто же ты на самом деле? — с интересом спросил сэр Джон.

— Я временно исполняю обязанности браматмы, но я не Арджуна, как думали вы с Кишнаей. Я тот, кого народ зовет Покорителем джунглей, защитником правосудия.

— Фредерик де Монморен! Ты — Фредерик де Монморен! — воскликнул вице-король, глядя на него со жгучим любопытством. — И ты не боишься открыть мне свои планы и свое имя?

— Я могу это сделать, не подвергая опасности ни дело, за которое борюсь, ни свою жизнь, сэр Джон Лоуренс... Я жду твоего последнего слова!

— Я уже ответил, мне нечего больше сказать, настаивать бесполезно.

— Хорошо, — сказал Покоритель джунглей с плохо скрываемой радостью. — Старший из Трех, исполняй свой долг.

— Сэр Джон Лоуренс, — вступил тогда Анандраен, — хочешь ли ты сделать какое-нибудь заявление?

— Я протестую против этой судебной фантазмагии.

— Мы, Трое, — продолжал Анандраен торжественно, — вынесли следующий приговор:

«Сахиб Джон Лоуренс, называющий себя хозяином и генерал-губернатором Индии, во искупление многочисленных преступлений против человечества, которыми он запятнал себя, приговаривается к смертной казни. Приговор будет исполнен с помощью кинжала правосудия, на четырнадцатый, считая от сегодняшнего, день, о чем позаботится браматма.

Мы говорили во имя истины и справедливости! Приговор наш вынесен!»

— Спасибо, — насмешливо воскликнул осужденный, — вы дали мне лишних одиннадцать дней... Постараюсь воспользоваться ими как можно лучше.

— Твоя смерть должна стать сигналом к восстанию, которое навсегда изгонит из Индостана британского леопарда. Мы будем готовы только через две недели, поэтому не благодари нас за отсрочку, — ответил Анандраен.

— В самом деле, не сплю ли я? И вы вернете мне свободу?

— Сию минуту.

— Каким бы ни был мой ответ на ваш приговор?

— Каким бы ни был твой ответ на наш приговор, — словно эхо, повторил старший из Трех.

— Ну что ж, откровенность за откровенность. Теперь моя очередь объявить вам, что из всего этого выйдет. Вы говорите, что будете готовы через две недели, а я уже готов. Едва займетса день, как телеграф разнесет весть о восстании во все концы, я предупрежу губернаторов Бомбея, Мадраса, Лахора, Агры и прикажу им направить на юг все силы, которыми они располагают. Губернатор Бенгалии, заменяющий меня сейчас в Калькутте, поступит точно так же. По первому моему знаку губернатор Цейлона переправится через Манарский залив и приведет к нам на помощь тридцать тысяч человек. Через два часа четыре раджи Декана будут арестованы британскими резидентами и отправлены в крепость Тришнаполи. Затем я пошлю еще одну телеграмму, и английский посол в Париже сообщит французскому правительству о поведении авантюриста, которого оно по ошибке назначило губернатором Пондишери. В дополнение к этим мерам, чтобы разрушить логовище вашего общества, достаточно будет нескольких бочек пороха, и древний дворец Адил-шаха превратится в груды развалин. Я все сказал. «Я тоже говорил во имя истины и справедливости!»

Сэр Джон заметил с удивлением, что слова его вовсе не произвели того эффекта, на который он рассчитывал, а вызвали у его противников насмешливые улыбки.

— Мне жаль, что придется разрушить твои иллюзии, сэр Джон Лоуренс, — сказал тогда Покоритель джунглей. — Было бы слишком наивно с нашей стороны раскрыть перед тобой наши планы, оставив тебе возможность бороться с ними.

— Значит, ваше обещание всего лишь обман?

— Ничуть, через несколько минут ты будешь спокойно спать в своей постели. Но когда проснешься утром, то не отдашь ни один из приказов, о которых ты сейчас говорил.

— Кто же мне сможет помешать?

— Никто, но тебе даже не придет в голову подобная мысль.

— Ничего не понимаю.

— Я знаю, сэр Джон, что у тебя, снедаемого честолюбием, озабоченного личными интересами, никогда не хватало времени, чтобы изучить любопытные проявления магнетической силы местных факиров и проследить в Европе за научным изучением гипноза и внушения. Оно перешло теперь из рук шарлатанов в руки настоящих ученых. Гексли в Англии, Шарко во Франции и Геккель в Германии добились поразительных результатов, подтверждающих друг друга. Так, например, пациенту, находящемуся в состоянии гипноза, можно сохранить сознание собственного «я», способность рассуждать о любом предмете со всеми признаками ясного сознания, как это сейчас происходит с тобой, сэр Джон, и вместе с тем выключить у него одно из чувств или часть его интеллектуальных способностей так, что он этого не замечает. Можно, например, заставить его принять красный цвет за зеленый, перепутать запахи гелиотропа и розы, дать одному фрукту название другого и ощутить его вкус. Можно отнять у него память о целой совокупности фактов или единичном событии — по воле внушающего. Пока длится внушение, пациент свободно рассуждает, мыслит логически и считает, как и ты, сэр Джон, что полностью владеет собой. Но как только внушение кончается, он не помнит ничего из того, что происходило с ним, пока он находился под гипнозом, не помнит даже того, что был ему подвергнут.

Ты все время находишься под моим влиянием, я дал тебе возможность свободно мыслить, но отключил при этом твою память. Таким образом, проснувшись, ты даже не вспомнишь, что выходил из комнаты...

Вице-король слушал эти объяснения с недоверчивой улыбкой, которую даже не пытался скрыть, и собирался отпустить несколько колкостей. Но Покоритель джунглей, решив, без сомнения, что сеанс длился уже достаточно долго, вдруг пристально взглянул на сэра Джона и повелительно произнес:

— Спите! Я вам приказываю!

Эффект был мгновенный, ибо гипнотическое внушение не прерывалось. Сэр Джон повиновался, не сопротивляясь, он неотрывно смотрел на Покорителя джунглей, чья воля была теперь его волей, чей мозг посылал ему импульсы к действию.

— Ступайте за мной, — продолжал мнимый паломник, и сэр Джон пошел за ним, словно автомат, в точности повторяя его движения и не отрывая от него глаз.

Выходя из зала, Фредерик де Монморен обернулся.

— Позовите ваших товарищей, — сказал он Трем, — я сейчас вернусь. Нам надо поговорить об очень важном деле. Сегодня вечером мы с Анандраеном застали Эдуарда Кемпбелла, моего племянника, в тот момент, когда он следил за нами. Как знать, вдруг он скрывался во дворце браматмы, пока мы были там с вождем Велура, и подслушал наш разговор. Это может грозить серьезными неприятностями. В любом случае надо срочно принимать меры.

Произнеся эти слова, паломник скрылся вместе с вице-королем, следовавшим за ним как тень...

Солнечные лучи потоком лились в комнату, когда сэр Джон Лоуренс открыл глаза. Накануне он забыл опустить шторы, и теперь спальня была буквально затоплена светом. Значит, он проспал сегодня допоздна, но не жалел об этом, ибо находился в отличном настроении.

— Чудесный день, счастливая судьба! — сказал он с удовлетворением, нажимая кнопку звонка. — Я уверен, что получу сегодня хорошие вести. Тихая, спокойная ночь замечательно снимает умственное напряжение и физическую усталость...

В комнату первым вошел дежурный адъютант.

— Который час, Перси? — спросил вице-король.

— Около десяти утра, Ваше Превосходительство. Вы, должно быть, вчера поздно заснули, — сказал молодой человек.

— Не позже, чем обычно, Перси. С чего вы взяли?

— Сегодня ночью, в два часа, мне послышалось, что вы зовете меня. Я вошел, но вас в комнате не было, дверь на террасу была открыта, и я решил, что вы вышли подышать свежим воздухом.

— В два часа ночи? Вы шутите!

— Нет, Ваше Превосходительство, вы можете спросить у Нолана, он был со мной.

— Странно, — промолвил вице-король, — я ничего не помню.

Потом задумчиво добавил:

— Уж не становлюсь ли я сомнамбулой?

В это время вошел Нолан со скороходом-индусом, тот был покрыт пылью.

— Почта от тех, кого вы послали на Малабарский берег, сэр.

— Я был уверен, предчувствия никогда меня не обманывают, — с комичной убежденностью произнес сэр Джон.

Туземец, стоя на коленях, подал ему пальмовый лист, покрытый условными знаками. Едва бросив на него взгляд, вице-король радостно вскрикнул и, не беспокоясь о своем достоинстве, захлопал в ладоши, едва не пустившись в пляс.

— Господа! Господа! Троекратное ура в честь королевы! Нана-Сахиб — наш пленник!

При этой неожиданной новости оба рыжеволосых сына Альбиона от волнения покраснели как раки и, запрокинув голову, в порыве энтузиазма крикнули вместе со своим начальником так, что задрожали стекла:

— Ура! Ура! Ура! For the Queen!*

Дав волю своим чувствам истого британца, сэр Джон Лоуренс снова взял пальмовый лист, чтобы ознакомиться с ним повнимательнее.

Вот что писал Кишнаья с помощью условных знаков:

«Нухурмур, Малабарский берег.

Мы на месте. Нана ничего не подозревает, он принял нас с восторгом как посланцев общества Духов вод. Сегодня вечером мы отправимся в Биджапур, и я надеюсь привести вам всю шайку, не подозревающую, что ее ждет. Только одного из них следует по-настоящему опасаться — француза по имени Барбассон. Он менее доверчив, чем остальные, но я слежу за ним.

Если нам ничто не помешает, завтра вечером мы будем во дворце Адил-шаха.

Самое главное — сделать так, чтобы по прибытии в Биджапур нам не встретился ни один солдат-шотландец. Важно до самого последнего момента не вызывать ни малейших подозрений.

Нана действительно станет нашим пленником лишь тогда, когда за ним хлопнутся двери дворца».

Сэр Джон внимательно перечитал это относительно длинное послание.

— Хм! — произнес он после короткого размышления. — Я, быть может, несколько поторопился отпраздновать победу... Впрочем, довольно! Никогда еще моя звезда не светила так ярко, удача не изменит мне у самой цели.

Покоритель джунглей не ошибся. Сэр Джон Лоуренс так же не сохранил воспоминаний о событиях прошедшей ночи, как вода не сохраняет изображения отразившихся в ней предметов.

* В честь королевы! — (англ.)

Кишная в Нухурмуре. — Встреча старинных друзей. — Барбассон-миллионер. — Разоблачение. — Рыбная ловля. — Повешенный на озере. — Тревога! — Разоблачения Эдуарда. — Бегство. — Отъезд. — Никогда!

Пока в Декане под умелым руководством Духов вод и Покорителя джунглей готовилась последняя схватка с англичанами, которая должна была, по расчетам вождей революции, вернуть Франции Индию, в Нухурмуре, где скрывались Нана-Сахиб и его верные друзья, все было по-патриархальному тихо и спокойно.

В маленький отряд, охранявший Нана-Сахиба, по-прежнему входил воин-маратх Нариндра, старый друг Покорителя джунглей. Горячий туземец томился праздной жизнью, которую вынужден был вести, и с нетерпением ожидал возвращения Фредерика де Монморена, который в силу важных причин пока не сообщил друзьям о своем присутствии в Декане. Рама-Модели, заклинатель, проводил время, дрессируя Неру и Ситу, двух пантер, которые достались ему от Рам-Шудора, мнимого факира. Ну и, конечно, нельзя забыть о верном Сами и следопыте Рудре, обнаружившем убежище тугов. Эти четверо, как и прежде, непосредственно подчинялись Шейх-Тоффелю, адмиралу флота имама Маската, или Мариусу Барбассону из Марселя, который так и не мог утешиться после трагической смерти своего славного друга Боба Барнетта, погибшего, как помнит читатель, от укусов змей, а затем съеденного шакалами.

Для Барбассона это была невосполнимая потеря. Как говорил он сам, во всем мире нельзя было найти столь похожих друг на друга людей, воплощавших один и тот же тип, и вся разница между ними была лишь в том, что один был провансалец, а другой — янки.

Действительно, оба с самого детства с благородным негодованием протестовали против пустой траты времени под видом образования.

— Эх, к чему все это? — философски вопрошал Барбассон, когда они беседовали на эту тему.

— Nothing*! — нравоучительно отвечивал Барнетт.

Обоих в возрасте шестнадцати лет пинками и побоями выгнали из дома отцы. Оба скитались по миру, зарабатывали на жизнь чем придется. Наконец, оба осели — Барбассон

* зд. пустяки, пустое — (англ.)

в Маскате в качестве зубного врача имама, что позволило ему стать адмиралом, а Барнетт — в Ауде в качестве бродячего артиста, сделавшись затем генералом артиллерии. Он танцевал на бутылках и глотал лягушек к великой радости набоба, который до этого не смеялся почти двадцать лет и уже не мог больше обходиться без Барнетта.

Случай соединил эти два блестящих ума, так прекрасно понимавших друг друга, и смерть, глупая смерть, всегда уносящая лучших, разлучила их.

Печальный конец Барнетта, как вы помните, спас Барбассона: застряв в слишком узком туннеле, Боб был съеден, и гнусные твари, насытившись, не тронули Барбассона. Пылкое воображение южанина привело к тому, что постепенно он стал считать эту смерть добровольным самопожертвованием со стороны Барнетта во имя спасения друга. Надо было слышать, как он рассказывал эту историю в те дни, когда его одолевала меланхолия.

— Эх, милый мой, попали мы оба в узенький желоб, сантиметров в тридцать, ни туда, ни сюда и не пошевелиться... Мы уже чувствовали запах кобр, которые ползли к нам. «Дай-ка я пойду вперед, — говорит мне тогда Барнетт, — пусть по крайней мере моя смерть послужит тебе спасением». Так он и поступил, бедняга! А я вот оказался здесь.

И на глаза Барбассона набегали слезы.

Воспоминания приобрели для моряка почти религиозный характер, так что он уже не мог ни сказать, ни сделать что-либо, не подумав, как бы в данном случае поступил Барнетт, ставший для него законом и пророком. Это было тем более удивительно, что при жизни янки два неразлучных друга никогда не сходились во мнениях. Правду сказать, после смерти Барнетта Барбассон приписывал ему собственные мнения и суждения по самым разным поводам, и все шло как нельзя лучше.

Барбассон начинал скучать в Нухурмуре. Провансалец утверждал, что Барнетт и дня не остался бы в пещерах после отъезда Покорителя джунглей, и поскольку теперь он во всем ссылался на покойного, не проходило и дня, чтобы он не заявлял, что напишет Сердару и потребует себе замену.

Увы! Это был уже не тот бесстрашный Барбассон, которого мы когда-то знали, всегда готовый участвовать в заговорах, битвах, приключениях. Покоритель джунглей, заметив эту перемену по письмам, которые провансалец посылал ему в Европу, не счел возможным призвать его к

себе по приезде и поручить ему активную роль в биджапурском заговоре.

Барбассон начал толстеть, Барбассон начал думать, что англичане не так уж не правы, желая сохранить Индию, короче, Барбассон стал консерватором после того, как Нана-Сахиб, желая отплатить за службу, подарил ему миллион золотом.

История свидетельствует, что процветание и богатство действуют на нации расслабляюще, то же самое происходило и с Барбассоном. Как велик был соблазн вернуться в Марсель, пройтись по Канебьер миллионером, послушать, как вокруг будут говорить:

— О-хо-хо, милый мой, это малыш Мариус, сын папаши Барбассона, он вроде бы здорово разбогател у турков!

И потом, чтоб они сдохли от зависти, кузены Тука, кузенчики Данеан, гордость коллежа! Сколько они зарабатывают? Две тысячи четыреста? И на зубочистки-то не хватит... Нет, конечно, Барнетт бы тут не выдержал, это он, Барбассон, простак, но терпение — в следующем письме он пошлет свою отставку.

Он предусмотрительно поспешил переправить свой миллион во Францию через бомбейское отделение одного из банков и с помощью нотариуса купил очаровательный дом рядом с местечком, где рос когда-то у кормилицы и где собирался мирно окончить дни в воспоминаниях о Барнетте, культивируя свою страсть к хорошей кухне, которая с годами только росла.

Ожидая часа освобождения, он заботился о том, чтобы в Нухурмуре был отличный стол, и пристрастился к рыбной ловле в озере, творя при этом настоящие чудеса. Хотя он и был в этом новичок, ему приходилось иметь дело с рыбой, совершенно не искушенной в хитроумных изобретениях человека, а потому ловившейся на любую приманку.

Нана-Сахиб, которому нечего было больше бояться после трагической смерти Максвелла и исчезновения Кишнаи (кстати, люди из Велура тщательно охраняли принца и предупредили бы его при малейшей опасности), стал выходить из пещер, и поскольку любимое времяпрепровождение Барбассона вполне подходило его мечтательной натуре, он тоже стал заядлым рыболовом.

Каждый день молчаливо и неподвижно они сидели на берегу озера, смиренно поджидая, когда Покоритель джунглей пришлет о себе известия. Фредерик де Монморен давно знал, что у Нана-Сахиба, который с великолепным муже-

ством водил солдат в огонь, не щадя себя, совершенно нет терпения, необходимого для заговорщика, поэтому он тщательно скрывал от принца свое возвращение, решив известить его в последний момент, чтобы Нана не допустил какой-нибудь оплошности.

Молчание друга несколько удивляло принца, но, будучи сдержанным, как все на Востоке, он никогда не показывал своих чувств. В один прекрасный день он тем не менее получил секретное послание от общества Духов вод, где его просили быть наготове, пока ничего не говоря своему окружению. Декан поднимался на борьбу против английского ига, и в нужный момент к Нане должны были прибыть посланцы высшего совета, чтобы он встал во главе восставших.

Кишнайя заранее готовился к бою. Спустя некоторое время Арджуна, настоящий браматма, прибыл в Нухурмур, разумеется, подтвердил полученные принцем новости и сообщил о приезде Покорителя джунглей. Этот день в Нухурмуре сопровождался невероятным взрывом энтузиазма, и сам Барбассон, по обыкновению посоветовавшись с Барнеттом, заявил, что в сто раз лучше снова начать борьбу, чем вести ту жизнь, к которой они приговорены. Мысленно хитрец говорил себе: «Я уверен, что, будь Барнетт миллионером, он ни за что бы не дал продырявить себе шкуру. Воспользовавшись случаем, он отправился бы во французские владения и сел там на первый же корабль, идущий в Европу, единственное место, где можно спокойно наслаждаться своим богатством. Если бы так поступил Барнетт, который был воплощенной честью, отчего же мне не последовать его благородному примеру? К тому же Нана дал мне миллион в уплату за мою службу, стало быть, мы квиты и ничего друг другу не должны, руки у меня развязаны».

Замыслив этот план, Барбассон с нетерпением поджидал момента, когда его можно будет осуществить. Он был готов сразу отправиться в Биджапур к Покорителю джунглей.

Ах, Барбассон! Ты готовишься запятнать себя трусливым поступком. Конечно, тебе пришлось хлебнуть горя в жизни, но ведь ты был человеком энергичным, мужественным, не раз смотревшим опасности в лицо. Нет-нет! Ты больше не прежний Барбассон. К счастью для твоего доброго имени, судьба распорядилась иначе, и в нужный момент честь проснется в тебе!

Как только Покоритель джунглей узнал тайну Кишнайи и его дерзкие намерения, он тут же отправил в Нухурмур

факира, чтобы предупредить Барбассона и Нану. Но по роковой случайности, обычной в Индии, посланца Сердара укусила в джунглях гремучая змея. Он упал, а через несколько мгновений труп его стал добычей шакалов.

Поэтому в Нухурмуре ничего не знали о биджапурских событиях, когда однажды вечером в пещеры явился Кишнайя с так называемой депутацией общества Духов вод. Все они были в масках, как того требовал устав, и, в довершение несчастья, Арджуна, которого Покоритель джунглей не успел известить о случившемся, действительно признал их за членов совета Семи. Кишнайя, кстати, со свойственной ему дерзостью привез браматме, Нана-Сахибу и самому Барбассону новости о Сердаре. Он был настолько в курсе всего происходящего, что ему не составило труда сыграть свою роль и легко удалось убедить принца и его свиту.

Было решено отправиться в Биджапур на следующий же день, чтобы как можно быстрее присоединиться к Покорителю джунглей. В тот же вечер, прежде чем улечься спать в знаменитых пещерах, куда он столько раз пытался проникнуть, туг отправил послание сэру Джону Лоуренсу с туземцем из касты скороходов, которого он специально взял с собой и который состоял на службе у вице-короля. В письме Кишнайи, проникнутом уверенностью в успехе, звучали, однако, нотки сомнения относительно Барбассона. Они были вызваны тем, что провансалец не спускал с туга пристального, испытующего взгляда. Душитель, не упускавший обычно ни одной мелочи, отметил про себя эту настороженность моряка. И все же, по мнению туга, все шло к лучшему, он был уверен, что добыча у него в руках, и хотел просто слегка припугнуть сэра Джона, чтобы повысит себя в его мнении.

У Барбассона были свои причины относиться к тугу с недоверчивостью. Провансалец не говорил на диалекте Малабарского берега, которым в основном пользовался Кишнайя. Как и все, не понимающие языка, он запоминал отдельные выражения, звучание которых улавливал лучше остальных. Услышав, как Кишнайя говорит о Покорителе джунглей, которого он называл не иначе как Сердар, Барбассон был поражен особенностью его произношения. Вождь душителей говорил с интонацией, совершенно не похожей на выговор тех, кто жил в Нухурмуре, и чем больше вслушивался провансалец, тем больше ему казалось, что он уже где-то слышал и эту интонацию, и этот голос.

У Барбассона была великолепная память, что не мешало ему сказать себе: «Если бы бедный Барнетт был жив,

он бы, конечно, сразу мне все напомнил». И моряк ломал себе голову, пытаясь отыскать в памяти местечко, где хранилось нужное ему воспоминание, но как он ни старался, забытое не возвращалось к нему. И тем не менее он не был обескуражен, ибо чем больше он размышлял на эту тему, тем сильнее убеждался, что вспомнить необходимо, что от этого зависит очень многое. В одном он был уверен — впервые этот голос, это необычное произношение он услышал вместе с Барнеттом, и они оба обратили внимание на странный выговор. Но Барбассон никак не мог сосредоточиться, его постоянно отвлекали, ему приходилось то и дело отвечать на вопросы вновь прибывших, заниматься товарищами.

Ночью он смог наконец уединиться и погрузиться в глубины своей памяти. Он занимал теперь покои Покорителя джунглей, заменив его на посту главнокомандующего крепости, правда, подчиняясь при этом Нана-Сахибу, ибо Фредерик де Монморен относился к знаменитому побежденному с соблюдением всех правил этикета как к особе королевской крови.

«Итак, — сказал он себе, — будем рассуждать логически, как в таких случаях поступал Барнетт, ибо Барнетт был сама логика. Я удивлен необычным произношением члена общества Духов вод, и мне кажется, что я уже где-то слышал его. Этот факт важен лишь в том случае, если речь идет об одном и том же человеке. Ибо в случае простого сходства голоса и манеры произношения двух разных людей я мучаюсь понапрасну. Однако все сходится на том, что я уже слышал однажды этого человека, тогда его поведение должно показаться мне подозрительным. Я не могу узнать его, потому что он в маске, но он-то прекрасно знает, кто мы. И раз он не напоминает мне, при каких обстоятельствах мы с ним виделись, значит, он в высшей степени заинтересован в том, чтобы скрыть свою личность, а стало быть, как сказал бы Барнетт, мой интерес состоит в том, чтобы это узнать. Оттолкнемся от факта, который представляется бесспорным: этого человека я видел или слышал в компании моего бедного друга. Будем действовать методом исключения».

После того как Барбассон отбросил все места, где они не были вместе, все приключения, в которых янки не участвовал, круг его поисков сузился, ибо он был уверен, что встреча с таинственным незнакомцем произошла не на Цейлоне и не в Нухурмуре. Оставалась только ужасная ночная экспедиция в лагерь тугов, во время которой погиб

Барнетт. И тут Барбассона озарило: он слышал этот голос в подземелье пагоды, когда они с Барнеттом узнали о западне, приготовленной Сердару.

Радость от этого открытия была так велика, что Барбассон, подобно Архимеду, едва не выскочил из постели с криком: нашел! нашел!

Однако он сразу увидел, что поторопился торжествовать победу. Моряк совершенно отчетливо помнил, что той ночью говорил предводитель тугов Кишнайя, объясняя своим спутникам, как он решил заманить Сердара в ловушку. Но Кишнайя был повешен в Велуре, значит, и речи быть не могло о том, чтобы он находился во плоти и крови в Нухурмуре, замышляя очередную подлую махинацию, на что был большой мастер.

«Что ж, ясно, мне не докопаться, в чем тут дело, — вздохнул Барбассон. — Ах, Барнетт, Барнетт! Как бы мне пригодился твой светлый ум!»

Не отчаиваясь, со свойственным ему упорством провансалец вновь проанализировал всю цепочку своих рассуждений и в результате этого «кругосветного плавания» вновь с неизбежностью пришел к тому же выводу: именно в развалинах пагоды туг Кишнайя так же странно произнес имя Сердара. В Нухурмуре он услышал ту же интонацию, тот же тембр, тот же голос.

Стало быть, если рассуждать логически, человек из развалин и посетитель Нухурмура в маске — одно и то же лицо, то есть Кишнайя. Но этому противоречили факты, этого не могло быть, ибо Кишнайя повешен!

Такова была вставшая перед Барбассоном дилемма, разрешить ее он не мог.

— Логика может подвести, — повторял он, — если исходить из ложных посылок, тогда как в данном случае они точны и неоспоримы. Не может быть двух, абсолютно похожих голосов. Значит, обманывают факты.

В конце концов, где доказательства, что туг был повешен? Он достаточно ловкий малый, чтобы распространить слух о своей смерти и тем самым заставить врасплох противников. Во всяком случае, Барбассон не присутствовал при повешении, не видел его собственными глазами, а значит, не мог основываться на этом факте в своих рассуждениях. Кстати, факт можно было проверить. Если неизвестный — Кишнайя, он сумеет это узнать.

Допустив подобную возможность, Барбассон уже не мог усидеть на месте. Если Кишнайя жив и находится в Нухурмуре, то и принц, и его товарищи, и он сам — погибли,

ибо у туга могла быть только одна цель — выдать их англичанам. Быть может, красные мундиры уже окружили пещеры. Жить с такой мыслью хотя бы пять минут было невозможно. И Барбассон принял решение немедленно проверить, кто же такой таинственный незнакомец.

План его был крайне прост, для его выполнения нужна была только определенная сноровка. Принц уступил свою большую гостиную членам совета Семи, которые были так измучены быстрым переходом, что заснули прямо на мягких коврах, покрывавших пол комнаты. Вход в нее закрывали портьеры. Под потолком висела ночная лампа, бросавшая на спящих бледный свет. Барбассон проник в комнату босиком. Все спали глубоким, спокойным сном. Заметив место, где расположился тот, в ком он подозревал Кишнаю, Барбассон тихонько погасил лампу и улегся рядом. Он подождал несколько мгновений, чтобы улеглось первое волнение. Затем взял неизвестного за правую руку, слегка встряхнул ее и произнес свистящим шепотом, зная, что в этом случае узнать голос говорящего практически невозможно:

— Кишная! Кишная! Ты спишь?

Барбассон с мучительной тревогой ждал пробуждения спящего. Если он ошибся, то просто спросит у неизвестного, не зажечь ли потухшую случайно лампу. Тот, проснувшись, не сразу сообразит, в чем дело. Впрочем, если спящий не Кишная, все это было неважно. Провансалец повторил в третий раз:

— Кишная, ты спишь?

Вдруг он услышал слова, произнесенные еще более приглушенно, чем говорил он сам:

— Кто меня зовет? Это ты, Дамара?

Волнение, испытанное Барбассоном, было так велико, что он ответил не сразу. У него перехватило горло, он не мог выдавить из себя ни слова. Но молчать было опасно, и, призвав на помощь всю волю, он еле вымолвил:

— Да!

— Неосторожный, не произноси здесь моего имени. Они думают, что я повешен. Если они заподозрят, кто мы, это будет не просто провал нашей миссии, нам не выйти живыми из пещер Нухурмура... Что тебе надо?

— Видишь, — на сей раз уверенно ответил Барбассон, — они погасили лампу, ты не боишься западни?

— Только в этом-то дело? Спи спокойно и дай мне отдохнуть. Никто ничего не подозревает.

— Смотри, ты отвечаешь за нас. Знаешь, мне что-то не по себе.

— Да, я отвечаю за вас всех... Спокойной ночи, трус, и больше не буди меня.

С этими словами Кишнайя повернулся на другой бок и через несколько минут, задышав ровно и глубоко, крепко заснул.

Барбассон выскользнул из гостиной и поспешил к себе, где сразу же умылся холодной водой. Он задышался... Кровь с такой силой билась у него в висках, что он испугался, как бы с ним не случился удар. С помощью холодных умываний он несколько успокоился, разумеется, насколько позволяла ситуация.

— Ах-ах, господин Кишнайя, — произнес Барбассон, как только к нему вернулся дар речи, — вам мало того, что вас не повесили, вы с неслыханной дерзостью лезете на рожон, как сказал бы Барнетт — любил он это выражение... Ну что ж, вам придется иметь дело со мной, и на сей раз улизнуть не удастся.

Барбассон решил не посвящать в свои планы ни Нану, ни товарищей. Он задумал приготовить им сюрприз.

Рано утром он вышел на короткую прогулку по берегу озера и вернулся, когда все еще спали, затем начал спокойно готовить удочки. Пока он всей душой предавался этой захватывающей и деликатной операции во внутреннем саду Нухурмура, к нему подошел только что проснувшийся вождь душителей. У туга были свои планы, ему хотелось узнать, что означало поведение европейца накануне, отчего Барбассон так приглядывался к нему. К его великому удивлению, моряк встретил его, лучась любезностью, был с ним донельзя приветлив.

— Салам, бабу! — сказал он туземцу, едва завидев его. — Как вы провели ночь?

«Бабу» называют обычно богатых индусов, принадлежащих к высшим кастам. Поэтому туг был чрезвычайно польщен.

— Салам, сахиб! — ответил он. — Под крышей добрых людей всегда прекрасно спится... Вы рано встаете, сахиб, солнце еще не поднялось.

— Самое лучшее время для рыбной ловли, а раз мы сегодня уезжаем отсюда, я не хочу пропустить последнюю рыбалку. Вам когда-нибудь случалось так развлекаться?

— Нет, признаюсь, я в этом ничего не смыслю.

— Вы удивляете меня, бабу. Этому замечательному занятию отдавали дань самые светлые головы, мыслители и философы. Пока руки заняты, дух свободно парит, предаваясь самым возвышенным размышлениям. Не хотите ли сделать со мной круг по озеру?

«Я ошибся на его счет, — подумал Кишнайя, — он самый настоящий дурак, как я раньше не догадался! Тоже мне рыболов! А ведь когда-то европейцы из Нухурмура слыли за серьезных противников».

— Ну как вам нравится мое предложение? — настойчиво спросил Барбассон.

— Я рад сделать вам приятное, сахиб, — ответил туг, все подозрения которого рассеялись.

— Так едем! Сейчас самое время клева, обещаю вам к завтраку блюдо по моему рецепту.

— Сахиб занимается и стряпней? — спросил Кишнайя с наивной снисходительностью.

«Рыболов и повар, вот бедняга, — подумал туг. — И таким людям поручено охранять Нана-Сахиба! После отъезда Покорителя джунглей не стоило никакого труда захватить принца... Если б я знал!»

— Кухня, бабу, не имеет для меня тайн, — продолжал провансалец. — Каждый день я стряпаю для принца всякую вкуснятину — пальчики оближешь! — И он от удовольствия прищелкнул языком. — Напрасно он уезжает, право слово. Вместо того, чтобы снова связываться с англичанами, остался бы лучше здесь, я его так холю и лелею... В конце концов, это его дело, всяк по-своему понимает, что такое счастье.

Понемногу туг совершенно успокоился. Поначалу он опасался какой-нибудь ловушки. Учитывая опасность взятого им на себя дела, ему приходилось постоянно быть начеку. Он бы никогда не согласился на подобную утреннюю прогулку ни с одним из туземцев, а уж тем более с европейцем из окружения Наны, ибо она была чревата опасностью. Если бы Барбассон не сыграл так великолепно свою роль, никогда бы Кишнайя не отважился отправиться с ним один на один, но у моряка был такой безобидный, такой добродушный вид!

— Итак, — сказал туг, который хотел окончательно успокоиться на счет Барбассона, — вы думаете, Нана не прав, второй раз испытывая судьбу?

— Конечно. Если б я мог помещать ему, он бы сегодня вечером не поехал с вами. Рисковать жизнью, когда можно жить себе тихо-спокойно? Да это настоящее безумие, которого я никогда не пойму. К тому же, если быть откровенным, — и тут Барбассон понизил голос, словно собирался сделать важное признание, — с его отъездом я потеряю замечательное местечко. Покоритель джунглей поселил меня в Нухурмура, чтобы я в его отсутствие развлекал принца. Теперь я ему больше не нужен, а идти вместе с ним на

войну — нет уж, пусть на меня не рассчитывают! Я доеду до Биджапура, вручу мою отставку графу де Монморену, а там — прощайте, ребята, я возвращаюсь во Францию.

Эти слова были сказаны тем более естественно, что после королевского подарка Нана-Сахиба моряк действительно собирался так поступить. Но теперь при виде старого врага, повинного в смерти Барнетта, к Барбассону вернулась вся его энергия, и он стал таким, как в былые времена.

Туг не верил своим ушам.

— Как, — удивленно спросил он, — разве не вы командуете Нухурмуром в отсутствие Покорителя джунглей?

Барбассон почувствовал, что от его ответа будет зависеть решение Кишнаи, ибо хитрый туземец, вроде бы соглашаясь, не сделал ни одного шага к выходу.

— Я, командую? — воскликнул он с прекрасно разыгранным добродушием. — Господи, да кем мне командовать? Я ни разу в жизни не держал в руках винтовку, командиром меня называют шутки ради. Командовал-то другой.

— Кто другой?

— Да Барнетт, черт побери. Его, бывало, не проймешь. Ну и показал он англичанам и душителям, где раки зимуют! Как, вы не знали Барнетта, правую руку Сердара?

— Он сейчас, конечно, с ним?

— Нет, он умер, — с волнением ответил провансалец.

Исчезли последние подозрения туга. Чего ему было опасаться рядом с таким тюфяком? С другой стороны, надо найти способ разговорить его и выведать у него массу подробностей о Нухурмуре и Нана-Сахибе.

— Идем, сахиб, я следую за вами, — сказал Кишнаи, который принял решение.

Словно молния сверкнула в глазах Барбассона, но, поскольку он шел впереди туга, тот, к счастью, ничего не заметил.

Через несколько минут они уже были на берегу озера, настал критический момент. В маленькой бухточке находилась знаменитая шлюпка, с помощью которой год назад Кишнаи ловко заманил в западню и арестовал своего нынешнего спутника и Барнетта. Барбассон боялся, как бы туг при виде шлюпки не вспомнил о происшедшем и не узнал его. Но провансалец так растолстел, что стал неузнаваем, к тому же густая борода почти скрывала его лицо. Кишнаи подошел к лодке, но ничто в его поведении не давало оснований для беспокойства.

Барбассон прыгнул в шлюпку, и туг, слегка поколебавшись, последовал за ним.

— Я думал, что мы будем ловить с берега, — тем не менее заметил Кишна́йя.

— О, мы не будем заплывать далеко, — ответил провансалец, — но вон у того островка — он всего-то от нас в ста саженьях — мы найдем куда больше рыбы.

Не прошло и пяти минут, как шлюпка пристала к островку и встала под единственным деревом, в тени которого могли укрыться рыболовы.

Барбассон приготовил удочку своему спутнику и показал, как ею пользоваться. Теперь, когда добыча была у него в руках, он хотел поиграть с ней, как кошка с мышкой. С изощренной жестокостью провансалец решил во что бы то ни стало съесть буйабес из рыбы, наловленной вождем душителей.

— Это его первая и последняя рыбалка, — прошептал он свирепо. При воспоминании об ужасной смерти Барнетта в нем просыпались самые варварские инстинкты.

Хотя туг был новичком, но рыбы было так много, а приманка так хорошо приготовлена, что каждая заброшенная удочка приносила улов. Через некоторое время Кишна́йя заявил, что он давно так не веселился и скоро, пожалуй, станет страстным поклонником рыбной ловли.

— Тебе придется рыбачить в Ахероне, — пробормотал по-французски провансалец, пользуясь случаем вставить одну из немногих известных ему классических реминисценций.

Рыбалка шла удачно, оба были веселы — хотя в силу совершенно разных причин — и вскоре разговорились, словно старые друзья. Кишна́йя подробно расспрашивал своего спутника о Покорителе джунглей и Нана-Сахибе, об их подвигах, о жизни, которую они вели в Нухурмуре. Его любопытство было неиссякаемо; со своей стороны, Барбассон охотно отвечал на все вопросы.

«Приговоренному к смерти грешно было бы в чем-нибудь отказать», — подумал он. И моряк рассказывал о событиях, в которых сам Кишна́йя принимал участие. Провансалец же делал вид, что узнал о них от других обитателей Нухурмура.

Примерно через час Барбассон решил, что с этой комедией пора кончать. Кстати, большая корзина с ручками, которую Кишна́йя взял с собой, была наполовину заполнена рыбой. Они как раз заговорили о Барнетте, и провансалец, предварительно бросив взгляд и убедившись, что все приготовленное утром на месте, решил воспользоваться случаем.

— Все, что вы мне рассказываете об этом Барнетте, просто поразительно, — произнес туг.

— О, это еще пустяки, — ответил Барбассон, — он был настолько мил и добр, что отправлял на тот свет самых жестоких своих врагов так, что они об этом даже не подозревали. А уж если б он попался им в руки, они бы его подвергли страшным пыткам.

— Как это удивительно!

— Так оно и было. Хотите расскажу вам одну историю?

— С удовольствием, меня это очень интересует. И потом, вы так хорошо рассказываете.

— О, вы слишком добры... Этот рассказ понравится вам больше, чем все остальные.

— Не сомневаюсь.

— Представьте себе, — начал рассказывать Барбассон, привязав свою удочку, чтобы у него были свободны руки, — что однажды ему в руки попадает его злейший враг. Мерзавец думает, что погиб, и дрожит как осиновый лист. Убить человека в таком состоянии было не в характере Барнетта, у него было нежное сердце. «Если б я был в вашей власти, — говорит он своему пленнику, — вы бы меня разрезали на мелкие кусочки и заставили мучиться дня два или три. Ну, а я вам прощаю».

— Какое величие души!

— Подождите конца. Тот не верит своим ушам. «Помиримся и будем друзьями, — предлагает ему Барнетт, — а чтобы скрепить нашу дружбу, позавтракаем вместе». Во время завтрака царила самая сердечная радость. Негодяй, который верил, что спасся, целовал колени своего великодушного врага. Короче, Барнетт обращался с ним так хорошо, что мерзавец заявил, будто это лучший день в его жизни. После десерта и кофе — о, Барнетт во всем знал толк — они отправились на прогулку в лодке. В какой-то момент Барнетт, объясняя своему новому другу, как моряки завязывают некоторые узлы, управляясь спарусами, вынул из кармана веревку и соединил обе руки своего попутчика вот так...

Барбассон небрежно взял руки Кишнаи и скрестил их, как бы демонстрируя свои слова.

— Он быстро обвязал их, — продолжал моряк свой рассказ, — и сделал «мертвый» узел, развязать который невозможно.

И провансалец, опять-таки в качестве примера, связал руки ничего не подозревающего туга.

— Попробуйте сами, легко ли его развязать.

— Верно, — сказал Кишнаия после безуспешных попыток высвободиться. — Трудно придумать более надежный узел. Научите меня потом.

— К вашим услугам. Но подождите конца. Лодка остановилась под деревом возле берега, почти как здесь. Барнетт взял тогда веревку со скользящей петлей, свисавшую с дерева, и накинул ее на шею своему новому другу, вот так...

И Барбассон взял конец веревки с петлей на конце, спрятанной в листве, и набросил ее на шею тугу.

— Что вы делаете? — сказал Кишнайма, начавший пугаться. — Не надо ничего показывать, я пойму и так.

— Подождите конца, — невозмутимо продолжал Барбассон.

— Снимите с меня сначала эту петлю, она может удавить меня при малейшем движении.

— Незачем, не двигайтесь, и вы ничем не рискуете. Дайте мне закончить мою историю... Как только Барнетт приладил как следует петлю, он оттолкнул лодку, и, естественно, его враг оказался повешен, при этом вовсе не подозревая своего близкого конца. Не думаете ли вы, что Барнетт поступил гуманно? Разве лучше было заставить пленника мучиться, пытая его или вынудив присутствовать при подготовке к казни?

— Разумеется, его поведение достойно восхищения, — ответил несчастный Кишнайма, который все еще не хотел понимать. — Но теперь развяжите меня, раз ваша история закончена.

Вместо ответа Барбассон откинулся на планшир шлюпки и расхохотался от всей души. Туг все еще верил, что это просто шутка, но побледнел, словно смерть, и боялся пошевелиться, чтобы не стянуть узел.

— Довольно, — сказал он, — шутка забавная, но она слишком затянулась. Развяжите меня и давайте возвращаться, мы уже наловили достаточно рыбы.

— Тебе не придется ее отведать, Кишнайма, душитель, разбойник, убийца моего бедного Барнетта! — крикнул Барбассон.

Услышав свое имя, Кишнайма страшно вскрикнул. Он понял, что погиб. Но инстинкт самосохранения был так силен в нем, что он напрягся, чтобы не упасть. Была ли у него надежда умиловить Барбассона? Но моряк не оставил ему времени на мольбы.

— Доброго пути, Кишнайма, проклятый душитель женщин и детей, английский шпион, гнусный убийца. Доброго пути, убирайся к черту!

При этих словах на лице туга появилось выражение ужаса. Какие муки, должно быть, пережил он за эти несколько мгновений, поняв, какую допустил неосторожность!

Барбассон положил конец его пытке, оттолкнув лодку от берега. Тело туга повисло над водой.

— Эта смерть еще слишком легка для подобного мерзавца, — сказал провансалец, бросив последний взгляд на тело своей жертвы, которое подергивалось в судорогах.

Ночью во внутренней долине Нухурмура раздались страшные человеческие крики, смешанные с рычанием хищников. Это кричали шесть товарищей Кишнаи, которых по приказу Нана-Сахиба бросили на съедение Нере и Сите, пантерам заклинателя Рама-Модели...

Так окончили свою жизнь последние представители касты тугов в провинции Биджапур, и Нана-Сахиб еще раз спасся от преследования англичан.

Эта последняя попытка властей, едва не увенчавшаяся успехом, во многом повлияла на решение принца покинуть Индию. Думая, что новое восстание — всего лишь выдумка тугов, чтобы проникнуть в Нухурмур, устав от долгого ожидания и однообразной жизни, он пришел к выводу, что рано или поздно измена предаст его в руки англичан, и потому решил покинуть Индию навсегда. Чтобы не отступить от принятого решения, он поклялся душами предков не соглашаться ни на какие просьбы, что бы ни случилось.

Но что произошло в Биджапуре? Не был ли Покоритель джунглей, пообещавший сопровождать его в изгнании, убит тугами перед их отъездом в Нухурмур? Браматма Арджуна боялся этого, теперь он понял, что еще до его прибытия на Малабарский берег Кишнаи со своими сообщниками присвоил себе высшую власть в обществе Духов вод.

Было решено в тот же день отправить послание в Биджапур, а Нана-Сахиб стал готовиться к отъезду. Приняв решение, он мог успокоиться только после его выполнения.

Наступила ночь, все спокойно спали в Нухурмуре, как вдруг слон Ауджали несколько раз закричал так, что всякому, знавшему его привычки, стало ясно, что в горах происходит что-то необычное. Ласковые слова погонщика Сами, даже угрозы не могли его успокоить. Жители пещер, разбуженные шумом, во главе с Нана-Сахибом поднялись на скалу, возвышавшуюся над окрестностями, чтобы обследовать долину в ночную подзорную трубу. Они стали свидетелями странного зрелища, за которым наблюдали с растущим волнением. Три всадника, пригнувшись к шеям лошадей, взбирались на скалы и летели во весь опор к Нухурмуру, а вдали по равнине в том же направлении неслась длинная черная лента, в которой нетрудно было

угадать многочисленный кавалерийский отряд, как видно, преследовавший всадников.

Нана-Сахиб и его спутники не успели обменяться впечатлениями, как трое всадников влетели в пещеры, словно ураган, и, не спешившись, один из них — это был Покоритель джунглей — крикнул:

— Тревога! Тревога! По коням! За нами гонятся три кавалерийских полка: одни отрезают нам дорогу в Гоа, другие загоняют в горы. Мы опередили их всего на десять минут! Тревога! Во имя неба, как можно быстрее! Без разговоров! Иначе мы погибем!..

В Нухурмуре всегда были наготове с полдюжины породистых жеребцов, и через пять минут все были в седле. Барбассон, слишком толстый, чтобы скакать на лошади, поместился в хаудахе Ауджали, который должен был возглавить кавалькаду и увлечь за собой лошадей. На свете не существует лошади, которая могла бы поспорить в скорости со слоном, мчащимся во весь опор.

Только теперь, когда все было готово, обитатели пещер заметили, что одним из всадников была женщина.

— Вперед! И да хранит нас Бог! — звонко крикнул Сердар.

И весь отряд, как один человек, понесся на приступ вершин Нухурмура. Они успели вовремя, ибо на противоположном берегу озера уже показались преследователи.

Через четверть часа Нана и его спутники благодаря выучке лошадей, привыкших к подобным восхождениям, уже были на вершине гор. Трижды прокричав с ликованием «ура», отряд, словно снежная лавина, понесся вниз по противоположному склону в сторону Гоа.

Нана-Сахиб был снова спасен, ибо успевал раньше своих противников добраться до португальских владений, где ему ничто не угрожало.

Что же произошло в Биджапуре?

События развернулись с головокружительной быстротой. Как только полковник Кемпбелл узнал от сына о существовании обширного заговора, подготовленного его зятем, он не колебался ни минуты. Что значат семейные узы, когда речь идет о чести и родине?

Его жена, героическая Диана де Монморен, выпросила у него только один день отсрочки, чтобы спасти брата. «Он спас тебе жизнь, он только что спас Эдуарда, — сказала, уезжая, Диана, — я отплачу ему добром и исполню свой долг, а ты исполняй свой!»

Предупрежденные телеграммами губернатора Бомбея, которому Кемпбелл все рассказал, губернаторы Мадраса,

Лахора, Агры, Калькутты, вице-король, находившийся в то время в Биджапуре, немедленно приняли самые энергичные меры, чтобы задушить восстание в зародыше. Четыре раджи Декана были арестованы вместе со всеми, кого подозревали в причастности к заговору. Пресечь восстание было легко, ибо окончательно еще ничего не было готово.

Узнав о случившемся, Сердар в отчаянии смиренно склонил голову.

— Бог против меня, — сказал он сестре, — быть может, он готовит Индии иную судьбу. Я прекращаю борьбу, но спасу Нана-Сахиба или погибну.

— Я не покину тебя, — ответила храбрая женщина, — пока не уверюсь, что ты в безопасности.

И оба отправились в путь вместе с верным Анандраеном.

Два часа спустя вице-король отправил за ними в погоню всю кавалерию, имевшуюся в его распоряжении.

Через день после описанных событий, когда Нана-Сахиб, Покоритель джунглей и несколько верных им индусов сидели на «Диану», стоявшую на рейде в Гоа и отправлявшуюся в неизвестном направлении, в португальском городе вдруг распространился слух, что сэра Джона Лоуренса нашли убитым в своей постели.

— Какое счастье, что в это время тебя не было в Биджапуре! — воскликнула Диана, прощаясь с братом. — По крайней мере никто не сможет обвинить тебя в этом гнусном преступлении.

— Преступление ли это, Диана? — спросил Покоритель джунглей. — Вспомни о потоках крови, пролитых этим человеком, подумай, сколько несчастья он мог бы еще принести.

— О, Фредерик!

— Диана, правосудие божье не имеет ничего общего с извилистыми путями правосудия людского. Оно карает так и тогда, когда сочтет это необходимым... Прощай!

— Когда я увижу тебя, Фредерик?

— Никогда, Диана! Я не нуждаюсь в обществе, которое разбило мою жизнь и в котором каждый день торжествуют интриги, подлость, малодушие... Прощай, Диана, будь счастлива.

Это были его последние слова.

— Полный вперед! — скомандовал капитан «Дианы».

Изящный маленький корабль отчалил от пристани и, постепенно набирая скорость, направился в открытое море.

Опершись о руку Барбассона, Диана молча плакала на берегу...

— Все равно, — сказал провансалец, сдерживая слезы, — хорошо, черт возьми, что Барнетта здесь нет, с его-то сердцем... Бедняга, он бы слишком страдал!

Прежде чем отплыть во Францию, Барбассон узнал из газет все подробности смерти сэра Джона Лоуренса.

Тщетно пытаясь в течение суток проникнуть во дворец сэра Джона, Утсара и Дислад-Хамед, дойдя в экзальтации почти до безумия, сумели наконец в одну из ночей обмануть стражу и слуг. Попав во дворец Адил-шаха, они бросились по коридору, ведущему в спальню вице-короля. Несчастный спал. В исступлении и ярости убийцы изрезали его на куски. Когда прибежала стража, потерявший рассудок Дислад-Хамед стоял возле трупа на коленях и пил его кровь...

Неделю спустя пакетбот «Донай» уносил наконец Барбассона к славному городу Марселю, который он покинул двадцать пять лет тому назад.

Если вам случится проезжать через Бланкард, станцию по дороге из Марселя в Ниццу, и вы заметите элегантную виллу индо-азиатской архитектуры с куполами и минаретами, увенчанную полумесяцем в честь Пророка, не спрашивайте, кому она принадлежит.

Бывший адмирал флота имама Маската, Барбассон, безутешный друг Боба Барнетта, осуществил наконец свою мечту: он живет здесь, предаваясь воспоминаниям и рыбной ловле. Пусть Магомет, веру в которого он сохранил, будет к нему благосклонен и дарует ему долгую жизнь.

Он все собирается совершить последнее путешествие в Индию, чтобы посетить дорогие для него места. В ожидании он выстроил себе мавзолей, где каждый день совершает омовения и молится, как это предписывает Коран.

Конец

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Часть первая</i> ОЗЕРО ПАНТЕР	5
<i>Часть вторая</i> ДЖУНГЛИ АНУДХАРАПУРА ДОЛИНА ТРУПОВ	79
<i>Часть вторая (продолжение)</i> ЗАКЛИНАТЕЛИ ПАНТЕР ПЕЩЕРЫ НУХУРМУРА	175
<i>Часть третья</i> РАЗВАЛИНЫ ХРАМОВ КАРЛИ	242
<i>Часть четвертая</i> МЕСТЬ ПОКОРИТЕЛЯ ДЖУНГЛЕЙ	273
<i>Часть пятая</i> ТАЙНЫ ПОДЗЕМЕЛИЙ КАРЛИ ВЕЛИКАЯ ПУДЖА ТУГОВ	324
<i>Часть шестая</i> СЛЕДОПЫТ СТОРОЖ БИДЖАПУРА	348
<i>Часть седьмая</i> СМЕРТЬ УОТСОНА КОЛОДЕЦ МОЛЧАНИЯ	391
<i>Часть восьмая</i> ПОКОРИТЕЛЬ ДЖУНГЛЕЙ	430
<i>Часть девятая</i> КОНЕЦ ДОЛГОГО ЗАГОВОРА ОТЪЕЗД НАНЫ ПОСЛЕДНИЕ ПОДВИГИ БАРБАССОНА	496

Сдано в набор 25.03.92. Подписано в печать 27.05.92. Формат 84×108 ¹/₃₂. Бумага типогр. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. п. л. 28,56. Уч.-изд. л. 33,98. Тираж 12000 экз. Заказ 638.

Творческое объединение «Нюанс».
Издательство «Нюанс».
150014, г. Ярославль, ул. Свободы, 56.

Ярославский полиграфкомбинат Министерства печати и информации
Российской Федерации. 150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Поправка

На обороте титульного листа ошибочно указано:

Пер. с французского Е. Киселева.

Следует читать:

Пер. с французского С. Г. ЛОМИДЗЕ

Издательство приносит С. Г. Ломидзе свои извинения за допущенную ошибку.

